УДК 94(47)
ББК 63.3(2)523
Д54

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 15-01-16030д*

Утверждено к печати Научным советом РГАСПИ 21 мая 2015 г.

Составление:
А. В. Репников, доктор исторических наук, профессор,
Б. С. Котов, кандидат исторических наук

Предисловие, комментарии и примечания: *А. В. Репников*

Рецензенты:
А. Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор (РГГУ);
М. И. Одинцов, доктор исторических наук, профессор;
О. А. Шашкова, кандидат исторических наук

Д54 **Дневник Л. А. Тихомирова. 1905–1907 гг.** / сост. А. В. Репников, Б. С. Котов ; [авт. предисл., коммент. и примеч. А. В. Репников]. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 599 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1985-9

Л. А. Тихомиров (1852–1923) – революционер и идеолог «Народной воли», прошел царскую тюрьму, впоследствии стал монархистом, соратником П. А. Столыпина и редактором «Московских ведомостей», закончил жизнь православным мыслителем.

Более 30 лет Тихомиров вел дневник, содержащий анализ основных событий его жизни и мировоззренческой эволюции. Этот уникальный источник позволяет в полной мере раскрыть не только специфику его взглядов, но и показать переломную для России эпоху во всем ее многообразии, противоречивости и трагичности.

В 2008 г. в издательстве РОССПЭН был опубликован дневник Л. А. Тихомирова 1915–1917 гг. Данное издание продолжает проект по публикации архивного наследия мыслителя и приурочено к 110-летию Первой русской революции.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)523

ISBN 978-5-8243-1985-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь и мировоззрение Л.А. Тихомирова (1852–1923) привлекают внимание многих отечественных исследователей[1]. Он был одним из активных участников народнического движения. С 1879 г. являлся членом Исполнительного комитета «Народной воли». После убийства Александра II народовольцами и разгрома партии уехал за границу, где вместе с П.Л. Лавровым редактировал «Вестник Народной воли». В 1888 г. в Париже вышла его брошюра «Почему я перестал быть революционером», в которой критиковался революционный путь развития. Тогда же Тихомиров направил Александру III прошение, в котором выражал раскаяние в своей прежней деятельности и просил разрешения вернуться в Россию, что было ему позволено. В монархической России Тихомиров стал одним из ведущих публицистов консервативного лагеря, а с 1909 по 1913 г. возглавлял газету «Московские ведомости». Его фундаментальный труд «Монархическая государственность», впервые вышедший в 1905 г.[2], был практически забыт в советский период, но затем, начиная с 1992 г., неоднократно переиздавался, выйдя общим тиражом 21 тыс. экз.[3]

В сложной и противоречивой судьбе Тихомирова в полной мере отразились изменения, которые переживала Россия в период от эпохи Ве-

---

[1] Подробнее см.: *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. Анализу монографии посвящен круглый стол, см.: Диалог о книге. «Две жизни Льва Тихомирова» А. Репникова и О. Милевского // Российская история. 2013. № 1. С. 155–179.

[2] См.: *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. Ч. 1–4. М., 1905. Вып. 1. Ч. 1. Происхождение и содержание монархического принципа; Ч. 2. Римско-Византийская государственность. М., 1905; Монархическая государственность. Вып. 2. Ч. 3. Русская государственность. М., 1905; Монархическая государственность. Вып. 3. Ч. 4. Монархическая политика. М., 1905.

[3] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. Российский имперский союз-орден. А/О «Комплект». СПб., 1992. Тир. 10 тыс. экз.; *он же.* Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат»; ТОО «Алир», 1998. Тир. 5 тыс. экз.; *он же.* Монархическая государственность. М.: Издательство «Библиотека Сербского Креста», 2004. Тир. 3 тыс. экз.; *он же.* Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. Тир. 2 тыс. экз.; *он же.* Монархическая государственность / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Тир. 1 тыс. экз.

ликих реформ до становления большевистского режима. Он даже стал одним из героев исторических романов[1].

Рукописные дневники Тихомирова, относящиеся к промежутку времени с 1883 по октябрь 1917 г. хранятся в личном фонде Л.А. Тихомирова, который находится в Государственном архиве Российской Федерации (фонд 634). Всего они составляют 27 единиц хранения. Содержащийся в дневниках материал уникален. Прежде всего он включает в себя значительное количество подробностей жизни и деятельности их автора. Среди персоналий, чьи действия рассматриваются и оцениваются автором дневника, присутствуют государственные и политические деятели: Николай II, К.П. Победоносцев, С.Ю. Витте, В.К. Плеве, П.А. Столыпин и др., деятели русского революционного движения, представители российской консервативной мысли, религиозные философы, церковные иерархи (некоторые из них впоследствии были канонизированы). Со многими из вышеперечисленных государственных, политических и общественных деятелей Тихомиров встречался или хорошо был знаком, что тоже нашло свое отражение на страницах дневника.

Фрагменты из дневника Тихомирова за 1883–1895 гг. печатались в 1927 г.[2], а в начале 1930-х гг. в «Красном архиве» была опубликована часть дневниковых записей, относящихся к периоду Первой русской революции[3]. Комментарии к публикации в «Красном архиве» были минимальными и носили самый общий характер. В тексте были сделаны значительные купюры, зачастую никак не обозначенные. Небрежность видна даже в несовпадении заголовков[4]. Небольшие фрагменты Дневника за 1901, 1905 и 1912–1917 гг. были помещены в 2002 г. в

---

[1] *Давыдов Ю.В.* Глухая пора листопада. М., 1996; *он же*. Бестселлер. М., 2001; *Михайлов О.Н.* Забытый император. М., 1996; *Яковлев А.И.* Корона и крест: Сцены российской церковной жизни конца XIX – начала XX века. М., 2001; *он же*. Корона и крест: Сцены российской церковной жизни конца XIX – начала XX века. 2-е изд., испр. М., 2005; *Поляков А.П.* Великаны сумрака. М., 2011.

[2] Воспоминания Льва Тихомирова / предисл. В.И. Невский, всупит. ст. В.Н. Фигнер. М.; Л., 1927. С. 154–438.

[3] 25 лет назад. Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 20–69; Т. 2. С. 47–75; Т. 3. С. 59–96; Т. 4/5. С. 103–147; Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. М., 1933. Т. 6. С. 82–128; Из дневника Льва Тихомирова (Период столыпинщины) // Красный архив. М., 1935. Т. 5. С. 120–159; Т. 6. С. 170–190; М., 1936. Т. 1. С. 162–191; Т. 2. С. 171–184.

[4] В одних случаях в названии публикации «25 лет назад» в подзаголовке значится – «из дневник*ов*», в других – «из дневник*а*». Наличествуют и другие разночтения, например в одних случаях в названии указано имя «Лев», в других – только инициал «Л»; подзаголовок в одних случаях дается в скобках, а в других – без них и так далее.

сборнике, посвященном юбилею С.В. Фомина[1]. Две публикации, включавшие фрагменты за 1899–1904 гг., были подготовлены Г.Б. Николаевым[2].

В 2008 г. в издательстве «РОССПЭН» вышел в свет дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг., подготовленный к публикации А.В. Репниковым[3]. Издание получило около 20 положительных рецензий и откликов в российских и зарубежных научных журналах: «Исторический архив», «Отечественные архивы», «Вестник архивиста», «Российская история», «Ab imperio», «Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History» и др., периодической печати, интернет-изданиях[4].

В настоящем издании вниманию читателей предлагается полный текст дневника Тихомирова за период Первой русской революции 1905–

---

[1] *Фомин С.В.* Из дневника Л.А. Тихомирова (Москва. 1901, 1905, 1912–1917 гг.) // ...И даны будут Жене два крыла: Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 556–626. К сожалению, при публикации текстов допущен ряд ошибок, что не такая уж редкость, поскольку почерк Тихомирова сложен для расшифровки. Например, вместо слов «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *политиков*, то евреев...» (Там же. С. 593) следует читать: «распространяются слухи о каких-то готовящихся избиениях или погромах то *поляков*, то евреев...» (ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 59) и так далее

[2] *Николаев Г.Б.* Эсхатологический триптих // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 358–296.

[3] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / рук. проекта, сост., предисл., коммент. и примеч. А.В. Репников. М., 2008.

[4] Читаем вместе. Навигатор в мире книг. 2008. № 4. С. 20; *ТИТ* [Рецензия] // Завтра. 2008. № 11. С. 7; Пять книг недели // НГ–Ex Libris. 15 мая 2008. С. 1; *Минаков А.Ю.* Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 109–111; *Мраморнов А.И.* «Захолустный» свидетель уходящей России // URL: http://bogoslov.stack.net/text/311871.html (дата обращения: 20.06.2015); *Иванов А.А.* Революционер и консерватор // Литературная Россия. 2008. № 28. С. 13; *Карнишин В.Ю.* [Рецензия] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. С. 171–173; *Соловьев К.А.* [Рецензия] // Исторический архив. 2008. № 6. С. 212–214; *Степанский А.Д.* [Рецензия] // Российская история. 2009. № 4. С. 191–192; *Мягкова Е.М.* Научное издание дневников Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 1. С. 305–308; *Селезнева Л.В.* [Рецензия] // Ab imperio: исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2010. № 1. С. 284–292; *Хатунцев С.В.* Хроники приближения к Мальстриму // Подъем. 2011. № 3. С. 207–210; *Тесля А.А.* «Прежде я даже воображал, будто я что-то "сделал"» [Рецензия] // URL: http://rummuseum.ru/portal/node/2226 (дата обращения: 20.06.2015); *Loukianov M.N., Suslov M.D.* Defenders of the Motherland or Defenders of the Autocracy? // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 13, No 1 (Winter 2012). P. 226–228. Информация о публикации прозвучала на радиостанции «Свобода», радио «Радонеж», «Народном радио» и в ряде телепередач.

1907 гг., по которому можно детально проследить реакцию автора и его окружения на происходившие события.

В январские дни 1905 г. Тихомиров, проживавший в тот период в Москве, обращает свои критические выпады не только против революционеров, но и против охранителей, утверждая, что «так называемые консерваторы» – это либо глупцы, либо мошенники, которые знают только бюрократию и презирают простой народ. 5 января его посещает С.А. Нилус, рассказавший, что Николай II молится, и Тихомиров задается вопросом, почему же в таком случае Бог не посылает императору помощи? Размышляя, он приходит к выводу, что государь ведет Россию не по тому пути, по которому нужно. Причина в том, что страна колеблется между двумя крайностями – реакцией и революцией, в то время как нужны постепенные, но последовательные эволюционные преобразования и общие (системные) реформы. Эти записи показывают, что Тихомиров, отрицая революционный путь, отнюдь не симпатизировал реакции. Не случайно публицист И.А. Гофштеттер не считал его реакционером, отмечая, что Лев Александрович в своих требованиях свободы шел даже дальше западнических партий[1].

Стремясь обозначить свое место и свою роль в исторических событиях, Тихомиров 5 февраля 1905 г. жаловался А.С. Суворину: «Пятнадцать лет я делал все, что мог. Фальши не сделал ни намеренно, ни невольно. Кое-что успел высказать. На что не имел способов – не моя вина. Единство царя с народом, свобода царя и народа от бюрократии (она же “политиканский слой”). 15 лет старался я проводить эту идею. Ну что же делать? Комар есть комар, и писк его – не громом. И пользы от этого писка нет. Только не обвиняйте же несчастного комара. Он делал что мог»[2]. В этот период Тихомиров готовит к изданию свой фундаментальный труд «Монархическая государственность», в котором проводится разграничение между самодержавной монархией, базирующейся на религиозной идее, и абсолютизмом, утратившим религиозное наполнение и опирающимся на бюрократию. 14 марта Тихомиров записывает в дневник, что именно абсолютистская монархия в России за 10 лет умудрилась сокрушить саму себя и погубить страну. По мере углубления политического кризиса критические высказывания в адрес Николая II встречаются в дневнике все чаще. Он характеризуется как «несчастный царь», который бессилен спасти Россию и всеми своими действиями ведет себя и страну к неизбежной гибели.

---

[1] *Гофштеттер И.А.* [Рецензия] // Новое время. Иллюстрированное приложение к газете. 1905. 12 октября. С. 5–6.

[2] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1928. № 12. С. 65.

Еще одна тема, беспокоящая Тихомирова, – это революционный терроризм. Он подробно останавливается на слухах, связанных с убийством 4 февраля 1905 г. великого князя Сергея Александровича эсером И.П. Каляевым. Негодует, что на погребение убитого из царской семьи почти никто не явился. Вдова убитого, великая княгиня Елисавета Федоровна, посетила убийцу в тюрьме. Тихомиров вклеивает в дневник вырезанную из газеты заметку, в которой сообщается, что вдова вручила Каляеву образок, сказав, что прощает его, после чего убийца якобы разрыдался. П.Г. Курлов тоже сообщал, что встреча произвела на Каляева «потрясающее впечатление, о котором свидетельствует подлинное письмо Каляева к великой княгине, – с содержанием его мне пришлось ознакомиться. В этом письме ярко выражается внутренняя борьба человека, который не мог не почувствовать необычайного духовного величия августейшей супруги своей жертвы, и чувство террориста, как бы оправдывающегося перед своими партийными единомышленниками в невольном проявлении человечности и скрытых где-то в глубине души и не заглушенных окончательно нравственных начал»[1]. В дневнике великой княжны Ксении Александровны 13 февраля фиксируется: «Свой разговор с убийцей она скрывает... Она ему простила и дала образок. Говорят, что он весь день лежит на койке, смотрит на образ и плачет!»[2] Каляев свидетельствовал, что действительно «взял иконку. Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя»[3]. После появления в газетах вышеприведенного сообщения об этой истории Каляев ответил письмом к великой княгине, в котором упрекал ее: «Для меня несомненно, что вы – источник всех сообщений обо мне, ибо кто же бы осмелился передавать содержание нашего разговора с вами, не спросив у вас на то позволения (в газетной передаче оно исковеркано: я не объявлял себя верующим, я не выражал какого-либо раскаянья)?»[4] Писал он и товарищам: «Помилование я бы считал позором... Я перенес довольно острой муки по поводу нелепых слухов о свидании с великой княгиней, которыми меня растравляли в тюрьме»[5]. Интересна реакция Тихомирова, который достаточно высоко оценивал убитого и уважал Елисавету Федоровну. Как только В.А. Грингмут сообщил ему, что убийца вел себя дерзко при разговоре с княгиней и, «конечно, “не

---

[1] Великая княгиня Елисавета Федоровна и император Николай II: Документы и материалы (1884–1909 гг.) / сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009. С. 726.

[2] Там же.

[3] *Савинков Б.В.* И.П. Каляев // Нива. 1917. № 41/43. С. 651.

[4] Там же.

[5] Там же.

разрыдался”», так как все это «официальная постыдная ложь», Лев Александрович поверил именно ему и начал строить версии, что история с раскаянием лишь подготовка почвы к помилованию террориста.

Отношение к революционерам, выраженное в дневнике, крайне негативно. Вместе с тем отмечается, что революция, видимо, единственный возможный путь для страны. Однако революция для Тихомирова — это период «десяти лет резни и насилия», а без монархии в России «лет 10 неизбежна резня» (записи от 14 марта и 22 августа). Читая 29 августа революционные газеты, Тихомиров вспоминает собственную народовольческую молодость. Он отмечает, что большую роль в эскалации революции играет именно молодежь, а значит, революция будет «самая мальчишеская». Реакция же возможна только при крайне жестоких мерах, на что Николай II не пойдет. Выходом может быть реформа, но, во-первых, «людей реформы» очень мало; а во-вторых, Россия еще недостаточно развита для реформы. Следовательно, при невозможности реформы и недостаточности консервативной реакции неизбежна революция. Не находя в революции созидательной идеи, Тихомиров предполагает, что все происходящее — это всего лишь разрушение старого строя, который не успел вовремя произвести реформу и породил тем самым «множество недовольств». В результате разные слои общества объединяют только недовольство и неверие в прочность существующей системы, которую они стремятся разрушить. Но единого мнения о том, что и как именно нужно строить, у них нет. В итоге рассуждения Тихомирова заканчиваются обращением к высшим силам и трактовкой революционных событий как кары Божией.

Попытки В.А. Грингмута — редактора «Московских ведомостей», в которых работал Тихомиров, вовлечь его в деятельность создаваемой «Русской монархической партии»[1] также не находят понимания. Ему не нравится программа, и к тому же он не хочет быть в одной организации с человеком, от которого материально зависит. Отклики о «Русской монархической партии» в дневнике свидетельствуют о том, что Лев Александрович по мере возможности отслеживает ее деятельность и готов был выступить с лекцией или докладом[2]. Хотя генерал А.А. Киреев в письме советует, не раздумывая, присоединяться к «Русской монархической партии», Тихомиров в политику не рвется. Он вообще не слишком верит в то, что партии (даже монархические), а тем более массовые черносотенные организации, спасут Россию. Куда больше его заботит судь-

[1] См.: *Омельянчук И.В.* Русская монархическая партия // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 411–414.

[2] В 1907 г. Грингмут раздумывал над выдвижением Тихомирова от своей партии кандидатом в думские депутаты.

ба собственной книги «Монархическая государственность». Этот труд, объем которого превышает 800 страниц, вышел в четырех частях (первые три в июне–июле 1905 г., четвертая – в августе того же года). В письме к А.С. Суворину от 15 февраля 1905 г. Тихомиров сообщал, что издает «Монархическую государственность» всего в 1 тыс. экземпляров, чтобы понести меньше убытков. Было дополнительно выпущено несколько «именных» экземпляров для рассылки и подношения высокопоставленным особам. Материальную поддержку изданию оказал художник В.М. Васнецов, который также подбирал шрифты к книге. Поначалу книга, несмотря на достаточно высокую цену и внушительный объем, продавалась неплохо даже летом 1905 г., но уже 9 ноября Тихомиров будет жаловаться Суворину, что после волны забастовок продажи «как ножом отрезало» и не продано ни одного экземпляра: «Обидно, что моя “Монархическая государственность” не читается. Время придет, конечно, но тогда, пожалуй, нужно будет строить монархию заново, а это трудно»[1]. Не особо веря в прозорливость современников, Тихомиров писал, надеясь, что его работы найдут достойного читателя в будущем: «Да боюсь, что все это “академический труд”. Наша монархия так разрыхлилась, что Господь один знает, каковы ее судьбы... Главное – в обществе подорвана ее идея, да и “самого” общества-то нет. Все съел чиновник[2]. Система “монополий” и казенных предприятий проводит чиновника и в экономику страны. Ну а на этом пути – монархия может быть только “переходным моментом”. Нужен гений, чтобы поставить Россию на путь истинно монархического развития. Мое сочинение, может быть, могло бы послужить будущей Монархической реставрации. Но для настоящего оно бесполезно. Ни очами не смотрят, ни ушами не слушают. Слишком вгрузли все в бюрократию и абсолютизм»[3].

По мере углубления политического кризиса и разрастания революции обществу было уже не до тихомировского труда. Он, как впоследствии верно отметит историк В.Н. Костылев, пытался компенсировать невнимание к книге в массах ее пропагандой

---

[1] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 67. Впрочем, на книгу были и восторженные отзывы, например один из консервативных сановников П.Н. Семенов в своей корреспонденции на имя Тихомирова от 19 июня 1905 г. заявлял, что «по глубине мысли [книге. – *А.Р.*] нет... равной в русской литературе» // ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 118. Л. 5 об.

[2] Ср. с рассуждениями немецкого мыслителя: *Шпенглер О.* Закат Западного мира: Очерки морфологии мировой истории. М., 2010. С. 968–969; *он же.* Воссоздание Германского рейха. СПб., 2015. С. 39–55.

[3] ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 12. Л. 82–83.

и распространением в высших сферах[1]. Так, 9 сентября все части «Монархической государственности» были посланы Тихомировым в Германию, императору Вильгельму II, с письмом на французском языке. Тихомиров сетовал, что Вильгельм не знает по-русски, полагая, что он более всех монархов Европы мог бы заинтересоваться этим трудом. Неизвестно, как воспринял Вильгельм II книгу Тихомирова, но зато она нашла своих приверженцев при дворе Николая II. Осенью 1905 г. при посредничестве А.А. Киреева великий князь Константин Константинович передал ее монарху. Чуть позже, в феврале 1906 г., Киреев обратился к министру двора В.Б. Фредериксу с просьбой исходатайствовать Тихомирову знак монаршего внимания за поднесенный императору труд «Монархическая государственность». Вследствие этого прошения было «Высочайше повелено» выдать Тихомирову подарок ценою около 200 рублей. Заказ выполняла фирма Фаберже[2]. В результате Тихомиров был удостоен «Всемилостивейшего пожалования» – серебряной чернильницы «Empire» с изображением государственного герба[3].

Заботясь о просвещении Николая II собственными сочинениями, Тихомиров вместе с тем не переставал критиковать его в дневнике. Так, 18 сентября 1905 г. он записывает частную информацию мичмана Нольде о плавании императора на «Полярной Звезде». В то время как в стране кризис, государь играет со своими детьми, плавает с одной из царевен гулять на необитаемый остров, охотится на куропаток и зайцев с адмиралом А.А. Бирилевым, наслаждается фейерверками. Тихомиров искренне не понимает, как

---

[1] *Костылев В.Н.* Лев Тихомиров на службе царизма (Из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX – начале XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 222.

[2] Интересно было бы попытаться проследить судьбу этого дорогого подарка – остался ли он у Тихомирова, или хозяин расстался с ним в период войн и революций.

[3] В 1907 г. В.Л. Бурцев писал С.В. Зубатову о Тихомирове, упоминая этот подарок: «Я нашел в нем “православного” человека (православнее всех митрополитов вместе взятых), убежденного монархиста (более убежденного, чем Дубровин и весь его союз русского народа, – Николай II недаром ему дал чернильницу), врага революционеров и особенно народовольцев» // *Козьмин Б.П.* Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 79. В своей книге Бурцев вспоминал, что бывал у Тихомирова-монархиста в гостях по приезду в Москву несколько раз и тот «поразил меня и своей религиозностью и своим ханжеством. За едой он крестился чуть ли не при каждом куске, который клал в рот... Эти свидания с Тихомировым произвели на меня очень сильное впечатление, как свидания с человеком когда-то близким, а в то время жившим в совершенно чуждом для меня мире» // *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами. М., 1991. С. 52.

можно быть веселым в такое трудное время, объясняя это тем, что государь не находит сложившегося положения опасным, что «ужаснее всего». При сравнении записей Тихомирова с дневником Николая II видно, что император действительно был занят отдыхом. 4 сентября он записывает о начале плавания на «Полярной Звезде»[1]. На следующий день следует запись: «В 9 $^1/_2$ съехали с детьми на маленький остров, где стоит часовня и устроено кладбище матросов. Погуляли полтора часа... В 2 $^1/_4$ съехали на большой остров, где была импровизированная охота. Очень забавлялись! ...В первом загоне я убил тетерку, во втором Бирилев – лисицу и зайца... Вернулись на яхту в 5 $^1/_2$ час»[2]. 6, 7 и 9 сентября в дневнике Николая II следуют записи о новых охотничьих успехах, а 9 сентября: «До обеда был устроен фейерверк»[3]. Таким образом, информация о времяпровождении императора, зафиксированная Тихомировым и вызвавшая его недоумение, была достаточно точной, вплоть до охотничьих трофеев. Характерна и запись от 28 октября, в которой Николай II назван монархистом Тихомировым орудием «гнева Божия» для «погубления России».

Помимо переживаний за судьбу России Тихомиров волновался и за своих близких. Его сын Александр в этот период учился в Сергиевом Посаде в Московской духовной академии. Происходящие там волнения[4] отразились на страницах дневника. Интересно письмо Александра от 6 октября, в котором тот сообщает, что в академии процветает безделье и пьянство, а вместо лекций поют революционные песни. Сообщает он и о том, что однофамилец Льва Александровича, профессор академии Павел Васильевич Тихомиров, преподававший философию, напился вместе со студентами, заявив им, что Марсельеза и революционные песни превыше философии, после чего студенты бросились его качать. Правда, уже 20 сентября 1906 г. профессор будет уволен из академии решением Синода. Однако поводом будут не его радикальные взгляды, а конфликт с преподавателем В.Н. Мышцыным (также уволенным), ухаживавшим за женой П.В. Тихомирова[5].

---

[1] Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2013. Т. II. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 57.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 58.

[4] См.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX века. По материалам архивов, мемуаров и публикаций. М., 1999; *Волков С.А.* Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма / публикация, вступит. ст. и примеч. А.Л. Никитина. М., 2000.

[5] См.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материа-

В Москве ситуация накалялась. 22 сентября революционно настроенная толпа атаковала «Московские ведомости», разбила камнями окна типографии и заставила прекратить работу. Под воздействием этих событий Тихомиров опять начинает рассуждать о ситуации в стране. 9 октября Тихомиров фиксирует, что он невольно начинает желать скорейшего наступления революции, которая смела бы всю «мерзостную дрянь». Даже поносимый им С.Ю. Витте кажется сильной личностью, на которого возлагается надежда на стабилизацию ситуации.

Вооруженное восстание в Москве, кровопролитные бои, столкновения революционеров и черносотенцев – все это отражено на страницах дневника. 9 ноября в письме к А.С. Суворину Тихомиров писал о реакции на Манифест 17 октября в Москве: «Господи праведный, что только переживаешь... Я, конечно, не мог не знать, что *свобода* – кушанье не по желудку свободолюбивых россиян. Но признаюсь, даже не представлял себе, чтобы они до *такой* степени были неспособны к свободе, до такой степени преданы культу кулака и одного кулака, насилия и исключительно насилия "без различия политических убеждений", так сказать. И с таким характером, с такой степенью уважения к праву и личности – мы остались без правительства. Это ужасно... Что будет? По здравому смыслу ничего, кроме резни, не может быть. Ну, а после резни? Что мыслимо представить кроме кулака чьего-нибудь?»[1]

19 ноября революционная толпа опять ворвалась в типографию «Московских ведомостей», заставив прекратить работу, но подоспела полиция. Тихомиров невольно задумывается о возможности собственной гибели от рук толпы и 20 октября фиксирует, что присутствует и при смерти старого порядка, и при своей собственной гибели (тогда он, разумеется, не знал, что проживет до 1923 г.). На фоне явно выраженной сумятицы властей Тихомиров готов признать дисциплинированность революционеров. Наблюдая за порядком в процессии во время похорон Н.Э. Баумана, он записывает, что если революционеры умеют сохранять порядок, то можно ручаться, что они захватят и власть. Черносотенцы, вышедшие на улицы, его не прельщают, и он замечает, что, вероятно, если «черную сотню» покормить, то она пристанет к революционерам. И «красные», и «трехцветные» ему одинаково чужды. Он отмечает их общую склонность решать все проблемы насилием; с опаской фиксируя, что население Москвы усиленно раскупает оружие и готовится к продолжению противостояния. «Язык улицы» пугает Тихомирова. В этот переломный момент

лам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999. С. 95.

[1] *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 66.

для консервативных сил Тихомиров словно выпал из обоймы активных борцов против «крамолы». Историк С.В. Чесноков верно отмечает: «Тихомирову свойственны все черты интеллигенции как особой социальной группы: и сильные, и слабые. Постоянное самообразование, стремление изменить окружающую жизнь к лучшему, способность на поступок сочетаются в его характере с нерешительностью и безвольностью»[1].

Не радует Тихомирова и православная церковь. Информация от сына Александра о том, что происходит в Московской духовной академии, накладывается на собственные тяжкие думы, и 25 октября Тихомиров констатирует, что «церковь разлагается». Он пытается сравнить события 1905 г. и прошлые смуты в истории России и приходит к выводу, что раньше люди были более самостоятельными в хозяйственном отношении, а теперь человек ничего не может сделать без общественной организации, и если она распадается, то каждый становится беспомощен. В результате он мечтает о любом «устроении», которое привело бы к стабилизации. Однако вместо устроения в Москве идут бои, и 10 декабря он отмечает, что революционеры держатся молодцами, обнаруживают большую стойкость, а их организация в ходе боев столь же превосходна, сколько «глупа организация правительства».

Провожая 1905 год, Тихомиров отмечал: «Не хорош был год. Еще хуже предшественника. Чуть не все бедствия, какие только возможно, обрушил на Россию и посеял для будущего множество семян еще худших бедствий. А хорошие события? Очень мало. Может быть, *страдание*, которое вразумляет. Зародыши учреждений... которыми однако можно воспользоваться и на спасение свое, но и на гибель... Как воспользуются русские? Бог ведает. А если не вразумятся, то 1906 год – должен быть еще ужаснее этого. Что Господь даст. *Лично* и на мне отразилось немало общих бедствий, и вот перед лицом Нового года – я совершенно не знаю – что меня ждет: жизнь, смерть, нищета? Никаких указаний ни на что хорошее, и много указаний на бедствия. Одна надежда на Бога. Нет надежд на *людей*, нет таких людей, на которых я мог бы надеяться» (с. 190–191 настоящего издания).

Первая же запись в январе 1906 г. начинается с сетований. Будничная суета в праздничную январскую неделю захлестывает Льва Александровича. Будучи осужденным и не оправданным официально по процессу 193-х народников-пропагандистов, он не имеет «ни прав избирателя, ни права редакторства». Ко всему прочему в «Московских ведомостях», где

[1] *Чесноков С.В.* Л.А. Тихомиров и П.А. Флоренский в контексте исторического развития России // Энтелехия. 2005. № 10. С. 28.

он работает, у него сокращают значительную сумму в год, и «будет еще меньше передовых».

30 января к Тихомирову приходит в гости предварительно договорившийся о встрече известный революционер В.Л. Бурцев. Цель визита – поиск информации для «Былого» с целью публикации материалов по народническому движению 1879–1882 гг. Интересно, что Тихомиров одобрил эту идею: «Что же? Дело полезное. Все же немаловажная страница истории. Только *мне* некогда этим заниматься, да притом – если важен и возможен сбор материала, то очень трудно его *опубликование*... Впрочем, в мелочах не отказываю в содействии» (с. 203 настоящего издания).

Бурцев охотно пошел на контакт и при встрече рассказал о старых товарищах, выпущенных из Шлиссельбурга. Так, через Бурцева Тихомиров устанавливает связи со «Шлиссельбургским комитетом». Хотя он и не стремится к личным контактам, но готов оказать финансовую помощь народовольцам, вышедшим по амнистии. Интересен текст отпечатанного на пишущей машинке письма Тихомирова на имя Бурцева от 30 марта 1906 г., вклеенный Львом Александровичем в дневник. Осуждая сам принцип революции, он выражает готовность помочь М.Ф. Фроленко и М.Р. Попову. Казалось бы, странный поступок для человека, порвавшего с революцией и имевшего положение «около власти», но «шлиссельбуржцы» были людьми, с которыми связана его революционная молодость и которых он уважал!

Власть не внушает Тихомирову доверия[1]. 15 февраля 1906 г. он пишет А.С. Суворину: «Насчет талантов у нас, конечно, оскудение большое. Но сказать правду – плохие песни соловью в когтях у кошки. Талант требует свободы. Тут дело не в начальстве, а несравненно худшем гнете. Вообще это сложный вопрос. Я думаю даже, что таланты есть, но им не охота выступать. Уж очень все мерзко, глупо, а главное – мы, русские в полном *рабстве*, везде и на каждом месте. Оскорбительно и противно»[2]. У Тихомирова все чаще встречаются записи, свидетельствующие о желании уйти в кабинетную работу. Однако, вопреки мизантропическому настрою, именно в 1906 г. происходит активизация его участия в общественно-политической жизни. 11 апреля он выступает на Всероссийском съезде русских людей, проходившем в Москве, с докладом «О причинах победы конституционалистов над монархистами». Однако те, чье мнение было значимо для Тихомирова, не пришли его слушать, и он сету-

---

[1] См.: *Репников А.В.* Лев Александрович Тихомиров // Отечественная история. 2008. № 2. С. 146–160; *он же.* Лев Александрович Тихомиров // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 20–32; *он же.* «Человек благонамеренный»? Лев Тихомиров в поисках себя // Родина. 2013. № 7. С. 86–88.

[2] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 4234. Л. 43.

ет: «Но мне грустно. Именно те, которые, казалось бы, могли понимать, отсутствовали... Это такая *проба* им, печальная проба. Мой доклад *мог* быть и хорош и плох... Но по теме его чуткий человек непременно должен был придти» (с. 232 настоящего издания).

По просьбе Н.А. Павлова, сотрудника «Московских ведомостей» и «Гражданина», близкого к дворцовым кругам, Тихомиров составляет проект тронной речи для Николая II при открытии Думы, сделав упор на незыблемости самодержавной власти и подчеркивая от имени монарха: «Даруя подданным права и вольности гражданские и политические, я [монарх. – *А.Р.*] остаюсь тою же верховною, самодержавной, неограниченной властью, какую унаследовал от предков и какую передам потомкам моим. Во имя этой власти я дал моим подданным права и призвал вас в Государственную думу, где вы должны служить не партиям, а мне и отечеству, со мною неразделимому» (см. с. 238 настоящего издания).

К сильнейшему разочарованию и огорчению Тихомирова, предложенный им проект не был утвержден, что он прокомментировал 28 апреля в дневнике: «Тронная речь императора довольно бледна, и, во всяком случае, не имеет ничего общего с набросанным мною образцом. Новое доказательство, что господа консерваторы только суетятся в СПб, но никакой силы и влияния не имеют» (с. 242 настоящего издания).

События, связанные с роспуском Думы, и назначение премьером П.А. Столыпина породили надежду на то, что на политическом олимпе России появилась сильная фигура. Тихомирову и Столыпину суждено начать сотрудничество[1]. История сближения Тихомирова и Столыпина берет свое начало в 1906 г. Анализируя революционные события, Тихомиров выступил с серией работ на эту тему. Объясняя свою позицию, он писал, что является сторонником восстановления самодержавной монархии, но не прежнего, «абсолютистского», а нового, «идеального», толка[2]. Будущее России он связывал с появлением во властных структурах новых людей. Роспуск Первой Государственной думы и назначение Столыпина премьером вселили надежду. В письме А.С. Суворину от 24 сентября 1906 г. он отмечал: «Надо бы мне когда-нибудь повидать П. Столыпина. Все,

---

[1] См.: *Милевский О.А., Репников А.В.* «Я верю в Россию...». Тихомиров и Столыпин: надежды и разочарования // Родина. 2012. № 4. С. 24–28; *они же*. Лев Тихомиров: «...Я был “Столыпинцем”» // Проблемы системного реформирования России (к 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина): Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции (г. Пенза, 2012 г.). Пенза, 2012. С. 73–92.

[2] См.: *Тихомиров Л.А.* По поводу полемики г-на Меньшикова // Он же. Христианское государство и внешняя политика. М., 2012. С. 625–626.

что слышу, рисует у него редкое качество – *волю*, но каковы его *цели*, думаю, никто не знает, а может быть, он и сам не определил вполне. Брат его – ваш сотрудник, преталантливый [слово вымарано. – *А.Р.*] пустомеля, но талант должно быть – развивающийся»[1]. Программа преобразований, выдвинутая Столыпиным, заинтересовала Тихомирова, и ему также показалось символичным, что чтение им в присутствии ряда лиц из Государственного совета и Государственной думы 4 июня 1907 г. в «Клубе умеренных и правых» доклада «О недостатках конституции 1906 года» совпало с третьеиюньским переворотом. В этот день А.А. Киреев зафиксировал в дневнике: «Вечернее заседание в клубе. Тихомиров делает интересный доклад о нашем политическом положении. Указывает на незаконность всего нашего строя, основанного ведь на хартии избрания на царство Михаила Федоровича в 1613 году. В акте избрания указано, чтобы Михаил царствовал по старине. Самодержавие с совещательным Собором»[2]. Граф Д.А. Олсуфьев, лично знавший Тихомирова, представил гранки его доклада Столыпину. Ознакомившись с текстом, Столыпин выслал автору письмо (получено 17 августа), предложив «потолковать», если случится быть в Петербурге. Тихомиров ответил срочной телеграммой и уже 21 августа был принят Столыпиным.

Интерес Петра Аркадьевича к публицисту был не случаен, поскольку в работе «О недостатках конституции 1906 года» Тихомиров анализировал совокупность манифестов и указов, изданных в 1905–1906 гг. и объединенных в некое подобие «конституции», находя там ряд мест, не имеющих ничего общего с самодержавным принципом правления. Он писал, что «основная черта конституции 1906 года составляет совершенно произвольное измышление составителей, и они дали России такой строй, основа которого не истекает ни из какой законной учредительной Воли страны. Отсюда является совершенно неизбежно новое зло: *отсутствие авторитета и прочности того строя, который закон объявляет обязательным для страны*»[3]. Причину этого Тихомиров усматривал в том, что изменение верховной власти, предпринятое устроителями данной «конституции», не имело учредительных полномочий ни от народа, ни от самой верховной власти, то есть самодержца. На ее непрочность, по мнению автора, указывал тот факт, что «царь, ею якобы ограничиваемый, на самом деле, как только пожелал, сделал все, что считал нужным, без всякого внимания к этим “ограничениям”, и кто же против

[1] РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4234. Л. 52 об.

[2] *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910 / сост., вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьева. М., 2010. С. 208.

[3] *Тихомиров Л.А.* Апология веры и монархии. М., 1999. С. 150–151.

этого возразил?»[1] Вывод был таким: «Конституция 1906 года... наносит России только разрушительные удары»[2]. Заинтересовали Столыпина и публикации Тихомирова по социально-экономической проблематике и рабочему вопросу. Наконец, он видел в нем не только своего сторонника, но и бывшего народовольца, обладавшего знанием революционной среды «изнутри».

Приватная встреча, состоявшаяся в Петербурге 21 августа 1907 г., усилила взаимные симпатии. 23 августа Тихомиров фиксирует: «Столыпин Петр Аркадьевич был *очень* любезен и дружественен. Он прекрасно изучил брошюру [“О недостатках конституции 1906 года”. – *А.Р.*]. Говорили обо всем на свете. Оставил ему Записку “О способах улучшения наших законов”» (с. 373 настоящего издания). По возвращении в Москву Тихомиров отправляет в качестве подарка Столыпину свою книгу «Монархическая государственность» с приложением письма о статьях 11 и 87 конституции. Далее события развиваются стремительно. В письме от 29 августа (получено 31 августа) Столыпин пригласил Тихомирова в Петербург, предложив место (поначалу вне штата) в Главном управлении по делам печати с окладом в 6 тысяч рублей в год. Тихомиров колебался, поделившись со Столыпиным сомнениями, и премьер 4 сентября 1907 г. объяснил ему ситуацию.

Тихомиров решает принять предложение, однако планам переезда едва не помешала смерть 28 сентября 1907 г. редактора-издателя «Московских ведомостей» В.А. Грингмута. У Тихомирова появилась возможность получить в свои руки издание газеты, и Столыпин понял бы его, более того, помог бы ему в этом. После размышлений Тихомиров выбирает Петербург. Сыграла роль харизма Столыпина. Тихомиров поверил в его «политическую звезду» и рассчитывал в паре с ним осуществить свои проекты реорганизации самодержавной политики. В октябре 1907 г. семейство Тихомировых перебирается в Северную Пальмиру, но попасть в Петербург еще не значило «покорить» столицу!

Главная обязанность Тихомирова состояла в том, чтобы высказывать свои соображения и давать рекомендации по рабочему вопросу непосредственно премьеру. 24 октября 1907 г. Тихомиров был принят Столыпиным, показавшим ему множество бумаг по профессиональной организации рабочих. Тихомиров сделал разбор материала в ряде записок для Столыпина и в серии брошюр. Первое и наиболее интересное письмо Тихомирова Столыпину датировано 31 октября 1907 г. Поводом послужила серия статей, напечатанных в газете «Россия» с 10 июля по 12 ок-

---

[1] Там же. С. 152.

[2] Там же. С. 167.

тября 1907 г. под общим названием «Профессиональные союзы и политическая борьба». Тихомиров сделал экспертную оценку современной рабочей политики в европейских государствах. Оценивая публикации в «России», он отмечал, что в общем виде они дают правильную (хотя и не без пробелов) статистику рабочего движения. В качестве пропусков указал на то, что не освещено движение французских «желтых» рабочих организаций (тихомировские публикации по данному вопросу появились на страницах «Московских ведомостей» в 1902–1903 гг.)[1]. Он полагал, что, германские христианские союзы рабочих в публикациях «России» тоже оставлены без внимания. Главным же недостатком вышеприведенных статей он считал «отсутствие всяких выводов и даже отсутствие всякой определенной точки зрения для оценки рабочего социального движения. Автор его только боится (что отчасти правильно), но что с ним делать – колеблется»[2]. Тихомиров предлагал свой подход к устроению рабочих организаций, обращая внимание на то, что, когда общая политика находится «в упадке и хаосе», нечего думать о решении такой проблемы, как рабочий вопрос. Пока не будет ясной и твердой государственной политики, не подлежащей никаким перетолкованиям, успешность частных мер невозможна.

Тихомиров почувствовал себя востребованным, поверив, что вместе со Столыпиным сможет вращать колесо истории, а внимание, уделяемое Столыпиным рабочему вопросу, убеждало, что в данном направлении его деятельность способна повлиять и на формирование внутриполитического курса правительства. Вместе с письмом от 31 октября он посылает Столыпину написанные ранее работы, затрагивающие положение рабочего сословия. Интересен отклик Тихомирова на записку чиновника особых поручений МВД М.И. Блажчука «О профессиональном движении в империи». В задачу Блажчука входило обобщение и анализ данных о развитии профсоюзного движения в России на основе «Временных правил» от 4 марта 1906 г. и выработка соображений о необходимых изменениях при создании постоянного закона об обществах и союзах. Этот доклад и представленный готовый законопроект по просьбе Столыпина стали объектом анализа Тихомирова. Записка Блажчука, по мнению Тихомирова, заслуживала троякой оценки: 1) все, обрисовывающее грозную опасность, представляемую обществами в руках революционеров, заслуживает величайшего внимания; 2) критика закона 4 марта 1906 г. содержит некоторые очень ценные указания, но в общей целостности способ-

[1] См.: *Тихомиров Л.А.* «Желтая» рабочая партия // Московские ведомости. 1902. № 85; *он же*. «Красное» и «Желтое» во Франции // Московские ведомости. 1903. № 28.

[2] Цит. по: *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 114.

на вызвать и возражения; 3) сам проект нового закона следует признать совершенно неприемлемым, за исключением некоторых частностей. Во многом соглашаясь с автором Записки, Тихомиров, тем не менее, критиковал проект за попытку слишком решительного изменения «мягких правил» от 4 марта 1906 г. Недостатком законопроекта Тихомиров считал то, что Блажчук предлагал «закон об общественных нуждах, руководствуясь только полицейскими соображениями»[1]. Отвергая этот подход, Тихомиров предлагал свой вариант решения проблемы, изложенный в заключительной части заметок под названием «Общие соображения о желательной постановке отношений власти к движению профессиональному и движению революционному». Он исходил из того, что об организации рабочих еще много лет назад никто, кроме революционеров, не думал. Когда разразилась революция, потребность вывести действия революционеров из нелегальности вызвал закон от 4 марта 1906 г. После того как революционеры показали, что легальностью можно воспользоваться лучше, чем нелегальностью, возникают новые проекты с названием о «профсоюзных организациях» или «обществах», а в действительности – о способах борьбы с революционерами в среде рабочих. Свой вывод Тихомиров заключал словами: «В отношении рабочей организации "директиву" дает революция»[2].

Профессиональное движение, считал он, не только не революционное, но, напротив, антиреволюционное, а непродуманные действия властей привели к тому, что революционеры черпают свои силы из среды профессиональных рабочих союзов. Выход он усматривал в том, чтобы вместо новых полицейских мер, создать в стране «*уверенность в невозможности насильственных переворотов для того, чтобы разумная часть рабочих могла сдерживать революционные порывы молодежи и неустойчивой части рабочих, направляя развитие всего класса по пути мирного развития*»[3]. Это должно было выразиться в изменении «Основных законов» 1906 г. Таким образом, он полагал необходимым подготовку контрпереворота с целью утвердить в народе следующую мысль: «Все сделано волей Верховной власти и ничего не может быть сделано волей революции»[4]. Отвергая проект Блажчука, Тихомиров предлагал свой под названием «Положение о рабочих обществах», оказавшийся объемным и включавший в себя 33 статьи.

Предложения Льва Александровича, направленные на улучшение положения рабочих как сословия, оказались востребованным не полностью, и винить за это Столыпина, как делал в дневнике Тихомиров, нель-

[1] Там же. С. 116.
[2] Там же. С. 117.
[3] Там же. С. 118.
[4] Там же. С. 119.

зя. Премьер действовал в «рамках возможного», а Тихомиров оставался политическим идеалистом, верившим, что сильная личность с положительной программой преобразований способна многое изменить. При оценке эмоциональных и не всегда лестных для премьера дневниковых записей Тихомирова нужно учитывать, что Тихомиров представлял собой тип до мистицизма религиозного человека, склонного к провиденциализму. Совпадение его доклада, выхода в свет брошюры «О недостатках конституции 1906 года» и третьеиюньского переворота на некоторое время заставило его поверить в *особое* предназначение Столыпина и его самого.

Далекий от жизни политической элиты, Тихомиров со своими взглядами на роль личности в истории в личных беседах с премьером настаивал на осуществлении преобразований *всей* политической системы России через волевое усилие, не считаясь со сложившимися реалиями. Пребывая в убеждении, что страну спасет сильная личность при царе (вождь, лидер)[1], Тихомиров уверовал, что эта миссия предназначена Столыпину, и примерял на него роль русского Бисмарка, не желая понимать, что премьер тоже был частью системы и не мог не учитывать политические реалии. Государственный деятель, опытный чиновник и умелый руководитель, Столыпин вызывал у Тихомирова, по сути бывшего теоретиком, а не практиком – государственным деятелем, непонимание. Это были разные

[1] Сравните с рассуждениями В.В. Шульгина: «Старый режим пал не почему иному, как потому, что мы уже не могли быть властителями!.. Причина простая: греческое слово “abulia”... Это значит – отсутствие воли... атрофировалась воля. Что такое знаменитая русская застенчивость? Это и есть отсутствие воли... Волевой человек не может быть застенчивым. Волевой человек постоянно принимает решения... Постоянно... В каждую данную минуту... сказать слово... вмешаться... потребовать... настоять на своем... А застенчивый – жмется под стенку... Застенчивость очень легко совмещается с героизмом. Я много видел таких, которые были удивительны под пулеметами и крайне робкими в обращении с людьми... Много таких русских, которые герои в смертельном бою, а в обыкновенной жизни – подстеночники... Государь наш был болен тем же. Он умер героически... Он был непреклонен в основном, там, где требовался героизм. В Его решении не покориться немцам. И это Он запечатлел героической смертью. Но в обыденной жизни... Разве все не знают, что Он никогда никому не сказал неприятности в глаза... Он был застенчив. Он не мог раскричаться, рассердиться, заставить дрожать перед собой. Он был *застенчив на троне*. Это его и погубило. А с ним и нас... И мы такие же, как наш Государь. Умирать? Сколько угодно! Но без всякой церемонии убрать от государственного дела такого-то, не обращая внимания на то, что он “наш милейший и симпатичнейший”, – на это мы не способны. Властители – иные. Они ступают по людям... Они побеждают. А мы? Мы умираем...», см.: *Шульгин В.В.* 1921 год // Континент. 2002. № 114. С. 279. Подробнее см.: *Репников А.В.* «Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вожак» (Василий Шульгин о специфике российской монархии) // Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура: Материалы конференции: Кострома, 25–26 марта 2010 г., Кострома, 2010. С. 39–49.

люди, но они нуждались друг в друге, а при их общении возникала «творческая искра». Кажущуюся медлительность Столыпина Тихомиров приписывал его нежеланию что-либо радикально менять и мучился сомнениями.

Исследователи не раз задавались вопросом о причинах пессимистического мировосприятия Льва Александровича. Что это? Особенности характера, влияние общего исторического контекста или неудовлетворенное честолюбие? А может быть, скорбь Кассандры, предсказывающей мировые потрясения, но не услышанной недальновидными современниками? Предположу, что здесь сказалась общая тенденция, свойственная русским консерваторам конца XIX – начала XX в., которые одними из первых стали задумываться о «цене прогресса» и побочных последствиях модернизации[1]. Это было свойственно не только консерваторам, о чем, например, можно узнать из работы М.А. Энгельгардта[2] или прочесть у А.А. Блока в «Возмездии», где тревожным набатом звучит: «Мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной. Был человек – и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка... Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал; могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса»[3]. Интересно проследить, допускала ли в переходный период рубежа веков позиция консервативных мыслителей веру в возможность торжества исповедуемых ими принципов в реальной историко-политической перспективе. Становление капитализма повлекло не только взлет промышленности, но и социальные проблемы. Война с Японией, а затем и Первая мировая война показали, что начавшийся XX век принес с собой новые испытания и еще более многочисленные жертвы. А если ожидания оказались напрасным, то может ли даже самое мудрое правительство противостоять духу времени?

Читатели и рецензенты[4] опубликованного ранее дневника Тихомирова 1915–1917 гг. отмечали, что у него в критических пассажах в адрес правительства присутствуют и личные моменты. Он недоволен тем, что власть не обращает внимания на его советы, в то время как он искренне желает

---

[1] См.: *Репников А.В.* Будущее России в концепциях русских консерваторов начала XX века // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 48–53; *он же.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

[2] См.: *Энгельгардт М.А.* Прогресс как эволюция жестокости. Новосибирск, 2006.

[3] *Блок А.А.* Избранное. Стихотворения и поэмы. М., 1973. С. 395.

[4] А.Д. Степанский, В.В. Зверев, Е.М. Мягкова, А.А. Тесля, В.М. Шевырин и др.

ей помочь. Еще в 1888 г., покидая революционный лагерь, он жаловался О.А. Новиковой: «Но вот – поди же! Они “не доверяют”... Заметьте, что если бы я просился в шпионы, меня бы сейчас же пустили. Переход в шпионы – понимается, а честное убеждение в нелепости революционных идей – нет! Меня это сокрушает. Мои идеи, конечно, от этого не меняются, не меняется и поведение. Напротив. Чем слабее что-либо вокруг правительства, тем обязательнее для каждого человека становиться вокруг него, приносить ему свои силы. Но тяжело видеть это, и особенно когда – руки связаны, и не можешь ничем помочь»[1]. Реальная политика, в которой неизбежна жестокая борьба, хитросплетения интриг, взлеты и поражения, далеко не всегда нравственные поступки и прочее, была далека от Тихомирова. Его, человека с не изжитым до конца идеализмом, использовали как умственную силу, но одновременно держали в стороне, отведя ему небольшое «поле деятельности». Примечательна в этом плане реакция П.А. Столыпина на письмо Тихомирова к нему, призывающее начать незамедлительную работу по изменению законов 1906 г. как неудачных и опасных, по мнению Льва Александровича, для судеб российской государственности. На этом письме премьер сделал симптоматичную пометку: «*Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции*»[2].

Трудясь в Предсоборном Присутствии, сотрудничая с С.В. Зубатовым, а впоследствии возглавив «Московские ведомости», Тихомиров все же был далек от реальных рычагов власти, отвечая не за министерство, армию и тем более страну, а всего лишь за свою газету. Это, конечно, тоже требовало постоянного труда и не только публицистического, но и организаторского. Но так ли уж неправы были различные люди, от В.А. Грингмута до П.А. Столыпина, которые поддерживали Тихомирова, давали ему возможность занимать свою нишу, но при этом ограничивали его в стремлении воздействовать на власть? Если толковать это с точки зрения народной мудрости, вспомним пословицу: «Бодливой корове Бог рогов не дает». Тихомиров предлагал пересмотреть «Основные законы», планировал

---

[1] *Репников А.В.* Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 108–109.

[2] *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика // сост., предисл., коммент., прилож. С.М. Сергеева; подготовка текста С.М. Сергеева, А.В. Ефремова. М., 1999. С. 365.

церковные преобразования, разрабатывал проекты рабочих реформ, но при этом он не учитывал изменившейся политической ситуации в стране и обижался на прохладное отношение властей к его проектам. Было в этой обиде и что-то психологически-личное, почти «детское»[1]. Интересно в связи с этим более позднее по хронологии мнение С.Н. Дурылина. 28 апреля 1918 г. он описал, как представил Тихомирову А.С. Глинку-Волжского: «В[олжский]: “Я давно вас знал и уважал!” Т[ихомиров]: “Вот это редко – знают-то меня многие, а уважающих едва $^{1}/_{10}$-ая”. И с такой это болью! Старый седой ребенок»[2].

В период революции 1905–1907 гг. Тихомиров неоднократно возвращался к мысли, что, до того как наступит обновление, Россия переживет период «резни» и грандиозную катастрофу. «В конце концов, от всех надежд остался только чад потухших плошек да убеждение, что правительство ничего доброго не умеет ни понять, ни совершить»[3].

* * *

Текст дневника публикуется без сокращений. При подготовке к публикации рукописный текст дневника был расшифрован и приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации. Явные описки исправлены без оговорок. Расшифрованные или вставленные от составителя слоги, недостающие по смыслу слова, фамилии и проч. заключены в квадратные скобки [...]. Непонятные места текста оставлялись без изменений с оговоркой в текстуальных примечаниях: «Так в тексте». Нерасшифрованные слова и словосочетания отмечены в квадратных скобках: [нрзб.]. Слова, вызывающие сомнение, отмечены [?]. Все многоточия (...) в тексте принадлежат Тихомирову, являются особенностью авторского текста, и в силу этого они были сохранны при публикации текста дневника. Еще одной особенностью, является наличие большого числа тире (–).

Тексты вклеенных в дневник газетных вырезок, писем различных лиц к Тихомирову, квитанций выделяются курсивом.

Сохранены сделанные Тихомировым и авторами писем к нему подчеркивания отдельных слов и фраз. Также сохранены подчеркивания, сделанные Тихомировым в текстах чужих писем и газетных вырезках,

---

[1] См. приведенное далее мнение С.Н. Дурылина.

[2] Из «Олонецкой тетради» С.Н. Дурылина // Встречи с прошлым: Сборник архивных материалов РГАЛИ / публ. М.А. Рашковской. М., 2011. Вып. 11. С. 165.

[3] *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 39.

вклеенных в дневник. Записи на иностранных языках воспроизводятся на языках оригинала с переводом в комментариях. Текст включает большое количество персоналий. В комментариях к публикации наибольшее внимание уделено тем представителям консервативного направления, жизнь и деятельность которых связана с судьбой Тихомирова. Часть персоналий в силу их малозначительности (дворники, рабочие, городовые, прислуга и так далее) идентифицировать не представляется возможным. В ряде случаев даются не только биографические, но и тематические комментарии и примечания, приводятся библиографические отсылки к источникам и литературе.

Выход книги приурочен к 110-летию начала революции 1905–1907 гг. и продолжает проект по публикации архивного наследия Льва Александровича Тихомирова.

ДНЕВНИК
Л.А. ТИХОМИРОВА

1905 ГОД

1 января.

Только что пробило 12 часов. Начался Новый Год. Господи, благослови его... Смягчи праведный гнев Твой. Не допусти нас до уныния и отчаяния под безвыходной горечью позора и печали, и стыда за имя Русское, за Тобой данную Власть, Твое Имя призывающую Церковь!

Вечер. Мне весь день скверно. Кишка замучила.

Ну, Великий князь уволен[1]. Москва разжалована (временно!) в градоначальство, все власти сменены, вся организация устраивается заново, и для этого назначается Волков[2], вся опытность которого ограничивается тремя годами управления нашим захолустным Новороссийском...

Как все глупо, что ни сделают! Ну, уж если это правительство не умудрится погибнуть, то – значит, Россия может жить вовсе без правительства.

2 янв[аря].

Плохо вступил в 1905 год. Почки болят, – и это несмотря на энергическое* лечение.

Вечером на Никол[аевском] вокзале стреляли в Трепова** [3].

3 янв[аря].

Вечером слух, будто в г. Клину убит Трепов, уехавший днем в СПб.

4 янв[аря].

Новый градоначальник должен прибыть 15 янв[аря]. А 12 и 14 назначены беспорядки, какие-то грандиозные манифестации. Говорят, для этого съезжаются студенты из всех университетов. Манифестанты

* Так в тексте *(сост.)*

** «Какой-то Полторацкий, очень молодой, из средней школы». Примечание Л.А. Тихомирова *(сост.)*.

готовят бомбы (настоящие) и хлопушки (для страху). Где-то продаются револьверы с 10 патронами, за три рубля. Предлагали кому-то в редакции купить. Дешево!

В городе начальство – один Руднев[4], который никого и ничего не будет усмирять. Итак – будет все, что только пожелают сами манифестанты.

Правду сказать, уж лучше бы это правительство хоть рушилось поскорее. Даже нестерпимо жить в подобной бессмысленной анархии.

Сегодня приезжал Н.А. Павлов[5]. Даже не заехал, но весь день вел со мною переписку из [«]Славянского базара[»][6]. Шалый человек! Туда же – в политику лезет.

5 янв[аря].

На 15 января ждут больших правительственных перемен. Говорят об уходе Мирского[7] и назначении Витте[8] м[инистром] вн[утренних] дел. Но из разных источников слух, что Витте очень болен, не может работать и будто бы у него прогрессивный паралич (на сифилитической почве)[9]. Не разберешь их!

Приезжал Нилус[10] и рассказывал, что «Государь[11] молится и плачет»!.. Бедный! И невольно задаешь себе вопрос: почему ему Бог не дает помощи?

Насчет наших беспорядков говорят разно. Рабочие не говорили Воронову[12] ни о 12, ни о 14 янв[аря], а говорили, что скорее будет после 15 янв[аря]. Они собираются поставить Волкову (градоначальнику) свои условия, и если он их не примет, то будут рабочие беспорядки. Уступка Бакинской стачке[13] соблазняет рабочих. Теперь в Петербурге забастовали 12 000 раб[очих] Путиловских[14] (во главе их о. Гапон[15]), да присоединился сегодня и Франко-Русский завод. Беспорядки были в Нижнем, в Вильне, Витебске. В Киеве адвокаты на съезде криминалистов объявили необходимость конституции... Одним словом – идет во всю...

А Государь «молится и плачет»...

Жалко Его, а Россию еще жальче. Не умеет сделать, что нужно, и ведет себя и весь народ в полон жидовско-русско-польско-франко-немецкой интеллигенции... Она теперь прониклась замечательной гордостью: отрицает и народ, и прямо говорит: «Мы знаем народные нужды, и нам нечего спрашивать сермягу»[16].

Государь «молится и плачет». Так называемые консерваторы – либо глупы, либо мошенники. Они не знают монархии, а знают только бюрократию и также презирают «сермягу»... Ну, а сермяга молчит и не имеет никаких способов заговорить. Гнусная организация государства погубит и Царя и народ.

*7 янв[аря].**

Официальное сообщение С.-Петербургского агентства

*Сегодня, 6-го января, во время водосвятия[17] на Неве, в Высочайшем присутствии, при производстве установленного салюта, произошел несчастный случай**. Одним из орудий, расположенных близ биржи батарей, был произведен вместо холостого — выстрел картечью. Пули попали в полость у Иордани[18] и на набережную, а также в фасад Зимнего дворца, в четырех окнах которого ими разбиты стекла. Ранен один нижний чин петербургской городской полиции. Других несчастий с людьми, насколько это до сих пор выяснилось, не было. Следствие производится[19].*

8 янв[аря].

Петербургские газеты не вышли. Всеобщая стачка рабочих, 60 000 человек на 1500 заведений. Электричество потухло. Ну, значит, и у нас будет то же.***

ПЕТЕРБУРГ

Вслед за забастовкой Путиловского и Невского заводов стачка распространилась на типографии главнейших петербургских газет и журналов, приостановивших работы. Рабочие типографий ведут себя спокойно и прекращают работы лишь по настоянию заводских забастовщиков. Завтра, 8-го января, газеты, вероятно, выйдут (Р. А.).****

— 7-го января с утра рабочие петербургских фабрик и заводов группами ходили по улицам Нарвского района, останавливаясь около тех фабрик и промышленных заведений, которые еще не присоединились к забастовщикам. Придя к той или другой фабрике, группа рабочих вызывала служащих и предлагала закончить работы, что немедленно и исполнялось. В общем переговоры имели спокойный характер. Столкновений с полицией и администрацией не было. Разговоры касались более повышения заработной платы и улучшения быта рабочих. Предложение прекратить работы принималось почти беспрекословно, и оставившие занятия присоединялись к рабочим, идущим далее. От Нарвского района шествие перешло к мастерским Варшавской жел[езной] дор[оги], на Шлиссельбургский тракт, Вы-

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

** Подчеркнуто Л.А. Тихомировым. Напротив, на полях, им приписано: «(!?!?)».

*** Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

**** Здесь и далее все выделения, сделанные в текстах газетных заметок курсивом, выделены в публикуемом тексте жирным шрифтом *(сост.)*.

боргскую сторону, Васильевский остров и закончилось мастерскими типографиями и заводами, расположенными в центре города. Завтра, за исключением одних [«]Ведомостей Петербургского Градоначальства[»][20]*, ни одной газеты не выйдет. Васильевский остров с 9-ти час[ов] погрузился во мрак, потому что прекратила свои действия освещавшая его электрическая станция. Движение охватило все казенные и частные заводы, и притом не только крупные, где насчитывается по 6000–7000 рабочих, но и мелкие мастерские в 10–15 рабочих. По официальному списку, всего забастовало фабрик, заводов и других заведений 1174, с количеством рабочих до 61 000 человек* ***(Корр. «Русск[их] Вед[омостей]»***[21]***)***.

– На улицах столицы расклеиваются следующие объявления петербургского градоначальника: Ввиду прекращения работ на многих фабриках и заводах столицы петербургский градоначальник считает долгом предупредить, что никакие сборища и шествия по улицам не допускаются и что к устранению всякого массового беспорядка будут приняты предписываемые законом решительные меры. Так как применение военной силы может сопровождаться несчастными случаями, то рабочие и посторонняя публика приглашаются избегать какого бы то ни было участия в многолюдных сборищах на улицах, тем самым ограждая себя от последствий беспорядков ***(Корр. «Русск[их] Вед[омостей]»)***.

Сегодня, рано утром, на Путиловском заводе на воротах и на заборах расклеен был следующий ответ правления Общества Путиловских заводов:

*«Правление Общества для сведения всех рабочих завода сим объявляет об ответе, данном им бывшей 5-го января депутации от рабочих завода в сопровождении священника о. Гапона** *на представленные правлению требования: 1) По пункту об увольнении директора завода. Правление директором вполне довольно и совершенно доверяет ему, считая, что им значительно укреплены и улучшены дела завода, развито производство, поднят заработок рабочих (в среднем в месяц на круг с 38 р. до 43 р.), во многом улучшен быт рабочих, как, например, уменьшен рабочий день с 10 $^{1}/_{2}$ час. до 10-ти часов дневной смены и с 10-ти час. до 9-ти ч. ночной смены, отменено уменьшение поденной платы чернорабочим в зимний период и тому подобное, а потому, конечно, правление должно в увольнении директора решительно отказать. 2) По пункту о 8-мичасовом рабочем дне. Правление не считает возможным его ввести, так как это может быть только мерой, общей для всех заводов, и потому может быть введено только*

---

* Подчеркнуто Тихомировым, в сноске им написано: «Георгий Гапон (Пересыльной тюрьмы)».

законодательным порядком. 3) По пунктам о равноправном участии рабочих с администрацией завода в расценках и увольнении рабочих. Правление находит, что такой новый порядок повел бы к убыткам и к разорению завода. Кроме того, такая крупная мера подлежала бы обсуждению акционеров Общества. 4) По пунктам, касающимся больницы и санитарного состояния мастерских. Правление также, как это передал депутации директор завода, обратит на это свое внимание по восстановлении работ на заводе. 5) По пункту об увольнении мастера. Правление могло бы войти в рассмотрение этого вопроса, если бы ему было подано об этом заявление, но, конечно, раньше, чем были прерваны работы на заводе.

Кроме того, правление должно сообщить, что если работы на заводе не начнутся с 7-го января, – как об этом было уже объявлено директором завода, то оно дало распоряжения директору закрыть завод на неопределенное время, в зависимости от выяснения дальнейшего положения дел».

Сегодня же директор Путиловского завода объявил рабочим следующее: «Сим объявляю рабочим завода, что вследствие того, что, несмотря на мое объявление, вывешенное 3-го января, они к работам не приступали, всем рабочим завода, согласно закона, будет выдан расчет и завод объявляю закрытым на неопределенное время». Дальше в объявлении идет выяснение подробностей расчета; в заключение сказано: «Вместе с сим объявляю о закрытии кредита в лавке Общества потребителей при Путиловском заводе»* ***(Корр. «Русск[их] Вед[омостей]»)****.*

– На Балтийском судостроительном заводе было вывешено следующее:

«Вследствие начавшейся на смежных заводах смуты по забастовкам и предполагаемого принуждения мастеровых Балтийского завода посторонними лицами к таковой же забастовке на нем 7-го января, объявляю, что по распоряжению управляющего морским министерством для устранения беспорядков внутри завода: 1) 7-го сего января завод не будет открыт для общих работ впредь до особого распоряжения управляющего морским министерством; 2) за рабочие дни 7, 8 и 10-го января всем состоящим при заводе в Петербурге безотлучно мастеровым и служащим будет выдана полная плата для устранения потерь в заработке; 3) эти нерабочие дни предоставляются для выяснения представителями забастовщиков ожидаемых требований наших мастеровых для распоряжения по ним управляющего морским министерством; 4) в субботу, 8-го января, будет произведена очередная выдача жалованья мастеровым, порядок и время

* Так в тексте *(сост.)*.

которой будут объявлены около полудня особо в пятницу, по прибытии на занятия конторщиков и табельщиков для закончания счетов и книжек. Начальник завода ген[ерал]-майор Ратник»*[22] ***(Корр. «Русск[их] Вед[омостей]»)***.

— 7-го января 1905 г. забастовали следующие заводы и фабрики:

Охтенская бумаго-прядильная мануфактура (7000 рабочих), Обуховский сталелитейный завод (6000 раб[очих]), петербургский вагоностроительный (2600 раб[очих]), фабрика механического производства обуви (2300 раб[очих]), резиновая мануфактура (2000 раб[очих]), российская бумагопрядильня (800 [рабочих]), Российско-американская резиновая мануфактура (3500 раб[очих]), ситцевая Паля (2000 раб[очих]), Спасская бумагопрядильня (3000 раб[очих]), Александровский механический завод (3000 раб[очих]), Балтийский судостроительный завод (3200 раб[очих]), суконная фабрика Торнтона (1100 раб[очих]), бумагопрядильня Варгунина (600 раб[очих]), стеариновый завод (500 раб[очих]), трубопрокатный завод (300 раб[очих]), трубочный (8000 раб[очих]), ткацкая мануфактура Кука (500 раб[очих]), кожевенный Осипова (800 раб[очих]), электрический Сименса (600 раб[очих]), графических искусств Маркса (500 раб[очих]), шерстяных изделий Хаймовича, переплетная Кирхнера, Варшавская железная дорога (2000 раб[очих]), фортепианная Шредер, варшавское железнодорожное депо, нефтяное производство бр[атьев] Нобель, толевая Наумана, лесопильня Громовых, чугунолитейная Лангензиппена, Новоадмиралтейский (6000 рабочих), красильная Данцигера, мануфактура Воронина (600 раб[очих]), суконная Ауха (200 раб[очих]), медно-литейный Вегнера, Невская ниточная мануфактура (800 раб[очих]), Тентелевский химический (600 раб[очих]), Ново-Самсониевская мануфактура (450 рабочих), с.-петербургского железнодорожного акционерного Общества (850 раб[очих]), механический С. Галли (850 чел[овек]), словолитня[23] *Лемана, табачная Саатчи и Мангуби (700 раб[очих]), табачная Шапшал (1000 раб[очих]), табачная Лаферма (1300 раб[очих]), типография Академии наук, электрическая станция Смирнова, освещающая Васильевский остров, Сестрорецкий механический завод, типография морского министерства, типография министерства финансов, Сенатская типография, С.-Петербургский орудийный завод, труболитейная акционерного Общества, мыловаренный завод Жукова, типографии газет [«]Новое время[»]*[24] *(250 раб[очих]), [«]Слово[»]*[25]*, [«]Русь[»]*[26]*, [«]Новости[»], [«]Биржевые ведомости[»]*[27]*, [«]Наши дни[»]*[28]*, [«]Наша жизнь[»]*[29]*, [«]Петербургские ведомости[»]*[30]*, [«]Правительственный вестник[»]*[31]*, Сойкина, ак-*

* Так в тексте *(сост.)*.

ционерного Общества «Слово» (170 раб[очих]), Калашниковский пиво-медоваренный завод, конфетная Шувалова, механический Тильмана (250 раб[очих]), ткацко-прядильня Кожевникова (600 раб[очих]), механический Лессера, механический Артур Коппель (500 раб[очих]), пивоваренный Новая Бавария (300 раб[очих]), водочный Бекмана (800 раб[очих]).

Вот как мы встречаем Новый Год. Обещает быть хуже предыдущего. Сатана просеивает нас как зерно на решете.

А вот дополнительные сведения по «несчастному случаю» 6-го янв[аря]*.

Последние известия

ПЕТЕРБУРГ. Для расследования бывшего 6-го сего января во время водосвятия на Неве несчастного случая назначена комиссия под председательством начальника артиллерии гвардейского корпуса генерал-лейтенанта Хитрово[32] в составе временно командующего лейб-гвардии первою артиллерийскою бригадой полковника Головачева, командира лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады ген[ерал]-майора Ивашенцова[33] и командующего гвардейскою конной артиллерийской бригадой полковника кн[язя] Масальского[34], под личным наблюдением и руководством инспектора всей артиллерии Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича[35]. Означенная комиссия вчера же, 6-го, приступила к энергичному расследованию причин происшедшего и к допросу чинов батареи, производивших салютационную стрельбу. В заседании комиссии присутствовали: директор департамента полиции палаты д[ействительный] ст[атский] с[оветник] Лопухин[36] и товарищ[37] прокурора петербургской судебной палаты д[ействительный] ст[атский] с[оветник] Трусевич[38]. О ходе расследования, равно как и о его результатах будет сообщаться дополнительно ***(Корр. «Русск[их] вед[омостей]»)****.*

ПО ТЕЛЕФОНУ
(от наших корреспондентов)

— О несчастном случае, происшедшем 6-го января на Неве во время Иордани, в [«]Новом времени[»] сообщаются следующие подробности.

Когда митрополит Антоний[39] совершал водоосвящение, и, по сигналу ракеты, во время погружения креста загремели салюты артиллерии, в одном из холостых зарядов оказалось несколько патронов с пулями старого образца, которые при выстреле перелетели Неву, осыпали часть Иордани, коробку подъезда и колонны Зимнего двор-

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

ца, оставив на них заметные следы. Одна пуля пробила знамя морского корпуса, одна пуля ранила городового, две пули пробили верхние стекла Николаевского зала и залетели в самую залу, упав под хорами. Очевидец пишет в газету: Уже близился к концу крещенский парад. Предшествуемый духовенством в блестящих ризах, с хоругвями, Державный Вождь дошел к Иордани, где тесным полукругом вытянули свои боевые знамена Его полки. Краткое молитвословие. Оканчивается чин освящения воды. Митрополит погружает святой крест в воду; начался салют орудий. Я в числе многих смотрел из окна Николаевского зала на церемонию водосвятия. Вот раздался первый выстрел, гулко прокатился по сводам и стенам величественной залы дворца, потом второй, и вдруг звон разбитого стекла, странный звук чего-то ударившего в стену обратили на себя внимание всех. Смолкли разговоры. Недоумение охватило присутствовавших. Скоро увидели два отверстия в стеклах верхнего ряда крайнего правого окна. В зале нашли картечную пулю; невольно бросились к окнам, но церемония продолжалась обычным порядком. Потянулось обратное шествие, прошли знамена и штандарты мимо Его Величества, громкие клики пронеслись по зале в ответ на милостивые слова Государя, благодарившего войска за парад. Горя нетерпением, мы стали расспрашивать вернувшихся с торжества о подробностях непонятного выстрела. Сводя все слышанное, непонятное происшествие можно обрисовать таким образом: только что начался салют, вдруг как будто где-то вблизи лопнул какой-то снаряд, посыпались пули. Некоторые из них как бы на излете падали, не причиняя вреда, но другие с большой силой попадали в окна верхнего и нижнего этажей. Одна попала в древко одного из знамен, одна тяжело ранила городового. Впечатление было такое, что этот снаряд был из орудий салютующей батареи... Другой очевидец рассказывает следующее. Я стоял у малого подъезда Зимнего дворца, когда митрополит Антоний опускал в Иордань крест и взвилась ракета-сигнал начать салют. Крепость дала два выстрела и затем должна была салютовать батарея, стоявшая у биржи, на мосту. Вместе с первым выстрелом этой батареи я услышал звук вроде разрыва ракеты и удивился, отчего пускают вторую ракету. В то же мгновение я увидел, что шагах в 20-ти от меня упал городовой и снег вокруг его головы был окровавлен. Сначала я подумал, что он был ранен ракетою и потом только узнал об его ранении картечною пулей. Рассказывают, что одна из пуль попала в древко знамени морского кадетского корпуса, выбила из него гвоздь и затем, потеряв силу, упала возле знамени. По словам других газет, в 2 час. 15 мин. дня доставлен в приемный покой Александровской больницы раненый городовой Лесного участка Петр Романов[40] *в карете Скорой медицинской помощи. Окровавленная голова была забинтована, вскоре началась рвота кровью. Произведенною операцией выяснено следующее. Пуля прошла через подглазную кость, искрошила*

левый глаз, прошла через основание носа и затем Гаймерову полость. Около 3-х час. дня был извлечен оттуда кусок свинца (картечь). Положение весьма тяжелое, но есть надежда на выздоровление.

Здесь все военные единогласно высказываются, что это явное покушение и что никакой такой случайности не могло быть. В публике почему-то есть слух, будто бы это покушение идет из самого Царствующего Дома, который-де крайне недоволен и говорит, что Государь погубит всех их.

Это последнее весьма возможно, но совершенно не допускаю, чтобы в Царствующем Доме могли прибегать к таким зверским и нелепым покушениям. Симанский[41] говорит, что если бы заряд попал верно, то при данной дистанции (150 сажен) картечь захватила бы пространство в 200 шагов ширины и смела бы все: Государя, Митрополита, свиту, духовенство и тому подобное, то есть могла бы перебить несколько сот человек.

Вечер, 12 часов. Пришел из редакции. Частные письма изображают Петербург, как город в осадном положении. Толпы народа, войска... В учебные заведения советуют не ходить...

Шишмарев сообщает, что 7 янв[аря], в 8 часов вечера, священник Гапон с рабочей депутацией поехал в Царское Село к Государю... Относительно картечи 6 янв[аря] Шишмарев тоже уверен, что это покушение.

На кого же Государь может теперь полагаться? Батарея — гвардейская...

9 января.[*]

Забастовка рабочих в Петербурге.
(по телефону от нашего петербургского корреспондента).

Сегодня, 8-го января, забастовки на петербургских фабриках и заводах продолжались. К забастовавшим ранее фабрикам и заводам присоединись сегодня еще мастерские. Общий порядок не нарушен. На улицах замечается необычайно большое количество рабочего люда. Толпа продолжает по-прежнему сохранять полный порядок.

Во всех 11-ти отделах собрания фабрично-заводских рабочих[42] *целый день идут совещания. Ввиду тесноты помещения рабочие допускаются в аудиторию партиями по несколько сот человек. В некоторых отделениях за день происходило до 11—12 собраний, на которых перебывали тысячи человек. Общий характер постановлений таков: продолжать забастовку до полного удовлетворения всех требований рабочих. Следует отметить, что за все 3 дня забастовки на улицах*

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

нельзя встретить ни одного пьяного рабочего, хотя винные лавки в городе открыты.

Жизнь столицы идет обычным путем. Театры, рестораны открыты.

С 3-го января забастовало в Петербурге всего 320 фабрик и заводов и ремесленных заведений. Число забастовщиков простирается до 140 тыс[яч] человек.

Сегодня к забастовщикам присоединились женщины-мастерицы – портнихи, модистки, прачки и др.

Сегодня, в 4 часа, состоялось собрание редакторов и издателей периодических изданий, газет и журналов, для обсуждения положения, созданного всеобщей забастовкой. В совещание были приглашены представители рабочих всех столичных типографий. Уже при самом начале совещания обнаружена полная неподготовленность обеих сторон к делу. Возникновение в типографиях забастовок оказалось неожиданным как с одной, так и с другой стороны. На вопрос имеют ли рабочие какие-либо требования, представители рабочих потребовали повышения цены за набор и платы за часы; высказано было также, что если владельцы типографий согласятся повысить плату, то наборщики завтра же приступят к работе, несмотря ни на какое противодействие. Между тем известно было, что в то же время в народном доме[43] *собрание заводских рабочих с участием типографских вырабатывало для типографий те требования, которые было нужно им представить, но об этом собравшимся на совещании депутатам ничего известно не было. Ввиду этого редакторы решили выжидать еще один день и не выпускать завтра газет.*

Это все из «Русского слова»[44] и дальше оно же:*

(По телеграфу)

Петербург, 8-го января. *Вследствие прекращения работ всеми типографиями сегодня вышла только одна газета «Ведомости Петербургского градоначальства», печатающаяся в типографии градоначальника; «Правительственный вестник» вышел только в один полулист; «Petersburger Zeitung»*[45] *вышла в ограниченном числе экземпляров, поместив объявление, что разногласия с рабочими улажены и дальше газета будет выходить правильно. Кроме этих, ни одна газета не выпустила даже приложения. Бюллетени «Петербургского Телеграфного Агентства» рассылаются в рукописном виде. «Ведомости Градоначальства» продаются на улицах по 50 копеек. На улицах ходят массы рабочих и разъезжают военные патрули. Порядок нигде не был нарушен.* ***(«СПб.»).***

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Петербург, 8-го января. *Из казенных заводов прекратили работы не только столичные, но и колпинские и сестрорецкие. По линии варшавской железной дороги рабочие забастовали до станции «Луга».* ***(«Росс.»)***

Печальные сведения. Ясно видно, что устроители стачки не рабочие. По рабочей тактике – безумие вогнать в стачку весь город, – без денег. На 140 т. рабочих нужно считать 240 000 ртов. Это по 20 к. дает в день 48 000 рублей! Где же их взять? В 10 дней нужно 500 000 р.! Никто не работает, некому поддержать... Безумие! Стачка должна в несколько дней погибнуть. Рабочие в своих интересах такой ерунды не затеют.

Но те, кто хочет баррикад, пальбы, революции, чтобы вырвать конституцию, напротив, именно так должны вести дело. 140 000 голодных, понятно, уже через несколько дней начнут грабить. Далее – полиция, пальба и так далее. Остается лишь вооружить хоть десяток тысяч обозленных стачечников.

Но, вероятно, этим тоже озаботились.

Лукин[46] слыхал вчера от Мих[аила] Афанасьева[47], что здесь в Москве рабочим от «интеллигенции» раздают массу денег, подбивая тоже к стачке. Ну, конечно, то же и в СПб.

Глупыши несчастные! Раздадут [?] им 20–30 тысяч, они вообразят Бог знает какую поддержку и пойдут таскать каштаны для жидов и интеллигентов... а может быть, и для японцев.

Теперь ночь. В редакции слышно, что в СПб. уже стреляют. Замечательно глупо Правительство, пожалуй, и вправду слетит? Оно уже так пало во всех глазах, что, пожалуй, и защитников не найдешь. И как его спасешь? Честному человеку нет доступа и на сто верст.

Мене, Текел, Перес...[48]

А бедная армия? За что она льет кровь? Несчастная, развратная, обезумевшая Россия...

Сегодня получил письмо от Сенумы[49]. Описывает свои дела. Стыдно и больно читать, видя, до какой степени мы ниже японцев и умственно, и даже нравственно.

10 янв[аря].

В Петербурге форменная революция... И какое идиотское официальное сообщение! Все Гапон наделал![50]

Ниже я заклеиваю письмо очевидца[*].

---

[*] Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Письмо Липранди (А.А.[51]) от 9 января вечером.

Военные действия начались сегодня около полудня и продолжались весь день. Первые залпы грянули у Александровского сада: многочисленная колонна крамольников, направлявшаяся к Зимнему дворцу, была отброшена.

Однако наступление этим не ограничилось: колонны мятежников появлялись еще неоднократно, но каждый раз были отбрасываемы кавалерией (действовавшей саблями) или ружейным огнем.

Город имеет совершенно необычайный вид. Невский и улицы за Полицейским мостом буквально запружены народом, причем всеобщее возбуждение, здесь же невозбранно поддерживаемое разными проходимцами, – чрезвычайное. Только раскаты ружейных залпов заставляют умолкать и рассеиваться, однако лишь на короткое время.

Мне лично пришлось присутствовать при бое у Полицейского моста. Толпа с криками «ура» бросилась на войска. После долгих увещаний было дано три залпа, из них первый холостыми. Толпа тотчас же в панике разбежалась, оставив 12 человек, из которых пятеро оказались убитыми (среди них одна девочка лет семи-восьми).

Завтра все должно возобновиться в еще большем масштабе. Тревога огромная. Многие разъезжаются.

На площадях войска расположены бивуаками. По улицам поминутно снуют многочисленные пешие и конные патрули. Полиция совершенно устранена, да и не ей, конечно, усмирить мятеж.

Позднее: всего убитых 300, раненых 2000. Государь уехал в Царское Село.

Скверно еще и в Москве. Сегодня уже забастовало два завода, предвидятся и другие забастовки. Тут, конечно, дело не в рабочих требованиях. Рабочие позволяют себя сделать оружием конституционалистов*.

ПЕТЕРБУРГ ***(СПб. аг[ентство])****. Официальное сообщение. В начале 1904 года по ходатайству нескольких рабочих фабрик и заводов Петербурга был утвержден в законном порядке устав «С.-Петербургского общества фабричных и заводских рабочих», имевшего целью удовлетворение их духовных и умственных интересов и отвлечение рабочих от влияния преступной пропаганды. Общество это, избравшее своим председателем священника с.-петербургской пересыльной тюрьмы[52] Георгия Гаппона**, по мере своего распространения на все фабричные районы Петербурга стало заниматься обсуждением существующих на отдельных фабриках и*

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

** Так в тексте *(сост.)*.

заводах отношений между рабочими и хозяевами, а затем в декабре месяце нынешнего года побудило рабочих Путиловского завода вмешаться в вопрос об увольнении с завода 4 рабочих, из коих некоторые, как оказалось впоследствии, даже не были уволены, а оставили занятия добровольно. Тем не менее возбуждаемые священником Гаппоном и членами означенного общества, рабочие Путиловского завода 2 января прекратили работы и помимо требований о возвращении их товарищей под влиянием той же агитации предъявили требования об изменении порядка назначения расценки работ и увольнения рабочих. Меры увещания со стороны фабричной инспекции оказались безуспешными, и к стачке под влиянием тех же лиц присоединились поголовно рабочие некоторых других крупных заводов Петербурга, и затем стачка стала быстро распространяться, охватив почти все фабрично-заводские предприятия столицы, причем по мере распространения стачки возрастали требования рабочих; требования эти в письменном изложении, составленном в большинстве случаев священником Гаппоном, были распространяемы среди рабочих. Первоначально они касались лишь местных для отдельных фабрик и заводов вопросов, затем перешли к вопросам общим, об 8-мичасовом рабочем дне, об установлении рабочих организаций, об разрешении споров между рабочими и хозяевами и тому подобное. Хозяева охваченных стачкой промышленных заводов, собравшись на совещание, признали, что удовлетворение многих из домогательств рабочих должно повлечь за собою полное падение русской промышленности, другие же могли бы быть изменены, а частью и удовлетворены в мере, признанной для каждого отдельного предприятия, но вместе с тем, высказывая готовность вступить с рабочими в переговоры, признали, что таковые невозможны при условии ведения их с организацией стачников во всей ее совокупности и достижимы только по отдельным фабрикам и заводам. От такого обсуждения требований рабочие отказались. Ввиду того, что стачка не была соединена с нарушением порядка никаких репрессивных мер властями предпринято не было и со времени ее возникновения не было произведено ни одного ареста и обыска в рабочей среде. Однако к агитации, которую вело «Общество фабричных и заводских рабочих», вскоре присоединились подстрекательства подпольных революционных кружков, словом выше упомянутое общество, со священником Гаппоном во главе, с утра 8 января перешло к пропаганде явно революционной. В тот же день священником Гаппоном была составлена и распространена петиция от рабочих на Высочайшее имя, в коей рядом с пожеланием об изменении условий труда были изложены дерзкие требования политиче-*

* Так в тексте *(сост.)*.

*ского свойства**. *В рабочей среде был распущен слух и распространено письменное заявление о необходимости собраться в 2 часа дня 9 января на Дворцовой площади и через священника Гаппона представить Государю Императору прошение о нуждах рабочего сословия. В этих случаях о требованиях политического характера умалчивалось и большинство рабочих вводилось в заблуждение о цели созыва на Дворцовую площадь. Фанатическая пропаганда, которую в забвении святости духовного сана вел священник Гаппон, и преступная агитация злоумышленных лиц возбуждали рабочих настолько, что уже 9 января огромная толпа стала направляться к центру города. В некоторых местах между ними и войсками вследствие упорного сопротивления толпы подчиниться требованию разойтись, а иногда даже нападения на войска, произошли кровопролитные столкновения. Войска вынуждены были произвести залпы: по Шлиссельбургскому тракту, у Нарвских ворот, близ Тройцкого моста, на 4 линии Малого проспекта Васильевского острова, у Александровского сада на углу Невского проспекта и улицы Гоголя, у Полицейского моста и на Казанской площади. На 4-ой линии Васильевского острова толпа устроила из проволок и досок три баррикады, на одной из которых прикрепила красный флаг, причем из окон соседних домов в войска были брошены камни и произведены выстрелы. У городовых толпа отнимала шашки и вооружалась ими, разгромила оружейную фабрику Шаффа, похитив около 100 стальных клинков, которые, однако, были большею частью отобраны. В первом и во втором участках Васильевской части толпой была порвана телеграфная проволока и опрокинуты телеграфные столбы; на здание 2-го полицейского участка Васильевской части произведено нападение и помещение участка разбито; вечером на Большом и Малом проспектах Петербургской стороны разгромлено 5 лавок*[53]. *Общее количество потерпевших от выстрелов по сведениям, доставленным больницами и приемными покоями, к 8 часам вечера составляет убитыми 76 человек, в том числе околоточный надзиратель, раненых 203 человека, в том числе тяжело ранен помощник пристава и легко ранены рядовой жандармского дивизиона и городовой. На 10 января к охране города приняты те же меры, какие были приняты 9 числа.*

Управляющий отделением И. Поляков.

---

* Подчеркнуто Л.А. Тихомировым. Поставлена сноска и на полях им написано: «(*) Бумага эта заключала 6 пунктов:

1) Отделение Церкви от Государства,
2) Народное представительство,
3) Контроль за администрацией,
4) Свобода слова и пр., и равенство,
5) Прекращение войны,
6) Непосредственные сношения Верховной власти с рабочими».

Я занят правкой «Монархической государственности»... А что будет завтра? Или через час?

Невольно вспоминаю Кондорсе[54]. Не так же ли и он работал среди безумной революции, лишившей [искавшей?] его головы, свою [«] Progrès de l'esprit humain[»][55]? Вот и моя работа как раз ищет этот esprit humain и ведет его к «прогрессу»... Кондорсе хоть и потерял голову, но успел дописать книгу... Успею ли я?

11 янв[аря].

Ну, началась катавасия и в Москве. До 8 часов все было спокойно. Только расклеены объявления Руднева, чтобы не было скоплений народа.

Коля[56] ушел в гимназию. Вдруг ворочается кухарка из мясной и объявляет, что толпы «мужиков» заполонили Страстную площадь, Тверскую и бульвар Тверской. «Студенты распоряжаются, говорят: не ходите порознь, кучками ходите. В лавке сказали, что завтра ничего не будут продавать, ни мяса, ничего»...

Я послал сторожа в гимназию за Колей... Нет до сих пор (9 $^{1}/_{2}$ часов)...

Катя[57] разослала прислугу запасаться припасами... Боимся, не остаться бы без воды...

10 часов. Коля вернулся из гимназии. Завтра ученья не будет.

Старший дворник, Егор, сказал Кате: «Сегодня вы не беспокойтесь, ничего не будет: это только начало. А завтра – уже будут беспорядки».

Ночь. Были несколько стачек, но затухали. Прибыли партии петербургских бунтовщиков. Приехал Шишмарев, рассказавший массу подробностей – до 8 часов вечера 10 янв[аря], когда он отбыл из СПб. Некогда записывать.

А после 8 часов вечера – описывает Липранди.

Письмо Липранди*.

10 января ночью.

*С 8-ми часов вечера беспорядки возобновились со страшной силой. Нет ни одного неразгромленного дома на Невском, Николаевской, Владимирской и др. улицах. Гремит канонада залпов. Призвана артиллерия**. Газ и электричество потушены. Петербург в полной тьме. Озверелая толпа неистовствует. Вчера положено пять тысяч (5000) человек. Сейчас битва идет.*

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

** Далее в тексте письма его автором тщательно вымарано несколько слов *(сост.)*.

Сегодня телеграммы из СПб.: 1) Трепов назначается генерал-губернатором в СПб., 2) в городе все спокойно, рабочие возвращаются к занятиям....

Правда ли? Черт их знает.

У нас одни ждут всеобщей стачки и беспорядков завтра, другие более оптимистичны...

12 янв[аря].

День прошел тихо, то есть без беспорядков. Но стачки то вспыхивали, то потухали. Войска охраняют некоторые места в городе. Подстрекательств много. Интеллигенция тоже старается.

13 янв[аря]. Четверг.

11 часов утра. Забастовала наша типография. Не вышли по забастовке же [«]Русские ведомости[»], [«]Московский листок[»][58] и [«]Новости дня[»][59]... «Русский листок»[60] Казецкого[61] вышел и сообщает, что на стачку вожаками революции определено 3 000 000 рубл., и рабочим выдается по 1 р. в день. А откуда эти деньги?

Солдаты проходили несколько раз по улице... Коля – в гимназии. Беспокойно!

Пошел в типографию выручать хоть рукопись своей несчастной книги. Выручил, слава Богу... Встретил Новикова[62], который шел к Дм[итрию]. Андр[еевичу][63]. Говорит, дела плохи: «Мы в революции». Само собою.

Вечер. Однако типография с 2 часов начала работать, так что и мы работали в редакции. Не знаю, что будет ночью. Метранпаж[64] Степанов[65] говорит, что сами рабочие хотят работать, и даже совестятся: «Кто его знает, к чему подстрекают, движение не рабочее, а [нрзб.]» Но на них давят, угрожают жизни рабочих. Это по Москве тоже везде боятся. Движение тем скандальнее, [?] что, по телеграммам Agence Latine, деньги на революцию русскую и на стачки поступили в количестве в 12 [нрзб.] 18 миллионов рублей каким-то «центральным социально-револ[юционным] комитетам», а ему даны даже японцами. Японцы даже будто бы хвастались, что возбудили револ[юционное] движение в России, чтобы помешать посылке эскадры и принудить Россию к миру[66].

Что тут правда? Кто его знает. Но, во всяком случае, возможно.

О назначении Трепова рассказывал Новиков, что тот за час ничего не знал и ему говорил, что завтра едет к Куропаткину[67]: ждет только денег. Но вдруг был потребован к Мирскому, с которым говорил три часа, и затем отправился в градоначальство и, вызвав двух помощников градоначальника, толковал с ними до 3 часов ночи. Уходя от него, они крестились и говорили: «Ну, слава Богу, наконец, знаем, что нам делать». На другой день Трепов поместился с семейством в Зимнем дворце, где назначено ему жительство. Сегодня явилось объявление

его и Коковцова[68] к рабочим Санкт-Петербурга. Умное, но плохо написано[69].

Полномочия его огромны. Вся власть министра в столице и губернии переходит к нему.

Новиков говорит о слухах, что вместо Мирского будет Витте.

Еще не могу верить, чтобы Государь, наконец, опомнился: и понял, в какую яму ведет Россию и себя. Вероятно, это на одну секунду, а потом опять начнется ерунда! Ведь, в сущности, наверное, при нем уже побито больше русских, чем при Иоанне Грозном[70]...

Но если дело кончится простой реакцией, то это будет такая же глупость и гибель.

Объявление Коковцова – Трепова умно: оно обещает рабочим реформы. Но ведь не одни рабочие есть в России. Реформы нужны общие.

Завтра к нему ждут градоначальника (Волкова).

Барон Нольде[71] сообщил мне, что Дмитрий Грингмут по желанию Любови Дмитриевны[72] послал Владимиру Грингмуту[73] телеграмму, что в Петербурге быть опасно, и что он выехал [на] время в Берлин. [Имя нрзб.] с ним обращался, как с подлым трусом. Посмотрим, как поступит он сам? Уже довольно мерзко, что уехал в такое время.

14 янв[аря].

День начался скверно. Волнения где-то на юге к Замоскворечью, а также в Сущевской части. Пошли туда войска...

Из газет вышли только «Моск[овские] вед[омости]», «Московский листок», «Русский листок». У нас пока работает часть рабочих. Им прибавили по 2 рубля. Но я думаю, что нам заткнут глотку. Уж раз все типографии забастовали, то, конечно, придется и нашу силой заставлять не работать. Мерзость ужасная.

Сегодня ждут Волкова. Господи, какие ужасные времена!

Отправил Саше[74] телеграмму, чтобы не приезжал завтра.

Вчера за Рогожской частью забастовавшие рабочие разбивали и грабили частные дома... Буйство длилось несколько часов. Усмирили казаки нагайками.

Но что толку? Стачка растет. В первый день было 7000, потом 12 000, а вчера уже 30 000. Интеллигенция подстрекает упорно и повсюду. Особенно гнусны адвокаты. Не хочется записывать. Чувствуешь себя в какой-то последний день Помпеи...

Ночь. В течение дня – ничего особенного. Руднев запрещает употреблять оружие, а толпа бьет казаков кирпичами. Казаки отказываются идти усмирять, если не разрешат оружия.

Руднев – известная слякоть, да и трус. А Волков не едет. Сейчас по телефону сказали, что его нет.

В думе идет ночное заседание о безопасности водопроводов... Вот была бы штука! Лукин думает, что думские революционеры нарочно

сами хотят испортить, чтобы возбудить волнения. Он уверяет, что они в страшной ярости от «неудачи в Петербурге»! Они ожидали, говорит он, низвержения правительства и собирались здесь ставить своего князя Голицына[75] во главе московского правительства... Что тут правда? Впрочем, раз затевается такое движение и, в сущности – заговор, то естественно, что заговорщики должны были предусмотреть исход своего дела...

У нас сегодня, однако, нет сведений из СПб., и я не знаю, в какой степени там успокоились.

*15 янв[аря]. Суббота***.**

Дмитрий Грингмут официально объявил, что Владимир Андреевич приедет в СПб. в среду (то есть 19 янв[аря]) и пробудет там неделю. Хотя это слава Богу, что он сбежал на беспорядки, а то при его присутствии было бы еще хуже*.

Относительно беспорядков собственно в Москве особенно страшен мне завтрашний день. Глоба-Михаленко[76] сообщил, что Прохоровская мануфактура на завтра готовит «бунтище»! А Волкова нет. Руднев все деморализует. Войска измучены тяжкими нарядами и деморализованы. У нас их всего 8000 человек; офицеры большею частью запасные. Масса прокламаций: не стрелять. Да и Руднев не допускает оружия... Интеллигенция подстрекает. Дума – особенно.

Сегодня вышли все газеты и уже начали подстрекательства**.

В прокламациях священник Гапон объявляет проклятие тем, кто будет стрелять, и «пастырское благословение» тем, кто не станет стрелять. Это я сам читал в подлинных прокламациях у полковн[ика] Симанского.

В Петербурге вышли какие-то газеты (не знаю – все ли).

Куропаткин перешел в наступление 13 января. Симанский говорит, что это по приказанию из Петербурга. Несчастный это «Петербург» или, точнее, «Царское Село»! Ну, а что будет, как Куропаткина снова расчешут японцы? Но утопающий хватается за соломинку, а в Петербурге рады хоть на несколько дней отвратить внимание на внешние события от внутренней революции... Теперь, кажется, можно произнести это слово, потому что мы находимся в несомненной революции.

Получил письмо от сестры. Описывает петербургские истории со слов жены фабричного... Ужас читать. Ужас в том, – что за гнусное «начальство», допустившее все это.

---

* Далее вымарано три строчки *(сост.)*.

** Далее вымарана строчка *(сост.)*.

16 янв[аря].

Воскресенье. День, когда особенно опасались, но прошел спокойно.

В Петербурге, говорят, во «Временном правительстве» были: 1) Гессен[77] (редакт[ор] «Права») – министр* президент, 2) Пешехонов[78] (дрянненький писатель из радикалов) – внутренних дел (вероятно, потому, что был в тюрьмах и ссылке), 3) Максим Горький (Пешков)[79] – народного просвещения, 4) Мертваго[80] («Хозяин»[81]) – земледелия, 5) Кедрин[82] – юстиции, 6) Гапон – исповеданий, 7) Петр Струве[83] (эмигрант) – финансов. Уверяют, будто его видели в СПб. Все остальные – арестованы.

Партия московских думских радикалов такова:

Щепкин Никол[ай] Никол[аевич][84], (служил в страх[овом] обществе);

Гучков Никол[ай] Ив[анович][85], (купец**);

Муромцев Серг[ей] Андр[еевич][86], адвокат;

Генерт Артур Ив[анович], адвокат из евреев;

Пржевальский Влад[имир] Влад[имирович][87], адвокат;

Челноков Мих[аил] Вас[ильевич][88], кирпичный заводчик[89];

Астров Ник[олай] Ив[анович][90], бывший мировой судья, секретарь Думы.

К ним примкнули:

Савва Тимоф[еевич] Морозов[91];

Рябушинский[92];

Четвериков[93].

Грингмут Владимир завтра, 17 янв[аря], должен прибыть в Петербург. Начнет опять спасать Россию, только что спасшуюся от Генертов и Струве с К°.

17 янв[аря].

Грингмут известил о прибытии в СПб. «Здоров и бодр»...Ну еще бы! Ведь беспорядки кончены в СПб. А до Москвы еще не доехали.

18 янв[аря].

По всем известиям, Куропаткин опять разбит... Японцы подбрасывают солдатам письма, уговаривая сдаваться, потому что в России революция и русской армии нет смысла драться.

Конечно, Россия – погибшая, презренная, развратная и идиотская страна. Да, конечно. Но все это во сто раз больше относится к гнусному нашему правительству.

---

* Зачеркнуто слово «юстиции» *(сост.)*.

** Зачеркнуты слова «кирпичный заводчик» *(сост.)*.

21 янв[аря].

Некогда записывать, а есть интересное.

Во-первых, Государь 19 янв[аря] принимал депутацию рабочих и произнес им прекрасную речь. Затем – ряд перемен: Мирский ушел, на его место Булыгин[94]. Муравьева[95] и Зверева[96] ушли. Преемников не указано.

Масса рассказов о петербургских событиях.

Сегодня слух очень упорный, что Гапон арестован наконец, именно в г. Выборг и что при нем найдено 39 000 р., остаток от 50 т[ысяч] р., «данных ему»... кем – не известно.

Горький, говорят, арестован за то, что дал 6000 р. на покупку оружия.

Брат Нольде, врач в СПб., против квартиры которого находилась штаб-квартира Гапона, видел «крестный?* ход» и пальбу в него. После того его немедленно позвали к раненым. Убитых на месте он насчитал 70 чел[овек]. Эта несчастная толпа пела: «Спаси, Господи, люди твоя»... и даже после первого залпа, опустясь на колени, продолжала петь «Спаси, Господи»... Ужасно! И солдаты принуждены были стрелять... Очевидно, они стреляли в землю, ибо все раны рикошетные... По мнению врачей – всего убито по всем местам около 1500 и ранено около 6000. Это ужасно расходится с официальными данными.

Наибольшее побоище было на 8-ой версте, где колпинские рабочие и всякий сброд шли прямо грабить Петербург. Здесь солдат уже не стеснялись, и всего здесь будто бы убито и ранено 4000.

Тернавцев[97] сообщает слух, будто бы «временное правительство» успело послать заявление европейским державам, что оно платит долги русского правительства только по 9 янв[аря] 1905 г., а за дальнейшие займы не отвечает. Нахально!

Надо сказать, что некоторые, кого молва называла в этом «временном правительстве», – как Гессен – выпущены на свободу (сообщение газет). Вообще, вероятно, вранья теперь несть числа.

Сильные беспорядки, говорят, в Саратове, да было в куче и других мест (Варшава, Ковно, Вильна).

Успокоились ли теперь? Как будто. Но собственно у нас в типографии, по словам Шпора[98], неспокойно. Недовольны недостаточной прибавкой. А на газетном отделении подали фабричному инспектору прошение понудить Грингмута об улучшении санитарных условий, которые, действительно, вполне гнусны. Но это дело не дешевое (Шпор говорит – 10 000 р.). Едва ли Грингмут раскошелится. Он за все 7 лет своего издательства ни разу не был в типографии, исключая молебнов, во время которых там, насколько возможно, убирают и очищают.

---

* Знак вопроса поставлен в тексте дневника Тихомировым *(сост.)*.

А вообще – воздух убийственный[99].

Сегодня, кстати, Грингмут известил, что приедет во вторник.

Я все вожусь с «Монархической государственностью». Не окончил даже III части. А IV-ую предстоит всю писать. Ужасно! Набор идет медленно, и слава Богу, а то совсем бы плохо пришлось.

24 янв[аря].

Рассказывали из официального источника (Воронов) следующее.

Накануне 9 янв[аря] у Государя собралось совещание по поводу того, что делать ввиду приготовлений заговорщиков?* Власти все видели и знали... Обсуждать же меры, которые лежат на обязанности самого обыкновенного градоначальника, почему-то понадобилось у Государя... Ну, на совещание был приглашен и Трепов (тогда укладывавший свои чемоданы, чтобы ехать к Куропаткину). Спросили мнение Трепова о столь важном государственном вопросе. Он отвечал: пункт первый – нужно немедленно арестовать всех вожаков...

Государь прервал его:

– «Ах, Дмитрий Федорович, Вам все только бы забирать да забирать людей!»

Трепов замолчал и не проронил больше ни слова...

Ну, никого не арестовали, и 9 января перестреляли вдесятеро больше невинных дураков, а затем Дмитрия Федоровича – в диктаторы.

Сердце болит слышать такие вещи. Что-то бесконечно наивное, чуждое понимания азбуки политической жизни.

Ну что можно сделать в таком положении?

Завтра ждем приезда Грингмута.

29 янв[аря].

Грингмут приехал 25 янв[аря], но 26 же опять заболел (геморрой), так что вступил в должность лишь 27 янв[аря].

30 янв[аря] Воскресенье.

3 $^1/_2$ часа дня. Надя[100] и Вера[101]отправились на вокзал, в Петербург, к Маше[102].

Благослови их Господь, как я благословляю, и охрани от всякого злоключения...

Это первое их самостоятельное путешествие...

Я посылал с ними сторожа Осипа. Вернулся и сообщил, что они сели в дамском купе: очень жаль. Я хотел, чтобы в общей дамской

---

* Приписано Л.А. Тихомировым с левого края: «N.B. Грингмут заявляет, что это неправда. Такого совещания не было».

комнате, но Осип говорит, что не было мест. А в купе – больше и не было никого. «Разве подсядут после»... Это все мне не по вкусу. Но – да хранит их Господь.

У меня довольно быстро подвигается печатание «Монархической государственности». Но меня это крайне утомляет.

1 февраля.

К вечеру получено письмо дочерей, подъезжающих к СПб. Да хранит их Господь.

Приезжал Новоселов[103], вчера прибыл, сегодня уезжает. Он отдал Шарапову[104] для напечатания мой «Голос русской партии» (который составлен уже месяц назад и читался впервые на Четверге моем), и алехинскую (в сущности – на $^3/_4$ мою же) Записку «Русской народной интеллигенции». Шарапов, конечно, не знает о том, что это мои произведения. Ему сказано – что это коллективные заявления разных «кружков». Просит Новоселова дать ему для печати же мою Записку «О современных задачах России», где изложена программа «Самодержавной конституции»... Это я давал Алехину[105] для проведения Государю. Немножко обидно, что столько идей пускается в ход от меня, а я – остаюсь не только в неизвестности (это бы еще не беда), а какимто изгоем, от которого отвертываются те самые люди, которые восторгаются моими Записками, <u>не зная</u>, что они мои*.

Такой уж мой «крест»... Ну ладно. Будем нести до конца.

4 февраля. Пятница.

Вчера поехал в Сергиев Посад осведомиться лично, что творится в Академии. Настроение глупое, постоянные сходки, стремятся к «забастовке».

И в этой нелепой мерзости одну из первых ролей играет Алеша Петровский[106]! Это ли не «психоз»?

Положение Саши печально. Он держится абсолютно в стороне и даже не хочет ходить на сходки.

Уехал я оттуда грустный. Ехал рядом с епископом Исидором[107], с которым обедал у ректора. Но так неприятно на душе, что даже не хотелось идти к нему в вагон (он в I классе, я во II). Одному как-то легче...

В Мытищах входит пассажир и говорит другому, очевидно, знакомому:

– «А в Москве несчастье: Великого князя убили»...

Я не верил своим ушам. Встал, подошел:

---

* Далее тщательно вымарано предложение *(сост.)*.

– «Пожалуйста, что случилось?».

Он повторил...

– «То есть ранили? Или на смерть?».

– «Говорят – убили»...

Господи, что за время, что за впечатления!

Приехав на вокзал, узнал от извозчика все ужасные подробности... Он говорит, что взрыв был слышен у вокзала...

И это возможно посреди пустого Кремля, в 200 шагах от подъезда дворца! Что же делает полиция, что делает Волков?*

Господину редактору [«]Московских ведомостей[»][108].

М[илостивые] г[оспода!]

Настоящим прошу Вас, многоуважаемый г. редактор, возбудить на страницах Вашей высокочтимой газеты след. мои соображения как очевидца взрыва кареты с Великим Князем Сергеем Александровичем 4 февраля.

Дело в том, что все дни со времени приезда покойного Великого Князя на жительство в Кремль у всех ворот с внешней и внутренней стороны стояли на постах городовые. В день убийства с утра у ворот Никольских ***не было*** *городового с внутренней стороны, то есть стоящего в Кремле около здания арсенала. Если бы пристав Ермрлов*** [был] ***бдительнее*** *и 4 февраля поставил городового, то едва ли удалось бы в этом месте убийство. Я видел, как убийца несколько раз ходил по тротуару около решетки садика, следовательно, ему помешал бы городовой подойти к карете. Истопник Бачин, задержавший первый убийцу, и городовой Леонтьев могут* [пропущено слово, вероятно, «подтвердить». – *сост.*] *что у ворот другого городового не было. Вообще меня удивило равнодушие пристава Ермрлова, показавшегося в Кремле 4 февраля в 3 часа 17 минут (по моим наблюдениям по часам). Вчера, например, 5 февраля в 1 час 10 минут дня на месте катастрофы был полиц. Будберг*[109] *и тоже не распорядился огородить место, и только в 1 час 22 мин. дня пришли метельщики и стали «подчищать» снег, причем нашли кусочки тела, косточки, запонки и др. вещи, которые попали в руки пом[ощника] прист[ава]. В 2 ч. 40 мин. одна женщина палочкою откопала в снегу на бугорке у гауптвахты* ***часть черепа*** *с волосами и желала положить в свой ридикюль, но благодаря моего**** *вмешательства отдала околоточному.*

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

** Так в тексте *(сост.)*.

*** Так в тексте *(сост.)*.

В центре города были случаи 4 и 5 февр[аля], когда разные лица продавали на память косточки с телом убитого Великого Князя. На Красной площади мне удалось задержать одну женщину, продававшую за несколько копеек косточку: все это по вине полиции, которая не выказала до возмущения распорядительности. Даже сегодня еще откапывают – конечно, публика, а не, как следовало ожидать, полиция – части тела с косточками... Вчера же отрыли что-то жидкое, вероятно, слизистую оболочку черепной полости.*

Итак, благоволите полицию заставить уразуметь их возмутительное отношение к священной обязанности. Не удивительно, что против полиции все имеют зуб. При желании укажу свой адрес и откроюсь.

Московский обыватель и почитатель «Московских ведомостей», отставной капитан

С.А. Л-в.[110]

N.B. Это письмо прислано было в редакцию, и мне дано на рассмотрение Грингмутом в числе прочих бумаг. Я счел любопытным снять с него для себя эту копию сегодня, 7 февр[аля] 1905 г.

11 февраля.

Вот уже несколько дней болею. По-видимому – инфлюэнция. Тошно, жар, тоска. Сегодня значительно хуже. Голова трещит...

За эти дни схоронили бедного Великого князя. Волков и вообще власти держат себя гнусно. Траура не вывешено. Даже ограда места убийства и постановка креста первоначально сделана частными людьми.

Публика убивает своими глупыми суждениями**.

В Академии сначала большинство решило «забастовку», но меньшинство не подчинилось... Это меньшинство – 15 человек (из 200!). Саша ездил на сходку меньшинства, а сегодня (он снова здесь) получил телеграмму, что «лекции будут»...

Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства – решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах... И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам и японцам, если бы они завоевали Россию[111].

Часть из них – принципиальные враги самодержавия и желают конституции. Но*** и среди этих**** – мечтают о карьере и выго-

---

* Так в тексте *(сост.)*.

** Далее тщательно вымарано несколько строк *(сост.)*.

*** Вымарано слово *(сост.)*.

**** Вымарано несколько слов *(сост.)*.

де, а помогают «революции» потому, что это совершенно безопасно. Это мало сказать – безопасно, – это менее опасно, чем мешать «революции».

Я думаю, что в так называемом «Петербурге», то есть в высших правительственных сферах, единственный вполне честный человек – это Трепов.

Булыгин был хорош в спокойное время. Каков покажет себя теперь, это пока не видно.

Из царской семьи на погребение Сергея Александровича никто не явился, кроме «поэта» Константина[112] и опального Павла[113]. Это ужасно тяжело. Особам женского пола, казалось бы, можно было явиться «безопасно».

А Трепов молодчина – приезжал и свой венок самолично возложил на гробницу. А уж кому и бояться, как не ему! Но дело в том, что страх не вне, а внутри людей.

В сущности, конечно, только лично Государю не следовало рисковать. Остальные – все могли бы, и даже не было бы никакого риска.

13 февр[аля].

Вот известия последних дней:*

Телефон.
(от наших корреспондентов)

Петербург, 7-го февраля.

По слухам, сообщаемым газетою «Русь», к участию в Земском соборе, который предполагается в марте текущего года, будут привлечены: губернские предводители дворянства, председатели губернских земских управ, городские головы губернских городов; кроме того, будут вызваны по одному представителю из каждой земской губернии, помимо председателей управ. Выбор этих представителей будет произведен на местных земских избирательных съездах. Что касается особых представителей из неземских губерний, то порядок их избрания еще не решен. Общая численность собора, как говорят, не будет превышать 400 человек.

Последние известия

Вопрос о созыве Земского собора, по слухам, решен окончательно 3-го февраля. Участниками земского собора явятся представители всех сословий. Опубликование о созыве земского собора ожидается 19-го февраля. Земский собор будет созван при Государственном совете, где и будут происходить его заседания. По всей вероятности,

* Далее вклеены две газетные вырезки *(сост.)*.

разработка условий выбора участников земского собора продолжится не менее 2 месяцев.

(Тлф.).

Через 2–3 дня это было опровергнуто «Новым временем» – что, дескать, сроков не назначено, а потом «Моск[овскими] вед[омостями]» – что совсем не хотят созывать.

Киреев[114] пишет письмо, которое заклеиваю... Как видно, у них там Витте один имеет здравый смысл.*

Monsieur, et mon cher ami,[115] *Лев Александрович.*

Неужели Влади[мир] Андреевич думает, что я (да и все зрячие) не видят опасности, представляемой созывом Земского собора!? Конечно, видим; но еще опаснее ничего не делать. Вы скажете, «что же Вы ничего не делаете?» Ответ: «ничего не способны делать, не можем, вожжи из рук вывалились...». «Так подберите и подтяните». «Не можем». Все другие и подбирают! С одной стороны Витте, с другой учащаяся чернь!! Хулиганы, а мы – пасуем, не смеем сказать: «цыц!».

Знаете ли что было в университете. С разрешения начальства – сходка; на сходку являются студенты, курсистки, чернь, пьяные; обмениваются мнениями и пощечинами, срывают портрет Государя, разрывают в клочки, топчут ногами... принимают резолюции революционного характера, расходятся... и –

***Ничего**!*

Никакой репрессии!! Решено правительством делать вид, что ничего не было!

Народ говорит про дорогу, где совершаются убийства и грабежи: там – «шалят». То же говорит и правительство наше. Шалят, мол, это ничего! Проекты ходят по городу самые удивительные. Витте (еще весной) хотел устранить Государя и заменить Михаилом Александровичем[116] *в качестве регента (Мих[аил] Ал[ександрович] слепо верит Витте). Предполагался дворцовый переворот... Теперь в благомыслящих кругах говорят о том, чтобы уговорить Государя на время, по болезни, передать правление группе людей энергических, которые, конечно, в 2–3 месяца привели бы все в порядок и затем все бы передали царю. Но разве это легко?*

*Вам, да и всем не сидящим в Питере, у самой власти, все это кажется невероятным, но все это так в действительности! Ну вот и думаешь о Земском соборе. Конечно, и тут беда **может быть**, а может и **не быть**, если только правители наши поймут, что Земск[ий] собор ничуть не есть сумма современных земств.*

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Прослушал наш beau-monde[117]*, что где-то, когда-то был такой генерал Монк*[118]*, ну и говорим: «Il nous faut un Monk. Cherchons un general Monk»*[119]*. Ну, ищите господа! У нас и для Манчжурии никого не найдут... Куропаткин тоже очень плох, нерешителен! Дает себя разбивать по частям!».*

В Баку – резня, в Батуме – резня. По всей Польше, отчасти в Балтийском крае, прекращено движение железных дорог: забастовки и бунты...

Finis Russiae![120]

Этот Киреев толкует о Земском соборе... Кто же это его соберет? Уж если на простую полицию ума не хватает, так что же толковать о Земском соборе[121]. Уж тогда прямо требовал бы Учредительного собрания, как студенты – владыки России...

У нас в Москве ждут почему-то целой революции 19 февраля. Говорят, что будет вообще бунт, в частности разгром «Московских ведомостей». Грингмут получает угрожающие письма.

На чужом пиру – похмелье, и переживешь ли 19 февраля? Я таки серьезно спрашиваю себя это...

Мои девочки в Петербурге... Думают возвратиться к 18 февр[аля] – мои именины... Уж не посоветовать ли переждать хоть до 20 февраля?

По городу слухи, что убийца Великого князя бежал!!!

Здесь заклеено письмо сестры Маши о событиях 9 января 1905 г. в Петербурге*.

Милый Лева

Не могу не поделиться с тобой тяжелым впечатлением, произведенным на меня вчера рассказом жены одного рабочего с завода. Это родственники моей прислуги, пришедшие поздравить ее с именинами.

Она рассказала об ужасной катастрофе за Нарвской заставой. Нечего и говорить, что все эти несчастные темные люди пришли в ужас от массы смертей, случайно убитых детей и женщин, вышедших посмотреть пресловутый «крестный ход»; но главное, что меня поразило, это какой-то тупой и непонятный страх перед «студентами», которые, по словам говоривших, распоряжаются ими и всячески запугивают. По словам женщины (жены фабричного) уже раньше бунта Гапона студенты заставляли их подписываться под какой-то бумагой, говоря, что хотят получше устроить их, уменьшить работу, увеличить плату и вообще, чтобы они могли также хорошо жить, как и господа. Что студенты, вообще «образованные», поспихивали с сторублевых мест много простых, говоря другим, что

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

они лучше сумеют заправлять делом (места каких-то непонятных для меня отметчиков). С удивлением услышала я от бедной женщины, что на собраниях, где обо всем говорили и где бралась с рабочих подписка, оказывался «старик, который и денег дает какой-то важный, самый их главный, Толстой[122]*, граф штоли»...*

Муж этой женщины также подписался, но когда потребовали «присяги», то он смутился, почувствовав в этом что-то странное, и отказался присягать. И человек, требовавший присяги, посмотрел на него сердито и сказал: «Не хочешь? Ну так запомни же себе это».

Она говорит, что когда после первого дня забастовки некоторые еще работали, по мастерским ходили студенты и требовали расходиться, напоминая о подписке, употребляли насилие. Из одного отделения с ужасом прибежали несколько рабочих, говоря, что в соседнем отделении толпа «студентов» бросила упорных рабочих в печь... Господи Боже мой. Да что же это! Если даже это фантазия, то как могла она родиться? Накануне «крестного хода», который был изобретен все теми же подстрекателями как гарантия против войск, «студенты» (иначе женщина не выражается) отправились в церковь, потребовали у старика-священника крест, икону Спасителя и хоругви («иже херувимы»[123]*, как выражается простонародье), пригрозили ему за сопротивление, и он в страхе убежал. Не помню хорошенько, как говорили, был ли при этом Гапон. Но утром рано, чтобы не помешали, Гапон повел свой «крестный ход», с массой людей, говоря, что идут подавать прошение Государю об улучшении жизни рабочих. Народу сказали при этом, чтобы он ничего не боялся, что их, может быть, и поколотят, но все кончится хорошо; чтобы не разбегались, потому что стреляют всегда «холостыми». Ну вот бедняги и не боялись, перли вперед даже после трех холостых залпов... Но каков же был ужас несчастных, когда за четвертым залпом повалились убитые и толпа увидела кровь. Таких залпа было три, как говорят; но после первого же Гапон (не могу назвать его священником) сбросил ризу, бросил крест, второпях проговорил, что через четыре часа вернется и все устроит, и махнул через ближайший забор-стену, еще кто-то ему и помог в этом великолепном поступке. «Только его и видели после этого», прибавляет рассказчица. Один хоругвеносец также бросил хоругвь и спрятался за уступ стены... Ну не буду повторять подробностей рассказа, это до невозможности тяжело. Возможность выстрелить не холостыми, «как в собак», всех поразила ужасом.*

На время забастовки, все по тому же рассказу, гр[аф] устроил на Васильевском ост[рове] столовую, кажется, даже две, на свой счет. Но когда после кровавого события тот же гр[аф] поручил раздать рабочим 3000 р., никто не захотел их взять, говоря, что уж лучше будут голодать, пока заработают сами себе хлеб. Но «студентов» продолжают бояться и ропщут, что их не забирают; «как они не

простые, так их и не трогают», наивно говорит баба, но сама же при этом говорит, что они давно пошили себе в магазине штатские пальто. Девушка из какой-то типографии также говорила, что к ним пришли пять «студентов», требуя бросить работу, причем два подходили к работающим девушкам, а трое стояли у отворенных дверей. Сначала те не решались бросить работу без своего законного начальства (которого в данный момент не было налицо), но бунтовщики вынули ножики и подрезали ремни. Тогда, конечно, девушки бросили работу. Сама не видела, потому не могу ручаться за истину, но все это ужасно. Многие, больше всего перепуганные необычайностью стрельбы «в своих», «в людей», уехали в деревню, равно страшась и солдат, и «студентов», боясь их силы над собой, пока снова можно будет начать работать.

Теперь опять будет второе горе, а может быть, и волнения, если правда, что фабриканты рассчитают всех рабочих. Но я не могу себе представить, что это будет надолго. Ну, что Бог даст. Вчера, кажется, уже не было на улицах беспорядка. Но солдаты еще всюду ходят, да и хорошо делают.

14-го. Сегодня что-то больше патрулей на улицах, вероятно, ввиду того, что рабочим, как говорят, дают расчет. Но на улицах тихо, и я все эти дни выхожу.

От Отто[124] *давненько не имею писем. Последний раз писал, что поедет прямо на Кавказ, а уж потом домой. Как вы все здоровы? Моя Маруся немного хворала, но сейчас получила от нее городское письмо, что уже здорова. Завтра хочу к ней поехать. Эти дни особенно радовалась тому, что получаю «Мос[ковские] вед[омости]», так как из местных издается только «Пр[авительственный] вест[ник]»; но сегодня газетчик уверял меня, что и московские газеты с 12-го прикончили работу. Досадно, если это так.*

До свидания. Целую тебя, мамочку и все других.

Твоя сестра, М. Маркграф.

14 февраля 1905 г.

По городу трубят, будто бы убийца Великого князя – убежал, но это неправда. Я сегодня, после инфлуэнцы, первый раз решился пойти в редакцию, и Грингмут мне положительно сказал, что слухи эти – вздор.

Никифоров (Дм[итрий] Ив[анович]) тоже подтвердил, что – вздор, и сказал, что убийца – в Якиманской части, где более надежные казематы.

Кто он? Грингмут рассказывал, что получил анонимное извещение, будто автор письма знает убийцу: что это харьковский студент (помнится – Федоров), который где-то известен в г. Воронеже (кажется, родом оттуда), а убийство совершил с товарищем своим Волковым.

Грингмут отправился дня три назад с этими сведениями к градоначальнику Волкову. Тот встретил его в высшей степени сухо. Спросил: «Что угодно?». Грингмут начал, было, речь, что, дескать, давно желал навестить и не мог... Тот слушал без всякого поощрения его желанию познакомиться и в конце спросил все-таки, что собственно он желает? Тут Грингмут сообщил о полученном письме... Волков слушал крайне пренебрежительно, заметил, что все это, конечно, вздор, что таких писем получается целая куча, и все – пустяки. «Пожалуй, – я передам в Охранное отделение: пусть там они подумают»... – заключил он пренебрежительно. Заметил, что единственно известное об убийце – это что он приехал из заграницы... После этой, не очень лестной беседы Влад[имир] Андреевич и откланялся. Волков имел (единственную) вежливость провести до дверей.

Очевидно, либеральничает, не хочет знаться.

Не то он просто не понимает приличий, не то подлаживается к либералам, – но он сделал уже две крайне «не московские» вещи. Великий князь – так и остался без траурных флагов в Москве. Волков не сделал распоряжения о вывешении траурных флагов, и по всей Москве едва ли были десятки домов с ними даже в день отпевания. А ведь князь 12 лет был здесь генерал-губернатором... Прямое свинство со стороны преемствующего начальника города.

Затем, 13 февраля приехал Стессель[125], которого чествовали на всем пути овациями, от самой Феодосии. В Москве не было маломальски приличной встречи. Для этого народ обманули. Во-первых, задержали Стесселя в пути на один день. Толпы народа стекались на Курский вокзал, и – Стессель не приехал. На другой день опять толпы... и узнали, что Стессель проследовал прямо соединительной веткою на Николаевскую дорогу. Это была правда, но и обман. Ибо Стессель не проехал в СПб., а был высажен на Николаевский вокзал и на деле пробыл в Москве два дня. Но стечение народа было избегнуто, ибо никто не знал, что он остановится... Посвященным был только Ростовский полк (Симанского), в котором служил Стессель, и – депутация от дворянства с кн[язем] Трубецким[126]. Они только и встречали Стесселя, да еще случайно собрался народ, бывший поблизости. Замечательно, что Дума блистала отсутствием. Этот Голицын совсем в либералы пошел. Он, кстати, не явился даже ко гробу Великого князя. А Волков почему-то особенно сдружился с Голицыным.

Итак, Москва, которая в сотнях тысяч народа только и мечтала о Стесселе, оказалась самой холодной во всей России. Думаю, что такими шутками градоначальник вызывает немало озлобления в народе.

Но почему он это делает? Полагаю, просто по недостатку знания положения дел, и вследствие этого по плохому соображению своих

поступков. Вероятно, он боится, что из всякого стечения народа могут выйти беспорядки против либералов, и особенно студентов. Студентов действительно, говорят, и били у Курского вокзала.

Вероятно, Волков и готов пускаться на все, лишь бы не возмутились чувства народа и не собиралась толпа. Но, вероятно, эта тактика очень малоопытного администратора: он этим все больше накаляет раздражение и недовольство, которое может кончиться страшными взрывами.

А революционеры ничему так не радуются, как этой электризации толпы. Ведь этим состоянием можно воспользоваться для всяких беспорядков. Те же самые толпы, которые бесятся за убийство Великого князя, могут составить превосходную ширму для разгрома – ну хоть «Московских Ведомостей».

Вот близится 19 февраля... Что то будет?

Я писал дочерям, что им лучше бы остаться в Петербурге.

Что-то, кстати, от них давно нет известий...

Беспокоюсь.

Саша уехал сегодня в Академию – на страдание. Там дело стоит гнусно. Немножко устал записывать. Авось, успею [?] потом. Подлецы профессора, подлецы студенты. Негодяй Алеша Петровский с Флоренским[127]. Гнусно и непонятно, где митрополит. Но это требует подробностей.

Саша находится в числе 15 человек меньшинства, которые решили ходить на лекции, против 200 «забастовщиков» и большинства мерзавцев-профессоров. Из профессоров наибольшие негодяи – Каптерев[128], и – мой Павел Васильевич Тихомиров[129].

15 февраля.

Сегодня в газетах напечатано:*

ПЕТЕРБУРГ, 14 февраля. (Росс[ийское]. Аг[ентство]).

По достоверным слухам из Москвы, великая княгиня Елисавета Федоровна[130] посетила убийцу[131] и спросила его: за что он убил Ее мужа? Убийца ответил:

— Я исполнил волю революционного комитета.

Великая княгиня спросила:

— Вы верующий?

Получив утвердительный ответ, Ее Высочество дала убийце образок и сказала:

— Я вас прощаю. Бог будет Судьею между Великим Князем и вами, а я буду ходатайствовать о сохранении вам жизни.

Убийца разрыдался.

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Сегодня же, на докладе, Грингмут мне сказал, что все это ложь. Официальная постыдная ложь...

На самом деле разговор был таков:

Убийца (при входе княгини): «Кто вы такая?»

Княгиня*:* «Я жена убитого вами Вел[икого] Кн[язя]».

Убийца*:* «Что вам нужно?»

Княгиня*:* «Я пришла спросить, за что Вы убили моего мужа?»

Убийца*:* «Он – мой враг».

Княгиня*:* «Но что же он Вам сделал? Вы даже не знаете его»...

Убийца*:* «Он мой политический враг».

Княгиня*:* «И Вы даже не чувствуете жалости?»

Убийца*:* « Кучера мне очень жалко».

Вот каков был действительный разговор. Убийца, конечно, не «разрыдался», все это выдумка.

Для чего же все это сочинение? Вероятно, – подготовка почвы к помилованию убийцы... Все еще надеются умилостивить врагов. Владимир Андреевич сообщал это как факт.

А мне при этом разложении нашей монархической государственности приходится издавать свою книгу!

Первый выпуск «Монархической государственности» (250 стр.) уже брошюруется и послан в Цензуру. Обошлось 479 р. Значит, все издание хватит* на 1 $^1/_2$ тысячи... А из-за чего? Правда, что книга теоретическая...

А работал сколько! До истощения. Четвертую-то часть заново приходится писать. Вот уж охота пуще неволи!

По России делается чёрт знает что: везде бунты, убийства, подготовка восстаний и грабежей.

Мне еще А.С. Суворин[132] писал, что Государь вызывал Льва Львовича Толстого[133] и беседовал с ним о Земском соборе... Это маленький, меленький писатель повестушек, совсем лёвенный [?] сынок Льва Толстого.

Клавдия рассказывала (она ведь знакома с Толстыми), что свидание состоялось вследствие письма этого Льва Львовича Государю. Вернулся сынок графа в восторге от милости Государя. Между прочим, Государь говорил ему, что плакал после пальбы 9 января. Однако нельзя не сказать, что все-таки Л.Л. Толстой не авторитетный советник не то что о Земском соборе, а вообще о чем бы то ни было. Ну конечно – Воля Государя выбирать себе советников.

17 февраля.

Саша приехал. У них идут лекции... Как – вопрос иной. Огромное большинство – около 200 подали «забастовку». Несколько

---

* Так в тексте *(сост.)*.

мудрейших юнцов (в том числе Королев[134], Марков и Веретенников[135], числящийся больным) уклонились от подписи забастовки, но и не ходят на лекции. Будут, стало быть, с победителями, кто бы ни победил. Меньшинство, ставшее против забастовки, было во время моего посещения, 30 чел[овек]. Но теперь ходят на лекции всего 12 человек: на 1 курс никого, на 2-ом – 1 (о. Стефан Бех[136]); на 3-ем курсе – 4 чел[овека] (в том числе Саша), на 4-ом – 7 человек.

Из профессоров – часть против забастовки. Часть – прямо, открытые подстрекатели (особенно Каптерев, Смирнов[137], Пав[ел] Вас[ильевич] Тихомиров). Часть – вертят хвостом (Попов[138], Глаголев[139]). За лекции энергичнее всех Н. Заозерский[140]. Он объявил студентам, что считает своей обязанностью преподавать свою науку, и если найдется хоть один слушатель – будет читать; а если в аудитории начнутся насилия, он будет читать лекции для желающих у себя на квартире...

Муретов[141], Голубцов[142], Тареев[143] – читают лекции. Спасский[144] – уже два месяца болен. Громогласов[145] – в отъезде.

Евдоким[146], впрочем, подбодрил всех, объявивши, что не будет платить жалование профессорам, которые не будут читать...

Посему профессора все являются. Что касается адъюнктов, то эти 12 человек придают видимость чтению – ходят на все лекции, на сколько хватает сил, по всем лекциям.

И вот происходят сцены:

Приходит Каптерев. Студент – 1. Каптерев спрашивает, зачем он пришел? Начинает ему доказывать, что он должен присоединиться к забастовщикам... Студент требует чтения лекции. Каптерев говорит: «Нет, я уж лучше покурю», закуривает папироску. Так проходит «лекция». Студент протестует, что Каптерев его «выкуривает» из аудитории.

Приходит Смирнов. Студентов – 10 человек. Смирнов заявляет, что он не в состоянии читать лекции, потому что потрясен текущими событиями... «Зачем же вы пришли», спрашивают студенты? «Я обязан»... «Так что Вы пришли за жалованием», – кричит один студент... Все требуют лекций. Смирнов говорит, что он будет репетировать. Студенты не хотят репетиции и требуют лекций. Профессор отказывается. Тогда дежурный студент записывает в журнал, что, несмотря на присутствие 10 слушателей, профессор Смирнов отказался читать, ссылаясь, будто бы потрясен текущими событиями.

Приходит Тихомиров. Слушателей два. В том числе о. Стефан. Тихомиров начинает говорить, что они напрасно пришли. О[тец] Стефан требует лекций. Тихомиров устраивает репетицию. Студенты – ни бельмеса не хотят...

На другой раз к Тихомирову приходит один о. Стефан. Тихомиров, змея, не хочет читать, и опять репетирует. Стефан опять ничего не знает.

Тихомиров подает в Совет требование чтобы Стефана Беха исключили из Академии за нежелание учиться...

Требование, понятно, незаконное. Мальчишеское поведение Тихомирова прямо постыдно.

Наряду с этими сценами – идут у всех порядочных профессоров и настоящие лекции.

А у этих мальчишек-профессоров манера – всякую лекцию репетиции; боятся не ходить, чтобы не пострадали карман и служба. А все-таки хочется иметь возможность сказать, что они «не читали лекции»... Гнусность чисто семинарская[147].

Так прошло «чтение лекции» в Академии от понедельника до четверга, когда наконец все распущены на Масленицу до второй недели Великого Поста (по обычаю). Итак, начальство может заявить, что «чтение лекций в Академии не прерывалось»...

Комедия!

18 февраля.

Мои именины. Нынче неприятные письма от дочерей... Ссора, загадочность Веры. Ах, какая трудная девушка, как она меня постоянно наполняет страхом. Господи, уразуми ее. Прекрасна, но какие-то нервы, порывы, капризы, увлечения до невозможности...

Написал увещевание им, да что толку!

Вот Надя – более счастливая натура и замечательно превосходная. Счастлив был бы муж ее. Но кто их возьмет? А вот уж Верочку – выдал бы замуж с величайшим облегчением. Они обе хороши, но вот нет женихов. Это одно из самых удручающих меня огорчений. Сволочи [?] мужчины нынче, или просто развратники. Боже, Боже помоги.

Получил письмо от Суворина*. Вышла моя книга[148]. Правда, сегодня дали только 4 экземпляра**.

16 февраля.

Дорогой мой, милый папочка!

Такого отвратительного настроения духа, как сейчас, я еще никогда не испытывала, эта противная Вера все время была человек, как человек, а как пора была начать укладку и ехать, уперлась и ни за

* Данное письмо А.С. Суворина в дневнике отсутствует *(сост.)*.

** Далее вклеены два письма от Надежды и Веры Тихомировых *(сост.)*.

*что!** *И вот я теперь должна сидеть в этом противном Петербурге, совершенно против моей воли, когда все мои желания были быть поскорей в Москве! Уж конечно, с таким капризным существом, как Вера, я больше никуда не поеду; со скандалом уезжала из Москвы и тут не могла обойтись, чтобы не испортить дело и все хорошее впечатление, которое у меня было от этой поездки, теперь, конечно, уже все исчезло. Если бы это все было еще в обыкновенное время, я бы так не сердилась и согласилась бы остаться, но тут как раз подошли твои именины, которые мне так хотелось провести вместе, да и признаться, хотя я вообще не особенно верю россказням о 19 февраля, но если бы случились какие-нибудь беспорядки, то мне было бы верно прилично, спокойно и приятно быть в этот день с вами, а не подобно Карлу Кунигунду*[149] *спасаться в безопасных местах и считать для себя достаточным свою личную безопасность. Ну и при всем этом и все-таки принуждена была покориться Вере. Войти ж в ее психологию, в ее настроение для меня совершенно немыслимо и невозможно, считаться ж с этой меланхолией, как ни противно, все-таки необходимо, потому что, если бы она приехала какая-нибудь надутая и недовольная, тоже было бы нехорошо и никому бы не доставило удовольствия. До свидания! Крепко-крепко тебя целую, маму, бабусю и братьев также и желаю вам всякого благополучия и здоровья. Мы обе здоровы и все это время проводим очень хорошо. До свидания еще раз тебя и всех целую.*

Любящая тебя, Н. Тихомирова.

Дорогой папочка!

Мне очень хотелось бы еще побыть в Петербурге, поэтому я очень благодарна тебе за твое разрешение и решила воспользоваться им. Жалко, конечно, что придется пропустить твои именины. Но сюда нам так трудно выбраться, и путь стоит довольно дорого. Так уж лучше воспользоваться тем, что мы приехали и остаться подольше. Мне бы хотелось пробыть здесь часть Масленицы. Ты, пожалуйста, напиши, что ты на этот счет думаешь. Относительно денег, хотя они сейчас у нас есть, ты, пожалуйста, пришли все-таки рублей 15–20. Так как мы остаемся, то они могут понадобиться.

Вот, кажется, и все деловое.

Мы вполне здоровы, я об этом обыкновенно не пишу, потому что это само собой подразумевается. Бабика[150] *писала, что ты поправляешься после своей инфлюэнции – слава Богу. У вас серьезно ждут беспорядков 19-го? У нас также поговаривают, но наши места тихие. Надеюсь, что «Московские ведомости» не будут разрушены. Хо-*

---

* Зачеркнуты слова: «какая-то ле...» *(сост.)*.

телось бы мне посмотреть, как дядя Отто и Миша разговаривают о кроликах.

В каком виде и где, и как будет распространяться твоя прокламация? Ты ее нам, пожалуйста, пришли. Миша не собирается быть в Петербурге? Если да, то он надеюсь, зайдет к нам. Мы все были бы очень рады его видеть. Однако, пора мне кончать.

Милый папочка, я решила воспользоваться твоим позволением остаться по зрелом размышлении. Я так хорошо себя здесь чувствовала все время, только одними размышлениями расстроилась. Но лучше себя не расстраивать понапрасну. Крепко целую тебя и всех наших. Маничка и Писаревы тебе кланяются.

Твоя В. Тихомирова

19 февраля.

Ждали беспорядков, но день прошел безусловно тихо.

20 февр[аля].

Какие мучительные часы я переживаю. Саша шляется по всему городу – в студенческой форме. Теперь ушел на чтения: в Исторический музей, потом в Епархиальный дом[151]... Уже скоро 11 часов, и чудится, что его где-нибудь убивают. Этот несчастный безумный народ. О эта ужасная, ничтожная власть, доведшая всех до безумной кровавой расправы! Сколько она всем делает муки и зла.

...Саша возвратился.

Любопытное отношение наших радикалов к свободе слова. В Думе какая-то Комиссия обсуждает вопрос о забастовках рабочих. Отсюда речь зашла о вообще настроении рабочих. Профессор Мануйлов[152] (знаменитый радикал) – сказал, что крайне вредное влияние на умы рабочих имеют чтения в Епархиальном доме: Назаревский[153] читал о убийстве Великого Князя, и это возбуждает народ против интеллигенции. Он рекомендовал прибегнуть к Градоначальнику Волкову – чтобы он обратил внимание митрополита и просил воспретить такие чтения, а равно воспретить и священникам говорить на тему об убийстве Великого Князя. Гласный Пржевальский (присяжный поверенный) обратил внимание на другой источник зла, именно на [«]Московские ведомости[»], которые постоянно пишут против крамолы, чем возбуждают народ против интеллигенции. Пржевальский предложил обратиться к Прокурорскому надзору для возбуждения преследования против [«]Московских ведомостей[»] и к Градоначальнику Волкову, чтобы он воспретил Грингмуту писать против крамолы.

Это рассказывал Грингмуту купец-фабрикант Карлкин, присутствовавший на заседании.

21 февраля.

Ночь. Что-то нет не только дочерей, но даже писем. Последний раз писали 18 числа. Боюсь, что мои спешные письма были неудачны и только усилили смуту. Да, я – совершенно несознателен в отношении Веры! Казалось бы, я ее понимаю, но приспособиться к ней не могу. В сущности – беда в том, что я не могу ей доставить того, что ей нужно по натуре ее. И что я тут сделаю? Выходят одни слова, философия, рассуждения... Наказание Божеское. Уж хоть бы Господь помог. Ведь видит же Он мое бессилие?

А я за нее просто боюсь. Закрутится с чем-нибудь. Боже, помоги.

23 февраля.

Приехали благополучно Надечка и Верочка. Слава Богу. Они очень довольны своим пребыванием*.

Получил свою книгу (300 экз.) и циркуляр. Начата рассылка того и другого.

Слухи о переводе Парфения[154] в Петербургские Митрополиты вместо Антония. Не худо бы! Говорят, хлопочут Трепов и Булыгин.

Заклеиваю сообщение [«]Русского слова[»] о подлости Думы (собственно Голицына, Мануйлова и Пржевальского.

[«]Русское слово[»]. № 51.**

Как успокоить население

В комиссии, избранной Думой для урегулирования ряда возникших в последнее время вопросов об улучшении участи служащих, в последнем заседании, между прочим, поднят был вопрос о том, как вообще успокоить столичное население, с некоторых пор вообще заметно возбужденное.

Вопрос этот возник случайно, во время прений, и ни к каким постановлениям практического характера не повел.

Интересно, однако, что по поводу этого вопроса вся комиссия высказалась... против «Московских ведомостей».

По мнению говоривших в заседании, тон этого органа в последнее время сделался совершенно невозможным; печатаемые в этой газете «произведения» не только не могут способствовать умиротворению общества, но, наоборот, могут вести к вспышке чувств ненавистнических, вызвать серьезные раздоры.

Поэтому «Московские ведомости» должны ответить за это перед судом.

---

* Предложение отчеркнуто Л.А. Тихомировым с левой стороны *(сост.)*.

** Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Комиссией было отмечено и распространение в народе в последнее время различных дешевых листков, откликающихся на события; помимо своей безграмотности, они по содержанию своему вряд ли могут быть отнесены к таким произведениям, которые могли бы умиротворить или успокоить население.*

Это мнение комиссии, между прочим, было сообщено московскому градоначальнику.

Замечательно, что хотя Комиссия не приняла явных шагов к осуществлению своих угроз, но Голицын ходил к Волкову (Градоначальнику) и частно сообщил ему это знаменитое «мнение».

24 февраля.

«Русский листок». 24 февр[аля] № 54.**

Среди столичного духовенства возникла мысль о создании поместного русского церковного собора для обсуждения назревших вопросов церковной и общественной жизни России. Кроме того, ощущается в настоящее время необходимость разрешить некоторые вопросы догматического, канонического и вероисповедного характера на вселенском соборе. По этому поводу представители петербургских храмов обращались с соответственным заявлением к первоприсутствующему члену Святейшего Синода митрополиту Антонию. Митрополит, по словам П.Л., принял депутацию столичных пастырей и имел с нею продолжительную беседу. ***(Тлф.)***

Известие любопытное!

Любопытно также, что именно теперь, по слухам, Трепов и Булыгин хлопочут низвести с кафедры митрополита Антония и на его место возвести Парфения!

Не есть ли этот соборный проект – со стороны Антония – фокус для придания себе популярности и даже вида мученичества в случае низведения? В сущности, – верх произвола, хотя фактически Парфений был бы лучше Антония.

Сегодня вечером явился Арк[адий] Вас[ильевич] Алехин... как всегда наподобие снега на голову. Ну, конечно, любопытно было повидаться. Кстати, в курских избиениях этих с ума сошедших мальчишек, Алехин обвиняет полицию... Уверяет, что у гимназистов не было

* Справа от этого абзаца газетного текста Л.А. Тихомировым поставлена скобка и написано: «Это говорилось о листке о. Петра, о брошюре Назаревского и тому подобном».

** Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

ни флагов, ни вызова полиции на драку... Однако и сам признает, что мальчишки – на требования разойтись – не послушались.

28 февр[аля].

Гнуснейшее настроение. В субботу Грингмут уехал в СПб. Барон болен, не приходил. Редакцию поручили Дмитрию Андреевичу: новость.

Отто – не едет. Это очень беспокойно. Он прислал письмо от 23 февраля, очень беспокойного содержания.*

Дугино[155].
23.II.1905.

Любезный Лева,

Как я Валечке говорил до выезда, 19 и 20 никакой опасности, как от четверга; особенно же «тревожный» день, когда народ разойдется, исчезнет, собирается около питейных домов небольшими массами и в невменяемом состоянии способен скотом учинять зверства.

Две ночи просидели вооруженными в засаде. Администрация накануне 19 и 20-го присылала самые ужасные предупреждения и двух переодетых урядников.

Вчера получили уведомление секретаря, что к четвергу ожидается извне прибытие командования – командиры: якобы из студентов, которые привезут пироксилиновые шашки и через которых теперь, по слухам, – получаются ящики с револьверами. Будто для нашего уезда винтовок будет – 10. Обещал приехать исправник. На днях случилось убийство на полотне железной дороги. Старик-сторож пустил ночевать пешехода, который его уже посвящал в предстоящее избиение, да показывал очень много денег. Тот соблазнился и убил его, отняв бумажник.

*При обыске трупа полицией найдено еще зашитых 40 000 руб. и констатировано иностранное происхождение пешехода. Японец. Рассказывал становой.*** *Из Петербурга распоряжение охранять сколько можно телеграфные провода. Пребуду до первого дня Великого Поста. Женщины и дети служащего персонала особенно страдают от тревог.*

Разбрасывают еще четвертый образец прокламаций, в котором есть одно бессмысленное место: стращают самих крестьян, что, кто из них не примет участия, в этих деревнях будут отравлены колодцы, а сами отговаривающие – казнены.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

** Сделана вставка, и по левому краю письма его автором написано предложение: «Прислуга под разными предлогами просит расчета. Симптом неблагоприятный».

Целую Вас всех, и от души желаю Вам покоя, а нашим битвам на Дальнем Востоке успеха. Если бы только Куропаткина оставили в покое.

Может, вышлю письмо 19 вечером, а об остальном прошу: успокой только письмом [?] бабушку.

Ваш [подпись].

Что только делается по России. В Дмитриевском, Севском, Брянском уездах толпы крестьян жгут усадьбы и заводы. Здесь – бомбы...

Сегодня в [«]Слове[»] (№ 80) появилась мерзейшая выходка какого-то Бобыля («Отблески») против меня: говорит, что «Тихомиров перешел от Липецкого съезда[156] к Зубатовским подвигам»[157]... Мерзавец! Послал Перцову[158] протест против этой инсинуации.

Разгулялись страсти... Ум и совесть одинаково пропали у всех. Всё лезет к подстрекательству, к крови и мясу человеческому, и, должно быть, не воскреснет у них ни ум, ни совесть раньше, чем напьются крови до пьяну, раньше, чем не омерзеют им собственные дела...

Куропаткин разбит под Мукденом начисто[159], с позором... Все против нас... Бог осудил на гибель.

А я-то издаю «Монархическую государственность»! Какая жалкая гибель... Бедный, слабосильный Самодержец... И сам гибнет и всю Россию губит. И, кажется, во всей России он один того не сознает.

У меня какие-то тяжкие предчувствия. Так тяжело на душе, как никогда в жизни.

Ходил сегодня на [нрзб.]. Хочу попробовать говеть[160], и так тяжело на душе, что почти не могу. Нет молитвы. Душа полна каким-то упреком против Бога. Неужто нам нет никакой, никакой милости?

1 марта.

Приехал Маркграф. Ну, слава Богу.

2 марта.

Приехал Грингмут.

Невеселые вести петербургские. Хаос в правительстве. Борьба партий.

Владимир Андреевич не посвящает меня глубоко в эту катерийскую политику. Но, во всяком случае, я вижу, что там партия «придворная», «консервативная» же вертится около Гессе[161], Путятина[162], м. б., Фредерикса[163]. Близка к ней, очевидно, и Императрица Мария Федоровна[164]. Мелкие деятели ее – Павлов[165], Пал-

тов[166], Богданович[167], вероятно, Никольский[168] и тому подобное. Все это друзья и Владимира Андреевича. Среди министров нет ни души этой партии, которую, я думаю, правильнее назвать патриотически-абсолютистской. В министрах — деятельна часть конституционная. Ее «лидером» — смехотворным соломенным чучелом — является «Ермолай», то есть Ермолов[169], которого в это звание выдвинул великий маг и таинственный незнакомец Витте.

Самого Витте обвиняют в том, будто бы он работает на себя, на свое личное возвышение до... до чего только возможно. Он перед Государем является сторонником самодержавия вполне абсолютного. Но он же подстрекает все смуты — от конституции до революции, и подсказывает Государю все меры, способные привести к хаосу. Каковы его цели? Говорят, — довести дело до революции и затем явиться спасителем, захватив в свои руки всю власть. Он будто бы говорит и делает, что нужно: 1) чтобы Государь вручил диктатуру доверенному лицу (то есть ему самому), 2) министров и Государственный совет разогнать, 3) назначить в министры и Государственный совет однородных людей (то есть его креатур). Тогда все пойдет ладно. Это значит повторить старо-японскую систему... Императора — посадить в положение микадо[170]; сам Витте — в сёгуны[171]. Ну, а если хаос кончится низвержением Монархии, то Витте будет Президентом Республики.

Так представляют его планы. Само собою, что он же является представителем еврейства, бессословности, разных личных свобод (совести, печати и так далее).

Каковы планы «патриотических абсолютистов»? Никаких, по-видимому. Они стараются мешать Витте... и только.

В настоящую минуту борьба этих «партий» выразилась в том, что Витте руками Ермолова хотел заставить Государя издать Манифест того содержания, каким вышел рескрипт Булыгину[172]. Консерваторы провалили это дело и сочинили тот Манифест, который был опубликован. Дело это совершилось в тайне и возмутило министров, Витте, Коковцова, Ермолова. Они достигли назначения у Государя Общего Совещания и вынудили у него рескрипт Булыгину. Государь этого ни за что не хотел, но благодаря ловкости Витте подписал. Булыгин вел себя слабо и двусмысленно. Сольский[173] и Ермолов — вели передовую атаку, а Витте ловко поддержал, сказав, чтобы вписать в рескрипт слово Самодержавие.

Грингмут подробно рассказывал всю эту сцену заседания. Скучно записывать. Достаточно сказать, что Государь всеми мерами уклонялся от подписи Рескрипта, а министры грозили революцией, финанса-

ми (Коковцов) и иностранными усложнениями*, если он не заявит о созыве представителей народа.

Государь, наконец, подписал, а затем, придя к Императрице, разрыдался. Узнав о подписи рескрипта, Импер[атрица] Мария Федоровна приехала и жестоко его упрекала.

И вот рескрипт подписан. Но ни Государь, ни Булыгин нимало не желают его исполнять.

Должно ожидать, что теперь начнутся демонстрации или что-либо похуже, чтобы заставить их приступить к исполнению рескрипта.

Зрелище жалостное и даже больше.

Из частностей – жестокая вражда Витте и Трепова, который вообще ненавидим всеми министрами. С Булыгиным, впрочем, он в недурных отношениях.

Витте, конечно, – у них там самый умный и ловкий человек. Если бы он был хоть чуточку русский, ему, скорее всего, можно бы было пожелать прочной власти, – конечно, не такой безумной, о какой он мечтает (если мечтает). Но его власть если и даст порядок и некоторую свободу, то – ценой господства жидовства и всякой инородчины. Ну да впрочем – не стоит и гадать об этом. Меня никто не спросит, и ничего ни для кого я все равно не могу сделать.

Куропаткин – пал. Главнокомандующим назначается Николай Николаевич[174]**. При нем – Драгомиров[175] (еле живой) и Сухомлинов[176]. Они говорят, будто бы «мы поедем без образов, но с Драгомировым»... Окажется ли только эта сомнительная «реликвия» более действительной помощью?

5 марта. Суббота.

Сегодня я приобщился Св[ятых] Тайн.

Говение шло с прекрасной удачей с самого понедельника. Благодарение Богу.

А к вечеру опять стала охватывать суета. Не уйдешь. Охватила бесовская сеть всю Россию***.

ПЕТЕРБУРГ, 3 марта. Императорское Московское Общество Сельского хозяйства 14 января постановило выразить протест Правительству по поводу мер, принятых при прекращении бывших в Петербурге 9 января беспорядков с требованием немедленного введения в России представительного образа правления, решив сообщить это постановление всем губернским и уездным земским управам, всем го-

* Так в тексте *(сост.)*.

** «Оказалось неправда: Линевич». Примечание Л.А. Тихомирова *(сост.)*.

*** Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

родским думам, волостным правлениям и всем сельскохозяйственным Обществам, что и стало приводить к исполнению.

По всеподданнейшему докладу министра Земледелия и Государственных Имуществ об означенном постановлении Общества, Государь Император повелел лишить Общество права именоваться «Императорским».

Вот любопытный факт наших дней! Репортер Лукин говорит, что в Обществе[177] идут речи о том, чтобы послать на Высочайшее имя благодарность!.. И, пожалуй, сделают. Почему нет? Наверное, сошло бы с рук.

В Манчжурии, по-видимому, был полный разгром под Мукденом. Официально всё не дают ничего точного. Но потеряна едва ли не половина армии и бесконечное количество пушек, снарядов и припасов.

Леневич принял от Куропаткина отчаянное положение.

Ну, а здесь, внутри? Такой же разгром Монархии и порядка, и даже Русской национальности.

Моя «Монархическая государственность» совершенно не идет. Продано у Кати три экземпляра. Это за две недели...

Истрачено свыше 500 р., получено 8 рублей! Торговля!

Вообще по части внешних удач – очень плохо. Господа «монархисты» читают плохо, понимают плохо и обделывают свои делишки. Тут, по-видимому, крах неизбежен. Но самое скверное то, что исчезла культурность. Знание не интересует. Это ухудшается с каждым годом.

В Петербурге Павлов и К° затевают «монархический съезд»: по словам Грингмута, это будут «консервативные предводители дворянства». Впрочем, он уже говорил, что «консерватизм» – отбрасывается и заменяется словом «монархизм»... Резонно: «консерватизм» загадили и испошлили до непотребляемости. А люди более порядочные называли себя «монархистами»: теперь нужно загадить и это слово.

Вот пишу, злобствую и ругаюсь... А чему? Ведь в сущности виновата Россия. Глупы, неразвиты, ничего не знают и – хуже всего – понизились нравственно. Что тут может быть? Хозяйничание жуликов неизбежно.

В сущности я бы желал одного: уйти из этого вертепа. Но – это допустимо только при некотором независимом состоянии.

Приходится сидеть в этой якобы борьбе партий, безумной толчее, где сколько-нибудь «разумны» лишь обделыватели своих делишек всех партий.

6 марта.

Ночь. Я что-то расхворался кишками, последствия ли прошлой недели, – уж не знаю. Получено известие из Керчи, что тетя Варвара

Николаевна Савицкая[178] скончалась 28 февраля... Царствие ей Небесное.

Россия тоже имеет вид умирающей. Неужели, вправду конец? Монгол идет, пойдет и магометанин. Ну, а Европа, даже для собственной безопасности, поотберет хоть свои части: Финляндию, Балтику, Польшу.

Самое удручающее то, что не видно внутреннего возрождения. Легкомыслее, фантазии, своекорыстие: пир во время чумы...

Да, кстати, на лето же по всем вероятиям и чума появится. В прошлом году уже совсем приблизилась, да запоздала. Наверное, разразится теперь.

7 марта.

Весь день мучаюсь с кишками. Второй день принимаю белладонну.

Вечером заходил кн[язь] Щербатов (Александр Григорьевич)[179]. Но так и не дошел до предмета разговора. Сказал, что завтра придет, а теперь, дескать, мимоходом зашел: «Завтра поговорим». Что такое? Он, я знаю, заинтересован мыслью основания какого-то общества. Но по поводу ли этого?

14 марта.

Заклеиваю характерное письмо Киреева*.

13 марта 1905 г.
Павловск[180].

Многоуважаемый Лев Александрович.

Не вы одни «в неясном представлении о военных делах». Никто ничего в них (да и во всех других) не понимает. Ни в одной мало-мальски упорядоченной армии не могло бы повториться ничего подобного трагикомической эпопее Куропаткина; в Германии военные только руками разводят, а у нас говорят о каком-то героизме!??

Сколько у нас воинов в данную минуту? Думаю, у Линевича с подошедшими резервами 250 000 будет (но потерь под Мукденом не публикуют). Потери громадны, благодаря исключительно Куропаткину, который, владея Мукденом, не позаботился устроить хорошие дороги к Телину[181] *(на Телинской позиции, говорят, можно бы держаться недели, они великолепны!).*

С Николаем Николаевичем царь советуется, считая его военным гением, он командовал гусарским полком, а царь у него командовал эскадроном. Едва ли Н[иколай] Н[иколаевич] возьмется теперь за личное командование армией, разбитой на-голову.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

До Мукденской катастрофы царь не отдавал себе ясного понятия о положении дел, крепко настаивал на необходимости победить, а теперь??? Все решения самые неожиданные, возможны! Подумайте и о том, что ведь мы объявили urbi et orbi[182] *(в манифесте 18 числа), что нам почему-то необходим Тихий океан и что мы призваны защищать и интересы других христианских держав (вероятно, Англии?). Le ridicule nous tuera*[183]*. Это повторение хвастливого приказа Куропаткина перед поражением под Ляояном*[184]*.*

Страшное, чудовищно-индискретное[185] *оповещение военного министерства о числе войск, пересланных Куропаткину (770 000 чел[овек]), заставляет думать, что мы все же можем еще бороться, что мир не необходим? Мир, может быть, необходим для отражения внутренних японцев. Ведь войск в некоторых губерниях нет совсем. Говорят, в Пензе уже нельзя выходить из дома вечером???*

Все еще может быть спасено, если только Земский собор будет созван не слишком поздно и будет состоять из консервативных элементов. И то, и другое еще возможно. Думаю, что мы можем располагать 3-мя, 4-мя месяцами, а потом – в отставку.

Шарапов, несомненно, талантлив. Что и говорить! Да и кроме Шарапова есть у нас люди, на которых можно бы опереться, консервативные силы есть несомненно, и серьезные, но правительство не умеет их сгруппировать.

Булыгин, по-видимому, не чувствует за собой опоры... а ведь трудно работать, когда приходится все оглядываться... La betise est un luxe tres cher[186]*, в особенности в политике.*

Бог карает Россию.

Нет, вероятно, Рожественский[187] *еще успеет погибнуть до окончания войны.*

Ваш А. Киреев.

Его пессимизм, может быть, преувеличен, но, во всяком случае, Россия – в положении самом ужасном. Правительства не только нет, но, кажется, не может быть. А так как страна погибает, то правительство должно возникнуть – снизу... Но и это трудно представить без отчаянной резни. Похоже, выходит, на революцию.

Земский собор, конечно, был бы спасением, если бы он мог возникнуть, как национальное собрание. Но это еще труднее сделать, чем создать царское правительство. И выходит опять один вероятный исход – революция.

Умопомрачение!

Но самое мерзкое то, что даже и революция ничего не может создать иначе, как после десяти лет резни и насилия. Силы претендентов на власть под флагом народного самодержавия очень незначительны... Это вроде Франции XVIII века, и уж если там

необходим был террор для власти республики, то у нас и подавно. Прямо – чёрт знает что!

А между тем мало-мальски сносное правительство могло бы все устроить мирно. Но его нет и не может быть.

Вот что значит абсолютистская монархия! Каких-нибудь 10-ти лет достаточно, чтобы сокрушить себя и погубить страну.

19 марта.

Усиливаются толки о гнусном мире, с уступкой половины Сахалина, всей Манчжурии, с дорогой (а японцы ее отдадут за 500 млн. китайцам). Значит, контрибуция натурой...

Не понимаю, как можно так низко пасть, чем нужно быть, чтобы подписать такой мир? И это – со вчерашними дикарями, имеющими 47 млн. против 130 млн. русских! Это ужасно! Я понимаю, что можно умереть, но кто способен жить, совершив подобную гнусность? И это – Россия.

До чего Господь привел дожить!

20 марта.

Приехал Новоселов. Должен читать о «Возрождении живой церковности»... Лекцию написал я, читать будет он.

А в кружке у них (Корнилова[188]) я не состою.

На днях Грингмут передал мне приглашение Истомина[189] (Влад[имира] Конс[тантиновича]) на вторник, на какое-то совещание, где будут люди, которым он «особенно доверяет»: Лицейский Георгиевский[190], епископ Никон, Лицейский священник (Даниил [фамилия нрзб.]), еще какой-то священник, Ал[ексей] Иван[ович] Введенский[191], Грингмут, Корнилов, и вот я. Я сказал, что если дело идет об организации, то я не поеду. Пока не кончу книги своей – никуда не поеду. Не сомневаюсь, что это затеяно Грингмутом. Тут везде пошла организация, у Самариных, у Корнилова, есть и другие... А Грингмута никто не приглашает. Ну вот он, конечно, и задумал воспользоваться перед смертью Истомина, чтобы создать кружок, в качестве члена которого – в компании, войдет и в другие кружки. Умен, нельзя не признать.

Ну, пускай входит куда хватит хитрости. А мне с ним путаться неохота: у него же в постромках[192] придется идти.

Ну и человек! Оплел меня, как лиана какая... Никуда не податься. Одно из его назначений – это уничтожить меня. Прежде это было досадно. Но теперь я уже все равно никуда не гожусь, так что не важно.

22 марта 1905 г.

Заклеиваю копию с письма сестры Николая Еф[имовича] Терентьева... Видно, у них в Харбине полное уныние и паника.

Владимир Андреевич уехал... очевидно, к Истомину...
Итак, я «уклонился». Господь с ними. Не компания я с ними.*

КОПИЯ. Получено 22 марта 1905 г.
Харбин. 4 марта 1905 г.

Дорогой Коля, пишу тебе не на дом, ввиду исключительного положения, в котором сейчас нахожусь. Может быть, что все не случится, но пишу на всякий случай. Ты, вероятно, уже из газет все знаешь, что у нас тут делается, и, конечно, все в очень микроскопическом виде. Японцы, наверно, пойдут на Харбин, а у нас здесь нет ничего против них. Нас обходят кругом, и мы напрасно думаем, что они пойдут именно на те укрепления, которые мы им построили. Мукден и Телин взяты, таким образом, неразгромленными. Харбин обходят с Монголии на Хилар с целью прекратить доставку войск из России. Разбивать Харбина никто не будет, а всех возьмут живыми и здоровыми. В Харбине десятки тысяч раненых, которых не успеют и нельзя эвакуировать. Гражданскому населению, вероятно, предложат выехать. Войска здесь почти нет. Только раненые и медицинский персонал, который едва ли согласится бросить больных и удирать, подвергаясь массе опасностей. Удирать пришлось бы верхом или еще как-нибудь, но не по железной дороге, которую, наверно, взорвут. Красный Крест никаким повреждениям намеренным не подвергается и не считается пленным даже в случае захвата. Он всегда имеет право уехать. Не говори дома про это письмо. Я нарочно пишу на другой адрес. Нечего их заранее беспокоить, а если все сделается именно так, как я пишу, то ты это письмо прочтешь домашним и им[193] *убедишь их в нашей безопасности (мы будем под покровительством иностранного консула). Вероятно, события ближайших дней разрешатся скорее, чем дойдет до тебя мое письмо. Мы спокойно работаем и думаем о житье-бытье у японцев. Не думаю, чтоб мое письмо вскрыли и разорвали в дороге. Оно ничего вредного в себе не содержит. А пишу все это для спокойствия мамочки и всех вас, а то она с ума сойдет от ужасов, которых здесь не предвидится.*

Все будет тихо, смирно, и мы со временем вернемся и увидимся. Чувствую себя хорошо. Ничего не боюсь. Жаль всего случившегося здесь. Жалко до страдания. Ты, наверное, уже читал официально опубликованные условия мира. Кто мог ожидать такого конца? Сегодня в 4 часа утра через Харбин будто бы проехал Куропаткин. Бедный, каково ему теперь? А он не виноват. Вокруг себя теперь видишь массу людей когда-то сильных, здоровых, а теперь представляющих из себя одно мясо. Какого великого успеха можно было бы достигнуть с ними при иных условиях. А кто виноват? Где причина нашего горя?

---

* Далее вклеено машинописное письмо *(сост.)*.

От всей души жалею, страдаю за нашего Царя. Столько неудач, столько бед в такое короткое время. Что за безобразие делается в Москве, что за взрыв был на набережной? Я читала в газетах без всяких подробностей.

Успокоилось ли наконец все? Креста на людях нет. Творят такие мерзости. Стыдно называться русской после этого. Я не могу себе представить, как возвращаться в Москву. Как будто чувствую себя виноватою перед всеми, оставшимися там, что не оправдала их надежд. Здесь как-то не так тяжело дышится. Все события перед глазами. Есть возможность немножко проверить все, а там у вас, я думаю, ужасные События, цифры – все переиначены. То, что я слышала в Москве еще очень плохого, оказалось лучше, а что говорили хорошего – то много хуже, чем передавали. Зачем возбуждать сомнения такими противоречиями? Лучше говорить правду, и тогда не будет такого большого упадка нравственных сил, энергии, как теперь. Странно у нас как-то перемешано все: и победа и поражение в одном и том же бою. Результат боя поражение, а численность если взять убитых, то всегда у них много больше. Мы их поколотим страшно-страшно и все-таки отступим. Где разгадка? Итак, мы сейчас находимся в положении неустойчивого равновесия: чем все разрешится – не известно. А не дурно бы проехать в Японию, а затем морем домой. Мы тут мечтаем. Быть или убитыми, или живыми, но только не увечным: это так ужасно и для других и для себя. Я бы хотела серьезно, чтобы меня забрали; хочется, если возможно, на деле проверить, как живут желторожие. Целую тебя крепко. Часто ты мне приходишь в голову. Что если бы ты был солдатом в эту войну или офицером? Горе одно. Мы не на высоте своего положения. И не на такую службу мы целовали крест. Один в поле не воин. Ты бы здесь измучился душой. Хороши мы, когда идем церемониальным маршем на Театральной площади и воины храбрые среди пиров как Фардаф[194]. Есть хорошие люди, но они бессильны. Дух не русский: все проникнуто «идеями». Среди солдат есть такие типы, что ты не поверишь. Ты их не знаешь совсем, идеализируешь.

Целую тебя, милый. Твоя Лида.

22 марта. Вторник.

Грингмут уехал в СПб. до понедельника.

23 [марта].

Чтение Новоселова в собрании Корнилова.

Мы были всей семьей. Народу всего человек 60. Очень интересно.

Вот никак не запишу. С 14 марта по 23 Витте и митрополит Антоний провели отставку Победоносцева[195] и созвание Поместного Собо-

ра! Вот шарлатаны-то! Теперь каждую секунду ждешь, что они успеют добыть подпись Государя...

16 апреля. Суббота. Канун Пасхи.

Вот сколько времени не записывал ничего! А многое произошло за это время.

Прошла вся история синодальной попытки восстановления патриаршества, которой и я не мало помешал... Все это следовало бы объяснить... да вот все некогда и не охота.

Бессовестный и глупый Исидор меня ужасно провалил, опубликовав мое частное ему письмо, в котором я ругаю митрополита Антония, Витте и К°. В этом письме упомянуты имена бывших против синодальных проектов... Многие на меня недовольны. Это большой удар моим связям в обществе, только что начавшим складываться... Думал ли Исидор мне сделать столько зла? И за что, и для чего?

Вышла за это время третья часть моей [«]Монарх[ической] Госуд[арственности»] («Русская государственность»)... Плохо идет книга! Тема очень непопулярная.

А последнюю часть («Монархическая политика») до сих пор не написал. Устал ужасно, нездоров. Да и как подумаешь о бесцельности всего этого! Руки опускаются. Монархия гибнет. Она таки совершенно подгнила...

«Монархическая политика»! Это смахивает на насмешку...

Однако моя «Монархическая государственность» все-таки доставлена Государю, вел[икому] кн[язю] Константину Константиновичу и вел[икому] князю Михаилу Александровичу, как об этом свидетельствуют заклеенные письма Киреева и Кутузова...[196]

Кстати, конечно никакого «падения Витте», о котором говорит Киреев, не произошло, да и причин нет. Это была пустая болтовн.*

Многоуважаемый Лев Александрович.

Книги сейчас получил, спасибо! Завтра же передам Вел[икому] князю для дальнейшей передачи царю. Что касается до предыдущей присылки, то и она передана была царю с должным пояснением; то же будет сделано завтра же через того же Константина Константиновича. Отдел о современном моменте скажу, чтобы прочли непременно (сам его прочту сегодня вечером).

Желал бы очень, чтобы все Ваши читатели так же бы легко поняли Вас, как Ваша супруга, но????

* Далее вклеены два письма *(сост.)*.

Конечно, все наши партии и подпартии, если к ним не примкнет Булыгин и впоследствии сам царь – будут лишены влияния; но вот мы и надеемся, что к нам примкнут! Наша программа совершенно ясна, удобоприемлема! Ну – а что даст Бог... увидим!

Ведь насилу мил не будешь! Но я очень обрадовался, увидя в газетах назначение двух ярых славянофилов Дм. Хомяковым[197] *в Крестьянскую комиссию Горемыкина*[198]*. Собственно – я с ними разошелся в том отношении, что они стали правее меня (они еще верят в то, что правительство может что-нибудь как-нибудь сделать, но, конечно, мы единомышленники). Эти два назначения важны симптоматически, ведь это признание славянофильства и призвание его.*

Да «консервативная партия» некрасиво, вернее было бы – охранительная, но первое выражение привилось, принято...

Падение Витте здесь всех благомыслящих обрадовало, но оно не безопасно. У Витте в руках много тайн, да и сам он человек сильный, так что злить его дело опасное (в особенности слабым).

Сидишь здесь у моря и ждешь погоды! Но погода скверная!

Что за грубое животное Ваш еписк[оп] Исидор! Но как его отделало [«]Новое время[»]!

Искр[енне] Ваш
А. Киреев.

9 апреля 1905.

50, Фонтанка
СПб.

Многоуважаемый Лев Александрович,

Ваше поручение я, конечно, исполнил и прошу прощения, что не известил Вас об этом и не передал Вам искренней благодарности Великого Князя Михаила Александровича за поднесение Ему Вашего труда. Поднесу Его Высочеству и третью часть, присланную мне Вами. Я не сообщил об этом [нрзб.] состоящего при Великом Князе генерала Дашкова[199] *для передачи Вам официальной благодарности, усмотрев из Вашего письма, что официальностей этих Вы вовсе не желаете. Сам же по болезни и вследствие массы дел – каюсь откровенно – запамятовал! Простите меня, Бога ради за это упущение.*

Еду во вторник на три недели в отпуск: привести несколько в порядок совершенно расстроившееся здоровье и отдохнуть, а затем придется вновь усиленно работать. Будет ли толк от всех этих работ – Бог весть!

Ваш искренне преданный, Кутузов.
Получено ли [«]О Старом и Новом[»]?[200]

Теперь одиннадцатый час ночи. Скоро заблаговестят... Пасха! «Светлый праздник»... и мы (в семье) пока подходим к нему светло, но только путем того, что закрыли уши и глаза на всю политику, на весь мир... Но делается в этом «миру» все только тяжкое. На Пасху в Петербурге грозят устроить революцию – «массовые беспорядки», как выражается объявление Трепова. У нас на Страстной[201] была забастовка пекарей, да и на Пасху-то что еще ждет?

В церкви запоют: «Друг друга обымем; рцем, братие, и ненавидящим нас, простим вся воскресением»...[202]

А на улицах, а в домах – что будет происходить?

19 апр[еля].

Светлый праздник 17 апр[еля] встретили тихо и, казалось, благополучно.

У меня был епископ Антоний (опальный). Очень достопримечателен. Был также епископ Серафим Можайский[203].

Вчера был Алёхин.

Вчера же получен [«]Прав[ительственный] вестн[ик»] с царским указом о свободе вероисповеданий[204].

Сегодня я совсем нездоров. Думаю, что простудился на крестном ходу, под Пасху. Без шапки пришлось долго стоять. Теперь насморк, жар и тому подобное.

Пасхальные расходы
Выдано на «поздравления» и тому подобное:
старший дворник – 3 р.
дворники – 6 р.
сторож редакции – 5 р.
рассыльные редакции – 2 р.
сторож типографии – 2 р.
ученики – 2 р.
Борис – 1 р.
своя прислуга – 2 р.
почтальоны – 2 р.
телеграммы – 2 р.
городовые – 2 р.
швейцары – 1 р.
Прохор – 1 р.
Сергей – 1 р.
складчики – 2 р.
газетчики – 1 р.
36 р.*

* Так в тексте. При подсчете получается 35 рублей *(сост.)*.

————

а) на церковь – 5 р.
б) духовенство – $3\ ^{1}/_{2}$ р.
в) Авдотья Лар[ионовна] – 5 р.
г) дети – $17\ ^{1}/_{2}$ р.
31 р.

—————

всего 67 р.

Расходов по пасхальной трапезе, а также на церковь не считал, как-никак.

*19 апр[еля].**

Настроение препоганое. Болезнь досадна и тревожит. Работать ничего не хочется. Голова тяжела.

Заклеиваю мое газетное объяснение с епископом Исидором Колоколовым.

[«]Моск[овские] вед[омости»] 6 апр[еля] № 95.**

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ЕПИСКОПА ИСИДОРА

В № 92 «Русских ведомостей» напечатано письмо епископа Исидора Балахнинского, которое привожу в примечании[205] *и в котором он дозволяет себе опубликовать мое письмо, совершенно частного характера.*

Письмо это, вполне частное и даже конфиденциальное по содержанию, имело своею целью предохранить епископа Исидора от необдуманных поступков, на путь которых он вступил. Само собою разумеется, я не мог и вообразить, чтоб он позволил себе такое злоупотребление доверием, как опубликование без моего позволения этого письма, где я, не стесняясь, говорю о лицах и событиях.

Протестуя против этого поступка, прошу читателей принять во внимание, что, как всегда бывает в частном письме, которое пишется с надеждой на скромность и соблюдение приличия адресатом, я не взвешивал строго своих выражений, не старался найти наиболее точные, не избегал и таких, которых не позволил бы себе употребить публично.

Заявляю читателям, что на основании столь недоговоренных выражений моего письма они не должны делать никаких заключений об упоминаемых в нем лицах или планах.

Выражаю свои сожаления высокопреосвященному митрополиту Петербургскому Антонию касательно всего, чем его компрометирует епископ Исидор. О ком именно говорю я, упоминая о «политика-

* Повторение даты. Так в тексте *(сост.)*.

** Далее вклеены две вырезки из газеты *(сост.)*.

нах», и в какой мере и к кому прилагаю это название, – покорнейше прошу не заключать из слишком кратких и недоговоренных строк моего письма. Но заявляя это митрополиту Антонию, не могу не упрекнуть и его самого, и вообще Духовное Ведомство в том, что они дают нам епископов, с которыми, как показывает этот прискорбный случай, опасно даже говорить и переписываться.

Из других лиц, упомянутых в письме, должен сделать особые оговорки относительно отца Серафима Остроумова[206]*, в отношении которого поступок епископа Исидора особенно предосудителен, ибо отец Серафим – человек подчиненный и не имеет права выражать своих мнений без разрешения лиц, коим монашеское послушание вверило его волю. За выражение иных мнений он мог бы в ином случае даже весьма пострадать. Посему долгом считаю засвидетельствовать, что отец Серафим отнюдь не присоединялся к одобрению заключений реферата. Напротив, он даже заявил, что не выражает этого одобрения. Что касается слов моего письма «один отец Серафим Остроумов сказал, что он согласен с нами», то эти слова по своей краткости неясны. Я хотел лишь выразить, что отец Серафим не был заодно с большинством присутствовавших духовных лиц и что его мнение мне казалось в некоторых пунктах сходным с моим. Притом я говорил с отцом Серафимом лишь какую-нибудь одну минуту. Итак, если какое-нибудь начальственное лицо обратит внимание на доносительное сообщение епископа Исидора, то прошу его отнюдь не основываться на краткой фразе моего письма, а расспросить более подробно и обстоятельно других лиц.*

В заключение не могу не упрекнуть и редакцию «Русских ведомостей» за то, что она способствует недозволительному опубликованию частного письма. Она не может не знать, что опубликование частных писем, в мало-мальски щекотливых случаях, считается приличным только при согласии самого их автора.

Л. Тихомиров.

* * *

«Русские ведомости» (№ 92) пишут:

От преосвященного Исидора, епископа Балахнинского, мы получили еще следующее письмо:

На письмо мое, посланное г. редактору «Московских ведомостей» 26 минувшего марта за № 2388, перепечатанное во многих газетах, я получил ответ следующего содержания:

«29 марта 1905 года. Многоуважаемый преосвященнейший владыко Исидор. В.А. Грингмут сообщил мне, что вы резко протестуете против статьи “Московских ведомостей” “Церковный переворот”... Считаю долгом сказать по сему предмету свое слово. Я думаю, что, вероятно, вы, преосвященный владыко, не осведомлены

о ходе дел в Петербурге. Если так, то это – еще новое доказательство неправильности действий митрополита. В письме трудно было бы излагать все, что к нам доходит о возникновении этого плана реформы. Но вы знаете, что я, например, безусловно за патриаршество и за соборы. Затем, на реферате Новоселова было человек 60 лучшего православного общества Москвы (в том числе двое Самариных[207]*, проф[ессор] Заозерский, врач великой княгини д-р Корнилов, В.К. Истомин и так далее). Был и я. И все это собрание заявило себя резко против петербургского способа действий, что, конечно, не осталось без влияния и на "Московские ведомости". А согласитесь, что все мы не менее православные люди, чем Сергей Юльевич Витте. И все собрание было за патриаршество и за собор. Весь вопрос в том, что мы вовсе не желаем под видом церковного возрождения служить политиканским (и отчасти очень опасным и подозрительным) планам. Когда я говорю "все собрание", то должен, к сожалению, прибавить: "за исключением духовенства". Действительно, все присутствовавшие духовные лица резко разошлись с мирянами. Один отец Серафим Остроумов сказал, что он согласен с нами. Видите, владыко, вот уже сразу вредные плоды того, что святое дело взялись вести политиканы. Да вот и вы прислали Грингмуту протест. А ведь он, согласитесь, издавна служит церкви – и очень усердно. Что же будет дальше? На собрании и то говорили, что петербуржцы действуют как «клерикалы». Впрочем, в письме трудно изложить столь сложный предмет, в котором всю сущность заключает то, что никто не согласен делать церковь орудием планов Витте. Но что касается патриаршества и соборов, то все – за них, и никто не сомневается, что теперь все это будет достигнуто. Ведь политиканы только оттого и примазались к этому делу, что оно неизбежно. Мы же желаем этих политиканов отстранить от святого места. Мы желаем собора, и пусть сам собор решит, что нужно делать. Достаточно насильничали над церковью. Пусть ее устроит не Витте, не митрополит Антоний со штатом, а собор. В этом только и задача, которая, даст Бог, и будет достигнута. И посему-то, владыко святой, полагаю, что вы также нас благословите на дело божие, а не на служение карьерам политиканов.*

Душевно преданный Л. Тихомиров».

На все это отвечаю кратко.

Теперь, когда сказано царское слово благочестивейшего самодержца, всем чадам православной русской церкви необходимо горячо молиться, чтобы господь бог «возглаголал в сердце царевом благая о церкви своей». Петербургский протоиерей Философ Орнатский[208] *в письме своем от 29 марта в редакцию «Нового времени», прекрасно разъясняя «важное недоразумение», указал необходимость такой молитвы. Теперь я в Петербурге и, повторяя свой протест «Мо-*

сковским ведомостям», никем уже не могу быть назван «не осведомленным о ходе дела» сего. Митрополит Антоний «со штатом» и С.Ю. Витте – не «политиканы» и не «клерикалы». Не они хотят «под видом церковного возрождения служить политиканским (и отчасти очень опасным и подозрительным) планам». Не они «насильничают над церковью». А когда будет напечатан самый текст доклада Святейшего синода государю императору, обнаружится ясно и величественно, на какой высоте истинно церковного самосознания и любви к отечеству были иерархи российские, писавшие сей доклад, и сочувствующие им государственные люди.

Прошу и другие газеты перепечатать настоящее мое письмо.
Исидор, епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии.
С.-Петербург, 1905 г. апреля 1.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭТИКЕ

На страницах «Моск[овских] вед[омостей]» и «Русских ведомостей» разыгралась полемика, которая употребляемыми в ней приемами выходит из всяких границ литературной этики. Исидор, епископ балахнинский, викарий нижегородский, напечатал в «Русских ведомостях» отказ получать «Моск[овские] вед[омости]» после напечатания последними резких статей против церковной реформы. Мы также совершенно расходимся с «Моск[овскими] вед[омостями]» во взгляде на церковную реформу и, однако, думаем, что читать их или не читать принадлежит молчаливому желанию каждого. Правда, таковые скромные решения у себя в комнате иногда выносятся на страницы газет, и последние имеют бестактность помещать у себя «заявления», и то не единичные, а коллективные, что вот «такие-то и такие-то милостивые государи» отказываются впредь читать или выписывать такую-то газету или журнал. Но никто не ожидал, чтобы в кучку этих «бастующих против газеты» милостивых государей попала и солидная фигура русского архиерея. Как будто епископ Исидор не имел других более членораздельных способов выразить свое несогласие с «Моск[овскими] вед[омостями]» или негодование на «Моск[овские] вед[омости]»! Затем ближайший сотрудник «Моск[овских] вед[омостей]» г. Л. Тихомиров написал длинное частное письмо этому викарию нижегородского архиепископа с изложением мотивов, почему редакция держится такого-то именно взгляда на ход церковной реформы и почему негодование его на эту редакцию неосновательно. Как известно, этот Лев Тихомиров не только известный писатель, но и старый общественный, даже политический деятель, много писал о церковной реформе и ее необходимости. В частном написанном им письме он дозволил себе выразиться неуважительно о митрополите петербургском Антонии «с его штабом» и о статс-секретаре Витте, которые стараются сделать

церковь, насилуя ее, орудием каких-то скрытых целей ее. Конечно, все это наверное есть плод подозрительности к «интригам», каковою подозрительностью «Моск[овские] вед[омости]» страдали еще со времен Каткова[209]. Г-н Л. Тихомиров, может быть, и сам еще увеличил от себя лично застарелый предрассудок московской газеты. Но он литератор и не понес свою изнурительную кабинетную тоску на страницы газеты, а выразил ее в частном письме с полным доверием к адресату, называя его «владыко святой» и прося его «благословения на дело божие». Каково же должно быть изумление, можно сказать, всероссийской публики, когда этот архиерей взял да и напечатал целиком, не спросив у автора разрешения, это частное к нему письмо г. Л. Тихомирова, со всеми в нем отзывами, весьма щекотливыми и даже ответственными. Весьма печальную услугу оказали ему «Русские ведомости». Конечно, архиерей должен знать элементарные правила литературной добропорядочности, отнюдь не допускающие без разрешения за полной подписью публиковать чужие частные письма. Но если он забыл об этом, то, как литературная газета не напомнила ему об элементарной морали, — мы не понимаем. «Писем в редакцию» всегда бывает много, и они бывают весьма различны. Но если все дело пойдет так, как этому дали прецедент «Русск[ие] вед[омости]», то мы скоро увидим газетные листы наполненными такой «литературой», которой место может быть только в сорной корзине.

([«]Новое время[»] 8 апр[еля]).

20 апр[еля].

Заходил Тернавцев... Что-то понесло в Москву много петербуржцев... Мережковский[210] с Гиппиус[211] зачем-то приехал. Гофштеттер[212] должен приехать... Смешные: они там растерялись и думают найти какие-то спасительные веяния в Москве. А тут такая же чепуха и пустота, как везде...

Приехал Новоселов и уже забегал по всей Москве...

21 апр[еля]. Четверг.

Был на собрании у Корнилова. Предполагавшиеся адреса решено не подавать.

22 апр[еля].

Были у меня Сергей Николаевич Сыромятников (Сигма)[213] и Влад[имир] Павлович Панаев[214]. Обоих вижу в первый раз, хотя Панаева давно знаю по переписке по поводу его японского «толмача»...[215]

А визит Сыромятникова меня даже удивил... Он пишет в «Слове», которое еще недавно сделало против меня очень свинскую выходку... Но теперь Москва кишит петербуржцами. Они все «изучают» нас как

выразителей «русского духа» ввиду устройства России... Смешные они все. Понаехала их – бездна.

Тут теперь Мережковский с Гиппиус («Зиной»); был, а может быть, и есть Розанов[216]; приехал Тернавцев (был раз у меня, и встретился на собрании); приехал Гофштеттер. Ну вот теперь Сигма... Так прямо и говорит, что приехал изучать московские настроения...

Значит, ко мне заходил вроде того, как посещал корейцев и маньчжуров[217]. А впрочем, был любезен, как и полагается цивилизованному исследователю «быта и духа» иноземных народов.

28 [апреля].

Грингмут, начавший организацию «Монархической партии»[218] уже недели две, не говоря мне ни слова, – прислал сегодня изготовленную им «программу» с этим письмом.

Я письменно тотчас ответил, что не могу входить в обсуждение частностей, потому что считаю эту мысль неправильной по существу: когда есть царь, находящийся у власти, – то никакой «монархической партии» я не понимаю.

Потом целых три часа словесно доказывал ему несостоятельность его затеи. Ну – он, вероятно, не бросит своего дела. Но я от участия отказался.*

«Московские ведомости»
Редактор
Москва
Апреля 24 дня 1905 г.

Дорогой Лев Александрович.

Посылаю Вам при сем корректурный оттиск проекта программы Монархической партии. Вы меня очень обяжете, если прочтете эту корректуру и внесете в нее те изменения и добавления, которые Вы найдете нужным.

Ваш В. Грингмут.

30 апр[еля].

Скандал. Начинается у меня понос. Сам не понимаю, откуда? Инфекционное что-то...

Вот уж это мерзость. И такое уныние напало.

1 мая.

Три часа дня.

---

* Далее вклеено письмо на официальном бланке *(сост.)*.

Сегодня ожидается революционное движение. Прокламации объявляют вооруженное нападение на врагов революции, и даже провозглашение демократической республики.

Говорят, рабочим раздавали оружие.

Предположено – начать демонстрации в Сокольниках, затем двинуться в центр города – и взорвать Тверскую часть. По пути вооруженная борьба с полицией и войсками.

Теперь осталось еще 2 часа до начала этого «празднования» 1 мая.

Говорят, что меры полицией приняты. Впрочем градоначальник (Шувалов[219] вместо Волкова) только вчера прибыл, так что все «контрреволюционные» меры зависят от умелости Козлова[220].

11 часов ночи:

День прошел. Около нас ничего не было, кроме гуляющей публики с преобладанием рабочего элемента. Ничего не слыхал и о прочих частях города. Впрочем, никого и не видал, так что некого было и спросить.

N.B. Позднейшая приписка:

Ничего и не было. Пустое мальчишество в Сокольниках, о котором и говорить не стоит.

13 мая.

Грингмут уехал [в] прошлое воскресенье (сегодня пятница) в СПб. Вернуться хотел в воскресенье или понедельник. Сегодня (в № 37 [«]Гражданина[»][221]) Мещерский[222] опять ошельмовал его за его идиотскую «Монархическую партию»... Срам и тут в «Моск[овских] вед[омостях]». Я направо и налево говорю, что я с этой глупостью ничего общего не имею.

Счастье Грингмута, что у нас нет правительства! А то его бы за эту наглость прибрали бы... Он для государя вреднее всяких революционеров.

Кстати, по поводу революционеров. Завтра в Думе должен собраться союз революционных групп (инженеров, статистов, еврейского освобождения и прочих, всего 8 союзов). Они хотят предпринять что-то революционное, двинуть рабочих...

Между прочим есть в «Вечерней почте»[223] воззвание к разносу [«]Московских ведомостей[»]... И это ныне прямо печатается!

Войска, кстати сказать, все ушли в лагеря. Военные власти думали оставить в городе по 1 батальону с полка. Но Козлов ничего не потребовал, и войска ушли полностью...

Я занят помощью нашим пленным в Японии. Епископ Николай[224] просит. Кое-что собирается.

Начал печатать последнюю часть «Монархической государственности», хотя не написал еще и половины... Уж и сам не знаю, как справлюсь с этой «галерой».

А тут еще эти революции! Надоели, так все глупо, прямо сумасшедшая страна. Правительство же совершенно не существует.

14 мая.

У меня болит горло, расстроены кишки. Неприятно. Не люблю болеть, а постоянно приходится.

17 мая.

Третий день мучаюсь известиями о бое Рожественского с Того[225]. Столкновение произошло 14 мая. Если бы наш флот сколько-нибудь уцелел, то пора ему быть во Владивостоке. А мы не имеем известий.

Японские известия гласят о победе их и о потоплении 4 русских кораблей, громады «Бородино», «Владимира Мономаха», о повреждении других судов и их преследовании японцами, у которых будто бы нет потерь...

Что же уцелело у нас? Прибежит ли хоть кто-нибудь во Владивосток?

Я удивлялся искусству Рожественского... но вот первый же бой, и он погиб. Должно быть, наши офицеры и матросы стали совершенная сволочь, как и все русские...

По-видимому, Рожественский думал, что уничтожит Того, почему оставил множество судов (менее боевых) в Шанхае, чтобы потом они прошли по свободному от врагов пути...

Но вот Того растрепал, а может быть, уничтожил всю боевую силу Рожественского, и теперь все, оставленное в Шанхае, должно достаться в добычу победителей... Может ли быть на свете более упорное несчастие, более невероятный ряд поражений, без малейшей искры славы?

Неужели Бог, в самом деле, совершенно проклял Россию и обрек ее на гибель?

Я последнее время занят помощью нашим пленным в Японии... Они – моя язва! 63 000 человек в плену! Из этого числа по крайней мере половина, если не $^2/_3$, конечно, обязаны были умереть, а не сдаваться. Это образчик позора России...

Но там, в плену, они, кажется, каются, судя по письмам. Они усердно молятся.

Епископ Николай просит им помощи, больше всего – книг. Я пишу и говорю знакомым, всех убеждая собирать и посылать пленным. Пишу и в газете. Издаю брошюру об этом[226]. Кое-кто посылает книги, так что это не бесплодно. Я сам уже кое-что посылаю.

Господи, Господи, – только это «дамское» занятие благотворительности и остается нам. На поле сражений и на море мы сражаемся, как

бабы. Наполним пленными 22 японских города, и потом занимаемся благотворительностью.

Это теперь называется у нас войной.

А кажется недавно, совсем недавно, мы были не таковы. Гордо гремело русское имя на весь мир при Александре III...[227] Да я тогда и не замечал такого разврата, подлости, трусости... И вот в течение каких-нибудь 11 лет – погибла вся нация!

Но действительно погибла, пала нравственно до состояния, видимо, сволочи, без чести, без искры ума. Это зрелище ужасное в своей страшной поучительности.

19 мая.

Сегодняшние известия обнаруживают еще более страшную действительность, чем я предполагал. Погибло всё![*]

Лондон, 18-го мая. *Как видно из официальной телеграммы, полученной из Токио, адмирал Того доносит своему правительству, что русская эскадра понесла в субботу и в воскресенье следующий урон: 2 броненосца, один броненосец береговой обороны, 5 крейсеров, два судна специальной службы; три контрминоносца потоплены. Кроме того захвачено два броненосца, два броненосца береговой обороны, одно судно специальной службы, один контрминоносец и более 2000 военнопленных. Адмирал Того прибавляет, что японская эскадра осталась неповрежденной. («Рейтер»). (П.А.)*

Берлин, 17-го мая. *По сведениям «Local Anzeiger'a» из Токио, броненосец «Император Николай I» был сильно поврежден минами. Экипаж пытался взорвать его.*

Итого погибло		взято в плен
броненосцы	– 3	4
крейсера	– 5	–
спец. сл.	– 2	1
миноносцы	– 3	1
Всего	– 13	6
	19	

Спасся дрянной тихоходный крейсер «Алмаз» да миноносец «Грозный», которые приплыли во Владивосток.

Все адмиралы в плену:[**]

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

** Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Лондон, 18-го мая. *До сих пор не получено еще вполне достоверных известий об участи, постигшей адмирала Рожественского. Сегодня в здешних газетах помещены частные телеграммы, сообщающие, что адмирал находится в настоящее время в Японии. Токийский корреспондент «Daily Express» утверждает, что судно, на которое перенесен был раненый адмирал, захвачено 17-го мая японцами близ острова Фуми. Государственному департаменту в Вашингтоне сообщают из официальных японских источников, что адмирал Фёлькерзам*[228] *также находится в Японии (П.А.).*

Этот разгром всего флота произошел по явной подлости экипажа:*

Кобе, 17-го мая. («Daily Express»). *Японские рыбачьи лодки привозят многочисленных русских пленных с погибших военных судов. Русские заявляют, что выстрелы дальнобойных японских орудий позволяли японским судам оставаться вне опасности, поражая смертельным огнем русские суда.*** *Вследствие этого, среди русского флота вскоре произошло замешательство, а затем и паника****, *которую довершили минные атаки. (П.А.).*

Лондон, 17-го мая. *По слухам, в плен взяты также адмиралы Небогатов*[229] *и Фелькерзам*[230].

Я так и говорил, что наверное паника погубила эти гнусные экипажи... И почем они знали, что их орудия не достанут японцев? Просто плохо стреляли, а когда увидели убитых и раненых – вот и пошло замешательство и паника!

«Николай I» хоть «пытался» взорвать себя... Но остальные – сдались.

Несчастный Рожественский... Частные слухи говорят, что он умер. Уж хоть бы умер-то не в плену.

N.B. Последние известия – ранен и в плену!

*19 мая.*****

Катя, Надя, Коля с горничной Марией уехали на дачу. Ну, помоги Господь!

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

** Напротив этих строк Л.А. Тихомировым поставлен знак вопроса *(сост.)*.

*** Слова «замешательство» и «паника» подчеркнуты Л.А. Тихомировым, напротив них поставлено «NB».

**** Повтор даты. Так в тексте *(сост.)*.

Мы с Верой и Катериной еще остались здесь. Я вожусь с брошюрой «На помощь пленным».

Все газеты требуют созыва Земского собора...[231] Кроме, конечно, [«]Моск[овских] вед[омостей»]. Да уж и действительно – правительство губит Россию. Приходится взять под опеку.

20 мая.

Все не имею известий о Кате. Как их там Господь милует.

Вчера, а особенно сегодня все время возился с ускорением брошюры «На помощь пленным», составлением списков рассылки, изготовлением препроводительных писем и тому подобное.

Несчастная Россия! Флот погиб бесславно, японцы растерзали жалких противников, как львы – овец...[232]

Ну а здешняя сволочь уже орет «мир», «мир». Лучшие требуют Земского собора. В этой подлой Московской думе готовят петицию государю о заключении мира... До чего низка эта подлая «интеллигенция»! И это якобы представители Москвы...

А кто виноват? Тот же поганый бюрократический строй, который всю Россию отдал во власть этой интеллигенции...

Что делается в Петербурге? Слухи разные: одни говорят, будто бы государь отрекается от престола; другие говорят, что государь совершенно спокоен. Все говорят, что будет созван Земский собор... Все это напоминает крыловских музыкантов... «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь»...[233]

Впрочем, хотя этот Земский собор, наверное, будет состоять из той же дряни, как чиновники (даже и лица будут наполовину те же), – однако должно сознаться, что нельзя оставаться в таком положении.

Дело не в гибели флота, это само по себе пустяки, но ведь и вообще все гибнет.

Уж какая ни есть дрянь Россия, а все-таки надо ей жить на свете.

Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать жить, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилен ее спасти, бессилен делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделает – губит и ее и его самого.

И что мы, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно... Сиди и жди, пока погибнешь!

Хотелось бы мне хоть окончить свою «Монархическую государственность». Конечно, она теперь ни на что никому не нужна. Но мне кажется, что вообще людям эта книга могла бы быть полезна. А подвигается работа плохо. Все так ужасно кругом, так много забот и работы, что не хватает времени и сил заниматься этим главным делом.

15 июля. Пятница.

Сегодня я перебрался в Москву.

Я уехал из Москвы в Вифанию[234], кажется, 23 мая и пробыл там безвыездно все время до сегодня, то есть около 50 дней. Занят был исключительно четвертой частью «Монархической государственности», которую и окончил!

Это «великое событие», то есть окончание труда, произошло 12 июля.

Как кончил, так и перебрался. Грингмут здесь один: Нольде уехал, Дмитрий был болен, а теперь тоже уедет на поправку.

Я мало отдохнул. Но что делать?

О делах политических не стоит и говорить. Россия разваливается на Дальнем Востоке, а здесь разваливается монархия.

16 июля.

Был у О.А. Новиковой[235]. Вступил в отправление должности, даже написал статью. Владимир Андреевич долго передавал положение политических дел: эпопея идиотизма! Невольно хохочешь, слушая о res et gesta[236] этого так называемого правительства, хотя оно ведет к гибели себя и всех.

19 июля.

Сейчас в 3 $^{1}/_{4}$ часа дня Надичка уехала в Вифанию. Я остался совсем один.

В этот самый момент принесли от Авива Бородина[237] посланные ему мною брошюры «На помощь пленным».[*]

Ответ Авива Бородина на предложение раздать «На помощь пленным», которые брошюры они возвратили.[**]

Этого Авива (он старообрядческий священник) указал мне Георгиевский[238] как очень почтенного и уважаемого паствой. И вот результат. Они какие-то сухие, обозленные эти старообрядцы. Пишет мне о мошенничествах начальства и эксплуататоров, – и на этом основании возвращает книжки, не желая «собирать с народа крохи»... Чем же пленные-то виноваты?

Ночь, одиннадцатый час. Скоро спать пора. И отвык я быть один. Все в семье... А теперь одинешенек в целой квартире. Как-то скучно и даже страшно.

---

* Далее вклеена записка *(сост.)*.

** Так в тексте *(сост.)*.

Вечером занялся японским языком[239]. Это первый раз после годового перерыва. И ни к чему все это. Ни за что не выучишься с таким «ученьем».

Встретил сегодня Елишева[240]: о том, о сем говорили... Предлагает мне поступить в Шереметьевский кружок (Союз Русских Людей[241])... Я не сказал ни да, ни нет. А, пожалуй, почему бы и не поступить?

Я очень одинок, слишком... Конечно, на это воля Божья. Болезни вечные. Но если Богу угодно меня удержать в одиночестве, то и без моего старания останусь... Кстати сказать: Москва пуста. Ни одного знакомого не нахожу. Георгиевского нет, Корнилов в имении, Фудель[242] на даче... Кого ни спроси – все вне города. Новикова уехала тоже. Хлудовы – в имении... Никого.

Первые дни у меня было дело. Но сегодня (да и вчера) уже Грингмут ничего не давал. Зачем же я переехал? Правда, что свои корректуры ([«]Монарх[ической] госуд[арственности»]) подают часто.

Меня тревожит еще одна мысль: у Грингмута осталось аренды на газету 2 $^1/_2$ года! Что же я буду есть, если он предпочтет уйти в частную жизнь или не дадут ему снова аренды? Конечно, я нимало не загадываю даже прожить на свете 2 $^1/_2$ года. Но все-таки?! Привык жить с мыслью, что пока жив – работа есть, есть и жалованье... Но как тяжко искать работу старому и больному, да еще сотруднику [«]Московских ведомостей[»]... Ведь это своего рода печать отвержения!

Вообще тяжко существование! И – замечательно: совесть у меня (в общественном, политическом смысле) чиста, как у немногих, но и менее популярного, более одинокого, с большим количеством врагов, с меньшим числом друзей – трудно, я думаю, сыскать человека. Мое несчастье – независимость. Не могу войти ни в одну партию, не могу никому подчиниться, не могу принять ничьей программы. Вот и одиноко!

Все считают меня чужим... Но, Боже мой, Боже – что же мне делать? Не могу же я лгать, жертвовать совестью – чтобы только заслужить приязнь людей?

Или я неправ: может быть, нужно покориться кому-нибудь, принять их убеждения? Но как же это сделать, если я думаю иначе, посвоему? Это просто безысходное несчастье. Крест такой наложен.

Я не знаю, – винить ли людей? Они тоже правы, имеют право требовать, чтобы я думал по-ихнему. Но и я не виноват. Это просто несчастье. Мне бы нужно было одно из двух: или быть менее независимым по уму, или иметь гораздо большую силу воли и ума, чтобы люди признали мое право быть независимым. Но они видят, что я не их человек, и в то же время видят (совершенно правильно), что я не бог знает

какая величина, если и выше среднего, то очень немного. И выхожу я – ни пава, ни ворона... А мне что делать, если я действительно ни пава, ни ворона?

20 июля.

В Москве жарко и скучно. Хотя у меня порядочно работы, но все-таки скучно.

В квартире завелись крысы, пищат, бегают, не дают сидеть спокойно. Этой мерзости еще никогда не было.

В редакции пусто. Никого не бывает. Только выпускающие да корректоры, да Лукин с Емельяновым. Раз встретил Елишева. Видно, и все сотрудники разъехались. Не достает еще Влад[имиру] Анд[реевичу] удрать...

Последние дни в [«]Моск[овских] вед[омостях»] статьи жестокие против правительства, прямо, нужно сказать, – неслыханной дерзости. В том числе две я писал («Революция, власть и народ» и «Какой мир не позорен»).

На театре войны – японцы добивают злополучный Сахалин... В Маньчжурию подходят войска. Дух армии превосходен, но офицеры, говорят, – дрянцо ужасное: здешняя же «интеллигенция». Скверно, что Линевич болен, дизентерия, а потом простуда... Вот уж не вовремя. Такая уж доля наша!

По делу броненосца «Потемкина» раскрывается обширный заговор, во флоте и на суше (в крепостях). Милое войско! Дурацкий бунт «Потемкина», который произошел случайно, не по «программе», как говорят, – можно считать еще счастьем, так как он расстроил преждевременно планы заговорщиков[243].

22 июля.

У меня второй день гостит мой Коля.

Вчера приехал Новоселов. Сегодня вечером был у меня с Кузнецовым[244].

23 июля.

Был Филипп Петрович Степанов[245].

24 июля.

Сегодня свадьба Ольги Грингмут[246], – жених Кирилов, молодой, симпатичный, только что кончил курс. Дай им Бог счастья.

А вот мне нет этой радости!

Я последние дни болею кишками, а сегодня так скверно, как давно не было. Напрасно ем белладонну...

Звонил к Голубову[247]: на даче! Ах ты, Господи!

25 июля.

Боль в кишке нестерпимая, уж не заворот ли?

Был Голубов, осматривал. Говорит, что незаметно воспаления. Впрочем, рекомендовал осторожность.

26 июля.

Я задержал вчера Колю ввиду своей болезни. Ныне отправил его рано утром, написав Кате о своем здоровье. Ждал, что кто-нибудь приедет, но вот уже последний дневной поезд, а никого нет... Что значит? Или у них неблагополучно?

Как только написал эти строки, так приехала Вера... Но у них действительно неблагополучно: расстройство желудков у обеих – у Кати, и у Нади. Вот оттого вчера и не приехали...

27 июля. Среда.

Я не записал, что 25 июля я виделся у Грингмута с о. Иоанном Кронштадтским[248], который у них служил молебен. Он оправился от болезни и совершенно такой же, как прежде. Ну, был и со мной очень мил... К Грингмуту он относится очень всегда ласково. На этот раз Грингмут в сторонке жаловался, что получает угрозы против жизни (это верно – ему угрожают)... О. Иоанн ободрял и говорил о том, что блаженны гонимые правды ради...

Рассказывал за чаем, что был у государя (кажется, 18 июля)[249], по-семейному, пил чай, были там обе государыни. Визит этот не имел никакой политической подкладки; о. Иоанн и не занимается политикой, и даже не понимает ее. Он был у государя специально для того, чтобы сообщить ему о видении генерала* Ломана[250]. Ломан как-то обмирал, ему казалось, что его душа вышла из тела и сходила в ад, он видел там много страшного, и между прочим узнал, что уже настало время Антихриста, который уже на земле... Вот это и сообщал о. Иоанн государю, говоря, что нужно каяться и молиться. Государь сказал на это, что следовало бы устроить так, чтобы все христиане <u>вместе</u> начали молиться, католики, протестанты, православные... Странный человек! Отец Иоанн сказал ему, что нам вместе нельзя молиться, церковь воспрещает, «хотя бы устроить так, чтобы мы-то сами молились, и то бы хорошо». Но, видно, государь не поддержал его мечты – общей молитвы и поста...

Говорил о. Иоанн, что государь весел и спокоен... Желал бы я знать – на что он надеется? У него все царство рассыпается, а он <u>спокоен</u>! Или он не представляет себе положения вещей?

---

* Так в тексте *(сост.)*.

1 августа.

Письмо Парфения.*

Глубокоуважаемый Лев Александрович!

Огромное спасибо за хорошие новости.

Поздравляю с окончанием прекрасного Труда. Если не сразу, то все же несомненно он будет иметь успех. По моему поручению одного из [нрзб.] педагогов [нрзб.], которая будет [нрзб.] в [нрзб.] Епарх. Евдокимова. По [нрзб.] Саша с остальными кавалерами вот хоть вчера из [нрзб.] Кажется, он предполагал останавливаться в Киеве, Чернигове и в Сарове.

Хотя я и не советовал ему задерживаться в пути. Должен сказать Вам, что поездку он испортил тем, что взял с собою двух других мальчиков. Совсем иначе провел бы время без них; они не подходят к нашему обществу ни по развитию, ни по возрасту. Между тем к одному из мальчиков он так привязался, что ни на шаг от него не отходит, и кажется, волю свою совершенно подчинил ему. Веретенников может рассказать подробно.

Нужно их разлучить.

Дурного – может быть, и нет пока в этом, но и пользы никакой.

Привет Вашему семейству.

Сердечно предан,
еп[ископ] Парфений.
1905 июль 25.

Был в Вифании Никон[251]. Я приехал в Вифанию по случаю поблажки несколько дней назад.

2 августа.

Был у Евдокима. Приехал Саша... В Москву он приехал 31 июля, и 1 августа ждал в Москву меня.

3 августа.

Объяснение с Сашей. После того уехал с Надей в Москву.

4 августа.

У меня был Георгий Сазонов[252].

5 августа.

Были у меня Георгий Сазонов с Ипполитом Гофштеттером, и привели с собой некоего Рябина, которого рекомендовали как своего общего приятеля. Странноватая личность...

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

А Саша приехал-таки в Москву, хотя я ему выражал желание, чтобы он остался на Преображение дома. Ушел на Саввинское ко всенощной[253] в 5 часов, обещал вернуться в 9 часов, а пришел в 10 с лишним. Был, конечно, у Сергия...

7 авг[уста].

Саша уехал в Вифанию. Я с ним много говорил. Все эти парфениевы опасения, несомненно, полная ерунда.

А возникли они, очевидно, из двух источников: 1) во-первых, ректорша семинарии (у которой молодые люди жили) имеет барышень-невест. Ну из всех кавалеров Саша – единственный жених in spe[254]. Он же, по своей дикости, уклонился от барышень, чем ректорша крайне была раздосадована; 2) Веретенников ревнив до невероятия (завистлив) и жалобщик; он, по старинке, считает, что Саша должен его всем предпочитать; вот эта парочка (ректорша с Веретенниковым) и сочинили перед владыкой некоторую «инсинуацию». Владыка же даже не переговорил сам с Сашей, а предпочел написать мне и всех сплавить от себя... Эту его «премудрость» узнаю, всегда так поступает.

Ну – Господь с ним. Жаль, что ездил туда Саша.

Вчера объявлен манифест о созыве Государственной думы[255]. Мысль, конечно, хороша, если бы только явилась не из трусости, не в виде уступки. Что касается исполнения, то есть самого устава Думы («Учреждения»), то оно очень плохо. Система выборов нехороша, отдает Россию во власть инородцам... Нехорошо это кончится... Хотя вообще я отношусь ко всему этому очень хладнокровно. Правительство так мерзко, так пало, что ничего хуже не может быть, хоть бы и республику объявили... Захочет русский народ, так восстановит монархию, а теперь ее все равно нет.

А вот где горе: на Востоке! Эта гниль здешняя, в лице Витте, позорит Россию, отдает японцам Манчжурию, подрывает престиж... Подлый жид! Ну вот уж этого не поправишь! Как Япония заберет Корею и Китай, так Россия – мировой гроб. Этого уж не поправишь. Мне наши внутренние дела кажутся совершенно ничтожной вещью в сравнении с той гибелью, которую правительство устраивает нам по своей жалкой трусости и, вероятно, продажности на Дальнем Востоке.

9 августа.

Ночь. Катя больна, и Надя уехала к ней. Я остался одинешенек. А и сам далеко не очень-то здоров...

12 [августа].

Ко мне вчера приехала Вера. Катя, и по сегодняшнему письму, лежит...

Мне тоже нехорошо.

15 августа.

Успение. Возвратился из Вифании, куда уехал вчера, чтобы посмотреть Катю. Она нехороша. Хоть бы Бог помог сюда перетащить.

17 августа.

Второй день русской истории.*

Агент. телеграммы.

Портсмут, 16-го августа. *Русские и японские уполномоченные в заседании, состоявшемся во вторник утром, пришли к соглашению по всем пунктам. В следующем дневном заседании они приступят к обсуждению деталей. Японцы приняли условия, лично установленные государем императором и сообщенные президенту Рузвельту*[256]*. Японцы отказались от требования об ограничении наших морских сил на Дальнем Востоке, от требования передачи им наших военных судов, находящихся в нейтральных портах, от всякого военного вознаграждения, кроме платы за содержание военнопленных, возвратили северную часть Сахалина, обязались в предоставленной им южной части острова не держать войск и не предпринимать военных мер, обязались держать Лаперузов пролив открытым и не возводить там укреплений. (П.А.)*

Портсмут, 16-го августа. *Известие о соглашении между уполномоченными вызвало необычайное волнение в Вентворт отеле. Официальный бюллетень был передан туда по телефону из залы морского арсенала, в которой происходили совещания. Послышались радостные крики, мужчины начали бросать вверх шляпы, женщины плакали. Затем все устремились на телеграфные станции. (Assoc. Press). (П.А.)*

Портсмут, 16-го августа. *Представленное С.Ю. Витте письменное предложение России принято японцами. Уполномоченные обеих сторон предложили своим правительствам немедленно заключить перемирие. Прокладывая с трудом дорогу к дверям своего помещения, С.Ю. Витте встретил членов русского посольства, которые бросились к нему, пожимая ему руку. С.Ю. Витте передал им радостное известие и затем, обращаясь к корреспондентам, сказал: «Мы не платим ни копейки контрибуции и получаем половину Сахалина, – вот сущность соглашения». В своей комнате Витте сказал корреспонденту «Associated Press»: «Мы одержали полную победу: японцы хотели ограничить наши морские силы на Дальнем Востоке и*

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

требовали возмещения военных издержек и уступки железной дороги к югу от Харбина, я же им отказал во всем кроме, железной дороги, занятой их войсками южнее Чантафу. Японцы хотели получить Сахалин, я согласился уступить им в последнюю минуту лишь южную половину острова, повинуясь предписанию. В состоявшемся утром заседании я представил им это предложение в качестве ультиматума, и оно было принято японцами. Я изумлен, я не предвидел столь крупного счастливого результата». (П.А.)

Этот день был бы беспримерным в русской истории, если бы не было 17 окт[ября] 1740 года, когда русские «государственные» люди уговорили Анну Иоанновну[257] назначить регентом Бирона[258], на гибель свою и России. Бирон, благодаря этих господ, воскликнул: «Господа, вы поступили, как римляне».

Эту фразу, знаменитую своим бессмыслием, доходящим до злой иронии, можно сказать и нынешним деятелям.

Ультиматум! Берите нашу землю – или война! Устрашенные японцы повиновались...

Полная победа!

О, римляне!

18 авг[уста].[*]

Всеподданнейшая телеграмма статс-секретаря С.Ю. Витте на имя его императорского величества из Портсмута.

От 16-го августа 1905 года.

Всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству, что Япония приняла ваши требования относительно мирных условий, и, таким образом, мир будет восстановлен благодаря мудрым и твердым решениям вашим и в точности согласно предначертаниям вашего величества. Россия останется на Дальнем Востоке великою державою, каковою она была до днесь и останется вовеки. Мы приложили к исполнению ваших приказаний весь наш ум и русское сердце и просим милостиво простить, если не сумели сделать большего.

Этот человек, очевидно, решился взять нахальством и уверить Россию, что мы чуть ли не одержали победу... В Перми tout est permis...[259]

Говорят (и пишут), что он будет канцлером и владыкой России. Впрочем, он и в бытность министром называл себя престолоначальником...

Ну да Бог с ним... Habent sua fata reges...[260]

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Мой Владимир Андреевич страшно удручен миром, который составляет его собственное поражение. Победа всесильного Витте угрожает ему концом всякой карьеры. Ну, конечно, он подавлен и фактом позора России, который, вероятно, будет исходным пунктом ликвидации монархии.

Господь все решает, чему быть должно. Но дела ужасны!

Завтра Катя, несмотря на болезнь, хотела переехать в город.

Вдобавок – дождь, а вчера почти буря...

Послал ей Ефима и Осипа. Посмотрим, даст ли Бог благополучно перескочить.

19 августа. Пятница.

Сегодня, благодаря Бога, благополучно перебралась с дачи Катя, с остальными детьми. Утомилась, но, кажется, без вреда. Хотя погода была плохая. У них накануне была буря, повалила заборы, деревья в роще.

22 [августа]. Понедельник.

Гнусно и тяжко разыгрывается неизбежная комедия – последствие мира. Теперь все силы правительства направлены на то, чтобы обмануть собственных подданных, уверив их, будто мир очень сносен и будто они сами ему очень рады. Рос[сийское] тел[еграфное] агентство помещает фальшивые телеграммы из разных городов о будто бы радостной встрече мира. Нахальство доходит до того, что одна телеграмма извещает, будто бы армия довольна!

Все это жалкие попытки и лганье.

Все частные рассказы и сведения совершенно противоположны. Об армии сообщил Кузьминский и Шишмарев. По сведениям самого военного министерства, армия встретила известие о мире таким ропотом, что ее теперь не решаются возвращать в Россию. Говорят, думают 300 000 оставить в Забайкалье, а остальных распустить по мелочи.

Должно сказать, что этот позорнейший мир подписан под влиянием угрозы Англии объявить нам войну (по новому англо-японскому договору). Правительство, понятно, перепугалось. Хотя эта мерзкая штука Англии, конечно, усложняла положение, но правительство несколько мужественнее не поддалось бы... Но англичане понимают, с кем имеют дело.

Как бы то ни было, по всей России ругаются за постыдный мир, и без сомнения, негодяи, подбившие государя на уступки, нанесли ему жестокий удар. По всему, что слышу – боюсь, что сердце народа совершенно оторвалось от царя. Это событие вполне ужасное, непоправимое, и я совершенно не понимаю, как он будет дальше править. Может быть, конституцию даст и уничтожит самодержавие... Но и

этим русские в массе будут недовольны. Вероятно, ему, то есть государю, теперь волей-неволей [придется] отдаться в руки своих врагов (конституционалистов) и подчинить им также народ. Однако этот modus vivendi[261] едва ли возможен надолго...

Впереди скопляется какой-то непроглядный мрак. Монархия идет к гибели, а без монархии у нас лет 10 неизбежна резня. Прямо ужасное положение.

Вот она – Ходынка-то! Наступает исполнение предвещания[262].

Бедный, бедный государь!

24 авг[уста].

Совершилось. Приговор России – подписан.*

Портсмут, 23-го августа. *Тотчас после подписания мирного договора раздался салют из 18 пушечных выстрелов. Во всех церквах Нью-Кэстля, Киттера и Портсмута заблаговестили колокола в знак радости. Звон продолжался около 10 минут. Везде замечается общее чувство удовлетворения. (П.А.)*

Портсмут, 23-го августа. *Мирный договор подписан 23-го августа в 3 ч. 47 м. пополудни. Первым подписал С.Ю. Витте, а Комура*[263] *вторым. Салют со здания морского арсенала возвестил о совершившемся событии. Чтение договора в окончательной форме продолжалось полчаса*[264].

Итак, гробовая доска надета и прибита...

За что и почему убили Россию? Англия пригрозила войной... Нет пределов глупости наших заправил... Впрочем, это даже не глупость, а просто отсутствие лика человеческого... Россия осуждена Богом, и ничего тут не поделаешь[265].

Я писал Кутузову, что хочу возобновить сближение с Китаем и спрашивал, можно ли ждать соизволения свыше, как он это мне обещал. Вот ответ сегодня же получен...

И это пишет человек глубоко преданный! Они уже погибли. Еще нет внешнего уничтожения, но они реально уже не существуют. Это одни призраки...

Они радуются... Они довольны...

Боже, Боже! Но ведь над ними смерть, и в душе у них смерть, а они ничего не чувствуют и даже довольны... Ну что тут сказать?**

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

** Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Новый Петергоф.
23 августа 1905.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Спешу Вам ответить на Ваше письмо заявлением о моей полной готовности содействовать, по мере сил, Вашему доброму начинанию, но рассчитывать на чью-нибудь поддержку здесь едва ли возможно. Кроме сочувственных фраз ожидать ничего нельзя. Мы все так довольны заключением мира и учреждением Государственной думы, что обо всем остальном и думать не хотим. Отныне все пойдет само собою, как по маслу. Конечно, немножко скучно, что в стране еще продолжается какая-то непонятная смута, что окраины отпадают, что европейские государства заключают какие-то союзы против нас и так далее, и так далее. Но впрочем, — где наша не пропадала! Проживем и без окраин и без благоустройства внутри и без международного значения и без народной чести! Все это суета сует и всяческая суета!

На будущей неделе надеюсь приехать на несколько дней в Москву и, конечно, тотчас же явлюсь к Вам. Если же моя поездка почему-либо задержится или не состоится вовсе, извещу Вас письменно. И тогда, быть может, Вы загляните к нам в Питер.

Итак, во всяком случае до скорого свидания

Вам искренне преданный,
Кутузов.

28 авг[уста]. Воскресенье.

Вчера приехали Писаревы (Маруся и Никол[ай] Степ[анович]), пробыли у нас и сегодня поехали дальше во Владикавказ. Рассказывали, какое тяжкое настроение в СПб. по поводу мира и вообще действий правительства.

Я эти дни болен кишками. Что-то расклеился совсем.

Вчера закончена моя [«]Монархическая политика[»] и, вероятно, пошла в цензуру. Если не случится какой задержки, то в среду должен уже иметь сколько-нибудь экземпляров. Хорошо бы в случае приезда Кутузова дать ему.

Владимир Андреевич все время ходит мрачный, как туча. Даже как-то почернел весь. Все его верования попраны. А, сверх того, и личная карьера на волоске. Аренда его кончается через 2 года и, конечно, уже не возобновится при нынешнем «курсе»...

Трудно мне загадывать за 2 года вперед. Но если проживу, то вот уж безвыходное положение, и ни на кого, кроме Бога, нет надежды в отношении куска насущного хлеба... Ни денег, ни друзей, ни связей... Напротив: все против меня.

Лучше уж и не думать о такой перспективе старого, больного человека, без гроша, но с семьей...

Нет помощи от людей, нельзя даже представить себе.

Господи, прости и помилуй!

29 авг[уста].

Читаю радикальные газеты, вспоминаю времена молодости, – и вижу несомненно, что ныне господствует не «освободительное», а «революционное» направление: это умственно «зеленая молодежь» и отрицатели русских начал, в том числе, конечно, и чуждые народности (евреи, особенно, и поляки), ну – ссыльные тоже, вообще все обиженное, озлобленное так называемым «существующим строем»...

Взрослые, русские, желающие не протеста, не революции, а просто разумного, свободного строя, играют слабую роль и совсем не способны справляться с революционным (и антирусским) движением... да и не хотят... Правительство, в сущности, не благоустраивает Россию, а «делает уступки» из страха бунтов и особенно бомб... Поэтому оно старается уступки делать так, чтобы умиротворить именно бросателей бомб. Если бы они исчезли, то, весьма вероятно, «реформы» немедленно или постепенно прекратились бы... А посему-то «умеренные» не очень-то охотно способствуют подавлению революции и правительству на грош не верят...

Отсюда вывод такой, что у нас будет революция, самая мальчишеская, зеленая, антиобщественная, или же – реакция.

Сил для реформы – почти не видно. Они малочисленны, да и не активны. Они не способны сдержать ни реакции, ни революции.

Реакция, в сущности, возможна... но не при этом государе. Этот государь ее искренне не хочет, да и не способен по мягкосердечию. Он не допустит реакции, потому что она может иметь успех только при страшных жестокостях. Но, не допуская реакции, он волей-неволей дает силы революции, ибо людей реформы ужасно мало. Россия недостаточно развита для реформы.

Поэтому все видимые шансы говорят, что нас ждет весьма нелепая революция... Я говорю «нелепая», потому что у нее нет общей творческой идеи, а есть только отдельные озлобления временно союзные... Они все союзники по разрушению «существующего строя», но не по созиданию.

Все это сулит препечальное будущее.

Теперь, – если дотянем до этого, – важное событие будет Государственная дума. Будет ли она за какое-нибудь созидание или за разрушение? Это очень важно. Но, по-видимому, Дума должна быть радикальною, а если так, то пойдет к разрушению.

Правительство – прямо ужасно. Оно совершенно сгнило и, сверх того, универсально скомпрометировано. Никто ему не верит, никто его не уважает и, наконец, не боится. Оно пало и не может под-

няться. И я смотрю, наблюдаю и не вижу возможности, чтобы оно поднялось.

Революцию, мне кажется, могло бы предотвратить только совершенно новое правительство. Этому, нынешнему, уже не поверят, что бы оно ни делало. Последние два года оно себя вполне подорвало, и можно лишь удивляться, чем оно держится. Мир наносит ему окончательный не «удар», а «толчок».

Невеселое положение. А сверху этого вдобавок не сознают.

Мне весьма тяжела мысль, что лично я не переживу этих грядущих событий... В России очень немного людей, которые бы были в них менее виноваты, чем я. Я хорошо видел необходимость реформы, хорошо видел нелепость революции и делал решительно все, что мог, для того чтобы избегнуть революции, достичь реформы. Но что значат силы одного человека, да еще не имеющего ни средств, ни сочувствующих, ни понимающих?

В результате получилось только то, что я одинок, без гроша, без влияния и вижу вражду ото всех.

Мне как-то странно суждено в эту последнюю минуту достичь возможности оставить это свое политическое завещание, мою «Монархическую государственность»...

Быть может, через много, много лет эта книга заставит добром помянуть меня. Мои мысли, быть может, будут приняты. Но меня уже не будет, и воспоминание о[бо] мне будет только бесплодным упреком настоящему времени.

Да будет воля Божья, только не пошли, Господи, испытания свыше сил!

30 авг[уста].

День Александра Невского. Именины Саши. Никого не было, кроме Авдотьи Ларионовны, да – вечером – Георгиевских.

Моя книга цензурой пропущена. Завтра обещали дать 300 экземпляров.

Мне почти неизвестны дела Грингмута вне моей газетной должности. От его «Монархической партии» я сразу отказался, и ни сам его не спрашиваю, ни он мне не говорит. Напротив, когда случайно в моем присутствии заходит о ней речь со стороны его секретарей (Нольде и Тернавцева), то он обрывает разговор или молчит, так что я даже иногда ухожу, чтобы они не стеснялись говорить. Но иногда мне что-нибудь отрывочное сообщает Нольде. Таким путем знаю, что у него все-таки записываются члены «партии», и что их записано много сотен, только все мелкие люди... Но что он думает делать с ними – совершенная тайна для меня.

Недавно, с десяток дней назад, он мне передал приглашение епископа Никона пожаловать на совещание, которое имело быть у него (Грингмута) по поводу избраний в Государственную думу. Я сказал

Владимиру Андреевичу, что не пойду и никакой политикой заниматься не хочу. Так они и отстали от меня. Но у них идут совещания, на которых, конечно, кроме Грингмута и еп[ископа] Никона должны участвовать Епифанов[266] (вроде купца) и Сериков (Сергей Владимирович). Сериков этот стал каким-то интимным человеком Грингмута. Является днем и ночью. Мне случалось два раза заставать их, и они моментально, видимо, прекращали прежние разговоры, так что спешил удалиться, и Гринг[мут], видимо, доволен моей понятливостью. Какие-то у них секреты. А Сериков шныряет по Москве, ведет какую-то пропаганду, ищет людей, вообще действует, по-видимому, как агент партии или кружка.

Сегодня в [«]Моск[овских] вед[омостях»] напечатан «Голос из обители Сергия Преподобного»: настоящая «избирательная платформа», как ныне выражаются. Это произведение епископа Никона, хотя и без подписи. Но это сказал мне Дм[итрий] Ив[анович] Введенский[267]; да и так видно, ибо публикация в 300 000, кажется, экземпляров в виде «Троицкого листка»[268].

Это призыв православным – сплачиваться и избирать в Государственную думу исключительно своих людей.

Написано недурно, но, во-первых, форма не совсем верная, ибо Никон уже давно не троицкий монах. Во-вторых, конечно, вызовет ругань либералов.

31 августа.

Получил 300 экз[empляров] книги из типографии. Раздал несколько экземпляров. Итак, книга двинулась с места.

Сегодня приехала и у нас остановилась сестра Маша.

А Кутузова нет как нет!

И не знаю, посылать ли ему книгу или ждать его? Точно так же Киреев замолчал, как в рот воды набрал, и тоже не знаю – где он и посылать ли ему? А между тем – через них посылаю книгу государю и вел[икому] кн[язю] Михаилу...

*3 сентября.**

Из Москвы.
(По телефону).

С возрождением автономии университетов значительно оживилась деятельность профессорского совета. Между прочим, на совещании профессоров был поднят вопрос о возвращении университету его газеты «Московские ведомости». Постановлено возбудить перед правительством ходатайство о возвращении «Московских ведомостей» еще до окончания срока аренды с нынешним арендатором. Ре-

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

шено, что вести газету будет особый комитет из профессоров, причем комитет изберет из своей среды ответственного редактора; издательская и хозяйственная часть будет предоставлена самому университету.

(«Слово», № 243).

Такие известия уже не раз помещаются (в «Русском слове» и прочем), чтобы возбудить эту атаку против Грингмута. Теперь избран ректором университета С.Н. Трубецкой[269], а помощником – Мануйлов. При них этот смертельный удар Грингмуту становится весьма вероятным.

Но собственно для него это еще полбеды. Он не пропадет, и имеет достаточно капиталов... А вот для меня это было бы равносильно голодной смерти всей семьи... Мне совершенно некуда податься. И это на старости лет...

Вчера у меня был Петр Кутузов[270]. Зачем – не понимаю, но просидел три часа. Между прочим, рассказывал немало интересного о петербургских интригах.

В борьбе «государственных людей» наших за последние годы огромное подпольное значение имеет процесс Шабельской[271]. В бытность Витте и Ковалевского[272] заправилами финансов у нас было множество «панам»[273], оргия мошеннических дел и расхищений казны. Когда Витте счел нужным выбросить за борт Ковалевского, он воспользовался иском Шабельской против Ковалевского как предлогом[274]. «Репутация, дескать, министерства не допускает держать товарищем человека, с которого эта баба требует по векселям»...[275] А Шабельская предъявила векселя именно в расчете, что Ковалевский уплатит, хотя векселя и фальшивые, чтобы не рисковать разоблачениями всякой мерзости на суде...

Векселя оказались по экспертизе фальшивыми. Часть их была у Плеве[276], в охранном, и эти он просто затушил, ибо Ковалевский, понятно, не желал процесса. Но часть была у Муравьева (тогда министра юстиции). Ковалевский отправился к нему, заявил, что векселя фальшивы, и что «дело кончено». «Ошибаетесь, – ответил холодно Муравьев, – дело только начинается. Шабельскую будут судить за подделку векселей»...

Это, как громом, поразило Ковалевского, ибо взбешенная Шабельская, которой грозила Сибирь, конечно, воспользовалась бы судом для массы скандальных разоблачений. Этот суд не менее был страшен для Витте. Но Муравьев именно и метил уничтожить Витте и ни за что не хотел прекратить дела...

Но у Муравьева и самого немало грехов, и неожиданно он подал в отставку и перешел в мин[истерство] иностр[анных] дел, в Рим... Вероятно, Витте умел его понудить к этому угроза-

ми из-под руки. Преемник Муравьева стал оттягивать дело Шабельской, и оно до сих пор не разбирается на суде (назначено на октябрь).

Когда возникла идея портсмутских переговоров, то Муравьев с радостью соглашался туда ехать. Но Витте хотел сам на этом отличиться, и через третьи руки Муравьеву был поставлен ультиматум: или отказаться, или – против него будут пущены разоблачения злоупотреблений... Это так поразило Муравьева, что он моментально заболел. Витте выхватил у него портсмутское «дело».

История мира, точнее уступки Сахалина, такова. Витте постоянно доносил государю, что японцы ни за что не уступят контрибуции, и это страшно мучило государя. И вот Витте имел какие-то таинственные совещания с Рузвельтом, и вслед за этим Витте решительно стал готовиться будто бы к отъезду, и Рузвельт лично обратился к государю, и петербургский американский посол поехал в Петергоф. Ламздорф[277], по уверению Кутузова, не имел никаких сведений о том, что будет говорить посол. Вечером же Ламздорф получил записку государя: «Я отдал японцам половину Сахалина»[278]...

Интерпретация этого такова, что Витте, так сказать, в компании с Рузвельтом поймал государя. Американский посланник, полагают, заявил государю, что японцы откажутся от контрибуции, если им отдать половину Сахалина. Государь, дотоле не представлявший возможности освободиться от удручавшей его контрибуции, был настолько доволен, что приказал отдать Сахалин (половину). Витте же, подстроивший всю эту штуку, разглашал, что он ни за что не хотел уступать Сахалин, и что это сделал сам государь... Таким образом он ловко свалил на своего царя уступку русской земли.

Так рассказывал Петр Аркадьевич.

Итак, Витте возвращается со «славой», и надеется, что он, угодив царю, спасает себя и в общественном мнении. Но процесс Шабельской продолжает висеть над ним дамокловым мечом. Его «премьерству» может помешать этот процесс.

4 сент[ября].

Опять мои несчастные кишки разболелись. И без них тошнехонько на душе. Ах, мне становится ужасно тяжело нести бремя этих постоянных болезней.*

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

3 сент[ября] 1905 г. Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Пришлите [«]Мон[архическую] полит[ику»]; это, по-моему, одно из самых ценных произведений русской мысли, но ведь для наших читателей (беру среднего читателя) это дело недоступное, не в коня корм. Вас будут читать, когда мы станем пограмотнее, как Хомякова[279]*. Для большинства консерватизм отождествляется с Мещерским.*

Мир – глупый, ни за что не следовало его заключать, именно теперь, когда мы становились, наконец, сильнее японцев, а Куропаткин был, наконец, устранен.

И, подумайте, несколько недель лишь после торжественно провозглашенного: «Ни пяди земли!» Стыдно на свет божий смотреть. На заключение мира повлияла Англия.

Ежедневно совершаются невероятные бестактности, противоречия на каждом шагу. Отсутствие законов, регулирующих собрания, заставляют запрещать сходки; и сходки делаются вне закона. Дней через десять составят недостающий закон, вырабатывает комиссия Сольского!

Ольга в Spa, но на днях переезжает в Париж. Hotel Mirabeau[280]*, и там останется недели две.*

Да! «Морды противные, эти англичане», но умные, подумайте! Ведь вся мощь Японии давалась нам в руки. Об этом посланник Хитрово хлопотал еще на коронации Никол[ая] II. Не нужно, нет! Ну, мощь Японии и пошла в Англию!

Единственное благо от всего дальневосточного дела то, что нас туда более не пустят. И слава богу! Ведь я готов выставить премию (скажем, двугривенный – больше не могу) тому, кто укажет мне на какой-нибудь хоть малейший наш интерес в этом треклятом Тихом океане!

Сердечно Ваш,
А. Киреев.

5 сент[ября].

Любопытное письмо Киреева. Конечно, спасибо на добром слове. Едва ли, однако, это помешает мне умереть нищим... Вот, что пишет [«]День[»][281] (№ 242).*

Московская жизнь.

***Переезд генер[ал]-адъют[анта] Стесселя в Москву.** Мы в свое время опровергли ложные слухи о покупке женою генер[ал]-адъютанта Стесселя В.А. Стессель*[282] *дома в С.-Петербурге. Ника-*

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

кого дома г-жа Стессель не покупала, и на днях ген[ерал]-адъютант Стессель со всем своим семейством переезжает на постоянное жительство в Москву, на 1-ю Мещанскую, в д[ом] Перлова.

Университетский орган печати. *Вот это, что называется в игре «шах королю». Оживились среди профессоров Московского университета надежды на распоряжение, уже имеющих один крамольный орган, еще судьбой газеты «Московские ведомости»!! Обсуждается необходимость досрочного прекращения аренды издания. Все это в виду «свободы слова и печати»! В случае осуществления этого предположения, газета будет издаваться самим университетом, и редактирование будет возложено на особый комитет из профессоров, во главе с одним ответственным редактором С. Трубецким и сотрудниками Петрункевичем*[283] *и Щепкиным.*

Хомяковы были счастливее нашего брата: им не приходило[сь] $^{9}/_{10}$ времени тратить на добывание хлеба, и они во всяком случае знали, что не очутятся на старости лет на соломе... Они были уверены, что не увидят голодающими детей своих.

Сегодня я отправил полные экземпляры «Мон[архической] госуд[арственности]» Д.Н. Шипову[284] и М.А. Стаховичу...[285] Хочу еще послать С. Трубецкому. Так и жду, что возвратят обратно с какими-нибудь дерзостями... «Одно из самых ценных произведений русской мысли»... Они у нас понимают не «мысль», а партию...

Само собою, что я отправил даром, то есть бесплатно, и с небольшими письмами, где прошу их ввиду их политического влияния пересмотреть мои соображения.

6 сент[ября].

Окончательно расплатился за «Монарх[ическую] государственность».

Всего она обошлась:

а) по типографии 479 р., 470 и 568 р. с копейками (три выпуска) = 1518 р.

б) рабочим по 10 р. три раза ——————— 30 р.

в) даровые экземпл[яры] рассылки —— 36 р.

г) объявления ————————————— 30 р.

Всего —————————————— 1614 р.

Из этой суммы покрыто:

1) В.М. Васнецовым[286]:

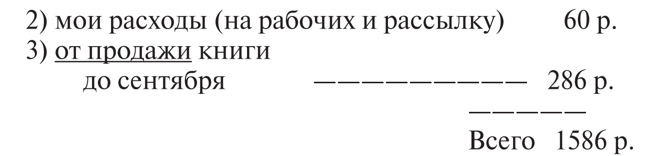
15 февр. 1905 г. ——————— 500 р.

6 апр. ——————————————— 370

5 сент. ——————————— 370

———————

1240 р.

2) мои расходы (на рабочих и рассылку) 60 р.
3) от продажи книги
до сентября ———————— 286 р.
————
Всего 1586 р.

Недостающие 28 р. я временно уплатил сам и возьму их из ближайшей продажи. Наложных разослано на 28 р., так что из продажи на самом деле пошло на уплату 314 р.

Так что 1614 р. расходу покрыты так:
1) Васнецов —————————— 1240 р.
2) я ————————————— 60 р.
3) продажа книги ———————— 314 р.
————
1614 р.

Вечер. Введенский А.И. в редакции рассказывал, что ему адвокаты говорили о намерении профессоров в первом же заседании возбудить вопрос об отобрании у Грингмута «Московских ведомостей»...

Надвигается черная хмарь... Собственно по закону они этого не могут сделать, но ничего – скандалы, студенческие демонстрации и тому подобное – конечно, все можно сделать ныне. Испросят высочайшее повеление для «общественного спокойствия» – и баста.

Вот, например, сегодня известие о деле Шабельской:*

Громкое дело. Несколько раз уже откладывалось известное дело г-жи Шабельской по обвинению ее в подлоге векселей бывшего товарища министра финансов В.И. Ковалевского. Теперь г-жа Шабельская подала всеподданнейшее прошение о прекращении дела.

([«]День[»], [№] 244)[287].

Вот Витте и выручен! Как все просто обделывается. Высочайшее повеление испрашивается, и дорога Витте к премьерству и так далее уравнивается от всех колдобин.

Меня грызет тоска. По-видимому, все вокруг – друзья – начинают уже отходить подальше от обреченных на гибель. Писал Алехину – молчит, не отвечает. Ив[ан] Вас[ильевич] Андреев не ответил на письмо мое, не идет (я его приглашал) и даже не покупает последней части книги (первые покупал торопливо)... Сейчас вызывал по телефону Кузнецова: ответил, что занят, «после, дескать, сам позвонит»... Ну что-то не звонит...

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Курьезно: даже Новоселов не едет, и даже Арс[ений] Кутузов не идет, хотя уж у них нельзя предположить никакой тенденции ...

Писал Суворину, просил напечатать объявление о моей книге: ни ответа, ни объявления... Каждый день смотрю [«]Новое время[»] – ничего! Ну, словом – какое-то всеобщее отшатывание. Прямо страх берет...

Есть, конечно, Бог, и можно ли подумать, что и он отшатнулся? Но, Господи, какое тяжкое испытание вере, хилой, шатающейся!

Ну, вот и 12[-й] час ночи, а мой Кузнецов не отозвался... Чудно таки!

7 сент[ября].

Утро. Катя сказала, что хочет приобщиться... Нельзя ли батюшку вызвать? Господи, Господи... Она, несчастная, совсем изболелась, на себя не похожа, исхудала, выходить не может... С тех пор как с дачи – так и не выходит, не может даже на кухню спуститься...

Тяжко, прискорбна душа моя даже до смерти. Боже, Боже, дай свою милость...

Положение наше ее, конечно, вероятно тяготит. Мы не говорим между собой о будущем, о призраке голода... Зачем? Но я вижу, каково ей. И ниоткуда светлого луча, ниоткуда ни помощи, ни надежды. А болезнь подгрызает силы, оба слабеем... И даже смерть не утешит, п[отому] ч[то] – что же будет с несчастными детьми?

8 сент[ября].

Вчера происходила бесконечно длинная сходка в университете. Ворота раскрыты, полиция удалена даже с улицы. Вход свободный, никакой проверки. 7000 человек битком набили[сь] в аудитории. В том числе 500 женщин, множество рабочих и вообще не студенты. Но и студенты чуть не поголовно собрались. Шум, гам, речи о революции, о бессмыслии учения, «когда Россия по колени в крови», крики – «долой самодержавие», «да здравствует коммунизм»!!!

Резолюций не успели постановить, но, по-видимому, большинство расположено к тому, чтобы университет был открыт, но чтобы фактически превратить его в политический клуб. Преобладающий тон – «необходимо энергически заниматься политикой»...

Группа студентов ходила к С. Трубецкому советоваться... но он, оказалось, уехал за город. Видно, не по вкусу сходки.

Слышна ругань «Русским ведомостям» за призыв к занятиям. Слышна ругань Московской думе и земствам – все, дескать, «буржуа». Ну, конечно, ругают и «Моск[овские] вед[омости]». Среди

ораторов – масса евреев и поляков. Армян множество, но помалкивают...

9 сент[ября].

Сегодня, наконец, увидел в «Новом времени» объявление о своей книге («Мон[архическая] госуд[арственность]»), и превосходно помещено: четко, видно, на самом заметном месте... Ну спасибо!

Сегодня же у Владимира Андреевича было собрание его «Монархической партии». Сам он об этом мне ничего не говорил, но Емельянов сказал и показал повестку, бланковую...

Ну – в добрый час!

Мне несколько совестно перед Грингмутом, что я отказался от участия в его деле. Но как быть? Их программа не по мне, да и быть в одном кружке с Грингмутом, от которого я денежно завишу, слишком стеснительно. Во всяком случае – это дело сделанное, я к ним не присоединился...[288]

Сколько у него людей? Нольде говорит, что много, может быть, и тысячи, но все мелкие люди. Сегодня же у него было, кажется, около 19 человек и, кроме Емельянова, совершенно не знаю кто.

В газетах появилось, что Шабельская опровергает известие, будто бы она подала всеподданнейшее прошение о прекращении ее дела. Сколько теперь брехни в газетах! Это значит виттевские пособники только инсинуируют эту идею избавить своего патрона от разоблачений.

10 сент[ября].

Катя только что (9 $^1/_2$ часов утра) удостоилась приобщиться Св[ятых] Тайн дома.

Ночь. Днем был Голубов.

Сегодня отправлена моя книга (все части) императору Вильгельму II[289], с французским письмом. Жаль, что он не знает по-русски: он более всех монархов Европы мог бы заинтересоваться. Но я нарочно сопроводил письмом: авось, поручит кому-нибудь прочесть.

У студентов резолюции такие, как и предвидели. Голосовало свыше 1500. Остальные 3–4 тысячи уклонились. Из голосовавших – 240 крайних – не только за революцию, но чтобы никто не смел заниматься науками; но большинство – 1200 человек – за революцию и превращение университета в центр ее, но не мешать другим заниматься; 100 за забастовку; 79 за ученье...

11 сент[ября].

Вот гранки репортажа, который не сочли возможным печатать...

И замечательно, что ни одна газета не напечатала:*

Московский университет. *9 сентября выяснились следующие результаты шестидневного собрания и совещания студентов всех факультетов Московского университета.*

Платформа студентов № 1 выработала следующую резолюцию: «Отказываясь пока от прежней формы пассивной политической борьбы – забастовок, мы открываем теперь двери Московского университета, но исключительно для революционной агитации и пропаганды среди широких масс населения. Университет отныне превращается в революционную трибуну». Подано 251 голос, то есть 13,8 % всего количества голосов.

Платформа студентов № 2 пришла к следующей резолюции: «Отказываясь пока от прежней формы пассивной политической борьбы – забастовок, мы открываем теперь университет для обращения его в революционный очаг, а наши аудитории – в политическую школу. Но в университете найдет себе место и тот, кто в настоящее время может, хочет и в силах уделять время академическим занятиям». За эту платформу подано 1202 голоса, то есть 66,6 % всего количества голосов.

Платформа студентов № 3 нашла более целесообразным остановиться на следующей резолюции: «По-прежнему признавая единственно возможною формой общественно-студенческой политической борьбы – забастовку, мы считаем необходимым продолжать ее и на будущее время». К этой платформе примкнули 192 голоса, поданные студентами всех факультетов, то есть 10,6 % всего количества голосов.

Платформа студентов № 4 нашла возможным признать следующую резолюцию: «Мы предлагаем открытие Московского университета для академических занятий и параллельного с ним политического воспитания, не мешающего этим занятиям». За редакцию резолюции этой платформы подано 79 голосов, то есть 4,3 % общего количества голосов.

Участвовало в прениях всего 1814 студентов.

Эти «платформы» репортер Боборыкин сам списывал в университете.

Сегодня А.А. Кутузов пишет, что уезжает в Париж, но по возвращении надеется быть в Москве. Все отсрочки...

Сегодня покрыты продажей 28 р., мною временно уплаченных за издание.

Дальнейшая продажа с сегодняшнего дня, по условию моему с Виктором Михайловичем Васнецовым, должна делиться на две

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

части: одна ему в покрытие долга (1240 р.), другая – мне, в покрытие моего труда. По уплате всего долга – книга будет принадлежать мне. Но я сильно опасаюсь, что этот долг никогда не будет покрыт.

Я бы и не согласился на эту дележку (я был у Васнецова на днях) и хотел сначала покрыть весь долг. Но Грингмут (Владимир) сказал, что его дела плохи, так как университет не платит ему за казенные объявления... И действительно, вот уже два расчетных дня, когда я только с задержками и при настояниях мог получить из конторы жалованье и гонорар... Того гляди, вовсе не будут платить, или – частично... Ну при таких условиях каждый рубль дорог. А Виктор Михайлович очень любезно сказал, что лучше бы хотел, чтобы и я получил с книги что-нибудь.

Вот почему я согласился на дележку, которая все-таки может дать на мою долю 15–20 р. в месяц... Вот до какой скудости я дожил, что приходится и этим дорожить!

12 сент[ября].

Сегодня после завтрака внезапно «схватило» кишки, и вот до ночи ничего не делаю: то прилягу, то пройдусь. В редакцию не мог пойти.

Письмо от Киреева: «Монарх[ическую] политику» Константину Константиновичу передал, и Великий князь «поручил очень Вас (то есть меня) благодарить».

Государю обещает передать «на днях»... Значит, их ждут в СПб.? А были слухи, что едут в Гессен.

15 сент[ября].

Вечером были: Новоселов, Кузнецов, Фудель и Пясковский...[290]

Георгиевский сообщил, что Н.Н. Дурново[291] зайдет ко мне как-нибудь вечером.

16 [сентября].

Саша уехал в академию.

Земско-думский съезд вчера кончился. Горько следить за этими «работами» взрослых ребят, невежественных политически, глуповатых по уму, не имеющих ни искры любви к России... Их «политическая программа» – истинная testimonium paupertātis...[292] Россию разбили на «автономные» области, Польшу отделили от России, постановили уничтожить охрану, военное положение, смертную казнь и так далее, и так далее.

17 сент[ября].

Именины Веры и Нади.

Любопытны факты газетные.

1) Председатель масонской ложи Grand Orient Лаффер[293] послал Рузвельту поздравление с Портсмутским миром, причем называет его, Рузвельта, почетнейшим членом ложи.

Недурно!

2) Витте вызывается в Бьёрке, к государю... Слухи гласят, что он назначается премьером и сам будет назначать себе министров... Бюрократическая олигархия заменяется бюрократическим сёгунатом...

Витте все поют хвалебные гимны. Мещерский прямо до неприличия... Меньшиков[294] – до глупости. [«]Новое время[»] – редакционно – до обвинения царя во всех бедствиях Портсмута. Все, значит, уверены в его господстве.

Саша вчера же возвратился к нам и рассчитывает ехать в академию только в понедельник.

18 сент[ября].

Недурной ряд телеграмм:*

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Петербург. (Официально). *Государь император 15-го сентября изволил послать статс-секретарю Витте следующую телеграмму: «Приветствую вас с возвращением из Вашингтона после блестяще выполненного вами моего поручения первостепенной государственной важности. Приглашаю вас прибыть ко мне в пятницу в Биеркезунд на яхту “Полярная звезда”. По моему повелению яхта “Стрела” будет послана в ваше распоряжение. Николай».*

Яхта «Стрела» пришла в Биеркезунд 16-го сентября, в 4 $^{1}/_{2}$ часа дня, в то время как их императорские величества изволили съезжать на берег. По возвращении на императорскую яхту «Полярная звезда» в 6 $^{1}/_{2}$ час. вечера государь император тотчас изволил послать паровой катер за статс-секретарем Витте, который немедленно был принят его императорским величеством с докладом. Государю императору благоугодно было всемилостивейше пожаловать статс-секретарю Витте графское достоинство и во время обеда пить за его здоровье. На следующий день гр[аф] Витте был приглашен на яхту «Полярная звезда» к высочайшему завтраку, после чего он на яхте «Стрела» отбыл в Петербург.

Петербург. *В министерстве внутренних дел заканчиваются разработкой временные правила о расширении черты оседлости и включении в нее одной из столиц.*

Значит, Витте действительно будет более чем вице-императором. Но трудно ожидать от этого успокоения. Он очень непопуля-

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

рен. Его любят только евреи, но даже либералы не за него. В массе же народа его скорее ненавидят. Правда, он ловок и искусно подкупает людей, а в случае нужды, конечно, сумеет быть и грозным... Но трудно думать, что он с одними евреями мог создать диктатуру. Он будет опираться на царя вроде того, как Кортес[295] на Монтесуму...[296] Но ведь и в Мексике этого ненадолго хватило. Притом – страшно даже видеть, до какой степени упала в народе популярность государя. О нем открыто говорят самые неуважительные слова. Господство Витте, конечно, еще более подорвет эту популярность... Вообще будущее мрачно и не представляет ни единой светлой точки.

Но замечательно, что сам государь чрезвычайно весел. О его житье-бытье в шхерах пишет отцу мичман Нольде[297]. Он видит со своего «Трухменца», как на «Полярной звезде» Государь играет со своими детьми. Раз спустился в катер с одной из царевен, поехал на какой-то необитаемый остров и гулял там. Другой раз охотился с Бирилевым[298] на каком-то островке, убил куропатку, а Бирилев – зайца... Больше и не было дичи... Потом как-то вытребовал к себе на яхту мичманов к высочайшему столу; всех охраняющих яхту судов – пять... Приехали. С 7–8 часов на «Полярной звезде» продолжался фейерверк, потом с 8 до 10 – обедали. Государыни не было. Он обедал только с мичманами и офицерами, был и Бирилев, который потешал его остротами. Государь был чрезвычайно весел и прямо хохотал при остротах Бирилева...

Конечно, дай ему Господь всякого веселья, но все-таки трудно понять, как можно быть веселым в таком ужасном положении России и своем собственном. Вероятно, государь не находит этого положения опасным... Это ужаснее всего.

20 сент[ября].

Приехал из армии Плесский, Борис Влад[имирович], был в бактериологическом отряде. Много интересного. На днях думает уехать в Японию за ранеными пленными.

Несмотря на странный триумф Витте в Бьёрке, его не считают еще владыкой России, и в высших сферах все еще спрашивают себя: «Чем окончится борьба Витте и Трепова?».

Два месяца назад государь в разговоре с Дурново (генер[ал]-губ[ернатором]) высказывался очень дурно о Витте; точно так же решительно высказывался против идеи премьерства. «Ну, а я что же буду делать?» – заметил он (то есть, при премьере). Замечание правильное, но точки зрения меняются.

21 сент[ября].

Был вечером Николай Николаевич Дурново. Много говорили о церковных делах. Случайно подошел в 11 ч. ночи Кузнецов, и проморили меня до первого часа.

22 сент[ября].

Сегодня в 6 часов толпа в 3000 человек (наборщики с примесью студентов, женщин и неопределенных личностей) атакова[ла] наш двор, выломала ворота, вышибла камнями окна типографии и заставила прекратить работу. Мы были в осаде около часу без всякой помощи полиции и тщетно здесь ее требовали. Наконец явились жандармы и рассеяли толпу, а городовые вошли во двор. Толпа снова собралась у городской типографии, тоже повыбивала окна и прекратила работу. Дальше, говорят, двинулись к «Русскому слову»...

Забастовка длится уже дня три – началась у Яковлева, потом у Сытина[299], Лисснера, Кушнерева. Мамонтов[300] не работал с утра...

Огромная сходка в университете (7000), – большинство посторонних, – вынудила временно закрыть университет. Однако сегодня утром толпа собралась на Моховой и Никитской. Подробностей не знаю... Но сходка студентов на Бронной послала депутатов к ректору просить о сходке. Он разрешил, и сходка тянулась весь день (в стенах университета), говорят, очень бестолково, и, кажется, ни к чему не пришла.

Репортерские известия говорят, что революционеры все подготовили к стачке водопроводной... Вот это – ужас! Говорят, уже вытребовали к водопроводам войска... Идут старания перенести забастовку и волнения на другие отрасли промышленности.

А из среды забастовщиков-наборщиков говорили, что завтра будет бунт у Прохорова[301] и на Даниловской мануфактуре... Словом – столпотворение Вавилонское.

Репортер сообщил, что предстоит также забастовка трамваев и конок...

И все это при отсутствии власти! По-видимому, Медем[302] не очень-то ловок. Да, впрочем, и трудно теперь уже что-нибудь сделать. Никакая система не возможна с петербургским правительством, а без системы всякое дело плохо.

И что такое делается с Россией? Революция? Но где же ее идея? Это просто рушится старый строй, сгнил, не может держаться, и вот отчего революция. У него не хватает уже силы и ума произвести реформу. Запоздал!

Чего хотят революционеры? Никто не может подвести общего итога, ибо его нет в сознаниях. В сознаниях есть только множество недовольств, есть общее неверие в существующее, а стало быть, искание перемен...

Есть ли общая сила, которая в этой развинтившейся стране руководит хладнокровно и разумно к достижению своей цели? Есть ли какие-нибудь «масоны» или что-либо подобное? Кто знает? Но если она и есть, то все же ничего бы не могла сделать, если

бы сверху была разумная власть[303]. Случай или Божие наказание, что ее нет? Вот тут уже приходишь к вопросу провиденциальному...

Я лично думаю, что в основе это все-таки есть кара Божия. Бог покидает на ее собственные силы изменившую ему страну, и вот собственные силы ее оказываются гнилыми, никуда не годными...

23 сент[ября].

Утро. Ну, что-то ждет сегодня? Боже мой, какая жизнь! Коля пошел в гимназию. На дорогу целое совещание: куда ему возвращаться в случае, если беспорядки отрежут дорогу домой!

Что будет? Запасаться провиантом? Уезжать? Некуда... Тьфу ты! Уж кажется – всякую бы власть готов принять, лишь бы какой-нибудь порядок обещала.

Газеты не вышли очень странно: только «Моск[овские] вед[омости]» и «Новости дня»... Остальные все вышли. Вчера не было «Телегр[афа] Нов[ого] врем[ени]» и «Вечерней почты»... Что-то весьма тенденциозное.

Теперь наборщики, все самая зеленая молодежь, шляются группами по Страстному бульвару, собираются в кучу... Чего они ждут?

Сейчас (11 часов) прибыл к нам во двор пикет конных жандармов... Что такое? Сражение, что ли, предвидится? Смертельно беспокоюсь о Коле... И что с ним делать? Не пускать в гимназию? Господи, что за время, что за каторга!

...Сообщают разные новости. Те наборщики, которые делают забастовку, принадлежат к числу чисто революционной молодежи. Они же участвовали в сходке в университете и на женских курсах. Экономических задач здесь нет. Это (говорят) чисто революционный слой – студенческо-рабочий и прочих званий.

Несмотря на волнения в университете, вчерашнее движение было для полиции неожиданностью. Она почему-то думала, что революционное движение стихает. Обычная осведомленность и предусмотрительность власти!

Что касается университета, то князь С. Трубецкой, крайне взволнованный и расстроенный, несколько раз посещал Медема и просил у него совета: что делать? Медем отвечал, что ему приказано не вмешиваться в университетские дела и совета дать он не может. Третьего дня кн[язь] Трубецкой упросил его приехать на совет университета, хотя Медем и отказывался. На совете ему предлагали вопрос: «что делать?», «не закрыть ли университет?» Медем отказался дать совет, и профессора принуждены были сами решить: закрыть университет... Они, очевидно, хотели втянуть Медема. И теперь они распространяют слух, будто университет закрыт по настоянию градоначальника.

Непонятно, зачем Медем позволил уговорить себя поехать в университет на совет. Какое ему место там? Это крайне нетактично.

А Коля все не возвращается из гимназии. Я же так и жду беспорядков. Жандармы на дворе уже раз выстраивались и даже выезжали куда-то...

Из наборщиков никто в типографию не пришел.

Любопытно, что революционный центр наборщиков был в городской типографии (где печатаются «Ведомости московск[ого] градоначальства»).

...Ну, слава Богу, Николай пришел. Вместе все же лучше. На миру, говорят, и смерть красна.

Курьезный слух: будто бы 200 000 войска двинуты в Мерв и будто бы мир с Японией не будет ратификован*! Очевидно – фантасмагория, а впрочем... чего нынче не может быть?

Пять часов дня. Жандармы галопом помчались со двора, городовые за ними... куда-то налево... Вероятно, драка... Двор без охраны...

Половина шестого. Кухарка говорит, со слов рабочих, что дрались у памятника Пушкина. Одного жандарма убили. Одного городового убили, другого ранили «на смерть», одного околоточного повезли раненого... Боже, какое ужасное время...

Семь с половиной. Репортер сказал, что идет громадная толпа с Тверской заставы... Хотят будто бы громить «Моск[овские] вед[омости]» и «Русск[ий] листок». Полиция и войска стоят фронтом к ним у Страстного монастыря... Сейчас должно что-то ужасное произойти.

Десять часов. Народ до сих пор стоит у памятника Пушкина, но немного – человек 300. Полиция и войска на своем месте. Есть или были толпы и в других местах. Собирались сейчас около какой-то типографии. Точно ничего не знаю. Репортеры не возвращались. Известно, что «много» полицейских ранено, один уже умер. Но полиция и войска, кажется, ровно ничего не делали, никого не арестовали, не били, не стреляли, вообще держали себя вполне пассивно.

Очевидно, что если не ночью, то завтра все это возобновится в усиленном масштабе.

Глоба-Михаленко передавал речь, которую слышал у памятника. Оратор сказал, что им не нужно Государственной думы, не нужно ни земцев, ни думцев, а нужно всеобщее голосование («прямое, общее, тайное» и так далее), и нужно низвержение самодержавия. Оратор указал на бесстрастно стоящих казаков, – указал, что вот уже они ни-

---

* Так в тексте. То есть ратифицирован *(сост.)*.

чего не смеют предпринять, и заключил призывом идти «громить генерал-губернатора»...

24 сент[ября]. Суббота.

Канун праздника преподобного Сергия...[304]

Начался день, началась тревога. Теперь, в половине десятого, уже куда-то повели городовых... К нам во двор прибежал какой-то полицейский офицер... Началось!..

9 часов вечера. Весь день были самые скверные слухи о предстоящих забастовках — пекарей, конок, железных дорог и — хуже всего — водопровода... Говорили о каком-то грандиозном погроме в 7 часов вечера... Что было в действительности, не знаю. Говорят только, что сейчас большие толпы на Страстной площади и множество войск. Казаки бьют народ нагайками.

Саша приехал... к сожалению. И, конечно, пошел в Саввинское подворье. «Ничего, говорит, не будет»... Теперь беспокоюсь о нем. Не возвращается.

Сегодня неожиданно заходил Ипполит Гофштеттер. Хвалил мою книгу. Он приезжал в Москву на минутку, по делам. Говорил, что, по его сведениям, революционеры делают только «пробу пера», но теперь еще не рассчитывают подымать серьезных волнений...Как будто все зависит только от их желания!

25 сент[ября]. Сергия преподобного.

Утро. Сторож рассказывал, что вчера вечером у Никитских ворот на Тверском [бульваре] происходила схватка. Революционеры стреляли. Сумцы тоже стреляли (там были сумские драгуны). Ездило туда много карет скорой помощи. По слухам, есть убитые и раненые с обеих сторон.

Вчера [«]Moscauer Deutsche Zeitung[»][305] напечатал свой номер, но разносить не мог: разносчики отказались.

На улицах расклеено объявление, воспрещающее уличные сборища.

Петербургские газеты извещают (беру из «Слова»)*:

Поздно вечером состоялось заседание московского отдела общества деятелей печатного дела. На заседании собрались все московские типографщики. Прибыла также депутация от типографских рабочих. На заседании было постановлено вести прения в отсутствии депутации рабочих, и потому депутация ждала решения в отдельной комнате. После долгих и оживленных прений сделано было постановление в том смысле, что ввиду нынешнего тяжелого положения, в котором находятся типографии вследствие сокращения

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

работ, никакие уступки рабочим сделаны не будут. Вместе с тем рабочим предъявлен ультиматум: возвратиться в типографии и стать на работу 24-го сентября, в противном случае рабочим будет выдан расчет, а их документы будут переданы полицейским властям.

Восемь часов вечера. Крови льется много... Глоба рассказывал, что вчера (24 сент[ября]) под вечер был на Тверском бульваре. Казаки въехали на самый бульвар, разгоняя сходку, но позади их толпа снова появилась и начала устраивать из скамеек баррикады. Было сделано несколько выстрелов в казаков (есть раненые и, кажется, убитые). Тогда казаки съехали с бульвара на тротуар (около градоначальника и далее к Никитской), спешились и открыли беглый огонь по публике; с бульвара сначала отвечали, затем все разбежались. Глоба видел одного раненого в руку и повторял слова разбежавшихся, будто много убитых и раненых. Других сведений и даже слухов об этом не имею; напротив, некоторые говорят, что казаки стреляли не боевыми патронами...

Саша возвратился (около 11 ч. ночи), рассказывал кое-какие подробности о бое у Филиппова[306] (булочная), о котором я не успел раньше записать. Там убито 16 чел[овек] казаков... Саша говорит, что бросали бомбы, и бросали также в переулках; что толпа оттуда двинулась в Марьину рощу ломать водопровод и что теперь (ночью) происходит бой на Сретенке, тоже у Филиппова. Дело началось на Тверской из-за того, что революционеры хотели заставить Филиппова прекратить работу и брали его булочную штурмом.

У нас почти весь день пробыл Еленев. Он поступил вольнослушателем в Духовную академию.

26 сент[ября] Св. Иоанна Богослова...[307]

Саша ушел в Саввинское, с Еленевым. Обещал прийти после обедни[308]...

Он ужасно упорен: считает, что к обедне нужно пойти, и ни революции ни бомбы уже не хочет брать во внимание... Охрани его сам Христос!

Ночью на улицах были крики, жандармы выскакивали в атаку.... Прямо мученье. Я, впрочем, спал, а рассказывали жена и кухарка, что «всю ночь не давали спать»...

Но все это дело приняло очень тревожный оборот. Сегодня уже пятый день беспорядков, насилий, убийства. Все обвиняют власть в бездействии. Говорят, Дурново проявляет нерешительность и мешает Медему. Не слышно ни об арестах, ни о подавлении беспорядков. Полиция только разгоняет бунтующих. Они в нее стреляют и даже, говорят, бросают бомбы. Затем бушуют в другом месте.

Так, конечно, может кончиться очень плохо, даже, пожалуй, захватом власти революционерами.

Наша власть совершенно сгнила. Но как ужасно то, что на ее место не может образоваться никакая другая, сколько-нибудь разумная.

6 часов вечера. За сегодня до сих пор не было беспорядков.

Говорят, от Трепова получили приказание принять энергичные меры.

Полицейский офицер, которого видел во дворе, очень жаловался на Дурново и Медема, которые ничего сами не понимают и не обращают внимания на знающих – как здешние полицеймейстера и даже на Руднева.

Вечная история: в начальство сажают никуда не годных.

Сегодня заезжал ко мне Васнецов, и я отдал ему на хранение портфель со своими бумагами. Говорил также, чтобы подыскал мне место... Да что – это только разговор. Невозможность!

Относительно беспорядков сегодня многие выражали мнение, что они должны пойти на убыль. Не знаю, почему. Арестов, как слышно, было очень мало (говорят, 85 человек). Говорят, что жертв с обеих сторон меньше, чем гласили слухи. Глоба считает человек 25. Бомб совсем не было.

У Филиппова дело было так. Пекари-забастовщики начали прекращать печение и закрывать булочную. Явилась полиция. Забастовщики забрались наверх и бросали чем попало – камнями, горшками и тому подобным. Оружия у них не было. Казаки начали осыпать их выстрелами. Забастовщики завладели залами клуба, – так, чтобы они не кидали из окон, – казаки и осыпали их выстрелами. Казаков ранено трое, забастовщиков – ни одного. Потом ввели солдат (пехоту) в булочную и стали выталкивать бунтовщиков и увозить в манеж. Взяли всех. Слух о бегстве черным ходом – неверен. Неверны также и слухи, будто бы их в манеже высекли.

Ночные беспорядки на Сретенке были бескровны. Казаки плетями разогнали толпу. На Мясницкой толпа безобразничала и камнями била окна частных зданий...

7 1/2 часов вечера. Жандармы со двора марш-марш помчались куда-то направо – к Каретному... Значит, началась-таки баталия.

27 сент[ября].

Вчера не было никаких серьезных беспорядков.

Коля пошел в гимназию. Саша поехал в академию.

Я нездоров, совсем расклеился.

28 сент[ября].

Положение Москвы все то же. Кое-где – в Замоскворечье, на Долгоруковской – забастовки разных фабрик. Есть побоища, на Петербургском шоссе была даже пальба...

Наборщики не работают. Но они совершенно веселы, гуляют по бульварам, наполняют трактиры. Откуда у них деньги? Говорят, откуда-то им выдают.

Требования, ими выставленные, чрезвычайны, тем более что обращены ко всем заведениям, и порознь рабочие не хотят входить в соглашения с хозяевами.*

Забастовка типо-литографских рабочих в Москве.

Союз московских типо-литографских рабочих предъявил всем типографиям следующие требования:

1) На каждой фабрике все отделения должны иметь постоянных, выбранных рабочими, депутатов. Депутаты ведают все дела, касающиеся своей фабрики, и имеют дело с хозяевами от лица всей фабрики; всякий рабочий ведет разговор с хозяевами через депутатов; хозяин не имеет права вести дело с отдельными рабочими, помимо депутатов.

2) Личность депутата неприкосновенна; хозяин не имеет права его уволить, а полиция арестовать. За исполнением этого требования следит вся фабрика, выбирающая депутата из своей среды.

3) В выборах депутатов участвуют и могут быть выбраны все рабочие, мужчины и женщины, без исключения, не менее 18-ти лет от роду. Администрация фабрики никакого участия в выборах принимать не должна.

4) 8-часовой рабочий день. Накануне праздника работа должна прекращаться на 2 часа раньше.

5) Отмена сверхурочных работ; в случаях крайней необходимости сверхурочные работы могут быть назначаемы лишь с согласия депутатов. Плата за них двойная.

6) Полная отмена штрафов. Депутаты рассматривают все случаи уклонения от фабричных распорядков.

7) Отмена обысков, где они существуют.

8) Прием и увольнение рабочих производится лишь с согласия депутатов.

9) Рабочие могут требовать увольнения отдельных лиц из администрации. Вопрос окончательно решается депутатами.

10) Обязательные двухнедельные отпуски каждый год с сохранением содержания.

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

11) На случай болезни — выдача полного жалованья в течение трех месяцев, остальное время до полного выздоровления — половинное жалование.

12) До введения государственного страхования — обеспечение семей умерших или получивших увечье за счет хозяина в размере, определенном депутатами.

13) Там, где работают женщины, — освобождение от работы с сохранением содержания за 4 недели до и 6 недель после родов. На время кормления обязательный отпуск с фабрики через каждые 3 часа на полчаса. Устройство яслей.

14) Санитарное состояние мастерских. Ограждение машин в предупреждение несчастных случаев. Администрация обязуется выполнять указания депутатов по поводу необходимых санитарных улучшений.

15) Уничтожение хозяйских квартир, где они имеются. Выдача квартирных денег на руки.

16) Свобода входа безработным в типо-литографии для приискания занятий.

17) Расчет производится 1-го и 16-го каждого месяца в рабочее время.

18) Отмена работы через подрядчиков и через компании с наемными рабочими.

Требования увеличения заработной платы: общее повышение расценки (не сдельных) для получающих до 20 руб. — 30 проц., от 20 до 30 руб. — 25 проц., от 30 до 40 руб. — 20 проц., от 40 до 50 руб. — 15 проц., свыше 50 руб. — 10 проц. Кроме того, рабочие требуют установления наименьшей заработной платы для: 1) наборщиков (сдельных) поденно не менее 2 руб. и 2) учеников — первый год 15 руб., второй — 18 руб. и третий — 20 руб.

Ученики (всех цехов):

1. Безусловно вежливое обращение со всеми рабочими.

2. Учение должно продолжаться не более 3-х лет.

3. Возраст учеников не меньше 15 лет.

4. Хозяин не имеет права в течение этого времени употреблять учеников для личных услуг, ни вообще для какой-либо работы, кроме полагаемого дела.

5. Время денного занятия учеников 6 час. — с 9 до 12 час. дня, 2 часа на обед, с 2 до 5 час. веч[ера].

6. Прием и увольнение учеников зависят от депутатов, которые установляют предельное число учеников для каждой фабрики.

7. Выдача аттестата после совместного испытания хозяина и депутата от рабочих.

В Георгиевском переулке, в помещении городского капцовского училища, с восьми часов утра в течение всего дня шли совещания типографских рабочих, разбившихся на отдельные независимые группы.

Из числа этих групп наиболее значительными были: группа книжных наборщиков, печатников, переплетчиков и наборщиков газетных.

На совещании была выработана резолюция, гласящая, что газетные наборщики не имеют права приступить к работам до тех пор, пока типографские рабочие не достигнут соглашения между собою и хозяевами типографий. Как удалось выяснить, книжные наборщики располагают средствами, дающими им возможность продолжать забастовку в течение двух недель.

На собрании наборщиков наборщик Круглов доказывал, что в отношении наборщиков главными врагами являются не издатели, а метранпажи. По предложению Круглова, завтра будет приступлено к изысканию способов и мер воздействия на метранпажей с тем, чтобы метранпажи не являлись клевретами издателей и не склоняли наборщиков к начатию работ.

Это сведения из «Слова» (27 сент[ября]).

По сведениям [«]Нового времени[»], по 26 сент[ября] было раненых в публике 60 человек, в полиции и в войсках 25, среди последних один жандарм уже умер. Но это, конечно, уменьшенные цифры. Сегодня на Долгоруковской тяжело ранено 3 полицейских, а на Петербургском шоссе должны быть жертвы, ибо случайно ранен пулей мимо ехавший извозчик.

29 сент[ября].

Градоначальник расклеил объявление, что у него в полиции и войсках ранено (некоторые умерли) 34 человека, а из публики никто не ранен серьезно. Это, во-первых, говорят, ложь; во-вторых – позор. Значит, бей войско сколько хочешь: оно неспособно повредить не только японцам, но и толпе!

Между тем стачки разрастаются на другие производства, у Листа и так далее.

У Медема сегодня собрание хозяев типографий, которые будут уступать рабочим.

Поговаривают о военном положении в Москве.

Все поголовно ругают Дурново, Медема и еще больше Петербург. Полиция ругается, что у ней отняли всякий авторитет и позволяют ее избивать, запрещая защищаться.

На Тверском бульваре казачий есаул начал 24 сент[ября] пальбу вопреки приказа, но у него были небоевые патроны.

Полковой командир Екатеринославского полка собирал на совет офицеров, и они единодушно решили стрелять в бунтующих и совсем не брать небоевых патронов, а стрелять боевыми, не слушая никаких приказаний и запрещений... Вот до чего доходит!

В конце концов, пожалуй, правительство будет низвергнуто военными, и, вероятно, вся Россия будет рукоплескать. Ругань на

правительство положительно общая (то есть среди самой обыкновенной публики...) Да и действительно положение нетерпимое и всех заставляет думать, что правительство нарочно ведет Россию к революции.

Это, конечно, неправда, но важно то, что так говорят именно люди, не желающие революции.

30 сент[ября].

По городу вспыхивают новые беспорядки на разных заводах и заведениях. Часа 2 назад помчались с нашего двора, говорят, на Мясницкую, где «громят» какое-то заведение. Я видел, как многие жандармы, уезжая, крестятся... Немудрено! Кто знает, возвратится ли живым?

Поведение начальства, поистине, возмутительно. Они доведут город до чего-нибудь ужасного. Уже теперь забастовщики поговаривают, что станут «жить грабежом».

Из газет сегодня вышел «Русский листок». Интересно знать, вызовет ли это беспорядки?

С остальными наборщиками идут переговоры. Начальство склоняет хозяев к уступкам.

Вечер. 7 часов. Тревога на Мясницкой, утром, относилась к «Русскому листку». Однако там побоища не было, и ввиду значительных полицейских сил забастовщики рассеялись.

Казецкий сделал хорошую аферу: его листок выпущен в 100 000 экземпляров и продавался по 5 к. (вместо 3 к.).

«Московский листок» вошел в какое-то соглашение с рабочими – какое, не знаю, и, говорят, тоже намерен завтра выйти.

Сегодня по телефону известили из Петербурга о смерти С.Н. Трубецкого (ректора университета) от удара![309] Вот неожиданность! Совсем еще молодой человек. Очевидно, его убил университет. Несчастный, зачем пошел в ректоры в такое время?

По сегодняшним сведениям, рабочее движение по Москве разрастается, переходя [на] другие производства. Ждут железнодорожной забастовки движения. Но, насколько слышно, Медем не принимает никаких предупредительных мер. В Петербурге не любят тревожных донесений, и, угождая по-куртизански, здешняя администрация старается представить, что собственно ничего серьезного нет. Дождутся, таким образом, как-нибудь грандиозного несчастья, как в СПб. 9 января или похуже.

3 окт[ября].

Вчера и сегодня выходят «Московские ведомости». Работают учениками. Значит, выходит три газеты ([«]Русск[ий] лист[ок»], [«]Моск[овский] лист[ок»] и [«]Моск[овские] вед[омости»]).

Вчера приехал Нилус, остановился у меня.

Несчастный Сергей Трубецкой... безобразнейшие «похороны», с пением революционных песен, с толпой пьяных студентов... Это «чествование» тянулось с 11 часов утра до 6 часов вечера, когда наконец дотащили его до Донского монастыря.

У меня был первый вечер, но никого не было (только Фудель, Степанов, Нилус, Новоселов, да Клавдия, да еще Еленев с Сашей).

6 окт[ября].

По Москве продолжается ерунда. На похоронах Трубецкого, где студенты, пьяные, с папиросками, с колбасой и прочими закусками орали революционные гимны всю дорогу туда и обратно (до Донского монастыря), несли впереди университетский стяг, позади царский. Затем шли несчастные попы, а вокруг них – красные венки и Марсельеза и «Ненавистен нам царский чертог»... Полиция была предоставлена самим студентам. Публику разгоняли. Это безобразие длилось с 11 часов утра до 8 вечера, когда, наконец, произошло побоище. Из манифестантов ранено (шашками) человек 10. Из казаков (пулей) один...

По газетам наборщики стали на работу, но им все прибавили жалованье и убавили работу. Один Казецкий работает своими хитровцами, платя им по 5–7 руб. в день. «Моск[овские] вед[омости]» ничего не прибавили, и человек 10 наборщиков все-таки вынуждены были начать работу. За это [«]Моск[овские] вед[омости»] подлежат разгрому, но пока охраняются войсками.

Дом унив[ерситетской] типографии превратился в казарму. Вот уже больше недели все набито лошадьми, казаками, пехотными солдатами. В редакционных помещениях все стены уставлены ружьями, казаки всюду сидят, ходят, спят на полу и скамьях.

По городу там и сям бушуют рабочие.

Саша сегодня уехал в академию, а тотчас по отъезде явилось известие, что студенты послали в Синод требование автономии, а впредь до исполнения требования прекратили лекции...

Это все устроено профессорами, среди которых особенно бушует Павел Тихомиров, втихомолку же орудует, говорят, мой Попов. Тоже, что за одурелые балбесы! Несчастный этот Саша. Плохо ему придется.

У Грингмута сегодня собрание его Монархической партии; говорят, будет до 60–70 человек. В партию поступил – кто же? Градоначальник Медем! Это уж совсем по-республикански... А впрочем в нынешней всероссийской каше – все «натурально».

В епархиальном доме собрание по поводу «отношения пастырей к современному общественному движению»...

Ночь. Только что возвратился из епархиального дома. Зрелище высоко поучительное! Читал Никол[ай] Петрович Попов[310], библиотекарь патриаршей ризницы. Говорили: Ник[олай] Павл[ович] Добро-

нравов[311], свящ[енник] Романский и другие. То же нервное опьянение, чисто революционное настроение, как по всей России. Любопытно до крайности, но устал, некогда записывать.

Познакомился со свящ[енником] Строгановым Никол[аем] Николаевичем.

7 окт[ября].

Новоселов уехал в Волочок[312].

Началась забастовка Казанской дороги. Прекратилось движение. Судя по сведениям редакции, имеется в виду общая остановка дорог. Это общество (железнодорожный союз) чисто революционное и благодаря бездействию власти принудительно подчинило себе всю массу железнодорожных служащих. Передавали, со слов Павлова («историка»), что государь и ему выражал свое мнение: дескать, пусть идут беспорядки, пока Россия сама убедится в их гибельности. Какая прискорбная точка зрения! Как будто Россия приходит в беспорядочное состояние по непониманию, что нужен порядок!

8 окт[ября].

Получил от Саши ниже заклеиваемое письмо и немедленно послал телеграмму, чтобы он приезжал... Телеграмма, вероятно, не отправлена, п[отому] ч[то] Ярославская дорога нынче же «забастовала», так что поезда и телеграф перестали действовать... Однако Саша самостоятельно приехал, успевши захватить последний поезд. Забастовка его захватила под самой Москвой, где поезд и остановился, так что Саша пришел в город пешком.*

Мос[ковская] дух[овная] ак[адемия]
6 окт[ября] 1905

Милый папа!

Вчера у нас началась забастовка и, кажется, более крупная, чем в прошлом году. 140 челов[ек] требует автономии. 15 человек стоят за автономию, но против забастовки. Нас, желающих слушать лекции и противников автономии, пока только, кажется, 7 человек со всех курсов. Профессорам и студентам, решившимся пойти на лекции, объявлено, что, не в пример прошлому году, будет допущена по отношению к ним обструкция словесная, химическая и даже физическая. Из профессоров 17 за автономию, 10 против.

В академии безделье и пьянство. Везде революционные песни. Сегодня вместо лекции их распевали в аудитории ректора.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

В день акта проф[ессор] Тихомиров напился пьян вместе со студентами и, еле выговаривая, сказал, что гораздо больше значения имеет Марсельеза и революционные песни, чем философия. За это ему спели Марсельезу и качали.

Сегодня мы в составе 6 человек, враги забастовки и автономии, устроили свой совет. Ввиду обструкции решили, что в случае крайности можно не идти на лекции и объяснить причину ректору. Но все же будем пытаться попасть в аудиторию. Относительно автономии мы говорили, что в академии она немыслима при настоящих условиях. Пусть сначала отделят от академии ее не духовный элемент в лице некоторых профессоров и студентов и превратят эту часть в богословский факультет с какой угодно автономией. Для нас же, желающих служить церкви, пусть останется академия церковная и духовная с соответствующим составом профессоров и студентов, не только с семинарским образованием, но со всяким средним. Тогда, быть может, и автономия не будет страшна.

Петровский ведет себя возмутительно: в забастовке принимает самое деятельное участие. Я почти с ним не разговариваю, так как он все советует мне уехать в Москву, что для них выгодно, и хвалится, что ректором будет Катерев. Больше писать пока нет ничего. Если не буду нужен в академии, то приеду в субботу, послезавтра.

Целую всех.
Твой А. Тихомиров.

Дела в академии – Бог знает что! Забастовщики, к которым в первую голову принадлежат профессора, грозили 6 упорным (Саша, Стефан, Веретенников, Тихонов, Раур, Лагов[313]) исключением из академии.

В аудиториях лекций не было. Все профессора примкнули к забастовке. Введенский не явился и этим спасся от подписи под требованием «автономии». На совете не подписали только ректор (Евдоким) и инспектор (Иосиф). Совет потребовал у них мотивировки отказа. Епископ Евдоким не стал отвечать, а Иосиф сказал, что академия есть церковное учреждение, что и было встречено хохотом совета.

Вчера неожиданно нагрянул митрополит, явился на извозчике, пошел к ректору, потом собрал профессоров и студентов, был очень грозен, потребовал, чтобы на следующий же день лекции начались снова, и заявил, что сам*. Но из этого ничего не вышло. Профессора потребовали, чтобы студенты их поддержали. Когда сегодня митрополит явился на лекции, студенты его не пустили, затворили двери, встретили его свистками и революционными песнями...

* Так в тексте *(сост.)*.

Пришлось владыке удалиться, даже не добившись входа в академию!..

Он объявил, что закрывает академию и что студенты должны все убраться. Но студенты между собой уговорились, что «только вооруженной силой их выдворят из помещений академии»... Это уже прямо грабеж!

Но тут подоспела забастовка железной дороги, так что студентам даже и некуда уезжать. Что из этого выйдет – увидим, кто доживет.

Грингмут опубликовывает в [«]Моск[овских] вед[омостях»] сведения о своей Монархической партии. Товар показывает лицом и, вероятно, вызовет новые присоединения. Однако Глоба-Михаленко рассказывал (он член), что собрание партии произвело на него мизерное впечатление. Их было 80 человек, но – «с борку да с сосенки», нет ни содержания, ни желания действовать.

Я узнал очень немного членов: Грингмут, Женя Грингмут, Глоба, Геника[314], Долгоруков, Розен[315], Нольде, Преображенский[316], Емельянов, Лукин, Стюарт, Никифоров, Д.И., г-жа Шванебах[317], градоначальник Медем, Стволов (гостинорядец), Епифанов (купец), Шмаков[318], священ[ник] Добров, архим[андрит] Анастасий...[319] не знаю кто еще был. Да еще, конечно, Терентьев... Еще – Ник[олай] Фед[орович] Берг[320] («День»)...

Но курьезнее всего, что пробрался на собрание либеральный шпион доктор Пучков, радикал Московской думы... Как он прошел? По фальшивому билету или по небрежности надзора, но был весь вечер, и никто не обратил внимания на присутствие «неприятеля». Только вечером Глоба, зайдя к знакомому, бывшему на собрании, узнал об этом. Тот ему говорит:

«Ну, однако, и партия у вас! Как же это вы приняли Пучкова?»

Глоба заверил, что это невозможно... «Да я сам с ним говорил и здоровался. Увидал, подошел, он сначала как будто хотел уклониться, но потом вполне развязно поздоровался... Поговорили»...

Глоба, конечно, сообщил об этом скандале шефу партии...

Точно – недурные порядки!

Грингмут со мной не говорит о своей партии, но и не морочит меня, не скрывает, что недоволен. Да и понятно. Он умен. Но и я понимаю: что же ему делать? Строить декорации во славу Empire de façades![321]

9 окт[ября]. Воскресенье.

Москва почти отрезана от России. Забастовали все железные дороги, кроме Николаевской, да и та надолго ли продержится?[322]

Революционный железнодорожный союз существует уже давно и все забрал в свои руки, терроризируя всех служащих. Он готовил общую остановку движения по России к моменту революции, чтобы помешать движению войск и голодовкой возмутить повсюду народ. Все это знают. Одна эта гнилая сволочь, именуемая правительством, ничего не делала и не делает! Неужели у них не осталось уже ни одного честного человека? Как бы то ни было, невольно начинаю желать скорейшего наступления революции, которая смела бы всю эту мерзостную дрянь...

10 окт[ября].

Все железные дороги стали, кроме Николаевской, да и та теперь (вечер), вероятно, уже забастовала.

Еще хуже то, что городские рабочие грозят забастовать, если их требований дума не исполнит к 12 окт[ября]. Это значит, в том числе, водопровод... Завтра у них назначена демонстрация против Думы, и послезавтра – Москва без воды!

Полковник Симанский говорит, что войска измучены и обозлены дурацкой полицейской службой, которой их мучат уже две недели слишком. Вероятно, что они скоро тоже взбунтуются.

Какая жалкая гибель сгнившего государства!

Сегодня распространился по Москве слух, будто «царя нет»... Одни говорят, будто бы он «бежал за границу»; другие, будто бы «отказался от самодержавия»... Говорят, ожидается из СПб. какой-то «акт первостепенной политической важности»...

Может быть, – слухи, нарочно распускаемые революционерами для смуты. Может быть, и вправду что-нибудь произошло. О несчастный, злополучный человек! Но положение ужасное. Никогда еще свет не видал такой анархии, безумия и безвыходности.

11 окт[ября].

Утро. Объявлено, что дров в редакции только на два дня... Торопимся добыть керосину, но и то сомнительно... Водопровод в опасности, и дворники без перерыва ездят за водой: все запасаются... А ванна, в которую хотели сливать, – дно провалилось. Беда! Собираем кадки.

Катерина принесла известие, что пять дней ничего не будет, ни еды, ни питья, а когда уже все мы будем помирать с голоду, то явится Антихрист...

Пожалуй, что и похоже на правду.

Вечер. У нас стали все дороги. Москва отрезана от мира. Внутри стачки рабочих и... фармацевтов... Фармацевты ходят по аптекам и силой заставляют прекращать работу. Объявляют, однако, что они не имеют требований к хозяевам, но что их забастовка имеет исключительно политическое значение...

Почти невыносимо принадлежать к такому нравственно и умственно идиотскому народу! Заклеиваю такое же решение «делегатского съезда врачей» – не лечить никого по всей России по политическим же целям! То же самое повсюду: и этакие дикари думают, что они способны жить при свободе, при конституции! Правда, они теперь нервно пьяны, но ведь что у трезвого на душе, то у пьяного в действии.

Что нас только ждет с таким дикарством, татарщиной? Сколько эти люди должны напиться крови, чтобы их наконец стошнило и чтобы они сами себе омерзели? Много, много нужно...*

На состоявшемся вчера общем собрании лиц медицинского персонала рассмотрено было постановление делегатского съезда. Первым поставлен был вопрос об отношении союза к балашевскому инциденту[323]*. Петербургское отделение приняло формулу делегатского съезда, которую предположено довести до общего сведения в виде открытого письма губернатору Столыпину*[324]*. Письмо это будет опубликовано своевременно. Решено присоединиться к общественным и союзным организациям, не работающим, однако, под флагом Красного Креста, для оказания помощи голодающему населению путем устройства столовых, продовольственных пунктов и проч. Принято в принципе образование библиотеки популярной литературы по вопросам государственного устройства. Горячие прения вызвал вопрос о всеобщем прекращении работ лицами медицинского персонала. В то время как одни ораторы доказывали возможность и допустимость лишь отказа отдельных лиц и учреждений, всеобщее же прекращение работ считали недопустимым по соображениям морального свойства, не считая врачей вправе отказываться от исполнения их священного долга по отношению к группам населения, не имеющим ничего общего с реакцией и заставлять страдать людей, ни в чем не повинных. Другие считали необходимым устранить моральную точку зрения и рассматривать вопрос исключительно с точки зрения целесообразности. Вопрос о всеобщем прекращении работы поднимается не впервые среди врачей, но еще раньше стал дебатироваться среди рабочих. Есть целые ряды производства, прекращение которых может очень тяжело отозваться на обществе и причинить страдания невинным людям. Прекращение работы врачей, возможно, связано с более тяжелыми последствиями, но это уже вопрос о количестве неизбежного зла, а не о принципе. Потому-то сторонники этого метода признают возможным обращение к нему только как к крайнему средству, оправдываемому исключительно обстоятельствами. В таком случае и общественное мнение окажется не против врачей,*

* Далее вклеена машинопись *(сост.)*.

а за них. Мнение сторонников прекращения работы было принято большинством собрания.

Сын Отеч[ества].

А свыше – нечто бесконечно дряблое, во всех деятелях. Правда, ходят слухи, будто Витте получит власть... Уж хоть бы он! Слухи самые, впрочем, нелепые: будто бы император поставит Витте во главе правления, а сам уедет в Данию... Этих слухов не оберешься. Рассказывают (и притом в обществе), будто император получил от революционеров письмо, что если он будет применять репрессивные меры, то они, революционеры, убьют не его, а наследника (малютку![325])... И вот будто бы поэтому он и не трогает никого... Действительно, репрессивных мер он не позволяет. Покойный Трубецкой (ректор) возил в СПб. список 300 человек, заправляющих университетской революцией; этот список был у императора, – и он не приказал трогать. (Это со слов Трубецкого-предводителя[326]). Еще ему докладывала полиция о 23 человеках, которые производят всю революцию, с указанием средств (между прочим, иностранных), на которые это делается. Тоже не позволил трогать...

12 окт[ября].

Вчера были Семенов[327] с Бутми[328], а вечером Кузнецов с Дурново... Прямо не мог спать ночи от рассказов об ужасах. Двинулась и Хитровка[329]. Предположено грабить город. А 17 окт[ября] будто бы назначен пожар Москвы. Это ужас... Все, как разъяренные, ругают власти, и особенно царя, не принимающих мер против прямой гибели страны. Теперь можно считать себя накануне гибели, смерти. Боже, пощади хоть молодых! Какой-то конец, если не света, то нынешних поколений культуры.

Нет на свете людей преступнее наших власть имеющих. Но теперь не до критики. Нужно готовиться к смерти. Боже, ты видишь сердце мое: не запятнан я никакими преступлениями, мошенничеством, эксплуатацией ближнего, всегда старался проповедывать людям правду, разум, человечность, развитие личности... Боже, Боже, пощади и пошли хоть сколько-нибудь христианскую кончину, непостыдную и мирную; защити моих, которых ты дал мне. Да будет Твоя святая воля, а не наша, грешная и безумная...

Пощади и мою несчастную родину, пошли ей людей спасающих.

У нас что-то назревает. Рабочие движутся гуськом; новая тактика их, чтобы где-нибудь внезапно сразу собраться...

Ворота заперты (совсем не пускают), а ходят через типографию... А Коля в гимназии... Господи, какая мука!

Вечер. 10 часов. В течение дня ничего особенного не произошло. Вчера была грандиозная сходка (говорят, будто 30 000?!) в университете, это было «делегатское собрание» (то есть нынешнее революционное правительство, соединение делегатов всех революционных партий и групп). Решили они всеобщую забастовку; говорят о беспорядках на 14 октября.

Слухи говорят о намерении грабить, «снимать» силой частную прислугу (ходить по всем домам) и даже будто бы с 17 октября начать выжигать Москву...

Говорят также, будто организуется и народная охрана для борьбы с революционерами и грабителями. Если это серьезно, то, принимая во внимание численность охраны (их около 50 000 человек, в пяти отрядах или отделениях), – то может быть страшное побоище... Впрочем, если революционеры и примкнувшие к ним «хитровцы» начнут сами резать, без всякой помехи, то будет, конечно, еще более крови...

Что это за «сволочное» правительство, которое доводит страну до такого страшного самоуничтожения!

Видел сегодня (случайно) Павлова и Бухарина[330]. Они от имени союза (вновь основанный) были в числе 12 делегатов у генерал-губернатора и заявили ему, что если он не водворит порядка, то у нас начнется гражданская война. Дурново проявил полное непонимание положения, уверен, что в Москве ничего особенного не делается и что он ручается за сохранение порядка!

Господи, но разве же порядок то, что теперь творится в несчастном городе?

Кстати сказать – Красников[331], рабочий делегат в Думе, протестовал против слухов о прекращении рабочими действия водопровода. Дай Бог!

Вообще несомненно, что в требованиях рабочих много справедливого и что отношение к их нуждам как со стороны правительства, так и Думы очень неискреннее и надувательское.

13 окт[ября].

День ясный: к беспорядкам... Со страхом отпустил Колю в гимназию.

Вчера в Думе силой начали производить забастовку всех служащих. Сегодня этот вопрос будет «обсуждаться» в Верхних рядах, а затем забастовщики пойдут в Думу. Похоже, что рассчитано на нечто «революционное»: Красная площадь, толпы народа, лавки и магазины... Тут может пойти такой грабеж со стороны толпы, что ужас...

Господи, в какую бездну мы валимся?

Ночь. Москва в анархии. В университете 20 000-ный митинг. Завтра – всеобщая забастовка и разгром. Вероятно, и нам не сдобровать. Власти упорно бездействуют.

Заклеиваю письмо Киреева.*

11(24) ок[тября]. Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Книгу вашу Вел[икий] кн[язь] Константин Кон[стантинович] передал царю (перед своим отъездом в Ташкент).

Мы стоим над пропастью! Все возможно; царь может обнародовать завтра конституцию! Я отстаиваю самодержавие, указываю на разницу между Думой (совещательной) и парламентом (с голосом решительным). Это, в длинном изложении, я представил третьего дня на усмотрение царю (повез Фредерикс, министр двора), но едва ли можно вселить в царя желание что-нибудь предпринять, стать царем! В этом отсутствии воли и заключается вся наша беда, это тот страшный аргумент против самодержавия, на который мне нечего возразить!

И вот является то положение, в котором у самых надежных людей – защитников самодержавия падает сердце и падают руки! Вот, напр[имер], вы, Д. Хомяков, даже Самарин (еще молодой) отказываются от работы... Это очень скверный признак.

Ежели сочтете удобным, передайте от меня Влад[имиру] Андреевичу Грингмуту следующее: иностранные газеты по обыкновению врут; конечно, Витте не мог сказать, что [«]Моск[овские] ведомости[»] – «рептилия», но что правительству теперь на них трудно опереться – это верно, и Булыгин не мог бы на них опереться. [«]Моск[овские] ведомости[»] – интранзигент[332] самодержавия, это бы ничего, это даже хорошо (даже очень хор[ошо]), но они отстаивали интранзигентно не только принцип (как отстаиваю, напр[имер], и я), но и иногда не выдерживающие критики применения оного. Ту же самую ошибку они делали и относительно православия. Они прославляли Е. Богдановича государственным мужем и отца И. Кронштадтского или Мальцева[333] – богословами. Замечу, что Иоанн Кроншт[адтский], может быть, святой или бессознательный гипнотизер – не знаю, но не богослов[334].

*А за «монархическую» партию Грингмуту – спасибо! Она не должна действовать насилием теперь, теперь она только должна укомплектовываться, увеличиваться, разветвляться, а когда (если)** революционная партия вздумает на выборах насильничать, то монархической партии можно перейти к физической борьбе за свободу*

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

** Так в тексте *(сост.)*.

выборов. Именно так: за свободу; прозвище «черная сотня»[335] *может быть дано и самому доблестному войску.*

N.B. Передайте вашему Саше, отказавшемуся идти за забастовавшими, что я считаю его достойным всякой похвалы, и он и его товарищи молодцы! Настоящие патриоты, хвала им и честь!

Ваш А. Киреев.

14 окт[ября].

Управские служащие забастовали. Воды нет. Электричества нет. Москва темна, как дремучий лес...

Не было в истории более тяжкого положения, более безумного.

На квартиру Шарапова было ночью нападение, били окна и стреляли. Он с семьей съехал в гостиницу.

[«]Союз русских людей[»] выпустил воззвание, чтобы собирались по приходам, организуя приходские дружины, с общим советом.

Генерал-губернатор расклеил объявления: грозит стрелять... Но в кого? Москва чахнет, голодает, осталась без воды...

Боюсь, что Катя совсем заболеет. Я тоже плох. Черная тоска лежит на всем и всех.

Аптекари забастовали, лекарств нет.

Безумцы решились всех заморить всеми кознями и способами... Это началось по всей России. Петербург и все города замерли, не движутся, не едят, не пьют...

Видано ли нечто подобное? Это апокалипсическая саранча, вышедшая из дыма бездны, под командой Аввадона-губителя...[336]

Остается молиться Богу.

15 окт[ября].

Утро. Воды нет, множество магазинов закрыто. Город встревожен. Гимназии распущены. В Думе должен быть митинг, который, вероятно, захватит Думу и посадит в ней революционный комитет.

11 часов. Сейчас какие-то люди ломились к нам в ворота... Драка на тротуаре...

Оказалось, что это рекруты побили каких-то рабочих, зазывавших их идти с ними...

9 часов вечера. Утром в Охотном побили несколько студентов, приказывавших закрывать лавки. Из-за этого университет забаррикадировался и к вечеру превращен в форт. Запасаются провиантом и тому подобным.

В то же время в Думе образовано нечто вроде Комитета общественного спасения, решено составить милицию.

Нечто невообразимое...

Генерал-губернатор пьет шампанское...

Телефон и телеграф прервали внутри города и с Петербургом.

Наступает какая-то катастрофа. Жалко всех, все стороны и всех готовящихся вступить в резню. И тяжко бы было погибнуть среди такого безумия. Боже, сподоби нас избежать всех будущих бедствий и неосужденно предстать пред Сына Человеческого.

16 окт[ября].

Утро. Выпал снег.

День, кажется, сулящий много кровавого и безумного.

Грингмута я видел вечером, и он мне ни слова не сказал о двух важных поступках, которые в эту минуту замышлял. Именно: 1) объявление его «Монархической партии» о собирании подписей для прошения о лишении Думы ее полномочий; 2) перепечатка прокламации какого-то кружка о том, чтобы московский народ поднимался на защиту порядка.

Нетактично, и только вливает новое брожение!

Впрочем, теперь все в анархии и без того.

Революционеры утвердились в университете; Дума стала сосредоточием революционных союзов. Все вооружаются. Постановлено в Думе организовать милицию.

По церквам читают послание митрополита и введены новые молитвы об умиротворении.

Возможно, что сегодня же начнутся кровавые схватки.

Живя в редакции, я, конечно, подвергаюсь опасности убийства и разноса в первую голову.

Господь видит, что я старался только о разумности и мире и не имею участия в призывах к междоусобию. Но да будет Его святая воля!

* * *

Ночь. 10 часов. По сведениям от 8 часов – за день ничего не делалось. О Думе и Комитете обществ[енного] спасения ничего не известно. Университет оцеплен войсками, которые выпускают выходящих, но никого не впускают. Он изнутри забаррикадирован. Говорят, будто студенты занимаются изготовлением нитроглицерина.

Сегодня не слыхал о побоищах, но вчера были случаи.

По церквам нигде, говорят, не было никаких толков о дружинах.

Саша пошел в Саввинский [монастырь] и там заночует. Были случаи нападений на студентов, да и хулиганы грабят и режут.

Говорят, у Старого Пимена[337] один «студент» выстрелил в священника, читавшего послание митрополита, и выбежал из церкви. Народ за ним гнался, но не догнал.

У Василия Неокесарийского один из присутствующих в церкви сказал по поводу той же речи: «Полно врать пустяки». Его схватили и вытолкали из церкви.

Едва ли послание имело успех.

Тоска ужасная, нервы измочалились... Да и другие на это жалуются. Кажется, и у либералов они не всегда хороши. Те боятся «черной сотни», то есть движения народной массы. Оно, конечно, возможно, хотя случаев таких очень мало.

Москва черна ночью. Фонари (керосиновые) еле мерцают. Окна магазинов заколочены. Съестные припасы, впрочем, продавались, и сегодня «пустили воду»: господа рабочие сжалились над несчастным городом, а быть может, их вожаки инженеры хотели доставить воду в университет... Там, говорят, заперлось 15 000 человек. Может быть, и вранье: кто их считал? Но если и 5000, то воды нужно много.

Из Петербурга никаких вестей: ни газет, ни телефона, ни телеграфа – все отрезано. Что там делается? Кто правит? Дерутся или нет, и кто победил – ничего не известно.

По слухам, здесь в Думе были толки, что не следует идти слишком далеко ввиду народного движения, которое они, очевидно, преувеличивают. Поэтому там будто бы слышится готовность отказаться от <u>республики</u> и выставить пункты, на которые монархисты, по мнению радикалов, могут легче согласиться, а именно: 1) низложение Николая II, 2) объявление императором Алексея Николаевича[338], 3) при регентстве Константина (а не Михаила)... Ну, к этому еще что-то конституционное.

Любопытно их мнение, что монархисты могут отказаться от нынешнего императора... Впрочем, все это рассказы из десятых рук.

А вот верно одно, что душа измучилась, истомилась. Ни одной минуты не знаешь, сколько тебе осталось жить на свете, и не перебьют ли вместе с тобой и детей... Какое-то озверение всех, ни на одного человека уже не надеешься, что у него есть искра разума, совести, чести, человечности! Ужасное время!

Я много размышляю по этому поводу, о себе и думаю, что следует воспитывать в себе <u>христианина</u>. В текущей политике я и так не участвую, ни к каким партиям не принадлежу. Но в моих помышлениях все-таки господствует забота о <u>земном</u> мире, о том, чтобы в людях возникла взаимная любовь, и чтобы никто никого не истреблял... Это, однако, хотя, конечно, и христианская забота, но мне Бог не дал не только способов, но даже личной силы для нее. Да и люди не желают мириться, а только угрожают друг другу резней: революционеры – монархистам, да и монархисты – революционерам...

Как их примирить? Где взять на это силу? Нет ее у меня, на такую невозможно трудную задачу.

Значит, нужно устремить силу на то, чтобы <u>быть с Богом</u>: смерть ли ждет или еще останешься жить, все равно с этого нужно начинать, и

поскорее: безумне, окаянне человече, что в лености житие* губиши?[339] Человек яко трава... Может быть, нынче же умрет. Ищи Бога, пока есть минута...

Вот, думаю, моя задача. Кому другому можно думать о деятельности, а мне во всяком случае о конце и, следовательно, о Боге, и поскорее себя привести в порядок внутренний, чтобы Господь удостоил сам выйти на взыскание мое...

Господи, помоги! Господи, выйди на взыскание мое![340]

И не забудь этих мыслей, безумне, окаяне человече, и в том случае, если Господь помилует тебя от здешних бед и угроз! Не забудь, что это истинная твоя задача... Аминь! Но помилуй, Господи, не оставь без призрения моих, которых ты дал мне, да не погибнут они, и моя бедная подруга и дети мои, мои Катя, Надя, Вера, Саша и Коля. Спаси их, Господи, и дай им душевное спасение хоть с каким-нибудь счастьем и здесь, на земле. И прокорми их, Господи. Не нажил я ничего, и ничего им не оставляю...

Помяни, Господи, что я не наживал достояния неправедного, а притом все-таки помогал другим из своего заработка. Призри же, Боже милосердный, на моих, которых ты дал мне.

17 окт[ября].

Утро. Вчера Дума не приняла проекта образования Комитета общественной обороны и милиции, и этот вопрос оставлен на обсуждение сегодня, в 1 час дня.

Вечер. 7 часов. Вчера студенты и рабочие, запершиеся со страха в университете, вышли оттуда в 6 часов. Они вообще заперлись чисто со страха, когда их стали бить охотнорядцы. Просидели за баррикадами, делали оружие, бомбы и тому подобное, и все ждали какого-то нападения. Выйти им никто не мешал, и человек 100 ушло. Но масса трепетала, что ее кто-то будет избивать... Вообще теперь все в сумасшедшем состоянии... Наконец, послали Мануйлова к градоначальнику с условиями «капитуляции»... Эти условия были: 1) выйти всем вместе, 2) гарантия безопасности, 3) дойдя вместе до какого-нибудь достаточно далекого пункта, будут расходиться по домам.

Градоначальник согласился, прибавив еще пункты: 4) выдать все оружие, 5) обязаться не делать на пути никаких демонстраций.

Студенты приняли условия.

Затем все выходили без оружия, тихо, рядами, под конвоем войск. Некоторые пытались пронести оружие или затянуть революционную песню: всех таких сами студенты препровождали обратно в университет и выдали полиции. Сколько этих аресто-

* Так в тексте *(сост.)*.

ванных, не знаю. Остальные в полном молчании, рядами, под эскортом войск, а впереди – Руднев и Мануйлов, были безопасно доведены до Никитских ворот, откуда и разошлись по домам.

По городу ничего бунтовского до сих пор сегодня не было. О решениях Думы ничего не знаю. По улицам – патрули.

Водопровод действовал. Москва – темна. Лавки по-прежнему торгуют с заколоченными окнами. Умиротворения нет. Железные дороги – ни одна не действует. Телефон и телеграф не действуют. Прибавилось несколько новых забастовок (консистория, контроль, фонарщики!!!). Одним словом, все в прежнем спазме.

Видел епископа Никона у Грингмута. Оказывается, что послание, читанное по церквам, писал он, а митрополит дал лишь согласие. Напечатано в синодальной типографии, но в ограниченном числе, п[отому] ч[то] там наборщики что-то ненадежны. Впрочем, и читалось послание далеко не везде, многие священники не захотели читать.

Оказывается, что Шарапов укрылся в Даниловом монастыре, откуда и не выходит, держа свое местожительство в полном секрете... А семью отправил к родным. Нельзя сказать, чтобы убежище было очень безопасно...

Вечер. 8 часов. В Думе, кажется, ничего особенного не было.

Три дороги: Николаевская, Ярославская и Рязанская решили стать на работу. На всех трех вокзалах служили молебны.

Уже вчера на Ярославском вокзале рабочие избили насмерть студента Рихтера, пытавшегося остановить поезд. На Брестском едва ли не убили какого-то революционера и избили двух его защитников. На Николаевском кондуктора били забастовщиков... Вообще, кажется, среди работающих уже назревало негодование против подстрекателей... Быть может, пробудило совесть и послание митрополита... А от директора Деп[артамента] жел[езных] дорог пришла телеграмма о согласии прибавить жалованье рабочим... Все это вместе, быть может, внесет, наконец, умиротворение, хоть начало его... Пошли Господи! А то уже просто мочи ни у кого не стало в этом безумии и взаимоистреблении.

18 окт[ября]. $1\,^1/_2$ ч. дня.

Ночью пришел манифест с объявлением всяких свобод и с предоставлением Гос[ударственной] думе законодательного решения... Это – отказ императора от самодержавия[341].

Однако, кажется, беспорядки лишь усиливаются. Сейчас какой-то человек срывал флаги, которыми расцветился город по случаю ограничения самодержавия. Один флаг сорвал в ун[иверситетской] тип[ографии]. Народ стал его бить, но он убежал.

А тут же забастовали Яковлевские наборщики и прибежали к унив[ерситетской] типографии с криками: «Кончай работу». Не знаю, чем кончится... Но налево (к Страстной площади) сейчас поскакали жандармы.

3 $^{1}/_{2}$ часа. Огромная толпа студентов с красными флагами стоит перед пересыльной тюрьмой... Другие толпы – по городу... Что делается, Господи!

7 часов. Не знаю, чем кончилась манифестация у острога. Толпа студенческо-интеллигентская была около 3000–5000. У Подвескова[342] какой-то человек снял трехцветное знамя и пошел с ним, крича: «За мной! За царя!»... С ним пошло человек 10–15... Потом попались им проезжающие два студента, и они стали колотить этих студентов. Полное безобразие!

Была еще манифестирующая толпа, человек 500 (пятьсот), с трехцветным флагом и пением «Боже, царя храни»... Позднее были какие-то драки на Страстной площади: говорили, будто «бьют жидов»... Какие такие «жиды» в Москве? Чепуха... Одно ясно: идет взаимный мордобой по всем пунктам. Об отдельных драках – куча известий...

Нечего сказать, вовремя явился манифест! Вчера, казалось, начинают умиротворяться; теперь на уголья плеснули ведро нефти. Злополучный правитель: все у него идет к гибели...

Уж хоть бы Витте принимал какие-нибудь меры! Но трудно: все так расклеилось, раскалилось, перегрызлось, что жди только крови! Как это ужасно, Боже!

Сегодня начали работать Николаевская, Ярославская, Казанская дороги. Говорят, начинают также Брестская и Виндавская...

Ночь. 9 $^{1}/_{2}$ часов. Что было у острога, не известно. Но 20 человек вооруженных ворвались во двор градоначальника с целью освободить арестованных в охранном отделении. Городовой выстрелил и убил наповал курсистку. Студент тотчас застрелил этого городового, а другой городовой наповал же убил этого студента... Дальнейшего не знаю.

Еще на Театральной площади революционеры разбили полицейские кареты, тоже думая кого-то освободить. Но кареты были пусты, а охрана их стреляла и убила кого-то из нападавших.

По сведениям телефона, который, впрочем, дает известия чисто сенсационно-революционные, в Петербурге несколько столкновений с войсками, много убитых и раненых.

19 окт[ября].

В 9 часов нахлынула толпа с красными знаменами, скопилась у нашего двора, выломала ворота, вошла во двор, кинулась в типографию... Мы пережили тревожные минуты, ибо настроений толпы не знали. Толпа заставила рабочих типографии прекратить работу и с пе-

нием русской Марсельезы[343] вышла на улицу... Но не уходила... Говорились речи... Полиции и охраны никакой... Один был городовой, и тот спрятался на кухню... Потом толпа опять двинулась во двор. У нее был какой-то предводитель, уже пожилой, из интеллигентов, энергической наружности. Были отдельные лица в красных шарфах. Толпа пошла в черный двор... Потом опять все вышли на улицу... Тут опять стояли... Наконец, появился несчастный полицейский «наряд» в 15 человек. Полицейские офицеры просили толпу разойтись. Из толпы некоторые что-то спорили, но, наконец, помаленьку нашествие схлынуло.

Потом кухарка рассказывала, что предводитель толпы кричал: « Мы не разносить пришли, не громить, а остановить работу», и потом еще будто бы остановка работы приказана толпой только на сегодня – ради празднования манифеста... Завтра, дескать, могут работать...

Вся эта буча длилась около часа.

Ночь. 8 $^1/_2$ часов. Зашел в редакцию узнать, ходят ли курские поезда... А там целая казарма – гренадеры, кто курит, кто книжку читает, а иные у стола щи хлебают... Ружья по стенам... В типографии же не работают, и газета не выйдет.

Вот так-то все: когда приходит толпа – никакой защиты, а теперь целое войско. Переночуют, вероятно, а там опять никого, и свобода всем делать над другими все, на что хватит силы.

О происшествиях дня, – если они были, – ничего не слыхал. О вчерашнем очевидцы говорили, что генерал-губернатор на своем балконе по требованию толпы снял шапку во время пения Марсельезы...

Сегодня я очень резко доказывал Грингмуту всю неуместность его статей, вызывающих на насилия. Он согласился с моими доводами и обещал, что этого больше не будет. К сожалению, поздновато. Я ему уже сколько раз раньше это говорил, уже несколько лет... Но он не обращал внимания, пока теперь не прикрутила революция.

Да, революция! И как жалко, что все двинулось революционным путем. Кончится после множества жертв, – и большею частью невинных, – через года два-три такой же свирепой реакцией. Увы, людей не учит опыт, и все делается не сознанием, а страстью. Впрочем, бюрократический режим все-таки рухнет, вероятно, и это уже будет некоторая выгода для России. Но ведь это так легко было сделать без потерь, которые, несомненно, произведет сначала революция, а потом реакция.

Саша пошел в Саввинское [подворье]. Беспокоюсь. Темно, черно, беспорядочно в городе. Да, впрочем, теперь везде жизнь на волоске. Боже, как тяжело это, и особенно для меня, понявшего, что единое благо – в эволюции и социальном мире. Остаешься одинок среди ре-

волюции и реакции, одинаково готовых тебя уничтожить по историческому недоразумению.

20 окт[ября].

День смерти Александра III...

Проснулся рано, выглянул: солнце восходит мутно-красное, как будто облитое кровью...

Пошел на телефон поговорить с доктором. Пока добился своего №, пришлось выслушать кучу чужих. Все спрашивают, почему не получена газета. «Не вышла». А то звали от градоначальника старшего офицера при роте... Это заинтересовало солдат. «Что ему нужно?» «Должно быть, обезоружить прикажет», — отвечает насмешливо другой. И начинается разговор — недовольство на тягость нарядов, на бесцельность их. Городовые поддакивают...

Присутствуешь при смерти старого порядка — и при своей...

Сегодня похороны врача Баумана[344], революционера, который найден на улице мертвым... и еще убитой акушерки... Это значит — грандиозная демонстрация, страсти, мщение. Охрана порядка поручена самим революционерам[345].

Теперь около 10 ч[асов] утра. Саша пошел с еп[ископом] Серафимом на службу в Чудов [монастырь]...[346] Ну да теперь — повсюду смерть. Все равно.

3 часа дня. Бесчисленные толпы ждут процессии похорон Баумана... Где-то она пройдет?

5 ч[асов]. Процессия Баумана движется. По пути толпа 200 000. Собственно процессия 10 000. Встретил полицейского офицера. Обозлен до невероятия; ругает Дурново и Медема изменниками. Говорит, что это «жидовская революция», против которой возмущается он, как русский. Говорит, что городовые и солдаты также взбешены и рвутся расправиться. Полагает, что похороны будут сопровождаться побоищами.

Этого Баумана, шедшего с красным знаменем впереди революционной процессии, убил какой-то ломовик[347] каким-то тяжелым орудием.

Рассказывают, что у ломовиков образовался союз, человек тысяч десять, для расправ с революционерами... Вот до чего дожили. Насилие вызывает насилие, и кровь — кровь, и так без конца... Господи, просвети и смягчи души наши!

Тут нужен <u>разум</u> и <u>совесть</u>, а не взаимная ломка голов и ребер, но вот пропали и разум и совесть, а горит только злоба.

Похороны Баумана и акушерки (она еврейка) имеют маршрутом через Никитскую, от Технического училища на Ваганьково кладбище.

Теперь 6 часов. Никаких нет слухов.

7 $^1/_2$ часов. Сведения от 5 часов гласят, что процессия идет в образцовом порядке. На флаге надпись: «Граждане, сами охраняйте порядок». При остановках речи, будто бы крайне резко против императора: манифесту не нужно верить, императора низвергнуть (или уничтожить – не знаю), и заявления, что, где бы он ни скрывался, – не уйдет от их рук. При остановке у университета, говорят, раздавали револьверы в огромном количестве и прекрасного качества.

Ну, если революционеры сумеют охранить порядок, то, конечно, можно ручаться, что они захватят власть. Остальное будет зависеть от их уменья ею воспользоваться.

Уж, конечно, не «ломовики» им помешают. Это вполне «черная сотня». Впрочем, вероятно, если ее покормить, то она к ним же пристанет.

Какой поучительный пример крушения гнилушки.

10 $^1/_2$ часов. Ходил несколько раз к Грингмуту, добиваясь видеть его передовую и упрашивая его воздержаться от малейших призывов к насилиям. Ну, кое-чего достиг, хотя он вроде воспаленного, и с ним крайне трудно говорить. Все же посмягчил...

В редакции спят вповалку городовые и солдаты; последних свыше 60, говорят... Сейчас прискакали во двор какие-то конные: не то казаки, не то жандармы...

По городу, кажется, смутно, хотя точных известий нет.

Процессия Баумана дошла до кладбища только к половине десятого. Как они будут хоронить ночью? Есть слухи, что отложат до завтра. Есть слухи, что какие-то толпы двигаются к госуд[арственному] банку... Есть слухи, что другие толпы на Тверском бульваре кричат, что будут бить «студентов»... Это, очевидно, «антиреволюционные» толпы. Говорят, на знамени процессии была надпись: «Да здравствует социальная республика»...

По телефону из Петербурга – там совершенно то же, если не хуже. Толпы, столкновения, пальба.

Одним словом, мы в полной революции, и – по-видимому – самой смутной.

Из городской болтовни: слухи, будто имеется в виду взять манифест обратно! Это, конечно, образчик лишь общего ничегонепонимания...

Господи, спаси нас от этой смуты, и крови, и междоусобной брани!

21 окт[ября].

11 $^1/_2$ ч[аса] утра. Вчера было-таки кровопролитие, по возвращении процессии, у университета[348]. Ходил в редакцию узнавать, но никто ничего не знает. По «Русскому листку», на революционеров напали «патриоты» и открыли пальбу от гостиницы «Петергоф», а когда

«боевая дружина» революционеров двинулась против них, то началась пальба сзади от Никитской и от Манежа. Революционеры скрылись в университет. Будто бы 6 убитых и раненых 70 (у революционеров), а со стороны «патриотов» – неизвестно.

В полиции, по-видимому, страшное ожесточение против генерал-губернатора. Среди же донцев есть крики о своих же генералах как об «изменниках». Есть голоса: «Если царя не будет, уйдем на Дон и подымем весь Дон и начнем громить всю вашу Россию, как бывало в старые времена...»

В газетах множество известий о еврейских погромах.

Вот описание «Русск[ого] листка» (№ 283).*

Надписи на флагах.

ПРОЦЕССИЯ.

Первым впереди процессии над толпой колышется стяг с надписью: «Да здравствует вооруженное восстание и учредительное собрание на началах прямого, равного и тайного голосования». Под ним сгруппировались партии социал-демократов и социал-революционеров. За ним следует второй: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Затем третий: «Российская социал-демократическая партия рабочих». Вот четвертый с надписью: «Требуем учредительного собрания и всеобщего, прямого, тайного голосования». Вот проходят знаменоносцы с пятым стягом. На нем надпись: «Долой самодержавие, да здравствует временное революционное правительство и республиканский строй». За пятым идет шестой, седьмой и другие. Все красные. На них надписи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»; «Да здравствует 8-часовой рабочий день»; «Да здравствует социализм»; «Слава погибшим, живущим свобода»; «Свобода всех граждан без различия пола и национальности»; «Да здравствует революция»; «Месть тиранам»; «Да здравствует единая социал-демократическая рабочая партия»; «В борьбе ты обретешь право свое»; «Долой черную сотню»; «Слава погибшим защитникам народа» и многие другие. Позади ехали санитарные кареты «Красного креста». Под звуки похоронного марша шествие дошло до межевого института, останавливаясь у церквей: и тысячи голосов пели «Вечную память». У межевого института процессию должны были встретить салютом из ружей, но распорядители, согласно желанию толпы, этот пункт программы отменили.

Подымались несколько анархических черных флагов, но их заставили убрать. Порядок был примерный:**

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

** Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Порядок был при шествии образцовый.

Еще у технического училища, где находилось тело убитого, рабочие, студенты, интеллигенция и вообще все присутствовавшие стали в стройные колонны по нескольку сот человек, по десяти-пятнадцати лиц в ряд. Каждый ряд представлял как бы стену, все его составлявшие держали друг друга за руки.

Картина была не только величественна, но и трогательна. В этих соединенных руках чувствовалась мощь объединенного народа общими интересами.

Почти при самом выходе процессии из технического училища чуть было не произошел переполох. Кто-то крикнул: «Казаки, казаки!» – и несколько человек ринулись в разные стороны. В стройных колоннах произошло замешательство: малодушные, бросив руки соседей, бросились бежать; но вот из толпы к этому месту быстро подошло несколько десятков студентов разных высших учебных заведений, они мужественно остановили толпу, успокоив ее тем, что никто не посмеет сейчас подойти к ней и безнаказанно ее тронуть, так как здесь в процессии участвует вооруженная «боевая дружина».

Похороны – обычные в таких случаях. Не заклеиваю. Хоронили гражданским порядком, без церковной молитвы. И это хорошо: зачем комедиями надругаться и над умершим и над религией? Все было чинно, но по окончании произошло побоище.*

КРОВАВЫЙ ФИНАЛ.

Возвращавшаяся с похорон толпа шла тихо, стройно.

Не было слышно ни пения, ни музыки, ни даже громкого разговора.

Распорядителями похорон было отдано товарищам приказание идти как можно покойнее, без всяких демонстраций, так как нужно было сдержать слово, данное накануне генерал-губернатору.

На случай могущей произойти встречи с противной партией или казаками и могущих возникнуть при этом беспорядков молодежи строго было запрещено стрелять первыми. Открыть же огонь рекомендовалось только ввиду крайней необходимости.

Толпа таяла, рассеиваясь по городу, и к манежу подходила небольшая часть ее. Когда они поравнялись со зданием университета со стороны Никитской улицы, то к ним подбежали товарищи и сказали, что около ресторана «Петергоф» толпа черносотенников[349] *загородила дорогу случайно проходившим нескольким студентам, и что двое из них при возникшем недоразумении уже ранены ножами. Тотчас же молодежь распорядилась выслать вперед «боевую дружину» в числе 30 человек. Последняя, а сзади нее и другие выстроились по-*

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

перек улицы от университета к манежу, как раз против указанного противника.

Освещавшие до того времени противников два электрических фонаря у гостиницы «Петергоф» погасли, толпа же «боевой дружины» студентов была ярко освещена.

Со стороны гостиницы «Петергоф» послышался какой-то гул, возгласы, а затем раздался дружный залп, по одной версии – ружейный, по другой – револьверный. Среди учащейся молодежи раздались стоны, упало несколько раненых. Раненых стали поспешно подбирать товарищи, а боевая дружина ответила залпом противнику. Надо полагать, что пули дали перелет, так как о раненых с той стороны не было слышно.

После этого произошла ужасная и еще более непонятная история. Стоявший в темноте противник опять ответил выстрелами, но в это время в толпу учащейся молодежи были произведены выстрелы сзади – со стороны книжной лавки и сбоку от манежа. Молодежь легла на землю и дала отстрел лежа, а после открылись ворота нового университета, и выбежавшие на помощь своим товарищи стали увлекать их внутрь двора. Туда же поспешно вносили раненых и убитых. Молодежь уже перестала отстреливаться, но выстрелы от манежа уже переменили направление и гремели над их головами, во дворе университета, и ударялись в окна.

Вбежавшая в здание молодежь также выстрелила два раза из окна по направлению манежа.

Картина после этого несколько переменилась.

Трескотня выстрелов замолкла, но ужас еще царил на площади перед университетом. Кровь, смешавшись с грязью, виднелась в разных направлениях. Валялись клочки бумаг, одежды и платков. То там, то сям стояли группами легко раненые, которые помогали друг другу, как могли, не решаясь обратиться за помощью в «Красный крест» университета, который и так был завален ранеными и убитыми. К зданию университета примчались одна за другою кареты «скорой помощи», которым пришлось возвращаться по нескольку раз, многие раненые отправлялись на извозчиках; тяжело раненых, так называемых безнадежных, уже не тревожили и только старались оказать им помощь, хотя временную, и облегчить страдания.

Во всех коридорах и отделениях лазарета «Красного креста» кипела работа. Врачи и сестры работали не покладая рук. Убитых на месте положили отдельно, легко раненых разместили по коридору, тяжело – по лазаретам. Кроме того, университет приютил массу лиц, скрывшихся туда во время схватки. Некоторые были в изорванных костюмах и большинство – перепачканных кровью и грязью.

Кареты ежеминутно наполнялись ранеными, а их все еще было много. Всего в университете зарегистрировано в первое время перестрелки до 70 раненых и 6 убитых.

Личности некоторых пострадавших нам удалось выяснить.

Убиты на месте: студент-естественник Северьянов, студент Захаров, трое неизвестных, судя по костюму – рабочих, и одна неизвестная барышня.

Тяжело раненых более 30 человек, на выздоровление которых надежд мало; некоторые из них, быть может, скончались, когда мы писали эти строки.

Вот их фамилии: Комков, Абрамов, Бровкин, Леонов, Касьянов, Эрлексова, Солдатов, Виноградов, Кистин, Грибанов, Гришин, Усвалок, Баженов, Колпаков, Машин, Горшков, Измайлов, Баскаков, Алексеев, Белобородов и др.

Большинство из них – учащаяся молодежь.

Сколько было пострадавших со стороны другой партии, пока не выяснено, но, говорят, там жертв мало. Молодежь из университета звонила по телефону в канцелярию градоначальника и просила оградить их от расстрела в то время, пока они будут подбирать раненых.

Прибывший на место происшествия полицейский чиновник заявил, что он пока может только подобрать раненых и убитых и отдать распоряжение разместить их в больницах.

Не успели очевидцы поделиться впечатлениями, как со стороны Александровского сада показалась толпа с национальным флагом и портретом государя, направляющаяся к университету.

Стоявшая у манежа публика, увидев партию, в паническом ужасе бросилась бежать в разные стороны. Извозчики также, нахлестывая лошадей, бросились наутек. Некоторые из них, движимые чувством человеколюбия, подхватывали спасавшихся, преимущественно женщин, сажали в пролетки и отвозили от национальной партии.

Улица опустела. Партия националистов, пройдя мимо университета к гостинице «Петергоф», повернула по Знаменке. Из толпы ее раздавались крики: «Лови, бей курсисток, на пику, на кол их!..»

[«]Русские ведомости[»] определяют толпу революционеров, подошедшую к университету, в 3000 чел[овек]. А толпу черносотенцев «с громадными национальными флагами и портретом императора» – в 1000 чел[овек]; она стояла от «Петергофа» к Манежу. Стреляли будто бы из винтовок: намекают, что это стреляли казаки.

Вечер. 7 часов. По слухам и рассказам, пальба у университета все более затемняется. Так, говорят, что первые начали стрелять студенты, а отвечали казаки. Говорят также, будто студенты хотели бросить в казаков бомбу. Я не могу выяснить даже, стреляли ли из народа, было ли там какое-нибудь оружие. Какое-то темное дело, и не разберешь его. Впрочем, производится дознание, – вероятно, выяснит.

Вечер. Вернулся из церкви. Давно не был. Эти междуусобицы не давали даже Богу помолиться. Мне так трудно двигаться, что страшнее чем кому-либо попадать в толпу, а тем паче в побоище.

Одиннадцатый час ночи. Сейчас были, а м[ожет] б[ыть], и есть сходки на Страстной площади, и речи, и говорили, – свалка. И в этот самый момент градоначальник предложил здешнему полицейскому офицеру снять наряды полиции...

Какая-то невероятная глупость!

Итак – мы беззащитны... Ну – храни Господь!

А между тем вчера явилась прокламация, говорящая, что нужно уничтожить «черносотенцев» – Грингмута и Никона! Да и естественно взаимное распаление страстей.

В Москве распространился нелепый слух, будто бы в СПб. низложен император и провозглашен Алексей Николаевич, под регентством Михаила... Должно быть, нарочно распускается для большей смуты.

22 окт[ября].

Вчера в 12 ч[асов] ночи прискакали к нам жандармы, а теперь, в 9 ч[асов] утра, уехали.

Дума требует удаления казаков из Москвы и вывода войск из манежа, с отдачей последнего под митинги.

Из Сергиева Посада сообщают о демонстрации: наехавшие из Москвы студенты, в соединении со студентами академии и толпой, ходили с красными знаменами. В толпе были будто бы и профессора. В беспорядке магазин Кохтева разгромлен. Наместнику лавры будто бы принесли революционные прокламации «для раздачи богомольцам». Выдают все это за верное.

Тоска! Нет просвета согласия и здорового дела. Взаимная ненависть, нарушения права, избиения...

В довершение я совсем расклеился, кишки и какая-то головная боль...

11 $^1/_2$ часов. Оказывается, ночью, в первом часу, около нас было столкновение манифестаций: красной и национальной, слышны были и выстрелы.

А сейчас национальная манифестация на Серпуховской площади. Народу 3000 (в 9 часов). Трехцветные флаги, огромные плакаты с надписями: «Долой революцию» и «Да здравствует государь император». И также: «Сами поддерживайте порядок». Научаются у революционеров...

Вечер. 10 часов. Говорят, какая-то очень большая толпа националистов пошла к острогу требовать освобождения убийцы Баумана!.. Это, впрочем, рассказы прислуги. Господи, что только делается!

Мой патрон съехал куда-то. Скрывается. Дай ему Бог, конечно. Но я не только остаюсь здесь, но сверх того, очень опасно заболели кишки – у самого отростка. Ни ходить, ни лежать... О, Боже, помилуй.

Ночь. 11 час[ов]. Толпа националистов шла по Страстному бульвару. Небольшая кучка – сотни четыре – со знаменами и портретом государя остановилась у редакции с криками «ура»... Эта овация продолжалась минуты три...

Вдруг бац, бац – револьверные выстрелы. Знаменщик зашатался, но через секунду бросился прямо на выстрелы с криком «ура» к Страстному. За ним бросилась вся толпа.

Стреляли два студента... Кто говорит, что их догнали, кто – будто убежали... Через несколько минут по опустелой улице пробежали две барышни с револьверами в направлении Петровки.

Еще через несколько минут поскакали к Страстному монастырю драгуны.

23 окт[ября].

Я совсем болен. В такое-то время! Господи, помилуй.

Вчера в Москве был ряд убийств. Национальные манифестанты ходили повсюду и требовали от встречных снимать шапки перед портретом государя. Некоторые «студенты» отказывались и даже стреляли в толпу... Вот с ними-то и расправлялись. Еще больше погибло самих манифестантов от пуль революционеров...

Страшное время! А власти – перед всеми раскланиваются.

Убийцу Николая Баумана толпа освободила из Бутырской тюрьмы; его зовут Иван Федоров[350].

<u>Ночь.</u> 12 ч[асов]. Совсем измучился от бестолочи... Из происшествий было крупное одно. Толпа хотела громить Инженерное училище. Студенты отстреливались изнутри, в толпе убито 6 чел[овек] и ранено несколько...

Мануйлов и совет университета просили Медема дать войско для охраны университета. Но подробности разноречивы... Во всяком случае, войско там есть.

24 окт[ября].

Саша уехал в академию... не на радость. Там Бог знает что делается... Хоть бы в дороге-то ничего не случилось ни от красных, ни от трехцветных!

Клавдия сейчас рассказывала со слов казачьего офицера, что 20 окт[ября] при пальбе у университета (пальба начата <u>студентами</u>, в манеже пули насквозь били) казаки выпустили <u>80 пуль</u>: и при этом 6 убитых и 72 раненых! Значит, только 2 пули не попали. Очевидно, казаки были до невероятия озлоблены, и каждый выбирал себе человека на прицел...

25 окт[ября].

Саша приехал. Академия закрыта.

Возвратился и мой патрон.

Только очень нервный. Вряд ли долго пробудет здесь.

Революция была напугана движением, именуемым «черной сотней». Но постепенно власть начинает входить в свои права. Объявлено, что процессии будут разгоняться, что Иван Федоров будет судим (и это, конечно, понятно); митрополит Владимир[351] в [«]Русском слове[»] извинялся за свою проповедь в церквах и выпустил новое «воззвание», на сей раз уже вполне «христианское», проповедь покорности; Синод же осудил злосчастную проповедь, о чем и распубликовал. 70 пастырей, ищущих хлеба с маслом у интеллигенции, похвалены Синодом.

Теперь, значит, скоро опять начнутся насилия революционеров, ибо их прокуратура не преследует. Опять идут толки о забастовке. Вероятно, при ней революция уже попытается захватить власть. Замечательно, что одна «черная сотня» мешает этому... Ну да будет воля Божия!

Послал письмо Победоносцеву. В минуту падения его нельзя не выразить ему сожаления и сочувствия.

Послал свою книгу А.И. Гучкову[352]. Интересно знать, будет ли иметь теоретический ум соответственно практической своей рассудительности?

А уж мое положение! Черная ночь. В будущем – только форма гибели может быть различна, но гибель неизбежна. И нигде кругом ни поддержки, ни помощи. Homo homini lupus[353]. Не имами иного предстательства, разве тебе, Богородица!..[354]

Но и сама церковь рассыпается. Синод говорит, что собор соберется не позднее лета. Но, по всем человеческим соображениям, – этот собор только разделит всех. На старости лет приходится искать себе даже церковь... Все рухнуло.

26 окт[ября].

Бородкин[355] пишет, что он совсем отстраняется от политики... Зограф[356] написал Грингмуту, что отказывается от своих фельетонов, отстраняется от всякой политики и будет заниматься только зоологией... Бодиско[357] пишет Грингмуту, что раз конституция дана, надо с этим помириться, а так как Грингмут не хочет мириться, то он не может больше сотрудничать...

И что же? Разве не правы они? Что они могут делать? Царь сам уничтожает все, чему они служили. Им нет возможности ничего делать.

Но, как бы то ни было, теперь начинается полная ликвидация старого строя. Должны возникать новые направления, с новыми людьми.

27 окт[ября]. Четверг.

Это 27 число, по слухам, должно ознаменоваться какими-то грандиозными забастовочными или «красными» движениями.

А расчленение России идет. Отдан Сахалин. Отчленена Финляндия. В газетах слух о «работах» Госуд[арственного] совета по отделению Польши. В Тифлисе генерал-губернатор «оставил свой пост»... Хоть бы уж поскорее собиралась Государств[енная] дума. Авось сдержит правительство в его «работах» по уничтожению России!

...***Ночь.*** Беспорядков не было.

Было собрание любителей дух[овного] просвещения. Выбрали председателем Боголюбского. Послали сочувственные телеграммы дух[овным] академиям с пожеланиями автономии. Один священник предложил отслужить панихиду[358] по «жертвам освободительного движения»... Одно только хорошо: совершенно перестали петь «Царю небесный» – все же одним кощунством меньше.

Боже, что за хулиганы эти «батюшки»! Председательствовал Николай Добронравов.

Я не был на заседании. Это Саша мне рассказывал.

28 окт[ября].

В Кронштадте какой-то безумный бунт матросов и войск, дикое анархически-разбойничье разграбление жителей. Бунтует 14 000 чел[овек]!

Приезжие рассказывают, что царь совершенно растерялся: в отчаянии, без мысли, без воли; делает, кто что ни скажет ему, хватается за голову, беспрерывно меняет решения. А у Петергофа стоит на парах крейсер, на котором можно ежеминутно бежать... если только команда не из «потемкинцев...[359]

Каково состояние умов. Сегодня утром на Красносельской улице электричка наскочила на ломового и разбила его... Моментально сбежался народ, начал лупить электричку камнями. Кондуктор бежал, публика разбежалась, но стекла раздроблены, многие ранены, и их привозили в Екатерининскую больницу. Говорят о пострадавшем городовом и околоточном...

Все, на всяком месте, во всякий момент готовы воспламениться и бить и разносить друг друга и всех, кто попадется...

Позорный, изменнический мир, предавший Россию японцам, дал окончательный толчок умам: все с ума сошли. Этот император – великое орудие гнева Божия для погубления России. И во всех его гибельнейших поступках постоянно душой оказывается Витте...

Разные консервативные кружки задумали составить свой «Союз союзов»...[360] Какой смысл, когда царь все разрушает и ничему не

дает созидаться? Для будущего, конечно, все эти объединения, что бы ни было, полезны, потому что Россия разлагается, и теперь самое главное для ее населения – слагаться в союзы. Но пока во главе правления такой человек, ничего, кроме разрушения, не может быть. Он лишил себя власти, но только в отвлечении*, да и то лишь перед Государственной думой. А ее все нет. Скорее бы собиралась!

29 окт[ября].

Я опять нездоров.

Вчера город был тих. Оружие усиленно раскупается. Революция готовится к бою, как слышно. Говорят, что 1 ноября должна возобновиться общая железнодорожная забастовка. Прямо смерть! В буквальном смысле – смерть общая.

Ночь. Сегодня были слухи, будто бы ночью (с суб[боты] на воскр[есенье]) должен быть еврейский погром. Однако вот и ночь, и совершенно ничего не слыхать... Я думаю, что все это выдумки самих евреев, отчасти от страха, отчасти из-за желания получить побольше всяких милостей от властей и общества.

Ну, Медем, говорят, уходит, как и все прочие по полиции – Руднев, Свешников. Неужели даже они не удовлетворяют Витте? Кого же он хочет посадить?

Синод, молчащий при действиях революционеров, выпустил послание, призывающее к порядку, к тому, чтобы никто не защищал царя самовольно, ибо «царь велик и могущественен» и может сам себя защитить. Замечательны наши архипастыри и пастыри!

Сейчас Саша сообщил, что Серафим получил прокламацию (на машинке), обращенную к православным и старообрядцам, призывающую их собираться в Кремле и по приходам и выручать царя, находящегося вроде как в плену...

Любопытно! Начинают появляться какие-то подпольные люди. Такая прокламация не может принадлежать ни одному из людей, известных в обществе.

31 окт[ября].

Приехал Новоселов.

1 ноября.

Кончился ужасный октябрь. Но лучшего не предвидится и в будущем.

Лично я болен. Кишки совсем расклеились.

Польша объявлена на военном положении. Польские депутаты явились в СПб., требуя от «Союза союзов» помощи... Уже явились

---

* Так в тексте *(сост.)*.

слухи о новой всеобщей забастовке, в течение которой революционеры попытаются захватить власть.

На главной пружине всеобщей забастовки русской жизни — на железных дорогах — всем владеют поляки. Теперь они, чтобы облегчить борьбу в Польше, конечно, не пожалеют привести вдребезги всю Россию при помощи ее обезумевших детей. Будет, вероятно, нечто ужасное. Но, с другой стороны, может от этого вспыхнуть и народное движение... и как предузнать, что оно привнесет? Наконец, может быть вмешательство Германии и Австрии...

Это тоже очень сложно. Во время французской революции именно иностранное вмешательство и дало возможность революционной диктатуры.

Вообще так все сплелось и закрутилось, что моего рассуждения не хватает ни для какого предвидения.

Ночь. Заходили Кузнецов с Новоселовым. Они затевают собрание у Корнилова в пятницу. Меня непременно тащут... Но кто знает, что будет до пятницы? Впрочем, во всяком случае, не предвижу толку от этих собраний. Люди все слишком электризованы. Какие у них могут быть рассуждения?

У Грингмута напечатано еще воззвание какого-то «Священного союза», объявляющего себя за крест и против красного знамени... Он мне сказал однако, что не знает, что это за кружок. Если это правда, то легкомысленно печатать. Но я у него отстранен от совещаний. Да и Бог с ним!

2 ноября.

Вечер. Сегодня днем прислан в редакцию полицейский наряд. Давно уж их не было видно. Причина неизвестна. Вероятно, ждут общих беспорядков. Это будет отражение Петербурга, где сегодня объявлена общая политическая забастовка с требованием уничтожения военного положения в Польше и военного суда в Кронштадте.

Не хочется и характеризовать этих деяний. Погиб русский народ. Впрочем, это видно уже давно, теперь идет только крушение гнилушки.

Гнила власть, гнило государство, но гниль источила и народ.

Есть известие, будто бы уходит Витте, а на его место будто бы гр[аф] Игнатьев...[361] Тоже черт знает что. Побыл Витте две недели, сменил всех министров, сместил 34 губернатора, прогнал Трепова, расстроил полицию — и уходит.

Явно, гибель над русским царством, да и над народом тоже.

В Москве еще вчера были забастовки, а уж грабежей — несть числа. По улицам страшно ходить.

В гимназиях – «забастовка» учителей. Просто тошно. Общее умственно-нравственное заболевание. Сегодня толпа гимназистов утром стояла у VII мужской и I женской гимназий и прогоняла тех, кто приходил на уроки. Впрочем, в VII гимназии и сама дирекция не прекратила забастовки.

Ночь. Тучи сгущаются. Петербургский конец Николаевской дороги уже забастовал.

Завтра в [«]Аквариуме[»] общая студенческая сходка. Что-то скажут рабочие? Уж, конечно, не выдержат, тем более что многие и сейчас в забастовке, и даже у Юкиша (в Разумовском) пришедшая толпа (около тысячи) сделала на фабрике разгром.

Постоянно жди смерти...

3 ноября.

Начался день... Это теперь означает: началось изнывание в ожидании бедствий. Судя по газетам, настроение в городе смутное. В [«]Русск[ом] листке[»] – корреспонденция о роли А.В. Алехина в курских кровопролитиях. Он шел во главе красной процессии, которая потом стреляла в толпу народа, вступившего с ней в рукопашную...

Бедный, бедный Аркадий... запутался. И это он – отрицающий всякое насилие!

Господи, сподоби нас избежать всех сих будущих бедствий, не допусти сатану веять нас на грохоте[362], сподоби неосужденно предстать пред Сына Человеческого...[363]

Вечер. 9 часов. Был неожиданно у меня А.А. Киреев. Он, оказывается, приехал на съезд консервативных союзов, который назначен на сегодня и происходит, вероятно, в то самое время, когда я пишу настоящие строки. На этом съезде будет и Грингмут. После же съезда, сегодня ночью, Киреев думает уехать в СПб., если будут поезда...

О Петербурге не говорит ничего нового. Царь дал конституцию по настояниям Витте, который привел к в[еликому] к[нязю] Николаю Николаевичу какого-то смелого и красноречивого рабочего. Его решительное требование убедило в[еликого] к[нязя] в необходимости уступить, чтобы не погибло все.

О вмешательстве иностранных держав А.А. Киреев говорит, что это выдумка. Но кому она нужна?

К вечеру получил курьезное письмо от Нилуса с предсказаниями юродивого Мити Козельского[364].

Саша пошел в епарх[иальный] дом на собрание любит[елей] дух[овного] просвещения. И вот все не возвращается.

Новоселов же чуть ли не сбежал. Он беспокоится о матери[365] в Вологде, а тут ежеминутно должно ждать забастовки Николаевской дороги. Ушел от меня утром, обещая зайти через час, и вот прошло

десять часов, а его нет. Немудрено, если уехал. Но только теперь такое время, что уже не следует никуда ездить, а сидеть, где застала буря, и ждать либо жизни, либо смерти... Мне кажется, что еще не было такого ужасного времени на земле. Прежде никакие смуты и революции не могли так безысходно скрутить человека, п[отому] ч[то] по хозяйственным условиям все были более самостоятельны. Теперь же все «обобществлено». Человек не может ни двигаться, ни есть, ни пить без общественной организации. И когда она распадается, как у нас, прямо гибель приходит для каждого человека.

4 ноября.

Было собрание у Корнилова. Не много обещает толку.

Да, Новоселов не уехал, а здесь, был, конечно, и на собрании.

5 ноября.

Вчера стачечный комитет заявил, что не считает своевременной всеобщую забастовку в Москве.

Но у нас во дворе почему-то снова явилась полиция.

Сегодня и завтра родители учеников VII-й гимназии созываются на совещание. Как все это скучно. Вообще надоело жить такой лихорадочной и беспорядочной жизнью, до невыносимости тяжело.

...Ночь. Был на собрании родителей. Не скажу, чтобы они произвели плохое впечатление. Был один круглый идиот, но только один. Остальные – ничего себе, люди как люди.

6 ноября.

Общее собрание союза родителей VII гимназии. Педагогический совет очень умен и тактичен. Большинство родителей весьма дельные люди. Есть несколько агитаторов политики. В общей сложности я вынес надежду, что союз будет полезным учреждением.

Приехала сестра Маша.

7 ноября.

У нас завтра не выйдет газета. Опять требования наборщиков и накладчиков и, без сомнения, забастовка. Сегодня никто не работал.

9 ноября.

Маша уехала в СПб.

У нас вышла прескверная история с типографией. Вчера наборщики заявляли Дмитрию Грингмуту, что сходка общенаборщичья обяза-

ла их требовать прибавки платы и сокращения часов до нормы, иначе грозят <u>им</u> бойкотом.

Очевидно, благоразумие требовало согласиться. Я не знаю подробностей условий, и <u>со мною</u> ни Владимир [Грингмут], ни Дмитрий (тем паче) не советуются. Однако я <u>сам</u>, по своему почину, советовал им согласиться и пустить газету. Сегодня я говорил снова самым настойчивым образом с Владимиром, и он соглашался на мои уговоры, так что я уходил с надеждой, что газета завтра же выйдет... Но, уходя домой, увидел на дворе беспорядочную толпу расходящихся рабочих. Оказывается, что Дмитрий Грингмут уже успел с ними за это время совершенно разругаться. Что-то торговался, довел их до дерзостей, и кончилось ссорой...

Я пошел к нему и снова горячо убеждал примириться. Он только ответил: «Ведь вы не знаете подробностей моих разговоров с ними: так что же и толковать», и – ушел.

Я, конечно, не знаю этих подробностей. Но даже Шпор говорил мне, что Дмитрий Грингмут <u>может и должен уступить</u>, а Лукин сказал, что уступка увеличит расходы всего на 120 руб. <u>в месяц</u>! А между тем из-за этого вздора газета теперь погибнет. Подписка пропала. Будет, вероятно, бойкот, а, может быть, кто-нибудь воспользуется возбуждением и для разгрома. Совершенно безумное поведение!

А Владимир, по обыкновению, не смеет ничего возразить своему братцу.

Боюсь, что нынешняя глупая ссора чревата большими, м[ожет] б[ыть], даже роковыми последствиями.

<u>Ночь.</u> 11 часов. Этот Саша ужасно засиживается на Саввинском [подворье]. Вот – нет и нет. А теперь столько безобразий на улицах... Всю душу выматывает.

Вообще измучился! Нет ни отрады, ни просвета. Изнываешь в тупом претерпевании текущих бедствий и в ожидании будущих. Даже и бороться нельзя – <u>не с чем</u>, зло неуловимо и все наполняет, и не на что опереться.

Конечно, можно улавливать зерна блага в этом ужасном взбаламученном море, но <u>когда</u> они разовьются? Сколько нужно перестрадать, сколько людей погибнет, сколько крови прольется до тех пор! И, во всяком случае, – <u>для меня</u> нет этого будущего, а есть только мучительное, гибельное настоящее.

А между тем я хотел и хочу того, что могло бы дать и возрастить эти зерна блага без всякой крови, без взаимных насилий, без этого страшного количества зла: я хотел и хочу разума, справедливости и человечности. И именно поэтому я вижу себя <u>вне</u> общества, вне поддержки, вне симпатий, вне возможности действия. Это, может быть, самая подавляющая мука из всех мук, которые приходится переживать.

Боже, великий, справедливый, милостивый, поддержи сам мою измученную, изболевшуюся душу...

12 ноября. Суб[бота].

Вчера был на союзе родителей и чувствовал, что простудился. Сегодня с утра уже нехорошо. К вечеру уже 37,3° и все растет. Ну, значит, плохо...

Грингмут сегодня уехал в СПб.

Сверх того, кухарка сейчас объявила, что боится идти на рынок, так как завтра «всемирная забастовка», весь город будет бунтовать, в том числе городовые и околоточные...

Что тут правда? У них, в народе, часто много верных сведений. Вообще невыносимая жизнь...

14 ноября.

Вчера вечером заходил Георгий Петрович Сазонов. Он здесь по каким-то делам. Сообщил, что в Москве готовится грандиозная патриотическая демонстрация... По-моему, все это одна чепуха. Ничего не изменят эти демонстрации. Зря шляется народ.

Нужно устраивать государство и общество, а у нас только манифестируют, «бастуют», стреляют друг в друга и тому подобное.

Беспорядок, насилия, грабежи увеличиваются с каждым днем.

Военный бунт в Севастополе...

Умираем, разлагаемся. Хоть бы какое-нибудь устроение, на каких бы то ни было началах!

Сазонов все хочет меня втащить в политику... Когда я чуть жив! Болен, силы нет. Какая тут политика!

Да притом же я и не вижу политики по мне. Во-первых, все программы меня не удовлетворяют.

Во-вторых, с таким императором ничто кроме революционной «смуты» невозможно. Политическая деятельность станет возможною лишь тогда, когда явится возможность какого-либо правительства.

По мне, долгий период резни совершенно неизбежен, и политику будут делать только те, которые уцелеют от резни. А пока — все это не политика, а социально-политический тиф. Горячка, бред...

15 ноября.

Бог знает, что делает этот Грингмут! В день его отъезда, 12 ноября, напечатано в [«]Моск[овских] вед[омостях»] воззвание «Союза старообрядцев»... Я спрашивал Грингмута, что это за союз, и он мне ответил, что это соединение рогожцев с преображенцами, и именно рогожцев-окружников. Назвал и фамилию старо-

обрядца, приезжавшего к нему, – Расторгуев[366]. Ну, ладно! Расторгуев – известное имя, состоит в Рогожском совете...

Но вот с тех пор три дня публично ругают Грингмута, что он все врет и что никакого союза нет! Воззвание – без подписи... Отсюда спрашивали телефоном Лукьянова[367] (которого заказчики как свой адрес*) – чтобы дал возражение и объявил публично, кто заведует союзом. Эта шельма ничего не делает, а сегодня в [«]Русских вед[омостях»] письмо за подписью множества лиц (в том числе известных купцов) заявляет, что Грингмут печатает фальшивые воззвания, и что никакого союза не существует! Ну, просто скандал, срам и близко стоять... И что мне думать? Неужто вправду все это сочинение Грингмута?

16 ноября.

Союз старообрядцев, наконец, объявился: напечатал в [«]Русск[их] вед[омостях»] опровержение и указал адрес своего бюро (Садовники, д. Власовой, кв. № 1, секретарь Ив[ан] Мих[айлович] Лукьянов).

Силен ли только «союз»?

Сегодня забастовали телеграфисты и почтальоны в Москве и по всей России (по крайней мере, так решили). Это их ответ на арест трех вожаков союза, который правительство запретило.

Что будет дальше? Совершенно ясно: выпустят арестованных и дозволят союз.

Как этим людям не жалко этого презренного правительства?

Уж так оно «загонено, забронено»! И как еще может держаться подобная гниющая слизь, отравляющая всю Россию? Ну, да теперь уже, вероятно, недолго осталось жить этому псевдоправительству.

Как глупы, ничтожны... И Витте этот – совершенно такой же глупыш, как все прочие...

Бедная Россия!

Революция действует молодцом, энергично. Но беда в том, что она думает о невозможном материально, то есть о социализме. Правительства прочного она поэтому не может создать, а только истомит всех кровопролитиями и разорением.

Господи, хоть бы ты сколько-нибудь вразумил нас в наших безвыходных блужданиях!

Я вчера опять разбередил свою простуду, жар усилился. Сегодня не выходил. Зато ко мне точно прорвало: целый день шляются, с утра до ночи. Сначала пришли Фудели[368], потом Клавдий Степанов[369], потом двое приезжих на съезд землевладельцев зашли познакомить-

---

* Так в тексте *(сост.)*.

ся: кн[язья] Вадбольский и Задонский... потом, вечером, Н.М. Павлов...[370]

Надоели, замучили. Они все в разных партиях да кружках. Я ни в одной не состою, и все их разговоры мне практически так чужды...

Да, еще был Зайончковский[371]. Этот едет в Питер, и, м[ожет] б[ыть], подаст в отставку, п[отому] ч[то] его изгоняют с должности местные радикалы под флагом «Союза родителей»...

Везде один характер революционного движения, точка в точку.

17 ноября.

В [«]Русск[их] вед[омостях»] (№ 303) помещено заявление рогожских старообрядцев за очень крупными подписями (даже и Расторгуева), что им ничего не известно о «Союзе старообрядцев»... Что это за история? Но мне Грингмут прямо говорил, что к нему приезжал Расторгуев...

Кто тут врет? Очевидно одно: что среди старообрядцев такое же разделение, как и повсюду, и что «союз» вовсе не силен, да и не может быть силен.

Совершенно гибнет Россия с этими разделениями. Ну, хоть бы на конституции сошлись! А то и этого нет. Между тем наша промышленность уже на краю гибели. Безработные наполняют все. В одном Петербурге их больше 100 000. Рабочие требуют открытия заводов и фабрик. Легко требовать, легко, пожалуй, и разнести и разграбить их все... Но кто же может заставить труд быть производительным в разгромленной и дезорганизованной стране?

Да, идем прямо к гибели. И что тут делать? Порядка не может быть, а без порядка нельзя жить. Ясно, что перед нами эпоха страшных смут, крови и насилий, пока, наконец, не измучатся все уцелевшие и не устремятся к какому-нибудь порядку.

Пожалуй, Учредительное собрание могло бы быть полезным. Но и его не соберешь в такой смуте.

...Теперь (половина 11-го) куда-то идут порядочные кучи, почти толпы народа. Что-то готовится...

Смерть готовится...

Весь день с повышенной температурой. Катя пошла на союз родителей, а я не мог, хотя сегодня важный день – выборы совета. Послал голос письменно...

В Севастополе совершается нечто ужасное: война между бунтовщиками и правительственными войсками. Мятежники бомбардировали город с броненосцев, южные батареи (правительственные) пустили на дно [«]Очаков[»] и повредили [«]Пантелеймона[»] (бывший «Потемкин»). Правительственные войска взяли штурмом северные батареи (мятежные)...

О несчастные! С неприятелем не умеют драться, а друг друга расстреливают и топят...

Идет общая забастовка почты и телеграфа...

Одним словом: разлагаемся, воняем, издыхаем, как смрадный пес. И это называется «освободительное движение»!

Масса людей уезжает за границу. Туда же и деньги уходят.

18 ноября.

Два дня сидел дома, и мне как будто стало легче. Сегодня вышел в редакцию: хотел видеть Грингмута, да и день был докладов. Грингмут не принял, а к вечеру опять у меня жар!

Грингмут возвратился еще вчера, но доселе не допустил меня на свои очи. У него большой прием – все его монархисты: он им посвящает все внимание.

Это понятно. Но зачем не предупредил меня, что докладов не будет принимать? Я бы хоть не простуживался!

Однако ко мне сегодня заходил член союза землевладельцев, Родзевич[372], говорит: «желаем познакомиться»... Ну – потолковали о всякой разности. Я ему объяснил, что стою вне всех их партий. У них сегодня какое-то собрание.

Прислуга говорит, что в воскресенье и в понедельник будет бунт: «будут грабить банку, думу и все прочее»...

Все может быть.

В конторе газеты денег не платят, по крайней мере мне. Сегодня послал записку, прося дать хоть что-нибудь «до расчета»... Ответа не получил. Плохо. Я совсем издержался. А должны были заплатить еще 15 числа.

19 ноября. Суббота.

В понедельник, 21 числа, опять назначена всеобщая забастовка. Все революционеры примкнули к почтово-телеграфным чиновникам.

Нескончаемая мука! Уж хоть бы это злосчастное «правительство» уничтожилось! Авось, революционеры посадят кого-нибудь потверже и поумнее.

К сожалению, революция (крайняя) говорит о диктатуре пролетариата, что совершенно непредставимо. Захват власти и террор – легки. Но пролетариат слишком малочислен, чтобы удержаться прочно, тем более что производство в России очень мало социализировано. Поэтому можно безошибочно сказать, что диктатура пролетариата очень скоро разрушится и – только повредит рабочему делу...[373]

...Ночь. Вчера в 2 часа ночи Сериков проходил около памятника Пушкина, возле аптеки у ресторана. Выскочило 2 человека из двора (проходного), 3 с бульвара. Схватили за горло, заткнули рот шапкой,

внесли во двор, растянули на земле и обобрали все, что было: часы, деньги, бумаги... При этом страшно измяли, подбили глаз, и ему казалось, что «спину сломали»...

В Москве нарастает движение. Бастовка* разрастается. Говорили, что какая-то толпа начала «снимать дворников»... Все это – к «всемирной забунтовке».

Сегодня к 5 часам дня был на докладе и впервые увидал Грингмута. Он весь в съездах и собраниях, вчера и сегодня. Теперь у него должно быть собрание его монархической партии. Происходит их федерация во «Всенародный союз», и он говорил, что всех федерирующихся групп 12–15. Он очень увлечен политикой и работает неутомимо.

О Петербурге говорит мало интересного; все то же: Витте потерял голову и тому подобное. Интересно, что и В[ладимир] А[ндреевич] говорит о возрастающей роли и популярности вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича.

Оказывается, что Лукьянов знаком с Мих[аилом] Алекс[евичем][374].

Грингмут был в СПб. на собрании «Народной партии». Она всецело за царя. Было 6000 человек. Были там Дубровин[375] и иером[онах] Арсений[376]. Грингмут передал «привет от Москвы» и был приветствован восторженно... Все это, конечно, по его словам, но, вероятно, – правда. Теперь все «восторженно»...

А он совсем вошел в роль трибуна и диктатора и даже приобрел властный вид...

Я выдержал характер и совершенно теперь вне политики, сообразно с чем нахожусь «за бортом». Бог с ними. Не по мне эта политика, не по вкусу и не по силам.

Сегодня получил «до расчета» 100 рублей. А должны они мне 260: вот как стали скупы. Видно, что дела плохи, или, м[ожет] б[ыть], я сделался для Грингмута ненужен. Что делать? В сущности – правда.

20 ноября. Воскресенье.

7 час[ов] вечера. Сегодня до сих пор в городе было тихо. У Грингмута происходило, а м[ожет] б[ыть], и до сих пор происходит собрание его монархической партии.

«Русское Дело» [377] Шарапова не вышло, п[отому] ч[то] наборщики (типогр[афии] Машистова) отказались набирать «черносотенную» передовую статью. Новая цензура! Шарапов просил Грингмута печатать в его типографии, но – думаю – Грингмут не согласится: сам еле держится! «День» Берга тоже не выходит, по той

* Так в тексте (*сост.*).

же причине[378]:[*] типография Левенсона отказалась набирать за вредное направление.

22 ноября.

Была у нас Иверская Божья матерь. Вышло это не по расчетам нашим. Мы сначала просили на сегодня, но не сошлись в часах, а потому переназначили на день 26 ноября... Сегодня не ждали: Саша и Коля ушли, все были не одеты, – вдруг приезжают с иконой. Ну, помолились. Жаль только, что Коля и Саша не присутствовали...

Эта мерзкая почтовая забастовка доставляет тысячи неудобств. Вот и не знаю ничего о маме[379] и невозможно спросить. Манджурский раненый Сергей (Грачев, бывший сторож) просит написать прошение в Александровский комитет – и невозможно отправить в СПб. Почт[овый] директор сегодня говорил, что завтра надеется восстановить работу, но что-то сомнительно... Да и далеко ли уйдет письмо? Ведь стачка везде по России.

23 ноября.

Почтовая стачка не только продолжается, но революционные центры (Союз союзов и раб[очие] союзы) хотят поддержать ее новой всеобщей забастовкой...

Эта злополучная монархия, должно быть, приходит-таки к концу. Идет у нас пока по очень точной копии бурбонско-якобинского столкновения. Пожалуй, так и доиграют роли до конца.

Правда, что у нас привходит «социализм», но это больше на словах. На деле у нас сильны только анархисты, а социалистов почти нет, как это и понятно по условиям производства.

Конечно, наступающая революция будет тем ужаснее, и немногие из нынешних людей переживут ее.

Ночь. 10 $^1/_2$ часов. Дневные и вечерние известия полны военных бунтов по всей России. Дождались и этого!..

А все эти «союзы» да «партии» разного сорта «монархистов» съезжаются, шумно спорят, решают посылать запросы министрам и депутации императору! Не шутовство ли? Ни министров, ни императора давно нет, бродят только бледные тени прошлого... А эти – спорят и составляют «адресы»!

24 ноября.

День именин Кати...

---

* Далее написано Л.А. Тихомировым: «Поздн[ейшая] приписка: Берг – выходит, но Левенсон с него дерет в 1 $^1/_2$ дороже, чем с других. “Кремль” Иловайского наборщики отказались печатать».

Печальный праздник. Толки об общей забастовке. В газетах известия о военном бунте в Екатеринодаре и Новороссийске. Последний будто бы во власти восставших солдат и пролетариата... Правда, что это известия «Начала» и «Новой жизни»[380]. Во всей России телеграфом пользуются только революционеры и сообщают, что заблагорассудят...

Несчастная мама! Что с ней? Жива ли? О Боже, вспомни нас злополучных, сжалься!

25 ноября.

Ник[олай] Ник[олаевич] Дурново пришел вечером с архиманд[ритом] Иаковом (Константинопольским). Познакомились. Просидел часа три. Понравился. Умный. По-русски говорит очень хорошо.

Рассказывал в редакции Л.Н., что будто бы Медем недоволен Грингмутом: очень, дескать, шумит в политике, публику бунтует... Еще будто бы в монархическую партию введен шпион Попов (какой-то якобы майор)...

Что Грингмут много шумит со своей партией, это, положим, правда...

Есть странный слух, что будет манифест, в котором, во-первых, император даст землю крестьянам, а во-вторых, даст свою присягу конституции...

Все может быть! А все эти союзы землевладельцев, да русских людей, да монархич[еская] партия собираются посылать свои депутации к императору – просить о сохранении самодержавия. Щербатов собирает какие-то подписи по Москве, думает набрать чуть не 100 000... Опоздают! Там-то, в Питере, чисто ведут дело, похитрее их пользуются слабостью императора.

Вот бюрократия и съела царя. Ведь это чисто чиновничья революция. «Пролетариат», по обыкновению, таскает каштаны для политиканов. Любопытное историческое явление этот переход бюрократической узурпации в политиканскую.

Бедный, бедный наследник самодержцев! Какую печальную фигуру он себе приготовил в истории! Первая забастовка была устроена для того, чтобы вырвать 17 окт[ября]; вторая – закрепить конституцию присягой... Но ловкий народ эта бюрократия! Только уж очень подлый: всю страну загубил для своего торжества. Совершенно, как попы в отношении церкви.

Но в известное оправдание всем им служит то, что с таким правительством жить невозможно.

26 ноября.

Из беспорядков – сегодня бушевали газетчики: отнимали газеты у разносчиков и рвали, а самих били. Говорят, «обойкотиро-

вали» и [«]Моск[овские] вед[омости»], хотя не знаю за что: мне в конторе вчера говорили, что газетчикам дают за ту цену, которую они и назначили (3 коп.).

[«]Рус[ские] вед[омости»] пишут, что прокуратура хочет привлечь Грингмута к ответственности за помещенное у него вчера воззвание к московскому народу, находя в этом воззвании призыв к насилиям... Строго говоря, это неправильное обвинение. Там нет призыва к насилиям. Но все-таки не понимаю, как Грингмут печатает анонимные воззвания неизвестно кого с призывом неизвестно к чему...

Не менее странно, что прокуратура хочет привлечь к суду за такую неопределенность в то время, когда не привлекает другие газеты за прямой призыв к низвержению правительства... В конце концов, нынче все странно, и ничего, кроме странностей, нет.

Не знаю, поедут ли завтра депутации [«]Всенародного союза[»] в СПб. Вот неудобство отказа от всех кружков и партий: ничего не знаешь... Правда, что это дело одного любопытства, так как мне и не зачем знать. Узнаю впоследствии... Впрочем, я и заранее знаю, что все эти поездки и депутации не могут иметь никакого смысла и никаких последствий... Кроме, разве, объединения людей и уяснения для них положения вещей.

Кн[язь] Щербатов хлопочет о созыве Земского собора... Но это только затяжка невозможного положения. По мне, хлопотали бы лучше об ускорении созыва Государственной думы. Это дело уже начатое, а следовательно, и сделано может быть быстрее.

Всем им, конечно, мечтается, что Земский собор восстановит самодержавие... Ну, а как он восстановит тем самым и бюрократию? Хорошо ли?

Возвратился Саша и рассказал, что у еп[ископа] Серафима был Александров (ремесл[енное] упр[авление]) с 5 человеками – приглашал завтра служить в Чудовом монастыре молебен депутациям, едущим к государю просить о созыве Земского собора. К сожалению, еп[ископ] Серафим отказался, так как завтра служит в храме Спасителя. Отказался и еп[ископ] Трифон...[381] Депутация поехала поэтому к еп[ископу] Никону...

Согласится ли он? Нехорошо, если ни один епископ не пойдет... а между тем, если будет служить Никон, это сразу придаст молебну несколько «тенденциозный» характер. Этого еп[ископа] Никона судьба ведет к чему-то особенному: или к большой славе, или к заточению...

27 ноября.

Молебствие отъезжающих депутаций в Чудовом [монастыре] было скромно. Церковь была наполнена, но сзади оставалось много места. Служил еп[ископ] Никон и сказал какое-то слово, которого

Влад[имир] Андр[еевич] не расслыхал. Саша, тоже зашедший поглядеть, не расслыхал. Никону кто-то что-то отвечал... На площади народу не было ни души.

Депутации едут сегодня. Представление должно быть во вторник или среду. Первую роль играет кн[язь] Щербатов. Но Грингмут не уверен даже, что их примут, и вообще ничего не ждет от этой затеи.

Думаю и я, что ничего из этого не может выйти.

Говорят, что новый генерал-губернатор адм[ирал] Дубасов[382] очень энергичен и считает необходимым подавить революционеров. Он теперь в СПб. испрашивает полномочий действовать самостоятельно. Ну, вероятно, и из этого ничего не выйдет.

Ночь. 11 часов. Ну проводили Грингмута, то есть по крайней мере приняли от него дела, и он стал укладываться, а я ушел...

В это время принесли от почт-директора (Радченко) список увольняемых от службы без прошения. Фамилий примерно до 700 (на глаз, по рукописи)... Это воинствует П.Н. Дурново[383], помимо того отдающий некоторых под суд. Негодование на чиновников совершенно понятно. Но меня интересует вопрос – что из этого выйдет? Недостаточно прогнать чиновников: нужно еще защитить почтово-телеграфное дело от революционных нападений и разгромов... А этого нельзя сделать, не сломив революции вообще. Если у Дурново и есть на это силы, то позволит ли ему такую борьбу Витте и особенно сам император? При первых же репрессиях (без которых нельзя бороться) его сейчас же прогонят...

И думаю я, что правительство, сдававшееся до сих пор всем, кто его ни бил – студентам, японцам, журналистам, евреям, даже отчасти рабочим, – наверное, сдастся и почтово-телеграфным служащим, давши только новый пример своей неспособности ни к какой борьбе, а следовательно, и к обязанностям правительства вообще...

Нет: без переворота Россия никак не может, думается мне, обойтись. Революция в той или иной форме совершенно неизбежна, по-видимому.

28 ноября.

Ночь. Сегодня был тревожный слух о будто бы забастовке назавтра всех частных банков. Вот это еще будет штука!

Почтово-телегр[афная] забастовка продолжается.

Радченко трусит ужасно и уехал в Петербург зачем-то...

Все усилия революционной агитации теперь направлены у нас, здесь, на войска. Вообще они действуют энергично, всеми силами, а против них не люди – а прямо бабы. Нет, не обойдется без революции!

30 ноября.

Утро. Сейчас приходила университетская комиссия, какие-то инженеры, осматривать квартиру... Адольф Андреевич сообщил, что они осматривают здание с целью найти какую-нибудь придирку – возбудить дело об отнятии контракта у Грингмута, что это намерение твердо установлено в университете.

Вот и без хлеба и без крова останусь!

Еще Шпор сказал, что 5 декабря должны забастовать рабочие типографии для поддержания почтовой забастовки...

Вечер. Саша свалился. Заметили уже, что ему не по себе: смотрели температуру – 39,8°!

Что такое?

В редакции объявили, что денег не дадут. «Хоть немного»... – «Ничего нет».

1 декабря.

Ну, должно быть, у Саши брюшной тиф... Температура такая!.. А Голубов никак все не может заехать.

Вечер 6 часов. Сейчас был Голубов. Сашу нельзя определить, но есть сильное подозрение на какой-нибудь тиф... Видно будет дня через 2...

Сегодня выдали из конторы жалование за первую половину ноября, да большое одолжение. Это потому, что почта немножко доставила и часть денежной [?] корреспонденции получена Конторою. И то, слава Богу. Хоть расплачусь немного, а потом опять останусь без денег.

Ночь.

Двенадцать час[ов]. Возвратился из редакции... Саше нехорошо. В 9 часов было 39,4°... Наверное, тиф... Не спит. Я стал на молитву... Разные безобразные крики откуда-то. Трудно молиться. Выглянул на улицу, будто бы ничего... Кажется это внизу под нами, в жилище наборщиков. Крики, не то бунт, не то даже ругают...

Какая тяжелая жизнь. Всех обуяло какое-то наваждение, все безобразно, страшно, грубо... Вечером безобразия кто-то убил на Тверском бульваре солдата-маньчжурца. Он – рыжий, хромой. Безобразники стали его ругать: «Вы, дескать, никуда не годны, без вас, манчьжурцев, надо»... Солдат пригрозился: «Что же бить раненого? Вы подождите, возвратятся здоровые, они покажут, как бить маньчжурцев»... Эти ужасные люди набросились на него толпой и начали бить, говорят – убили... Боже, Боже, что делается в России! Боже, зачем ты нас покинул во власть сатаны. Боже, смилуйся, помоги!

2-го дек[абря].

Получена тел[еграмма] Все[российского] Тел[еграфного] Аг[ентства] официально – речь Императора монархическим депутациям 1-го дек[абря][384]. Приехавший оттуда Федор Мочалкин[385] рассказывал Лукину, как было дело. Депутации с пон[едельника] до среды не получали извещения об аудиенции. Вечером в среду было назначено на четверг (1 дек[абря]). Депутации были выстроены полумесяцем отдельными группами, по обществам своим. На крайне правой Щербатов (Союз русск[их] людей), за ним Грингмут со своими «Монархистами» и так далее, затем группа «Русского Крестьянства» (Богачев[386] с компанией)... Уж не знаю порядок остальных групп, только крайняя левая была Союз землевладельцев, то есть Чемодуров[387], Ник[олай] Ал[ексеевич] Павлов («дворянин») и так далее; к ним присоединился и Шарапов.

Депутации рассуждали, как приветствовать Императора. Думали сначала бухнуть в ноги. Спросили дежурного дворцового (кажется, Путятин). Тот сказал: «Не смею давать совета, а только у нас это не принято»... Тогда решили поклониться в пояс.

Вошел Император. Щербатов стоял с «челобитной» в папке и с иконой св. Алексея (данной еп. Никоном). Но Император, подойдя к Щербатову, не допустил сказать ни слова, а тотчас сам произнес речь... После такого категорического заявления Щербатов не счел удобным распространяться и только в самых кратких словах объяснил, что вот, дескать, «русские люди» приехали с челобитной и передал папку. Государь взял, не читал. Потом Щербатов поднес икону, Государь перекрестился, приложился и передал все свите.

С ним было много свиты, в том числе Трепов[388] и Дубасов. Вид Императора совершенно свежий и здоровый, только «был неприветлив».

Затем Щербатов представил своих Русских людей[389]. Потом Грингмут свою «Монарх[ическую] партию». Самому Грингмуту Император ничего не сказал, но кое-кому произносил несколько незначащих слов. Самому Мочалкину сказал: «Ведь у вас, кажется, пасека?»[390] Тот подтвердил, что пасека – в Измайловском зверинце, и Император спросил, как идет пасека... В остальных группах то же молчание и бесцветные фразы. Богачев только поднес свои «сочинения», и Император взял. Но, когда дело дошло до Союза землевладельцев, тут началась иная сцена. Чемодуров горячо говорил о невозможной жизни в России, о пожарах и грабежах, о разрушении деревни, указывал одного присутствующего помещика, у которого все имение только что сожжено. Говорил что-то и Шарапов. Но резче всех говорил Павлов (Ник[олай] Алексеевич), который, очертив анархию, сказал, что те-

перь все недоумевают, сохранил ли Император свое самодержавие после 17 окт[ября]. Все спрашивают, «и мы не знаем, что ответить»...

Эта атака Союза землевладельцев, по словам Мочалкина, очень смутила Императора, но он ни слова не ответил и со смущенным видом, молча, ушел...

Ну, после этого, конечно, депутации кормили завтраком во дворце и затем отпустили.

Более сильного разгрома всем сторонникам самодержавия Император, конечно, не мог нанести. Даже странное молчание на вопрос о самодержавии – вышло высоко красноречиво. Затея «Всенародного союза» окончилась беспримерным поражением, и не могу себе представить, что же все эти группы будут теперь делать?

Грингмут должен приехать завтра.

Почтовая стачка не кончилась, и я боюсь, что к 5–6 декабря не началось бы, и вправду, чего-нибудь похуже.

Вот речь Императора*:

ТЕЛЕГРАФ и ТЕЛЕФОН

ПЕТЕРБУРГ, 2 декабря. *1 декабря в Царском Селе, в Александровском Дворце, Государю Императору имели счастье представляться нижеследующие депутации: 1) от Союза русских людей, 2) от Монархической партии, 3) от Союза землевладельцев, 4) от Общества хоругвеносцев и добровольной охраны, 5) От Совета редакции журнала [«]Русское крестьянство[»][391], от общества крестьян села Воробьевы горы под Москвой, 7) синодальный миссионер игумен Арсений. Государь Император обратился ко всем собравшимся со следующими словами: «Принимаю вас в уверенности, что вижу перед собой истинных сынов России, искони преданных Мне и Отечеству. Не сомневаюсь, что вы пойдете не по иному, как только по начертанному Мною пути, поэтому и призываю вам передать всем любящим дорогую нашу Родину, что Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению. Для скорейшего осуществления дарованных Мною реформ необходимо, при справедливой, строгой и твердой власти, водворить спокойствие и порядок в потрясенной смутами земле Русской. В этой задаче вы должны дружным содействием на местах помочь поставленными Мною властям и Мне. Большой грех берут на душу те, которые своими действиями и внушениями создают смуты, разжигая страсти и взаимную вражду. Да благословит Господь вас и Россию. Да поможет всем нам исполнить наш долг до конца».*

Петербург. Государь Император.

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

3 дек[абря].

Утро. Грингмут возвратился. Но я его еще не видал.
Что то он теперь станет делать после такого афронта[392]?

4 дек[абря].

Грингмут, в общем, говорит то же, что Мочалкин. Только прибавляет, что он сам сказал несколько слов Императору (поблагодарил за назначение Дубасова), и подробнее передает речи Союза землевладельцев. Они были очень резки. Чемодуров прямо поставил вопрос: самодержавен ли теперь Император? Император, очень смущенный, молчал секунд 15, и затем пожал руку Чемодурову и сказал: «Благодарю вас за чувства и за службу»... Несмотря на это поразительное умолчание, Шарапов, бывший последним, в ряду Союза, снова остановил Императора и прямо сказал: «Вам был поставлен вопрос: самодержец ли вы теперь или нет? Нам это необходимо знать, ибо ответом на это определяется наш долг и наши действия!..» Но Император и тут не дал ответа и молча ушел в дверь, около которой стоял Шарапов.

Вчера приехал Новоселов и был у меня с Кузнецовым. Была также Кедрова (Елена Сергеевна) с дочкой Танечкой: обе очень симпатичны.

Сегодня усиленные слухи о решительной попытке революционеров произвести всеобщую забастовку и бунты... Назначают завтра и послезавтра. Вчера и сегодня были попытки взбунтовать войска. Арестована мастерская динамита и бомб.

По-видимому, близится решительный момент: либо революция победит, либо надорвет себя. При жалкой слабости правительства, конечно, возможно все.

С другой стороны, в либерально-интеллигентных слоях говорят, что 6 декабря «черносотенцы», отслужив молебен на Красной площади, начнут истреблять интеллигенцию! [393]

Новоселов настаивает, чтобы у меня состоялся вечер с чтением об Апокалипсисе... которое, кстати сказать, – не готово и давно заброшено. Но дело в том, что в Москву едет сам Валентин Тернавцев, – так для него... Я согласился, потому что мои очень скучают, и барышни назначили Четверг[394], то есть 8 дек[абря]. Но у меня уже был раз назначен этот апокалипсический четверг, именно по случаю предполагаемого приезда Тернавцева... и вместо того вышла всеобщая забастовка, остановка дорог, воды, газа, хлеба и так далее – вообще, в своем роде, пришествие Антихриста... Конечно, и Тернавцев не приехал, да и здесь было не до четвергов и чтений. Как бы и на сей раз мистический Валентин Александрович не принес нам того же...

Саша вчера и сегодня имел понижение температуры, но Голубов говорит, что может и снова подняться, если это что-либо тифозное...

6 дек[абря].

Именины моего Коли и вместе с этим Царский день[395].

Мои, кроме меня и больного Саши, разошлись по церквам. Между тем сегодня все предполагают какие-то грандиозные беспорядки. Революционеры, как говорят, готовят какую-то «решительную битву» правительству. В то же время разные «патриотические» союзы назначили торжественное молебствие на Красной площади, куда и приглашают весь московский народ... В публике либеральной толкуют, что эти «черносотенцы», помолившись, начнут бить и уничтожать всех революционеров и вообще интеллигенцию. Об этом ходят целые легенды. Так, говорят (вздор, конечно), будто бы «черносотенцы» сообщили об этих своих намерениях Медему, и тот будто бы ответил, что советовать этого не может, но если бы революционеры были истреблены, то это было бы хорошо... Этот явный вымысел передают с полным доверием!..

Короче: все друг друга трепещут, все ждут побоища... И это побоище висит в воздухе... Сейчас внизу, под нами, наши рабочие громко поют «Марсельезу» – «Вставай, поднимайся, рабочий народ»... Ежедневно идут драки, пальба – со стороны почтово-телеграфных забастовщиков. Убийств и грабежей еженощно и ежедневно несть числа. Дерутся и массами. Вчера 1000 рабочих штурмовали воровской притон «Киселевскую крепость»...

Россия в полной кровавой анархии. Войска волнуются под влиянием революционной агитации. Вчера, впрочем, Ростовский полк усмирился и выдал зачинщиков. Говорят, этот полк сегодня будет в параде на Красной площади...

Правительства – нет. Николай II не способен его дать. Его чиновники – безусловно, неспособны к этому. И вот – все в анархии. Величайшее счастье будет, если Государственная дума станет правительством! Но этой Думы нет, и когда будет – неизвестно. А анархия не ждет. Революционеры уже делают все усилия захватить власть раньше, чем соберется Госуд[арственная] дума. Это понятно. Ничего более жалкого, в государственном смысле, как Витте, нет. Да, впрочем, – нет и вообще ни одного человека в высших областях «управления», [кто] хочет бессмысленного и подлого прозябания так называемого «правительства».

Ночь. 12-й час. Говорят, что молебствие на Красн[ой] площ[ади] собрало много народа. Рассказывали два очевидца, но не беспристрастные. Один сказал – 50 000... Я спросил: «20 – было ли?» «Ну, уж это наверное»... Потом толпа ходила к Дубасову: просила выразить ее чувства Царю.

А после того как разошлись, немедленно пришла к Дубасову толпа рабочих с пением Марсельезы...

Сейчас, в 11 ч. ночи, по Страстному прошла толпа рабочих с пением Марсельезы...

Столкновений в первую половину дня не было. Теперь – не знаю.

А Вера уехала на Мясницкую на именины... Каково это воротиться в 1–2 часа ночи?

Нищих, грабителей и просто «хулиганов» – ну просто полна Москва. А тут еще и политические схватки... Говорят, что в 8 часов утра собрана была «боевая дружина» революционеров и все время молебна дежурила в разных пунктах. Зачем? Хотели нападать или боялись резни «черносотенцев»? Теперь обе стороны друг на друга думают и наговаривают: не знаешь, чему верить...

7 дек[абря].

Сегодня конки не ходят. Говорят, что извозчики не выедут, потому что их «будут убивать»... Впрочем, извозчиков все-таки вижу на улице. Сейчас (10 ч. утра) слух, что Ярославская дорога с 12 часов прекращает движение. Слух, что все лавки будут закрыты. Все бегут запасаться пищей. У нас побежали за хлебом и прочим. Вообще слух, что начнется снова общая забастовка и восстание[396].

Просто мучение, а не жизнь!

11 часов утра. Сейчас кухарка говорит: «Все говорят: мужчины, бабы, весь народ. С 12 часов все закроется, все прекратится, и будет страшное убийство, будут Москву громить»...

4 часа вечера. Седьмую гимназию распустили до пятницы. Стали почти все железные дороги. Забастовала наша типография, и – говорят – все. Кое-где толпы «снимают» рабочих. Кое-где войска и толпы. Поют Марсельезу. Было хождение с красным знаменем. В Леонтьевском переулке столкновение красных знамен с драгунами...

Вообще – начинается катавасия, а может быть и восстание.

Ночь. 9 часов. Новоселов у Кузнецова, который его никуда не выпускает, для безопасности. Это он объяснил по телефону, сообщив тоже, будто бы объявлено военное положение. Это, однако, до сих пор не подтвердилось. Телеграфное же агентство на запрос редакции ответило телефоном, что объявлена чрезвычайная охрана, но что есть слухи о военном положении, и они ждут ночью известия об этом.

Пустые слова!

Редакция – пуста, и даже заперта, типография не работает: наборщики заявили, что они боятся нарушить приказ. Были слухи о стрельбе в Чернышевском переулке. Железные дороги в течение дня

все* прекратили движение. Газ горит на улицах. Ну, конки не ходят. Телефон весь день действовал. Почта, в сущности, не действует. Кое-какая корреспонденция разослана по отделениям и выдается приходящим. Я получил открытку Киреева от 16 октября, испачканную, с расплывшимися чернилами. Это все-таки событие.

Грингмута видел сегодня. Он мрачен и удручен, как редко. Между прочим, его пригибает и решение университета отнять у него аренду до срока. Да, это очень важно. Ну и для меня это – прямо мат!

11 часов ночи. На улицах шум даже меньше среднего... Что-то завтра, а может быть, и ночью?

Нужно сказать правду: тоскливое, унылое время. Вечно щемит сердце. Вот только и радости, что у Саши температура близка к корме. Ах, как нужна помощь Божья!

8 дек[абря]. Четверг.

Ни одна газета не вышла. Вывешено объявление ген[ерал]-губ[ернатора] о чрезвычайной охране ввиду железнодорожной забастовки. Вместо газет вышли «Известия Московского Совета Рабочих Депутатов»[397], где объявлена всеобщая забастовка и вооруженное восстание. В них помещено воззвание, подписанное Московским Советом Рабочих Депутатов, Московск[им] Комит[етом] Российск[ой] Соц[иал]-дем[ократической] Рабоч[ей] Партии, Московской группой Российск[ой] Соц[иал]-дем[ократической] Партии, Моск[овским] Комит[етом] партии социалистов-революционеров, Комитетом Окружной организации Росс[ийской] Соц[иал]-демокр[атической] Рабочей Партии.

Воззвание призывает: к 1) низвержению Царского Правительства, 2) созыву Учредительного собрания, 3) учреждению Демократической республики. Далее в «Известиях» идут разные сообщения о других организациях и известия из городов. О себе Московск[ий] Совет Рабочих Депутатов сообщает, что он представляет 134 фабрики и завода, около 100 000 рабочих, которыми и избран означенный Совет из 204 депутатов.

«Известия» (№ 1) от 7 дек[абря] 1905 г. представляют листок в $^{1}/_{4}$ долю газетного листа.

Теперь 11 часов утра, не имею никаких ниоткуда вестей о происходящем. Только слухи, что в 12 часов ночи было нападение на дом генерал-губернатора, причем была пальба, были раненые и убитые.

* Подчеркнуто несколькими жирными чертами *(сост.)*.

Петербургские газеты пришли. Но о состоянии железных дорог ничего не знаю.

Получил запоздалое письмо Скворцова[398] с предложением сотрудничества – на 100 руб[лей] в месяц... Драгоценное известие, но как я ему отвечу?

Вечером у меня должен был быть реферат. Из 22 приглашенных пришло 3. Читал все-таки.

9 дек[абря].

Вчера ночью кое-где слышались выстрелы. Говорят, в [«]Аквариуме[»] была сходка, была какая-то драка, произведены аресты... но ничего толком не знаю[399].

Сегодня в 11 часов что-то ходят толпы народа. Хлеба нет в булочных. Много лавок заперто. Кухарка рассказывает, что в нежелающих затворять стреляли...*

Расписка в приеме заказной корреспонденции № 583.
Московский почтамт Лит.
В С.-Петербург.

Телеграмма В П[етер]б[ур]г.
375 Число слов 11.
Принято – р. 70 к.

Около часа дня вышел отправить заказное письмо и телеграмму Скворцову. Почтамт заверил, что в Петербург будет отправлено.

Для меня это крайне важно: быть может, это единственный луч спасения, потому что в [«]Моск[овских] вед[омостях»] работа крайне ненадежна

Город, по-видимому, очень неспокоен. Вас[илий] говорит, что на Тверской драгуны кого-то разгоняли. Толпы рабочих – с пением «Вставай, подымайся, рабочий народ». Они тянутся больше к Триумфальным воротам. Что-то назревает серьезное. Боже, помоги добру, не допусти до зла, ибо Ты ведаешь лучше, где добро, где зло.

Около 2 ч. дня. Теперь громадный митинг в [«]Аквариуме[»]; говорят, от 25 до 50 тысяч... Вчера, говорят, ночью арестовано в [«]Аквариуме[»] же множество лиц и увезено в 6 фурах (мебельных) в Кремль... Полагают, что толпа двинется на Кремль.

Вл[адимир] Андр[еевич][400] куда-то поехал и не будет принимать. Со всех сторон угрозы. Господи, помоги.

Около 3-х ч[асов]. На Тверской, у Пушкина, ходят толпы с красными флагами и Марсельезой... Драгуны разъезжают с саблями наголо. Им свистят. Они иногда рубят саблями... Вообще положение тревож-

* Далее вклеены две почтовые квитанции *(сост.)*.

ное. Катя вышла погулять. Беспокоюсь. Впрочем где же опаснее, чем у нас на дому?

Около 7 ч[асов]. Все время идет какая-то схватка. Во время отсутствия Кати мимо нас прошла порядочная толпа, человек 1000, с громким пением Марсельезы и с красными знаменами. Остановились, было, около нас, потом почему-то шарахнулись на бульвар, потом опять сошли на улицу, но, слава Богу, – удалились.

Теперь шум и крики от Страстной площади, иногда толпы бегут оттуда, потом снова возвращаются... Но стрельбы не было слышно. Вероятно, разгоняют просто.

11 часов ночи. Говорят однако (прислуга), что у Страстного солдаты стреляли, что была стрельба у Государственного банка. Революция разыгрывается, кажется, не на шутку.

10 дек[абря].

С утра выходил, и, может быть, этим, вызвал такой жестокий приступ геморроя, что не могу ни ходить, ни сидеть!..

А между тем в Москве светопреставление! Толпы по бульвару. Атаки драгунов, револьверная пальба... Наконец, уже было три орудийных выстрела с большими промежутками. Видно, на Страстной упорная борьба[401].

Картечь залетала к нам во двор 2 $^1/_2$ часа. Я насчитал 6 орудийных выстрелов, но толпа не уходит, как говорят. Не заметно ни переноски раненых, ни карет. Вероятно, палят через головы...

3 $^1/_2$ часа. Слышны залпы за залпами, ружейные. Иногда, по близости выстрелы браунинга, судя по звуку. Однажды пронесли по бульвару 4 раненых... Надо сказать, что революционеры держатся молодцами, – уже часа три с лишним, как идет эта бойня толпы против войск с орудиями (говорят, что на площади три орудия).

Как слышно, дрались или дерутся также на Николаевском вокзале и на Никитской.

Шестой час. Москва темна: фонарей нет. Народу не заметно. Пальбы не слышно. Я не в состоянии выйти, чтобы разузнать положение дел. Не думаю, однако, чтобы оно было благоприятно для Правительства. Революционеры по всему, что видел и слышал, обнаружили большую стойкость. Не могу записывать, потому что не в состоянии сидеть... После, коли Бог даст. Что касается организации революционеров, то она столь же превосходна, сколько глупа организация правительства.

Седьмой час. По церквам благовест: завтра воскресенье... Какая ирония! Весь день истребляли друг друга... На улице сейчас кто кричал что-то, потом крик: «Городовой!»... Ну, конечно, никакого городового не может быть. Потом – раздался выстрел, и другой... Боже, что делается на Твоей несчастной земле!..

Половина седьмого... Еще не затих благовест, как послышалась отдельная трескотня выстрелов, некоторые совсем около нас. Кажется, револьверные... Потом были крики. Раздался орудийный выстрел. Через несколько минут – другой...

Значит, сражение снова началось.

Без четверти десять. На улицах до 9 была пальба, потом стихло. Что-то дальше?

Прислуга слышала, что хотят «поднять на воздух [“]Московские ведомости[”]». Может быть. Но я жду, что здесь будут печатать «Известия»... Они, говорят, набирались и печатались все три №№ по различным типографиям. Пожалуй, пришла очередь и грингмутовской...

...Совсем не могу ни сидеть, ни ходить. Жестокий приступ боли.

11 декабря 1905.

Сегодня с утра, часов с 9, началась пальба. Говорят, будто бы есть план напасть на [«]Моск[овские] вед[омости»]. Это страшно перепугало Катю. Я выходил за справками, и снова разбередил свой злосчастный геморрой, который как будто стих было к утру... Теперь я снова инвалид. Не могу даже записать происшествий.

Часов в 10 была сильная перестрелка у Петровки. Трескотня революционных выстрелов никогда не была так сильна. Потом пошли солдатские залпы. Теперь, то есть в 1 час $^{3}/_{4}$ дня, не прекращаются время от времени залпы, но будто подальше где-то.

2 часа. Началась орудийная пальба у Страстного монастыря: насчитал четырнадцать выстрелов. Настоящая война! Или солдаты никуда не годятся, или революционеры герои. Выдержать такую пальбу! Уж не взяты ли орудия? Что-то затихли...

Во время этой пальбы – на бульваре ни единой души. Вероятно, с другой стороны.

Около 3-х ч[асов] дня. Опять гремят пушки... Уже я и со счету сбился: выстрелов 30 – не меньше.

8 $^{1}/_{2}$ вечера... Часов с 5 стихли орудия и залпы. Но в седьмом слышалось несколько револьверных выстрелов – среди глубокого мрака. Освещения никакого. Даже в домах огоньки показались очень поздно, когда стихла пальба.

Меня буквально замучил геморрой. Таких громадных шишек я не знавал до сих пор. Мазь нельзя принять: доктора боятся ездить, аптеки закрыты, да ни один человек и не пойдет. Положение беспомощное.

Воды в доме очень мало: боятся ездить по воду. Хлеба в лавке дали только черного и не больше 5 фунтов. Пекли сегодня дома.

Ну, что-то будет ночью?

12 дек[абря].

Ночью была какая-то перестрелка на бульваре.

Говорят объявлено военное положение. Объявлено – то есть ночью наклеили объявления, а через час все были сорваны... Никто ничего не знает. Начальство не догадалось даже раздать через дворников для прочтения жильцам. Ничего не догадаются...

Но с утра уже толпы, и идет какая-то пальба. Приезжали солдаты с пушками.

Военное положение! Это значит власть у Малахова[402] и Глазова[403]! Господи праведный, что это за несчастное «правительство!» Хоть бы раз за полтора десятка лет услыхать об одном умном поступке...

7 $^{1}/_{2}$ час[ов] вечера. Сегодня днем прибегала Клавдия Орлова. Рассказывала о штурме дома Фидлера[404] (это есть в [«]Новом вр[емени»]) и о штурме какого-то дома у Рязанского вокзала. Там был митинг, имевший целью взбунтовать войска, прибывшие по Рязанск[ой] дор[оге]. Оба случая были вчера, то есть ночью.

Осип (сторож) говорил о каком-то доме Селезнева, где собрался митинг, а толпа зажгла дом и не дала пожарным потушить, так что собравшиеся задохлись.

Какой-то доктор говорил Клавдии, что всего раненых за эти дни около 4000 чел[овек].

О сегодняшнем дне ничего не знаю! Вчера у революционеров были планы освобождать забранных из Пересыльной тюрьмы. О результатах ничего не знаю.

Просил Грингмута сообщить, когда узнает достоверно, о том, есть или нет военное положение, и до сих пор ничего не знаю... Это возмутительная беспорядочность. Не объявить жителям о том, какой у них режим и каковы правила, которых соблюдение требуется!

Москва темна. Телефон не действует, телеграф тоже. Все проволоки порваны. Хлеба сегодня купили 5 фунт[ов] черного. Белый хлеб Революц[ионный] Исполн[ительный] Комитет запретил печь... А генерал-губернатор не имеет силы приказать печь. Хотя положение у нас и военное, но власть революционеров и более сильна и более толкова, ибо по крайней мере известно, чего она требует...

Вот 10 часов ночи... Приходил рассыльный мальчик Ваня... «Ну, – спрашиваю, – что же у нас, военное положение или нет?» – «Ничего неизвестно, – ответил, – ничего не объявлено»... – «Да разве никто из полиции не захаживал?»... – «Никто. А только обыскивают. Я ныне ходил на Каретную: обыскивают. Жандармы обыскивают, а рядом часовой с ружьем»... Спрашиваю, что в городе? – «Все палят, где-то далеко. А Садовая вся в баррикадах»...

А мяса нет, а хлеба нет... Но что за идиотская администрация! Нечто беспредельно нелепое.

Начинаю думать, что революция может победить. Никакие времена Людовика XVI[405] не могут сравниться с этим падением всего государственного строя. Ну, что Бог даст! Может быть, и вправду лучше гнилушкам упасть уже совсем, чтобы хоть стройка стала возможна[406].

13 дек[абря].

11 часов утра. Сведений никаких. Ночью, говорят, палили, а вечером были пожары в Марьиной роще, куда многие спасаются из Москвы. Говорят, хулиганы поджигают, чтобы грабить.

Сегодня с утра казалось спокойнее. Народ ходил, извозчики ездили; даже газеты продавали («Новое время»). Прислуга передает, что в доме Горчакова «засели студенты», чтобы стрелять в войска.

Теперь (11 часов) где-то слышна пальба.

Около 1 часа. Сам не могу ходить (из-за геморроя). Посылал Колю в редакцию за сведениями: ничего не известно, газет не было, репортеры не приходят, ни единой души, и ничего не известно об участи Москвы и революции.

2 $^{1}/_{2}$ часа дня. Шла сильная пальба, – говорят, штурмуют [«]Аквариум[»]... Уж какой раз его берут, и все не догадаются занять его прочно.

Вообще распоряжение – нелепое. Теперь генерал-губ[ернатор] издал какую-то прокламацию и правила для жителей... Никто этого не знает. Расклеено, и будет сорвано, а по домам не разнесено. Мне случайно известно от Клавдии, которая бегает по всему городу. Но хорош и управляющий наш (Эренберг): у него дворники уже сколько дней не бывают в полиции. Теперь обещал послать узнать, что за распоряжение.

Третьего, кажется, дня загорелась или зажжена типография Кушнерева (на Селезневке). Говорят, там собрались наборщики печатать № «Известий». Прискакали казаки, потребовали сдаться. Наборщики заперлись. Началась перестрелка. Дом почему-то загорелся или подожжен и будто бы весь выгорел, и люди будто бы погибли.

Пять часов. Орудийная пальба лишь недавно стихла. Говорят, разбивали дом Орлова против [«]Аквариума[»].

11 часов ночи. Сгорела типография не Кушнерева, а Сытина. Там заперлись какой-то «Совет» и дружинники. Зажжена гранатою, а народ не допустил пожарных тушить. Говорят, – все сгорели.

N.B. Сгорели обе типографии, но у Сытина зажгли ее дружинники, чтобы прикрыть отступление, и, действительно, ушли. А сгорели только бабы и дети, из семейств наборщиков.

15 дек[абря].

По городу пальба, но, кажется, уже только от орудийного разрушения домов, наказываемых этим за произведенные в войска выстрелы...[407]

Тактика вообще глупая.

Но вот горе. Заходил Николай Викторович[408], и от имени Вл[адимира] Андр[еевича] сообщил, что их дела ужасны, накануне банкротства. Это результат операций Дмитрия... За декабрь – я ничего не получу... За ноябрь получил едва половину... А в январе, может быть, будет ликвидация! Вот это уже похуже бомб.

Я занят был писанием статей Скворцову. Готовлюсь послать с оказией. Это, может быть, единственное спасение или хоть поддержка... Но еще вопрос – состоится ли это сотрудничество? Я прямо покинут гибели. Вот где нужна помощь Божья!

Недурны врачи Екатерининской больницы (новой, у Страстного бульвара). Они там почти на подбор «красные». Во-первых, потребовали у Попова принимать в больницу только раненых революционеров, а солдат и «черную сотню» не брать. Во-вторых, один врач стрелял в войско из-за колонн больницы. Другой хотел стрелять из окна, и только товарищи силой оттащили его, крича: «Что вы делаете? Вы нас погубите!»

Начальник отряда, действительно, заметил стрельбу и сказал: «Смотрите! Если еще попадетесь, то не оставлю камня на камне»...

В Екатерининской больнице всего пятьдесят (50) раненых. А это одна из наполненных. Это показывает, как мало число пострадавших и как лгут врачи, распуская слухи, будто по Москве ранено и убито 5000 человек.

Однако система разрушения домов довольно бессмысленна. Она придает вид, будто против Правительства восстает Москва, чего нет даже и подобия. Вместо того чтобы истребить врага, – приводят в нищету и выгоняют на мороз ни в чем не повинных жильцов! Население терроризируется и озлобляется, а революционеры, конечно, нисколько не боятся и перебегают себе из дома в дом. Глупо.

Сегодня дети видели на Каретной Садовой ряд баррикад, которые Надя зарисовала для меня.

Совершенно ничтожные сооружения, которые моментально могла бы убирать народная милиция, если бы Дубасов догадался или хоть согласился ее организовать из жителей. Но, вероятно, он воображает, что против него не 10 тысяч человек, а все население! Удивительно это безусловное непонимание народа всеми властями. Правительство от этого и гибнет и, по всей вероятности, действительно погибнет в очень скором времени. Ни малейшего национального духа и чутья!

16 дек[абря].

Сегодня вышел «Русский листок» с хроникой революционных, дней (с 7 по 15 дек[абря]).

Грингмут хочет завтра выпустить и свою газету.

А я тщетно жду ответа от Скворцова... Неужели не состоится мое сотрудничество в СПб., которое возбудило во мне столько надежд?

За эти дни я получил письма от сестры, от Дельвига[409], Новоселова и Суворина. Последнее, по его интересу[410], заклеиваю*.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Представьте себе, что Ваше письмо от 16-го ноября, в котором Вы пишете между прочим о городовом, я получил только сегодня, 11 декабря. Вот какое время! Во времена Мамая[411] письма доходили скорее. Что у вас в Москве делается? Судя по телефону, совсем Москва бунтует, и наступают в ней времена раскольнических бунтов и стрелецких. О начальстве военном рассказывают чудеса. Малама[412], говорят, прячется под кроватью. Вот она, японская война, отчего так была ужасна! Все стало и пахнет мертвечиной, а Витте делает опыты. Год тому он был приверженцем самодержавия и говорил мне, что нет лучшей формы правления для России. Я убеждал его собрать Земский собор хоть для того, чтобы оглядеться и узнать, что такое представляет собою Россия. «Но ведь в Собор пойдет интеллигенция». Он ее боялся, а теперь боится крестьян и полагает надежду на интеллигенцию. Такого невежественного человека в истории русской и европейской трудно себе представить. На экзамене гимназии он едва бы получил 2 с минусом. Русскую жизнь он тоже знает понаслышке, и в нем нет русской души. Во всяком русском революционере, если он достаточно силен разумом, эта душа есть, и она дает ему сил. У Витте, как говорится, и звания ее нет. Он допустил всю эту сумятицу, все митинги, на которых проповедывается открыто убийство царя, все пакостные сатирические листки, где, напр[имер], изображены генералы, душащие царя, или где царь убегает за границу, и прочее, и прочее. Он якобы за свободу печати и ни в чем не виноват. Он никогда не виноват. Теперь он представил Государю церемониал присяги конституции и самую клятву. Государь принял это, но еще не подписал. Распустив все, он вдруг захотел все остановить крутыми мерами. Я ему говорил: «Не опоздали ли?» Петербург ничего себе, но революционная полиция очень деятельна. Против «Нов[ого] вр[емени]» вражда, бойкот и угрозы. Я спокоен. Я слишком долго живу – мне 71 год и смотрю вперед без боязни. Будь что будет. Очень возможно, что

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

городовой и прав, но у правительства нет силы. Хрусталева[413] *Витте арестовал потому, что узнал, что шли приготовления об его, Витте, аресте. Хрусталев – недурная голова, сколько я слышал, но наследники его – мелочь. У нас говорят, что бунт готовится и в Петербурге; московские известия сильно действуют и жалеют «жертвы» и готовятся встать. Живешь день за день или ночь за ночь, – так, я ложусь часов в 8–9 утра и встаю в 5–6 вечера. Без революции настоящей, может быть, и глупой, но гибельной [нрзб.] дело не обойдется.*

Ваш А. Суворин.
11 дек[абря] [1]905 г.

Новоселов же на меня возлагает работу о церковном Соборе. Уж не знаю, что с ним и делать. Не верится мне в этот Собор.

Как-то я писал Суворину, прося его обратить внимание на проект нового закона об [нрзб.] старался отнять права редакторства у лиц, причастных антиправительственному движению. Я думал, что Суворин сам об этом напишет – ведь он член Союза Свободной Печати. А он вместо того напечатал выборки из моего письма в виде письма в редакцию*.

ЗАКОН О ПЕЧАТИ

(Письмо в редакцию)

М[илостивые] г[оспода!] Позвольте обратить ваше внимание на наше новое законодательство о свободе печати, то есть на один важный и достопримечательный пункт этой «свободы»:

Ответственными редакторами повременного издания или части его могут быть только русские подданные, достигшие 25 лет, обладающие общей гражданской правоспособностью и не подходящие под условия, указанные в ст[атье] 7 положения о выборах в Государственную думу.

Этим законом (пар[аграф] 3) лишены права на ответственное редакторство те лица, которые лишены права избрания в Государственную думу по пар[аграфу] 7.

Прежде всего, такое сопоставление совершенно непонятно. Право избрания в Государственную думу есть право политическое (проявление «участия во власти»); свобода же слова и печати есть право личное, как гласят все учебники всего мира. Лишать личных прав из-за того, что человек лишен политических, – это верх произвола. До сих пор, при «крепостном» состоянии печати, этой неле-

* Далее вклеена вырезка из газеты с рукописной пометкой, сделанной Л.А. Тихомировым на полях заметки: [«]Нов[ое] время[»]. 2 дек[абря] 1905».

пости не было, а теперь введена нашими реформаторами, бюрократами.

Далее. Означенный 7-й параграф гласит, что права избрания (а теперь и редакторства) лишаются: «Лица, подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой ***лишение*** *или* ***ограничение прав состояния****, а равно за кражу, мошенничество и так далее, когда они судебными приговорами* ***не оправданы****, хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью, примирением, силою Всемилостивейшего манифеста или особого Высочайшего повеления».*

У нас есть множество лиц, которые этим законом теперь лишены права редакторства, которые имели прежде, когда не было свободы печати, в том числе, я полагаю, и В. Короленко[414]*. А между тем тут что ни слово, то незнание элементарнейших принципов права и наконец полный произвол.*

Возьмите пример. Студент — техник или медик — судился за пропаганду в народе и осужден, скажем, на жительство в Сибирь (причем, ограничение некоторых прав). Этот осужденный, по ничтожности проступка, помилован Высочайшим повелением и вместо того выслан административно, затем вернулся, кончил курс и стал знаменитым врачом или директором фабрики. По смыслу новой свободы он не имеет права быть редактором медицинского или технического журнала, ибо «не оправдан»... Подумайте, что же это за сочинители?

Предположим, что осужденный за революционную пропаганду отправлен на каторгу и отбыл наказание. Он делается, скажем, мещанином (вместо прежнего дворянина). Закон не ставит сословных различий для права свободы печати. Мещанин может быть редактором, хотя бы он был безграмотен. Но лицо, взятое в этом примере, не может. Почему же, ради Бога? Ведь он отбыл наказание. Два раза за одно преступление не наказывают. Как же смеют отнимать у него право, которое имеют все прочие мещане?

Затем, отрицание силы Высочайшего повеления, восстанавливающего человека в его правах, — это есть верх произвола. Допустим, что силу Высочайшего повеления бюрократия упраздняет на ***будущее*** *время. Но как же его упразднять* за ***прошлое****, когда считалось законом, что Высочайшее повеление* ***вполне*** *восстановляет права? Это нечто не квалифицируемое по своей безыдейности.*

Затем, как упразднить силу давности? Раз закон признает право давности вообще, то каким умозаключением можно было изъять из этого даже политические права (избрание), а уж нечего и говорить личное право (редакторство)?

Т.Л.[415]

Я и не знал, что Суворин напечатал. Но аргус[416] Липранди усмотрел «крамолу», и прислал в [«]Моск[овские] вед[омости»] обличение, что вот чем недовольны «революционеры». Грингмут, в числе прочих бумаг, прислал мои. Ну, я тогда отыскал инкриминированный № «Нового времени»... Пришлось объяснять [?] Грингмуту, что этот «революционер» не кто иной, как аз многогрешный... Ну – Влад[имир] Андр[еевич] решил, что Липранди пишет глупости*.

17 дек[абря]. Суббота.

Сегодня с утра до ночи – грохот орудий с Пресни, а к вечеру зарево пожаров. Там шел страшный бой, в котором убито 17 и ранено 47 семеновцев и ладожцев. Сколько побито революционеров, не знаю. Сгорело 12 домов и четыре фабрики: Шмита[417], Прохорова, Мамонтова (сургучная) и еще одна. Шмит – сам глава революционеров, на его фабрике был центральный склад взрывчатых веществ, оружия и пулеметов...

Прохоровская же мануфактура – это главная и последняя крепость революционеров. Они дрались отчаянно, и, кажется, их погибло очень много.

А уж несчастные жители Пресни пережили ужасы, которых не видали и в 1812 году. Очевидец рассказывал, что было море огня, а пули сыпались градом, долетая до Новинского бульвара.

* * *

Сегодня получил телеграмму Скворцова, утверждающую мое сотрудничество в его газете.

Это постоянная работа, 2 статьи в неделю, за 100 р. в месяц.

Благодарение Господу за такую неожиданную помощь в такую минуту наступающего крушения!

18 дек[абря].

Сегодня отправил в СПб. Скворцову пакет (4 моих статьи и 2 Вериных) с кондуктором (багажным) – с почтовым поездом.

Отправил также телеграмму в Новороссийск, маме.**

---

* После записи от 16 декабря в дневник вклеен рисунок, под которым Л.А. Тихомировым сделана надпись: «Баррикады, зарисованные Надей 15 декабря, на Садовой Каретной, близ Лихова переулка. Это – средний тип. Хорошие были на Пресне и Лесной». Рисунок приводится на с. 6 вклейки настоящего издания *(сост.)*.

** Далее вклеена квитанция *(сост.)*.

Телеграмма В Новороссийск
698 Число слов 11
Принято – р. 70 к.

Вчера революционеры ушли с фабрики Прохорова, говорят, через Москву-реку. Видно, ни петербургское войско, ни московская полиция не знают, что позади фабрики находится Москва-река и что она в декабре замерзши!

Какой был революционный отряд, – не известно. Слухи и газеты (все это явная ерунда) толкуют о 10 000 человек.

Во всяком случае, могло быть сотни три-четыре. Так блистательно осуществлен военный план – «загнать дружины в одно место и всех сразу уничтожить».

Теперь эти ловкие партизаны снова рассеялись маленькими кучками по Москве и нападают на врагов в розницу.

Революционеры теперь говорят, что они одержали нравственную победу. Это совершенно справедливо. Правительственные власти снова (в тысячный раз) доказали свое ничтожество справиться с каким бы то ни было врагом.

Мне жаль только гибнущих жителей, солдат и самих революционеров. За что столько крови? Для сохранения губящей Россию неисцелимой язвы? А если бы революция победила? Но разве она может иметь победу в Москве?

Или, может быть, правда, как говорят, что заправилы революции имели план выманить из СПб. войска и затем устроить восстание в Петербурге? Ну, тогда «диверсия» в Москве составляет очень ловкий стратегический прием.

Теперь 7 часов вечера... Уже с пяти часов слышна кое-где пальба. Значит, «генеральное сражение» на Пресне ничего не решило и не порешило...

10 час[ов] ночи. Зарево где-то вроде Никитских ворот. Слесарь говорит, что, кажется, фабрика Шмита, тоже столярная, и он полагает, что это тот самый Шмит, что на Пресне. Когда слесарь проходил по Дмитровке, вышел какой-то господин из пивной и громко провозгласил: «Вот Дубасов с компанией упражняются»...

Жаль, что не успеваю записывать. Много рассказов. Вот любопытная случайность. Один господин вышел на улицу с двумя мальчиками-сыновьями. Мать удерживала, говоря, что опасно. Отец ответил: «Происходит великое историческое событие – русская революция. Пусть дети видят ее»... Не успел выйти, как пуля убила одного из детей.

В доме Шик дворник шутил, что он не боится пуль... «Если прилетит пуля, я ее проглочу»... Когда началась перестрелка, пуля попала ему в горло... Впрочем, остался жив.

Во время боя на Пресне несколько умерших (из числа раненых на баррикадах) отправлены были из Екатерининской больницы на Ва-

ганьково кладбище. Но по случаю пальбы нельзя было провезти, и пришлось трупы обратно привозить в больницу[418].

Сегодня розничная продажа [«]Моск[овских] Вед[омостей»] часа в 3 дня дошла до 24 000. Это только в Москве, не считая подписки. Ждали, что к вечеру будет 30 000. Никогда не бывалые цифры!

19 дек[абря].

Прибыл ли мой пакет к Скворцову? На Николаевской дороге – я справлялся – никаких приключений не было... Должен бы быть передан Скворцову сегодня утром.

По части революции ничего, кажется, не происходило. О прошлом много рассказов.

Между прочим, слышал в редакции, со слов официального лица, что Войлошников[419], так поразительно ловко «казненный», погиб, собственно, ни за что. Он сначала служил в Охранном отделении, где ничего заметного (а стало быть, опасного для революционеров) не делал. Но потом решил совсем оставить эту службу: «Ну ее, – говорил он, – тут еще подстрелят»... И на этом основании он перешел в сыскное, не политическое, отделение. Здесь он, вероятно, считал себя безопасным, так как уже не касался революции, а имел дело только с жуликами. Но когда Пресня попала в руки революции, – то и он очутился во власти революционеров, ибо он жил там в собственном доме. Зачем его «казнили»? Может быть, и не знали, что он уже не занимается «политикой», а может быть, было слишком соблазнительно для революционной рекламы «казнить» начальника Охранного отделения...

* * *

Ночь, 11 часов... Ну, кажется, надо мной нависают очень мрачные тучи. Мне дали так мало денег (75 р.), что немыслимо обойтись... Я пошел сейчас к Дмитрию Грингмуту, чтобы попросить хоть сколько-нибудь еще к Празднику. Он меня возмутил заявлением, что он ничем уже не распоряжается, что теперь все делает Николай Викторович... Жаловался, что его выживают.... Молча, «знаете – система Петровского»...[420] При том делал какие-то темные намеки и на меня...

Растревоженный, я пошел к Николаю Викторовичу... Тот сказал, что очень занят, но приедет ко мне завтра в 10 часов, ибо и сам имеет длинные разговоры...

«Да Вы скажите – о чем»

– Некогда. Отрывают ежеминутно.

«Но Вы меня интригуете»...

– Нет, уже завтра...

Чем-то разрешится этот завтрашний разговор? Во всяком случае — только чем-нибудь скверным.

20 дек[абря].

Соколов не зашел. Я его видел в редакции. Ничего толком не сказал. Денег не дает. Ничего не разберу толком.

21 дек[абря].

Николай Викторович и глаз не кажет, и денег не дает. Не могу поверить, чтобы у них до такой степени совсем ничего не было.

Между прочим, Дмитрий Грингмут говорит, что он ничуть не виновен в разорении Владимира. Владимир сам получал деньги от университета, и куда он их давал или тратил, — Дмитрию не было известно. Играл ли он на бирже, участвовал ли в каких-либо спекуляциях? Дмитрий не знает. Но бюджеты газеты и типографии вообще Дмитриевы были; ежегодно сводились с дефицитами, и Владимир покрывал их. Откуда он брал на это деньги — Дмитрий не знал. Он знает только, что Владимир платил жалование лицам, ему не нужным литературно, как Павлов или Бародовский, которые если писали, то получали гонорар. Такие лица нужны только для спекуляций.

Случайно Дмитрий узнал, что у Владимира какие-то земли на Кавказе. Откуда он взял деньги на покупку? Он не знает. Выгодна ли спекуляция или разорительна? Не имеет понятия.

И вот теперь отказывается вдруг, что у Владимира разорение, нет денег... Почему они пропали и сколько было — Дмитрий не знает. Почему Владимир внезапно почувствовал себя банкротом? Ведь он Дмитриевы дела знал, знал, что они сводятся с дефицитом, и дефицит покрывал из каких-то других доходов или сумм...

Изо всего этого ясно, что, по мнению Дмитрия, — Владимир играл на бирже и спекулировал и именно на этом теперь разорился, как прежде на этом наживался.

Дмитрий говорит, что он тут ни в чем не виновен, но приносится в жертву.

Во[т] разбери их тут. Разбери и политику Владимира Андреевича! Разбери роль и Николая Викторовича... Разбери и их обоих дальнейшие планы... Да еще и посвящен ли вполне сам Николай Викторович?

Этот Владимир — вечная для меня тайна. Сколько я ни жил около него, но вечно оказывается, что я не знаю его, не понимаю его дел, его политики.

Особенно всегда были странны для меня его отношения к Витте и его систематическая борьба против Витте? Принципы? Что же предположить? Ведь купить человека Витте всегда согласен. Значит, если он не купил Грингмута, то потому, что последний не продавал-

ся. Итак, все мои недоумения приходится объяснять благородством Владимира Андреевича. Но на множестве других лиц я этого непреклонного благородства не замечал. Почему оно проявилось только в отношении Витте? Итак, «интрансижентно»[421]? Это был для меня вопросительный знак. Вообще – я его никогда не мог знать и понимать.

Да и что такому «мальчишке и щенку», как я, проникнуть в душу и дела Владимира! Я этим и не задавался.

Но вот теперь новый факт... опала Дмитрия, нежно любимого брата, с которым он не хотел никогда расстаться. «Он Вас погубит», – говорила ему Поливанова, сообщая, что Дмитрий по глупости потратил 30 000 р. убытку.

– Ну, значит такова моя участь, – отвечал Владимир, – но я с ним не расстанусь...

Теперь – расстается и притом, по уверению Дмитрия, без вины... Как это понять и объяснить?

Я прямо не могу ничего понять, не могу пропустить суда, не знаю – совершает ли Владимир свинство или ни в чем не виноват?

Непроницаемый для меня человек. И вот теперь изволь думать что-нибудь: хочет ли он меня уничтожить почему-нибудь, просто за ненадобностью? Или этого нет у него в мыслях?

Господи, защити сам и дай мне приют в жизни! Не могу я понять «умных» людей. Думаешь честно исполнять жизненную работу... а кто их разберет, этих «умных»!

22 [декабря].

Из Соколова никак не вытяну ни гроша. Его политика – загадка. Намеки, намеки, ничего ясного. Говорит, что хочет сокращать все расходы, с ясным намеком, что и сотрудников. Ну, я не стал настаивать на более ясном, потому что он сказал, что плана не составил.

Должно быть, его мысли все идут по пути не развития дохода, а сокращения расхода. Расхода.* Много неприятностей для всех, но мало толку для дела.

Увидим, однако, что Господь даст.

23 дек[абря].

Сегодня удалось выпросить 150 р. к Празднику. Обещали дать счет. Но должны они мне еще 205 рублей (по 15 дек.).

Отправил заказные письма** Победоносцеву и А.А. Кутузову.

---

* Так в тексте *(сост.)*.

** Далее вклеены две квитанции *(сост.)*.

Расписка в приеме заказной корреспонденции № 268.
Московский почтамт Лит.
Лот.
В СПбург.

Расписка в приеме заказной корреспонденции № 269.
Московский почтамт Лит.
Лот.
В СПбург.

С Никол[аем] Викт[оровичем] Соколовым отправил Маркграфам посылку с пакетами и письмами:

1) Скворцову (между прочим, Записка о Соборе);
2) Кирееву (газету со статьями и письмо);
3) Суворину;
4) Кутузову (на 3 р. 15 к.).

Ночь. Пора спать. Все возился со счетами и подбором денег на праздничные «чаи»... Масса! Обычно выходило на все 67 р. Теперь сократил все возможное и все-таки 44. И эти сократил до последней степени, потому что, вероятно, сторож Осип, ходивший сегодня, чтобы купить подарки детям, истратил на них [нрзб.] Я не даю никаких подарков, [нрзб.] осипами[422] по 2 рубля!

[Нрзб.] грусть! Но слава Богу, что и то хорошо. А потом – сколько еще времени придется жить без получек от редакции? Приходится рассчитывать средства...

Ну, слава Богу за все. Не оставь лишь Своей милостью!

Отцы-пастыри наших дней*.

Вчера в Москву по Московско-Казанской ж.д. доставлен священник о. Казанский[423]*, арестованный в Перове на своей квартире. О. Казанский уже в течение многих лет священствовал в Перове в местном храме и был очень любим прихожанами как добрый и отзывчивый человек и хороший пастырь. Теперь, если верить слухам, его обвиняют как участника в революционном движении. В квартире о. Казанского находилась касса стачечного комитета, и он раздавал пособия нуждающимся забастовщикам и даже хранил и выдавал оружие. Говорят даже, будто бы в храме о. Казанский провозглашал особое моление за борцов свободы***.

На фабрике Асафа Баранова[424] *при станции Струнино, Московско-Ярославской ж. дор., арестовано 30 человек рабочих; кроме того арестован священник о. Рождественский****.

---

* Далее вклеены две вырезки из газеты *(сост.)*.

** На полях газетной вырезки Л.А. Тихомировым написано: «Русск[ий] л[исток] № 338 (23 дек[абря] 1905 г.)».

*** На полях газетной вырезки Л.А. Тихомировым написано: «Р[усский] л[исток] № 339».

24 декабря. Сочельник.

Вечер. Все мои разошлись по церквям. Один я дома. Не скажу, что был больным, но и не здоров, и есть даже в нынешних праздниках что-то нехорошего...

Ну, как Бог даст.

От мамы никаких известий! Давно, давно. Посылал письма. Два раза телеграммы. Ни ответа, ни привета. Писал Павловичу. Нет ответа. Или ничего не доходит!

Уж жива ли, храни Господь!

* * *

Ночь. Пора и спать, да Саша не возвращается от Сосновского, и я не уверен, что прислуга его впустит...

Сочельник провели совсем не по-праздничному. Веселья-то и не полагается, и не бывает у нас.

Но все же обычно есть настроение и подходящий ему разговор. А теперь как-то совсем будто и нет Праздника... Уж очень много тревожного, озабочивающего, и Христианского духа не достаточно, чтобы подняться выше всего этого.

Конечно, могло бы быть и хуже, а все-таки – помоги Господи! Не хватает стоять твердо среди всеобщей угрозы всему и всем. Что сделает Соколов со мной в январе? Не знаю, но он, во всяком случае, хочет уменьшить доход мой, на сколько хватит сил. Что будет у Скворцова? Ничего не знаю. Даже «Колокол»[425] сегодня не получен, и я не уверен, выходил ли он, и какова судьба моих статей. Получена ли в СПб. «Записка» моя, посланная с Соколовым? Не знаю. Как отнесется к ней Скворцов? Не знаю... Что делается с мамой – не знаю даже, жива ли она? Ни одного жизненного своего вопроса не знаю... Даже вот не знаю, что с Сашей...

И вот какое-то смущенное состояние духа... Не говорю уже о всяких «революциях»: о них я перестал думать, слава Богу, привык к тому, что думать о такой неразберихе невозможно... Но даже и то, что совсем близко задевает, – все неясно, тревожно, смутно. И вот как-то не покидает душу мысль и потом молитва, когда Ангелы пели «Слава в вышних Богу, и на земле мир, а в человеках благоволение»...[426]

А это потеря праздничного дня. Потеря вечера святого, каких в году только два... И знаешь, что не хорошо допускать себя потерять его из-за дел и забот все-таки земных, мирских. Но сознание этого еще больше смущает и растревоживает душу...

Господи, помоги мне слабому и недостойному![*]

---

* Далее вклеены две квитанции *(сост.)*.

Телеграмма. В Новороссийск.
272 Число слов 7.
Принято – р. 50 к.

Телеграмма. В Новороссийск.
273 Число слов 9.
Принято – р. 60 к.

25 декабря.

Рождество Христово. Первая весть, полученная утром из газеты, что Новороссийск – в руках революционеров и шаек имеретин и мингрельцев, которые «хозяйничают» в нем. Мама, несчастная, что же с ней? И что дальше?

Послал 2 телеграммы с запросом о ней: Мензелинцеву и Аксельбанту... Аксельбант, вероятно в шурах-мурах с революцией, авось, все знает и скажет.

На телеграфе говорили, что телеграммы будто доставят при первой возможности, потому что перед Новороссийском (черт знает где, кажется, в Тихорецке) забастовки.

Ночь. Ну вот и первый день Праздник, у меня никого не было, кроме нескольких мальчиков (Женя Грингмут, Веретников, Глубоковский[427]) да Глоба-Михаленко. Три визитных карточки!

Город очень пуст. Народу совсем мало. Куда-то попрятались. Масса войска. Конки и электрички ходят. Извозчиков крайне мало. Вообще – пустынность бросается в глаза. И это – Рождество.

От нечего делать приготовил еще две копии Записки о Соборе. Можно бы писать статьи, но для чего и для кого? О «Колоколе» ни слуха, ни духа. Вероятно, не вышел. Да и будет ли выходить?

Словно какое-то всеобщее замирание после горячишного припадка.

А потом? Вероятно – снова припадок... Глоба много шляется и много народа видит, и уверяет, что бунты возобновятся очень скоро.

Что значит эта страшная пустынность Москвы? Должно быть, масса народа разбежалась. Но почему остальные сидят по закоулкам? Должно быть, никому не весело... Ах, плохой это праздник!

26 дек[абря].

Нездоровится и скучно.

* * *

Сейчас получил письмо от Скворцова – «Колокол» вышел 24 дек[абря]. Но – странно, самой газеты я не получил...

Позднее пришел и сам «Колокол», но один экземпляр.

Получил также «ответ» Победоносцева на мое длинное письмо, в котором я спрашивал мнение его о Церк[овном] Соборе*:

Вправду ли он так ослаб или дипломатничает? Практически – это одинаково.

Праздничные выдачи я сократил, но составили все-таки много:

1) Церковь (сборы) – 3 р.
2) Духовенству – 3 $^{1}/_{2}$ р.
3) Старш. дворн. – 2 р.
4) Дворники – 4 р.
5) Старш. ред. – 5 р.
6) Рассыльные – 2 р.
7) Сторож тип[ографии] – 2 р.
8) Борис – 1 р.
9) Прислуга – 2 р. (да подарки на 7 р.)
10) Городовые – 2 р.
11) Швейцар – 1 р.
12) Газетчики – 1 р.
13) Почтам – 1 р.
14) Телеграммы – 1 р.
15) Прохор – 1 р.
16) Сергей (Абашков) – 1 р.
17) Ученики – 1 р.
18) Склейщики – 1 р.

Итого 36 р. 50 к.

Из домашних никому никаких подарков, дал только детям по 2 р., всего 8 руб.

Итого – 44 руб. 50 коп.

Обычно выходило 47 р., теперь уменьшил на 23 рубля. И то не по силам.

Хожу, пишу, читаю, а мама так и стоит перед глазами. Боже, что с ней? Жива ли? И никаких способов... Ведь и не доедешь оттуда, ни водой, ни по суху... Проклятие на этих всероссийских мучений!**

* Далее вклеена визитная карточка К.П. Победоносцева с надписью: «К.П. Победоносцев. Член Государственного Совета», на обороте которой Победоносцевым написано: «Благодарю сердечно за доброе слово к празднику. Да хранит вас Бог, Мои силы уже совсем истощаются и никуда не двигаюсь. 24 дек[абря]».

** Далее вклеены две квитанции (*сост.*)

Телеграмма. В Керчь.
377 Число слов 12
Принято – р. 75 к.

Телеграмма. В Анапа.
378 Число слов 11
Принято – р. 70 к.

27 дек[абря].

Отправил телеграммы Павловичу в Анапу и в Керчь – Савицким с запросом о маме. Сегодня же из Керчи письмо – для передачи Христине Николаевне[428]! Значит, они ровно ничего не знают о ней.

Сегодня репортер Барсов[429] сказал, что по всем больницам 1300 раненых да есть в участках. Всего, пожалуй, наберется до 2000... А сколько убитых, это не известно. Хоронили наскоро, в разных участках, разбирали и хоронили родные. Общего счета нет, а теперь уже и не может быть.

Значит, если считать по-военному, то на 2000 раненых можно предположить до 1000 убитых.

Военных судов не было, и казней не было. Но расстреливают семеновцы довольно усердно. Сегодня говорили, будто на Ходынке расстреляли 150 чел[овек]. Репортер говорит: «Ну, не 100, а поменьше». Сколько? Не знает:

По Казанской дороге больше всего, там уж, во всяком случае, несколько сот.

29 дек[абря].

Слава Богу! Телеграмма*:

*Москва из Новороссийска № 85 II 28** Д.*

*ПРАЗДНИКАМИ НОВЫМ ГОДОМ ЗДОРОВА БЛАГОПОЛУЧНО. ТИХОМИРОВА***.*

Слава Богу!

Сегодня отправил Скворцову еще 2 статьи. К обеде зашли Александровы[430] (оба), приехавшие [на] два дня.

---

* Далее вклеена телеграмма (*сост.*).

** Сверху от руки вписано карандашом: «3».

*** Сбоку приклеена квитанция:
«*Телеграмма. В Новороссийск.*
Число слов 12
Принято – р. 75 к.».

30 дек[абря].

Отправил телеграмму и письмо маме.

Прибыл Новоселов и завтра уезжает. Толковали о моей Записке о Соборе... Но, кажется, не удастся прочесть.

31 дек[абря].

Ну вот и последний день 1905 года. Проходит этот день в ряде мелких неудач. Статью Верину рассыльный не отправил, по глупости. Денег из редакции не выдают. Должны они 205 + 230 = 435 р.! Чтение мое – не состоится... Одним словом, все минусы. Даже Новоселов сейчас уехал в Волочок. Теперь 4 часа дня. Переношу последние часы года в следующую тетрадь*.

Конец 1905 года

31 дек[абря] 1905 г. 6 час[ов] вечера.

Сейчас получил № [«]Мисс[ионерского] обозр[ения»], где статья А. Платонова, резко осуждающего план Епископского Поместного Собора.

Значит редактор «Колокола» – против моей «Записки», посланной мною Скворцову и полученной им 24 дек[абря]. Конечно, Платонов ее не видал еще, когда писал свою статью, но это безразлично. Он против идеи.

Становится понятно, почему Северцов досель мне не отвечает на Записку, с 24 дек[абря] по 31 дек[абря]!

Это новая неудача, накопившаяся у меня в канун Нового года. Да, нелегко жить на свете! А «Колокол» мне нужен нынче до чрезвычайности.

Скворцов, который лично, вероятно, склонен разделять мою точку зрения, без сомнения хочет ладить со священнической партией, пользующейся благоволением и его начальника, кн[язя] Оболенского[431], и вдобавок имеющей своим сторонником его редактора Платонова. Вот он и молчит!

Досадно, кабы знать, то лучше бы и не посылать Записки. Поторопился. Лучше бы выждать. Но вот – я во всем делаю ложные шаги. Мог бы сначала сойтись ближе, а потом уже вести свою линию.

Обидно. Сглупил.

10 часов ночи. Ну, два часа осталось. Не хорош был год. Еще хуже предшественника. Чуть не все бедствия, какие только возможно, обрушил на Россию и посеял для будущего множество семян еще худших бедствий. А хорошие события? Очень мало. Может быть, страда-

* Далее записи продолжаются в новой тетради *(сост.)*.

ние, которое вразумляет. Зародыши учреждений... которыми, однако, можно воспользоваться и на спасение свое, но и на гибель... Как воспользуются русские? Бог ведает.

А если не вразумятся, то 1906 год — должен быть еще ужаснее этого.

Что Господь даст.

Лично и на мне отразилось немало общих бедствий, и вот перед лицом Нового года — я совершенно не знаю — что меня ждет: жизнь, смерть, нищета? Никаких указаний ни на что хорошее, и много указаний на бедствия. Одна надежда на Бога. Нет надежд на людей, нет таких людей, на которых я мог бы надеяться.

Но что бы ни ждало в будущем году — исповедую перед Богом — Его дивное хранение в прошлом. Среди бедствий и искушений — не послал Он ничего через силу, не допустил погибнуть. Пострадал во многом, пострадали и семейные, но в меру, все-таки выручал Господь!

Дошел до порога Нового года среди угроз нищеты и еще худших бедствий, и благодаря Бога за прошлые милости, не попустившей погибнуть, моего — не остави меня, Отец небесный, без своей милости на предстоящее угрожающее и тяжелое поприще 1906 года!

1906 ГОД

1 января 1906 года. Воскресенье. Ночь.

Заблаговестили к ночному молебну. Авд[отья] Лар[ионовна], Надя, Коля, Катерина и Марья ушли в церковь. Пробило 12 часов. Мы с Катей и Верой поздравили друг друга – «с Новым Годом»...

О Боже, не лиши своей милости, благослови венец лета, помоги благополучно прожить[432].

Вечер. Был у обедни. Это у меня приятная редкость за последние месяцы... В остальном день прошел тихо, но в плохих prognostica'х[433]. От Скворцова – ни строки. Неужто я себе так попортил дело? Заходил Николай Викторович. Денег не дал, и вижу, что будет упираться за каждый рубль. Но приглашал на дружеское совещание к Грингмуту, где будут: я, Нольде, Елишев и Воронов, а обсуждать будут, сколько возможно обобрать сотрудников в пользу бедного Владимира Андреевича...

Ох, плохое начало года, плохое будущее! Тяжело на старости лет. Не разберу я, совершает ли Грингмут подлость или действительно такое положение?

Написал сегодня для «Колокола» статью о бюджете.

Ночь. Весь вечер просидели Александровы, которые остались и ночевать.

Очень поздно получил самое сердечное новогоднее приветствие от Скворцова и всей редакции «Колокола». Скворцов прибавляет, что все получил и пишет письмо.

Это все очень приятно.

2 янв[аря].

С самого утра обиваю пороги у Ник[олая] Е[вгеньевича] Эренберга и Ник[олая] Викт[оровича] Соколова, выпрашивая сколько-нибудь денег из должных мне [«]Моск[овскими] ведомостями[»] 430 рублей. Эренберг еще имеет несколько совести, но ничего не может сделать без Соколова, который, по-видимому, истинный железнодорожник... Прямо, как говорится, собака.

Вот пять часов. Контора закрыта, а я ничего не имею. Между тем у них подписка хороша, и деньги, во всяком случае, имеются.

Уехали в СПб. Александровы. Я отправил 2 статьи в «Колокол», который, стало быть, теперь обеспечен до февраля.

Получил письмо от мамы, которая немножко описывает пережитое грустно-гнусное время. Заклеиваю письмо*.

28 декабря.

Здравствуйте, тысячу раз здравствуйте, мои дорогие Лева, Катя, Надя, Верочка, Саша, Коля! С Рождеством Христовым и будущим новым годом поздравляю Вас, крепко целую. Я даже не знаю, с чего начать писать; мне кажется, что это во сне. Сейчас получила вашу дорогую телеграмму, значит Господь еще не покинул нас, грешных. Как тяжко провели мы эти полтора месяца! Бойни у нас не было, но эти десятитысячные хождения с красными флагами, на которых [нрзб.] все мучительные [нрзб.] неся надписи, с револьверами и берданками наготове, хоть не от кого было защищать, они были полные хозяева города и делали, что хотели. Более всего меня удручало их хождение толпой то в летний клуб, то в народный дом; митинги иногда по два раза в день; идет это самое противное мещанство с такими лицами, что отходишь от окна. Тяжелее всего было то, что мы не имели никакой защиты: губернатор исчез давно, вице-губернатор спрятался, потому что его хотели арестовать и провести по всему городу под красным флагом, городовых прогнали, а полицмейстеру предложили в 24 часа уехать, но он их убедил, что он для них человек неопасный. Возмутительные речи доходили до моего уха и повергали в бессильную злобу, а хождения вооруженных людей с красными флагами, конечно, большое количество гимназистов и гимназисток и всяких дрянных женщин не пугали меня, но приводили в отчаяние, невыносимую грусть и, наконец, в онемение. Стали уже брать деньги со всех, получающих доход свыше тысячи. Плату распределили на четыре срока. Я как-то не попала, слава Богу, отбывать повинность этим негодяям, а Пенчуя приговорили к 400 р. 100 он уже внес, батюшка тоже не оставил, но теперь это все, Бог даст, прекратится, благодарение Богу и опять вступит в прежние права. Третьего дня прибыл генерал Преновальский, отбирал оружие, а сего дня объявил себя временным военным генерал-губернатором. Наклеены обыкновенные объявления по этому случаю, много отобрано оружия, много арестов. В числе арестованных г. Нестеров с супругой. Он доктор и живет в прекрасном собст[венном] доме. Он все ораторствовал: «Мы только тогда успокоимся, когда вся царская фамилия будет плавать в своей крови!» Сосед наш слепой Грозинский тоже оказался большим революционером и сопровождаемый жидами ездил в Кириловку и Мефодиевку отбирать оружие. Вчера вечером его хотели арестовать, но он страшно испугался, улегся в постель и сказал, что он очень болен, и его оставили. Хорошо, что напугали, а

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

[то] он языком своим и в тюрьме был бы вреден. Храни вас Господь, мои дорогие! Даже не верится, что я вам пишу. Любящая мама и бабуня.

*Х. Тихомирова**.

Вечером были преосв[ященный] Никон и арх[имандрит] Анастасий. Первый, по обыкновению, читал свою статью (в [«]Церк[овные] вед[омости»]). Второй имел специальную цель – затащить меня в комиссию чтений для рабочих. Оказывается, что Дубасов хочет сохранить и поддержать комиссию. Ну, это хорошо, а от участия я, конечно, отказался.

Говорили также о соборе. Анастасий говорит, что Скворцов – за собор со священниками и мирянами.

А этот кулак Соколов так и не прислал денег. Это уж даже грубое свинство. Но, конечно, мое положение от этого становится только еще более тяжелым и сложным.

3 янв[аря].

Посылал за деньгами записку. Обещали прислать через 2 часа. Не прислали. Пошел лично, и на сей раз получил их несчастные сто рублей (остались должны 340). Прямо кулаки и мерзавцы!

Был у Ф.П. Степанова.

Был у Васнецова с Надей.

С 4 $^1/_2$ до 6 $^1/_2$ «совещался» у В. Грингмута; присутствовали: Нольде, Елишев, я, Соколов и Грингмут. Ну, конечно, изображение бедственного положения и – необходимость облегчить наши карманы для спасения корабля Владимира Андреевича.

Продолжение этого покушения завтра.

4 янв[аря].

Происходило продолжение обсуждения способов сократить расходы на наш счет. Желания Николая Викторовича очень широки. Он желает из 52 000 р., выплачиваемых всем сотрудникам, урезать 18 000 р.! Эти притязания, почти грабительские, вызвали запросы: почему именно такую кару нужно взвалить на сотрудников. Потребовали подробной сметы, бюджета. Николай Викторович был неподготовлен к этому и очень подозрительно увиливал. Ясно, что он нечто скрывает. Любопытны цифры, которые он, хотя и неохотно, обнаружил.

Доход [«]Моск[овских] вед[омостей»] за 1903 г. 350 000 р., за 1904 г. 360 000 р. Каков же расход по статьям? Он этого не показал, но на со-

* Сбоку на листе приписка Х.Н. Тихомировой: «Милую Авдотью Ларионовну поздравляю с праздником Н[ового] г[ода] и целую».

трудников выходит всего 52 000 р. Следовательно, 300 000 – на остальное – и составляет доход. На типографию (по моим частным полузабытым сведениям) расход меньше (мне кажется, 36 000). Затем они говорят, что по Кочергину было 30 000 р. убытку. Но за всем тем дефицит непонятен. Положим, что типография составляет только расход (что невероятно). Выходит.

Доход – 350 000 р.

Расход – 52 000 + 36 000 + 30 000 = 118 000 р.

Куда же девается 350 – 118 = 232 000?

Соколов обещал представить завтра смету, которая все объяснит. Конечно он, очевидно, мастер, настоящий железнодорожный делец. Вероятно, подведет цифры, тем более что подлинник документов мы не можем ревизовать. Может наврать, что угодно. Однако, обнаружив указанные цифры, ему трудно заместь все следы...

Воронов говорит, что Соколов скрывает 150 000 р. Куда они девались? Спущены на бирже или перед «революцией» переведены за границу?

Прямо приходят в голову самые тяжкие мысли. Завтра должно что-нибудь учиниться.

Мой доход от жалованья и гонорара – 5900 р. Нольде – 5609. Самый богатый – Лукин: 6000 с лишним... Почему?

Значит меня хотят обчистить на 1500 р. примерно... во славу чего? Заграничного убежища Грингмута? Бог весть...

*5 [января].**

Заклеиваю точный счет долга редакции [«]М[осковских] в[едомостей»] мне.

Сегодня Николай Викторович Соколов объявил мне, а затем всем порознь, что он не будет больше собирать совещания... То-то! Скандал. Все только ухмыляются. Он говорил мне, что не может открыть некоторых цифр. Это само собою понятно, и я это знал и без него. Но чего же было пытаться одурить всех и собирать на совещание?

«Хочешь снимать рубаху – так снимай сам», – заметил Елишев, который вчера прижал его цифрами буквально к стене. Воронов дал мне сегодня записочку, насколько мог запомнить вчера цифры. Сегодня он надеялся списать их более обстоятельно со «сметы», которую Соколов обещал представить и столь постыдно не дает теперь. Но общие цифры таковы:

---

* В тексте дневника явная описка: «5 декабря» *(сост.)*.

Расход:

Редакция и телеграммы	84 000*
Типография	36 000
Бумага	20 000
Доставка	14 000
Контора, присутственных дел	26 000
Аренда	30 000
	210 000
Приход**:	360 000
	+ 150 000

Даже и тут есть сомнительность, ибо, если на гонорары и жалованье сотрудникам идет 52 т[ысячи], то откуда же «на редакцию и телеграммы» является 84 т[ысячи]? Ведь не телеграммы же стоят 32 т[ысячи]!

Но со всеми натяжками выходит, что в кармане издателя остается 150 000 руб. Откуда же «дефицит», для погашения которого нужно обирать сотрудников?

«Как Вы понимаете: что за причина этого?» – спросил я Воронова. «Что я думаю? Да очень просто: Грингмут хочет получить еще больше»...

Встретил потом Дмитрия Грингмута. Спрашиваю: «Что же Вы остаетесь здесь или уходите?» Оказывается, что он не знает, ему ничего ясного не говорят. О совещаниях он даже не знал: «И мне не предложили участвовать. Не обидно ли это?»... Еще бы! Конечно, свинская обида!

6 января.

Крещение. Вечер.

Ну вот и кончились праздники. Не много в них было праздничного и много раздражающе-неприятного. Темно будущее!

Вчера вечером был Корнилов. Проектирует у себя вечером с разными, по его мнению, нужными людьми... Его цель – познако-

---

* Приписка Л.А. Тихомирова: «В том числе на сотрудников – 52 000 р.».

** Приписка Л.А. Тихомирова:

«По приходу:

а) объявления – около 270 000

б) подписка – более 60 000

в) розница – не помню

г) контрагентство – не сказал

д) типография – не сказал

Объявления и подписка: 270 + 60 = 330 000 (больше, ибо оба слагаемых больше)».

мить меня с ними, чтобы иметь возможность и меня «притянуть» к газете, которую он надеется, б[ыть] м[ожет], основать с ними. Я должен буду прочитать реферат.

Для молодого такие перспективы могли бы быть очень хороши. Для меня горько, что даже такие жалкие надежды на такую ничтожную роль и крохи пропитания — уже должны меня радовать.

От Скворцова — ни строки. А № 4 «Колокола» высказывается за собор с мирянами, то есть против меня. Значит, есть сильное разночтение, которое уже отрезывает меня от большой интимности и с этой газеткой... Эх, ма! Не дает мне Господь места на свете. Мрачно и мрачно будущее!

Получил письмо от Киреева. Характерно, хотя натурально. Жалкие попытки «помощи»! И где же взять большую? Я ему ответил, что сотни рублей мне не помогут. Но признак (какой бы то ни было) внимания свыше может быть полезен именно для нахождения места. Что касается разрешения редакторства, то не только министры, но и царь не могут этого сделать, раз издан этот нелепый закон.

В 1877/78 годах суд по делу 193-х[434] меня осудил за такие пустяки, о которых нынче и дел не возбуждают[435]. Суд ходатайствовал о внесении в наказание предварительного заключения (четыре года, три месяца и семь дней!). Но я не оправдан, а посему не имею ни прав избирателя, ни права редакторства. Это было 30 лет назад, но давность отвергнута законом Николая II. В 1887 г. имп[ератор] Александр III повелел «предать забвению» мои политические грехи. Но Николай II вспомнил их, и его закон объявил, что ни высочайшие манифесты, ни повеления не восстановляют этих прав, хотя я раньше имел их. Закон Николая II обратным действием лишил меня моих прав. Что же может сделать теперь министр или царь?

Итак, ответил я в заключение, мне нельзя помочь иначе, как отыскав место служебное.

Господи, что это за несчастный царь! Меня просто до боли огорчает, что он только делает. Сам лишает себя самодержавия и в то же время издает законы с обратным действием! Горько видеть, что подобные невообразимые законы издаются им, и это для обеспечения свободы и прав!

За что он меня уничтожил? Ну сам себя уничтожает — его воля. А меня-то? За что? Просто руками разводишь. И он хочет перестроить всю Россию, замыслил «великое дело»!.. Конечно, он вообще все уничтожает с этими великими замыслами, но это лишь усиливает горечь и горесть!

Вот какими словами и размышлениями приходится заканчивать праздники 1906 года. Ни луча света не проникает ко мне ниоткуда, и черный мрак все гуще окутывает и удушает меня.

7 янв[аря].

Получил письмо от Скворцова. Просит приехать и сообщает, что сам 10-го едет сюда. Ответил телеграммой.

Николай Викторович, наконец, объявил свою резолюцию: у меня отнимается 1200 руб. в год! Награда за усердную службу. Сверх того теперь, конечно, будет еще меньше передовых.

Грингмут сегодня имел со мной продолжительный разговор, прося меня поискать способов его выручить через пособие каких-либо людей, ценящих [«]Моск[овские] вед[омости»]. Он уверяет, что разорен. Вероятно, и действительно нет денег. Но куда он их девал? Практически это, конечно, все равно. Мерзко то, что мы все должны от этого так страшно потерпеть. Легко сказать 25% жалованья! Да они собираются уменьшить и гонорар, сократив сотрудничество мое... Так это выйдет чуть не на половину![*]

3-го янв[аря] 1906.

Милые, дорогие мои, Катя и Лева,

Отрадно было уже видеть ваши дорогие строки, только что-то от Манечки[436] нет письма. Я одновременно ей послала и письмо и телеграмму, как и вам; нужно было бы уже получить. Очень трудное время пришлось пережить и нам. Хоть и не было у нас никакого погрома, но мы жили как невольники, и мысль, что ниоткуда нет помощи, удручала и отразилась на моем здоровье. Теперь, благодарение Господу, мы вдохнули свободно, и новый год я встретила с радостной, облегченной душой! Дай Бог, чтобы этот год и для всех русских людей был бы отрадным и чтобы Господь свой справедливый гнев переменил бы на милость. Целую всех, мои дорогие. Теперь я, слава Богу, здорова, а то была на праздниках в лихорадке. Храни вас Господь милосердный! Сердечно вас любящая, день и ночь молящаяся о вас мама

Х. Тихомирова.

3-го янв[аря] 1906.

Милый, дорогой Саша,

Крепко тебя целую и в свою очередь поздравляю с Н[овым] годом: да пошлет Господь нам его более милостивым и умиротворяющим, а не таким, как прошлый, изнуривший бедную Россию. Да, видимо, это было послано Господом справедливым в наказание забывшим Его православным христианам! Наказание было ужасное, но заслуженное! Да простит нас Господь! С радостию вижу, что теперь церк-

---

* Далее вклеены два письма *(сост.)*.

ви наши всегда переполнены молящимися, и о. Владимир подтвердит это. Вчера он с матушкой были у меня. Вообще все знакомые меня часто посещают. Вы в Москве тоже пережили ужасное время. Дай Бог, чтобы все это уплыло вместе со старым годом в вечность! Храни тебя Господь, дорогой Саша! Крепко целую тебя. Твоя бабика.

Дорогой мой Колечка! Благодарю тебя за поздравления и тоже поздравляю тебя с Новым годом. Теперь у нас, слава Богу, в городе все спокойно теперь, славные казаки ходят по улицам; в женск[ой] гимназии помещается генерал-губернатор со штабом во дворе у губернатора служеб[ном] помещаются тоже помощники-казаки и в том флигельке, что их и наш. Их вообще хорошо разместили и хорошо кормят. На душе легко и весело после ужасного гнета; дай Бог, чтобы он и везде радостное начало положил, как у нас, после гнета революционеров. Храни тебя Господь, милый Колечка! Так приятно было мне видеть ваши дорогие строки. Крепко целую тебя. Твоя бабуня[437].

*Х. Тихомирова**

8 января.

Служили панихиду по отце моем и Катиной матушке. А бедного своего Владимира я и позабыл! Непростительное это свинство. Бедный, и жизнь прожил неудачно, и кончил ее как не дай Бог никому, и по смерти – забыт. Нехорошо! Просто искушение. Прости меня Господи и вспомни усопшего несчастного раба твоего Владимира...

Больше ничего не было за день. Занимался статьями для «Колокола» да Запиской о поместном соборе.

На завтра – 9 янв[аря] – ожидаются революционные демонстрации в память гапоновских жертв, погибших при известном усмирении этого странного «петиционного бунта».

Скучно как-то и нехорошо на душе. Хоть бы Господь внял моей молитве – сколько-нибудь приблизил меня к себе. Среди людей все так тяжко, так безумно, кроваво... Наконец, просто бессердечно и тоскливо...

10 янв[аря].

Мучаюсь с устройством своего чтения. Не согласишь всех лиц и условий! Время масса уходит, измучился, а толку нет.

Вдобавок Кузнецов получил от Скворцова письмо, что он едет сюда 15 янв[аря]! Ну – так и есть. Он сюда, а я в Питер. Назло даже не сумеешь устраивать неприятностей!

---

* Сбоку на листе приписка Х.Н. Тихомировой: «Дорогую Авдотью Ларионовну крепко целую и поздравляю с Н[овым] г[одом]» *(сост.)*.

11 янв[аря].

Насколько мог, уговорился и назначил чтение у себя на пятницу (13 янв[аря]) и разослал приглашения. Вероятно, соберется мало, но что делать? Все-таки будет прочитано, и я могу ехать в СПб. или послать туда записку, если бы не поехал лично. Читал брошюру еп[ископа] Сергия Финляндского[438] о Соборе. Теоретично, книжно. Практического глазомера нет. Малодушия много. Подчинение «мирским» точкам зрения...

Сегодня не было петербургских газет (кроме [«]Прав[ительственного] вестн[ика»]). Значит, «товарищи» наборщики почтили бездельем память жертв 9 января. Они теперь все свои чувства выражают тем, что не работают. Гнев, радость, печаль, негодование, благоговение – все выражается покиданием работы. Программа Толстого всецело принята благодарным отечеством: правительство взяло на свою долю «непротивление», а народ – «неделание»[439].

12 янв[аря].

Отдал вид Кати для возобновления.

Заходил Шечков[440]. Он теперь путивльский предводитель и был здесь на съезде. Завтра будет на моем чтении. Рассказывал, что Алехин совсем связался с революционерами и что краснофлажная демонстрация была устроена с его помощью...

Бедный, бедный Аркадий! Не думаю, чтобы он был сознательно продажный человек. Но пошел стричь и вернулся остриженным! Не хватило ни ума, ни характера управлять движением. Может быть, добьется карьеры, но совесть свою загубил. Ведь он «самодержавец», был им всего год назад... Бедный Аркадий!

Скворцов телеграфирует, что будет 15 числа. Опоздает на чтение. Новоселов обещал быть уже сегодня, но не зашел... Может быть, у Кузнецова?

13 янв[аря].

Состоялось мое чтение.

Были: 1) еписк[оп] Никон;

2) арх[имандрит] Анастасий;

3) о. Иосиф;

4) Дурново Н.Н.;

5) Клавдий;

6) m-me Фудель[441];

7) Новоселов;

8) Елена Флорещ;

9) молодой Шервуд;

10) Пясковский;
11) д[окто]р Богоявленский Ник[олай] Фом[ич];
12) С.А. Петровский;
13) Г.А. Шечков;
14) Г.П. Георгиевский;
15) арх[имандрит] Иаков;
16) Ф.П. Степанов;
17) Н.Д. Кузнецов.

Не прибыли: А.И. Введенский, Бриллиантов[442], двое Хлудовых, двое Тиличеевых, Мамонов, Корнилов, Заболоцкий, о. Петр Зверев и Скворцов.

Итого было 17, не пришло 11, то есть почти половина. Но все-таки было очень оживленно.

14 янв[аря].

Приехал Саша. У них лекции начались, но будут ли продолжаться – трудно сказать.

Новоселов ночевал и убежал. А между тем приехал Скворцов. Он был у меня утром, а потом и перед отъездом в Рязань. Перетолковали об очень многом, касающемся газеты. Между прочим, условились относительно моей работы. Я ему должен поставить в месяц десять передовых статей по политическим и экономическим вопросам. За это я получаю ежемесячно 150 р. Сверх того я могу иметь от 1 до 4 фельетонов «Беседы с читателями» (от 200–300 строк по 8 к[опеек] строка).

Это мне, конечно, пополнит убытки, произведенные «Московскими ведомостями». Но я возлагаю на себя тяжкий труд. Хватит ли сил?

Говорилось также о работе Веры и даже Нади... Если бы мне удалось доставить им прибыльный заработок, то, конечно, это было бы большое счастье.

Расстались друзьями. Да, сказать правду, он мне и понравился. Помог бы только Господь укрепиться газете. Теперь, то есть через три недели подписки, «Колокол» имеет свыше 2000 подписчиков. Это недурно...

15 января.

Собираюсь завтра ехать в СПб. Здешние дела свои устроил. Грингмут не только не препятствует, но дает разные поручения. Остается получить деньги (расчет в конторе не сегодня, а завтра)... Но кишки мои очень неблагонадежны и того гляди разрушат все мои планы. Я собираюсь ехать с Верой, которая предполагает остаться там пожить у Маркграфов... Ну, как Господь даст, так пускай и будет.

16 янв[аря].

Понедельник. Собираюсь сегодня ехать. Вот не знаю, как устроюсь с деньгами. Укладываюсь.

Саша уехал в академию.

Грингмут сообщил, что сегодня во всех гимназиях подготовлены беспорядки по случаю нарочно выдуманного для этого слуха об исключении воспитанников 10 гимназий...

Ночь, 11 часов. Не мог уехать, пот[ому] что не достал спального места. Решил ехать завтра в 4 часа дня.

17 [января].

Какое-то неудачное путешествие! Ночью очень сильно болел живот, схватками. И утром нехорошо... И все-таки послал Василия за билетами. Что-то дальше Господь пошлет?

28 января.

Возвратился из СПб. Уехал в СПб. из Москвы 17 января с Верой и с Нилусом, нечаянно подвернувшимся. В СПб. очень много бегал по множеству дел духовных, гражданских и личных. Хронология важнейшей беготни такова:

18 янв[аря]. Среда. Отец Кронид[443]; затем «Колокол» (Скворцова не было в СПб.); митрополит Владимир и у него еп[ископ] Трифон (ужин, архиерейская карета), разговоры о соборе.

19 янв[аря]. Четверг. Победоносцев, Писаревы, Суворин, «Колокол». Суворина не застал.

20 янв[аря]. Пятница. Ширинский[444]. Справка о мин[истерстве] внутр[енних] дел. Дома.

21 янв[аря]. Суббота. Киреев у меня.

22 янв[аря]. Воскр[есенье]. У Трепова в Царском Селе.

23 янв[аря]. Понедельник. У Ширинского. У Скворцова (он приехал в пятницу, известил меня в субботу, но я уже не мог быть). Аудиенция у мин[истра] внутр[енних] дел.

24 янв[аря]. Вторник. Скворцов (у него Новоселов) с Верой. Визит к Бельгарду[445] (в 3 часа). Волков у меня. Вечер. Обед у Шаховского[446] (Новоселов, Гофштеттер). Новоселов уехал с обеда в Волочок.

25 янв[аря]. Среда. У Ширинского. Скворцов. Митрополит Антоний. Дома Ольга Щастливцева.

26 янв[аря]. Четверг. Именины Маши. У Победоносцева. У Скворцова. У Феофана[447]. У Скворцова были Соколов, Ефрем, протоиер[ей] Восторгов[448]. Затем дома на обеде был Тяпкин и прочие.

Пятница. 27 янв[аря]. Выезд из СПб. Веру оставил. Дал ей 50 р. (да своих у ней около 10).

Сегодня в субботу 28 янв[аря] прибыл в Москву.

В Петербурге: Маша отдала мне долг 40 руб.; Скворцов гонорар за январь 178 р. и Надя 20 р., всего 198 р.

Из Москвы с собой взял 150 р. Потратил очень много (около 100 р.).

Очень утомлен, так что впечатлений не могу записать. А наблюдений немало.

29 янв[аря].

Владимир Андреевич уехал в СПб., откуда 4 февраля приедет на собрание своей партии и снова уедет в СПб.

Вечером заходил Кузнецов.

Сегодня получил из конторы 120 рублей: последний остаток их долга мне за прошлый год. При этом, кажется, мне следовало 125... Ну да уж Бог с ними!

30 янв[аря].

Заходил ко мне бывший эмигрант Бурцев[449], после двух писем (которые заклеиваю). Просит оказать содействие его изданию посильными сведениями. Кажется, очень увлечен своей идей. Что же? Дело полезное. Все же немаловажная страница истории.

Только мне некогда этим заниматься, да притом – если важен и возможен сбор материала, то очень трудно его опубликование. Это я ему и высказал. Впрочем, в мелочах не отказываю в содействии.

Он рассказал немало интересного о старых товарищах, теперь выпущенных из Шлиссельбурга. Они живут, однако, под очень строгим надзором.*

Редакция журнала «Былое»[450]
С.-Петербург
Спасская ул. д. 25 кв. 20.

25 января 1906 г.

Лев Александрович!

Сегодня вечером я выезжаю из Питера в Москву, – и мне очень хотелось бы побеседовать с Вами о «Былом», – тут бы нашлось у меня многое, многое, насчет чего я хотел бы попросить у Вас сведений и разъяснений.

* Далее вклеены два письма на бланке *(сост.)*.

Наш журнал одной из своих целей ставит изучение движения за 1879–1882 гг., как Вы это можете видеть из только что вышедшего 1-го № «Былого».

Я остановлюсь в Москве в меблированных комнатах Мамонтова (близ Кремля, Раушская набережная).

Если Вы сочтете возможным побеседовать со мной, прошу назначить мне свидание – где Вам угодно: или у меня, или у Вас, или где-нибудь в ином месте.

Если будете писать, прошу известить меня заказным письмом.

В Москве я пробуду очень недолго, – и потому я прошу Вас дать мне ответ немедленно.

Готов к Вашим услугам,
Влад[имир] Бурцев.

Редакция журнала «Былое»
С.-Петербург
Спасская ул. д. 25 кв. 20.

28 января 1906 г.

Лев Александрович!

Я приехал в Москву и был очень рад получить от Вас ответ на мое письмо.

Мне бы очень хотелось поговорить с Вами о «Былом». В понедельник с 5–6 ч. вечера я свободен. Прошу известить меня заказным письмом или телеграммой.

Готовый к Вашим услугам Вл. Бурцев.

P. S. На воскресенье до понедельника я уезжаю в провинцию.

*В Москве я остановился в Мамонтовских номерах на Раушевской набережной.**

1906 г. ***1906 г.***

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«БЫЛОЕ»

Журнал будет издаваться под редакцией В.Я. Яковлева-Богучарского[451] *и П.Е. Щеголева*[452] *при ближайшем участии В.Л. Бурцева.*

* Далее вклеена отпечатанная типографским способом реклама журнала «Былое» *(сост.)*.

Журнал внепартийный и посвященный истории освободительного движения в России. Издаваться он будет по следующей программе.

Статьи и исследования по истории освободительного движения в России.

Биографии деятелей движения, воспоминания о них, их собственные мемуары, дневники, письма, статьи, стихотворения и проч.

Документы и другие материалы, касающиеся движения.

Отдельные факты и эпизоды из истории движения.

Историческая библиография.

Современная летопись (регистрация главнейших фактов современного движения).

В журнале будут помещаться портреты деятелей освободительного движения и рисунки, изображающие различные эпизоды из истории освободительного движения.

В журнале принимают участие:

М.А. Антонович[453]*; кн[язь] А.М. Аргутинский-Долгоруков*[454]*; М.Ю. Ашенбреннер*[455]*; В.Я. Богучарский; В.Л. Бурцев; С.А. Венгеров*[456]*; М.О. Гершензон*[457]*; С.Я. Елпатьевский*[458]*; А.И. Иванчин-Писарев*[459]*; Д.А. Клеменц*[460]*; А.А. Корнилов*[461]*; Е.Д. Кускова*[462]*; М.К. Лемке*[463]*; Г.А. Лопатин*[464]*; В.П. Махновец (Акимов*[465]*); П.Н. Милюков*[466]*; Н.А. Морозов*[467]*; Н.П. Павлов-Сильванский*[468]*; Л.Ф. Пантелеев*[469]*; А.П. Прибылева-Корба*[470]*; С.Г. Сватиков*[471]*; В.И. Семевский*[472]*; А.В. Тырков*[473]*; М.Ф. Фроленко*[474]*; кн[язь] Д.И. Шаховской*[475]*; П.Е. Щеголев; В.В. Хижняков*[476]*; В.Е. Якушкин*[477] *и др.*[*]

Журнал будет выходить начиная с января 1906 года, ежемесячно книжками в 20 печатных листов каждая.

Цена с пересылкой и доставкой: на год – 8 руб.; на 1/2 года – 4 руб., на 3 мес. – 2 руб.

Подписка принимается в конторе журнала: С.-Петербург, Спасский переулок, дом 5, кв. 1. Книгоиздательство «Донская Речь».

Адрес редакции: Спасская улица, д. 25, кв. 20. Для личных объяснений с редакторами – ежедневно (кроме праздников) от 2 до 3 час. дня.

Редакторы: ***В.Я. Богучарский, П.Е. Щеголев***
Издатель ***Н.Е. Парамонов***[478]

Тип. Шмидт, Звенигородская, 20, СПб.

* Внизу В.Л. Бурцевым приписаны фамилии. «Короленко, В. Водовозов, Лев Гозман, Сер. Иванов, Софья Иванова, М. Гоц. Попов, Якубович, Чудновский, Кудрин, Пургавин и др.».

31 янв[аря].

Сегодня Соколов сам додал 5 руб.: оказалось, что действительно следовало мне 125, а не 120 р.

Получил письмо от Киреева. Заклеиваю его...*

Павловск.
28 [января].

Многоуважаемый Лев Александрович.

В Земск[ом] отделе (минист[ерства] внутренних дел) открылась должность архивариуса. 1800 руб. (но нет квартиры). Зато – Вам решительно нечего делать. Это синекура! Стало быть, Вы можете заниматься сколько угодно и какими угодно и где угодно писаниями.

Думается мне, что этим пренебрегать не следует. Положим, 1800 р. не много – но за 800 р. можно иметь квартиру где-нибудь на линии конки. Архивариусы обыкновенно несменяемы. Доживают до глубокой старости. Все же – казенное место! Начальник – Гурко[479] *– очень умный человек!*

Жду Ваших соображений и ответа.
Ваш А. Киреев.

Конечно, место соблазнительное. Но как прожить с моей семьей на 150 рублей? «Колокол» – не более как опыт. Проживет ли хоть год? Уживусь ли я у Скворцова? А у «Московских [ведомостей]» придется бросить 3600 р. жалованья да квартиру (превосходную).

Ответил запросами: когда нужно переходить Рубикон? Хочу подумать и взвесить...

Вечером было мое чтение Записки о соборе у Корнилова. Были: Федор и Петр Самарины, Дмитрий Алексеевич Хомяков, Бартенев[480], Мансуров[481], Голицын, Самоквасов[482], Кожевников[483], Петровский, Кузнецов, Елишев и еще не помню...

3 февраля.

Приехал Новоселов. Я занят статьями для «Колокола», но подвигается туго. Вообще это истинная каторга «подрядиться» на 10 статей в месяц. Совсем не в моих способностях.

4 февраля.

Ночь. Приехал и Грингмут. Но я не добился свидания. Все бегает. По-видимому, нарочно устроил так, чтобы увидеть меня ми-

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

моходом, когда я был с Никольским. Да и тут был нелюбезен (а с Нольде целовался и усиленно благодарил). Вероятно, я ему оказал действительно серьезную услугу в СПб., и он теперь старается, чтобы я «не зазнавался»... Обычная его манера.* Ну да Бог с ним. Я ведь это заранее знал. Ничего не поделаешь, и такое иго наложено на меня не им, а Богом, «для смирения»...

Завтра у них огромное собрание их Монархической партии. Приглашают и не членов (Введенского, Воронова). Но меня не пригласили. Я бы, конечно, не пошел, но все-таки свинство.

Сегодня Д.Д. Языков[484] доставил мне рецензию Гофштеттера о моей «Монарх[ической] государственности» (иллюстрир[ованное] приложение [«]Нового времени[»] № 10635). Спасибо обоим.

Сегодня я был у Васнецова и сделал ему первый взнос из чистого дохода «Мон[архической] госуд[арственности]» – 53 рубля – всего пятьдесят три!

5 февр[аля].

Вот и наклеветал я на Владимира Андреевича. Сегодня (воскресенье) пошел, было, в церковь, а по дороге перехватил посланный от Влад[имира] Андр[еевича]: зовет к себе. Ну, и целых 1 $^1/_2$ часа подробно рассказывал свои питерские похождения, совершенно потоварищески...

Ну, тем лучше! Между прочим, оказывается, что я ему подготовил почву очень недурно. С Дурново они сошлись хорошо, а раньше даже не были знакомы.

Ночь. Вечером заходил опять Бурцев на возвратном пути в СПб. Он, кажется, всецело занят своим изданием «Былое» и от политики (активной) отказался. А м[ожет] б[ыть], и врет, конечно... но мне это все равно[485].

Сегодня окончил еще три статьи в «Колокол»... Это, однако, очень тяжкая и истощающая барщина – 10 статей ежемесячно... и это за полтораста рублей! А ничего не поделаешь. Грингмут так меня обчистил, что надо где-нибудь добывать средства к жизни.

Получена телеграмма, что мама выехала из Новороссийска в 1 ч. дня. Значит, здесь нужно ее ждать во вторник или среду.

6 февраля.

Сегодня вечером было у меня маленькое совещание о том, как достигнуть приглашения на собор порядочных мирян и священников. Были Кузнецов, Новоселов, С.А. Петровский, Владимир Александрович Кожевников, Павел Борисович Мансуров и о. Иосиф Фудель.

---

* Далее тщательно вымарано предложение *(сост.)*.

Корнилов не пришел, потому что у него прием больных, а Фил[ипп] Петр[ович] Степанов находится в отъезде.

7 февр[аля].

Ждал маму, но не приехала... Посмотрим, что Бог даст завтра?

Сегодня Грингмут уезжает в СПб. У них там четырехдневный конгресс [«]Русского собрания[»][486] с союзниками. Монархические демонстрации. Вчера грингмутовская «Монархическая партия» в Историческом музее – свыше 800 человек. А теперь в СПб. ...

Забыл я записать насчет СПб. Оказывается, что я, быть может, спас Грингмута от большой опасности. Дня через два после моей «аудиенции» у Дурново Витте собрал своих министров и жаловался на Грингмута за то, что он «нас поносит». В наказание предлагал <u>отнять у него казенные объявления</u>... Это было бы ему прямо смерть... Но министры, <u>особенно Дурново</u>, воспротивились, и предложение премьера провалилось.

Еще рассказывал Грингмут, что в Царском Селе он случайно попал к Ломану (первый раз познакомился), и оказалось, что как раз в этот день к Ломанам приехал служить молебен о. Иоанн Кронштадтский... Грингмут ему жаловался на свою судьбу...

О. Иоанн много молился о нем. Вспомнил и <u>обо мне</u>, тоже молился и поручил передать мне его благословение... Добрый он. Спасибо. А нужна его молитва очень. Хоть бы услышал ее Господь!

<u>Ночь.</u> <u>Вечером благополучно прибыла мама</u>.

Грингмут уехал в СПб.

10 февр[аля].

Вчера был у меня протоиерей Иоанн Иоаннович Восторгов... Весьма способный и интересный человек.

Сегодня я подал в городскую управу свою избирательную карту с разъяснениями на пункт II (нет ли ограничений по статье <u>седьмой</u> «Положен[ия] о выборах в Госуд[арственную] думу»).

14 февраля.

Письмо Суворина. Есть слух, что он перебирается в Москву и основывает здесь новую газету.*

Да, Лев Александрович, «вот тебе и освободительное движение»! А что делать? Потеряли кампанию. Вот в чем беда! Куропаткина заменили Линевичем, который и сапог куропаткинских не стоит, хотя Куропаткин не стоит скобелевских сапог[487]. Откуда эта бездарность? Ведь и в освободительном движении нет никого. Ведь

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

это – продолжение японской войны внутри России. Это как бы японцы, подходящие к Москве и пославшие туда авангард свой. Хорошо, что их вздули тут, и не была оставлена Москва неприятелю, как было в 12-м году. Жить очень трудно и очень скверно. Мне очень жаль, что я с вами не увиделся. Поеду в Москву, зайду к вам. «Колокол» недостаточно жив. Теперь спокойно-рассудительное совсем не приемлется. Жалею, что мне 71, а не 61. Мои годы – годы отступления к могиле, и меня хватает только на минутные вспышки и на сожаления о том, что нет дарований. Ведь совсем нет. Куда подевались русские таланты? Все пока старики. А необходима не реставрация, а возрождение. Чем же возрождаться, когда нет талантов? Ведь это все равно, что войско есть, а нет ни офицеров, ни генералов. Россия будет разбита и в эту кампанию, и победителями будут тогда японцы, да еще немцы, одни с востока, другие с запада. Пикнуть нам не дадут. Один расчет на какой-нибудь необыкновенный случай. Будьте здоровы.

Ваш А. Суворин.
12 февр[аля] [1]906 г.

15 февраля.

Приехала Вера.

17 февраля.

Завтра мои именины...

А обстоятельства скорее омрачаются... Киреев ни слова не отвечает. Ясно – обиделся, что я не схватился за место архивариуса! Осмелился не оценить хлопот Александра Алексеевича... Хотя это и очень неосновательно с его стороны, но значит – я потерял Киреева, и уж в случае какой хочешь нужды он не возьмется помогать.

Итог – чистый минус.

С «Колоколом» у меня едва ли не разлаживается дело. Моих статей не помещают, а помещают противоположные по смыслу... Боюсь, что даже и в этой газете судьба меня только подразнила надеждой. Досадно мне на Скворцова, но в сущности – он есть то, что есть. Развитости мало.

Ну, однако, как никак, и тут у меня намечается, вероятнее всего, некоторый минус...

А плюсов нигде не вырастает, не заметно даже...

Видно воля Божия... Ну что же – молишься «да будет воля Твоя», так и принимай волю Божию... Дай, Господи, силу принять и нести крест свой!

А мне жаль Киреева. Хороший человек. Уж хоть бы сердечно помирился со мной... Уж Бог с ними, с услугами, а так – просто, без услуг, остался бы приятелем.

18 февраля. Суббота.

Мои именины. Никого, кроме Иосифа да Клавдии, Мотовиловой и Глубоковской, не было. Даже Владимир Андреевич и Маша не прислали поздравлений. Впрочем, день прошел благополучно, по-христиански.

Мама, Катя, Надя и Саша приобщались Св[ятых] Тайн.

Пошли, Господь, и нам!

Печальная весть. Вчера скончался безболезненно, после исповеди, у престола, с крестом в руках[488] о. иеромонах Варнава[489]. Завидная кончина, но больно, что уже нет отца Варнавы... Покидают нас святые Божии. А где им смена?

Осиротела Гефсимания[490].

19 февраля.

Получил письмо от Киреева... А предыдущего, самого-то «уведомления» – нет! Этакое искушение.*

17 ф[евраля].
Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович,

Я отправил Вам вчера уведомление, полученное мною от Бельгарда. Вы, стало быть, можете быть издателем или редактором любой газеты.

Вы, по-видимому, очень дорожите этим правом, но ведь одного права недостаточно! Нужны сотрудники и деньги. Имеете ли Вы их в виду?

Перехожу к службе. Видел сегодня Гурко. Он говорит:

I. Диплом Ваш годится и достаточен для штатного места архивариуса.

II. Подождать можно, но, конечно, не слишком долго, не потому что спешно нужна Ваша работа, а потому что могут возникнуть конкуренты на это место, очень спокойное и приятное.

III. Дело сделается очень просто и скоро. Вы подадите прошение и будете зачислены на службу.

IV. Архив земск[ого] отдела помещается у Чернышева моста (мин[истерство] внутр[енних] дел). Конки недалеко, пароходы. 4 этаж.

V. Служба самая льготная: несколько часов в месяц.

VI. Можете иметь и другую службу, насколько сие допускается вообще служебными уставами о гражд[анской] службе. Для частных занятий – времени масса.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Насколько долговечен сам Гурко — сказать трудно. Он было ушел из-за размолвки с Дурново. Но дело уладилось. Это большая рабочая сила, и им будет дорожить всякое министерство. Но ведь Вы, по-видимому, сошлись и с Дурново?

Вот ответ, но, конечно, прежде, нежели решиться на что-либо, Вам необходимо самому предварительно приехать и познакомиться и с местом и с людьми.

Искренне Ваш,
А. Киреев.

Слова Киреева мне кажутся совершенным вздором. Закон слишком ясен. Тем более интересует меня, что такое может быть в уведомлении Бельгарда, столь будто бы радикально перерешающем вопрос? И вот его-то именно и не получено! Положим, совершенно невероятно, чтобы там было что-нибудь действительно путное, но все-таки важно знать...

20 февр[аля].

«Уведомления» Бельгарда все нет. Послал письмо об этом Кирееву.

Я опять вожусь с зубами, и при самых скверных условиях. Фишер начал реставрировать зуб (это со старой, разрушившейся пломбой) и сам заболел. Он теперь в клинике, а меня сдал дочери. Сегодня она отказалась пломбировать, говоря, что это «что-то странное», и предложила ждать самого Фишера... А он предполагает выйти из клиники только в понедельник (то есть через неделю)...

Прямо скандал. И что такое в этом зубе? Уж не перешло ли на челюсть?

Саша сегодня уехал в академию. Думал попасть на похороны старца Варнавы.

А Грингмут все бегает по Питеру. Ну что ж, пусть бегает.

22 февраля.

Грингмут приехал.

23 февраля.

Письмо от Киреева.*

Я Вам переслал (не заказным) уведомление (меня) Бельгарда о том, что, по собранным сведениям (в Деп[артаменте] полиции), никаких препятствий к изданию и редакции Вами газеты не оказыва-

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

ется. Это письмо я Вам переслал в оригинале, надписав карандашом: «Вот Ваша Magna charta...»[491] *Это письмо – все, что мною по этому делу получено. Кажется, я на конверте прибавил «Экстренно» (??)*[*]*. Справьтесь в почтамте, – может быть, письмо мое попало в перлюстрацию.*

Ваш А.К.

Чепуха эта «перлюстрация»! Кому нужны эти сведения? Хотя и странно, что пропало именно <u>это</u> письмо.

Но неужели Бельгард действительно писал только такую пустопорожность? Вероятно, Киреев просто не понял.

Был сегодня портной Жарков и рассказывал о своей жизни во время беспорядков. Невоздержанный на язык и не трус, он, случалось, ругал бунтующих, и за это его раз грозили расстрелять. Говорит, что теперь по трактирам шибко толкуют о новых восстаниях, в марте.

Уж и не знаю! Агитация, конечно, пользуется всем, а публика, граждане – не развиты, не способны даже понимать прочитанного. Так, недовольны Манифестом 20 февраля, который будто бы изменил положение: прежде, дескать, Дума была вся выборная, а теперь половина членов по назначению. Это они спутывают Думу с Госуд[арственным] советом! В Манифесте говорится о том и другом учреждении. Вот уж народ и не может разобраться. Беда с гражданами! Прежде они говорили: «Мы люди темные», и были скромные. Теперь все уверились в своем просвещении и судят смело обо всем[492].

Есть слухи, что извозчики готовят забастовку, потому что недовольны строгостью полиции.

А положение такое, что начни хоть кто-нибудь «забунтовки», как они же сами выражаются, так и пойдет чесать революция.

Ходим на вулкане, и не поручишься ни за день, ни за час.

Надо бы хоть поговеть. Хоть бы Господь дал на следующей неделе. Какая тяжкая, беспросветная жизнь!

Разрывая с небесами,
Презирая глас пророка,
Мы себя предали сами
Казням гибельного рока.
Власть без мудрости и силы
В грязь втоптала честь державы,
И сдала врагу могилы
Войск, погибнувших без славы.
И народ, стыдом сгорая,

* Так в тексте *(сост.)*.

В обезумелом смятенье
По лицу родного края
Сеет мерзость запустения.
А на месте, где святыней
Укреплялись предки наши,
Поп, гонясь за благостыней,
Карманьолу[493] бойко пляшет...

Ой тяжко! Ни праздников, ни постов. Господи, давно ли было так много отрады в святой церковной жизни! И все пропадает. Вот это тяжелее всего. Ну уж политика – Бог с ней – пусть бы делали, что хотят. Но ужасно отступление от Бога! И где Бог Илии[494]? Господи, выйди на взыскание наше[495]! Очень, очень тяжко...

И вот потом будут писать о неизбежных внутренних причинах русской великой революции, будут подводить всякие глубокомысленные причины крушения старого строя. Будут говорить, что дело не в личностях, а в условиях... А вот современнику этой великой революции ясно, как 2 х 2 = 4, что не умри так рано Александр III, не разбейся так странно Георгий[496] – никаких бы революций не было. Это – fait historique acquis[497]!

Я и сам знаю, что строй политический был очень мерзок. Это я еще при Александре III говорил. И все-таки не было бы революции, и Россия мирно преобразовалась бы постепенно на истинные монархические, свободные начала.

Велико значение личности! Дайте и теперь, при всей нашей революции, крупную, сильную личность, хоть бы не крупнее Рузвельта или Вильгельма, – и все было бы устроено хорошо и мирно.

Велико значение личности. Но есть еще нечто более великое: та таинственная сторона истории, которую нынче совсем не хотят признавать.

Почему в самом деле Александр III умер так невероятно рано? Почему разбился, получил горячку и умер способнейший Георгий? Почему его болезнь сделала невозможным отречение Николая от престола, которого он не желал? Почему в это самое время в Японии происходит национальное воскресение и изумительный Муцухито[498] царствует в самом цвете своей политической мудрости?

Ведь все эти условия не имеют никакого отношения к внутренним русским условиям, а между тем они делают все. От них рухнет монархия, а через ее жалкое падение Россия будет осуждена на внутреннюю резню лет 20, если не погибнет совсем.

Рука Божия! Карающая рука! Когда-то было – рука Всевышнего отечество спасла[499], и правду чувствовал Александр I[500], увековечив 1812 г. надписью: «Не нам, не нам, а Имени Твоему Слава»... И прав-

да: спаслись невероятно, в противность всем «условиям». А теперь – оставил нас Бог. А почему оставил? Как же не видать этого, если хоть чуть-чуть в Бога верить?

Разрывая с небесами,
Презирая глас пророка,
Мы себя предали сами
Казням гибельного рока...

24 февраля.

Послал запрос Бельгарду – о чем он писал Кирееву?

Послал письмо Ширинскому с запросом, не уничтожает ли ст[атья] 60 (об обратном действии закона) ограничений, возникающих по избирательным правилам.

25 февр[аля].

В [«]Моск[овских] вед[омостях»] напечатано сегодня (№ 52).*

Петербург, 24 февраля. Вышло правительственное распоряжение о том, что депутации представляются только с ведома и согласия председателя Совета министров.

(Корр. [«]Моск[овских] вед[омостей»]).

Итак, Витте прямо взял царя под своего рода арест. Дело в следующем.

Еще после депутации [«]Союза русского народа[»] (где Никольский ругал Витте перед государем) Витте сказал, что «ну, с этими депутациями нужно покончить»...

Но когда прибыла депутация от Иваново-Вознесенка, она обратилась не к Витте, разумеется, а к Дурново, и тот исхлопотал ей прием. Витте в это время был занят какими-то экстренными делами, в Царском Селе не был и ничего не знал. В прежнее время, во время приема депутаций от московского [«]Всенародного союза[»], Витте, неведомо для депутаций, стоял в соседней комнате и все слушал. Как ни настойчиво спрашивали государя Чемодуров и Шарапов – сохранит ли он свое самодержавие – государь колебался, молчал и, наконец, произнес только: «Благодарю вас за верную службу»... О самодержавии так и не ответил...

Но на этот раз Витте, ничего не зная об иваново-вознесенцах, не был в Царском Селе. И вот, на запрос депутатов, государь ответил:

«Самодержавие же мое и неограниченность власти такие же, как были встарь»...

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Это сообщил Грингмут нам в тот же день, прибавив, что слово «неограниченность» не будет напечатано! Действительно, в газетах явилось только слово «самодержавие», а «неограниченность» была выброшена из речи царя цензурою Витте.

Так вот теперь для предупреждения подобных случаев он и постановил не допускать к царю депутаций без своего позволения.

Как понять это? Можно ли допускать, чтобы государь был до такой степени в безвольном ему подчинении? Или скорее думать, что император сам не хочет, чтобы его вынуждали на такие ответы? И в защиту себя он принимает опеку Витте? По правде сказать, что ни предположи, а печально. Очень печально. И положение получается самое неблаговидное из всех. Уж прямо бы лучше сказать, что царского самодержавия больше не существует, чем держать несчастную Россию в борьбе партий. Одни говорят: «царь самодержавен», другие говорят: «царь ограничен во власти», и спорят, будто это вопрос о египетских иероглифах, которые одни ученые переводят так, другие иначе... Что же может сильнее компрометировать власть, как такие споры?

И есть ли на свете президент республики, который бы не смел принять народной депутации без разрешения премьера кабинета?

Положение высоко невероятное, соблазнительное, создающее смуту.

С другой стороны, ясно, что теперь отношения между Витте и Дурново должны стать еще более «на ножах», чем прежде...

И это – безвыходно! С самого начала царствования нет ни одного момента, когда бы не было двух борющихся министров. Словно нарочно, да, м[ожет] б[ыть], и вправду нарочно – для того, чтобы не попасть под влияние одного кого-нибудь... Увы, в результате – расстройство правления, доведение страны до анархии, а монархии – уже почти до края гибели.

26 февр[аля]. Воскрес[енье].

Заходил (с Новоселовым) Иван Павлович Ювачев[501] (бывший долго в Шлиссельбурге и на Сахалине, ныне христианин). Хорошее впечатление.

Сильные слухи о новом предстоящем восстании. Планы революционеров – развернуть свои силы (более прежнего) и овладеть сразу управой, гос[ударственным] банком и Николаевской железной дорогой. Говорят, что власти также принимают свои меры. Начало назначалось, по слухам, на сегодня и ближайшие дни.

27 фев[раля].

Получил отказ от внесения меня в списки избирателей.

28 февр[аля].

Послал прошение в губернскую комиссию о внесении меня в списки. Послал письмо Бабушкину.

1 марта.

Ну, наступил март – месяц, в который назначено возобновление революции. Говорят, что начало назначено 5 числа...

Я с понедельника начал говение... Как то Господь даст кончить?

4 марта. Суббота.

Утро. Сейчас удостоился приобщиться Св[ятых] Тайн. Слава тебе, Христе Боже, с безначальным Отцом и святым Духом.

Отправил письмо Ширинскому о своих избирательных правах.

5 марта.

Отправлено, через Н.Д. Кузнецова, князю Шаховскому для доставления мин[истру] внутр[енних] дел прошение (о выдаче копий) с приложением объяснительного письма.

Сегодня, по приглашению Клавдия Петровича Степанова, был на редакционном его совещании. Там были – К.П. Степанов, Кожевников, Мансуров, Елишев, Корнилов – ну и я. Названия для своей газеты они еще не придумали.

За кулисами этой затеи находятся Д. Хомяков и Ф. Самарин, однако не выступающие гласно.

Просили меня сотрудничать...

6 марта.

Ночь. Однако революционеры исполняют свое обещание. Сегодня, сейчас, выйдя на двор, увидел наряд городовых с ружьями... Что такое? Рассказывают, что на Трубе[502] уже была какая-то толпа и что на завтра начнутся забастовки и новое вооруженное восстание... Неужто же они хотят насильно помешать созыву Думы, которая как-никак – все же состоит из народных представителей?

7 марта.

Кажется, никаких восстаний не было. Но зато ограблен Московский Купеческий банк взаимного кредита! 15 вооруженных человек явились в 6 часов дня и захватили 800 000 рублей! Недурно. Это называется «чрезвычайная охрана»! Дела!

Сегодня Фишер запломбировал мой зуб, который боялась пломбировать его дочь... И вот к ночи начинает болеть... Скандал, как бы не пришлось кричать караул.

8 марта.

Уверяют, что грабители Московск[ого] общества взаимного кредита просто шайка жуликов, а не «политические». Говорят, кое-кто уже арестованы.

Я это время устал. С 4 марта по сегодня сделал 6 статей Скворцову и 2 Грингмуту. Ужас подумать! На каждый день по 1 $^{3}/_{5}$ статьи.

Сегодня же из нескольких магазинов уплатили деньги за [«]Монарх[ическую] госуд[арственность»]. Всего за 1905/06 год (с марта по март) получено 556 рублей. А стоила книга 1614 р. Значит покрыта $^{1}/_{3}$ часть расхода. Остается покрыть 1058 р. Вероятно – никогда не покроется расход. Вольф[503] уже отказался продавать и возвратил остаток книг. Значит, продажа совсем ослабела: не стоит возиться.

10 марта.

Отправил в Сенат (1-й департамент) прошение-обжалование отказа моск[овской] губернс[кой] комиссии внести меня в списки избирателей. Отказ комиссии получил вчера, 9 марта.

Письмо Кирееву.

11 марта. Суббота.

Получил от канцелярии императорского двора уведомление (от 8 марта), что государь император жалует мне за поднесение «Монархической государственности» серебряную чернильницу. «Удостоверение» на эту чернильницу (за № 3125) приложено при сем же. Но второе приложение (то есть самая чернильница) не получена доселе, хотя о ее высылке и сказано в извещении.

Искренняя благодарность моя государю за милостивое пожалование. Все мои домашние очень обрадованы.

Забыл отметить, что вчера (10 марта) был на собрании корниловского кружка. Был там и Дм[итрий] Алексеевич Хомяков. Говорил замечательно умно. Действительно хомяковский ум. Таких нынче что-то не встречаешь.

12 марта.

Получена моя чернильница. Ничего себе – красивая. Пожалуй, рублей 50 может стоить*. Впрочем, конечно, тут цена не имеет значения.

Получил от Дм[итрия] Ал[ексеевича] Хомякова письмо, будто бы, по слухам, кума Ольга Алексеевна скончалась...[504] Может

---

* Приписка внизу страницы Л.А. Тихомировым: «Она обозначена стоимостью будто бы 200 рублей!»

ли быть? При ее здоровье можно бы сто лет прожить... Огорчения истерзали...

Плохие вести слыхал от репортера. Говорит, что на 17, 18, 19 марта будет такая революция, что не выдержать ее! Напрасно Дубасов думает, что справится. В самих войсках брожение... Революционеры решили во что бы то ни стало сорвать Государственную думу...

В какой мере все это основательно, конечно, покажут только сами события. Но мне кажется, что тут много верного.

Сегодня был я на акафисте[505] у Антипия. Давно собирался, да все не удавалось.

13 марта.

Послал Кирееву письмо (заказное) с просьбою передать на разрешение мин[истерству] имп[ераторского] двора заметку о высочайшем пожаловании (для напечатания).

14 марта.

Вчера положительно сказал Грингмуту, что без разрешения мин[истерства] двора нельзя печатать о высочайшем подарке. Но сегодня увидел в [«]Моск[овских] вед[омостях»] напечатанную заметку:*

Высочайший подарок.** 28 февраля 1906 года государь император всемилостивейше пожаловал сотруднику Московских ведомостей Льву Тихомирову за представленное им его императорскому величеству сочинение [«]Монархическая государственность[»] серебряную чернилицу с государственным гербом.*

Ходил объясняться с Грингмутом: оказывается, что напечатано по недосмотру Нольде (который сам же говорил, что нельзя печатать).

В академии тоже служили панихиду по Шмидту[506]! Евдоким отсутствовал, был на службе в лавре. Инспектор сбежал... Академические попы сами отслужили.

В гимназии (VII) подбивают (и пятый класс) к забастовке в честь Шмидта... Господи, до чего все это противно, до чего надоело!

Отправил в Канц[елярию] Мин[истерства] Двора уведомление о получении чернильницы.

---

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

** Сбоку Л.А. Тихомировым приписано: «(№ 69, 14 марта)».

16 марта.

Послано на имя его императорского величества в Царское Село следующее заказное письмо*.

Ваше императорское величество
Государь всемилостивейший!

За поднесенное Вашему Величеству сочинение «Монархическая государственность» я удостоен 28 февраля сего года всемилостивейшего пожалования серебряной чернильницы с изображением государственного герба.

Приемлю смелость выразить Вашему Величеству всеподданнейшую благодарность и счастье писателя, который, долго трудясь над разработкой сложного политического принципа среди общества очень косного к восприятию новой мысли, получает нравственное ободрение со стороны самого представителя этого великого принципа.

Это ободрение тем драгоценнее, что я трудился с уверенностью послужить этим общечеловеческому благу.

Много лет назад, будучи еще сторонником демократического принципа, я начал изучать республиканский строй Франции и был поражен тем, что увидел в палатах, партиях, правительстве и народе, ставшем жертвою и игрушкой политиканов. Это заставило меня подвергнуть пересмотру общепринятые политические учения и затем привело к убеждению в превосходстве монархического принципа.

*Его изучение и разъяснение стало с тех пор моей главной задачей, в исполнении которой пришлось преодолевать немало** препятствий.*

Наибольшую трудность в разъяснении высоты монархического принципа создает неуменье людей выделить действие самого принципа из того, что лишь посторонне к нему примешивается. Наблюдая русскую действительность, нельзя не замечать, что нашу монархию подтачивают те же язвы, которые ее разрушили в Европе. По вине главным образом русской науки, слабой и подражательной, по вине нашего подчинения европейским образцам мысли и жизни принцип самодержавия царского стал отождествляться с принципом абсолютизма, и развившаяся отсюда практика управления создала бюрократическое всевластие, отделяющее царя от народа. Получив в историческое наследие самодержавную верховную власть, мы не умели создать правительственного строя, соответствующего этой форме верховной власти.

---

* Далее вклеена машинопись *(сост.)*.

** Зачеркнуто «*затруднений*» *(сост.)*.

Это и затрудняет для современного русского человека понимание истинных путей государственного строения. С одной стороны, нетрудно убедиться, что узурпация политиканов составляет неизбежный удел парламентарных стран, причем корыстное порабощение народа олигархами партий создает иго, которого не в силах сбросить даже такой политически развитой народ, как американский. Но и в России при монархии развивается господство бюрократической олигархии, не менее тяжелое. При недостаточно глубоком понимании монархии здесь является[*] *кажущееся безвыходное противоречие.*

Примирение всех противоречий дается лишь истинным пониманием сущности монархии, которая вручает верховную власть представителю высшей правды и этим становится незаменимою охраною свободы и самостоятельного развития народа. Будучи верховной властью высшей правды, монархия одна изо всех политических принципов способна воздвигать государственный строй непосредственно на социальном, что составляет единственное средство как для охраны народной самостоятельности, так и для прочного общения царя и народа. При этом построение правительственных учреждений по системе сочетания народного самоуправления и действия бюрократии, их взаимною сдержкой, само по себе препятствует возникновению и политиканской и бюрократической узурпации. Таким образом при правильном построении учреждений, соответственно монархическому принципу, Россия не только сама освободилась бы от политических противоречий, но могла бы дать пример высшей государственности всему миру, ныне в этом столь нуждающемуся.

К сожалению, всякая идея, выходящая из рамок привычного, лишь с величайшим трудом пробивает себе дорогу в общественное сознание. Русский народ не может в конце концов не ощутить своего собственного духа в правильном построении монархической государственности. Но дело самопознания всегда составляет процесс медленный и[**] *трудный.*

День 28 февраля вознаграждает меня за все трудности, которые приходится преодолевать на пути моей работы. Сам державный вождь русского народа, продолжатель дела венценосных предков, осуществлявших в государственном строении внутреннюю работу духа русского народа, ободрил труд, посвященный выяснению содержания этого народного духа: эта отрадная мысль останется теперь всегда со мною, и ее мне напоминает каждый взгляд на всемилостивейше пожалованный мне вашим императорским величеством подарок.

(Подпись. 16 марта 1906).

---

* Зачеркнуто «*кажущееся противоречие*» *(сост.)*.

** Зачеркнуто «*сложный*» *(сост.)*.

Послана уплата поземельного налога в Екатеринодар, в казенную палату.

16 марта.

Вечером. Меня опять гложет тоска. Все-таки – бесцельная, бессмысленная жизнь. И все проклятое положение необеспеченного «пролетария»!.. Это ужасный гнет. Все связано с Грингмутом, а он сам – кто его знает, что с ним будет! Вчера было известие, рисующее интриги Витте против него. Государь получил два предложения, есть две партии... Одна (Толстой – Витте) докладывала, что у Грингмута должно отнять субсидию... Никакой «субсидии» и нет, а есть казенные объявления, но эти господа, значит, подразумевали их, а государю называли слово «субсидия»... Это, значит, отнять объявления по высочайшему повелению... Ловко! К счастью, государь начал здесь частно наводить справки, какую субсидию получает Грингмут. Уж не знаю, что из этого выйдет...

Кто-то другой, напротив, представлял государю, что Грингмуту нужно дать субсидию...

Вот положение царя! Разбирайся в этих интригах...

Но Грингмут, положим, не пропадет, а вот я-то – иная статья. С «Колоколом» дела совсем разлаживаются. Они даже не печатают моих статей. Ну, тут я думаю, несомненно подличанье Скворцова перед Оболенским, который против меня будто бы из-за того, что я сотрудник «Московских ведомостей»... Из-за этого будто бы не пригласили меня и в предсоборную комиссию... Вот мерзавец, повидимому, чистой крови. За своего Витте все старается. Но я думаю, что тут дело не в одних «Московских ведомостях», а, без сомнения, Витте знает, что я его терпеть не могу. Я это прямо говорил митрополиту Антонию, виттевскому прислужнику, да, без сомнения, и другими путями знает...

Но что Витте в том, люблю я его или не терплю? Ведь я ничего не могу ему сделать. Но вот, видно, плоховато его положение, если уже начинает давить даже и самых «мизерных» врагов.

А легче ли мне? Вот жизнь-то, вот положение, когда всякий тебя может раздавить, а ты нигде не имеешь опоры. Прямо живешь и не знаешь, что с тобой завтра будет. А у меня семья – не пристроен никто, все только мною живут...

Ужасно тяжкое положение!

Получены кое от кого поздравления с высочайшею милостью... Но замечательно – не от Скворцова...

Пожалуй, эта высочайшая милость будет иметь только те последствия, что Оболенский с К° постараются получше раздавить меня – кто их разберет?

17 марта.

Сегодня целый день ничего не делал, кроме маленькой библиографии. Устал... Но был в церкви – на похвале Богородице. Возвращаюсь, вдруг на полутемном тротуаре останавливают два молодца: «Здравствуйте, Лев Александрович»... Остановился. Один будто знакомый, но не припомню... «С монаршей милостью вас... Я машинист... Труженики типографские...»

Ну тут я его узнал. Это Архипов, другой – его помощник, здешней же типографии. Мелькнула мысль – «дать» что-нибудь... Потом мелькнуло – не стоит становиться на такую почву... Пожал им обоим руки и поблагодарил. Да я думаю, что они и не хотели «на чаёк», а поздравляли по чести... Хотелось бы так думать. Все же «квалифицированные» рабочие.

Вечером поздно были Введенский Дмитрий с женой. Они уже перебрались в семинарию.

20 марта.

Наконец-то отозвался Скворцов. Это все же хорошо... Только вижу, что с ним много пива не сваришь.

Сегодня кончил статью «Московскому голосу»[507] – «Государственность и этическое начало»...[508] Вот на старости лет привелось попасть в борзописцы, гнаться за строками... вместо того, чтобы делом заниматься.*

Редактор
ежедневной
церковно-общественной
политической
газеты «Колокол»
С.-Петербург
18 марта 1906 г.
Невский пр., 153.

Глубокоуважаемый Лев Александрович!

Душевно рад был узнать о дорогом внимании монарха к Вам и Вашему труду. Сердечно поздравляю. Надеюсь, что это событие, знаменательное в Вашей личной жизни, подбодрит Ваш дух и силы к работе дальнейшей на пользу дорогой родины и на славу нашей публицистики. Занят до сумасшествия и едва ли собрался написать Вам эти строки.

---

* Далее вклеено письмо на бланке редакции. На письме приписка Л.А. Тихомирова: «Получено 20 марта» *(сост.)*.

Что написать Вам о предверии[*] соборном? Трудятся, но без огня и веры даже в то, будет ли в этом году собор или еще через 10 лет? Сомневаются сами иерархи, жаждущие собора. Все сотворится по указу из Совета министров и обер-прокуратуры. М[итрополит] Антоний совершенно безвольный человек — нет центра руководящего. «Колокол» делается все резче органом епископской партии, как видите из писем архиерейских. Да, конечно, лучше иметь дела с архиереями, чем с хулиганами в рясах и без оных.

Ваши статьи приберегаю, так как на Пасху В. Тавр уезжает, и я думаю съездить на юг, — нужно временным заместителям скопить литературный капиталец.

Привет Вашим.

Вам душевно преданный
В. Скворцов.

P.S. Что Вы делаете с Вашей статьей о соборе[509]? Чувствую, что Вы ее «Колоколу» не дадите. А жаль, и она бы полезна была теперь, когда как-то приник дух у всех, — нет одушевления и при виде безудержной работы. Надо трубить, что собор необходим, неизбежен, что так нельзя жить далее и оставлять церковь в руках князей и графов [нрзб.].

Поклон Грингмуту Вл[адимиру].

А в отношении собора церковного мои предвидения оказываются верными: чинуши стараются оттянуть, спасая свои места. Князь Оболенский и семинар Остроумова тут оказываются мазаны одним миром... Ну да, конечно, не нужно большой проницательности, чтобы понять это.

Из письма Скворцова можно заключить, что он позволяет себе идти против своего начальства... Этого я что-то не разберу.

22 марта.

За это время приехал Новоселов и вступил в должность соредактора «Московского голоса». Я написал для газеты [статью] «Государственность и этическое начало», которую Клавдий Степанов очень одобрил, и еще переделал «О созыве поместного собора»[510].

Скворцов ничего не печатает. Вижу, что сотрудничество у него — рушилось, по крайней мере в мало-мальски серьезном смысле. Денег — не будет.

А в [«]Моск[овских] вед[омостях»][**] Николай Викторович хочет оттяпать у меня деньги даже с продажи моей же книги

* Так в тексте *(сост.)*.

** Далее вымарано несколько слов *(сост.)*.

([«]Мон[архической] госуд[арственности»]). Такого отчетливого типа мне еще не доводилось встречать. И что бы ни делал – тих, ясен, спокоен, смотрит в глаза почти с нежностью, не оскорбляется никакими дерзостями. Он выше всех страстей и волнений, лишь бы вытянуть деньги из кармана ближнего. Тип для беллетриста очень ценный, но для меня только источник огорчений, досады и убытков.

Но кто сам Грингмут? Вечная загадка моя. Председатель [«]Монархической партии[»], почитатель Иоанна Кронштадтского и прочее, и прочее – что такое он теперь делает со своим банкротством? Лжет или нет? Петровский говорит, что лжет и что просто ввиду окончания аренды хочет возможно более нахапать напоследок, на счет сотрудников и всех, кого возможно.

Вот как наживаются «палаты каменные»... И разбери этих «деловых людей», премудрых! Так и помрешь – не понявши ничего.

23 марта.

Послал письмо О.А. Новиковой.

Коля у меня заболел. Вот пять дней дома, инфлуенца. Но вместо уменьшения сегодня вдруг обострилось, жар усилился.

Сегодня получил ответ Бельгарда. По справке в деп[артаменте] полиции, император Александр III, по докладу мин[истра] внутр[енних] дел, 10 ноября 1888 г. «всемилостивейше повелеть соизволил: даровать Тихомирову полное помилование». Так цитирует Бельгард. Отсюда выводит: полное помилование есть восстановление во всех правах. Следовательно, и в тех, которые мог ограничить суд...

Все это правильно. Но ведь в законе (избирательном) сказано: «если не оправдан», хотя бы был избавлен от наказания силою высочайшего повеления.

Глупейшая формула закона. Ну, все-таки, нельзя ли так толковать, что я не избавлен от наказания, а вполне помилован?

Вот напишут ерунду, а потом и пускаются в казуистику! Самое же печальное, что моя казуистика (или Бельгарда) – не имеет никакого значения. Вопрос в том, как понимает смысл закона сенат? А он, вероятно, также откажет мне... в избирательных правах, а следовательно, и в редакторстве. Это связано неразрывно.

Интересно, что сделает (и сделает ли что-нибудь) мин[истр] внутр[енних] дел? По словам Шаховского, мое прошение ему доставлено было 8 марта. Бельгард мне пишет от 21 марта (за № 2576), в ответ на письмо мое от 24 февр[аля]. Почему так медленно? Не имел ли он совещания с мин[истром] внутр[енних] дел? Все загадки.

25 марта. Благовещение.

В СПб. «кадеты»[511] одержали полную победу: все 160 человек выборщиков оказались кадеты.

Завтра того же ожидают в Москве. Ловкие, энергичные и безусловно беззастенчивые люди, единственно усвоившие европейскую тактику выборов. Комедия! Но, конечно, и система выборов, у нас выдуманная, как будто нарочно приспособлена для успеха интриганов.

Замечательно бездарное правительство.

Я так и остался устранен от выборов. От сената не имею никаких известий на мою жалобу. Впрочем, для меня несомненен отказ сената.

27 марта.

«Кадеты» взяли все места выборщиков. Все партии побиты на голову – Гучков, Рябушинский, Шмаков (монархист) провалились...

Эта жалкая комедия, конечно, приведет в ужас младенчествующий Петербург. Теперь, небось, уже пишут какую-нибудь «конституцию». Ну – Господь с ними!..

Написал Ширинскому просьбу разузнать в сенате о моей жалобе.

Был сегодня у Шаховского, не застал, а потом он ко мне приехал. Уверяет, что Замятин сказал ему, что передал прошение мин[истру] внутр[енних] дел. Но сам не имел любезности побывать у министра и спросить...

Оказывается, что Ник[олай] Влад[имирович] Шаховской принимал деятельное участие в сочинении всей этой ерунды – «Положения о выборах» и «Временных правил о повременных изданиях»... Ну, я ему долго разъяснял невежественную нелепость этого законодательства 1905 года. Да что теперь толку?

Какая обида, что я принужден заниматься журналистикой! Теперь только и стоило бы махнуть рукой на все практические дела этих несовершеннолетних людей, заняться чисто теоретическими работами. Но вот теперь на месте «ученых» сидят политиканы и газетчики, а ученые по природе должны быть борзописцами за хлеб насущный.

Это страшная участь, когда человек развился дальше своих современников, и даже пользы для них от этого нет. Все равно – неспособны понимать, да и обвинять их за это нельзя. Теперь они, как дети, играют в политику, а потом будут играть в гильотину и республику, и ничто этому не поможет, кроме возраста* страны в лета совершенно-

* Так в тексте *(сост.)*.

летия. Но до тех пор она уже растеряет лучшие свои чувства, на которых можно бы было строить ее теперь, если бы только в ней были сознательные элементы. Но увы! И выходит, что живешь абсолютно бесполезно...

28 марта.

Вот уже средина Страстной недели. Наши все говеют. Я что-то опять расклеился кишками...

Ниоткуда никаких хороших вестей... Да, пожалуй, и не может их быть.

Все толкуют о «победе» конституционалистов. Это любопытный образчик того, до какой степени выборы ничего не означают. В Москве получили права избирателей 56 000 чел[овек] по общим правилам да 68 000 чел[овек] по рабочим правам. Всего 118 000 чел[овек] могли выразить волю Москвы. Из них за монархию оказалось 2000! Ну, конечно, это только смешно, карикатурная несоответственность с действительностью.

30 марта. Четверг.

Наши все (кроме меня и Саши) удостоились приобщения Св[ятых] Тайн.

Послал следующее письмо В.Л. Бурцеву.*

30 марта 1906 г.
Москва, Страстной б., д. 78.

Владимир Львович.

Давно собираюсь вам писать, но все ждал, что, быть может, вы сами будете в Москве. Но вас все нет, а между тем мне нужно выяснить себе следующее обстоятельство.

Вы пишете, что я, прочитав заявление «Шлиссельбургского комитета», пойму его цели. Прошу вас сказать, правильно ли я их понял?

Мне кажется, что он имеет две цели, для меня весьма различные, но для него слитые воедино: прославление революционного движения в России и помощь выжившим и освобожденным шлиссельбургским узникам. Так ли это?

Если так, то вот мое мнение.

Вам хорошо известно, что я осуждаю самый принцип революции. Ее успехи совершенно ничего не могут изменить в этой оценке моей совести, моего рассуждения и моих знаний. Побеждена революция или торжествует — она не может быть мною прославляема.

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Эта сторона жизни шлиссельбургских узников, в том числе моих прежних друзей и товарищей, подвергается моему осуждению совершенно так же, как она мною осуждается в себе самом.

Я уважаю и люблю в них (как и в своем прошлом) только честное убеждение и готовность на самоотвержение. Сверх того, у меня есть в отношении их чисто личное чувство привязанности, как к родным, чувство, которое не уничтожается (во мне) никакими политическими или социальными соображениям.

Итак у меня распадается на две совершенно различные части то, что у [«]Шлиссельбургского комитета[»], мне кажется, слито в одну задачу.

Есть ли возможность разделить практически эти две стороны дела? Вот этого-то я и не вижу. Напротив, по-видимому, у комитета установлено единство кассы, так что деньги, посланные для чисто личной поддержки освобожденным узникам, могут пойти на разную политику, хотя бы в форме прославления революции. Ошибаюсь я или нет – прошу мне разъяснить.

Затем прошу мне сказать: лично вы связаны ли неразрывно с комитетом или имеете право действовать помимо его, сами от себя?

Если вы можете действовать от себя, то я бы предпочел иметь дело только с вами вот в чем.

Мне тяжело думать, что такие личные товарищи, очень хорошие по сердцу люди, как, например, Михаил Фроленко или Михаил Попов[512] *и так далее, на старости лет, растратив жизненную силу, нуждаются материально. Есть кое-кто, о которых я уверен, что они имеют поддержку родных, и некоторые имеют гораздо больше средств, чем я. Но есть такие, о которых я предполагаю, что им живется очень плохо (если нет помощи извне). Я бы хотел по возможности помочь таким. Как же это сделать? Можете ли вы на себя взять это? Вы можете и не говорить им, что это от меня. Ведь они, без сомнения, такие же непримиримые революционеры, как прежде. Им негде было проверить свои взгляды. Это самая ужасная сторона тюрьмы, что знаю по себе. Четыре года тюрьмы были для меня совершенно потерянным временем для развития. А следующие четыре года свободы дали мне тысячи различных драгоценнейших наблюдений себя, людей и законов жизни...*

Так, говорю я, они, может быть, и не захотели бы принять помощи от человека, совершенно отрицающего их идеи. Бог с ними, это все равно. Вы можете дать анонимно.

Если вы согласны оказать мне эту услугу, то прошу вас: пришлите мне список уцелевших. И на нем, пожалуйста, отметьте тех, которые не имеют семейных средств к жизни или случайной работы... Я ведь знаю иных из старых товарищей, которые заняли великолепное положение, превосходные места, о каких я и мечтать не могу. Затем заметьте, что я вообще человек без средств, так что с меня

пользы немного, и — кто его знает — сегодня живу, а завтра могу быть вполне на улице. Я ведь не продаю своих убеждений никому. Ну, а таким людям, денег нигде не дают. Так что большой пользы от меня нельзя иметь. Но мне лично было бы очень приятно, пока могу и насколько могу, помочь старым товарищам в нужде. Так что вы не им окажете услугу, а скорее мне. Но и им все-таки будет «не из дома, а в дом».*

Так вот об этом предмете и желал бы иметь ответ ваш.

Всего хорошего.

Л. Тихомиров.

Получил крайне неприятное известие от Ширинского: 1-й деп[артамент] сената 28 марта отверг мои права. Много спорили, разделились почти на две равные части, и меня провалили большинством 1-го голоса.

Их всех там, по календарю, 13 человек... Значит, 6 за меня и 7 против...

Но один или не один голос, а все-таки фатальность моя та, что я всегда провален, а фатальность правительства та, что у него решительно во всяком деле всегда найдется хоть на одного дурака больше, чем умных.

Несчастная какая-то власть! Мое дело — это прямо позор для нее. И, как нарочно, тут же государь жалует чернильницу.

Редкое пожалование за политическое сочинение... и в то же время всякая дрянь может быть редактором, а я — нет... ибо если я не могу быть избирателем, то по тому же закону не могу быть и редактором.

И этот осел-сенатор, давший своим голосом большинство против меня, заклеймил правительство одной из самых невероятных нелепостей. Понимал ли этот дурак, что делает? Глупость это или желание оскандалить власть, издающую такой закон?

Я прямо не знаю, что делать.

Написал Ширинскому, не посоветует ли какого-нибудь плана? Я думал подавать прошение на высочайшее имя... но что, если эти господа устроят и там отказ и тем набросят тень уже на самого государя?

31 марта. Великая Пятница.

Несмотря на сомнительное здоровье, Господь помог быть на выносе плащаницы[513]. Даже и выносил сам.

Получил письмо от Ольги Алексеевны в ответ на мое. Едва ли не последний раз обмениваемся мы письмами. Боже, Боже праведный!

---

* Внизу приписано Л.А. Тихомировым: «*Кто хочет быть свободным и честным, тот неизбежно страдает*».

Как сравнишь время, когда мы познакомились, – и до чего дожили – сам себе не веришь... Как страшно велико значение личности в монархии!*

27 марта [19]06
4, Brunswick Place,
Regent's Park,
London.

Дорогой кузен.

Мое здоровье действительно сильно расклеилось, и мне велено абсолютно бездействовать и отдыхать (но вы этого не говорите моему брату).

Очень обрадовалась известию о вашей чернильнице и хотела вам писать на днях по этому поводу. Но глупая слабость парализует все мои благие намерения.

Безумный манифест 17 ок[тября] служит краеугольным камнем всех наших революционеров. Не забавно ли это? Если б можно было не плакать, а смеяться, то такому факту можно бы действительно смеяться. С одной стороны, свобода печати и возвращение всех злейших анархистов, а с другой, этот манифест (ведь это все устроено граф[ом] Витте) и заварило кашу. В Питере утешаются мыслью, что «Думу можно будет разогнать штыками». Но ведь это было бы окончательное введение повсеместной революции!

Что за безобразие – недопущение вас до выборов.

Скажите Влад[имиру] Анд[реевичу], что я восхищаюсь его энергией и огромным организаторским талантом. Помоги ему Бог...

Дорогой кум, вы знаете, как вы и вся ваша семья мне дороги. Поздравляю в кратких словах вас всех с наступающим праздником. Я проведу его одиноко и грустно... Обыкновенно в посольстве бывало разговение[514], но теперь и этого нет. Впрочем, здесь даже наше духовенство на страстной неделе кушает мясо – разговляться по православному и не приходится. Надо кончить: очень устала от своего царапания.

Всегда и везде,
Ваша О[льга] Н[овикова].

Ночь. Вот приблизилась Великая Суббота... Мама, Надя и прислуга собираются идти в 3 часа ночи на утреню – в крестный ход. Саша вовсе не вернется, до самых 2 часов дня... Он завтра должен приобщаться, коли Господь допустит... Все по богомольям. И в церкви сегодня было много народа...

---

* Далее вклеено письмо на бланке гостиницы *(сост.)*.

Утром в 4 часа было вооруженное нападение на Перервинский монастырь...[515] 6 человек, вооруженные, келейник ранен, но сбежались люди, и преступники бежали. Никто не пойман. Нынче вообще не ловят.

2 апреля. Светлый праздник.

Около 2 часов ночи. Только что встретили пасху. Правда, я был на открытом воздухе и прозяб... Ну все-таки – Христос воскресе из мертвых...

Утро. Пасху с нами встречала Елена Петровская, и, кажется – очень хорошо, в христианском веселье. Она – довольно несчастное существо в семейной жизни. Ольга Ивановна (мачеха) все хуже становится, а Сергей Александрович не имеет сил защитить детей. Да и мудрено это. Можно воевать и превратить дом в ад, но как умиротворить больную, полуслепую женщину?

3 апреля.

Ночь. Вот кончился третий день нашего отдыха. Завтра должна начаться работа... если наборщики пожелают... Они в этом году потребовали 3 дня отдыха (Великая Суббота и 2 дня пасхи), но, может быть, пожелают и еще гулять.

Два дня пасхи прошли тихо. У нас почти никого не было. Сами тоже никуда. Мало даже карточек. Одних денег на «поздравления» вышло обычно много, и даже немножко больше.

В отношении денег я вообще не блещу положением. Все растрачено. Получек ниоткуда, а предстоят еще расходы – страховка, плата в гимназию и тому подобное. В кармане же пустовато.

Праздничные раздачи:

Церковный сбор –	5 р.
Духовенству	5 $^{1}/_{2}$
(освящение – 1 р., молитва – 4 $^{1}/_{2}$)	
Борис (церковь) –	1 р.
Старший дворник –	2 р.
Сторожа редакции –	5 р.
Рассыльные редакции –	2 р.
Сторожа типографии –	2 р.
Никита –	1 р.
Василий –	1 р.
Своя прислуга –	2 р.
Городовые –	2 р.
Швейцар гимназии –	1 р.
Газетчик –	1 р.
Почтальоны –	2 р.
Телеграфисты –	1 р.
Прохор –	1 р.

Сергей Абашков –	1 р.
Ученики –	2 р.
Складчики –	1 р.
Дворники –	6 р.
————	
45 р.	
Авд[отья] Лар[ионовна] –	5
Надя –	3
Вера –	3
Саша –	3
Коля –	2
————	
	16 р.
	А всего:
	45 + 16 = 61 р.

А что еще потрачено сначала на говение пяти человек: уж никак не меньше 25 рублей. Потом разные пасхальные яства. У Кати целая куча своих поздравителей, хотя более дешевых, чем мои... Мне на Страстной пришлось купить пальто – 38 р., потому что старое Катя отдала какому-то бедному. Кое-что пришлось издержать на [нрзб.] детей.... Одним словом – истратился в пух и прах... Уж и не знаю, как то Господь поможет вывернуться.

Однако благодарение Богу! Что ни будет дальше, а он даровал нам встретить и провести первые дни своего светлого праздника – тихо, благополучно, в христианской радости. Да будет благословенно имя Его!

9 апреля.

За это время начался и до сих пор тянется «Всероссийский съезд русских людей»[516].

Я на него получил приглашение как частное лицо, вне организаций, и принял приглашение, чтобы представить доклад о созыве собора русской церкви. В Питере его оттягивают очень подозрительно, и я хотел подогнать дело, предложив ходатайство к государю и митрополитам о созыве собора не позже лета. Отдел (церковный) принял резолюцию, только прибавил время «не позже первых осенних месяцев».

Вообще доклад мой имел успех. Но Кузнецов (Ник[олай] Дмитр[иевич]) возражал упорно и бесконечно, всячески стараясь провалить или оттянуть резолюцию. К сожалению, я до сих пор не уверен в успехе, пот[ому] что резолюция отдела должна еще пройти две инстанции съезда, пока будет вполне утверждена. А Кузнецов, конечно, будет работать прямо с яростью, чтобы провалить дело... Он доходит до неприличия в этих стараниях, подавая пись-

менное заявление, будто бы моя резолюция идет против высочайшей воли, а потому неуместна... Прямо доносчицкие приемы!

Ну, я свое дело сделал, а там что Бог даст.

Но вообще мой доклад возбудил большое внимание, и публика, мне казалось, за меня. Газетные отчеты ([«]Русск[ий] лист[ок»], то есть [«]Голос[»], [«]Моск[овский] листок[»], [«]Новое время[»] и тому подобное) все более или менее переврали, а в [«]Русском голосе[»] тенденциозно – за Кузнецова. Какой-нибудь приятель Кузнецова, вероятно.

Завтра, в понедельник, должен быть еще мой доклад по государственному отделу: «Причины избирательной победы конституционалистов над монархистами». Ну, этот, вероятно, не понравится по духу своему, хотя написан хорошо. Если бы хоть часть публики одобрила его, то и это уже будет большой успех.

Вообще эта масса монархистов – человек до 400, с разных концов России и разных сословий – производит на меня двойственное впечатление. Дух религиозный и церковный у них очень силен и ясен. Сильно напряжение национального чувства. Но понимание политическое – узко, боюсь – даже очень узко. Мой доклад будет резкой пробой: понимают ли монархию или не понимают?

Вл[адимир] Андр[еевич] Грингмут – любимый оратор. Громы одобрений и рукоплесканий стоят облаком над его речами, и его аудитория битком набита. А между тем он говорит высоко вульгарно, с криками, аффектацией, жестикуляцией, со страшными преувеличениями. Мне было неприятно видеть и слушать все это кривлянье. Но сотни слушателей неистовствуют от восторга.

Прекрасный оратор – протоиерей Восторгов: умный, толковый, искренний, с чувством и хорошими голосовыми средствами. Его тоже слушают охотно, но нет и сравнения с Грингмутом.

Очень тонкий и блестящий оратор – Борис Владимирович Никольский. Ну, этот тоже покоряет публику.

11 апреля. Вторник.

Сегодня имел доклад на съезде «О причинах победы конституционалистов над монархистами». Публика была, человек сотня, но свои друзья отсутствовали поголовно. Доклад, пожалуй, имел успех. По крайней мере, из публики раздались голоса, что это нужно напечатать... Но мне грустно. Именно те, которые, казалось бы, могли понимать, отсутствовали не «тенденциозно», но искренне пренебрежительно. Новоселов, Клавдий Степанов... Это такая проба им, печальная проба. Мой доклад мог быть и хорош и плох... Но по теме его чуткий человек непременно должен был прийти. Позднее Новоселов пришел на съезд с чистыми пустячками: показать корректуру своей статьи, довольно неважной... Вот это для него дело... А коренной во-

прос государственности – пустячен! Что же выйдет из их «Московского голоса»?

Просидел на съезде с 11 часов утра до половины 6-го вечера. Утомился, простудился, измучился. Но нужно было ждать доклада резолюций собранию делегатов. Кузнецов пришел, чтобы «провалить» мою резолюцию, и мне страшно было оставить ее без защиты. Однако собрание приняло резолюцию.

После того начались бесконечные дебаты по поводу резолюции самого Кузнецова. Долго я сидел, мучился, наконец, не выдержал и ушел. Не знаю, чем у них кончилось. Я вообще не проронил ни слова, слава Богу, не было надобности.

Ну, этим и кончаются мои мучения, надо полагать. Больше мне уже незачем идти. Да завтра и последний день съезда.

Ничем меня съезд не обидел. Не могу пожаловаться. Все были даже не по заслугам любезны со мной. Если кто меня огорчал, то мои же друзья: Кузнецов, Новоселов, Клавдий Степанов. Масса людей съезда была вполне доброжелательна и любезна. И все-таки эта экскурсия в область деятельности только воссоздала и удесятерила мое отвращение к «политике». Страшная трата времени и сил по пустякам! Забросил всю свою работу, расхворался – из-за чего? В сущности, из-за нуля...

14 апр[еля].

Был Шечков, рассказывал о выборах в Госуд[арственную] думу в Курской губ[ернии]. Выбраны сплошь революционеры, а из крестьян некоторые прямо разбойники. Настроение, по его словам, прямо ужасное. Все обезумело.

Тут тоже, по-видимому, начинается революционная заварушка. В СПб. безработные требуют общественных работ, их поддерживают уже и рабочие по фабрикам. У нас уже не ходят электрические дороги, забастовали. Говорят, что готовится «политическая забастовка» с террором.

Вообще дело идет к развязке.

Вышел уже и 2-й № «Московского голоса». Кое-какие заработки в нем есть, хотя еще не платят. Но правду сказать, теперь такое время, что о завтрашнем дне нельзя думать. Прожил сегодня – и слава Богу...

15 апр[еля]. Суббота Фомина[517].

Конец пасхальных отголосков. Заходил ко всенощной. Тихо, хорошо. Раздается «Христос воскресе». Народу все-таки порядочно...

А сегодня уже бастовала часть конок. Говорят об общей забастовке послезавтра (17 – 1 мая)... Это называется «праздник рабочих»... Грустное время.

Идет, говорят, усиленная революционная агитация, но в каких целях? Неужто может быть в чьих-либо интересах расстроить Думу? Конечно, трудно судить непосвященному, но со стороны – тактика странная.

17 апр[еля].

Завтра заграничное 1-е мая. Ждут забастовки и даже разных насилий почему-то в течение 9 дней. Это выходит – до самого созыва Думы.

Между конституционалистами-демократами, говорят, взяла верх фракция решительного нападения на правительство. Другая фракция считала лучшим постепенный, осторожный образ действий. Крайние же говорят, что с <u>таким</u> правительством все возможно сделать натиском, а потому незачем терять трех лет на то, что можно сделать в три недели. Это, мне кажется, верный расчет... Итак, они думают тотчас по созыве Думы заявить самые крайние требования и поддержать их демонстрациями и восстаниями по всей России. Если правительство захочет разогнать Думу, то она должна собраться в Выборге[518], где уже намечены для нее залы ратуши, а финляндская «красная гвардия» должна охранять ее.

Что касается правительства и императорской фамилии, там, говорят, находятся только в страхе перед грядущим, но не имеют никакого плана действий, не знают даже сами, будут ли бороться или уступать. Очевидно – созрели к гибели!

Утверждают, что к созыву Думы Витте и Дурново уйдут. Кто на их место? Ничего ясного. Вообще, по-видимому, жалчайшее падение.

Насколько я понимаю, Витте не увольняется, а уходит по собственному желанию. Действительно, если начнется уничтожение монархии, то ему нет смысла быть министром, а удобнее выступить потом, с какой-нибудь партией.

Вообще видится впереди некоторая liquidation generale...[519] Зачем Господь Бог дал мне прожить до крушения всего, во что я верил <u>на земле</u>? Да будет его святая воля, и да пошлет он мне хоть силы для этой страшной годины испытания.

В России весь народ переживает какой-то глубочайший перелом. Он, по-видимому, теряет даже свою религиозную веру. Испытание превыше сил. Замечательно, что даже у Троицы Сергия совсем нет богомольцев. Лавра и Посад опустели... Вот хвалились-то: «Русь святая», «Народ-богоносец» и тому подобное! Неужто этого ничего и <u>не было</u>? Не могло же так быстро <u>измениться</u>?

И где же такую ничтожную душу сравнить с евреями? Те выносили вдесятеро более страшные испытания, не отпадая от Бога.

18 апр[еля] (1 мая).

Сегодня день прошел, безусловно, спокойно. Никаких забастовок не было.

Арестована какая-то компания студентов и курсисток, изготовлявшая бомбы для покушения на Дубасова 27 апреля, некоторым образом в честь открытия Думы.

Преосвященного Никона назначают в вологодские архиереи. Это – ссылка, говорит он. Хотя это точно так же повышение. Понятно, что его хотят выдворить из Москвы и лишить митрополита Владимира деятельнейшего помощника. Но Никон сердится и хочет уйти на покой, чего, конечно, только и желают его враги, то есть компания Оболенского и митрополита Антония. Будет очень глупо, если Никон доставит им это удовольствие.

Отдал виды Нади и Веры (№ 152 и 153 или 153–154 за 1901 г.) для возобновления на бессрочные.

19 апреля.

Клавдий Степанов рассчитал меня с «выдумкой»: за большую часть статей по 7 к. вместо обещанных 10 к. Беда с этими «хозяевами». Сегодня он был у меня, и я хотел говорить об этом, но неудобно: речь шла о разных принципиальных вопросах...

В Москве открыты полицией мастерские бомб. Говорят, что есть еще и другие, и что у революционеров есть план террористических действий к созыву Думы.

Дела, по-видимому, идут к развязке. Говорят, что Витте решительно уходит. Но уже давно слышно было, что он уйдет перед решительной попыткой революции, чтобы падение монархии произошло без него, а потом выступит уже на новой почве. Странно, что теперь все это позабыто, и все толкуют, будто Витте увольняют, тогда как, без сомнения, он сам уходит.

По-видимому, Япония намерена возобновить войну. Все слухи единогласно это подтверждают. Очевидно, она хочет вполне использовать жалкое состояние гнилого гиганта. Теперь, должно быть, уж заберет все, до Иркутска... Амур может отдать Китаю. Ах, бедная, жалкая Россия! Мыслимо ли было ожидать такого крушения? И – ни людей, ни чести, ни смысла! Так ужасно, так феноменально, что исчезают даже всякие оценки!..

21 апреля.

Получил извещение Моск[овской] губернск[ой] комис[сии], что сенат оставил мою жалобу без последствий.

Витте ушел – официально.

Все полно толками о Думе. Как начнется она? Нужно сказать, что роль правительства рисуется мизерною. Если оно, с таким слабым духом и разумением, не падет, то не его вина будет.

22 апреля.

Получил бессрочные виды для дочерей. Ну и очень рад, п[отому] ч[то] по нынешним временам иной раз и не доберешься до полиции, как было осенью.

23 апр[еля].

Сегодня произошло поистине чудесное спасение жизни Дубасова. Но несчастный Коновницын[520] погиб... Его вдова не в силах была присутствовать на поминках. Бедный мальчик-сын плакал... О негодяи, негодяи, убийцы, утратившие образ человеческий...

А на Бузирках политические каннибалы подняли громкие ура и песни – думали, что Дубасов убит.

Сам убийца – какой-то еврей[521]. Погиб и сам, да что из этого? Боже, до чего озверели нынче люди. Совсем перестали быть людьми. И таких теперь, пожалуй, уже сотни тысяч. Ничего не знают, кроме «партии». Нет другой нравственности.

Утром я получил письмо от Н.А. Павлова и не мог отказать. Заперся и писал несколько часов; как раз в это время произошло покушение на Дубасова, но мне не сказали домашние, видя, что работаю, так что я узнал лишь часа через 1 $^1/_2$.

Вот что написал я. Но что выйдет пользы? При переписке набело я кое-что исправил, но не успел снять для себя копии. Впрочем, это очень близко к тексту, данному мной П[авло]ву.*

Гостиница
«Славянский базар»
на Никольской улице
в Москве
Hotel
du Bazar Slave
rue Nicolskaia
Moscou

Получено 23 апр[еля] около 12 часов утра.

Дорогой Лев Александрович.

Бывают часы, когда надо сделать. Помогите царскому делу. Напишите до вечера короткую тронную речь. Я заеду вечером. Усильтесь, сделайте!!!

Преданный вам Н. Павлов

Между нами это.

* Далее вклеено письмо на бланке гостиницы *(сост.)*.

*Надо постараться включить что-нибудь вроде «ошибались или нас вводили в заблуждение».**

Выборные люди великой русской земли, Богом вверенной попечениям моей верховной власти!

Настал желанный час, когда я вас вижу пред собою. Впервые после державной прабабки нашей, премудрой Екатерины[522], русский царь созывает выборных людей от своих верных подданных для непосредственного служения предначертаниям своей верховной самодержавной, неограниченной власти по устроению нам всем дорогого отечества.

Я рад вас видеть, рад, что это великое дело суждено было осуществить мне, несмотря на множество препятствий. Да пребудет же на сем деле благословение Божие. Да послужит оно началом умирения карающего нас гнева Божия.

Я встречаю вас в тяжелое время, когда страна моя сочится ранами бедствий, нанесенных изнутри и извне, множеством греха, падением веры, упадком чести, забвением долга, недосмотрами правления, злоупотреблением моим доверием, тяжкими смутами, внутренним кровопролитием и внешней войной. Кто виновники сих бедствий? Взор не может охватить их рядов...

Перед вами, Богом мне врученными людьми, я не хочу скрывать, сколько тяжких дум передумал и я сам, взвешивая свой ответ перед Богом за все, в чем не был в силах досмотреть за злоупотреблением моим доверием. Но за свой грех в этом я дам ответ перед Всемогущим, не по моему хотению, а по воле своей возложившим на меня тяжкое бремя царской власти. Вам же, верным моим подданным, я — царь ваш — напоминаю, что бесчисленны виновники бедствий отечества во всех слоях народа, из которых вы изошли. Всенародный грех давно готовил нам возмездие, и постигшими нас тяжкими испытаниями Господь Бог всех нас призывает к покаянию, и к совершению дел, достойных покаяния.

Если бы я захотел теперь карать виновных, породивших бедствия моей страны, то она покрылась бы озерами крови, и где бы я нашел человека, которому мог бы сказать: «Ты, как невиновный — брось первый камень в виновных»? И перед лицом бесчисленных всенародных грехов я вспоминаю слово Божие: «Мне отмщение, аз воздам», и в моей царской заботе о спасении Богом врученных мне людей я за благо рассудил устремить силы не на отмщение, а на исправление того, что облегчало злу распространяться по земле русской. Я вознамерился открыть дорогу свободному действию добра. С этой целью я даровал своим подданным, без различия племен и вероиспо-

* Далее следует машинописный проект тронной речи Николая II при открытии Государственной думы, написанный Л.А. Тихомировым *(сост.)*.

веданий, права и вольности, свободу веры, слова и печати, свободу соединяться в союзы. Я рассудил за благо привлечь излюбленных людей моих верных подданных к помощи мне в делах государственного строения.

Видит Господь, и вся Россия, и весь мир, что я открыл широкую дорогу для свободного действия всех добрых сил и для их содействия мне в трудах моих по излечению язв, разъедавших доселе нашу страну. Призываю же все добрые силы русской земли воспрянуть духом, покаяться в прежних грехах, проникнуться любовью к правде и начать новую жизнь правды, добра, чести, долга, умиротворения и устроения.

Простирая до крайних пределов мое милосердие, я не карал в достаточной мере виновников наших бедствий, злоупотреблений, смуты и кровопролитий. Ныне, открыв пути к мирному благоустроению нашей страны, я своим царским приказом призываю всех к долгу верноподданных. Бог вручил мне власть на поощрение делающих добро и на усмирение делающих злое. Я все сделал для открытия пути добру, и я сумею в корне пресечь преступные деяния зла.

Итак, выборные люди моего народа, приступайте без опасений и с уверенностью к исполнению возложенных мною на вас трудов.

В разъяснение возложенных на вас задач присовокупляю еще несколько указаний.

Во время ваших выборов к моему народу являлись различные партии, призывавшие выбирать своих членов в Государственную думу, мною учрежденную. Знайте, что я призываю к себе не партии, а своих подданных.

Я даровал всем право свободного убеждения и союзов и никому не возбраняю принадлежать к партиям, законами дозволенным. Но на мое царское дело, на совет мне, на помощь моим трудам я призываю не партии, а честных, умных и знающих людей моих верных подданных.

Даруя подданным права и вольности гражданские и политические, я остаюсь тою же верховною самодержавной, неограниченной властью, какую унаследовал от предков и какую передам потомкам моим. Во имя этой власти я дал моим подданным права и призвал вас в Государственную думу, где вы должны служить не партиям, а мне и отечеству, со мною неразделимому.

Призвавши вас в Государственную думу, я, для удобнейшего действия вашего, дал сему учреждению соответственные уставы. Следуйте точно сим уставам. Если в них окажутся несовершенства, они будут исправлены законным порядком. Но знайте также, что я готов выслушать и каждого из вас непосредственно, если к сему является нужда. Как царь, как власть верховная, я желаю знать правду от народа своего и постараюсь найти время выслушать непосредственно каждого из его избранников.

Выборные люди моего возлюбленного народа, приступайте же к трудам служения вашего, на которое вы мною призваны. Призовем на начинаемое дело благословение Божие, и да даст Господь, чтобы с сего дня началась для отечества нашего новая жизнь, которая на место смут и неурядиц принесет мирное благомыслие, устроение, верность долгу и законность. Будьте уверены, что во мне вы всегда найдете защитника дарованных мною вам прав. Приложите же старания, чтобы со своей стороны оправдать мое доверие и народа, облекшего вас, по призыву моему, своим доверием на сие великое служение.

Да поможет всемогущий Господь предстоящим трудам вашим.

В правительстве ждут Думы с трепетом. «Кадеты», человек 200 думских, образовали в Тенишевском училище вроде клуба, постоянно заседают и готовятся насесть на правительство. Родичев[523] готовит ответ на тронную речь, хотя ответы и не дозволены.

За уходом Витте всевластным человеком остался Трепов, который однако растерялся и совершенно не знает, что ему делать. Государь точно также находится в полной нерешительности относительно грядущих на днях событий. Бедный, бедный государь! Мне его ужасно жаль. Искупительная жертва...[524]

А едва ли возможно ему помочь. Казалось бы и легко, да для всего нужно хотя немножко воли и силы, а у него – только одна мягкость, только желание блага, и идеалистическая теоретичность.

Тут что-то роковое, Богом допущенное, и только от Бога можно ожидать спасение. Какое-то крушение на пустом месте!

24 апреля.

Катя с Надей и г[оспо]жой Степановой поехали смотреть дачу по Брестской дороге. Что-то Господь даст?

Мне нездоровится, – и скучно... Нехорошее время. Тяжелое испытание. И – самое ужасное – ничего хорошего совершенно не может быть. Не могу себе представить никакого хорошего исхода нынешней революции... Может быть, конечно, лет через 20, после всякой резни, и сложится новый строй, если только Россия не будет «разобрана» по рукам соседей. Но мой-то век, во всяком случае, кончится при тоске, безобразии и ужасе, при всеобщем разгроме и падении нравственном и политическом.

25 апреля.

Слава Богу и слава государю! «По всеподданнейшему докладу мин[истра] внутр[енних] дел государь император в 13-й день апреля 1906 года, всемилостивейше повелеть соизволил: не считать дворянину Льву Александровичу Тихомирову судимости его в 1877 году осо-

бым присутствием Правительствующего Сената препятствием к пользованию всеми правами, предоставленными общими узаконениями русским подданным, обладающим общею гражданскою правоспособностью, а в том числе и правом участия в выборах в Государственную думу, равно и правом быть ответственным редактором повременного издания»; «о таковом высочайшем повелении названным министром сообщено министру юстиции».

О сем московский градоначальник в объявлении № 4463 от 22 апреля 1906 г. уведомил меня через пристава III уч[астка] Тверск[ой] части (пометка пристава – 24 апр[еля], № 67).

Через два часа... Не успел обрадоваться царскому акту, как вдруг получается телеграмма с высочайшим указом: утверждается министерский проект основных законов, которого невероятность я разбирал в «Колоколе»[525]. От создания мира не было ни одного закона, равного этому по отсутствию мысли государственной.

И он-то утвержден! Это – конец империи. Это полное уничтожение старого строя, без какого бы то ни было нового: неизбежная гражданская война для создания нового строя.

Рука Божия неумолима: она попустила совершение невозможного.

Вечер. Случайно столкнулся на улице с Никольским. «Откуда вы взялись?» Оказывается, приехал на съезд дворянского кружка. Начал его расспрашивать о Петербурге. Он уверяет, что мы находимся накануне страшных событий, так как революционеры (с «кадетами») решили немедленно начать борьбу против царя – в Думе и по всей стране, в союзе с террористами; что будут повсюду террористические покушения, восстания, а Дума превратит себя в правительство, с низвержением царского... Он думает, что это вызовет ответную борьбу со стороны защитников существующего строя и что Россия на много лет погрузится в кровавую междоусобицу... Что тут верного? Конечно, он не называет источников своих сведений, но говорит с полной уверенностью. Конец апреля и начало мая будет, по его убеждению, ужасно. Покушение на Дубасова и Жолтановского[526] (Екатеринослав) – это начало общей системы террора.

А в Думе революционеры хотят сразу выдвинуть требования резкие и оскорбительные – вроде уменьшения содержания императорской фамилии и тому подобное.

Ну, кто доживет – увидит.

Завтра 150-летний юбилей «Московских ведомостей». Готовится торжество. Не будет ли и демонстраций враждебных? Это очень вероятно, если только рассказы Никольского обоснованы. Кстати, сам он думает присутствовать на юбилее.

Ночь. Репортеры сообщают, что адмирал Дубасов в прекрасном состоянии, и хотя находится в постели, но принимает доклады, делает распоряжения и тому подобное. Глухота проходит... Изумительное счастье, изумительная милость Божия – выйти невредимым из такой катастрофы!

А на 27 апр[еля] готовятся усиленно к демонстрациям или к попыткам переворота. Все об этом говорят... Видно, прав Никольский.

Да будет во всем святая воля Божия!

26 апреля.

Утро. Отправил благодарственное письмо бывшему министру в[нутренних] д[ел] Дурново за его доклад императору о восстановлении моих нарушенных прав.

Ночь. Весь день меня надрывали на юбилее [«]Московск[их] вед[омостей»]. Хотя я буквально не съел ни крохи, не выпил ни капли вина, но это непрерывное стояние в церкви, потом у Грингмута, когда ему приносили разные приветствия, потом сидение на обеде (где я не съел ничего) – все это с 11 до 6 часов – надорвало кишки. Не успел прийти домой, явился – чисто искушение – епископ Антоний (опальный) и терзал меня еще два часа своими разговорами о своем плане устроения церкви. В его личности много духовного, но также и что-то странное, растревоживающее, но не гармонизирующее...

Просто беда... Вот ночь. Принял белладонну, но и это не успокаивает напряжения и давления слепой кишки.

Вот мое существование! Боже, Боже, тяжка эта бренность. Не оставь только меня, да будет по твоей воле!

Юбилей вышел довольно торжественный[527]. Грингмута восхваляли несколько депутаций, разные подношения, бесконечные речи, постоянно хвалебные ему же... Правда, что он заслужил это: борется энергично, и конечно ежедневно рискует жизнью. Воздаю ему полную справедливость.

Симпатичной чертой обеда в Эрмитаже было присутствие 10 старейших метранпажей и наборщиков. Им сам Грингмут провозгласил тост.

Остальных рабочих (240 человек) он угощал в особом ресторане, что ему обошлось не менее рублей 700... Ну а в Эрмитаже, пожалуй, нужно счесть много больше 1000 руб.

Вообще этот юбилей ему, вероятно, въехал крупной издержкой. Вероятно, это отзовется задержкой жалованья нам 4 мая, или еще хуже.

Впрочем, кто знает, что будет до 1 мая? Все грозят уже завтра революцией...

Кстати, сегодня к вечеру горела товарная станция Курской дороги... Уж не поджог ли по революционному плану?

28 апреля.

Ну, вот открытие Госуд[арственной] думы совершилось совершенно спокойно[528]. Страхи были ошибочны. «Кадеты» умнее, чем хотелось бы консерваторам.

Сегодня (по совету Ширинского) отправил прошение министру юстиции о сообщении сенату высоч[айшего] повел[ения] 13 апреля для принятия мер к зачислению меня в избирательные списки. Почтовая квитанция в конверте.

Рабочие в СПб. и в Москве игнорировали Думу. Хотя их хотели уволить от работы в этот день, рабочие не приняли праздника, сами, без фабричных гудков, повсюду явились на работу и говорили: «Это не наша Дума, мы не имеем в ней представителей».

Но зато, по-видимому, они намереваются задать праздничного трезвона 1-го мая. Наборщики уже получают приглашение не работать, а Кушнеревская типография, говорят, намеревается произвести демонстративные процессии.

Да, забыл отметить. Тронная речь императора довольно бледна и, во всяком случае, не имеет ничего общего с набросанным мною образцом. Новое доказательство, что господа консерваторы только суетятся в СПб., но никакой силы и влияния не имеют. Это и хорошо, п[отому] ч[то] идеи у них узкие, непрактичные. В сущности, император поступает, может быть, нерешительно и роняет монархию, но, во всяком случае, стоит выше этих людей, глубже их понимает положение.

29 апреля.

Репортер передавал, что 1-го мая рабочие должны собраться за городом, а потом через несколько застав двинуться демонстративно в город с красными знаменами... а м[ожет] б[ыть], и еще с чем-нибудь. Вчера хотели взорвать Пресненскую часть.

Ночь. Окончательно определилось, что 1 мая типография не будет работать. Это уже решил Соколов, так как этого требовали рабочие депутации.

В Госуд[арственной] думе в первом же заседании поставлен вопрос об амнистии. Уступить – это для правительства означает 1) осудить себя, 2) выпустить на свободу лучшие кадры революционной армии для немедленного нового революционного действия... Но все полагают, что правительство уступит. Вообще, вероятно, у нас повторяется 1789–93 годы Французской революции[529]. Старый строй действительно сгнил, не способен к существованию. Худо это или хорошо, но он, по-видимому, неизбежно должен погибнуть.

Впрочем, он доказал уже дважды, что идет к смерти: 1) при Плеве, когда проявил полную неспособность к реформе; 2) в момент гнусного мира с Японией. Это уж было прямое самоубийство. Монархия погибла в Портсмуте. Я удивляюсь сам себе, что, прекрасно видя, что это смерть, – все-таки до сих обманываю себя надеждами на воскресение...

Это бы было чудом самого Бога, таким же чудом, как воскресение умершего и истлевшего уже человека.

30 апреля.

Сегодня был Анастасий... разумеется с просьбой – дать для них брошюру для рабочих. Уж не знаю, стоит ли с ними связываться? То есть с комиссией...

Заходил еще Фил[ипп] Петрович. Этот просто навестить. Он совсем по уши ушел в политику.

Ну вот завтра – 1-е мая... Что-то совершат рабочие? Собственно говоря, удивительно, что у них так мало здравой политики. Ведь есть весьма развитые люди, и все уходит в бесцельное бунтовство. Положим, если вспомнить, что даже у англичан чуть не 50 лет путались в бесплодных беспорядках, то нашим простительно. Но ведь англичане не имели опыта, а наши могли бы уже учиться у них...

Глупые времена все-таки. И ведь доводится же их страдать (не говорю «жить», п[отому] ч[то] это не жизнь, а сплошное страдание)!

2 мая.

11 ч[асов] утра. Сейчас мама отправилась на вокзал для отъезда в Новороссийск. Благослови, Господи, путь ее и пребывание и к нам благополучное возвращение.

На дорогу взято у меня 60 р.

Вчерашний день 1 мая прошел спокойно. Была пустячная потасовка в Сокольниках.

Все говорят, что император даст амнистию. Вообще передают слова Горемыкина (будто бы), что правительство будет держаться системы уступок «до последней крайности»... Что они разумеют под «крайностью»? Кто их ведает!

Рассказывают, что Ширинский столь явно в контрах с митрополитом Антонием, что даже не видится с ним. Курьезное положение. Зачем он в него влез?

Витте горячо выступил в Госуд[арственном] совете за амнистию. Очевидно, намерен поднять свою популярность и начать разваливать окончательно монархию.

Передают за несомненное, что он не хотел уходить с премьерства, и именно говорил императору, что без него заем не может быть за-

ключен. И вот, как только заем заключили, император объявил ему, что увольняет его. Если это правда, то понятно, что он должен быть взбешен.

Не понимаю, чем думает держаться император и каковы его планы? Положение, по-видимому, вполне отчаянное. Или он (и его приближенные) думают, что остается только тянуть день за день на «авось»: не выскочит ли какой счастливой случайности? Но откуда же ей выскочить?

3 мая.

Заходил Бурцев, по прежним разговорам о воспоминаниях для его журнала. Между прочим рассказывал, что Караулов[530] – член Думы! Караулов, осужденный на каторгу, пробывший на ней десять лет и амнистированный после 17 октября 1905 года! А меня все инстанции лишили избирательного права! Впрочем, я не вижу Караулова в списках членов Думы.

Рассказывают еще, что Аладьин[531] (саратовский депутат Думы) – такой отчаянный анархист, что от него сторонились даже русские эмигранты... По списку он значится симбирским депутатом.

4 мая. Четверг.

Верочка уехала в СПб. с почтовым поездом. На дорогу дано 50 рублей.

8 мая.

Совершенно нестерпимая жара. Тщетно ждем дождя... Катя собирается переезжать в деревню.

А денег нет. На «Московский голос» я потратил много сил и времени, а нет ни строчки. Скворцов должен рублей 120 и не шлет ни гроша. Очень плохо приходится.

Ну, амнистии не было. Отложили до 14. Муромцева во дворце ублажают, словно японского посланника... Очевидно, что, как и гласили слухи, будут «уступать до последней крайности»... Жалкие люди.

Ночь. Государь не принял депутации Думы с адресом[532], но установил порядок передачи – в министерство двора с Запиской председателя Думы (или Совета). Это считается признаком некоторого неблаговоления. Без сомнения император не знает, что сказать депутации, а при письменной передаче может просто промолчать. Ну, по-моему, это победа Думы! Если царь только смолчит, но не распустит Думы – значит он допускает ее претензии отнять у него верховную власть. Ну, сегодня допускает претензии, а завтра или послезавтра допустит и факт.

Сегодня я получил просимые мною у министерства внутр[енних] дел копии с обвинительного против меня акта по делу 193-х в 1877 году.

9 мая.

Был у Васнецова. Этот Скворцов совершенная скотина. Не высылает гонорара за апрель (от 120 до 150 рублей, смотря по счету честному или нечестному). Писал ему, но без ответа. Да за май послал уже на 60 рублей. И что же мне делать? Перестать что ли писать?

А мне этот «Колокол» дорог, помимо денег, тем, что это единственное место, где я могу высказываться совершенно свободно.

11 мая.

Получил от мамы в возврат 60 рублей; уж очень она аккуратна. Боюсь, не осталась ли сама без денег.

12 мая.

Катя с Колей и двумя прислугами (Маша и новая Прасковья) уехали на дачу.

Мы остались с Надечкой.

Получено скверное письмо от Скворцова. Вероятно, привирает, да мне не легче. Послал ответ, что уменьшать не согласен, но на доплату в конце года согласен.*

Редакция
ежедневной
церковно-общественной
и политической
газеты
«Колокол»
1906 г. 9 мая
СПб.
Невский пр., 153.

Дорогой Лев Александрович!

Получив ваше письмо, спешу выслать вам в счет следуемого гонорара 100 руб. и очень прошу вас потрудиться выслать ваш счет на причитающийся вам гонорар за ваши напечатанные и имеющиеся в портфеле редакции статьи, которых осталось ненапечатанными две с ныне присланною статьею.

---

* Далее вклеено письмо на бланке редакции *(сост.)*.

Вы – человек аккуратный по этой части, а у меня бухгалтерия хромает, хотя с мая месяца все счета отданы в опытные руки и впредь, надеюсь, не будет уже путаницы. Расчет за фельетоны, а равно и за описание съезда монархистов и помещение вашего реферата я считал по 5 к. за строку. Готов согласиться и на удовлетворение вашего желания относительно 8 к. платы, но откровенно заявляю, что мне это в настоящую пору крайне тяжело. Позвольте так посчитаться: теперь по 5 к., а остальные 3 к. будут доплачены в конце года. Как равно и относительно передовых. Мне бы хотелось помещать их больше – всегда, когда вы найдете нужным высказаться, но финансовая сторона решительно не позволяет превышать бюджета месячного. Сейчас уже кредитуюсь из %, а еще до конца года далеко – надо десятки тысяч. Не признаете ли возможным позволить оплачивать теперь по 10 руб. каждую передовую, а следуемые 5 р. тоже дополнительно в конце года? Если сейчас у нас 6 т[ысяч] подписчиков, то, наверное, их будет в будущем году не менее, и дефицит этого года покрою подпискою новою.

Новостей много и ожиданий всяких еще больше. В духовных сферах зреет решимость непременно созвать собор осенью, хотя светская власть синодальная отстаивает, чтобы предсобор[ную] канитель продолжать еще и в бесконечность. Эту мысль вчера поддержал и Самарин, – кажется, по желанию кн[язя] Ширинского, – что он думает о соборе, – еще не раскусил.

Привет вашим.

Вам душевно преданный
В. Скворцов.

Статьи шлите.

Вчера небольшая сходка (говорят, 30 человек) в Лосином острове поймала двух следовавших за ней шпионов и, привязав к деревьям, расстреляли[533]. Один убит, другой еще жив и мог рассказать происшествие. Одного из убийц арестовали. Он сотрудник газеты «Путь». В кармане у него найдена прокламация, призывающая к вооруженному восстанию на 14 мая (коронация). Ночью заарестовали также на Никитской, в д[оме] Семенковича, склад бомб.

Репортеры, это передававшие, предполагают, что на 14 мая действительно нечто готовится. Скверно, если так. Я думаю завтра поехать в Тучково... А что если вправду захватит восстание?

15 мая.

Мы с Надей поехали на дачу (в Крымское) 13 мая и сегодня возвратились. Дача – усадьба хороша. Но погода наступила холодная и дождливая.

Ну – на коронации ничего не было. А 13 числа Горемыкин отказал во всех требованиях Думы. Дума выразила ему недоверие и потребовала его отставки. Он сказал, что не намерен уходить.

Ждали всяких революций, но пока ничего нет.

17 мая.

Сегодня предложили мне участвовать в «Моск[овских] епарх[иальных] ведомостях»[534] (обновленных). Может быть 30 рублей в месяц... Вот положение: приходится соглашаться, п[отому] ч[то] совершенно не знаешь, будет ли завтра откуда-нибудь хоть грош.

Вчера Грингмут уехал в Петербург – до воскресенья.

Воронов рассказывал, что среди рабочих массовые сходки и приготовления к восстанию против царя и Думы, которая реакционна, – во имя Учредительного собрания. Говорит, что рабочие совершенно воспалены. Это – не какие-нибудь потребности, а просто психологическое состояние возбуждения, произведенное общей ломкой привычных устоев и сдержек[535]. Совершенно понятно.

И Горемыкину ли удержать разрушающееся здание, которое 13 лет всесторонне подрывала сама верховная власть, не говоря уже [о] революционерах и отвратительном управлении, позорной войне и так далее. Да царь, наверное, и сам прогонит Горемыкина очень скоро.

Скверность в том, что страна ужасно неразвитая, так что даже от революции невозможно предвидеть действительного обновления. Резня и разорение – прямо на сколько глаз хватает в будущее!

19 мая.

Жарко опять стало. В саду цветут тополи и все засыпают своим пухом. Премерзкое дерево. Нельзя окна открыть.

Хорошо бы на Троицу быть на даче. Да невозможно. Грингмут вернется как раз на самую Троицу, в воскресенье. Вот положение: может быть, и не увидишь его, а приходится быть на месте. На то служба.

Пишу до нестерпимости много. Совсем одурел. В полгода такой работы можно стать идиотом. А приходится цепляться за все возможности заработка. Всю работу свою вольную, любимую забросил! Борзописцем стал.

Политические дела, по моему мнению, беспросветны. Горемыкин – не более как мирный «кадет». Бунтов не хочет, но желает постепенно ввести конституцию. Да, по-видимому, и сам император такой же. Не верит он в царскую власть, да едва ли и понимает ее...

Ну, а мирно ввести конституцию – это задача невозможная. Все это может только вырастить революцию.

20 мая. Суббота.

Сегодня отдал Клавдию Петровичу Степанову сто рублей (100) в уплату за дачу. Она взята на имя Степановых, за 500 р. Из них 300 рублей платят Степановы, а 200 – мы. Их часть гораздо больше и лучше. За уплатой этих 100 р. я еще должен буду в конце лета внести 100 р.

Приехал Саша из академии.

21 мая. Троица.

Приехал Грингмут. Положение в СПб., по его рассказам, – никуда не годится. Правительство не имеет безусловно никакой программы. Государь император вполне спокоен. Трепов говорит, что осенью вся Россия будет в огне. Горемыкин говорит, что пока он у власти – все будет спокойно. Думу он глубочайше презирает, но ни о каких распущениях ее или реформах даже не думает.

Ширинский смотрит на будущее безусловно мрачно. Свое обер-прокурорское место он принял насильно и относится к обязанностям преднамеренно формально. Он в долгом разговоре изложил государю все причины, по которым не хочет и не может быть обер-прокурором и убедил государя, который высказал: «Да, конечно, если так, то вам нельзя»... Ширинский приехал вечером домой с радостным чувством, что отделался... Но на другой день получил депешу о назначении его обер-прокурором![536]

Таких случаев у этого государя я еще ни разу не слыхал. Ширинский и исполняет обязанность совершенно пассивно, как простой докладчик и наблюдатель.

Что касается Трепова, то я не вполне доверяю Грингмуту. Трепов жалуется на то, что у правительства нет «творческой деятельности», каковая должна проявиться прежде всего в аграрном вопросе. Само по себе это вполне верно, мне кажется, а Грингмут выставляет это как некоторую глупость Трепова...

Нужно было бы самому говорить, чтобы понять, умно или глупо рассуждение Трепова.

Но почему же нет творческой деятельности? Кто виноват? Этого из рассказа Грингмута не видно.

Но – кто бы ни был виноват – правительство живет без идеи... или оно находит, что законодательство 1905–1906 гг. сделало все хорошо и что теперь нужно только проволочить время, чтобы все привыкли к новому положению, и тогда этот гениальный новый строй даст свои благие плоды. Ну, если так, то, вероятно, – оно действительно погибло.

23 мая.

Отправлены 1) письмо, вырезки, отчеты, 2) книга моя – архиепископу Николаю в Токио. Все заказно.

Телеграмма Верочке.

Саша уехал. Мы с Надей опять одни. Боязно.

Сегодня в 1 [час] дня в квартире Дмитрия Грингмута было самое нахальное воровство. Вот и живи тут в одиночестве.

Теперь ночь. Вечером были Новоселов, Клавдий Степанов, о. Иосиф и Кузнецов, только что вчера прибывший из СПб. (с соборного совещания).

Кузнецов передает, что, по общему мнению и впечатлениям, Россия идет к гибели. Нарастает самая разнузданная революция. Новых фактов не сообщает, кроме того, что конституционалисты-демократы слабеют. Это ему говорил Муромцев. Крайние элементы из крестьян и рабочих умножаются в Думе и «кадетское» большинство уже боится, чтобы не превратиться в меньшинство. От этого они считают необходимым ухаживать за крайними и уступать им.

Этот факт, засвидетельствованный Муромцевым, крайне важен. Значит революция очень растет и надвигается.

Император, говорят, пришел к пассивности: отчаялся в спасении. Есть слухи, что Муромцев будет иметь свидание с императором и предложит ему создать новое министерство, не из думских элементов, а из общественных, то есть разных известных и популярных лиц.

Чепуха это, ничего не будет толку. Никаких популярных людей для революции – нет. Да нет и просто крупных людей. А спасти положение могли бы только люди гениального ума и энергии.

Нет, видно, нам один исход: пройти через реки крови и руины разрушения, пока в этой борьбе и взаимоистреблении не обнаружатся силы, способные владеть... Может быть, Россия совсем погибнет, если ее захватят иностранные державы. Но в этом я сомневаюсь. Слишком многочисленный народ. Будут потери провинций, но это скорее сплотит остальных... Думаю, что будет лет 10 крови и разрушения, – а там отчаянная диктатура сильнейшего...[537]

Но я увижу только гибель России, а спасения ее уже не увижу.

25 [мая]. Четверг.

Приехала Вера.

Завтра утром собираемся все переезжать на дачу. Послал Кате телеграмму.

12 июня. Понедельник.

Приехал с дачи в город, чтобы повидаться с О.А. Новиковой. Она таки соблюла правило – посетить летом родину. Хотела ехать в Новую Александровку, но там крестьянские беспорядки, и она возвращается обратно в СПб., а оттуда – за границу. Ну, очень

рад повидаться. Она выглядит лучше, чем я думал, но очень похудела.

Застал в городе Сашу, который на днях окончил с высшим разрядом магистранта.

Что еще нового? Россия подвигается к революции. В Москве беспокойно. В деревне едва ли лучше, а то и хуже. Мужики, по слухам, после Петрова дня собираются жечь усадьбы. В том числе уж конечно не устоять Шлиппе[538] (где мы живем), который весьма непопулярен. Что Господь даст?

Ночь. Саша уехал в Крымское. Мы с Надей заночевали тут. Она очень усердная хозяйка и – спасибо ей – сегодня накормила нас, сама обед изготовила и так далее. Завтра утром хотим ехать в Крымское.

Я нездоров. Геморрой мучит, а от него и запоры. Путешествие еще более растрясло и ухудшило геморрой. Совсем не могу двигаться.

Сегодня, конечно, заходил к Грингмуту. Градоначальник привлекает его к судебной ответственности за действительно довольно жестокую прокламацию против Думы, которую прокламацию Грингмут, однако, только перепечатал, а выпущена она киевскими монархистами (Юзефовичем[539] с товарищами). И, однако, в Киеве никого не привлекают к суду, а в Москве Грингмута – привлекают! Прокламация имеет несколько антисемитский характер, а в Белостоке только что был еврейский погром[540]: это, конечно, усиливает строгость начальства.

Хотя Владимир Андреевич вообще перестал быть осторожным, однако печатать такую прокламацию в такую минуту – все-таки слишком нетактично. Я поэтому попытался навести разговор на эту тему, и он мне рассказал следующее.

К нему недавно приезжал Дубровин (Союз русского народа[541]) и жаловался, что Москва бездействует, не обращает внимание народа на опасность положения. Говорил, что свыше очень удивлены, что народ не протестует против Думы. Смысл выходит такой, что Думу хотели бы распустить, но не иначе как по требованию самого народа. Во имя народного требования она созвана, во имя народного требования только и решаться ее распустить!

Одним словом, свыше желают, чтобы все сделал сам народ, и удивлены, что он ничего не делает... Страшно, что свыше не задают себе вопроса: если народ сам должен все делать, то зачем же этому народу какая-нибудь другая власть?

Как бы то ни было, но очевидно, что Владимир Андреевич был задет упреками в бездействии и почувствовал желание сделать то, что столь желательно вершинам... И вот он помогает агитации Юзефо-

вича и перепечатывает его прокламацию... А засим – градоначальник привлекает его к судебной ответственности по обвинению, влекущему от 2 до 8 месяцев тюрьмы!

Вот и угодил! Агитацию и желают, и преследуют...

Ну уж и люди нынче! А Вл[адимиру] Андр[еевичу] не следовало бы так помышлять об угождениях, а поступать только по своему убеждению, то было бы лучше. Но его положение, тоже нужно сказать, самое ужасное: ведь он готов дать власти всякую соломинку, лишь бы не тонула, не опускалась на дно. Он, я думаю, обрадовался, услыхав, будто бы свыше желают что-нибудь сделать... А Дубровин, может быть, просто все понаврал.

21 июня.

Приехал с Надей и Колей в город, чтобы взять жалованье. Приехали в 10 ночи, и еще не знаю, выдадут ли.

22 июня.

С конторой счелся. Виделся с Грингмутом, а у него видел Николая Никифоровича Эсина, весьма любопытного железнодорожного рабочего. Были у меня только что приехавший о. Восторгов и Анат[олий] Александров с женой, тоже посетившие Москву на несколько дней.

В Москве тихо (кроме грабежей и убийств). Но на осень готовят снова общую забастовку. Это бы можно было считать фантазиями, если бы не высшая власть, которая абсолютно ничего не делает для приведения страны к нормальной жизни.

Эсин только что с юга и говорит, что революция кажется неизбежной. Одни – социалисты – все мечтают о своем. Другие – желающие порядка – в злобе на бездействие правительства и, вероятно, тоже подымутся как против социалистов, так и против правительства. Назревает вообще, по его мнению, кровавое междоусобие... Немудрено.

А в СПб., в высших сферах, как слышно, замечательно беспечны. Все интересы вертятся на пикниках, развлечениях и тому подобное. Quem deus perdere vult, dementat prius![542]

29 июня. Петра и Павла.

Переехал в Москву по случаю окончания отпуска.

Сейчас со мной Вера и Надя, которые приехали помочь мне устроиться, и Саша, бывший здесь до нас. Катя осталась одна с Колей...

Зашел в редакцию и узнал, что несчастный Чухнин[543] скончался... Злодейства без конца. Царь дождется, что у него не останется ни одного верного слуги...

30 июня.

Сегодня началась забастовка хлебопекарей. Мы благодаря дворнику Кузьме успели захватить хлеба на 50 коп. Больше не мог достать... Это все наше продовольствие на неопределенное время.

Говорят о якобы предстоящей забастовке водокачки! Это уж просто невероятно! Вот будет подлость...

Говорят о предстоящей забастовке мясников, конки... вообще, повидимому, заваривается снова какая-то каша...

Около 12 часов ночи. Только сейчас добился хлеба... Костя Глубоковский еще с утра любезно известил, что в его околотке одна булочная работает и спросил, сколько ей заказать хлеба. Ну, тут в конторе заказали на 10 рублей. В том числе я заказал 10 белых хлебов и 10 фунт[ов] черного... За всем этим послал около 2–3 ч[асов] Алексея. Тот пропадал где-то до 10 часов вечера... Но когда наконец приехал, я до 11 $^1/_2$ не мог добиться даже видеть его. Уж и выбегал, и искал, и людей посылал, и ругался... Измучился. Спать пора, устал, но – как же остаться без хлеба? Особенно при моем глупом, беспокойном характере? Вообще крайне я собой недоволен за этот свой «характер»... Наконец послал кого-то сказать Алексею, чтобы или приходил, или убирался к черту! А так как он все-таки не приходил, то я заперся и хотел раздеваться... Вдруг звонок: явился, и, разумеется, разит от него водкой, как от бочки... Ну разругал его, взял хлеб, дал ему какую-то мелочь – 20 коп...

Все-таки – слава Богу! Есть хоть небольшой запас. Воды тоже сегодня налили два ушата. Керосину пуд принесли... Хоть сколько-нибудь легче на душе!

Вот какая неприятная жизнь ныне! А на улице какие-то «товарищи» идут и орут: «Отрешимся от старого мира», и с припевом: «Вставай, подымайся рабочий народ»! Беда с ними! Ведь действительно воображают, что они делают какое-то великое дело!

Скучно, тяжко, ой как тяжко и за них, и за Россию, и за себя!

А Грингмут последнюю дочь замуж выдает – Катерину...[544] В воскресенье свадьба. Видел сегодня жениха: какой-то Аден, по отчеству «Богданович», по типу будто с еврейским элементом, довольно замухрышный художник... Ну, конечно, дай им Бог всякого счастья.

А вот у меня – нет этого счастья. Бедные мои девушки! И упрекаю себя, и ругаю, и сердце щемит, и упреки ропота не отходят. Почему моим бедным детям нет счастья?

Боже, Боже, прости мой ропот, но тяжко сердцу. За себя легче сносить, а за детей тяжело и невыносимо.

У этого Грингмута есть какие-то добродетели, за которые его Господь наделяет своей милостью. Да я, конечно, и не в претен-

зии – пусть будет хоть в тысячу раз счастливее. А за своих больно. Хоть бы им-то кусочек счастья!

О Боже, прости мой ропот!

1 июля. Суббота.

Ну, вот и утро. Прислуги нет. Все, на кого рассчитывал, то уехали в деревню, то находятся на месте. Барышни мои заморились на работе, я тоже, а в доме все-таки беспорядок и грязь. Заниматься нет возможности, и – наконец, ежеминутно ждешь уличных беспорядков.

2 июля.

К нам поступила кухарка Прасковья (Выборнова).

Была проездом сестра Маша.

Произошла свадьба Катерины Грингмут (с Виктором Богдановичем Абен[545]).

3 июля.

Вчера Геника, поехавший в Белосток для собирания сведений о погроме, ранен двумя пулями в грудь, навылет. Ну уж и Шейлоки[546]. Сегодня из редакции давали три телеграммы, справляясь о его участи, и не получили ответа. Неужто умер?

Евреи, кажется, решили систематически перебить всех, противящих[ся] завоеванию ими России.

4 июля.

Известие, что раны Геника неопасны, и через 2 недели должен выздороветь.

Бедная Софья Николаевна Фишер! Я ее встретил на свадьбе, и она ужасно мучается мыслью о гибели России. Ищет утешения в Псалтыри, и прислала мне сегодня записку, которую заклеиваю...*

3 июля.

Третьего дня открыла следующее: Пс. 65, ст. 11, 12[547].

«Ввел ны еси в сеть, положил еси скорби на хребте нашем. Возвел еси человеки на главы наша, проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой»[548].

А вчера с тою же мыслью прочла: Пс. 84, ст. 6-й, 7-й[549].

«Еда во веки прогневаешися на ны? Или простерши гнев твой от рода в род? Боже, Ты обращься оживиши ны, и людие Твои возвеселятся о Тебе»[550].

Так настанет еще. Этому я меньше поверю, чем [нрзб.] нам.

Софья.

---

* Далее вклеена записка *(сост.)*.

Ну, конечно, я верю в такие указания[551], иногда они замечательно, поразительно верны. Но это такая область субъективности, что со стороны ничего нельзя чувствовать...

Саша вчера уехал в Сергиев Посад на праздник. Завтра св. Сергия Преподобного. Заходил я ко всенощной и был удивлен множеством богомольцев.

Заходила Елена Евпловна, приехавшая из Крымского. Говорила, что Катя чувствует себя недурно.

А вот о. Иоанн что-то не заходил. Думаю, тут дело издания у него не устраивается: иначе он бы должен был зайти посоветоваться.

6 июля.

Только теперь понемножку разобрался в работе и уже сделал несколько статей. Сегодня был Клавдий Степанов и взял 2 статьи. Теперь необходимо послать что-нибудь Скворцову...

А Восторгов так и сгинул. Не показывается. Ясно, что его планы лопнули. Жаль.

Приехал из заграницы Хомяков. Собирался быть у меня, но ведь он и вечно болеет и избалован. Наверное, так никогда и не соберется.

Я среди работы читаю Генри Джорджа[552]. Какой блестящий и весьма симпатичный ум! Тем не менее все-таки, к сожалению, не могу принять его теории. У него много верного, но все это требует какого-то иного построения.

Странно, что он, по-видимому, не знаком с социализмом!

У нас в Москве забастовка хлебников продолжается. К счастью, новая кухарка умеет печь хлеб, которым мы и продовольствуемся. Как жаль, что я не имею возможности исследовать быт хлебопекарей, да и вообще рабочих! Уж конечно, у них положение скверное.

7 июля.

Сегодня в № 170 [«]Моск[овских] Вед[омостей»] прочел следующую телеграмму*.

Петербург. *С Высочайшего соизволения назначаются членами особого присутствия для разработки и подготовки вопросов, подлежащих рассмотрению поместного собора Всероссийской Церкви: старший делопроизводитель государственной канцелярии и профессор гражданского права в Училище Правоведения Василий Шенин и московский публицист Лев Тихомиров. (Бирж[евые] Вед[омости]).*

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Я никаких уведомлений об этом не получал, да и комично было бы назначить, когда Особое Присутствие уже закончило всю свою работу!

Послал князю Ширинскому-Шихматову запрос о том, правда ли это известие*.

8 июля.

Получил официальное назначение в Особое Присутствие. Уехал в Крымское.

10 июля.

Вернулся из Крымского с Надей и Колей. Погода здесь плохая, что не приятно и быть в деревне.

Сегодня узнал о распущении Думы, сегодня же Манифест об этом: весьма бледно**.

Приложение к № 28 официальной части «Церк[овных] вед[омостей]» за 1906 год.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКИЙ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая

Объявляем всем Нашим верным подданным:

Волею Нашею призваны были к строительству законодательному люди, избранные от населения.

Твердо уповая на милость Божию, веря в светлое и великое будущее Нашего народа, Мы ожидали от трудов их блага и пользы для страны.

Во всех отраслях народной жизни намечены были Нами крупные преобразования, и на первом месте всегда стояла главнейшая забота Наша рассеять темноту народную светом просвещения, и тяготы народные – облегчением условий земельного труда. Ожиданиям Нашим ниспослано тяжкое испытание. Выборные от населения, вме-

---

* Предложение отчеркнуто слева двумя чертами *(сост.)*.

** Далее вклеен типографский текст манифеста *(сост.)*.

сто работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область, и обратились к расследованию действий, поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению.

Смущенное же таковыми порядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям.

Но пусть помнят Наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что Мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению Нашей Царской воле. Призываем всех благомыслящих людей объединиться для поддержания законной власти и восстановления мира в Нашем дорогом отечестве.

Да восстановится же спокойствие в земле русской, и да поможет Нам Всевышний осуществить главнейший из Царственных трудов Наших – поднять благосостояние крестьянства. Воля Наша к сему непреклонна, и пахарь русский, без ущерба чужому владению, получит там, где существует теснота земельная, законный и честный способ расширить свое землевладение. Лица других сословий приложат, по призыву Нашему, все усилия к осуществлению этой великой задачи, окончательное разрешение которой в законодательном порядке будет принадлежать будущему составу Думы.

Мы же, распуская нынешний состав Государственной думы, подтверждаем вместе с тем неизменное намерение Наше сохранить в силе самый закон об учреждении этого установления и соответственно с этим, указом Нашим Правительствующему Сенату 8 сего июля данным, назначили время нового ее созыва на 20 февраля 1907 года.

С непоколебимой верою в милость Божию и в разум русского народа Мы будем ждать от нового состава Государственной думы осуществления ожиданий Наших и внесения в законодательство страны соответствия с потребностями обновленной России.

Верные сыны России!

Царь ваш призывает вас, как Отец своих детей, сплотиться с Ним в деле обновления и возрождения нашей святой Родины.

Верим, что появятся богатыри мысли и дела, и что самоотверженным трудом их воссияет слава Земли Русской.

Дан в Петергофе, в 9-й день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот шестое, Царствования же Нашего двенадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

«Николай».

По поводу роспуска Думы толкуют о волнениях, конечно, на основе «забастовок».

Саша уехал в Крымское, и я зову всех с дачи, переезжать, поскольку, пока выяснятся дела по части беспорядков. Ну и погода плохая, не дачная.

11 [июля].

Приехала вся семья. Я не ожидал их так скоро.

Был у меня граф Дмитрий Адамович Олсуфьев[553], член Госуд[арственного] Совета. Я его познакомил с Грингмутом.

Грингмут едет на днях в СПб. Там вместе с Думой распущены все его приятели: Горемыкин, Стишинский[554], Ширинский.

Уход Ширинского с обер-прокуратуры[555] неприятен и мне. Полагаю, что на его месте будет Федор Самарин, что еще сносно, или – возвратится Оболенский! Это уже совсем скверно, п[отому] ч[то] он почему-то очень сильно настроен против меня. Мое участие в Особом Присутствии потеряет много % смысла при Оболенском.

13 [июля].

Грингмут уехал в СПб. (до 19 числа).

Заезжал ко мне проездом Вас[илий] Мих[айлович] Скворцов.

17 июля.

Возвратился с семьей от Троицы[556], где мы пробыли с ночи субботы до утра понедельника (то есть сегодняшнего дня).

Съездили очень хорошо, благодарение Богу и Сергию Преподобному. Были у Введенских в Вифании. Я был у Никона и Евдокима.

Ездили все, кроме Саши, который уехал на Праздник в Савин монастырь.

19 июля.

Катя с Верой, Колей и горничной уехали в деревню.

Прибыл Грингмут.

Вечером заходил неожиданно Н.П. Каменев.

В газетах явилось известие об убийстве Герценштейна[557] (бывшего депутата) в Териоках. Случай поразительный, который, очевидно, не может быть ничем, кроме политического убийства. Но значит, это дело какого-нибудь «черносотенца»?

Неужели мы уже дожили до двойного террора, и слева и справа?

Удивительно, что известие об убийстве явилось в Москве, в «Маяке», раньше, чем оно совершилось в Териоках...

Должно думать, значит, что сообщники убийцы имеются в Москве.

20 июля.

Ну и дела! В Свеаборге военный бунт[558], в Кронштадте матросский; форт Кронштадта вывесил красный флаг! В Свеаборге, по-видимому, усмирено, но в Кронштадте хотя форт сдали, а толку, по-видимому, еще нет...

Бедная Маруся! Должно быть, переживает страшные минуты.

Вероятно, здесь предстоит нечто подобное. Хоронить Герценштейна будут здесь, на Ваганьковом, и уже теперь идут широкие приготовления к грандиозной манифестации, которая может разыграться и в нечто покрупнее. Говорят, что в революционной среде масса оружия.

Репортер рассказывал, что идет следствие по убийству Герценштейна и вызывались к допросу редактор «Маяка» и «Веча»[559].

Какая теперь тяжелая жизнь: только и слышишь кругом – убийства, взаимное истребление, взаимное оклеветание, взаимная ненависть, вранье, вранье и вранье... И это – вообразить – «освободительное» движение, борьба за принципы с всеобщим оплеванием всех принципов... До какого ужасного времени судил мне дожить Бог! И неужели умру, не увидивши хоть зари возрождения честности и правды?

Теперь на практике вижу то, что читал в истории: революционные эпохи поднимают всю грязь, какая только кроется в обществе и людях. Человеческая честность и, так сказать, «святость» смогут вырастать только в эпохи мирного существования.

Написал сегодня Кирееву просьбу о справках в Сенат – каким же путем мне достигнуть исполнения Величайшего Положения 13 апреля о включении меня в списки избирателей?..* Ширинский что-то молчит на мои запросы.

23 июля. Воскресение.

На днях от Маруси было письмо о пережитых ими ужасах в Кронштадте. Бунт был в версте от их дачи, а расстреливали на том месте, где дачники играли в теннис...

Бунтовщики (арестованные) имели вид совершенно «каторжный»...

В Москве вчера полагали, что никаких беспорядков не будет. Но сегодня к вечеру один говорит, что будет всеобщая забастовка с середины дня.

Завтра же в Городской Думе панихида по Герценштейну.

Восстание в Свеаборге и Кронштадте усмирено. В газетах удручающие подробности. Все – глупо, зверски и трусливо.

---

* Предложение отчеркнуто слева двумя чертами *(сост.)*.

Почему поднята забастовка в СПб.? Почему поднимается завтра в Москве? Рабочие держат себя игрушками в руках «кадетов», которые хотят поднять бунт из-за роспуска Думы, надеясь запугать правительство и заставить его возвратить снова ту же самую Думу.

Конечно, с таким ничтожным и глупым правительством возможно всякое ожидать. Перепуганные «сей нескромный случай» дали 17 октября. Перепуганные новой смутой могут вернуть назад Думу.

Да я уж и не знаю: пожалуй, лучше будет, если этот строй поскорей рухнет. Все равно он непременно погубит себя. Он – гнилушка, гниющий труп. Так не лучше ли поскорее избавить страну хоть от этого заражения?

Много приходится слышать типичного о настроениях в высших сферах. Всего не опишешь, и все такое неприятное. Огромным влиянием на Государя пользуется Милица Николаевна[560], погруженная в какой-то спиритизм и визонерство. Она раньше ввела ко двору фокусника Филиппа (гипнотизера)[561]. Она теперь ввела нового гипнотизера Папюса...[562] вдобавок, были слухи, фальшивого, так как настоящий Папюс, говорят, публиковал в газетах, что он в Париже и что в Петергофе не он, а самозванец...

Милица (это факт) видела сон и на основании этого требовала у министра принятия известных мер, а когда тот отказал руководствоваться ее снами, – пожаловалась на него Государю.

Вот атмосфера высших сфер.

Получил вчера письмо от Суворина. Заклеиваю его.*

Многоуважаемый Лев Александрович,

Я спрашивал своего управляющего. Прилагаю его ответ. О военном мин[истерст]ве разве можно серьезно говорить. Это идиоты, начиная с чудовища – министра. Видел что делал. Хорош и Бирилев[563]. Дурак в Суворова[564] играет, и его дурачат. Несчастье Государя, что он лишен всякой способности выбирать людей. Около него никого нет. Флот, вероятно, нам надо бросить совсем. Вчера приказано было потопить [«]Память Азова[»][565] и [«]Ригу[»], где экипаж перебил офицеров. В ту ночь подходит к Петергофу без огней какой-то минер. За ним погнались и не догнали. Мне кажется, что мы разлагаемся и уничтожаемся к моему величайшему недоумению. Вот уж никогда не воображал, чтобы это было возможно. Вы как-то писали мне, что время Лаодикии[566] еще не пришло, но оно придет. А мне думается, что оно еще бегает ребенком. А Милюков прогнозирует его рост, ожидает на революцию.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Москва увидела здесь Герценштейна и, вероятно, сделает грандиозные похороны. Столыпин спас мин[истерст]во, распадающееся вследствие военных бунтов. Никто не хочет совать туда свой нос. Сможет ли он что-нибудь сделать, Бог весть.

У него как будто есть воля, есть [нрзб.] простота и прямота, но революция находит такую мягкую почву, что кажется все в нее уходит как в затягивающее болото. Что это такое, моими старческими мозгам просто задача неразрешимая. Я читал Вашу статью о выборах. Вы говорите, Царь не может ничего изменить без Думы. Точно дети, что правительство, останется без Думы и без законов, при государе, который ничего не может, кроме введения военного положения. Сейчас говорят мне, что в Кронштадте расстреляно и повешено 70 человек. Царь придворная вещь, потому что он бессилен сам и не может никому внушить силу.

Будьте здоровы. Я жду как приговоренный, измученный, ни имеющий возможность отдохнуть. Да и не тянет к отдыху: мысль там общая, что торопишься, торопишься, а для чего и для кого – черт знает.

Ваш А. Суворин.
20 июля [1]906.

Сегодня пишет Мих[аил] Новоселов, что совсем болен: переутомлен, голова отказывается работать.

24 июля. Понедельник. 1 ч. дня.

У нас в 12 часов забастовали наборщики. Забастовка, говорят они, – «политическая», и бастуют потому, что «Союз» приказал. Кто в этом Союзе – не знаю. У Кушнерева сейчас митинг наборщиков. Об остальных еще ничего не знаю. Но у кого-то в Замоскворечье горит фабрика.

Ночь. Забастовка весь день разрасталась. Часам к 6 вечера перестали ходить электрички и кони. Был слух о железных дорогах. Но оказался неверным.

Саша утром уехал в Крымское, и я обеспокоился, но оказалось, что железные дороги действуют. Некоторые говорят, что завтра в 3 часа забастуют и железные дороги, а другие говорят, что до сентября отложено, как «несвоевременное».

Наши рабочие уже пели «Марсельезу», искаженную, конечно. Удивительно искажен ее торжественный мотив в нашей переделке.

25 июля.

Трудно сказать, разрастается или уменьшается забастовка. Вышло [«]Вече[»] и [«]Летопись[»]. А эти глупцы наборщики говорят: «Наша забастовка – политическая»... «Во имя чего же?» «По случаю

убийства Герценштейна, и чтобы вновь собрали старую Думу». Вот уж бессмысленная игрушка. На Герценштейна им наплевать, да и что же они хотят? Воскресишь им, что ли, Герценштейна? А Думу они сами ругательски ругали... Да и все это вранье. Они просто трусы и холопы. Приказал «Союз», и они не смогут ослушаться. А ведь и «Союза» никакого нет. Они не выбирали Союз, и даже не знают, где он и из кого состоит. Самозваная группка объявила себя «Союзом» и приказывает. Рабочие же – трусы и слушают, как отцы их слушались «барина».

Они не хотят бастовать; во всей типографии только один был за забастовку. Но раздаются магические слова: «Приказал Союз», и они рабски повинуются, со страхом за свою участь. Совершенно жалкие и несчастные люди.

27 июля.

Сегодня все мои перебрались из Крымского в Москву.

И слава Богу!*

Сегодня забастовки, по-видимому, окончательно стихли. Наборщики все взялись за работу. В городе тоже тихо. Но будущее неизвестно. Революционеры, говорят, готовятся к бою на сентябрь.

В деревне тоже не очень-то нормально. Крымские мужики и баба на днях обобрали зеленые плоды в саду Шлиппе. Ефим, услыхав об опустошении, попробовал усовестить, но они ответили: «Поговори еще! Привяжем тебя к дереву, вместо собаки!». Плоды – незрелые и никуда еще не годные, так что чистое самодурство мужиков: делаем, дескать, что вздумается!

Август 1906

2 августа. Среда.

Купил новую машину Ремингтон, модель 9, № 4754. Стоила она 275 р. В то число пошли:

150 руб. О.А. Новиковой

65 р. за старую мою машину.

―――

215

60 руб. приплатил своими собственными наличными.

Итак, подарок моей кумы далеко не полон, приплатил к ее 150 р. еще своих 125 руб. Но это не беда. А вот горе, что я по непо-

---

* Предложение отчеркнуто слева двумя чертами *(сост.)*.

нятной мне самому глупости поставил мелкий шрифт. Отвратительно некрасиво, неудобно, менее разборчиво... Это такой промах, что и новой машине не рад. Впрочем, сказать откровенно, я и не вижу в ней никаких преимуществ перед старой моделью 5-ой. Даже наоборот: старая система мне кажется гораздо прочней.

Но, во всяком случае, дело сделано. Это моя кума меня прямо принудила. Заявила: «Хочу подарить Вам новую машину». Непременно в одну душу. Я отказывался. «Нет, пришлю из СПб.»... Ну что делать? «Благодарю»... А потом вдруг:

«Кум, выручайте, купите сами! Вот Вам деньги... Вот можно купить за 150 рублей!»

Ну, конечно, совестно сказать, что таких уже не существует. Навязала мне свои 150 р.

Конечно, в результате – я получил за 60 рублей новую машину вместо старой... Это в своем роде «гешефт»[567], если бы я не сделал глупости со шрифтом...

Вот кажется, будто бы новая машинка стучит... Если это окажется верным, то выгода не малая, ибо от стука у меня голова часто болит.

4 августа.

На днях приехал Новоселов. Он жалуется, что совсем болен, неспособен к работе, голова не служит...

Я сам тоже начинаю снова расклеиваться. Кишки уже прямо болят.

А Владимир Андреевич на днях уедет за границу отдыхать. Следует! Он страшно много работает.

6 августа. Преображение.

Ночь. Саша ушел из дому, чтобы ехать в Тверскую губ[ернию]. Со своим приятелем-монахом на его родину. Прогулка.

Сегодня же он подал прошение о зачислении его учителем в Новгородскую семинарию. Послал заказом; заказное же письмо о. Петру Звереву, который там инспектором. А архиепископа – звать Гурий[568].

Я расклеился. Геморрой; кишки расстроились. Работать труднее, а потому находится свободное время для тоски. Нехорошо на душе. Все скучно, призрачно, почти никаких надежд... Кто-то сказал, что надежда – последняя из богинь покидает человека. Вот эта богиня уходит... Или уже, стало быть, и другие улетели?

Надо сказать, что жизнь теперь вообще неказиста. Взять хоть грабителей: неслыханная дерзость и безнаказанность. У нас, на Страстном[569], около, ограбили карточную лавку. Внезапный набег, револьверы, «руки вверх», и – готово...

Один позор чего стоит! Я держу револьвер вечно заряженным, хотя это нехорошо. После того случая, как у нас в Le Raincy[570] дура-прислуга нечаянно чуть не убила себя, я перестал держать револьвер заряженным... И вот снова зарядил. А все-таки вечно думаешь: захватят врасплох! Да и ужасно тяжко думать: а ну как застрелишь человека? Хоть и мерзавец, в вот будет совесть грызть. А с другой стороны: неужели подчиниться, безгласным бараном, насилию первого встречного?

Вот и живи после на свете! Мудрено. Все вообще мерзко. Гнуснее нет страны на свете. И это – моя Россия, мой идеал, мои надежды! Можно ли так поголовно, так низко упасть? Тошно жить на свете.*

Я много пишу, все стараюсь вразумить, усовестить наших распустившихся граждан... И знаю, что ни к чему, никого не затронешь ни за разум, ни за сердце – все это пропало у людей! Какая-то сатанинская чернота всех замарала своей сажей.

«...Если не сократились бы эти дни, не осталась бы никакая тварь»[571].

Господи, неужто не сократишь Ты этих невыносимых дней?

7 августа.

Катя с Верой и Колей уехали к Троице Сергию, быть может, надолго, если найдут дешевую комнату: доживать каникулы.

Проезжала из СПб. на Кавказ Оля Тиризина.

Получил письмо от Александра Мироновича Герасимова[572]. Мальчиком я знал его в Керчи у Серафимовых[573]. Теперь он уездный воинский начальник в Тирасполе Херсонской губернии. Пишет из СПб., случайно услышавши обо мне.

8 авг[уста].

Мои возвратились из Троицы. Комнаты негодные. Да и жизнь там плохая. Хулиганы одолели дачников. По Посаду тоже неспокойно. Жители говорят, что есть заговор об ограблении святыни, что будто бы один из заговорщиков, мучимый совестью, выдал остальную компанию в 8 человек, которых будто бы и арестовали. Но – что все-таки нападение, и притом с бомбами – все-таки будет... Вообще настроение там тревожное.

Вообще Катя оставила всякую мысль нанимать там. Да и тамошние дачники уже собираются уезжать.

Странно: Воронов, живущий там же (около Калистова), на днях тоже передавал, что очень беспокоится и старается перевезти семью в город.

---

* Далее вымарано 7 строк *(сост.)*.

Какое омерзительное время! Удивительное, неслыханное развращение.

10 августа.

Сегодня обослался телеграммами с о. Петром Зверевым о прошении Саши. Ответил, что прошение получено и представляется дальше. Советует лично просить Арсения.

Хлопот-то порядочно. Только бы Господь посилил получение этого места. Новгород мне представляется местом хорошим... А впрочем, да устроит сам Господь не по нашей воле, а по Своей.

В Москве неудержимые разбои. Вооруженные шайки грабят днем и ночью кассы, квартиры... Ужас жить!

Сегодня, 10 августа, падал градоначальнику прошение о выдаче мне Сенатского указа 24 мая о моих избирательных правах. Об этом указе только сегодня сообщил Киреев, частно хлопотавший: ни Сенат, ни градоначальник не сообщили в течение с 24 мая по сие время...

11 авг[уста].

Грингмут уехал за границу, говорит, на месяц.*

12 авг[уста].

Ночь. К вечеру известие о безумно зверском покушении на жизнь Столыпина[574]... Не люди, а совершенно обезумевшие хищные звери! Убито 20 чел[овек],** ранено 24... Эти убийцы и сами погибли, но не лучше ли было казнить их до покушения.***

На днях я послал личное письмо Арсению Псковскому[575], с просьбой дать Саше место в Новгороде.

14 авг[уста].

Получил письмо от Бурцева.****

«БЫЛОЕ» *1906 года*
Редакция
СПБ. Спасская, 25.

Лев Александрович!

Я думаю через неделю приехать в Москву. Если бы было возможно, то я снова хотел бы побеседовать с Вами. Накопилось много, о чем поговорить надо.

---

* Предложение отчеркнуто справа двумя чертами *(сост.)*.

** «Позднее: насчитано 34 убитых, а всего ранеными свыше 60». Примечание Л.А. Тихомирова *(сост.)*.

*** Далее вымараны 3 строчки *(сост.)*.

**** Далее вклеено письмо на бланке редакции с пометкой Л.А. Тихомирова «Получено 14 августа» *(сост.)*.

Мне можете ответить сюда: я еще тут живу, или в Москву до востребования на мое имя и фамилию

Ваш Влад[имир] Бурцев.

Ответил немедленно, говорю, что его рад видеть, но кровь, которую льют террористы, внушает мне такое омерзение и такую тоску за людей, что мне не до воспоминаний о тех людях, по вине которых у нас развилась террористическая идея.

Действительно – гнусно делается на душе. Все новые подробности о подлом избиении женщин, детей и кто попался у Столыпина. Негодяи! Но из этих гнусных тварей некоторые остались живы, только не сообщают сколько, да что толку из их жизни: все равно ничего не скажут, да если бы и сказали, то никакого толку. Полиция все равно ничего не сделает. Притом их много. 5–6 больше или меньше – все равно.

Убит Мин[576], Семеновского полка! Какая-то девушка сзади всадила 5 пуль. Фанатичка, думает, что героиня! Впрочем, это все же не такая гнусность, как бомбы, избивающие по 60 человек посторонних.

У этой девушки были и бомбы. Вообще теперь бомб по России больше, чем репы на рынке.

15 августа. Успенье.

Ну вот, завтра Кате идти в гимназию. Опять начинаются беспокойства и тревоги за всякие забастовки и пропаганды!.. Опять начнутся «Родительские совещания» с агитацией разных бездельников... Эх, время, проклятое время интеллигентской глупости! А моему бедному Коле еще так много осталось проходить этим болотом. Переходит только в VI класс.

И неужто никогда не кончится этот идиотизм? У людей, по крайней мере отгремит революция – и конец! Переменятся правящие силы, и общественная машина, не искрит, продолжает работать. А у нас не революция, а черт знает что: гниение, разложение, и конца нет.

Приехали Георгиевские. Они оба (Григорий Петрович и Александра Павловна[577]) заходили сегодня. Они буквально бежали из деревни, ночью. Там аграрные беспорядки. Одного агитатора, поехавшего за оружием, арестовали на уличной дороге, но он успел отправить записку, чтобы все мужики шли освобождать его в Гератсы. Толпы двинулись, принуждая идти с собой всех. Тащили и священника с дьяконом. Должны были явиться и за Георгиевскими. Вот он с семьей, дождавшись ночи, и бежал на железную дорогу – и в Москву.

Мужики тоже шли силком и разбрелись по дороге при малейшей возможности. Вообще они стонут под игом, но что касается помещи-

чьих земель – отбирают их. Много усадеб жгут. Устроена забастовка земледельщицких рабочих, и силой не позволяют наниматься.

Вообще хорошенькое положение!

16 авг[уста].

«Русское слово» науськивает на меня террористов. Это замечательно гнусная газета. Едва ли хоть одна с ней сравнится по подлости. И я их какой-то особый предмет. Если меня убьют, то всецело «заслуги» этих мерзавцев, сочиняющих самые бессовестные выдумки против меня. Почему я им так дался? Я никогда не обращал внимания на их мерзкие выходки: может быть, это презрение и злит их. Теперь там какие-то жиды собрались.

18 августа.

Прибегал В.Г. Дудинкин, о существовании которого я даже позабыл. Пришел сообщить, что какой-то молодой купчик Малюшин сказал ему, что Грингмута и меня революционеры порешили взорвать или вообще – убить...

Ну, что-де я буду делать: ослы, конечно, как всегда. Уж особенно – мое убийство абсолютно бессмысленно. Но что же делать с дураками, вдобавок потерявшими и совесть?

Уберечься – смешно и думать. Убьют, так убьют. Они и детей уже столько перебили, не то что взрослых!

Повольный (Иван Васильевич) приехал из СПб. И передал мне «официальное» приглашение В.В. Комарова[578] сотрудничать в [«]Свете[»][579]. Условия: 5–6 статей в месяц, до 200 строк, по 10 к. строка.

Надо постараться удовлетворить его желанию. Теперь передо мной самая необеспеченная будущность. Нельзя упускать никакого заработка. Да – и не без пользы. У [«]Света[»] все-таки найдется тысяч 10–15 подписчиков: аудитория довольно значительная.

Забыл записать, что вчера заходил кн[язь] Волконский (Мих[аил] Ник[олаевич])[580] и просил у меня статьи для издания мелкими брошюрами для рабочих.

20 авг[уста].

Саша уехал в Савин Звенигородский монастырь.

Вчера (19 авг[уста]) я получил от градоначальника подлинный Указ Синода о Высочайшем Повелении 13 апреля. Написан на машинке такой истертой лентой, что местами почти невозможно разобрать буквы. Какие они во всем небрежные свиньи. Каждый документ и написан так, что читать нельзя!

21 авг[уста].

Получил от Суворина приглашение сотрудничать[581] в «Русской земле».[*]

Насчет Петербурга я с Вами совершенно согласен, многоуважаемый Лев Александрович. Но [нрзб.] не найдешь.

Правы Вы в отношении Земского собора, но вдруг его не соберут, то возможно учредительное собрание. Мы, надеюсь, к тому и придем. Все партии сошлись бы на одном, на отречении [иностранное слово нрзб.]. Царем явился бы ребенок невинный, настоящий и чистый символ власти царской[582]. В Германии во все время делали свой фокус было дико и глупо; перед ребенком как будто все стыдятся предаваться интригам и [нрзб.]. Я убеждаюсь, что самым простым у нас [нрзб.] присутствовал бы [нрзб.] в прошлом влекло [нрзб.] было бы.

Может быть, царем и может быть или гений, или ребенок [нрзб.]. В получении от Столыпина одни играли благородную в политическом смысле роль: дети придают этой ужасной [нрзб.] особенную трагичность, разбудив чувства в равнодушных.

А вообще все скверно и все знают, что ждать и где, и в чем выгода. Очень тяжелая штука – русская жизнь, в которой так крепко впился еврей.

И бездарность вверху, грехи [нрзб.].

У меня есть в Москве дрянная газета. Редактируется она прескверно, но все-таки расходится тиражом в 7–8 [тысяч]. Отчего бы, Вам не давать в нее своих статьей по вопросам рабочему, церковному и всякому другому. Конечно, не очень известных статей. Как Вы думаете на этот счет. Газетку издает мой сын наскоро. Я почти не занимаюсь [?] ею, но вижу, что она плоха и неизвестно для кого печатана. Ирина Игнатьевна[583] не бездарный, как сотрудник, но вот редактор [нрзб.], как выразился злоречивый рецензент.

Никакой популярности и [заботе ?] о той публике, которая могла бы читать газетку. [нрзб.] у него влиять на политику и на госуд[арственную] власть она давно он влияет ни на кого и не задался вопросом, что, как и о чем надо писать? Мне кажется, Вы могли бы найти в таком [нрзб.] с Вашими взглядами. Я просил бы Вас подумать об этом, если у Вас есть свободное время для занятий. Я все собираюсь в Москву и никак не могу собраться. Ирина Игнатьевна пропала с тех пор, как мы не виделись. Время час гулял [?], что точно прошло. Будьте здоровы. В [«]Моск[овских] ведомостях[»] я прочитал последнюю Вашу статью, и она мне очень понравилась, как понравились мне Ваши статьи в [«]Колоколе[»].

А. Суворин.
18 авг[уста] 1906 г.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Сегодня сдал о. Восторгову для книгоиздательства «Верность» 2 брошюры из статей моих. Предлагал по 75 руб[лей] лист.

Послал в [«]Свет[»] запрос относительно подробностей сотрудничества.

Саша возвратился из Савина монастыря.

22 августа.

Получил от Преосвященного Арсения письмо, что духовно-учебный Комитет составил доклад о назначении Саши в Новгородскую семинарию... Теперь дело только [?] в утверждении доклада обер-прокурором.

Помоги, Господи... Преосвященному во всяком случае, спасибо. В письме своем он очень хвалит Новгород и саму семинарию.

23 августа.

Отправлен ответ Суворину о сотрудничестве.

Сегодня узнал конфиденциально, что Столыпин (министр) очень интересуется монархическими партиями и осведомлялся, смогут ли они «грудью стать вокруг Государя, при его предстоящем осенью прибытии в Москву?»...

В первый раз слышу, что эта поездка предполагается серьезно. Вот разгадка, почему Рейнбот[584] так старательно очищает Москву от революционеров.

Впрочем, не думаю, чтобы как бы то ни было, анархисты были настолько безумны, чтобы предпринять что-либо против Государя. Задача «грудью стать вокруг», вероятно, очень легка для монархических партий.

Но как же это председатель монархической парии пропустит этот случай? Или возвратится во время? Он теперь в Каннах (французских), Hotel Victoria[585].

Вернется, конечно.

25 августа.

Вышло правительственное сообщение – о программе правительства: энергические меры, военно-полевые суды[586] и тому подобное, с одной стороны, и проведение всех «свобод», о каких только слыхал Столыпин. Вероятно, не будет ни того, ни другого.

Задача этих великих людей – силой власти насадить парламентаризм: так ее можно формулировать. Внутреннее противоречие, смесь трусости, произвола и политической слабости мысли.

26 августа.

Сегодня закончили водопровод в новой квартире; хотя воду дадут еще не раньше 2-х недель, но зато квартира пришла в порядок.

Сегодня Языков заявил Нольде, что думает отказаться от работы в «Моск[овских] Вед[омостях]», так как в университете с началом лекций (15 сентября) начнутся и митинги (теперь уже не говорят «сходки»), и студенты намерены делать какие-то протесты вообще против «Моск[овских] Ведомостей», а в частности против него, библиотекаря, осмеливающегося работать в этой газете. Дмитрий Дмитриевич Языков, посему, желает удалиться и говорит: «Вот времена! Человек должен стыдиться быть честным!»

Времена, действительно, скверные... И люди тоже.

Но если эти страхи его не преувеличены, то, видимо, руководители революции придумали новый способ «утихомиривать» студентов. Натравить на «Моск[овские] Вед[омости]». Остроумно! Что же будет делать начальство? Это уже не что-либо «ужасное», а свобода мнений, слова, собраний и скандалов. Значит «репрессий» – никаких.

31 авг[уста].

Послал письмо Грингмуту во Францию.

Любопытна абсолютная изолированность студенческого мира от «Московских Ведомостей». Из Киева студенческое Общество академического порядка[587] прислало 300 экземпляров своего воззвания в пользу учения, с просьбой распространить между студентами. И вот не оказывается буквально ни одного знакомого студента. Некому дать. Единственный – молоденький Преображенский.

1 сент[ября].

Сейчас, к семи часам вечера ждем к себе Иверскую Божию Матерь.

Сегодня получил наконец письмо от Виссариона Вис[сарионовича] Комарова, предлагающего сотрудничество в [«]Свете[»]. Условия – сначала – 10 к. строка. Излагаемые им взгляды – сходны с моими. Ну, коли Господь даст, попробуем сотрудничать...

А даст ли Господь? Приходил Новоселов и передавал со слов Кедровой (Елены Сергеевны), что революционеры решили меня убить. Это ей говорят со всех сторон: она ведь живет в радикальной среде. Она страшно взволнована, говорит, чтобы я скрылся и так далее. Это, конечно, невозможно, да и постыдно. Куда же скроешься? Но нужно сказать, что убивать меня до такой степени глупо, что просто не верится. За что и для чего?

«Русское слово» подстрекает к этому, но собственно революционеры: Ведь надо же иметь или причину, или цель? Я только публицист, в публицистике никого не призываю ни к каким насилиям, а только учу теории.... В практической политике участия не принимаю. Даже не

состою ни в каких организациях. Правда, что революционеры дошли до психоза, до невменяемости...

Однако, если вправду убивать меня, – это будет нечто еще [нрзб.] постыдное: убийство по правилу «своя рука владыка»...

И что же мне делать? Отдаться на Волю Божию. Более ничего не могу сделать, если бы даже захотел.

Да и что мог бы я сделать? Совсем не писать, что ли? Так ведь я живу литературным трудом.

Катя скажет: сижу без денег. «Моск[овские] вед[омости]» не платят, еле выклянчил 50 рублей, а когда остальные заплатят – даже не назначат срока: «когда будут!».

Иверская Божия Матерь заставила себя немножко подождать, но около 9 часов все же удостоились помолиться. Помоги, Господи, молитвами Твоей Пречистой Матери.*

2 сентября.

Послал первую статью в [«]Свет[»]... Устаю ужасно. Пишу: 1) [«]Московс[кий] голос[»], 2) [«]Колокол[»], 3) [«]Моск[овские] Вед[омости»], 4) В библиотеке о. Иоанна[588] и теперь еще в [«]Свете[»]... И сижу без денег. Должны [«]Моск[овские] Вед[омости»] 160 р., [«]Колокол[»] 105, [«]Московский Голос[»] – 125, Итого 390! Кажется, богатство? И никто не платит, и ничего нет.

Вчера казнили (повешен) Владимира Мазурина[589], бывший студент. Какой у него формуляр. Он причастен а) убийству Великого князя Сергея Александровича, б) убийству Войлочникова, в) расстрелу агентов в Лосином о[стро]ве, г) ограблению Московского банка[590], д) и несколько мелких покушений или убийств городовых[591].

От причащения и целования креста отказался...

Желябов[592] не только приобщился, но на эшафоте целовал крест. Мазурин пошел дальше.

3 сент[ября].

Известие о скоропостижной смерти Трепова... Все трубят конечно об отраве. Телеграмма говорит о разрыве сердца[593].

Интересно, что выяснит дознание...

А жаль. Он был хороший человек. Зачем его взяли туда, в безнадежный Петербург? Да он и не годился для такой безмерно трудной роли...

Ах, какое тяжкое время! Только и слышишь и видишь: смерти, бунты, кровь, убийства, расстрелы, виселицы... Боже, Боже, неужто этому не будет конца?

---

* Предложение отчеркнуто слева двумя чертами *(сост.)*.

Нет нам милости, нет нам помощи!

А у меня дома ноющая неприятность, для меня всегда невыносимо мучительная. Перемена кухарки. Она, эта Прасковья – тяжелое существо, нравная, дерзкая, гордая. Катя измучилась... И все старается остаться[594], и других не допускает. Обычная, всегда мучительная история!

5 сент[ября].

Ну, кажется, я формально заболел. Кашель, озноб, сегодня я не в состоянии был днем высидеть в редакции и ушел. Температура около 38°... Не ясно, что будет к ночи.

В делах – не слишком безотрадно: 1) в [«]Колокол[»] отправлено в сентябрь 2 статьи, 2) в [«]Свет[»] – тоже 2, 3) о. Восторгову одну брошюру окончательно сдал в тираж, 4) Ав[дотье] Лар[ионовне] за сентябрь выдал вспомоществование (обычные 15 р[ублей]), 5) в «России»[595] уплатил по октябрь.

День-два болеть можно... Но больше – это уже будет плохо.

8 сент[ября].

Все время валялся больной, и температура все не доходит до нормального.

Вчера Саша получил назначение на место преподавателя Новгородской семинарии. Слава Богу! Вчера я был очень обрадован... Теперь думаю, что будет ему все-таки тяжело на чужбине, без своих, без друзей, и самому скучно делается... А что делать?

Вчера был у меня Балашев (Владимир Андреевич)[596]. Предлагал сотрудничество в своем новом «Голосе России»[597]. Все строчи и строчи!

Я устал, исписался. У меня еще куча вопросов, где я бы охотно занимался и немного писал. Но ведь это не то! Это борзописание мне отвратительно, и я чувствую себя просто не в силах больше. И должен тянуть эту лямку и еще благодарить Бога, что есть работа... Работа – ремесло, не творчество, а ремесло. Это очень редко. Я не тягощусь ремеслом редакционным, корректорным, секретарским. Но ремесло писаря – для меня тяжко. Это не в моих способностях.

А Суворин ничего не пишет. Господи! Ведь платит же он Глинке[598] 20 000 р. за редакцию! Я бы не то что за 10, а за 3 тыс[ячи] согласился, и уж, конечно, вел бы не хуже... Но для меня нет места, кроме газетного строчилы, да и то все в «мелкий крест»!

Впрочем, Суворин даже и относительно своего предложения замолчал. Видно, раздумал.

Третьего дня приехала сестра Маша и остается еще несколько дней. Она выглядит недурно.

По поводу неожиданной смерти Д.Ф. Трепова – мне его очень жаль. Был честный и хороший человек. Вообще у Государя верные слуги убывают. Нет Мина, нет Трепова. Хорошо, однако, что Трепова Бог охранил от всех покушений и дал ему хотя преждевременную, но свою смерть.

Надо бы написать о нем свои воспоминания... да вот приходится все соки нервов выжимать на публицистику!

10 сент[ября].

Маша уехала сегодня в СПб. На дорогу взяла 20 руб.

Я начал выходить, даже немного гулял. Но не скажу, что хорошо себя чувствовал.

И в делах у меня невесело. Суворин не заикается о своем предложении. [«]Свет[»] не принимает двух последних статей, хотя одна из них положительно хороша: боюсь, что мы не сходимся во взглядах.

С Балашевым тоже едва ли сойдемся: он едва ли не служит правительству, ну а в таком случае мне у него невозможно писать. Недаром ходят слухи, что он взял субсидию! Может, и вправду... Ну, точно так же и [«]Московский голос[»] – статей не просит. У Восторгова – в брошюре без движения.

Из «Колокола» тоже нет запросов. Г[осподин] Облеухов[599], мой преданный «ученик», как он себя именует, должен быть обрадован, что может заполнить всю газету в пользу своего кармана. Одна моя статья у него есть, и ту не печатает.

Одним словом – всюду я как-то «без производства».

В этом месяце я буду без денег. Расходов же бездна. Сашу обмундировать нужно, снабдить книгами... На последний приезд уже вышло рублей 25, да еще не меньше потребуется. На костюм вышло рублей 20, да понадобился мундир и пальто – едва ли меньше 80... Одним словом, расходов немало. Да, пожалуй, придется дать и на обзаведение, если не дадут авансом жалованье...

12 сент[ября].

Ну, насчет моих газет, дело, видимо, дрянь. Все они, как «Свет», так и Суворин – [за] «октябризм» да конституцию. Не понимаю, как «Свет» мог просить моих статей? Теперь же не печатают, и это естественно, а жаль: обе хорошие статьи.

Вечером был Корнилов. Он скоро (в воскресенье) переезжает в Москву. Одни знакомым прибавится. Жаль только, что такой занятой человек.

15 сент[ября].

Сегодня служили молебствование напутственно для Саши, который думает завтра поехать в Новгород.

За эти дни я послал статью Суворину, [«]Свет[»] напечатал мою 2 статью. Может быть, Господь даст, это сотрудничество и укоренится.

Грингмута все нет.

Сегодня первый снег, но мерзкий, тающий, при сильном ветре. Погода совсем гнусная.

Ночь. Телеграмма: Грингмут в СПб. Ну, слава тебе Господи. Надоело это безхозяйное положение.

Саша меня мучит. Погода хуже, буря, барометр на «великом дожде», а он – уже с простудой, закатился в Успенский собор, и вот уже 11-й час, а его нет. Просто трепет охватывает, что свалится в такую решительную минуту. Лекции начались, его зовут, просят не опаздывать, завтра последний срок. И вот, вдруг, храни Бог, свалился! Там жара – воображаю какая. Торжественная служба. И все-таки можно бы, кажется, кончить в 11-ом часу ночи...

16 сент[ября]. Суббота. 11 часов ночи.

Саша отправился на вокзал – к месту службы в Новгород.

Благослови, Господь, путь его и жизнь его и помоги ему во всех делах его.

Уже полночь. Саша скоро должен тронуться в путь... На душе тоскливо, и за него и за себя. Пусто как-то.

А он? Как подумаешь о его непрактичности, наивности, то спрашиваешь себя: как он там будет жить? Трудно теперь с этими испорченными юношами, а он сам мальчик, несмотря на свои 24 года. Да и в предмете преподавания-то не больно смыслит...

Правда, там есть о. Петр Зверев, инспектор. Все же знакомый, поможет...

Да и Бог там. Господи, Господи, помоги!

17 сент[ября].

Именины Нади и Веры. Провели по-христиански, в церкви, дома тихо, но не скучно. Кое-кто был из гостей. Телеграмма от Саши из Чудова [монастыря]. Письмо от преосвященного Никона. Он чувствует себя в Вологде очень хорошо. Ну, пошли ему Господь всего доброго.

18 сент[ября].

Саше отправлено заказным:
накладная на книги
100 рублей переведено по почте.*

* Далее вклеены две квитанции о переводе *(сост.)*.

Подведены итоги кассовым книжкам, и Сашина передана Вере, а Надина закреплена за него. К сожалению, эта важная регулировка не вполне закончена, еще завтра доделывать придется. А уж хотелось бы привести в порядок.

Толкуют о революции, на начало октября. Есть уже прокламации. Говорят, будто бы в Москве 80 тысяч вооруженных революционеров, и хорошо вооружены!

Чудновато... А впрочем, все может быть.

Сегодня впервые прочел воззвание Великой Всемирной Лиги (Петербургского Организационного Комитета), гг. Домашнева и С.С. Таубе[600]. Очень подозрительная штука. Конечно, это масонство. Находят, вероятно, Россию достаточно подготовленной смутами, чтобы броситься под их покровительство.

19 сент[ября].

С книжками денежными все никак вполне не кончим... Мой текущий счет будет [нрзб.], готов только через неделю.

От Саши письмо о благополучном прибытии. Остановился у о. Петра пока ищет квартиру. Это даже к лучшему на первое время: не будет скучать.

Завтра ждут прибытия В.А. Грингмута.

20 сент[ября].

Приехал Грингимут. Ужасно поправился, отгулялся... Теперь сейчас побежал по собраниям.

Я получил первый гонорар из «Света». Жаль, что совершенно запустил работу для [«]Света[»] и для [«]Колокола[»]. А Суворин моей статьи не печатает. Однако я просил его возвратить в случае непечатания, – и не возвращает.

23 сент[ября].

В [«]Новом времени[»] (от 22) напечатана моя статья «Постройка без фундамента» (о П.А. Столыпине, Гучкове и Трубецком)[601].

Сегодня Саша смог выехать из Новгорода, чтобы навестить Москву (три праздника сразу). Думаю, что это глупость и вряд ли начальство семинарии это одобрит. Но он так тоскует в Новгороде, что у меня не хватило сердца противиться. Ну пусть едет. Может быть, постепенно привыкнет, а пока хоть сколько-нибудь расспрошу его о Новгороде. Конечно, следовало бы сидеть там и готовиться к лекциям... Но что же мне с ним делать? Ах, как трудно обращаться с людьми, влиять, упрашивать, помогать и даже понимать их! И как горько сознавать свою слабость и неумелость, когда дело идет о людях, которых мы любим...

У других людей все выходит так запросто и легко, а у меня – просто беда как все сложно, мудрено и мучительно. Стало быть – не умею! Господи, восполни наши немощи.

25 сент[ября].

В воскресенье (24 сент[ября]) рано утром приехал Саша, а завтра утром он с Катей и Верой собирается ехать в Новгород. Я нахожу обстановку его жизни в Новгороде скучною: никого, кроме о. Петра, он не нашел и сможет ли найти? Петр там непопулярен. В него на днях бросали семинаристы бомбу (правда, сделано уж очень плохо) и устроили ему скандал. С учениками о. Петр держит себя сухо, не знается. При таких условиях дружба с ним только отрежет Сашу от остального мира...

Это очень скверно, и не вижу сил, которые бы это могли изменить. Вдобавок, – все учителя, кроме Саши [и] еще одного, живут в городе, а Саша – при семинарии. Разница же – три версты. Полная изолированность. При желании, конечно, легко познакомиться, но ведь у Саши нет желания. Его только обстоятельства внешние сводят с людьми, а не желание.

Это все очень скверно.

Сегодня у меня был молодой Комаров (Григорий Константинович). Ничего себе – симпатичен.

Сегодня же отослал Суворину возражение Меньшикову, который возражал в [«]Нов[ом] [Времени]» на мою статью[602].

Письменно прошу Суворина напечатать, но уже не знаю, согласится ли. Ну – да что Бог даст. Я сам не зная, хорошо ли это, начал эти статьи.

26 сент[ября].

Сейчас уехали в Новгород Саша, Катя и Вера. На дорогу последним дано 70 р. Саше отданы его 100 р. У меня его денег осталось 40 р.

Ночью. Разудивило меня письмо Бурцева из Женевской тюрьмы Сен-Антуан! Я его считал благополучно проживающим в СПб., – и вдруг – Женева, да еще тюрьма![*]

V. Bourtzeff , Prison de, S' Autoine603,

Лев Александрович!

Вот, опять, куда судьба занесла! Сижу здесь второй раз в том же самом месте. Надеюсь, что дело скоро будет окончено, так как и дела-то никакого нет.

Я уехал, когда 9 № «Был[ого]» кончался, надеюсь, что он теперь вышел: я отрезан тюремными стенами без связи почти и не знаю, что там делается.

---

[*] Далее вклеено письмо *(сост.)*.

В этом № есть та статья Н. Николадзе[604], о чем я Вам говорил. Она поднимает чрезвычайно важный вопрос. Я уже [нрзб.] но нет [нрзб.], – это письма Веры Ник[олаевны]. Она мне их сама читала.

Кое-что есть от Н.К. Михайловского[605]. Лавровскую исповедь[606], поэтому новую даст нам Гер[ман] Лопатин: я его видел недавно, и он рассказал со слов Лаврова чудные вещи о переговорах, о том же пишет С. Иванов, – я к нему нарочно ездил. Надеюсь, п[р]оверить письменным документам из бывшего вашего архива[607], кот[орый] мне обещан, я буду разбираться в этом архиве, когда приеду в Париж.

Тут, еще очень, очень важный свидетель этих событий, это кн[язь] Лев Менсарович!

Мы с Вами очень далеко разошлись в понимании политических событий. Мне как и всем бывшим вашим товарищам, это бесконечно тяжело и до сих пор: Вы крупнейший наш деятель лучший (с нашей точки зрения) эпохи рев[олюционного] движения. Но помимо этого у нас есть много до сих пор общего: это наше «былое»[608], – надо его возобновить. Я несколько раз уже обращался к Вам с просьбой: записать свои богатейшие воспоминания. Это Ваш долг: Вы это должны сделать.

Николадзе поднял любопытную тему: переворот 1882 г. – Не напишите и Вы мне хотя бы в частном письме, чем руководствоваться при изучении этих событий, что находите не важным в статье Николадзе, что грандиозным. Я был бы очень Вам благодарен за эти письма. Вы скажете, что Вам некогда, что Вы заняты, и так далее. Все это так, – но я прошу написать это письмо ко мне их[*] *эти письма ведь, огромного литературно-исторического интереса. Вот, – Вы [нрзб.] должны сделать это!*

Не было ли кроме Николадзе еще другого посланца в то же время? У него кажется что-то серьезного даже не хватает в рассказе.

У нас было изучение, народовольческого движения, продвигалось хорошо, – подняли серьезные вещи начало с января [нрзб.]. Здесь я успел повидать Шишко[609], Баха[610] и др. На днях, надеюсь, быть свободным и увижу многих других. Пробуду за границей после освобождения недолго и потом в свой Питер.

Пока я сижу, можно писать в здешнюю тюрьму, а когда выпустят меня (Вы узнаете из телеграмм) пишите по адресу V. Bourtzeff, Flatters, № 3, Paris 611.

Вл. Бурцев.

Отвечаю ему. Неловко не утешить в темнице заточенного...

---

* Так в тексте *(сост.)*.

27 сент[ября].

Послал заказное письмо Бурцеву – Geneve, Prison de S'Antoine[612].

Получил письмо Суворина с разной критикой моей статьи, с видимым нежеланием печатать. Немедленно ответил возможно радушнее, чтобы не стеснялся и не печатал, а возвратил. Между прочим, Суворин пишет, что «Товарищ» (Ходского)[613] заявил, что Тихомиров требует Учредительного собрания. А сейчас заходил Новоселов и говорил, что «Новый путь» пишет, что Тихомиров переходит на сторону революции и требует Учредительного собрания!

И как это интересно, что хочет Тихомиров! Я объясняю положение, а не все ли равно – чего я хочу? Дело не в моем хотении, от которого ничего не может выйти, а в положении, из которого последствия вытекают неизбежно, если я их даже не хотел.

28 сент[ября].

[«]Русские ведомости[»] тоже напечатали преподлую статью о моей статье «Постройка без фундамента»...

Я несколько не понимал, чего это их всех так всколыхнуло? [«]Русские ведомости[»] за 15 лет имели систему абсолютно молчать обо мне, что бы я ни написал. Почему теперь нарушили молчания завет?

Вечером зашел о. Восторгов, и сообщил С[анкт-]П[етер]бургские новости, которые мне разъяснили дело. Оказывается, что о моей статье трубит «весь Петербург». Сенсация огромная... и – будто бы статья читана Государем, и так разогорчила его, что Он говорил даже о своем отречении от Престола... Мне, конечно, крайне было бы грустно быть причиной такого огорчения Государя Императора, и я надеюсь, что этот слух не верен. Но он показывает, что моя статья раскрыла глаза многим на опасность законодательства 1905–1906 гг. Если об этом сколько-нибудь подумал и сам Государь, то я понимаю, почему все силы так вооружились против меня!

Между прочим, я понимаю, что и Суворин (если он идет об руку со Столыпиным) не хочет помещать моего ответа Меньшикову. Значит, считает очень опасным для столыпинских планов «оскамотож» власти у Государя Императора...

Вот какой переполох. А и шельма же этот Алексей Сергеевич, старая лисица!

О[тец] Восторгов, кстати, рассказал еще престранную историю о Меньшикове. Он был исколочен на улице какими-то лицами, так что весь в синяках лежит больной. Это было около 26 сент[ября]. А 26 сент[ября] Суворин писал мне, что завтра ждет к себе Меньшикова и покажет ему мою статью. Какие всё сложности. Значит,

27 сент[ября] Меньшиков не мог у него быть. Значит, моя статья не показана, да, пожалуй, Меньшикову и не до нее. Говорят, что Суворин и Меньшиков скрывают этот «инцидент», так как будто бы он имеет политическую окраску, и люди, бившие Меньшикова, кричали, что это ему за предательство русских начал...

Черт знает до чего дожили, сказать по правде! Ведь Меньшиков, однако, писатель, действует словом!.. Что же это за «приемы полемики»? Разве Меньшиков не имеет права иметь свои идеи и их проповедовать?

Ясно только одно, что когда начинаются такие безобразия, то неудобно даже полемизировать против Меньшикова. Суворин, надеюсь, возвратит мне мою статью, и что я с ней сделаю? Разве сгладить полемику?

Ну да есть еще время подумать.

А от Кати, Веры и Саши – никаких вестей. Что может значить? Благополучны ли?

29 сент[ября].

Послал Суворину другую, маленькую статью, а эту прошу возвратить.

Получено письмо от Веры.

Ночь. Грингмут уехал в Киев. Все газетные дела бросил в полном беспорядке, не сдал даже статей, неизвестно, что есть в портфеле. В довершение барон[614] захворал... Выворачивайся, как знаешь. Статей ни в [«]Моск[овские] вед[омости»], ни в [«]Свет[»] – немыслимо делать. Уж о [«]Колоколе[»] и не говорю. Такая скотина в расчетах, что и писать ему не стоит.

1 окт[ября]. Покров.

Вчера заявилась в редакцию эта несчастная Овсянникова (жена, то есть вдова не менее несчастного «политического» и так далее). Я уж и забыл о существовании этой злополучной семьи: думал, что как-нибудь пристроились. Выхожу. Оказывается, что приехала просить помощи, пособия у Владимира Андреевича! Сам гибнет от чахотки, работать уже не может, двое девочек на руках (12 и 13 лет). Опора – молодой брат, получающий жалованья 15 рублей! И плачет, плачет... как и не плакать! Хоть бы, говорит, пособие или в санаторию, а дети? Как-нибудь пристроят в приют...

Не положение, а ужас. Но что же я-то сделаю? Это какое-то наказание мне за то, что имел неосторожность тогда сжалиться над умирающим Овсянниковым и попытаться помочь ему! Вот теперь и она

явилась!.. Как ужасна жизнь, и как мало люди помогают друг другу. Стоит кому-нибудь помочь, и сейчас же накинуться на тебя: и все один одного несчастней. Действительно несчастные, но, Боже мой, что же с ними делать?

Эта – Овсянникова – совершенно как безумная. Приехала из Курска просить помощи. И только потому, что ее муж писал (из милости) в [«]Моск[овские] вед[омости»]. Я спрашиваю: «Сколько же у Вас денег?» – Два рубля. – «Где остановились?» – «Нигде. Я сюда с вокзала!».

Это значит, она думала, что сейчас же ей кто-то поможет. Безумие! А что же ей делать «по уму»? Все одно ничего. И там гибель...

Как кошмар стоит передо мной. Я ее в первый раз вижу. Видно, жестокая чахотка: худая, зеленая, страшная...

Но что же делать? Все-таки ничего. Дал ей десять рублей и сказал, чтобы ехала назад в Курск, что поищу здесь помощи, скажу Грингмуту. Но Грингмуту хоть и не говори. Ничего он не сделает, да и никто, никто ничего не сделает...

3 окт[ября].

Университет закрыт до 6-го, но, вероятно, так и останется.

Суворин напечатал маленькое возражение, а большое возвратил.

Мои – всё в Новгороде, и, по-видимому, останутся еще несколько дней.

8 окт[ября]. Воскресенье.

С Божьей помощью прибыли Катя и Вера (утром).

Утром же (при них же) была икона Спасителя.

К вечеру получена телеграмма Грингмута – «вторник». Откладывает день за днем! Я очень устал, и, что еще хуже, не мог нигде работать (денежно), так что сильно расстроился финансами.

В университете было спокойно. Впрочем, лекций было так мало, что трудно говорить.

От Суворина – ни слова! А мог бы написать... Вероятно, он недоволен «инцидентом» с моей статьей. Он систематически поддерживает Столыпина, а моя статья ссорит его с ним. Ну что же мне-то делать? Суворин думает, что Столыпин успеет провести свою «политику 17 октября», а я думаю, что ничего из этого не выйдет, и только затягивает революционное состояние России. Конечно – теперь нельзя судить, кто из нас прав. Но и я не могу изменить своего глазомера, не могу перестать думать, что путь, избранный Столыпиным, совершенно ложен.

Кстати. По слухам, «кадеты» успешно действуют среди рабочих, и Воронов полагает, что на будущих выборах одержат снова победу, а у Гучкова не будет и того, что было на прошлых. Монархизм, вероятно, усилится, но недостаточно для победы.

10 окт[ября].

Вчера на полчасика заходил Нольде, впрочем, не входя в должность. А сегодня приехал наконец Владимир Андреевич* со своего съезда.

Нольде тоже пришел. Ну, авось, немного отдохну!

Заходил Вас[илий] Мих[айлович] Скворцов, на пути в СПб. Прогулял 2 месяца в Крыму. Жалобился, что дела «Колокола» плохи, и упрекал, что я не даю статьи. Я сказал, что и рад бы, да хлеб нужно зарабатывать, а у него платят гроши... Он платит так, что за иную статью не выходит больше 4 к. за строку. А всего задолжал уже 163 рубля.

Грингмут говорит, что он доволен Киевским съездом[615]. Я не вижу, почему быть довольным? Впрочем, теперь и не может быть ничего, чем можно бы было быть довольным... Россия в муках разложения, и если даже в этом разложении складывается что-либо новое, то знать его пока нельзя, и, во всяком случае, не видно ни единого признака чего-нибудь высокого, великого, благородного...

Любопытные сны свои рассказывала тетка о. Петра Катя. Во время японской войны ей с поразительной ясностью виделось, что Казанская Божья Матерь поднялась на воздух и все дальше возносилась на небеса, где и скрылась... Потом вдруг с неба стала спускаться лесенка, новенькая, желтая, кленовая и очень тонкая, и по этой лестнице быстро спустился на землю высокий, тонкий, молодой человек, весь в красном: шапка, одеяние – все красное «вот как рисуют Мефистофеля», прибавила она.

На другой день после этого сна явилось известие о похищении образа Казанской Божьей Матери (в Казани)[616]...

Другой сон был во время московских «революций»... Она видела всю Никольскую улицу, запруженную неистово шумящей толпой... Вдруг Николай Угодник стал выходить из образа над Никольскими воротами... Он вышел и стоял на воздухе над толпой, и начал говорить народу. За шумом она не могла расслышать и просила народ: «Не кричите, дайте послушать, что говорит Николай Угодник»... Но толпа шумела. А между тем небо было мрачно и все больше заволакивалось черной тучей. Это была тяжелая туча, и в нижнем слое ее видно было, что она составлена из куч камней, которые так и свисали с нее... С ужасом думала тетка, что же будет, когда эта каменная туча упадет на Москву, и искала куда ей самой спрятаться от неминуемой гибели! В то же время она все-таки расслышала кое-какие слова Николая Угодника. Он говорил народу: «Зачем вы убиваете друг друга? Зачем

* Справа отчеркнуто двумя чертами *(сост.)*.

прогневляете Господа?» Только эти слова и схватила она... А между тем туча пошла стороной, и миновала Москву...

«Я верю, сказала тетка, что минула нас эта страшная година бедствий, и не погибнем мы»...

Сны, во всяком случае, любопытны.

11 окт[ября].

Послал 20 рубл. Овсянниковой в Курск. Это, собственно Катя разжалобилась, когда я ей рассказал об этой несчастной... Как и не разжалобиться? Самая ужасная агония... А как помочь?

Дела у самого не блестящи... а уж особенно будущее. Сверкают какие-то волчьи глаза в черном ночном лесу перед тобой, перед семьей. Сам то, вероятно, помрешь[617], ну а они – дети – ведь им нужно жить, и умирать рано...

Скучно, гнетет все... И здоровье не хорошо.

Сегодня Грингмут на собраниях, так что опять я выпускаю газету. Впрочем, Нольде уже был в редакции и помогал. Если захвораешь – не так страшно.

Дела-то мои не густы! Суворин молчит. Значит, помещение этой статьи мне стоило порыва сношений, которые хотя и ничего не давали, но могли пригодиться в случае крайности. «Свет» не помещает статьи о [«]Стране[»]... Тоже мерзко. О[тец] Восторгов и не думает платить денег за брошюры... А у меня уже взято из запаса рублей около 200... Если так жить, то скоро и зубы на полку класть.

Мне же необходимо не только не брать из запаса, а наоборот, для поездки в СПб. Иначе нельзя будет и поехать. Вообще мои дела пошли под гору... Нехорошо.

13 окт[ября].

Киреев пишет, что работы Присутствия начнутся с 1 ноября. А у меня пустота карманная: Восторгов должен больше 300 р., Скворцов – 160, и никто не платит. У Грингмута жалуются и охают – денег, дескать, нет... А за ним 170 р. заработку, да у меня взяли и не отдают 100 р. Выходит, что должны мне больше 600 р., а в кармане – ничего, еле перебиваюсь...

Спасибо, «Свет» напечатал статью... Значит можно надеяться, что с ним не порвешь... А от него хоть и мало доходу, рублей 70 в месяц, да по крайней мере платит...

Скучно все-таки. Нездоровится, и –

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум...[618]

15 окт[ября]. Воскресение.

Завтра нужно ехать в Думу, хлопотать о записи в избиратели. Что то выйдет? Скучно все это и бессмысленно. Делаю чисто по инерции, ибо ни мне, ни кому другому все эти глупости не нужны ни на что...

А ждем завтра – «великая годовщина» нелепейшего дня в истории Русской монархии. По штату полагается быть революционным движениям. Боже, до чего бессмысленна жизнь современной России, да правду сказать, и по всему миру не много ума.

Я все нездоров. Кишки очень скверны. Болят.

Скучно! Все встают мысли о прошлом... Давно ли были дни Александра III, дни славы и великих побед? Как начисто все это истреблено и стерто с лица земли! «Они» толкуют о революции... Революция не снизу, а сверху! Сгниет верх – и рушится: вот и «революция».

Мне говорят многие, будто бы нынешнее царствование опровергает самый принцип Монархии... Неправда! Оно опровергает только принцип абсолютизма и бюрократии. При истинно «монархических» учреждениях и нынешнее царствование могло бы быть очень хорошо. Царь имел бы опору в Соборе, и злоупотребления властных людей не могли бы вырасти до преступлений против России.

Но – все это теория, отвлеченный принцип, а на практике – при этих людях, какие уже есть, может ли не рухнуть монархия? При нынешнем Государе – как ей удержаться? А если она рухнет, то, что мыслимо установить вместо нее?

По-моему – прямо ничего нельзя устроить. Нет данных ни для чего, ни для парламентаризма, ни для республики... Столыпин имеет идею сочинить такое правление, чтобы для народа оставалась «форма» Царя и вселяла доверие, а в то же время, чтобы Царь в действительности не имел власти... Но это ужасная фантазия. Построить государство на фикции!

16 [октября].

Я еще хуже расклеился. Кишки так плохи, что не решаюсь ехать в Думу. Думаю, послать письменно.

Наши делают закупки на случай беспорядков, если они ознаменуют завтрашний день.

Подписался на $^{1}/_{2}$ года на «Плювиум»[619] (редактор Бревенер)[620].

Послал брошюры свои Павлову и Каменеву.

Приходил ко мне с запиской от епископа Евдокима некто Великанов (Григорий Иванович), начинающий нижегородский миссионер (а также и торговец). Рассказывал, что «Россия гиб-

нет, если только начальство не примет мер». Думает, удивил! Вопрос – какие меры? Он подавал какую-то Записку об этом министру (Столыпину), но из этого нет последствий, и он сам хочет ехать в СПб. Я его познакомил с Восторговым. Может быть, пригодится для продажи его изданий?

16 [октября].[*]

Сегодня же подал в управу заявление о записи меня избирателем, представив и Сенатский указ (который они у себя и оставили). Носил, по болезни моей, Осип, и говорит, что служащий меня записал, и сказал, что я должен смотреть себя в списках по их опубликовании. Итак – приходится ждать.

Вечером был о. Восторгов и уплатил за 4 брошюры.

18 окт[ября].

Вчера день был, безусловно, спокоен. В «Русских Ведомостях» (№ 254) целые сочинения о необычном избирателе:[**]

Вчера до пяти часов дня в городскую управу подано 48 заявлений от лиц, желающих участвовать в выборах в Государственную думу. В воскресенье было подано только шесть заявлений. Вчера же подано заявление от Л.А. Тихомирова, который в прошлом году не был внесен в избирательные комиссии.

Городская управа, губернская комиссия и сенат отказали г. Тихомирову в праве участия в выборах, как привлекавшемуся к суду по политическим делам, на основании ст. 7-й Положения о выборах в Государственную думу, по которой лица, не оправданные судебными приговорами, хотя бы после состоявшегося осуждения они и были освобождены от наказания за давностью, силою Манифеста или особого Высочайшего повеления, не могут участвовать в выборах. Г[осподин] Тихомиров представил теперь в городскую управу указ сената, в котором говорится, что Государь Император по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел 13-го апреля 1906 г. Всемилостивейше повелел соизволить не считать дворянину Л.А. Тихомирову судимости его в 1877 г. особым присутствием правительствующего сената препятствием к пользованию всеми правами, предоставленными общими узаконениями русским подданным, обладающим общей гражданской правоспособностью, а в том числе и правом участия в выборах в Государственную думу, а равно и правом быть ответственным редактором повременного издания. Заявление Л.А. Тихомирова принято, и он теперь будет внесен в избиратель-

[*] Приписка Л.А. Тихомирова слева от основного текста дневника *(сост.)*.

[**] Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

ные списки. Плательщики личного промыслового налога, занесенные в списки избирателей по первым выборам в Государственную думу, в случае переезда на жительство из того избирательного участка, где они были занесены в список, в другую полицейскую часть должны подать заявления о перемене места жительства.

Зачем эта необычная публикация? Тоже самое (покороче) напечатано в «Новом врем[ени»]... Не думают ли из этого создать прецедент для прочих «политических»? Очень был бы рад. Я ведь к тому и вел свой «процесс» за избирательные права, чтобы разрушить последний закон, крушивший и юридические принципы, и справедливость из-за жалчайших «избирательных интересов» правительства. К сожалению на этом пункте все мои хлопоты, вся полемика с Сенатом, пропали бесцельно, и я добился признания только личного.

Но если мне дадут права, то почему же не дать другим, находящимся в том же положении?

Князь Оболенский (Ал[ексей] Дмитр[иевич], член Госуд[арственного] совета) пишет мне, что все зависит от Высочайшего Повеления. Но ведь какая-нибудь воля лежит в основе Высочайшего Повеления? Какова же она, и не должна ли она, логично, распространяться на многих других? Мне кажется, это неизбежно.

Мы при отъезде Саши на службу произвели приведение в порядок всяких денежных документов, и в нынешнем состоянии они таковы:

I) Сберегательная касса:
Моя – кн. V р. № 20833 – 950 р. 82 [коп.].
Надя: V разр. № 36650 – 814 р. 81 [коп.].
(личная) 4 % Гос[ударственный] Р. 3 серии по 200
– 600 (номин[ально]).
Вера – XVI разр. № 68898 = 900
(личная) Госуд[арственный] Р. 5 сер. по 100 = 500 (номин[ально]).
Катя V р. 20387 – 912 р. 39 [коп.].
Госуд[арственный] Р. 4 %
4 сер. по 200 – 800 } 1300
5 сер. по 100 – 500 }
Кресть[янский] банк 4 % свид[етельство] два лица – 200
5 % Внутр[енний] Гос[ударственный] займ 1905 г.
Одно лицо – 100

1600 р. ном[инально]
912 деньгами

5) Коля
(на Катю) – 946 р.
4 % Госуд[арственный] Р. – 3 сер. по 200 – 600 ном[инально].

Итого касса – 1) деньгами – 4524 р. 12 к[опеек].
Бумаги – 3300 (по курсу около 2400)

N.B. Номинально 7824
Реально – 6924

II. Расчетная кн[ижка] Госуд[арственного] банка
бессрочный вклад – № 30,815
– 1608 р.

III. Расчетн[ая] кн[ижка] № 312,2, кн[ижка] 1.
Текущ[ий] сч[ет] Московского Купеч[еского] банка – 2435 р.

С[берегательный] б[анк] – 475 } 1675
Бал[ланс] – 1200 }

деньги – 10 342
бум[аги] 3300 (ком[мерческие]).

Номин[ально] 13 642 р.
Реально 12 742 р.

Страх[овое] Общ[ество] «Россия»
Полис 65 442 в 10 тыс[яч].
с 4 ноября 1894 г.
(страховка жизни).

20 окт[ября].

Сегодня назначались беспорядки по случаю годовщины похорон Баумана, но вот – ночь, и не слышно ни о чем подобном.

Но сегодня также день кончины Императора Александра III... Боже, если бы он встал, посмотрел, что сделали с его Россией! Вот что значит личность человека...*

Я начал немножко готовиться к Предсоборному Присутствию, хотя повестки о явке до сих пор не имею. Перечитывать приходится массу, и все-таки очень поверхностно знакомишься с работами.

* Предложение отчеркнуто Л.А. Тихомировым слева двумя чертами *(сост.)*.

Вчера, наконец, кончили канителиться, и нам дали воду. Это тянулось около трех месяцев.

22 окт[ября]. Воскресенье.

Вечером были Тиличеевы (он с женой).

Вчера получил известие о смерти несчастной Овсянниковой. Одну дочку берут в приют. О другой написано письмо Г.А. Шечкову.

Мое здоровье все нехорошо. Кишки. Занят чтением протоколов Особого Присутствия. Но повестки все-таки не присылают. А уже осталось всего неделя до срока.

24 окт[ября].

Получил повестку из Особого Присутствия!

Условились с Кузнецовым ехать 30 окт[ября].

26 окт[ября].

Собираюсь ехать в СПб., а кишки разгулялись. Теперь я знаю, что их у меня постоянно обостряет геморрой... Скверно.

За эти дни – 1) был Н.П. Каменев; 2) Послал Ольге Алексеевне Новиковой [?] брошюры свои (издания «Верности» Восторгова).

Сегодня получил – совершенно не понимаю почему – гонорар из [«]Нового времени[»] за статьи о Гучкове, Трубецком и Меньшикове... И рассчитано по 15 к. строка, так что выходит за такие пустяки большая сумма – 58 рублей. Я писал, даже не думая о гонораре, и считал одолжением написание этих статей. Но, видно, у Суворина уж такие правила – платить за все... Положим, для пишущей братии правило благородное! Здесь, в [«]Московских [ведомостях»] никогда не знаешь, не задержат ли и заработанного. Скворцов – ни гроша не платит с сентября. А Суворин платит то, чего я не только не требую, но даже стесняюсь брать, потому что писал не в смысле заработка, и сам просил напечатать, то есть писал не то, что ему нужно, а то, что нужно мне.

Я бы даже возвратил Суворину, но имею уже ответ, что он обижается за это. Из-за чего же ссориться? Ну а мне 58 рублей – далеко не лишни.

А вот вопрос: что я буду делать в Особом Присутствии? До сих пор, со стороны, мне все казалось очень просто, а теперь как подумаю, что нужно подавать свой голос – делается страшно перед важностью положения церковного дела!

Сегодня же Коля уплатил 35 р. в гимназию.

27 окт[ября]. Пятница.

Новый coup de main[621] революционеров. В Польше 100 человек атаковали поезд из-[за] границы, перебили бомбами 17 конвойных и захватили миллион рублей, посланных из таможни...

Ясно, что измена чиновников, удар подготовленный соглашениями таможенных изменников с революционерами. И, наверное, можно сказать, что виновники – русские! Urbem venalem et mature perituram...[622]

Очевидно, что революционеры собирают деньги на новое восстание. Теперь – одних крупных «экспроприаций» у них уже имеется на 1 1/2 миллиона. В Петербурге на 1 погибших добыто 40 000 рублей. Это хорошая цена жизни. Но к чему же приготовится восстание? По всей вероятности, к Думе. Революционная партия, имея в Думе сколько сильное меньшинство, может, конечно, при помощи восстания, со всеми аксессуарами всеобщих забастовок, – произвесть государственный переворот...

А эти младенцы, управляющие Россией, забавляются игрой в конституцию! Глупцы! Кому нужна их нелепая конституция? Тут – борьба на смерть, а не конституция.

Вероятно, Россию ждет страшный революционный разгром, много лет, очень много, а в конце-концов рардор между окружающими нациями...

Нужен великий человек... а мы все – ничтожество, без сердца и без совести. Quem vult perdere – dementat...[623] У революционеров – великолепное самоотвержение, но – безумие! У всех остальных – трусость и глупость. А национальный фон – бессовестность, продажность, ничтожнейший эгоизм. Что может вырасти из таких корней?

30 окт[ября].

Уехал с Надей в СПб. На заседание Особого Присутствия.

22 ноября.

Сегодня возвратился с Надей в Москву с Особого Присутствия.

Мы выехали из Москвы 30 окт[ября]. 31 октября были у Скворцова и у Комарова.

1 ноября Ширинского не застал дома; Суворина сначала не застал, а потом после 3 часов принял; был любезен. Вечером у Скворцова, где были Арк[адий] Дмитриев[ич] Одесский, Антоний Волынский[624], о. Буткевич[625], миссионер Кальнев[626], архимандрит Варнава Палеостровский[627]. Был также Мерчанский (Порт-Артура и Японский митр[ополит]).

2 ноября. Открытие Особого Присутствия. Познакомился с Извольским[628], Роговичем[629], И. Поповым. Красножен[630], Бердников

(Илья Степанович)[631], Шеин, Певницкий[632], Н.П. Аксаков[633] (которого я знаю с 1871 года, но много лет не видел).

Вечером был у Ширинского, где видел Н.А. Павлова, Берга, Роговича.

3 ноября. Визит митрополиту Антонию, Победоносцеву, Кузнецову, митрополиту Владимиру (где обедали еп[ископ] Арсений и проф[ессор] Голубев[634]). Пошел к Роговичу и не застал.

4 ноября. Заседание IV отдела, познакомился – еп. Стефан Могилевский[635], Папков (Ал[ександр] Ал[ександрович])[636], о. Казанский[637] (поднимался вопрос о введении приходского устава, который никуда не годен, – до Собора! Поднял вопрос о. Казанский, поддержал Папков) [638].

5 ноября. Кишки расходились, не выходил. Приезжал из Новгорода Саша. Заходил Вас[илий] Вас[ильевич] Васильев.

6 ноября. Понедельник. Визит к Извольскому (Петр Петрович, Симеоновская, д. № 1). Заседание IV отдела не состоялось. Познакомился с о. Успенским[639]. Визит к митрополиту Флавиану[640] (Вас[ильевский] о[стро]в, 17 линия. Киевское подворье). Вечером по жестокому дождю поехал к А. Анатольевичу Волынскому (уг[ол] Кабинетной и Звенигородской, Митрофановское Подворье), застал выходящим из дому. Поговорили 1 $^1/_2$ минуты. Вечером были у нас. Александровы (Анатолий и Авд[отья] Тарас[овна]).

7 ***ноября.*** Общее собрание. Познакомился с о. Козловским[641], Нейдгардом[642], архиепископом Сергием Финляндским, архиеп[ископом] Никандром Литовским[643]. Вечером с Надей у Скворцова.

8 ноября. Запоры совсем испортили кишки. Утром визит Шемякину (Всев[олоду] Ив[ановичу])[644], не делал. Вечером заседание IV отдела, не мог идти, лечился (клизма, анузол[645], белладона).

9 ноября. [нрзб.] Был на Общем Присутствии[646]. Вечером лечился клизмой.

10 ноября. Здоровье гнуснейшее. Был на Общем Присутствии[647]. Видел там о. Восторгова. У меня был Шемякин.

11. Пятница. Общее Присутствие. Здоровье премерзкое. Написал Записку об избрании епископов[648].

12 и 13, суб[бота] и воскр[есенье], заседаний не было. Лечился и написал Записку о приходе[649]. Надя с Марусей ездили в Царское Село к Александровым.

14. Заседание IV отдела Вечером был Евг[ений] Степ[анович] Волков.

15. Царский день. Заседаний не было[650]. Вечером был с 8 до 11 часов ночи у Суворина. Был у него Кривцов[651].

С 15 по 21 у меня не записано. Был на обеде у Комарова с Кузнецовым. Был [в] присутствии, я говорил и подал Записку о епи-

скопстве. Были у нас Александровы. 20 числа получил суточные*. 19 числа у меня был Рогович. 21 я уехал. 20 числа оставил Записку Суворину, что хочу у него в [«]Нов[ом] врем[ени»] писать о Предсоборных вопросах, и ответа до сих пор не имею.

У Суворина всем заведует Булгаков[652] и Михаил Суворин[653].

Был 19 числа у Волконского, Мих[аила] Ник[олаевича], Пушкинская, 12.

Был у меня Бурцев (Влад[имир] Львов[ич]), кажется, 19 числа.

24 ноября.

Именины Кати. Были у нас: Кириллова, Любовь Грингмут, Глубоковские, Авд[отья] Лар[ионовна], Фудели, Георгиевские, Восторговы, Новоселов.

Послал Маше 25 р. (при отъезде оставил ей тоже 25 р.).

Послал письмо архиепископу Николаю Японскому в Токио**.

26 ноября.

Нехороши кишки... А в СПб. того гляди начнется обсуждение приходов! «Замечания» я поправил, но как ехать? Опасаюсь за здоровье...

Сегодня я был у Балашева. Это первый раз отдал визит.

А Грингмут – на агитационной поездке в Тамбове! Это уже вторая поездка за неделю. Балашев уверяет, что он за каждую поездку получает от партии по 500 рублей... Если правда, это довольно выгодные поездки!

Еще Балашев за несомненное выдает, что митроп[олита] Владимира переводят в СПб., на место Антония... Это значит, что Антонию патриархом не бывать! То-то он опять «полевел», как радостно говорил Кузнецов...

Я в СПб. ничего определенного об этом не слыхал.

27 ноября.

Отправил митрополиту Антонию «Замечания на проект нормального устава православных приходов в России» IV отдела с просьбой в случае моей неявки прочесть на Общем собрании, если же этого нельзя сделать, то присоединить к протоколам.

28 ноября.

Отправил телеграфный запрос Роговичу о том, когда в Особом Присутствии будет рассматриваться Приходской устав.

---

* «За 20 дней – 200 рублей». Примечание Л.А. Тихомирова *(сост.)*.

** Отчеркнуто слева Тихомировым *(сост.)*.

Отправляю Ник[олаю] Петр[овичу] Аксакову копию своих «Замечаний» на Приходской устав IV отдела.

29 ноября.

Отправил Аксакову «Мон[архическую] гос[ударственность]» и «Лич[ность], общ[ество] и Церковь»[654].

Отправил Волконскому свои брошюры.

«Государственность и религия»[655] – послал Ширинскому и Извольскому.

30 ноября.

Все не знаю, поеду ли в СПб.? Ни от кого нет ни ответа, ни привета, и когда рассматривается приход – не знаю.

Послал Бердникову просьбу выслать «Сепаратный проект» для Приходской комиссии [«]Монархического собрания[»]. Оно[656] просило об этом.

1 дек[абря]. Пятница.

Вот и декабрь, а из Питера ни слуху, ни духу. У меня что-то снова плохи кишки. Вызовут – а я – в лежку. Да и денег не густо, а уже «суточных» больше не получить. Не дождусь, во всяком случае.

Вчера, по усиленным упрекам Балашева, что никто его газету не поддерживает, послал ему две статьи. Сегодня получил корректуру одной, и вижу, что у него другое пишут: позволяет себе изменять статьи, и притом с оттенком «страха столыпинского»[657]. Так трудно ему помогать, хотя вообще я бы желал, очень искренне, чтобы его «Голос русского» укрепился. Все же газета национальная и монархическая.

2 дек[абря]. Суббота.

В Присутствии обсуждения дошли до прихода[658]. Собираюсь завтра ехать в СПб.

Саша сегодня приехал, и, не пробыв с нами и 5 минут, закатился на свое Саввинское, где и пребывает по сей час (уже около $^1/_2$ двенадцатого). Завтра день Саввы Преподобного, идет служба. Это место родное Саше...

3 дек[абря].

Послал за билетом на железную дорогу. Думаю сегодня ехать... Благослови Господь!

Не бесполезно письмо Волконского (получил вчера).

Вечер. Уже взял билет, как получил телеграмму Роговича и письмо Кузнецова о назначении прихода на 7 дек[абря], четверг. Удалось продать билет, и с некоторыми упреками остаться в Москве: слишком рано ехать.

Ночь. 10 ч.

Кажется, я простудился. Насморк, хрипит. Темп[ература] несколько выше положенного (37°). Погода была действительно ужасная... Однако было бы хуже, если бы я почувствовал простуду в СПб. ... Ну что Господь пошлет!

4 дек[абря].

Ночь. Ну вот снова приближается минута ехать в СПб. ... Не хочется. Зачем?

Конечно, будут прения, меня касающиеся. Митрополит Антоний (пишет Кузнецов), сдал мою Записку в IV отдел, который прочитал ее и поручил Папкову сделать мне возражения. Конечно, Папков найдет их... Против всего можно возразить. Будет, конечно, и яд всякий... Но меня это не привлекает и не забавляет.

А пользы – никакой! Общее собрание, во всяком случае, и без меня исправит проект IV отдела. Бердников его критикует лучше, чем я... Поддержат его и другие. Есть я, нет меня – совершенно безразлично. Да и потом Синод во всяком случае исправит. Выйдет среднее, не очень хорошее, не очень плохое, то есть то, что в сущности и есть единственно подходящее к людям, среде и времени.

Настоящее живое – где-то в ином. И как его найти? Как мне [?] его себе и людям дать? Это чувствуют святые... и где же взять этой святости?

Нужны Божии посланники, а не мы, слепые вожди слепых[659]. Впрочем, благодарение Богу, никого мы и не ведем, а сами люди идут. Идут они в бесплодную пустыню, но не виновны в этом партии Присутствия, потому что не они ведут!

Вот счастлив Кузнецов, он весь кипит, что-то ждет, чего-то боится, думает, что от него что-то зависит. А я? Люди говорят, что от моих «Запросов жизни» пошло все дело реформы, и это правда с внешней стороны. Но я глубочайше чувствую, что все это вздор, и ничего не зависит от меня и не зависело... От какого-нибудь неверующего Витте вдесятеро больше зависело... Да и то ли выходит, чего я хотел? Складываются какие-то формочки, но духа в них ни на волос не больше, чем в прежних.

Суета сует и суета всяческая!

Всей душой чувствую, что нам нужен посланник Божий, Царь или Пророк, который бы возбудил сердца, разжег веру, дал надежду. Без этого все вздор, ничего не выйдет. Одни «разговоры»!

Где же моя «Филадельфийская Церковь»? Нет ее, она там же, где мой «Царь», где мой «народ», где моя «Россия»... Ничего нет, и над всем нашим «освобождением», «мировыми целями», «устроениями» религиозными и гражданскими носится одно слово Божие: «Ты носишь имя, будто ты жив, но ты мертв!»[660].

Пары фантазии в неясном очертании
Рождают призраки обманчивых теней;
В них жизни нет... Не рвись напрасно к ней
Не ожидай над тенью обладанья!

5 дек[абря].

Японцы снова грозят нам. Мотоно[661] говорит: «Вы должны уступить, потому что если вы решитесь на войну, царский престол разлетится в дребезги»... Какая твердая надежда на союзничество революции! И эта мерзость называется «русской» революцией... В какой порошок стерли бы якобинцы 1793 года[662] всю эту изменническую плесень!

Грингмут рассказывал, что о. Иоанн Восторгов имел аудиенцию у Императора, который был очень любезен и дружелюбен. Хвалил его за деятельность... Восторгов говорил, что русские (стало быть, и он) хотят неограниченного Самодержца... Император ничего не сказал прямо, но смотрел сочувственно... Не решается, значит, прямо сказать. Но благодарил потом за деятельность в «Управе», ободрял продолжить. Восторгов заметил, что духовное начальство считает эту деятельность неуместной для священника, но Император возразил, что в рясе он может иметь более сильное влияние. Восторгов тогда сказал: «Могу ли заявить митрополиту (Антонию), что действую по приказанию своего Царя?». Император ответил «можете» и просил бывать у себя.

Между прочим, Император упомянул и об угрозах Японии, выразив опасения, что если принять войну, начнется повсеместная революция...

Несчастный, бедный, слабый человек, сгибающийся под тяжелой шапкой Мономаха! Ну чем тут поможешь? Чуда только и можно ждать или просить... Что может сделать народ при таком слабом носителе власти?

Я удивляюсь вере о. Иоанна! Дай Бог, чтобы чудеса оправдали эту веру... Но для кого Господь может делать такие чудеса? Несчастный народ – и словами и делами отрекается от Него... Без беспредельного милосердия Божия ничего тут не мыслимо ожидать, кроме гибели, потому что не евреи же с либералами будут спасать Россию от японских ратей?

Бедный Император так развенчал себя перед народом, что уже едва ли способно воодушевить его слово, если бы даже он и решился стоять твердо. Теперь уже ему просто не поверят, мне кажется.

(с 6 по 17 дек[абря] – отсутствовал, был в СПб. в Особом Присутствии).

17 дек[абря]. Воскресенье.

Благополучно прибыл из СПб.*

Я выехал из Москвы декабря 6. С 7 дек[абря] по 15 участвовал в работах Особого Присутствия[663], то есть 9 дней, крайне тяжелых и напряженных, и притом без всяких толковых последствий.

Здоровье, то есть желудок и кишки, весьма расстроил. Запоры замучили, и теперь везде, то там, то сям, в кишках какие-то давящие боли. Посмотрим, не новая ли мерзость какая?

17 дек[абря]. (Ночь).

Ну, благодарение Господу Богу, доехал все же домой. Расстраивается здоровье так, что и не чаешь, сколько протянешь...

Тут застал маму. Тоже, слава Богу, доехала благополучно (она здесь с 8, кажется, декабря). Но привезла весть о смерти Мих[аила] Ив[ановича] Разумовского и о таинственной трагической гибели Коли Савицкого[664]: ушел в гости, пропадал целый месяц, и, наконец, труп его выброшен морем... Как почил, почему? Ничего не известно![665]

Что записать об Особом Присутствии? Много впечатлений. Целая страница Истории прошла передо мной... Но что ожидать? Что отрадного? Ничего. Как везде в России поражена самая голова, самое сосредоточие власти. Очень умен один Антоний Петербургский и Ладожский. Но он от природы карьерист. Неправда, чтобы у него была слабая воля. Воля у него сильная, но его желания не высоки. Он сам проникнут «духом времени», «маловерием», его религия более философия, чем вера. Ну а при этом он хочет ладить с людьми, а не исполнять Волю Божью. Он – не православный, я думаю, ни в чем, кроме разве обрядности.

Ну, а раз есть господствующая идея – ладить с людьми, то при нынешних людях – истинного архиерея не может быть.

Он дипломат, а стало быть едва ли «принял любовь истины»[666]. Его способности могут быть полезны ему, правительству, но не Церкви Православной.

Прочие – не достаточно крупны, а иные и совсем малы. Умнее прочих Антоний Волынский и Дмитрий Одесский... Стефан Могилевский – кажется – хороший человек, но он не имеет ни философски широкого, ни житейски прозорливого ума. Остальные – люди самые средние.

Не говорю о грузинах. Кирион Сухумский[667] не епископ, а грузинский патриарх. Леонид[668] – не разобрал, но, по-видимому, тоже самое.

---

* Отчеркнуто слева Л.А. Тихомировым *(сост.)*.

Из профессоров понравился мне одесский Алмазов[669]: умен, знающ, горяч и искренен. Он заслуживал бы жить в лучшем времени...

Аксаков (Ник[олай] Петр[ович]) – очень умен и знающ, прямо ученый. Но, думается, у него нет веры в Бога, а только философия и мирское попечение (о благоустройстве людей). Чисто сектантская хитрость, вероятно, и лицемерие. Ловок производить впечатление полного личного бескорыстия. В дебатах – артист, говорит прекрасно, всегда умеет поймать противника или затушевать впечатление его речи, и все это самым искренним тоном, с добродушным видом честного искателя истины. Вообще сила крупная.

Ну, однако, Господь с ними! Пора спать. Устал, измучился.

Сам я, очевидно, конченый человек. Слаб силой, одолевают старческие болезни и старческий же объективизм. Я еще хороший наблюдатель, но уже никуда не годный деятель.

Господи, дай мне опору, дай мне «христианскую кончину» и «добрый ответ». И да свершают Твое дело те, кому поручит это Воля Твоя! Аминь!

18 дек[абря].

Грингмут уехал в Санкт-П[етер]бург до самых праздников.

19 дек[абря].

У меня было заседание кружка по чтению лекций для духовенства. Преосвященный Анастасий, о. Восторгов, о. Фудель, А.И. Введенский, В.А. Кожевников, Новоселов и Воронов. Немножко столковали и сделали расписание чтений с 23 янв[аря] по 9 апреля.

Говорил à part[670] с Кожевниковым и Фуделем о кружке «Свободного Слова». К сожалению, Кожевников очень колеблется, и, вероятно, не согласится. Горе с этими неподвижными Самаринцами[671]!

Послал корректуры в Канцелярию Особого Присутствия.

20 дек[абря].

У Авдотьи Ларионовны был удар. Была у нее сегодня Надя, и Авд[отья] Лар[ионовна] говорила... Однако, Дярикина передавала, что врач не ручается за исход. Думаю завтра навестить ее. Она перебралась к Ирине [?] Ивановой (Рязанкиной), и не успела даже перевести вещей, как хватил ее удар (с кровотечением в мозгу)...

Вот еще горе-то!

Саша должен был сегодня выехать в Москву из Новгорода. А очень морозно, с ветром. Повсюду заносы снежные.

21 дек[абря].

Приехал Саша.

Вера вышла из Дамского кружка.

Сегодня убит петербургский градоначальник Лауниц[672]. В домовой церкви института эксперементальной медицины, куда был приглашен Ольденбургским[673] на молебен... Наверное, кто-нибудь из врачей известил убийцу[674]!

Бурцев в своем «Былом» прославляет «первоначальников» этого озверения... Эх, ма! Тошно и смотреть на несчастную Россию.

Катя была у Авдотьи Ларионовны. Она ходит, и, по-видимому, слава Богу, идет на поправку. Говорит, что навестит нас на праздник. Дай Бог! Катя оставила ей на расходы 25 рублей.

23 дек[абря].

Авдотья Ларионовна ни хуже, ни лучше... Это не хорошо. Очевидно, что на скорую поправку нельзя надеяться.

В «Свете» известие о «тяжкой болезни» митрополита Антония. Вправду или дипломатическая болезнь (для испрошения знаков Высочайшего внимания)? И то, и другое одинаково возможно...

Но если это это действительно тяжкая болезнь, мне его жаль. В сердце какая-то жалость... У него много привлекательного, и я думаю – хорошего. И уж, конечно, среди епископов нет ни одного, сколько-нибудь равного ему по уму... Не считаю Николая Японского, который, во всяком случае, для России не годится. Но при всем уме Антония – он, конечно, более государственный человек, чем православный архиерей, да и государственный человек не создающий события, а только к ним приспосабливающийся. Он совсем не русской веры, а «интеллигент»... Плохой пастырь, даже совсем не пастырь, и не знаю – кажется – вредный для веры человек...

Но кто лучше? Тоже не знаю. Оскудела земля, понижены пастыри, до и овцы переменились... Ничего не может быть хорошего, с Антонием или без Антония!

Сегодня ко мне приходил новый епископ Киотский Андроник[675]. Он мне понравился больше, чем в СПб. (я его видел у Антония Волынского), но очевидно, что малый человек.

Это удивительно и страшно: куда девались люди в России? Нигде никого не видишь, и уже среднего готов считать за крупного, и тех не находишь.

24 дек[абря].

Сочельник Рождества.

Ничего особенного, провели тихо и благополучно, только в церкви в толпе очень натрудил свои внутренности: как бы не отозвалось худым.

В «Новом времени» Папков начал агитацию (правда, без подписи) о введении «Нормального устава» до Собора... Мерзавцы, прости Господи! Я немедленно написал запальчивое возражение, но по случаю Сочельника отдал не сразу. Нельзя и завтра и послезавтра... Может быть, к лучшему, если успею переписать похладнокровнее.

25 дек[абря].

Рождество Христово...

Дожили, слава Богу. День прошел тихо и мирно. Только кишки плохи, давление и тому подобное, так что голодал немножко... Вечером был Ник[олай] Яковлевич Пясковский и рассказывал поучительную жизнь о. Митрофана Сребрянского[676] (который ему приходится свояк)[677]. Я прежде слыхал о нем, но впервые узнал подробно.

26 дек[абря].

У меня кишки совсем истрепались. Надо к Голубовым собираться... если не поздно...

Авд[отье] Ларионовой доктор обещает через несколько дней выздоровление.

Любовь Дмитриевна Грингмут в тревоге. Завтра должен приехать сам Владимир Андреевич Грингмут и быть на молебствии в Казанском соборе. Молебствие «партийное», монархической партии. Так вот кто-то подслушал, не знаю где, что на молебствии этом революционеры готовятся его убить!

Мерзавцы, мерзавцы! Очень возможно, конечно. Сам-то он еще, конечно, не знает этого... а она страшно тревожится.

Мне она этого не давала знать, а узнал я случайно: мама с Верой поехали повидать m-me Восторгову[678], и туда приходил Женя Грингмут, – в тревоге, искал самого Восторгова, чтобы посоветоваться, что делать? Так вот, они от Восторговой узнали...

Сегодня получил письмо от епископа Никона, которому по приезде из СПб. писал о тамошних делах (главнейшее об инциденте Дубровина – митрополита[679]).*

Дорогой Лев Александрович,

Рад от души ответить на Ваш привет сердечным пожеланием на новое лето – новых сил, мира душевного и всех милостей Божиих от яслей Божественного Отрочате.

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

С интересом читал Ваше письмо. Видно, что совесть и в Питере еще борется с духом века сего, но дух сей заставляет ее безмолвствовать... Господи, стань яко добрый Кормчий, у руля Церкви Твоей и направь ее по путям вечным законов Твоих...

Отрицать искренность в письме Дубровина нельзя. Но это же письмо и показывает, как как далеко ушли от дисциплины церковной мнящие себя быть защитниками Церкви. Если в применении к мирянину, «брат», Христос дал правило (Матф. 17, 15–18)[680]*, то как же было не применить его к епископу, да еще первенствующему? И вот нарушение сей дисциплины заставляет нас, епископов, сторониться от г. Дубровина*[*]*, хотя он и сказал много правды... Вы знаете, что мог бы и я сказать, но должен молчать по понятным причинам. За себя лично не боюсь: соблазна для малых сих боюсь и не уверен, что от моего слова откровенного польза Церкви будет. Итак, лучше наложить на уста печать молчания... доколь долг не призовет открыть их. Господи, давно ли было время, когда пред именем Синода мы благоговели, как пред чем-то священным: в наших представлениях Синод был воистину святейшим, а теперь...*

В письме Дубровина многое-многое я бы вычеркнул. И прежде всего: кто дал ему право копаться в чужой душе? Объяснять все действия грешными мотивами? Вот Волынский на этом его и поймал. Помню святителя Сергия: бывало, читаешь ему черновик; слушает, а потом и скажет: «У вас немало сильных доводов: зачем же их подкреплять слабыми? На слабые то и накинуться, а о сильных умолчат и станут хвалиться: мы победили...».

Ну, а не слышали ли: когда собор? Что мы должны делать, чтоб к нему приготовиться? У нас так мало времени, что вот пишу вам два дня. Дела, люди, служения... и болезни. Стоит ли читать протоколы Присутствия вашего? Мне уж очень не по душе это решение вопросов большинством голосов. Ведь это вопиющая[**]

Забыли Марка Эфесскаго[681]*, забыли, что истина иногда таится и в душе только одного человека. В церкви большинство – это нелепость, противная духу Христову. Ведь большинством то и Самого Господа жиды распяли.*

Нет, если таким способом будут на соборе решать вопросы, я сочту долгом уклониться от решения. Решения должны быть единогласны. Конечно, я говорю о таких вопросах, которые имеют самое существенное значение, принципиальное...

На четыре моих письма Митрополит не ответил мне. Посему пишу ему приветственное с праздниками – самое краткое. Как-то

---

* Подчеркнуто Л.А. Тихомировым *(сост.)*.

** Так в тексте. Предложение не закончено. Далее на новой странице начинается новое предложение *(сост.)*.

совестно приставать, когда не отвечают. Вероятно – очень недосужно ему.

Поздравьте от меня Владимира Андреевича с праздником. Мира Вам. Храни Вас Господь и благослови.

С любовью о Господе есмь Ваш искренний доброхот,

Никон, еп[ископ] Вологодский и Тотемский.

А мерзавцы проклятые свое делают... О, если бы встал незабвенный Александр III-й.

24 дек[абря] [1]906.

Вспоминает Александра III! Да, это была, кажется, последняя к нам милость Божия. А теперь – что же? Ничего и придумать нельзя. Сам губит свое царство с самого начала... и конечно погубит до конца[682]. Правда, все одурели, осатанели, измерзились – весь народ! Но что мог бы сделать народ, если бы он и был хорош? Все равно, царство было бы разрушено... Не то грех, что теперь происходит, по безумию, по отчаянию... а то грех, что было раньше, чем заслужили такую неискупимую кару: смерть Александра III, смерть Георгия, и – воцарение человека, который не только не может быть царем, но и не хочет, отбивался, готов был кому угодно уступить власть. Поразительная Рука карающего Промысла. Ведь чистый, благожелательный человек, и – может только погубить себя, царство и Россию. И Господь спасает его от всех несчастий, исцеляет в болезнях, и поддерживает на дальнейшее и дальнейшее распадение страны. Боже, когда Ты сжалишься, когда Ты пошлешь этому слабейшему Твоему Помазаннику спасающего его и несчастную Россию человека? Не дожить до этого, не увидеть! Да и будет ли такое время? Может быть, мы уже осуждены на конечное истребление между народами земными?

27 дек[абря].

Письмо от Скворцова.*

РЕДАКТОР
ЖУРНАЛА
«Миссионерское Обозрение».
С.-Петербург
24 дек [абря] 1906 г.
Невский пр., 153

* Далее вклеено письмо на бланке редакции *(сост.)*.

Дорогой, Глубокочтимый Лев Александрович.

Душевно поздравляю Вас с наступающим праздником Рож[дества] Христова и грядущим новолетием. Дай Бог, чтобы новое лето было счастливым.

Извиняюсь, что за статью контора не успела выслать Вере Львовне ее гонорара. Сделает это на сих днях.

Ни о какой редакционной комиссии – ни слуху, ни духу. Наоборот, как знаете при «новых» архиеп[ископа] Дмитрия и Антония возвращают к пенатам.

Что сей сон значит, еще за недостатками редакционными не осведомлен. Чувствую, что с реформой будут тянуть теперь, паче прежнего – ибо она после Дубровин[ской] истории, первенствующему не полезна, – не в ручку, будут – полегоньку – потихоньку в административном порядке проводить до появления в России патриарха включительно.

Алмаров уехал давно и на Киев. О заседании в Малом Ярославце не ведаю ничего.

Из «32» быв[ших] в присутствии почти что главный лидер Раходе Ствежинский и Аксаков из братства обновления. М[итрополит] Антоний выговаривал мне, что де как «требует суда над ними и я де думал, что Вы и благословения у меня не примите». Но затем по разъяснении о суде – в духе сегодняшней статьи смягчился и велел дать речь. Ведь он на самом деле удивительно не злобивый человек, как все беспринципные и слабовольные люди.

Софья Львовна 4 ок[тября] уехала. Они с супругом Вам новости привезут. Я оч[ень] ими доволен, трудятся за совесть оба и оч(ень) преданы и делу и нам.

Кажется все отписал. Жду и оч[ень] прошу Вас писать для «Кол[окола]» – теперь подписка подбадривает – пишите почаще, опять по-прежнему статей 8–10, не забывайте и политических вопросов – ведь Вы [нрзб.] политики в «Кол[окол]». Для церковных вопросов «Кол[окол]» наиболее удобная газета, ибо она [нрзб.] делается духовной этой мысли.

Вся моя семья шлет Вам и Вашему почтенному семейству наш [нрзб.] привет.

Ваш душевнопреданный,
В. Скворцов.

Итак, Предсоборное Присутствие разыграло роль очень глупую – заняло время, дало предлог оттянуть Собор на год, и [нрзб.] для начальственных вдохновений на реформу «административным порядком».

До сих пор не знаю, приехал ли Грнгмут? Ходил спрашивать – сторож не знает; кабинет пуст... А молебен у Казанской уже, вероятно, отошел... Туда Саша отправился, и вот уже 1 час дня, а его нет!..

Ночь.

Грингмут приехал, и я его видел. Простудился на похоронах Лауница, и никуда не выходит. Оно и к лучшему.

Я был сегодня у Н.Ф. Голубова, спрашивал о здоровье. Дает серебро с белладонной, да велит пройти курс лечения мышьяком.

Ой, скучная история!

Но, к удивлению моему, уверяет, что сердце совсем исправно.

28 дек[абря].

Промучился всю ночь с кишками! Такое давление у отростка, что боялся выпадения! А Голубов за несколько часов говорил, что ничего в кишках не [про]исходит... И сейчас давят.

Грингмут рассказывал, почему гр[афа] Игнатьева[683] не отпевали епископы. Митрополит Антоний хотел сам отпевать. Графиня Игнатьева[684] написала ему, что просит его не отпевать, потому что душе покойного это было бы тяжело; он держался таких взглядов, которые подрывает митрополит Антоний. Оскорбленный Антоний после этого запретил кому бы то ни было из епископов отпевать графа. Волынский хотел и даже вышел возразить было, но нарушить запрещение не мог.

29 дек[абря].

Получил в ответ на поздравление – карточку митрополита Флавиана. Мне очень приятны эти любезные строки, потому что митрополит мне очень понравился... Только совсем не боевой, не человек какого нужно теперь. И стар, очень стар.

А митрополиту Антонию я ничего не послал: стыдно лицемерить. Между тем – не вежливо, что обхожу его, когда поздравляю прочих.*

Митрополит Флавиан

Сердечно благодарю Вас, глубокоуважаемый Лев Александрович, за праздничное приветствие и взаимно поздравляю Вас с наступающим новолетием. С наилучшими Вам благожеланиями, призываю на Вас благословление Божье и остаюсь глубоко уважающим Вас.

Митрополит Флавиан.
27 дек[абря] 1906.
СПб.

* Далее вклеена визитная карточка *(сост.)*.

Был сегодня Кузнецов и старался быть сердечным... Ах, испортил он мое отношение к себе! Я с ним постоянно расходился во мнениях, но не в отношениях, потому что был уверен в его честности. Но после инцидента «выражения сочувствия» Антонию – он заложил во мне недоверие к своей личности. Очень жаль.

Вчера характеристичное письмо от Киреева... Я-то желаю Собора: будь, что будет... да не от меня зависит.*

Павловск.

Спасибо – и Вас тоже с праздником. Пожеланий никаких не высказываю, ибо уверен, что Бог ведет человека к лучшему. Нужно только понять (по возможности) те обстоятельства, в которые Он нас ставит. Как только это поймешь, так и скажешь: «Да будет воля Твоя», а кто это с верою и сознательно говорит, тот уже неуязвим, тот уже у Христа. Это все я знаю, но не могу [нрзб.] без дел родины. Тут мне предстоит еще большая работа над собою, тружусь, но не успеваю, не могу. И мне хочется задушить Витте и кажется, что это очень бы было хорошо. Зверь во мне встает. Не могу победить, когда дело касается России.

Не бойтесь собора, если только доступ в него не будет в руках архиереев. Если будет, как хочет Дмитрий Херсонский[685] *(фильтрация избранников) было бы так опасно, очень опасно. Я говорил Роговину, котор[ый] кажется ведет все дело. Он говорил мне: «Я боюсь либерализма, даже Вашего славянофильского». Попомните мое слово, отвечал я ему. С Церковью может случиться то, что было с государством. Вы (люди у власти) побоялись нас славянофилов на петергофских совещаниях*[686] *– и получили Витте! Если вы будете бояться нас в Церкви – получите Гапонов, Михайловых, Петровых*[687] *и тому подобное и так будет!*

Никуда не нужно уходить из нашей церкви; погодите: нужно посмотреть что даст Собор. Конечно, может быть Православная церковь переместится без нас куда-нибудь в Японию, в Австралию, но пока наша еще православна и ее таинства действительны. Стало быть, как ни формалистична она, как ни труслива перед начальством (развод Лейхтенбергского и Станы[688] *состоялся*[689] *– говорят Св.(!!)*** *Синод изменит в январе канон запрещающий двум сестрам быть женами двух братьев*[690] *(и все это в угоду В[еликому] К[нязю] Николаю Николаевичу!!!)*[691]*. Уж хуже этого чего же? А все-таки бежать не надо, да и некуда! Цареград не лучше нас и там экономия (домостроительство) хуже нашего.*

---

* Далее вклеено письмо. Все подчеркивания в тексте письма сделаны А.А. Киреевым *(сост.).*

** Так в тексте *(сост.).*

Вы говорите о самоустроении! Да ведь дело-то в том и есть, что мы не заботимся о самоустроении. Что было в Предсоборном Присутствии? Много богословия – мало веры, религии. Много Канонов с разными Зонарами[692], Вальсамонами[693], Трибонианами[694], но очень мало Евангелия. Какое от [нрзб.] ожидать «самоустроение». Повторяю, подождите Собора. Авось!?

Сердечно Ваш,
А. Киреев.

30 дек[абря].

Сегодня весь день провели тревожно. Грингмут, уехавший на агитацию в Брянск и имевший возвратиться в 12 ч. дня, не возвратился и до сих пор (11 часов ночи). Задержка всех поездов произошла по случаю вчерашнего крушения у станции Суходрев. Уехал он полубольной и что с ним делается – Бог весть.

Совершенно внезапно стукнули морозы. Третьего дня было 2° тепла, сегодня 22° мороза!

Саша мой тоже нездоров и все-таки пошел ко всенощной, в Саввино, и доселе не ворочается. Тревожно на сердце...

Скверные вести из СПб. Председателем Редакционной комиссии назначен Сергий Финляндский[695], совершенно подчиненный митрополиту Антонию. Извольский подписан на Папковском приходе и думает, что это составит великое дело, его обер-прокурорства... Дети! Как везде.

Я все это предвидел в СПб. Дело в том, что своими происками Попков несколько месяцев назад возбудил самые светлые мечты у императора... Понятно, что митр. Антоний старается на этом снискать благоволение и потому то так хитро провалил всю критику (мою и Бердникова) и отвел приходской вопрос от обсуждений Общего Собрания. Теперь этот нелепый «Нормальный Устав» IV Отдела Папков развивает в «Новом времени» и его стремятся осуществить «до Собора»...

Это будет язва Церкви, самый тяжкий удар православию.

Прямо горе! Все беды, все разрушения идут от мечтаний свыше. А руководители, думая о своей карьере нынешнего дня, хватаются за эти мечтания по правилу «plaire au roi»[696].

Я послал Суворину резкое разоблачение статьи Папкова (передовая № 11057), но, конечно, не напечатал... Я не могу бороться. Среди этой повальной приниженности ума и повышенности подлости ничего нельзя сделать. Нужно иметь сверхчеловеческие силы, я же не имею даже средних человеческих.

Можно бы только молиться, но и тут: чего стоит моя несчастная молитва!

31 дек[абря].

Я нездоров кишками, что то дергает справа... Не помогают и пилюли Голубова.

Грингмут приехал ночью, с опозданием на 12 часов.

Я ходил в редакцию, но его не мог видеть. По вчерашнему соглашению с Нольде написал статью к Новому году, но не узнал даже о ее судьбе: нужна она Влад[имиру] Анд[реевичу] или нет? Но все равно – я свое дело сделал.

Записываю краткие заметки о пребывании в Особом Присутствии.

Октябрь 30.

Выехал из Москвы (с Надей).

Октябрь 31.

Прибыли в СПб. Был у Скворцова и Комарова.

Ноябрь 1.

Визиты: Ширинского не застал. У Суворина в 3 часа. В 4 часа у Скворцова; были: Дмитрий Херсонский, Антоний Волынский, о. Буткевич, миссионер Кальнев. Также Варнава Палеостровский, Мерчанский, Н.Д. Облеухов.

Ноябрь 2.

Четверг. Краткое Общее собрание Присутствия. Познакомился с начальством и многими членами. В частных беседах провели до 1 часу.

У меня был Киреев. Карточка от Ширинского.

Вечером был у Ширинского, где был Н.А. Павлов и Берг.

Ноябрь 3.

Визиты – митрополиту Антонию (очень любезен), Победоносцеву, Кузнецову. В 7 часов у митрополита Владимира, где были еп. Арсений и проф[ессор] Голубев: обедали. Вечером у Роговича – не застал (швейцар соврал).

Ноябрь 4. Суб[бота].

Утро. Заседание IV отдела (с 11 до 2 ч.) в зале Синодального архива. Познакомился с Александром Александровичем Папковым и другими. Выдвинули вопрос о ходатайстве ввести «Нормальный Устав» до Собора. Папков и Аксаков искренно говорили, что это нужно для «хороших выборов» в Собор. Я возражал.

***Ноябрь* 5. Воскресенье.**

Я уже болен. Не выходил. Приехал и уехал Саша.

***Ноябрь* 6.**

Был у Извольского. Заседание IV отдела (не состоялось). Визит митрополиту Флавиану (очень симпатичен). Вечером у Антония Волынского (жестокий дождь), он выходил из дому, так что говорили 1 1/2 минуты на лестнице. Вечером у меня Александровы.

***Ноябрь* 7.**

С Надей у Исаакия[697]. Общее собрание (митрополичьи округа)[698]. Вечером с Надей у Скворцова.

***Ноябрь* 8.**

Утром не застал Шемякина. Совсем я расхворался кишками, лечился.

***Ноябрь* 9.**

Четверг. [нрзб.] был в Общем Собрании (с 11 ч. до 3).

***Ноябрь* 10.**

Общее Присутствие. Был Восторгов, в присутствии.
У меня был Шемякин, который владыка «Света»...

***Ноябрь* 11.**

Общее Присутствие. Начал Записку об указании мирянам епископов. Нездоров.

***Ноябрь* 12 и 13.**

Заседаний не было. Написал Записку о Епископах, о Приходе.
Надя, 13 во вторник, была у Александровых.

***Ноябрь* 14.**

Заседание IV отдела от 10 1/2 до 3 дня. Очень искренняя и сердечная беседа о будущем Церкви. Вечером был Волков.

***Ноябрь* 15. Вторник.**

Заседаний не было (Царский день). Был с Надей в музее Александра III.
Вечером от 8 до 11 был у Суворина, видел у него Кривенко[699].

***Ноябрь* 16–20.**

Не записано. Был у Роговича.

Ноябрь 21.

Возвратился в Москву (заседания были, а приход отложен до декабря и нужно писать Записку).

Ноябрь 27.

Отправил митрополиту Антонию «Замечания на проект нормального устава».

Декабрь 3.

Телеграмма Роговича о времени назначения Приходских обсуждений.

Декабрь 5.

Письмо Дубровина митрополиту Антонию.

Дек[абрь] 6.

Уехал в СПб.

Дек[абрь] 7.

Общее собрание. Выступает Кузнецов с «выражением сочувствия» митрополиту.

Вечером 8–12 часов ночи. Заседание IV отд[ела]. Ругаем Кузнецова (его союзник Аксаков).

Дек[абрь] 8.

Общее собрание. Антоний явился. Я опоздал. Аксаков совсем не пришел (несколько дней; говорит – болен). Был у Роговича.

Декабрь 9. Суббота.

Утро, 10 ч. Заседание IV отд[ела]. Доклад Кузнецова. Потом визит Голубеву. Визит Восторгову. Обед у митрополита Владимира. У о. Кронида. Визит Антонию Волынскому, до 1 часа ночи. Масса студентов.

Дек[абрь] 10. Воскресенье.

Визит (карточка) Шемякину. Был у Ширинского.

Вечером. Совещание у Скворцова – Алмазов, Бердников, Остроумов, о. Стефан Могилевский, Ширинский, Восторгов, Гринякин, Облеухов, какие-то посторонние. Составление общей формулы. Глупо устроил Скворцов... Просидели до 2 часов ночи.

***Дек[абрь]* 11. Пон[едельник].**

Общее собрание. Провал Папкова (он был истинно жалок). Разговор с Карионом [?] Собрание сильно деградировало. Извольский вызвал Скворцова и ругал за Дубровина. Я очень болен.

***Декабрь* 12.**

Общее собрание. Бесполезные толки.

***Декабрь* 13.**

Последнее заседание IV отд[ела], прощание.

***Дек[абрь]* 14.**

Общее собрание. Митрополит явно клонит к победе «приходов».

***Дек[абрь]* 15.**

Последнее Общее собрание. Вчера [нрзб.]. Закрытие. Поднесение иконы. Молебствие.

***Дек[абрь]* 16.**

Уехал в Москву.

Канун Нового года.

Ну вот осталось только три часа до 1907 года. Дотянешь ли или не дотянешь эти три часа, а все же 1906 г. почти изжит. Встречал я его очень скверно, провел посредственно. Дал Господь свою поддержку прожить, избегнув если не неприятностей, то бедствий; дал кое-что и радостное. Саша кончил и место нашел. Я сам, хотя и в самом непрочном положении, но не понизился, и если не приобрел серьезных поддержек в жизни, то все же их стало скорее больше, чем меньше. Будущее ничего не сулит, ничего не обеспечивает, серо, очень серо... но поддержал Господь, авось не оставит и впредь.

Что сказать о себе? Вот это не отрадно. Живешь и не наживаешь того разума, для достижения которого дана жизнь. Нет душевного устроения. И вот в чем приходится молиться, и молюсь. Не достигнешь этого без помощи свыше.

Не отрадно и все, касающееся России, и – еще важнее – церкви. Поражены пастыри, обезумели овцы, и не видать, не чуется нигде Божия посланника на спасение наше. Что в этом отношении сулит, по человеческому рассуждению, 1907 год? Ничего хорошего. Если не будет бурного кризиса, революции, то будет медленное гниение. Не вижу данных на «мирное обновление». Есть, может быть, шансы на

усталость и разочарование всех во всем. Отсюда может возникнуть мирное прозябание и гниение... Но ведь это еще хуже, чем революция.

Послал Влад[имиру] Андр[еевичу] и Любовь Дмитровне не то что «поздравление» (п[отому] ч[то] с чем же поздравлять), а пожелания по возможности лучшего... В ответ получил тоже невеселые пожелания... Да и что сказать иного?*

«Московские ведомости»
Редактор
Москва
Дек[абря] 31 1906 г.

Дорогой Лев Александрович.

От всего сердца благодарю Вас за дружеский привет и добрые пожелания. Мы с женой желаем и Вам всем всего лучшего в наступающем году среди всего неминуемо скорбного [нераз] он нам несет. Да поможет нам Господь!

Весь Ваш,
В. Грингмут

У нас весь дом и вся прислуга уходят на полуночное молебствие... Остаемся мы одни с Катей... По нынешним-то «рукивверхним» временам... Положим, револьвер заряжен, да тоже и это не очень-то весело... Ну, авось, Господь милостив.

Пробило 11: остается один час года и 1 $^1/_2$ часа до возвращения наших из церкви. Они собираются идти через $^3/_4$ часа...

Ну, ушли в церковь. По всему городу трезвон... Бьет 12 часов... Прости, старый год. Благослови новый год, Господь милосердный!

---

* Далее вклеено письмо на бланке *(сост.)*.

1907 ГОД

Январь 1907 года

1 января 1907 г.

Ночь. Я, Катя и мама поздравили друг друга и пожелали друг другу милости Божьей...Остальные в церкви... Саша – не знаю. Не встречает ли Новый год на Подворье?

По городу трезвон, словно на Пасху.

Около 1 часу все собрались, подошел и Саша. Совместно встретили Новый год.

Утро. В № 1 «Московских ведомостей» моя передовая... Долго я не мог узнать: моя или не моя? До такой степени переделана, со вставкой $^1/_2$ новых мест, с выкидкой моих... Ну, ладно! По отдельным фразам узнал, что моя... С «гонорарной» точки зрения эта отчаянная «правка» ничего не изменяет.

Вечер. Ну, мне подарок к «Новому году»! В [«]Новом времени[»] напечатана моя статья «Приходский вопрос» (№ 11064). Это против папковской интриги провести их «нормальный устав» до Собора. Послал статью 28 дек[абря], помещена 31 дек[абря]. Недурно. Единственно неприятно, что поместили как «письмо в редакцию». Ну да Господь с ними. Будут возражать и ругаться, но я им всадил стрелу!

Одновременно с № «Нов[ого] вр[емени]» пришло письмо Николая Никаноровича Глубоковского, которое заклеиваю. Что за рой интриг у разрушителей России!*

Достоуважаемый Лев Александрович!

С удовольствием прочитал сегодня в «Новом времени» Вашу статью, но надо еще писать и писать. Хорошо бы завести об этом речь на страницах «Церк[овных] ведомостей»; благо теперь (за исключением Извольского) [нрзб.] упрашивать Ап. Рогожин. Вся наша иерархия апатична, духовенство иссущено, и он печатает свои интересы, общество ничто не разумеет, а враг действует с наглостью. Доста-

* Далее вклеена открытка *(сост.)*.

точно сказать, что о[тец] Рождественский [нрзб.] кандидатуру Аксакова 700 на каждом [нрзб.]... Аксаковский... Конечно [нрзб.]!

Счастливым годом!
Истинно счастливым.
Н. Глубоковский.
1906, XII, 31.
СПб., Невский пр., 180, кв. 5.

2 января.

Был у меня о. Петр Зверев из Новгорода.
Получено письмо арх[иепископа] Антония Волынского.*

28 декабря 1906.

†

Взаимно приветствую Вас, многоуважаемый Лев Александрович, и сердечно радуюсь, что поближе познакомился с Вами и сошелся в убеждении о необходимости скорейшего созвания собора. Да сподобит нас Господь дожить до этого события. Убеждайте в том же В.А. Грингмута и др[угих] консерваторов, а также в том, что не следует взирать на нашу божественную веру как на средство госуд[арственной] жизни, а как на самоцель, и притом важнейшую, ради которой надо жертвовать и государством и народом, если понадобится. Но к счастью это не понадобится, а напротив, поставив религию главной задачей русской жизни, мы этим самым и государство сделаем непоколебимым. Религия и церковь – это труд, а государство – здоровье. Кто труд делает целью жизни, тот сохранит здоровье, а кто делает целью жизни здоровье, тот и его потеряет, и трудиться перестанет.

Господь да будет милостив к Вам и семье Вашей в наступающем лете и во все лета жизни Вашей. Душевно преданный,

А. Антоний.

Ходил на доклад к Грингмуту: не принял. Еще и не видал его в новом году.

Сегодня у меня должен собраться кружок по чтению лекций для духовенства.

Ночь. Собрались все, кроме Введенского: устанавливается, кажется, очень интересная система лекций. Еще приходили оба Чешко и Марья Дмитриевна[701] с Ниной.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Получил письмо Киреева все о той же статье моей в [«]Новом времени[»].*

31 дек[абря] Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Через час начну читать Евангелие, дабы встретить новый год за этим чтением (так я встречаю нов[ый] год уже лет двадцать), но хочу воспользоваться несколькими минутами, дабы поделиться с Вами мыслями по поводу Вашей последней статьи в [«]Нов[ом] времени[»] о приходе.

Статья эта соответствует чувству многих... и моему — насколько она протестует против распоряжений «свыше» судьбою «низших». Я, Вы знаете, сторонник опроса тех, которых свыше хотят благодетельствовать. Властное решение такого важного дела, как организация прихода, — и мне, повторяю, не нравится. Но Ваша статья, протестуя против возможной ошибки IV отделения, не выставляет параллельно Вашей схемы. То, что решило Пред[соборное] присутствие — дать приходу значение юридического лица — несомненно дело важное и полезное. Как бы Вы ни решали судьбу прихода, признание за ним прав юридического лица составляет ценное приобретение. Древние братства были тоже юридические лица (хотя и без научной терминологии). Выражая недовольство проектом IV отдела, или точнее его юридической основой, Вы должны были, казалось бы, выставить и свою схему прихода. Что касается самого Папкова (хорошо делаете, что не называете Вашего оппонента), то смею Вас уверить, это самый неспособный на интригу человек.

Ни о каких соборах, ни о каких делах церковных теперь и не думают. Все поглощено предвыборной борьбой, и состав Думы несомненно повлияет на будущность России. Finis Russiae[702], пишет мне Хомяков. Да, той России, о которой я мечтал всю жизнь, которую хотел обосновать на славянофильском учении, том учении, которое я популяризировал в массах, и казалось не без успеха, — но явился конституционный кошмар, и все заколебалось!

*А Грингмут — молодец! Скажите ему это от меня при случае. Бог в помощь.***

Всего лучшего,
Ваш А. Киреев.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

** Приписано А.А. Киреевым вверху страницы *(сост.)*.

3 января.

Сегодня были у меня Георгиевские и Филипп Петрович Степанов.

Новый год я встретил с деньгами, но пришлось платить страховку (28 р.), да Авд[отье] Лар[ионовне] 15 р., да Саше отдать 20 р. (его деньги), да мелкие праздничные расходы — всего рублей 70: и остался с пустотой... А доходов — не предвидится. Гости не дают работать. Сверх того у меня предстоят большие работы — даровые. Нужно читать доклад о приходе, нужно готовить анастасьевскую лекцию... Перспектива безденежья...

Неприятная вещь: Надя получила уведомление директора, что ее нельзя назначить классной дамой ввиду нежелания начальницы... Итак — ее бедную, да и меня, только поманила удача... А она уже форменное платье, было, заказала. Придется зря платить 15–20 р.

Саша уехал в 7 ч. утра в Сергиев Посад и до сих пор не возвращается (как рассчитывал)...

5 января. Сочельник.

Саша приехал только вчера. Я вожусь с докладом о приходском вопросе (для монархического собрания). Вчера был Степанов (Филипп) и говорит, что можно будет пустить ходатайство о недопущении проекта IV отдела.

Здоровье мое опять расклеилось. Морозы мешают выходить, и зубы снова разваливаются... Ну, да ладно! Авось, Господь выручит.

По части политики все больше слышатся голоса, что шансы умеренных растут на выборах. Пожалуй, Государственная дума окажется согласной с идеалами Столыпина, и конституция утвердится в России. [«]Finis Russiae[»][703], пишет Хомяков Кирееву... Что же? Если ни на что более умное не способна, так туда и дорога. А жаль! Как многое обещала, казалось! Но достаточно было одного слабого монарха, чтобы все разрушилось. Интеллигенция — страшная сила, то есть вообще высший класс. Всегда и все посвоему переделает... А все-таки изумительна такая слабость народной самостоятельности. Скверно то, что даже и церковность так же слаба. Совсем в трубу идет. Изумительная слабосодержательность нации. Я этого все же — сознаюсь — не ожидал: думал, что душа народная сильнее и богаче.

Для марксистов все это очень просто: переменяются условия производства! У поляков-то эти условия не убивают патриотизма и национального самосознания! Да и у нас — стоило явиться Александру III, и национальность проснулась. Нет, это не внешние условия, а внутренняя ничтожность. Все держалось на вере. Стала вера рассыпаться, и все рушится.

Рука Божия. Совершаются какие-то пути Промысла, м[ожет] б[ыть], и вправду к кончине веков. И как ни тяжко это время, а я каждый раз чувствую прилив какой-то радости при мысли, – а вдруг конец? А вдруг не далек Христос? Ничтожна душа, и житие блудно пожил, но милостив Он, добрее людей...

Кстати, в «Миссион[ерском] обозрении» такое извещение:*

В новогодней январской книжке журнала «Миссионерское обозрение» первой статьей будет напечатано сочинение Льва Александровича Тихомирова под заглавием: «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира»[704].

Краткое содержание этой статьи таково. I. Несколько вступительных слов. II. О семи периодах мировой истории христианства. III. Характеристика семи эпох мира или тысячелетнего царствования Христа на земле; четвертая эпоха, фиатирской церкви. Пятый период – Сардикийской церкви. IV. Появление зверя и жены любодейной. 6-я эпоха – Филадельфийская. 7-я эпоха – Лаодикийская. V. О численных сроках конца мира и пришествия антихриста.

6 янв[аря]. Суббота. Крещение.

Ужасно надоели морозы. Стоят по –20° и больше уже сколько времени. Не выхожу. Ни разу не был в церкви за праздники.

Сегодня Коля что-то нехорош. Сейчас ложится спать с 37,6°. Не захворал бы!

Мой доклад о приходе назначен на пятницу, 12 янв[аря]. Вчерне он сделан, но нужно переписать и исправить.

8 января. Понедельник.

Саша уехал в Новгород (10 ч. 40 м. ночи). Благослови Господь путь его и жизнь.

9 января.

Кончил «доклад»... И тоска начинается. Тут у нас была 1 $^{1}/_{2}$ суток Марья Дмитровна (Носкова, сестра Катина), и уж, конечно, не избежишь разговоров на политические темы. Вся эта неисчислимая, безграничная политическая неразвитость, чисто детские «передовые» сюсюканья – так и встали передо мной, как непроглядная туча тьмы египетской[705]. И ведь почти старуха, и весь век провела в «интеллигентном» обществе... По душе превосходная женщина... Как подумаешь, что ведь <u>все</u> $^{99}/_{100}$ – вот как раз такие, охватывает тоска отчаяния. Что можно ждать от таких людей? Что можно делать в таком обществе? Не стоит даже и рта раскрывать... Ничто не пригодно для таких

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

людей, кроме просвещенного деспотизма, но они, понятно, этого не понимают, да притом – этот «деспотизм» и сам пал до их же уровня...

Несчастная страна, но особенно несчастны те, кто хоть чуточку поразвитее, хоть чуточку более способны к свободному строю!

Русские были идеалистичны. Теперь стали просто фантазеры и болтушки. Что можно делать с такими людьми и для таких людей? У меня совершенно руки опускаются.

12 янв[аря]. Пятница.

Сегодня был мой доклад на приходской комиссии монархического собрания – «Современное положение приходского вопроса»[706]. Было человек 50. Конечно, желательно было иметь аудиторию получше, но спасибо и за то.

Кузнецов, кажется, слава Богу, поправляется. С ним три дня назад случился какой-то обморок, с каким-то поражением мозга и с повышением температуры до 38,9°. Вчера говорили, что он умирает, но все же к вечеру ему стало лучше, а сегодня уже темп[ература] 37,5... Ну слава Богу, а то просто поразил...

13 янв[аря].

Сегодня я как избиратель Тверского участка получил именное объявление из городской управы. Порядковый № 45633, по избирательному списку № 3309.

Итак окончилась моя великая борьба за избирательные права!

14 янв[аря].

Сегодня ко мне заходил с Новоселовым Тернавцев. Наконец-то собрался посетить Москву. Хотелось бы еще повидаться.

Любопытны первые известия газет об избрании выборщиков: огромное количество «правых» и даже «монархистов». Судя по такому началу, Дума может оказаться смирной и приличной. Нелепейшая из конституций пустит тогда корни, и Николай II докажет, что в России даже слабейший из царей может, то есть мог, сделать что угодно... Но вопрос в том, что он будет последним царем в русском смысле. После него Алексею I или II (как его назовут) уже достанется не царская власть, а только императорская. И восстановить порванное развитие русской истории уже некому будет... Это легче было бы совершить какому-нибудь узурпатору, чем законному наследнику общипанных прав. Узурпатор может взять, что захватит смелая и сильная лапа. Наследник – только то, что не расточил отец.

Исполняется предсказание Александра III: «Я буду последним русским самодержцем»... Проницательно сказано.

И ведь как разрушил все русское! Начисто. Царство, социальный строй... разрушит и церковь, потому что прежнего построения церкви уже не может быть при этой конституции...

Изумительное могущество... и изумительное непонимание самого себя. Обещал и повторял на все лады, что будет идти «по стопам» Александра III! Ну – Господь с ним! Разрушил, так разрушил. Если Россия не может удержать тысячелетнего творчества, то значит – уж такая воля Божия. Novum nascitur ordo![707]

По преданиям, Серафим Саровский[708] предсказывал, что его мощи явятся при царе Николае в тяжелое для России время...[709] А потом, говорил он, уже недолго миру жить... Может и вправду окажется.

Был сегодня впервые за 1907 г. у обедни. Мало богомольцев, и как-то бессознательно ведут себя: певчие[710] поют: «Тебе поем», а люди из церкви уходят. Очевидно – полное непонимание смысла литургии. Вот нынешний приход – «древняя христианская община» наших реформаторов, Папковых и К°...

Кстати сказать – слава Богу – Кузнецов окончательно поправляется. И Авдотья Ларионовна сегодня к нам приезжала... Слава Богу, хотя она и нехорошо смотрит...

Тяжело все-таки. Все земное разбито. Все рушится, что ценил, для чего стоило трудиться. Теперь можно жить «только» небесным... «Только»: пишу это слово, эту фразу, и уже она показывает, как мало я готовился к небесному, как мало места оно занимает в сердце! Значит небесное-то я ценил собственно постольку, поскольку оно окрашивало земные формы и земное содержание жизни. Как «юродивая дева», не запас масла, и нечем зажигать светильник при звуках: «Се Жених грядет»...[711] Все масло пожег на царей да на народ, а теперь ни царей, ни народа нет, один Жених грядет, а в светильнике пустота!

15 янв[аря].

Катя заболела. Думает, что опять «прострел», как было в Вифании. Начала втирания да лежит в постели. Она вчера ездила в Сокольники к Марье Дмитровне и, вероятно, застудила.

Был у меня гр[аф] Олсуфьев, Дм[итрий] Адам[ович]. Ищет себе редактора для «Волги»[712]. Совета просит, но сотрудничества не предлагает...

16 января.

Получил письмо Бердникова (Ильи Степановича). «Младенцы – епископы», – говорит он... Точно, что младенцы, но тут есть и худшее: готовность отдать что угодно, только бы не бороться, не

рисковать, не раздражать врагов... Это похуже «младенчества», и это теперь характерическая черта всех представителей наших «основ».*

Глубокоуважаемый Лев Александрович,

Большое спасибо Вам за честный и сильный голос, возвышенный Вами против шашней и интриг Папкова и К° по приходскому вопросу, и за доброе слово, сказанное Вами и по моему адресу в № 11064 [«]Нов[ого] врем[ени»]. Будьте добры, не переставайте защищать Вашим мощным словом святое дело церкви православной, на которое покушается малосведущая и мало честная компания обновленцев. Ввиду тех задних целей обновленцев, которые Вы прекрасно раскрыли в своей заметке и которых как будто не подозревают наши младенцы-епископы, нужно из всех сил ратовать против зловредных замыслов этой компании. Я со своей стороны по мере своих сил не премину принять участие в борьбе по случаю брошенного Папковым вызова и уже на этих же днях изготовлю разбор заметки г. Папкова. Идем же дружно на бесталанного врага, думающего выехать на лжи и пустословии.

Слышно, что Вы не совсем здоровы теперь. Берегите себя и поправляйтесь поскорее силами. Я также захворал тотчас же после окончания занятий Предсоборной комиссии. И только день-два как немного поправился и собрался с силами и мог приступить к чтению лекций в академии. Собираюсь также и писать, как сказал выше.

Будьте здоровы!
Уважающий Вас проф[ессор] И. Бердников.
13 янв[аря] 1907. Казань.

18 января.

Сегодня был с Тернавцевым и Новоселовым и Верой на монархическом собрании. Говорили Грингмут, Павлов и Назаревский (Борис). Последний – бесспорно большой ораторский талант, со способностью возбуждать чувство. Но содержание – довольно бедное. Ну и в технике еще недостатки. Это я его слышу в первый раз. Голос богатый: ясный, далеко слышный.

20 [января].

Никак не умудрюсь написать своих лекций о социализме[713]. Казалось бы – легко, и писал я уже об этих предметах бесконечно... А не вытанцовывается. Устал, несколько раз писал и рвал... Вообще я, видимо, устал и ослабел.

Вчера, 19 янв[аря], мне стукнуло 55 лет! Много прошел пути, и мало остается. И вот – поди же: все хочется жить. Как будто и тош-

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

но и гадко, а не хочется умирать... Да и время какое – конец ли России, новая ли жизнь? Хотелось бы узнать раньше, чем помрешь. Но только думается мне, что без появления нового царя немыслимо подняться так низко павшей стране. А царя нового не может быть. Наследник – младенец. Раньше 20 лет его не дождешься. А узурпатор – если бы и выскочил – не есть царь. Непроглядная тьма впереди!

Какая-нибудь Жанна д'Арк[714]? Не может этого быть! Вообще ничего не может быть. Даже чуда и то невозможно себе представить. В каком роде может быть чудо? Не может быть никакого.

22 янв[аря].

Вчера на выборах Московского уезда революционеры одержали полную победу: из 8 выборщиков – 3 социалиста и 5 кадетов! Неужто и в городе будет то же самое? Не легализированы, от Столыпина денег не получают и бьют всех напропалую. Молодцы! Настоящие «стель уорты».

23 янв[аря].

Сегодня была первая лекция о социализме в епархиальном доме. Читал сам Анастасий. Голос у него необычайно хорош и побеждает даже нелепую залу Епархиального дома. Содержание же многопредметно, но без хорошо выдержанной общей мысли. Публики было человек 200–300, по крайней нелепости объявлений, точнее – полному их отсутствию, и по самым странным сложностям получения билетов.

Но как я в состоянии буду говорить в такой ужасной акустически зале? Недоумеваю. Порву себе глотку, и все-таки никто ничего не услышит.

25 янв[аря].

Сегодня пришли окончательные результаты германских выборов, на которых социалисты потерпели страшное поражение.*

Берлин, 6 февраля (24 января). *Состав нового рейхстага: 105 членов центра, 59 консерваторов, 55 национал-либералов, 43 социал-демократа, 28 свободомыслящей народной партии, 21 имперской партии, 20 поляков, 15 экономического союза, 11 свободомыслящего союза, 10 беспартийных, 8 союза сельских хозяев, 7 немецкой народной партии, 7 эльзасцев, 6 немецкой партии реформ, 1 вельф и 5 датчан. По сравнению с прежним составом социал-демократы потеряли 36 мест*** *вельфы и эльзасцы по три и имперская партия одно место, а*

* Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

** Подчеркнуто Л.А. Тихомировым; сбоку им приписано: «N.B. Их было 79 депутатов».

с другой стороны, свободомыслящая народная выиграла 8 мест, консерваторы — шесть, беспартийные — шесть, национал-либералы — 5, сельские хозяева — 5, поляки — 4, центр — два, экономический союз — два и свободомыслящий союз — одно место.

Вечером многотысячная толпа, среди которой было много студентов, узнав о поражении с[оциал]-д[емократов] и победе правительства, с пением патриотических песен направилась к канцлерскому дворцу.

В 1896 г. социал-дем[кратов] — 44, в 1900 — 56. Теперь из всего состава рейхстага 301 чел[овек] — социалистов 43.

26 янв[аря].

Подсчеты выборщиков (если они сколько-нибудь верны) заставляют думать, что правительство добьется наконец смирной Думы, хоть не скандалистской, с которою можно «работать». Лучше это или хуже? Уж не знаю. Думаю, что начнется, строго говоря, не «работа», а просто легонькое гниение, медленное разложение России. Будет понемножку входить в рамки мировой безличности[715]. Ну что же: фантазии исчезают, действительность остается. Видно, мы фантазировали... И как странно: все гениальнейшие представители русского духа только фантазировали: Герцен[716], Хомяков[717], Достоевский[718], В. Соловьев[719], Л. Толстой — все только фантазировали. Все, что искрилось в них национального — в самой нации, значит, не существует? Какая-то невозможная чепуха! А то, что было у ничтожностей и пошляков, разных Де Роберти[720] с Петрункевичем — это и есть национальное содержание!

А тени Маркса[721], Энгельса[722] и прочих еврейских общечеловеков ухмыляются: «Говорили мы, дескать, вам, дуракам, что ничего национального не существует... Все эти “выразители русского духа” были просто выразителями “классового” дворянского самосознания!»

Фу, какая мерзость! О, народ, народ, о, несчастные люди, идеализировавшие тебя...

Славный рыцарь из Ламанки[723],
Мы с тобой по духу братья,
И твое смешное имя
На себя готов принять я...

Давно, еще в крепости, вылились у меня эти строчки. Он во славу Дульцинеи[724] сколько сражался с мельницами и баранами, а Дульцинеи-то совсем не было, а была просто Акулька[725] на скотном дворе...

28 января. Воскресенье.

Сейчас в 11 ч[асов] утра возвратился с выборов. Ночью меня так схватили кишки, что я был убежден, что не в состоянии буду встать... Однако, слава Богу, имел возможность проехать в Думу и подать свой бюллетень. Мой избирательный № по общему списку 45633, а по Тверской части 3309. Подача бюллетеней производится в величайшем порядке как со стороны распорядителей, так и со стороны самих избирателей. Ни малейшей агитации, ни даже разговоров, ни толкотни. Публика очень серьезна, всюду идет в порядке. К урне подходят гуськом. Вход с главного подъезда, наша зала была во втором этаже направо, затем выходили задними лестницами на двор Думы и – к Иверской часовне.

29 января.

Все 160 выборщиков избраны кадеты. Полных цифровых данных еще нет.

Отправил в канцелярию Особого присутствия корректуры своих «Замечаний на проект IV отд[ела]».

Вечером лекция Воронова в епархиальном доме.

31 янв[аря].

Занимаюсь рассылкой оттисков «Современного положения приходского вопроса». Скучное дело. А лекции-то все не написаны! Завтра Грингмут уезжает в СПб. Нольде, того гляди, сляжет (ишиас). Вот тебе и будут лекции!

Телеграмма о нелепейшей вещи: у Витте будто бы кто-то подложил бомбы в две печи! Бомбы дрянненькие и далеко от его комнаты... Сам, что ли, подложил для каких-нибудь махинаций[726]?

1 февр[аля]. Четверг.

Грингмут выехал в СПб. на неделю.

Из СПб. пишут, что Витте сам устроил якобы покушение на себя... Но разоблачение этого зависит от деп[артамента] полиции, который этого, конечно, не сделает.

Ну, а что будет в политике? Это почти решится 6 февраля, когда будут выборы депутатов по всей России. Прямо душу вымотали. Уж хоть бы скорее кончалась эта агония... Правда, это в 1789 году смерть ancien régime[727] потребовала 3–4 лет. Но теперь все происходит более быстро, и история могла бы не копаться так несносно.

3 февраля.

Вчера на Сретение приехал Саша, и думает уехать в понедельник.

Был сегодня с визитом Чемодуров, Александр Александрович.

Занимаюсь рассылкой приходской брошюры[728].

4 февраля. Воскресенье.

Был, наконец, у Владимира Константиновича Истомина. Слава Богу! Он – когда-то первый человек в Москве – теперь слепой, лишенный власти – давно хотел меня видеть, приглашал... Меня грызла совесть, что все никак не удается. Наконец, побывал и просидел часа 2 $^{1}/_{2}$, рассказывал ему о СПб. и тому подобное. Он был ужасно доволен.

Боюсь только, что я простудился. Холодно, ветер, ехать далеко, прозяб ужасно. А у него и в комнатах очень холодно.

Ночь. Я сегодня вчерне закончил обе лекции – вместе выйдет листа 2 $^{1}/_{2}$ печатных.

Но я, кажется, действительно простудился. Как-то неможется и – скучно, нехорошо на душе. Тяжелое время, и особенно тяжело оно при необеспеченности куска хлеба для семьи. Конечно, разные бывают несчастия. Вон Истомин – слеп... Зато спокоен за семью... У всякого свой крест...

Между прочим, Истомин передал экземпляр моей брошюры Великой Княгине, лично передал, нарочно ездил, рискуя простудиться, и действительно простудился... Сегодня он был, по словам жены его, нездоров. Он и еще передаст тем лицам, через которых это может дойти до государя... Конечно, это все-таки шанс на то, чтобы не вырвали у него неожиданно подписи.

Но ужасное время: ни на что нет почвы, не на чем утвердиться, все в бестолковом движении... Нет опоры для приложения силы, и – разум оказывается бессилен к каким бы то ни было комбинациям.

Если бы хоть конституция могла утвердиться – явилась бы возможность рассчитывать и устанавливать планы... А то происходит толчея, где все вне расчета, все случайно.

Имея хоть лично прочное положение, можно бы хоть себя принять за точку опоры, как ни слаба она. Но у меня и личное положение – такое же висячее на воздухе... Ужасно тяжело и неприятно! Оно, конечно, есть одна точка опоры – Бог... да вера-то уж очень жидка... а без веры – или при такой слабенькой вере – вот уж плохо, прямо беда.

5 февр[аля]. Понед[ельник].

Саша уехал в Новгород в 11 $^{1}/_{2}$ часа утра.

6 февр[аля].

Сегодня выборы депутатов по всей России. Начали уже поступать телеграммы. Попадаются кое-где и монархисты... Московская губерния сплошь «левая». 4 «кадета» от города, а от губернии 4 «кадета» и 2 рабочих социалиста... Общие результаты, вероятно, определятся лишь завтра.

Сегодня ко мне приезжал Рогович. Рассказывал, что император, приняв от митрополитов тезисы присутствия о церковном соборе, ни слова не сказал о созыве его. Митрополиты, конечно, тоже не возбудили этого вопроса.

Да и никто не хочет возбуждать его. Извольский молчит. Рогович за отсрочку. Митр[ополит] Антоний недавно доказывал ему, что лучше отсрочить...

Теперь все поглощены Гос[ударственной] думой: чем она будет? Как сложатся политические дела?

Интересно знать, узнал ли Грингмут что-нибудь в СПб.? Рогович думает, что там и узнавать нечего, так как определенных планов в правительстве нет. Вероятно, оно просто ждет событий, чтобы к ним применяться... на день, на месяц, тянуть, пока тянется. Система умирающих правительств и царств!

Боже, как надоело это жалкое существование, и какое отвращение оно возбуждает... А между тем скоро, может быть, и о нем вспомнишь с завистью... когда начнут валиться головы по-«якобински» или по-«пролетарски»...

Теперь около императора уже совсем ни одного человека, хоть шаром покати. Витте – исшарлатанился до нуля. Столыпин тоже весь вышел. Трепова нет. Да и Дурново, вероятно, не пойдет вторично... Никого хоть с искрой энергии... Да, вероятно, всем и надоело до смерти. Теперь, если кадеты захотят быть сколько-нибудь вежливы и гуманны, император, вероятно, отдастся им во власть... А потом? Тьма кромешная...

7 февраля.

Сегодня были известия о почти 150 депутатах. Огромнейшее большинство разных «социалистов», «трудовиков»[729] и тому подобного. «Кадетов» тоже много. Октябристов[730] – 6 человек! Монархистов – 14!..

Телефон сообщил, будто бы на Совете министров обсуждали вопрос – «наступательно» или «оборонительно» вести себя? И будто бы Столыпин находит, что нужно действовать «наступательно»...

Какая нелепая картина и сверху, и снизу, и посередине!

8 февр[аля].

Приехал Грингмут. Ничего, впрочем, интересного не сообщает. Государь будто бы настроен спокойно и благодушно. Столыпин готовится к попытке сойтись с кадетами. Витте в СПб. теперь называют «автобомбистом»... Остроумно! В публике убеждены, что он сам подложил себе бомбы. А в общей сложности – ничего серьезного не происходит на поверхности... Да, Горемыкин трудится над схемой Земского собора... Вот откуда идет эта идея самаринцев! Коварный

Филипп Петрович, пригласил ему помогать с Чемодуровым, а о Питере не сказал. Они, очевидно, думают занять передовую роль, когда идея Земского собора назреет в Царском Селе. А мной хотят воспользоваться «на задворках». Нехорошо, если он вправду жульничает. Я его считал искренним со мной и был бы огорчен, если бы это оказалось иллюзией.

Я не отметил, что 2 февр[аля] был у Фил[иппа] Петр[овича] Степанова, куда был специально приглашен для того, чтобы помочь ему и Чемодурову в разработке вопроса о Земском соборе, каковая работа поручена ему и Чемодурову кружком Самариных[731]. Итак я должен помогать частным образом, давать им идеи, а на самый кружок не приглашен. Свиньи, в сущности. Ну, где таким господам отечество спасать? Считают меня полезным, но желают держать на задворках...

9 февраля.

Оттепель, грязь, капель... Говорят сегодня по городу, что правительство расположено распустить Думу при малейшем враждебном шаге... Кадеты будто бы приуныли от таких вестей...

Но зато Гужон[732] (фабрикант) рассказывал Воронову, что бакинские требования рабочих явно рассчитаны на ссору. Из 80 требований их нельзя принять и десяти. Он полагает, что там хотят найти только предлог, чтобы начать зажигать источники... А если это будет и московские фабрики останутся без топлива, то начнутся сокращения рабочих, явятся безработные и так далее – готовая почва для революции здесь.

Уж не подготовка ли это революции к роспуску Думы? В тот раз – волнения тоже начались с бакинских пожаров.

11 февраля.

Получил письмо от Дмитр[ия] Алексеевича Хомякова.

Я нездоров.

Еще новость – кот Руська[733] пропал. Забрался на крышу и вот не является (11 часов ночи). Это он впервые забрался на крышу. Неужто пропадет Надин любимец и воспитанник? Она его взяла летом новорожденного и холила, как дитя. Кот вышел очень умный и ласковый, всех забавлял. Вроде собаки, даже слова понимал. Жаль, если сдуру погибнет. А еще больше жаль Надечку...

12 [февраля].

Несчастный Руська снят утром с крыши, где провел в снегу всю ночь. Он влезть – влез, а слезть не умел... Сегодня он буквально весь день спит, м[ожет] б[ыть], болен. Ну я рад за Надю.

Сегодня вечером была последняя лекция Воронова. Я ими недоволен.

В следующий понедельник – моя лекция. Наверное, провалюсь еще хуже Воронова. У Воронова на лекции были сегодня какие-то барышни и студенты, ведшие себя не особенно спокойно, пересмеивавшиеся и тому подобное. Пожалуй, к моей лекции их набежит и больше для демонстраций. Возможно и тем легче, что сегодня билеты брали там же, кто хотел и сколько просил. Ну что станешь делать? Такое нынче время.

13 февраля.

Замечательные порядки у Скворцова. До сих пор не получаю «Миссионерского обозрения» с моей апокалипсической статьей. Написал ему запрос.

14 февраля.

Был на открытии выставки Мих[аила] Вас[ильевича] Нестерова[734]. Познакомился с ним самим. Очень живой и симпатичный человек.

Вечером был у меня Н[иколай] Дм[итриевич] Кузнецов. Я был ужасно рад видеть его воскресшего...

17 февр[аля].

За это время были у меня о[тец] Тимоф[ей] Ив[анович] Буткевич и Чемодуров: оба уехали в Госуд[арственный] совет. Чемодуров вырабатывает на всякий случай систему Земского собора, по какому случаю и совещался со мной.

Я был вчера на чтении Буткевича о приходе. Хорошо говорит.

Был еще кн[язь] Щербатов и пригласил 23 февр[аля] прочесть сообщение в Союзе русских людей о приходе... Я стал приходским гастролером. Даже смешно! И все это только из-за того, что я был в Предсоборном присутствии.

Телеграмма о смене Роговича! Неожиданно для меня. А Кузнецов говорил 14 февр[аля]: «Дни его сочтены»... Значит там за кулисами здорово действует «духовное кадетство». Теперь того и гляди, что Папков будет на место Роговича. Вся моя публицистика разлетелась, как дым, какова она и есть. Дело-то не в публицистике, а в интригах – «подвести» одного, «подсунуть» другого...

Господи, когда же Ты меня отпустишь на покой с сохранением средств к жизни? Вся моя публицистика, большие и малые труды – просто комичны по судьбе, начиная от рабочего дела, проходя через монархию и кончая церковью.

Еще большое огорчение: Степанов Клавдий отнял у Веры и Нади хронику «Моск[овского] голоса». Говорит – для сокращения расходов (на 25 руб. в месяц!), ибо дела плохи.

18 февраля.

Св. папы римского Льва именины. Были у обедни, служили молебен. День прошел тихо, по-христиански. Были очень немногие гости – о[тец] Фудель, Авд[отья] Ларионовна (которая осталась ночевать), Георгиевские, Андр[ей] Симанский, Глубоковская, забегал вечером даже Владимир Андреевич.

Было письмо от Саши. Короче – все слава Богу.

Но от сестры Маши – ни слова! Что с ней? Она уже давненько не пишет.

19 февраля. Понедельник.

Сегодня состоялась первая моя лекция в епархиальном доме. Публики собралось очень много, вдвое, или даже свыше, чем обычно. Человек, во всяком случае, более 300, может быть, и 400. Билетов почти не осталось. Значит, ожидания были. Имя привлекло публику... Но удержало ли ее? Не имею понятия. Вероятно, я все-таки не удовлетворил ожиданий. Это покажет следующая лекция.

Лично я, однако, ожидал, что буду читать гораздо хуже. Я такой плохой лектор и по голосу и по уменью составлять речь, что был собой доволен, так как ожидал гораздо худшего.

20 февраля.

Сегодня собирается в СПб. Дума. Теперь уже ночь, так что вся эта комедия у них кончилась... Первый закон, который будет предложен этому собранию, на $^3/_4$ безграмотному, будет об «авторском праве»... Шутник г. Столыпин!

Ну – черт с ними!.. Все это по бессмыслию очень напоминает будущий социалистический строй.

По всей вероятности, на первых порах все будет чинно, то есть министров не будут бить по морде. Вчера сообщили свежие новости, что правительство решилось всячески ухаживать за кадетами и Думой, лишь бы добиться ее союза с властью и «устремить потом общие усилия на борьбу с анархией». Если же будет немыслимо сойтись с Думой, то распустят ее и созовут тогда церковный собор... Конечно, тут нет ничего общего, но – так передают.

Ну, черт с ними, пусть делают, что хотят! Вот скверно то, что я нездоров, что-то делается скверное в кишках. Скверно и то, что деньги исчезают... Вот уж это горе... «Производственные отношения» падают. Все мои «давальцы» – кто идет в трубу, кто занимает невозможную для сотрудничества позицию. Так черно, так страшно будущее – вроде какой-то могильной ямы... Вот уж это – ужасно! А в общей сложности все мерзко.

Да, сегодня, наконец, получил «Миссионерское обозрение» с моей статьей об Апокалипсисе. Она небезынтересна.

22 февраля.

Был у нас вечером Нестеров. Пресимпатичен. Проболтали обо всем на свете больше двух часов...

23 февр[аля].

Делал реферат о приходе в зале коннозаводства в Союзе русских людей. Совсем не только не писал, но и не готовился. Будет с них. Но такое подлое место, что пришлось пешком идти всю Поварскую до Арбатской площади, пока нашел извозчика... В шубе, тяжко, совсем натужил свои несчастные кишки. Вот как сляжешь в постель из-за такого вздора! Штука будет...

24 февр[аля].

Вчера началась забастовка слесарей Миусского парка, вследствие которой прекратилось движение электричек и некоторых конок. Забастовки наборщиков расширяются. Говорят, что все это лишь первые пробы общей забастовки, которая должна начаться на фабриках будто бы 27 февраля. Интересно бы знать, каковы же <u>цели</u> этого?

<u>Ночь.</u> Я отпустил, точнее посоветовал сам Коле пойти на собрание учащейся молодежи (в Доме образованных женщин), где будет происходить спор монархистов с революционерами. Начало в 7 часов, и вот уже двенадцатый, а Коля все не возвращается. Тревожно на душе ужасно. Первый раз отпускаю его на собрание, и чуть ли не первый раз он <u>один</u> шляется ночью. А тут еще и время такое беспокойное настало... О, Господи, как тяжело стало жить!

Кажется, в Москве готовится что-то очень <u>серьезно революционное</u>. Сужу по сообщениям Грингмута, а больше всего по его <u>настроению</u>. Сообщения-то его кратки, да вид и тон многозначительны. Он от пустых слухов не тревожится...

А Коли нет, как нет... 12 часов ночи. Ходил на телефон. Никого нельзя дозваться: швейцар отвечает – «речи произносят»...

Но зато наслушался новостей от репортеров. Очевидно, готовится крупное восстание. В университете сходки по 5000 человек, из которых половина рабочих. Стачки разрастаются. Начальство ссорится между собою. Ни судебное ведомство, ни генерал-губернатор не хотят поддерживать градоначальника... Последний мрачен и предвидит нечто страшное...

Неужели – хотят сразу попытать революцию с помощью Думы? Это далеко не глупо. Риск невелик, а победа – в случае ее одержания – отдает «им» всю Россию. <u>La conquête jacobine</u>...[735]

А дальше? Дальше – для революционера не страшно. Что бы ни вышло, а будет <u>новый</u> строй, <u>традиция</u> прежнего разбита. Для революционера это такая великая победа, что «дальше» – уже почти безразлично...

Коля возвратился уже в 1-ом часу. Говорит, что было интересно, но он ушел, прослушав только 6 ораторов, а их всех записано 12.

26 февр[аля]. Понедельник.

Слава Богу, кончил свою барщину – вторую лекцию, и, говорят, даже хорошо. Оставляю на память билет.*

Епархиальный дом
(Каретный ряд, Лихов пер[еулок])
БИЛЕТ
ДЛЯ ВХОДА НА ЧТЕНИЕ
Л.А. ТИХОМИРОВА.
Значение социализма в общественном
и государственном отношении.
В понедельник 26 февраля.
Начало в 8 часов вечера.
Ряд 6 № 9
Бесплатно.
Аплодисменты не допускаются.

Публики было меньше, чем в прежний раз. Но нужно взять во внимание три обстоятельства: 1) теперь масленица, первый день блинов, 2) забастовка – по всей Москве нет электричек и конок, а извозчики лупят огромные цены, да и не хватает их, 3) гололедица, пешком трудно идти... Впрочем, человек 200, пожалуй, все-таки было.

27 февраля.

Получил письмо архиепископа Николая Японского... Давно, давно не имел я оттуда писем. Да и что толку? Пишет, что японская церковь погибает от безденежья. Если не дадут отсюда лишних 10 тыс[яч] руб., то придется уволить 30–40 катехизаторов и отдать православных на расхищение инославным... Бедный, бедный апостол Японии! Он все-таки не представляет себе, до какой степени мы погибли! Конечно, 10 тысяч р. – вздор, пылинка... Сейчас коночные забастовщики отнимают у Москвы 10 тысяч р. дохода ежедневно... И сейчас же, разумеется, Москва ежедневно на одних блинах пропивает не меньше 30 тысяч рублей... Да ведь то блины, а то вера!

Ума не приложу – как ему помочь? Сам погибаю: стоит передо мной эта погибель... И способов нет никуда обратиться для Николая епископа... Писать – негде, и не имеет смысла – никто гроша не даст... Что мне делать? Ничего не могу сам, а Господь не дает способов.

---

* Далее вклеен билет. Приводится на с. 8 вклейки настоящего издания *(сост.)*.

Непонятной для меня стала воля Божья на Дальнем Востоке. Он поразил нас, и, что мы негоднейшая дрянь, – об этом нет спора. Но внешних, материальных средств ни у кого больше нет. Убиты мы нравственно и политически – и вот негде брать даже и те немногие крохи, которые нужны для дела Божия на Дальнем Востоке... Или – там не указано его совершение? Как понять это – не знаю. Знаю только, что все разрушено и все разрушается, и самые люди сокрушаются, как только думают помочь этому Дальнему Востоку.

28 февраля.

У нас положение не улучшается, а ухудшается. Стачки разрастаются. Начинаются убийства городовых студентами. Убийцы схвачены, и сейчас же центр[альный] ун[иверситетский] орг[ан] требует у ректора вмешательства в пользу их, и ректор (Мензбир[736]) обещает. Летят телеграммы в Думу – выручать, ходатайствовать... Собрание Думы явилось каким-то сигналом революции... Просто несчастная страна. Ведь революция-то какая: сплошное разрушение, без помысла о созидании.

У нас средина масляной, но не видать веселья. Через 4 дня пост. Будет ли видно покаяние и молитва? Скорее, будет резня, взаимные преступления... Господь нас покинул на произвол адским силам. Никогда я не думал, чтобы у русских было так мало самостоятельного нравственного чувства. Значит, только и держались «корсетом» насилия. Любопытно письмо Суворина, которое заклеиваю.*

Многоуважаемый Лев Александрович.

Истор[ический] вестник»[737] составляет совершенно самостоятельно С.Н. Шубинский[738]. Поскольку я переговорил с ним. Он мне сказал, что «все колонки за текущий год переполнены и он может принимать статьи только на будущий год». Не удивляйтесь этому, тут никакого преувеличения нет, ибо С[ергей] Н[иколаевич] действительно поступает так. «Если я умру внезапно, все равно "Истор[ический] вест[ник]" обеспечен на год» Так он мне говорил много раз. Дело теперь в социализме, в статьях о нем, когда сам черт [?] не разберется в чем дело. Ни [нрзб.], ни думать никто не хочет мои [нрзб.] доставлять, книги и статьи? [«]Новое время[»] надеется [нрзб.] на все крайности. Столыпин [нрзб.] ведет переговоры с кадетами. Он с самого начала старался образовать умеренную партию и достиг очень немногого.

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Кажется, у правительства недостает ума. Это, конечно, не выдумка, когда ума вообще не достать и в партиях, и правительство имеет такое же право быть неумным, как и новые партии. Но это едва ли утешительно для империи. Я всегда был оптимистом, но теперь начинаю колебаться даже в вопросе есть ли ум вообще в русском народе. В Москве он, по крайней мере [нрзб.], с Петербурга [нрзб.].

Ваш А. Суворин.
24 февр[аля]1907.

«Есть ли, – говорит, – вообще ум в русском народе?» О, Господи, хоть бы скрыться куда! Но куда уйдешь от этого ужасного чувства? Дантон[739] говорил: «Разве унесешь отечество на своих подошвах» [740], а я скажу: «Разве уйдешь где-нибудь от этого страшного образа развратного, безумного – что, однако, есть отечество?» Боже, как мы ужасны, как мы безвыходно несчастны! Неужели еще не наступила минута сжалиться над этими жалкими, бедными созданиями, неспособными сохранить лик человеческий без высшей помощи?

Израиль древний был наказуем внешне: истребили, разогнали, пленили. Мы в тысячу раз несчастнее: мы внутренне пали. Мы, как Навуходоносор[741], превратились в животное... Но когда же взглянем на небо?

1 марта.

Приехал Саша и привез двух своих семинаристов: Осиповича и Белоликова. Симпатичные молодые люди.

Получил заклеиваемое письмо от некоего Ивана Савельевича Матросова[742]. Дело любопытное, но и мудреное, колючее по нынешним временам... Ответил немедленно, что готов повидаться и потолковать. Нужно сообразить, что для них можно сделать.*

Председатель
ПРАВЛЕНИЯ
Общества
Типо-Литографских
РАБОТНИКОВ
в Москве
27 февраля 1907 г.
№ 56
Москва, Цветной бульвар,

* Далее вклеено письмо на бланке *(сост.)*.

д. Воронцова, № 21, кв. 24.
*Телеф. № 38-66**
1-й Калашный пер.
д. Степанова,
Кв. № 46 (И.С. Матросов).

Милостивый государь, Лев Александрович!

Если я не ошибаюсь, это Вы читали лекцию 26 февраля в Епархиальном доме, то как сама лекция, а в особенности вывод из нее указанный Вами в борьбе за нарушенное существование дает мне надежду, что Вы ознакомились и с прилагаемым при сем уставом и протоколом общего собрания 2 февраля не откажите посильно помочь оны народившемуся О[бщест]ву. Оно нуждается в поддержке нравственной и материальной хотя бы в указании, где и как приобрести рабочие, открытые уже, брошюровочные мастерские.

О[бщест]во встретило при самом начале тьму препятствий; но уверен, что, организуя свои мастерские и давая своим членам возможность работать в них, оно даст им жить более свободно без всякого давления разобраться в своих нуждах, в самом себе, идти более сознательною и законно дорогою к совершенству, устраняя соблазны и сохраняя от всего вредного для члена. Работа трудна. Каждое слово, каждый шаг должны дать проверить: одним – нельзя дразнить, другим надобно дать то, что действительно должно быть дано. Вот в этом-то самом главном и нужна поддержка людей стоящих высоко в духовно-нравственной и научной жизни. О[бщест]во верит в хорошее будущее и смело подняло знамя борьбы. Лжеучения не увлекут его.

При начале О[бщест]во имело много желающих вступить и вложить (под которые) типографии и капитал относились сочувственно и обещали поддержку. Но новое О[бщест]во не понравилось О[бщест]ву рабочих графических искусств, оно сорвало первое собрание и обрушилось печатно. Одни нашли удобный случай отступиться, другие убоялись и ждут время. О[бщест]во теперь имеет: 2 почетными, 22 действительными; 8 соревнователей и 100 членов рабочих записалось и ждет право чтобы вступить: с 16 января открыта брошюровочная.

Работы брошюровочной много в Университетской типографии, и я просил Владимира Андреевича Грингмута, Струшенцева Михаила Ивановича, Владимира Владимировича Назаревского. Прошу и стучусь везде, веря, что просящему дастся, а стучащему отворится[743]*.*

Ваш круг знакомых широк. Вы близко связаны с издателями. Ваше слово не слово рабочего, и Вы могли бы оказать великую поддержку нам и нравственно поднять нашу энергию. Помогите!!!

---

* Зачеркнуто в оригинале *(сост.)*.

Позволю надеяться, что Вы не только извините меня за это назойливое послание, но и сделаете возможное, но главное хотелось бы лично повидаться и поговорить с Вами. Назначьте время, и я к Вам явлюсь.

Примите уверения в уважении и в полнейшей искренности нашей.

Милостивый государь
Покорного слуги
И.С. Матросов.

2 марта.

Одновременно с письмом Матросову послал письмо Глинке-Янчевскому, спрашивая, даст ли место писать о рабочем обществе в «Русской земле»? Сегодня утром Глинка отвечал по телефону – полным согласием. Значит, с этой стороны я обеспечен... Но сам Матросов пока менее торопится воспользоваться приглашением.

Сегодня рано утром обрушился потолок Государственной думы!.. Это было вне заседания. Но что за скоты наши правители: не умеют даже присмотреть за безопасностью помещения. До какой степени, значит, небрежно строят и осматривают.

3 марта.

Все газеты полны исключительно толками о думской катастрофе. Это нелепое, абсурдное событие вносит нелепейшие осложнения в политику. Можно думать, что сконфуженное правительство начнет теперь лебезить перед Думой еще сильнее. Но то озлобление, которое естественно у членов Думы, и вынужденное бездействие, а следовательно, шлянье по митингам, могут создать и такие инциденты, из которых нет выхода, кроме роспуска Думы или «роспуска правительства». Возможно, что Столыпин слетит с места, ну и тогда... новый ряд неизвестных усложнений. Вообще, кажется, нигде еще на свете не было такого комическо-трагического положения, как у нас за все время нашего «освобождения» и «обновления». Потолки – и те уже начинают принимать роль в революции. Какая-то таинственная сила шутки шутит над и без того одурелой страной.

5 марта. Понедельник.

Начало великого поста. Начал говеть, но там – как Господь даст: допустит, так буду до конца говеть; нет – так отложу. Но грустно начинается Великий пост: обострение забастовки. Сегодня забастовали газовые рабочие, и Москва погружена во тьму... Говорят, зашевелились на водопроводе... Это прямо ужас. Говорят, что все это штуки инженеров, которые желают выгнать неугодных лиц (вроде Крейса)...[744] Хорошо нравственное состояние инженеров, но что за душа

стала и у рабочих! На все дурное их можно направить с легкостью. Эта несчастная Россия представляет нравственное падение и распадение, о каком я, право, не помню в истории... И все думаешь: неужто не опомнятся люди, не ощутят в себе человеческих чувств? И – нет конца, нет надежды...

Теперь Москва черна, как ночь. Улицы очень пустынны. Видно, все боятся выходить. И – ниоткуда никаких мер к умиротворению, к выручке населения. Государства не существует. Оно только взимает деньги для прожития и воровства своих «служащих», но никакой пользы не приносит. Так же поступают и граждане.

6 марта.

Сегодня несколько часов ходила электрическая конка, но к вечеру – перестала. Говорят, что водопровод закрыт. Наливаем, что только возможно, остатками из трубы. К несчастью, посуды мало. Главное, ванна, оказывается, течет...

Какая-то безумная жизнь. Заходил сегодня Матросов. На вид – ничего себе человек. Но что же я могу им помочь? Да, сверх того, нужно еще расследовать, нет ли какой фальши в его отношениях к товарищам.

В СПб. сегодня было заседание Думы, и Столыпин, наконец, исполнил свою мечту – прочитал министерскую декларацию[745]! Предлагаемые им законы все в шаблонно-либеральном духе, и сверх того прямое заявление, что правительство будет вести реформы в смысле приближения к строю европейских «правовых» государств. Ну – скатертью дорога! Только для этого нужно «вечное министерство» Столыпина, а то другие, пожалуй, повернут в десять других сторон.

Надоели! Хоть бы пища была, да вода, да не резали бы и не стреляли, кому вздумается, – и то слава Богу.

Я два дня хожу в церковь и ем постное (или почти). Если бы Господь дал дойти до причастия Св[ятых] Тайн, хорошо бы было. Но да будет во всем Его святая воля.

В сущности, пора бы потише относиться к политике. Россия устраивается, как способна, то есть вообще глупо. Но как бы она ни устраивалась, хорошо или плохо, – а жить недолго, немного осталось, и о душе подумать пора. Россия устраивается сама, меня не спросит и не послушает, а о моей душе, кроме меня же самого, никто не может позаботиться.

10 марта. Суббота.

Утро. Сейчас удостоился причаститься Св[ятых] Тайн. Благодарю тебя, Христе Боже. Приобщились также – мама, Катя, Надя.

Ночь. Коля – на собрании своего кружка; это первый раз. Не нравится мне, что этот «Литературный кружок учащейся молоде-

жи» состоит при Монархическом собрании. В собрании – душа и владыка Владимир Андреевич, а он стал так увлекаться политикой, что – не доверяю его возможному влиянию... Но ничего не поделаешь! Коля очень хотел поступить, живет почти без товарищей, а там – чуть не 90 членов, из которых Сучков мне даже нравится... Впрочем, я и не знаю никого, кроме Сучкова (лицеист). Из колиной гимназии там человек 30, есть даже пяток из его класса.

11 марта.

Вчера скончался К.П. Победоносцев[746]. Мир его душе, царство небесное. Это последний луч старой России, разрушенной с 1894 года. Чистый, умный, благородный «идеалист», как называли его... Послал телеграмму Победоносцевой[747]: «Повергаю перед прахом почившего чувства глубокого уважения и скорби».

Ночь. Ничего уже не составлял старик, и все-таки его смерть отзывается каким-то сигналом. «Умер, умер Великий Пан»[748] – конец всему старому. Novus nascitur ordo[749].

Что же это за новый строй? В старом была идея, стройная, целая, организаторская. Где же она в новом? Это какое-то абсолютное «беспринципие»: ни монархия, ни демократия, не царство личности, не социализм, не что-либо новое свое, не последовательное обезьяничание чужого, не мышонок, не лягушка, а неведомый зверушка[750]. Рождается строй без плана, без идеи, без великих исходных пунктов, без великих целей... Говоря попросту – какая-то «мразь», нечто со младенчества старческое...

И это все, что мог создать «гений России»...

И куда ни смотри, не видать носителей этого гения. Мелочь на мелочи во всех «партиях». Множество людей теперь думают, что бы следовало делать, но только думают, только ищут... а между тем переворот уже совершен, совершен раньше, чем в стране сложилась какая-нибудь идея чего-либо нового. Ведь не новое же, не государственная идея – требование крестьянами земли? Ведь это вечное требование, столетия разнообразно удовлетворявшееся и раньше... А у рабочих? Не идея, а каша требований, да и самая масса рабочих еще не сложилась... Кто же произвел переворот, для которого в самом народе совершенно не вызрела никакая идея?

Струве сегодня назвал нашу власть (в «Русских ведомостях») «правительством испуга». Меткое определение. А раньше было «правительство интриги». А еще раньше – правительство, которое покойный Победоносцев характеризовал мне как «неслыханное падение воли и разума»...

Вот из каких элементов родился «новый строй»... Откуда же ему иметь идеи? Откуда ему иметь великий план устроения?

В этом нелепом строе теперь только должна начаться работа по выработке устроительной идеи.

13 марта.

Давно ли приобщался, и уже кажется, будто бы месяцы прошли с тех пор... Как быстро и полно изглаживается всякий момент некоторого приближения к Богу! И опять уже какая-то тоска одолевает...

Дела – бесконечно, суета сует... Так много, что кажется, будто бы ровно ничего не делаю. В действительности – ежедневно чтение бумаг, чтение книг, да и написал вчера и сегодня две статьи, да и в воскресенье тоже одну... чуть не каждый день (сегодня вторник)... Нервы устают, кишки расстраиваются...

14 марта.

Произошла новая мерзость: убийство Иоллоса[751]. Ясно, что не грабеж, не видно даже мести, а вся видимость гнуснейшего политического убийства. Идея террора приносит свои плоды.

Вечером был на лекции Пясковского. Наблюдал больше акустику: в воскресенье придется самому там читать.

15 марта.

Сегодня приехал Грингмут, но я его не мог увидать и поручил Соколову (Никол[аю] Викт[оровичу]) передать ему, что если Союз русского народа не заявит категорически, что он не причастен [к] убийству Иоллоса, то я не могу читать лекции. Грингмут организует ряд историко-политических чтений, сбор с которых идет в пользу их «Объединенного русского народа» (кажется, так называется), то есть «Монархич[еской] партии», «Союза русских людей», «Союза русского народа»... Я ни к каким их партиям и организациям не принадлежу, но не мог отказать Грингмуту в просьбе – дать также чтение, и предложил тему «Русское отечество». Он и опубликовал программу, включив, конечно, и меня лектором.

Но теперь является эта мерзость – убийство Иоллоса. Молва обвиняет Союз русского народа.

Я нахожу неудобным способствовать сбору денег, которые некоторой частью достанутся этому союзу, если он не снимет с себя гласно этого обвинения. Надеюсь, что Грингмут может или заставит их это сделать или – отделиться от союза с ними.

А относительно «Русск[их] вед[омостей]» – все это очень странно. Еврейское ядро редакции составляли Герценштейн, Иоллос и Розенберг[752]. И вот – убит и первый, и второй! Странная систематичность. Сам Иоллос – вообще очень умный, знающий и еврейски нахальный, последнее время был царем газеты, оттерши на задворки даже Анучина[753]. Говорят, с низшими сотрудниками он был крайне груб, дерзок и притеснял их. Вообще лично его не хвалят, так что возможно, что

он имел и личных врагов. Это сегодня рассказывали в редакции. Но, конечно, общее предположение все-таки за то, что убийство политическое.

Обыск в доме Торопова[754] и в редакции «Веча», как говорят, ничего подозрительного не обнаружил.

Как бы то ни было, ясно одно, что в России расплодилась самая отчаянная мерзость запустения, и невольно кажется, что резне не будет конца. О, Господи, до чего распалась несчастная страна в слабых руках!

16 марта.

Вот какое заявление поместил Грингмут сегодня в № 62 [«]Моск[овских] вед[омостей»][*].

РЕЗОЛЮЦИЯ,
принятая 15 марта
В РУССКОМ МОНАРХИЧЕСКОМ СОБРАНИИ.

Известившись об убийстве Г.Б. Иоллоса, Русская Монархическая Партия, Московский Союз Русского Народа и Общество Русских Патриотов считают своим долгом заявить, что они всегда осуждали и решительно осуждают всякое политическое убийство, с какой бы стороны оно ни шло.

Все вышеозначенные патриотические организации, в отличие от «кадетов» и социалистов, не признают политические убийства ни как цель, *ни как* средство *своей деятельности, направленной исключительно к защите мирными путями Православной Церкви, Царского Самодержавия и Русской Народности.*

Боевая борьба с внутренними врагами России должна быть предоставлена Императорскому Правительству, которое обязано предотвращать их возмутительные преступления и строго карать совершивших оные преступников всеми находящимися в его руках средствами, начиная с простых и кончая военно-полевыми судами, а также объявлением военного положения и назначением военной диктатуры, с привлечением к ответственности не только мелких исполнителей политических преступлений, но и высоких их вдохновителей и попустителей.

Председатель Московского Союза Русского Народа и Русской Монархической партии В. Грингмут.

Председатель Общества Русских Патриотов Л. Бобров[755].

---

* Далее вклеен текст резолюции *(сост.)*.

17 марта. Суббота.

Несколько дней гостит Маруся Писарева, а третьего дня приехал и Отто Вас[ильевич]. Одна бедная Маша осталась в СПб., и очень не то что горюет, а даже обижена. Но он не захотел, чтобы она ехала.

Авдотья Ларионовна плоха... Доктор не ручается, что она проживет две–три недели. Все это очень скверно. И какая была крепкая женщина!

Есть слухи, будто бы Думу хотят распускать. Это даже (будто бы) лично говорил государь... И Дума действительно плоха, м[ожет] б[ыть], отчасти хуже прежней. С другой стороны, правительство и без Думы будет тоже не лучше. Куда ни кинь, а выходит клин, если ума нет в самой стране.

Завтра у меня должно быть чтение для рабочих (у преосв[ященного] Анастасия) в Истор[ическом] музее. А 10 апреля назначено чтение об «Отечестве» для монархистов. Но эти чтения, кажется, совершенный пуф. На первом, у самого Грингмута, было что-то 70 человек – это в огромной аудитории Исторического музея! Стоит ли готовиться и тратить время? Ведь у меня, пожалуй, и того не соберется. Дело в том, что они назначили очень высокую <u>плату</u>, и в то же время не пускают посторонних, а только принадлежащих к их <u>партиям</u>... И вот результат!

Хоть я лектор и плохой, но читать перед 50 человеками смешно. Это можно сделать и у себя на квартире.

18 марта.

Сегодня должна была быть моя лекция в Историч[еском] музее. Я из-за нее не отправился на «Пещное действо»[756]. Но когда приехал в музей, то там не только не было ни епископа Анастасия[757], ни Струженцова (секретаря), но оказывается, что Анастасий даже не сделал никаких распоряжений, так что Афанасьев и священник, читавший до меня, <u>даже не знали</u>, что я – второй лектор. Анастасий мне обещал, что лекция богословская будет самая <u>краткая</u>, и у меня останется 1 $^1/_2$ часа на лекцию, и $^1/_2$ часа на перерыв (ибо мою лекцию нельзя прочесть меньше 1 $^1/_2$ часов, как он видел это в Епарх[иальном] доме). На самом деле священник читал бесконечно, до 7 $^1/_2$. Затем – перерыв. А расходиться должны в 9 часов. Я поэтому не мог читать. Афанасьев предлагал мне <u>сократить</u> лекцию. Но это, конечно, невозможно и бессмысленно: для чего же я бы стал читать исковерканную лекцию? Итак я, потратив почти 2 часа, пропустил «Пещное действо» и, схвативши насморк, уехал домой.

Какая образцовая ерунда! Не говоря уже о том, что свинство. Ведь сам приставал, чтобы я непременно прочел лекцию, и – устроить такую штуку!

Маруся уехала в СПб. поездом в 10 $^1/_2$ час. ночи.

23 марта.

Сегодня наконец собрался побывать у Глинки-Янчевского (Станислав Казимирович). Был любезен; по-видимому, действительно хочет моих статей. Там же, в редакции, подошел ко мне – Медведский[758], весьма развязно, хотя с деланной развязностью... Я впрочем обошелся с ним просто... Не стоит поминать старого его жульничества, да он, вероятно, и теперь не высокой честности, только не стоит вожаться с чужими грехами.

Глинка хвалится, что у него тираж 22 000 экземпляров. Для одного года это, конечно, блистательно.

27 марта. Вторник.

Сегодня ездил к Авдотье Ларионовне... Вчера вечером, точнее ночью, в 10 часов, приехал Рязанкин и сообщил, что она совсем умирает... Рано утром, в $^1/_2$ девятого, поехал к ней. Ей, однако, было лучше. Доктор сказал, что проживет дня два-три. Сердце – сносное, и водянка в ногах как будто поменьше (мягче ноги), но припадок вызван кровоизлиянием в мозгу (склероз)... Однако утром она сидела и говорила. Конечно, очень обрадовалась и оживилась. Очень жаловалась на болезнь, крайне мучительную. Вид у ней страшный, тяжело смотреть... Мечтает о деревне, как о царстве небесном. Бедная! Я конечно утешал и поддерживал эту мечту. Но прав ли доктор? Ему лучше знать, а мне кажется, что, если Богу угодно, то может быть и отдышится: если артерии не будут продолжать рваться... И с чего у нее такой сильный склероз? Совершенно нет достаточных причин. А уж как бы хорошо, если бы Господь дал ей хоть это утешение – пожить в деревне. Она ее так любит. Сама ведь бывшая крестьянка... Но на все да будет Его святая воля.

Сегодня, только что возвратился от Авдотьи Ларионовны, понахлынули ко мне неожиданные гости – и, как всегда, целой серией: сначала Шечков, потом Никольский, потом Остроумов (Мих[аил] Андреевич)...[759] до 5 часов дня промучили и не дали решительно ничем заниматься.

Я очень без денег. Давно уже не было такого безденежья.

31 марта.

Николка опять на собрании своего кружка. Не нравится мне это, и ничего не поделаешь... Приходится выбирать меньшее из зол и стараться извлечь добро хоть из зла.

В государственной жизни, кажется, опять приближается какая-то чертовщина. Революционеры, видимо, готовятся к новому удару. Слухи о забастовках, о подготовляемых взрывах железнодорожных мостов для всеобщей остановки движения. На Волге тоже распространяется

забастовка судовых команд. Слухи о том, что готовится повсеместное избиение «реакционеров»...

А правительство... по-видимому, думает спасти себя всякими поблажками «левым», возится со своей Думой, как дурень с писаной торбой.

Авдотья Ларионовна чуть жива, но все борется организм, и доктор даже не теряет надежды: если всосется кровоизлияние, то может быть и поправится. Дал бы Господь!

У меня предстоит куча публичных чтении: 1) завтра, 1 апр[еля], в Комиссии чтений для рабочих (у епископа Анастасия) – «Что дал человечеству социализм»; 2) у Грингмута «Что такое отечество»[760], 3 апр[еля]. Обе в Историческом музее. 3) Наконец, в Народном доме в пользу «Союза типолитографских рабочих», 11 апр[еля], «Что могут дать рабочие союзы».

Последняя всего более меня озабочивает. Устраивает ее, конечно, Матросов. Удача обещает завести связи с рабочими и – рисует фантазия – помочь новому, чисто народному движению, вне подчинения интеллигентным партиям, правым и левым. Неудача может быть громадна, и тогда мне остается считать свою жизнь конченной – бесцельной и бесплодной.

Что делать! Во всем – никто как Бог... Из одной глины делают один сосуд для почетного, другой для низкого употребления.

...Вчера по городу распространился слух, будто Грингмут убит... Он, действительно, живет среди угроз и, можно сказать, ежечасно может ждать смерти... Вижу его все-таки часто, наблюдаю и должен сказать, что эту каторжную жизнь он выдерживает честно и смело, не отступая от своих убеждений. Во многом не одобряю его действий, многое нетактично, многое, по мне, неправильно. Но – энергия, преданность своему делу и несомненное мужество – выше всякой похвалы. В довершение я думаю, что он давно не имеет надежды на победу... и все-таки стоит на посту, ежедневно рискуя жизнью. Впрочем, в конце концов, вероятно, нас всех перебьют, правых и виноватых, действующих и бездействующих.

1 апр[еля]. Воскресение.

Читал в Историческом музее о социализме (в Комиссии чтений). Народу было, по словам Афанасьева, 250 чел[овек]. Читал 1 $^{1}/_{2}$ часа без перерыва. Некоторое число (человек 20) ушло под конец. Остальные слушали, по-видимому, внимательно. Рукоплескания довольно жидкие. Один подошел поблагодарить. Говорил почти все время наизусть, пришлось менять и начало, и средину, и конец... Не у кого даже узнать, было ли удовлетворительно.

3 апр[еля]. Вторник.

Прочел лекцию «Что такое отечество»? Читал очень скверно. Публики было 63 человека в громадной аудитории Исторического музея! Даже и читать-то противно в таких условиях.

Грингмут уехал в СПб. на неделю.

4 апр[еля].

Передал Матросову 10 рублей, полученных мною за чтение лекции 1-го апреля (в Комиссии чтений для фабрично-заводских рабочих).

Какие странные слухи в народе! Сегодня в редакцию пишет один человек из Воронежа, что приехал к ним солдат-гвардеец и рассказывал, что государь говорил у них перед фронтом: «Братцы, спасите меня... Я еще хочу жить»... и при этом плакал. Пишущий нисколько не сомневается в рассказе и прибавляет, что следует выручать государя и уговорить его переехать в Москву...

Откуда могут выходить такие рассказы, в которых нет недоброжелательства, а только чистое сострадание?

Он, конечно, один из самых несчастных людей в России, но как помочь? Запутано все до невероятия.

Был сегодня Шечков, из СПб. Рассказывал, что Столыпин говорил (интимным друзьям): «Я поклялся спасти династию и спасу ее»... По своим действиям он скорее ведет ее к крушению, но дело не в том, а кому он клялся, почему поднялся вопрос о спасении династии?

Теперь в СПб. все толкуют о Думе: распустят – не распустят? Киреев говорил Шечкову за будто бы верное, что Дума будет распущена (совсем) до Страстной... Нет ли тут простого недоразумения? Понятно, что на праздники Дума будет иметь каникулы (Страстную и Пасхальную недели). Но это не роспуск. Киреев же говорил, что совсем распустят. Шечков говорит, что уверяют, что правительство считает необходимым распустить Думу, но ищет для этого предлога... Смешно! И даже, в сущности, недостойно. Зачем предлоги? Нужно распустить – распусти просто и прямо. Но это несчастное правительство из страха потеряло достоинство.

6 апр[еля].

Все разговоры – «распустят или не распустят Думу?». Все известия – о подготовке восстания. Забастовки на Каспийском море, то есть лишение центр[ального] района нефти – это удар очень умной руки, двигающей совершенно бессмысленные толпы, не ведающие, что творят. На Днепре тоже забастовки. Сотни тысяч рабочих, с невольным закрытием фабрик, будут выброшены на бунт и грабежи.

Похоже, что приходит конец обессилевшему старому строю. Роспуск Думы, конечно, или бы вызвал революцию с еще неподготовленными силами или дал бы правительству возможность сколько-нибудь упорядочить положение. Но, кажется, эти люди не имеют ни разума, ни воли даже для спасения своей жизни.

Что делать в таком положении? Я, по крайней мере, ничего не могу. О строе хоть и не думай. При теперешнем императоре нельзя представить никаких способов оздоровления. Я теперь думаю еще только о народе, о том, нельзя ли сохранить в нем хоть сколько-нибудь разума для будущего времени? Да и то – никаких способов. Как сохранить разум, когда все кругом его подрывает в корне?

7 апр[еля].

На Волге начинается навигация, а фирма [«]Нобель[»] уже объявила, что мазута отпускать не будет. Нет мазута: забастовка достигла цели. Пароходство прекращено по всей Волге ipso facto[761]!

Что это за губители России сидят в правительстве! Как можно было допустить такую подлую забастовку, против которой нужно двинуть войско в десять раз энергичнее, чем против какой-нибудь Японии... И какой позор, что Россия не умеет переменить такое правительство. Очевидно, все сверху сгнило. Но страшно подумать, во сколько миллионов жизней обойдется революция разлагающейся страны, прежде чем выдвинутся, наконец, достойные правители.

Моя лекция в Народном доме окончательно назначена на 13 апреля (пятница).

9 апр[еля].

Авдотья Ларионовна настолько лучше, что ее собираются в четверг перевозить в деревню. Надо ехать попрощаться, а погода – снег тающий, грязь...

Сегодня получил с [«]Моск[овских] церковн[ых] вед[омостей»] 76 рублей. Хоть какое-нибудь подкрепление, а то стало совсем плохо.

Послал в [«]Русск[ую] землю[»] статью «Рабочее движение и революция». Это первый блин: не вышел бы комом!

Относительно волжского мазута дело несколько разъясняется: его, конечно, мало – из-за забастовки, но запасы все-таки есть, и Нобель[762] с Ротшильдом[763] воспользовались случаем: по контрактам не выдают (ибо забастовка – есть force majore[764]), а частно согласны давать с накидкой 10 к. с пуда. А мазут и то поднялся (в Москве) с 27 к. до 55 к. пуд.

Завтра Головин[765] (председатель Думы) имеет аудиенцию у императора. Значит, все толки о роспуске – вздор.

Завтра же ждем сюда Грингмута.

11 апреля. Среда.

Вернулся с лекции Пясковского в Сухаревском народном доме («Общества типо-литографских работников», Матросов). Публики было 150 человек, большею частью ($^{9}/_{10}$) рабочих. Читал он превосходно, но лекция в высокой степени не для рабочих, а для студентов. Часть публики (человек 15) повышла, но большинство слушало с вниманием... Слегка аплодировали. Держали себя прилично. По крайней мере, на первой части лекции. На перерыве я ушел... Что-то ждет меня в пятницу?

Грингмут вчера приехал и уже бегает по всему городу. Новостей ровно никаких. Газеты принесли вести о приеме Головина государем; очень милостиво. Ни малейших толков о роспуске Думы не может и быть, гласят все известия. Ну – что же, это дело, только теперь, вероятно, пойдет вопрос о роспуске правительства... А может быть, и то, что кадеты с правыми просто обуздают левых, и у нас начнется упрочение конституционного строя.*

Общество типо-литографских работников в Москве
в аудитории Сухаревского народного дома
устраивает две лекции:
13-го апреля Л.А. Тихомиров: «Что могут дать рабочие союзы».
Начало в 8 час. вечера.

Билеты от 10-ти коп. и дороже можно получать в кассе Сухаревского народного дома, на Б[ольшой] Сухаревской площади.

12 апр[еля].

Это объявление «Русской Земли», но были также в «Русск[ом] слове» и «Русск[их] ведомостях». Все – даровое. Несмотря на такую любезность печати и, значит, десятки тысяч объявлений, слушателей у Пясковского было полторы сотни, и сбор валовой – 15 рублей... Вот и старайся! Еще спасибо, что не было скандалов, и я буду вполне счастлив, если моя завтрашняя лекция сойдет так же «блистательно», то есть без скандалов. А между тем я над ней много работал, и содержание ее положительно интересно, и во всяком случае заслуживает большего внимания рабочих, чем та пустая революционная дребедень, которой они зачитываются и заслушиваются.

Сегодня [«]Русская земля[»][766] (№ 340) поместила первую мою статью «Рабочее движение и революция».**

---

* Далее вклеено объявление *(сост.)*.

** Далее вклеено объявление *(сост.)*.

13 апреля 1907 г.
«ЧТО МОГУТ ДАТЬ РАБОЧИЕ СОЮЗЫ».
Л.А. Тихомирова

Значение организации подобно значению здоровья. – Английские рабочие союзы. – Бедственное положение английских рабочих в начале XIX века. – Радикальные и социалистические планы. – Перемена к лучшему с появлением рабочих союзов. – Праздничные дни ланкаширского ткача. – Рассказ рабочего о старых временах. – Спор священника с рабочим. – Трудовая обстановка нортумберлендских углекопов. – Английская система организации. – Рабочие союзы, забастовки, камеры[767] *соглашения, третейский суд, система сбережений. – Рост заработной платы. – Увеличение производительности труда. – Рабочий поселок. – Рабочая семья. – Бюджет. – Интересы научные, политические и религиозные. – Общее повышение средств рабочих Англии. Осторожность английских рабочих и система постепенных улучшений.*

13 апреля. Пятница.

Сегодня читал свою лекцию в Сухаревском народном доме. Публики было человек 150. Платных 90. Доход 16 рублей. Но слушали вообще очень внимательно. Аплодировали, хотя и не бог весть как усердно. Ни малейшего «инцидента». Вообще лекция прошла вполне удовлетворительно.

Мне кажется, что состав публики был почти исключительно рабочий. Интеллигентная примесь была еще слабее, чем на лекции Пясковского. Слушали в идеальной тишине. Ни в одной аудитории я не видал еще такой тишины.

14 апреля. Вербная суббота.

Саша приехал на праздники. Коля перешел в VII класс, и отпущен на каникулы до 16 августа. Недурные каникулы – ровно 4 месяца!

Воронов (Леон[ид] Ник[олаевич]), узнав, что на чтении было 150 человек, сказал: «Ну – этим можете гордиться. Теперь рабочие перестали ходить на чтения, и даже социал-демократы не могут привлечь такую аудиторию».

Сегодня был у Васнецова – смотрел образ Покрова, заказанный ему монархическими партиями... Образ хорош, но затеваемые демонстрации с хоругвями, «стягами» и пр[очим] – весь этот маскарад под звон колоколов мне нимало не нравится!

Я стою вне партий, ни к одной организации не принадлежу и твердо решился избегать всяких заманиваний. Когда люди их – Влад[имир] Андр[еевич], Восторгов и прочие – начинают между собой разговоры,

я ухожу или стараюсь не слышать... Это, чтобы они ежеминутно, каждый раз видели, что я ни за что с ними не пойду...

Но через это я и дела их плохо знаю, а между тем нередко бы любопытно было знать, куда они идут, на что рассчитывают?

Теперь в Москве предстоит их всероссийский съезд, на котором предполагается всякая помпа, декорации, манифестации, процессии со знаменами... Градоначальник недавно заявил, что уличные процессии будет разгонять нагайками, а если понадобится, то чем-нибудь и посильнее. Несмотря на эту угрозу, «Управа объединенного русского народа» (Грингмут и Восторгов) не отказывается от своих процессий.

Итак – возможно столкновение (м[ожет] б[ыть], вооруженное) полиции с монархистами.

В то же время ходят слухи, что революционеры готовят резню монархистов, и это слух отовсюду. Как известно, несколько человек из Союза русского народа уже и застрелены за последние недели.

В то же время евреи жалуются, будто бы к Пасхе готовятся антиеврейекие погромы, и Столыпин опубликовал циркуляр, чтобы полиция и войска защищали евреев силою оружия. Понятно, что такой циркуляр может прямо подстрекнуть революционеров (особенно еврейских) нарочно вызвать столкновение.

Так размножаются поводы к драке. А думские депутаты из крайних левых, говорят, всюду разжигают попытку восстания. Правительство этого не может не знать, и однако Думу не распускает, а Столыпин прямо говорит: «Дума нам полезна, она компрометирует себя и докажет всему народу, что она еще хуже прежнего бюрократического строя». Такие речи ему, по крайней мере, приписываются.

Далее. Рассказывают, будто бы Государь был далеко не любезен с Головиным, упрекал Думу и говорил, что, если она будет продолжать ничего не делать, кроме беспрерывных запросов, то он, государь, может прийти к мысли о бесполезности Думы как учреждения. Головин будто бы выражал убеждение, что Дума начнет работать, лишь бы продержалась до мая месяца.

N.B. А между тем именно в мае все и ждут какой-нибудь катавасии.

Говорят далее, будто бы на приеме Иннокентия[768] тамбовского государь спросил его о тамбовском отделе Союза русского народа. Епископ ответил, что он и сам принадлежит к нему. Государь будто бы выразил одобрение этому, сказал, что все его надежды покоятся на Союзе русского парода, и сказал, чтобы Иннокентий передал это Синоду (он член Синода). Сказал также, чтобы иеромонаха Илиодора[769] Синод не трогал.

Все это Иннокентий (будто бы) передал Синоду. Митрополит Антоний будто бы выслушал сообщение с искривленным лицом и промолвил: «Уж подведут они его под диктатуру»...

Таковы рассказы. Извольте-ка в них разобраться!

А расспрашивать – неудобно, да и не скажут откровенно.

Кроме всего прочего, у нас в Москве почти уже назрело столкновение «Союза графических искусств» с предпринимателями. Требования «Союза», по мне, глупые, не по рассуждению пользы, а из амбиции людей, еще не понявших истинных размеров своей силы. Они требуют предоставления всей администрации типографий самим рабочим, метранпажей будут сами выбирать, рабочих ни нанимать, ни рассчитывать хозяева не могут, а делает это «компания» самих рабочих... Вчера мне рассказывали, что хозяева хотят ответить локаутом, с тем чтобы потом принимать обратно только не принадлежащих к Союзу. А Союз имеет 4000 человек, то есть более половины всех московских наборщиков...

Глупят эти рабочие. У них в Совете Союза, говорят, есть и рабочие, но есть и «студенты». Не нарочно ли подстрекают рабочих для революции? Настроение рабочих вообще в Союзе графиков самое революционное и социалистическое. У них очень распространена уверенность, что рабочие «возьмут в руки все средства производства». Одним словом, фантазии людей, только что родившихся на свет, не имеющих никакого практического смысла. Разыграется это, по всей вероятности, очень скверно.

16 апр[еля].

Сейчас видел Матросова.

Окончательный подсчет лекциям. Народу было – у Пясковского 215 ч[еловек], у меня 162. Всего денег с обеих лекций, за вычетом (за освещение и прочее), Матросов получил от Комиссии 24 р. чистого дохода. По нынешним временам это огромный успех.

Моей лекцией большинство осталось довольно. А крайние упрекают, что я не провел сравнения с положением русских рабочих. То есть они бы желали чего-нибудь агитирующего, революционного. Теперь большие массы собираются только на зажигательное... Тем более можно считать удачными эти лекции. «Мы победили», – самодовольно заметил Матросов.

18 апр[еля].

Получил от Скворцова остатки гонорара – 45 р. Очень кстати, а то я совсем обезденежел к празднику.

19 апр[еля]. Страстной четверг.

Все наши (кроме меня) приобщались Св[ятых] Тайн. Вечером я был на Страстях, почти все время простоял... Как дале-

ко от нашей политической дребедени уносит это «вечное» повествование Евангелия! О Боже, с какой бы радостью ушел бы я от всех этих скучных, бесплодных, раздражающих вопросов о Думе, о Столыпине, о разных Головиных, Тихвинских, Зурабовых...

Сегодня получил от Скворцова оттиски своего «Апокалиптического учения о судьбах и конце мира». В извещении конторы сказано: «посылается 600 экземпляров». На самом деле их только 300. Василий Михайлович, значит, соблазнился в последнюю минуту и оттяпал себе половину. Зачем ему? «И веревочка пригодится»! Сброшюрована мерзко, без обложки. Хочу переброшюровать.

Изготовил праздничные карточки и письма, и даже отправил на почту. Но лежит на душе камнем сообщение, которое я обещал представить на Московский съезд. Осталось несколько дней, а у меня не только мало на бумаге, но и в голове. Впрочем теперь Столыпин помирился с Думой, так что, пожалуй, Московскому съезду будут неприятности. Ужасно противна вся эта петербургская политиканщина! Вообще Господь привел меня дожить до мудреных времен.

20 апр[еля]. Великая пятница.

Участвовал в выносе плащаницы.

Вечером был Чемодуров. Невеселые рассказы. Столыпин вполне доволен положением и полагает, что Дума постепенно выходится, станет сносною, а это, по его мнению, все, что требуется. Тогда вся Россия умиротворится.

Император тоже весел и доволен, и находит, что все идет к лучшему.

Значит, в России есть хоть 2 человека, довольных положением вещей...

Распускать Думу не будут, а предполагают с нею же изменить избирательный закон, и тогда уже распустить, чтобы созвать новую по исправленному закону...

Это исправление, судя по нынешней статье Меньшикова (этот господин – чистейший официоз), должно сузить избирательное право. Пример еще не слыханный в истории Европы! Интересно бы видеть, как это Дума решится провести такой закон? Всякая партия этим убила бы себя, если бы втайне даже соглашалась... Уж не левые же, не «кадеты» откажутся от всеобщего голосования? Или введут всеобщее, но с такими хитростями, чтоб оттереть народ фактически?

Жалкая и несчастная страна, над которой может проделывать все, что вздумает, даже такое «коротенькое» правительство. Неужто и на этом оно не провалит себя окончательно?

21 апреля. Страстная суббота.

Приехала сестра Маша, и уже вместе с мамой поедет в Новороссийск.

Сегодня кое-как закончил сообщение «Общественная деятельность учащейся молодежи», хотя и до сих пор не знаю, кому буду его читать. У них вышла какая-то путаница. Ну, да все равно.

Теперь уже ночь, 10 часов. Еще два часа и заблаговестит светлое Христово Воскресение...

Помоги, Господи, встретить его в здравии и благополучии...

22 апреля. Пасха. Воскресение Христово.

Ночь. 2 часа. Все повозвращались из церкви. Разговелись. Я тоже был у заутрени[770]. Ну, слава Богу. Вот Саши только еще нет...

Вечер. Прошел день пасхальный. Немногие навестили, больше «мелкий» народ. Фотий Хурс [?], Сучков, Андрей Симанский, несколько Колиных товарищей. Из «старших» Игнатий Антиохийский[771], Л.Н. Воронов... и все, кажется. Приехал и уехал, на этот раз уже по пути в Иркутск, Отто...

Был еще В.Н. Соколовский.

По обыкновению истратил все деньги:

1) церковный сбор – 5 р.
2) духовенство (с молитвой) – 3 р. 50 к.
3) старший дворник – 2 р.
4) сторожа типографии – 2 р.
5) дворники – 6 р.
6) своя прислуга – 4 р.
7) Борис – 1 р.
8) швейцар – 1 р.
9) почтальоны – 2 р.
10) телеграфисты – 50 к.
11) Прохор – 50 к.
12) ученики – 2 р.
13) складчики – 1 р.
14) Василий – 1 р.
15) разносчики [«]Русск[ого] гол[оса»] – 50 к.
16) разносчики [«]Русской земли[»] – 40 к.

Осталось уплатить:

17) сторож редакции – 5 р.
18) рассыльные редакции – 2 р.
19) городовые – 2 р.
20) газетчик [«]Моск[овских] в[едомостей»] – 1 р.

———————————————————————

Всего 43 р.

Не считая катиных «поздравителей»...*

25 апр[еля]. Среда.

Был с визитом у Чемодурова.

Сегодня начался IV съезд С[оюза] р[усского] н[арода]. Я ходил смотреть на освящение знамен в Епарх[иальный] дом. Знамен 173. Множество чрезвычайно красивых. Народу было довольно много, не менее 500 чел[овек], все это члены съезда. Служил еп[ископ] Серафим и между прочим знаменитый Илиодор.

Грингмут рассказывал (я его видел сейчас, ночью, в редакции), что он и Восторгов крайне смущены Илиодором. Он хочет говорить какую-то отчаянную речь к народу. Они его отговаривают, увещевают, указывают, что он сорвет съезд, а он отвечает: «Ваши съезды ничего не стоят: нужно звать народ к действию, а съезд – пустяки».

30 апр[еля].

Я болен слепой кишкой.

Слава Богу, сегодня последний день съезда. Хотя я и не близок ему, но захватил и меня, а главное – перемутил все кругом.

Я лично был на одном вечере, да читал в Историч[еском] музее, да просидел ночь на делегатском съезде студентов.

Грингмут развертывает всю свою ловкость, чтобы съезд не ознаменовался распадением и скандалом. Вся крестьянская и вообще народная часть съезда требует отчуждения земель, а о переселениях говорит, что нужно переселить помещиков, давши им пособие, а их земли отдать здесь крестьянам...

Грингмут обошел это тем, что выдвинул кн[язя] Щербатова, который объяснил, что аграрный вопрос может решить только Земский собор. С этим решением крестьяне согласились... Но весь вопрос в том, какую же резолютивную форму потребуют для этого? Это будет видно завтра при решении вопроса о переселениях...

Илиодор – enfant terrible[772] – проповедует ехать всем к царю просить роспуска Думы и отчуждения земель. Крестьяне его слушают с жадностью, как пророка. Требование ехать к царю – насчет съезда. Илиодор говорит, что съезд обязан это сделать. «Собирают по 5 рублей – значит, есть средства»... Эти люди настолько возбуждены, что даже не рассудят, что один билет до СПб. стоит больше 5 р.

---

* Далее приписка Л.А. Тихомирова сбоку листа:
«Еще были:
21) Сергей – 1 р.
22) Гаврила [нрзб.] – 1 р.
23) [Нрзб.] – 1 р.».

Впрочем кн[язь] Щербатов настолько хочет Земского собора, что для ходатайства об этом способен, пожалуй, повезти всех и на свой счет.

1 мая.

Съезд кончился. Я больше не был на нем. Кончился он все-таки «благополучно», то есть без скандалов. Народные элементы заставили внести в резолюции кое-что о профессиональных союзах и о том, чтобы аграрный вопрос решил Земский собор. Откуда возьмется Земский собор без отмены основных законов? Этого не сказано.

К царю решено ехать желающим, и Илиодор объявил, что этим будет заведывать он сам.

Решено также, что съездов больше не будут собирать.

2 мая. Среда.

Утро. Сейчас уехали на вокзал Саша и Коля. Это первой самостоятельное путешествие Коли... Благослови, Господи, их путь, и пребывание, и благополучное возвращение. Их путь – по железной дороге до 3 ч. ночи, а там пароходом по Волхову часов пять.

3 мая.

На окончившемся съезде проявилось впервые давление массы на руководителей. Грингмут и его сотоварищи думали ограничить постановления съезда: 1) общественной безопасностью, в средствах которой – разгон Думы и учреждение диктатуры[773], 2) переселения с полным устранением «аграрного» вопроса, 3) окраины, 4) школа. Мужики и рабочие заставили внести отчуждение земель и рабочий вопрос. Чтобы парализовать отчуждение, Грингмут выдвинул кн[язя] Щербатова с заявлением, что вопрос об отчуждении может быть решен только Земским собором... Диктатура же на съезде не прошла. И вот получилось совсем иное построение требований:

– безопасность, репрессия;
– разгон Думы;
– аграрный вопрос (частность переселения);
– Земский собор;
– рабочий вопрос;
– окраины;
– школа.

Итак аграрный вопрос временно «эскамотирован»[774]. Зато выдвинулся Земский собор, в который Грингмут не верит и которого он терпеть не может. Любимая же его диктатура – исчезла. Рабочий вопрос захватил его совсем врасплох... Так как и на отложку «отчуждения» до Собора согласились только с протестами, то Грингмуту пришлось все время силы и ловкость употреблять на то, чтобы как-нибудь не допустить крестьян опомниться и энергически

потребовать отчуждения (требуемого их наказами). Нужно было проволочить только один день, и он делал это всеми средствами — тут и подбор ораторов, и гимны, и «ура» — все пошло в ход... А между тем рабочие зашевелились и почти силой поставили рабочий вопрос, то есть вопреки порядку, в противность дозволению председателя, ушли в особую комнату и начали свои обсуждения. Грингмут, за невозможностью ничего другого, отрядил к рабочим Гневушева[775], который сказал, что он все хорошо уладит. Он же — и глава киевского рабочего союза...[776] Но в действительности ни он, ни кто другой ничего не смыслят в рабочем вопросе и живут теми же обрывочками уличного «социализма», как и «товарищи».

Составили они «постановления», и — как весь съезд в этом ничего не смыслит, а Грингмут (то же самое ничего не знающий), сверх того, желал одного: поскорее закончить обсуждения и закрыть съезд, то эти «постановления» и приняты «единогласно», как и все прочее, а затем съездом потянули на безопасные занятия — обед, а на утро в Сергиеву лавру.

Ну, ладно. Ночью захожу к Грингмуту, и он просит меня перечитать постановления по рабочему вопросу: «нет ли там чего-нибудь ошибочного»? Я взял с собой, перечитал дома и в ужас пришел от невероятной глупости их. Во-первых, требования чисто социалистические, но в то же время глупо-социалистические, безграмотно-социалистические. Прямо позор на всю Европу! Уж лучше бы принять умную социал-демократическую программу.

Объясняю ему на другой день, что кое-что я исправил, а кое-что обязательно совсем выбросить, по скандальной глупости требований. Он отвечает, что «невозможно; все это уже принято, и я имею право только редакционных поправок»... Как тут быть? Единственное средство: отдельными переменами слов довести фразы до фактического изменения их смысла или до придания им полной неопределенности смысла, так, чтобы не было ни глупо, ни умно и чтобы, в сущности, не осталось никакого смысла. Так он и стал, с моей помощью, «редакционно» улучшать постановления, и, понятно, постепенно мы и достигли поставленной цели.

Явный скандал был заглушен. Но что же осталось? Что же скажут составители? Заметят ли они, что смысла никакого нет? На первое время, вероятно, ничего не заметят, но постепенно не могут же не «расчухать»... и что тогда?

Там, в сущности, все чепуха. Составители — полные невежды. Голосовавшие — тоже. Но желания-то ведь имеются, хотя вся эта масса не умеет их выразить. А у съезда нет людей, которые могли бы дать рабочим умную программу, да если дать умную, то рабочие согласятся, а прочая часть съезда закричит караул...

Таково положение. Единение держится только недоразумениями, разным пониманием одних и тех же слов. Достигнут ли действительного единения? Об этом нужно думать, над этим работать, и многим, как Грингмут, нужно почти переродиться, сжечь, чему поклонялся, поклониться тому, что сжигал[777]. Будет ли это? Кто доживет – увидит... А пока факт в том, что партия полна внутренних разноречий и противоречий, которые очень искусно замазаны, закрашены одним цветом, но и только.

Грингмут обнаружил гениальные способности «политикана». Это в сущности единственный человек всей партии, стоящий на всей высоте политиканской ловкости. Любопытно видеть, до каких пределов может достичь это изворачивание, сколько еще времени оно сумеет удержать разнородные элементы в единении?

5 мая.

Сегодня уехали в Новороссийск мама и Маша.

Надя ездила в Сергиев Посад искать дачное место.

Я все эти дни строчу канцелярские или секретарские статьи. Как глупа общественная жизнь! Ничего истинного она не чувствует и не принимает. Только с величайшим самопожертвованием – и почти бесплодно – можно внушать людям правду... И правда осуществляется только, как нехотя, со скрежетом зубов принимаемый компромисс двух противоположных глупостей и подлостей, когда они не способны победить одна другую.

И так идет вся история... огромная часть истории. И поскольку я говорю правду и умное – я мученик. Все ругают, все отвергают. Уж нечего и думать публицисту жить доходом с тех статей, которые честны и умны. У меня все, что я создал, все результаты труда, ума, знания – все это печатается в страшный убыток. Я на это трачу часть того, что получаю от вздора, партийной, секретарской работы. Остальное, все, чем я полезен людям, или, в крайнем случае, принесу (после моей смерти) хоть честь России, как образчик некоторого творчества в это нелепое время, все это теперь даже не читается никем, кроме немногих единиц, и я должен даром раздавать – да и то, оказывается потом, не читают!

Вообще люди – ужасно глупы и мелки.

Стоило бы мне плюнуть на правду и начать служить людям, то есть тому, чего они хотят, – я бы стал знаменит, и они бы меня озолотили... Но я не могу, и молю Бога, чтобы не поставил меня в необходимость пойти на эту подлость... Люди делают это, не находя это подлостью, и даже считая себя героями. Но я вижу, что это просто подлость, эгоизм, продажность, скрываемая ими от самих себя. И потому для меня это было бы полным нравственным падением.

До сих пор меня Господь уберегал. Но с каждым годом становится труднее. Политика разгорается, и все партии требуют себе рабов своей лжи и глупости... Ужасно трудно.

6 мая.

Катя с Верой ездили к Троице и наняли дом (дачу) на Московской, д[ом] Чижова. Единственное достоинство – дешевизна: 25 руб. в месяц. Да еще за мебель придется уплатить ежемесячно же 5 руб.

Итак – опять лето, одиночная жизнь здесь, невозможность крепко спать при ежеминутных разбоях... А там, коли проживешь, – снова осень и последний год правильного получения дохода... Это почти смерть. И если бы дело было только во мне! Но дети, несчастные девушки... И это называется жизнь!

Боже, Боже, за что Ты так меня страшно терзаешь!

Я теперь вечно хожу с этим страшным кошмаром ужасного, неизбежного будущего – в сущности, всеобщей нашей голодной смерти...

7 мая.

Какая невообразимая путаница в СПб.! 5 мая правые Думы просили министра разъяснить слухи о покушении на жизнь императора. 6 мая Головин торжественно принимается в Царском Селе, обедает у императора. Того же ночью 6 мая – обыск в помещении социал-демократической фракции Думы, депутаты обыскиваются, равно как множество посторонних, кое-кто из посторонних арестуется, и судебные власти забирают 3 пуда разных бумаг...

Что касается покушения, то частные известия (по-видимому, достойные веры) гласят следующее. Какие-то «они» привлекли на свою сторону одного дворцового чиновника (надворного советника), а он соблазнил 5 конвойцев. Задумывалось покушение на жизнь императора, а может быть и Фамилии, ибо названные лица расположили уже бомбы в местах, где собирается императорское семейство. Но один из конвойцев, мучимый угрызениями совести, донес по начальству о готовящемся злодеянии. Преступников арестовали, а затем начались многочисленные аресты (60–80) и в СПб. и далее...

Кто такие заговорщики, эти «они»? Слухи умалчивают. Социал-демократы или кто иной? Ничего не слыхать. Столыпин должен был сделать разъяснения в Думе сегодня, но теперь (10 час. ночи) еще нет телеграммы.

8 мая.

Ну, сообщение Столыпина Думе разъяснило очень немногое в таинственном покушении[778]. Во всяком случае, говорят, что это дело социалистов, что в нем замешаны 6 депутатов Думы (в том числе Озол[779]). Передавали совершенно дикий слух, будто бы замешан цар-

скосельский полицеймейстер, то есть Новиков, бывший здешний пристав... Немыслимо себе и представить! Это один из самых лучших треповских учеников, Треповым же переведенный в Царское Село.

Получил любопытное письмо от Киреева. Это ответ на мое, в котором я говорил, что пора ему предложить государю императору план разрешить наконец современное положение, пока не поздно. Предлагал ему свои услуги выработать основы такого разрешения. И вот какой обескураживающий ответ.*

5/18 мая Павловский дворец.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Ежели бы Вы мне написали (то, что Вы написали мне 3 мая) — года два тому назад, я бы с удовольствием, обеими руками ухватился за Ваше предложение. Но я совершенно изверился в пользе каких бы то ни было визитов к царю и какого б[ы] т[о] н[и] было представления ему бумаг, программ, проектов и тому подобного. Я ничего не могу сделать, скажу более: и Столыпин мало что может сделать (и за его спиной принимаются решения эвентуальные). Его формула такая: спасти династию, царя... конечно, и Россию. Но нужно во-первых спасти царя, царя, династию! Стол[ыпин] не видит, что царя нельзя спасти отдельно от России. Спасется Россия — спасется и царь. Не спасется Р[оссия] — не спасется и царь!

Дело в том, что Стол[ыпин] боится опереться на «правых», а я как славянофил — ультраправый! (Хотя по-своему, то есть на православной подкладке). Поэтому со Столыпиным я не слажу, да и никто пока не сладит; ведь он хочет опереться на несуществующий центр! Положение выяснится, думаю, на днях. Завтра будет у нас заседание «правых» Думы и Госуд[арственного] совета. В понед[ельник] Вам напишу; спишемся!

6-го мая Вы говорите о моих «сферах». Да никаких «сфер» у нас нет. Это похоже на записки сумасшедшего: «день был без числа!» Но это так: сферы и около государя нет (разумной, влиятельной). Самый близкий ему человек — рыцарь Фредерикс — не политикан. Да мне и не нужно действовать через какие-либо сферы — мне доступ до царя свободен. Но повторяю: из этого ничего не выйдет. Нами управляет случай, слепой случай и отчасти Столыпин. Впрочем — подумаем!

Вечером 6-го был на собрании правых (Госуд[арственного] совета и Думы). Новый клуб. Может быть, что-нибудь со временем из этого клуба и образуется... Но все это делается у нас страшно медленно, неуклюже...

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

С правительством ничего «не поделаешь», пока оно не обожжется на Думе. Может быть, тогда, если появится новая какая-либо политическая комбинация, новая мысль (Ваша), что-нибудь можно будет сделать, * *что-либо предпринять. Но в чем (конечно – в кратком эскизе, в двух словах) состоит Ваша мысль, Ваша комбинация? Ведь есть такие, которые неосуществимы. Сообщите!*

Кадеты, чтобы избегнуть принципиального вопроса о политич[еских] убийствах, хотели бы сделать демонстрацию в пользу царя, по случаю заговора на жизнь царя. Но ультралевые пятятся. Правительство будет очень глупо, если поверит такой демонстрации. Кадеты – лгуны, иезуиты.

Искренне Ваш, А. К[иреев].

9 мая. Николая Чудотворца.

По Москве служили молебствия по случаю избавления государя от опасности. Я был на молебствии в Епархиальном доме, где служил митрополит. Все было торжественно и прочувствованно. Народу множество, полным полно, но все это члены монархических партий, по билетам, и после молебствия началось их общее собрание, на котором я уже не был.

Не то вышло у епископа Серафима в депо Казанской ж[елезной] дороги, где он приглашен был служить молебствие. Когда началось многолетие государю, толпа рабочих начала орать Марсельезу и все время орала ее, так что с величайшим скандалом молебен был «сорван»... Даже уж под благословение никто не подходил... Раздраженный Серафим тщетно старался усовестить скандалистов и, по разоблачении, вышел к народу, и, провозгласив «ура» за здравие государя, объявил анафему его врагам... Это, впрочем, тоже нимало не уняло «Марсельезу».

Вот какие у нас дела. Казанская дорога, конечно, давний революционный очаг, которого не загасил и Семеновский полк.

Бедный, бедный этот царь!

Пожинает плоды 13-летнего посева... Да и теперь тот же посев. В СПб. 200 человек «законодателей» протестуют в Госуд[арственной] думе против порицания цареубийства, – и сидят на своих местах...

Мудрено ли, что в Москве рабочие отвечают Марсельезой на многолетие царю? И им тоже ничего не будет... Уважают только тех, кто сам себя уважает, а несчастный венец Мономаха само правительство не уважает и не защищает его чести.

---

* Внизу страницы приписано А.А. Киреевым: «Или прямо, или через этот клуб».

Этот Столыпин, если он не сумасшедший и не совершенно дубинноголовый, то прямо изменник. Поведение вне всякого разумного объяснения!

Наши правящие сферы оподлели. Они – все Куропаткины, нет мужества, нет героизма, и все это потому, что нет чувства чести. Они не умеют сказать себе: «Лучше доблестно умереть, чем позорно жить», и через это не побеждают, а позорно погибают.

10 мая.

Сегодня у нас в типографии забастовка накладчиков, то есть наиболее «чернорабочих» в типографском деле. Забастовка – не экономическая. Накладчики требуют, чтобы их нанимали и увольняли через [«]Союз графических искусств[»]...* Соколов (Ник[олай] Виктор[ович]), разумеется, отказал, и все они (70 человек) получили расчет. Что будет дальше – неизвестно. Газета завтра думает выйти, хотя и в одном листе. Распространится ли дело – зависит, думаю, от целей союза. Если он думает вообще выбросить рабочих на улицу, то, конечно, будет раздувать забастовку и на прочих... Если же у него нет такой цели, то, значит, они просто дураки, п[отому] ч[то] накладчиков заменить легко, да притом в типографии есть теперь ротационная машина, для которой достаточно десятка рабочих.

Если забастовка этим и ограничится, то союз сыграет лишь в руку Соколову, который будет очень рад избавиться от полсотни человек так благовидно. Он их не выгонял, а сами ушли из-за непринятия невозможного требования. Тогда единственный результат: увеличение дохода Соколова и 50 человек новых «безработных» на улицах Москвы.

Все это, впрочем, разъяснится лишь дальнейшим ходом событий.

11 мая.

Хотя газета и вышла, но ее оттискивали в чужой типографии и скрытно от забастовщиков. Что будет дальше, трудно сказать. Забастовщики уверены, что будут получать пособие от союза. Машинисту, не приставшему к ним, они угрожали смертью. Сегодня и Соколов, и рабочие, и машинист (Андреев) вызывались для допроса к градоначальнику, который, говорят, расположен принять меры против союза.

Не слыхать, чтобы забастовка была еще где-нибудь. Удар, по-видимому, направлен специально против Грингмута.

---

* Сбоку страницы приписка Л.А. Тихомирова: «N.B. Они потребовали также увеличения платы на 24 %».

Сегодня я заходил к Грингмуту, но он даже и говорить не хотел, что-то промычал, я и ушел. Он, говорят, мрачен и болен. Но он бывает болен только при каких-нибудь неудачах и неприятностях. Какие же? Уж не забастовка, конечно. Это слишком пустячное дело. У Грингмута вчера было последнее собрание (партийное), а сам он собирается в разные поездки[780], так что едва ли газета ему теперь особенно нужна.

Скорее можно предположить какие-нибудь плохие вести из СПб. Одну привез Соколов: Думу ни в каком случае не думают распускать. Но и это не может быть для Грингмута неожиданным. Еще на днях он мне передавал, что старик Истомин сказал: «Ну, теперь я чувствую, что Дума будет на днях распущена»... Я заметил: «Ну я, напротив, чувствую, что она не будет распущена»... И Грингмут тотчас согласился: «Конечно, это ясно и мне».

Итак, что же его сокрушает? Уж не какие-либо известия от Восторгова? Его дела с Восторговым для меня – полная тайна. Грингмут молчит, а Восторгов почти раззнакомился со мной, так что я его не видал уже несколько месяцев, исключая на лекции в Епарх[иальном] доме и другой раз на съезде. Но он оба раза избегал встречи и избег всяких разговоров.

Однако мне известно, что он сегодня рассчитывал иметь аудиенцию... Уж не отсюда ли какие плохие известия?

12 мая.

Сегодня встретил Миролюбова[781] (секретаря), и он мне рассказал, что приехал Восторгов и что он имел аудиенцию у государя. Государь был очень милостив. Вышел он к Восторгову в русской рубахе, косоворотке. Потом пришла и государыня, сопровождаемая наследником; последний тоже в русской рубахе... О содержании разговора ничего не сообщил, кроме того, что их величества были очень милостивы и приняли от о[тца] Восторгова икону св. Николая Угодника, поднесенную им в благословение, государю наследнику. Говорит (Миролюбив) также, что о[тец] Восторгов поднес государю императору постановления московского съезда.

Сегодня в некоторых газетах, а равно и в городских слухах, упоминается о предстоящем будто бы роспуске Думы с увольнением и самого Столыпина. Но Восторгов (будто бы) заявляет, что намерения распускать Думу совершенно нет.

У нас продолжается забастовка, но газета кое-как выходит.

Грингмута так и не видал сегодня. Впрочем, теперь у него пойдут от меня секреты по случаю приезда о[тца] Восторгова. У него всегда так: секретничает и даже врет очень долго... Потом, когда ему станет очень тяжело и обстоятельства представятся очень черными, он начнет толковать со мной, кое-что порасскажет и ищет обменяться мыслями: не скажешь ли чего-нибудь умного? Только нынче не выдумаешь ничего умного, будь хоть сам Талейран...[782]

Умный этот Владимир Андреевич, очень умен. Но обстоятельства до невозможности трудные.

13 мая. Воскресенье.

Ездил с Надей смотреть нанятую дачу в Сергиевом Посаде. Вообще мне понравилась.

14 мая.

Получил письмо Киреева. Ну, если он так абсолютно уверен, что невозможно раскрыть глаза государю на опасность положения России и его самого, то, конечно, не могу его разубедить. Хотя мне сдается, что он ошибается...*

12 [мая]. Павловский дворец.

Многоуважаемый Лев Александрович

Программа Ваша несомненно хороша. Положение России понято верно, но Вы ошибаетесь в возможности ее «провести», «протащить» у государя. Нами управляет более всего – случай. Затем – сильнейшим фактором после «случая» является Столыпин. Ни на того, ни на другого воздействовать невозможно. По крайней мере в настоящее время. Ведь Вы предлагаете полное изменение существующего уклада! Но царь верит Столыпину, а Столыпин верит (несуществующему) «центру», с которым хочет управлять Россией! Пока эта «констелляция»[783] *не изменится – ничего не поделаешь, даром будем тратить порох!*

Действовать можно будет лишь в случае, если правительство решится разогнать думу! Тогда можно будет что-нибудь сделать. Столыпин вполне понимает, что положение опасно, это и все понимают, но он продолжает мечтать о своем «центре» 17-го октября. Он в него верит. Должно, однако, сказать, что эвентуально[784] *(в Царском [Селе]) допускается роспуск Думы.*

В Царском [Селе] (все) не налюбуются наследником, находя, что он как бы напоминает Петра Великого (!) и физически, и даже нравственно (то есть выказывает сильную волю...) В сказках говорится о таком царском ребенке, который рос «не по дням, а по годам». Дай-то Бог! Но в сказках многое делается легче и скорее, нежели в дей-

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

ствительности. Беда-то, что Богу-то мы, должно быть, уж очень надоели своими глупостями.

Всего лучшего,
Искренне Ваш А. Киреев.

[P.S.]

От[ец] Илиодор отталкивает нас многих, многих, нельзя ли его уговорить помолчать?

У нас забастовка продолжается. Накладчикам дан расчет, но они его не хотят брать. Их паспорта хотели дать в полицию, но частный пристав отказался брать... Чепуха какая-то... Газета еле выходит, и новых рабочих едва ли сумеют найти, пока эти живут здесь, а они не хотят очищать квартиру.

Надо сказать, впрочем, что их положение очень скверное. Получают они 18 рубл.* в месяц, на своих харчах! Имеют квартиру подо мной, где их человек 40–50 на пространстве значительно меньшем, чем моя квартира.

Требования их состояли в прибавке жалованья на 24 %, ну и потом разные глупости о Союзе и об их «компании». Работа их на газете продолжается всего 4 часа (ночью от 4 до 8 ч. утра). Остальное время они «свободны»... но что толку в этой свободе?

16 мая.

Третий день отголоски циклона – буря, дождь, град, снег. Температура не выше 6° и опускается до 3° ... Тревожусь о Коле.

Рассказывал Воронов, что с субботы на воскресенье было в Москве 300–400 арестов. Исходным толчком их была телеграмма рабочих в Госуд[арственную] думу о том, что Дума более не нужна и должна быть преобразована в Учредительное собрание, которое должно объявить низложение государя императора! При обысках арестованы советы двух «профессиональных» союзов: металлического и текстильного... Графический союз будто бы не участвовал. Оба совета были захвачены на заседаниях, где обсуждался план вооруженного восстания. У них захвачены планы и наставления для взрывов, баррикадной войны и тому подобного, а равно самые планы восстания... Этому помогали и не рабочие. Так, городской инженер (забыл фамилию) делал опыты, как прервать электрические машины таким образом, чтобы нельзя было восстановить действия месяца 1 $^1/_2$. Опыты, говорят, были удачны, и хотя сам инженер арестован, но остались рабочие, знающие разработанные им системы порчи (нужно пережечь катушки). Цель этой меры главнейше в том, чтобы уничтожить сигнализацию в казначей-

* Приписка Л.А. Тихомирова: «От 18 р. до 24 р.».

ствах и банках, ибо революционеры намерены первым делом ограбить банки. Они говорят, что «техника столь развита, что никакие затворы и стальные кассы не помогут». И, говорят, будто бы это уже доказано опытами. Намечен у них Московский купеческий банк. Он теперь усиленно охраняется полицией, но революционеры говорят, что это не поможет и что они его непременно в течение лета ограбят. Воронов настолько верит этому, что советовал мне взять оттуда мои меленькие злополучные сбережения.

Тут есть Коммерческий университет в заведывании Новгородцева[785]. Теперь в этом университете происходят собрания революционеров, подготовляющихся к восстанию, и им читаются соответственные лекции. Полиции туда вход, понятно, возбранен, ибо это тоже храм науки, и самые лекции – дело «научное».

Вообще, говорит он, ведется подготовление к окончательной революции... Если не лето, то осень должна быть моментом решительных событий...

Полиция все это знает. Но министерство забавляется красноречием в своей Думе, а о таких «пустяках» не озабочивается.

Насколько все это преувеличено? Судить не берусь. Но летом 1905 г. точно также доносились слухи о забастовках и восстании; им не верили... начальство так же благодушествовало... и все сбылось, как по писаному, до самого страшного (бомбы и баррикады) и до самого, как думалось, нелепого (как слухи, что будут «снимать прислугу»).

17 мая. Четверг.

Владимир Андреевич с Любовь Дмитриевной выехал в 10 ч. 50 м. ночи в продолжительную поездку.

18 мая.

Получена телеграмма [«]Велик[ий] кн[язь] Владимир В.А. Крамской[»]. Иными словами Влад[имир] Андр[еевич] сел на пароход.

19 мая.

Снова письмо Киреева...[*]

15 вечер Павловск. Дворец.

Многоуважаемый Лев Александрович.

На днях судьба Думы решится. Но ее могут сорвать и левые (по слухам, это решено на съезде в Лондоне). Правительству очень не

[*] Далее вклеено письмо *(сост.)*.

желательно, чтобы роспуск совершился по поводу аграрного дела. И в этом оно право. Такой роспуск будет служить опасным оружием в руках революции. «Вот, мол, мы, думцы, хотели дать вам "землицы", а правительство (царь) за это и прикрыло Думу!» Гораздо лучше, если бы роспуск произошел на почве озолевского инцидента. Конечно, каждый день дорог, конечно, нужно быть умным, решительным. Все это труизм...*[786] *Но... Откуда идет опасность? Или, как Вы точнее выражаетесь, «гибель»? От «смуты»! В своем открытом письме Столыпину Юзефович говорит о смуте со стороны русского народа, который начнет защищаться против еврейско-революционных элементов. Не думаю. Движение, вероятно, начнется с другой стороны, слева, на фабриках... Но ввиду того, что вообще Россия правеет, я не ожидаю резни (по крайней мере скоро). Опасаюсь я глупого нового избирательного закона. По-видимому, правительство не станет на славянофильскую точку зрения, то есть на политич[еский] строй совещательный (древнерусский), останется на мысли конституционной (хотя не парламентарной). Оно, вероятно, внесет принцип если не «сословного», то «группового» представительства. Конечно, это гораздо лучше, чем то, что мы имеем теперь, но это все же не то единственное, что может нас спасти, то есть принцип «совещания». Всякий новый закон, основанный на юридическом ограничении царя, приведет нас неумолимо (рано или поздно) к республике, управляемой большинством. Как видите, мы оба вполне единомысленны в том, что нужна перемена правительственной программы, начиная с избирательного закона. Но допускаете ли Вы возможность возвращения к совещательному строю и этого ли желает (точнее — удовольствуется ли этим) «русский народ»? Не мерещится ли ему возвращение (простое) к строю бюрократическому? С нетерпением буду ждать ответа Вашего.*

Когда узнаю о Восторгове — сообщу.

Душевно уважающий,
А. Киреев.

Ответил ему немедленно. Но писано 15-го, а нынче 19-е, и, по всей вероятности, отдумали «решать судьбу Думы»... Ах, несчастные, несчастные: до чего, до какого унижения довели себя! Они, очевидно, <u>ждут революции</u> при роспуске, что, может быть, и действительно будет. Но не все ли равно? Месяцем раньше или позже?

---

* Приписка Л.А. Тихомирова: «Если окажется достаточно улик для того, чтобы он мог быть предан суду (???)».

А уж не потому ли и уехали «в дальнее плавание» Владимир Андреевич и Восторгов? Восторгов «откомандирован» в Сибирь... Ну, если Дума будет действительно распущена, то я прямо запишу, что эти предводители «Объединенного народа» просто преднамеренно задали «лататы»[787]. Восторгов, приехав, категорически заявлял всем «монархистам», что Дума не будет распущена. Сам же немедленно уехал в Томск и звал с собой Грингмута... Да Господь их знает: может, еще соединятся в дороге да и проследуют на восток?

Посмотрим, кто доживет...

20 мая.

Начал на всякий случай Записку об основных законах, где разбираю всю их беззаконность и нелепость. Но все это совершенно явно бесполезно. Некому подавать, некому читать, некому понимать... Эти подлые чиновники всецело поглощены своими интересами, и для них удобнее всего именно такая нелепая конституция. А на императора, очевидно, расчетов никаких не может быть. Наказал Господь!

Пожалуй, что и у революции нет средств действия... Самое ужасное, что нам предстоит гниение и разложение.

21 мая.

Телеграмма – Грингмут в Саратове, в гостинице [«]Россия[»] на пристанях. Довольно шибко доехали. Сколько-то он там пробудет? Правду сказать, не очень благоприятный для него город – архаровски-революционный. Уж, кажется, и нет хуже, кроме разве таких нор, как наш Новороссийск.

В Думе начинается аграрный вопрос. Ну, значит, роспуска не может быть. Был я сегодня у Глинки, и он подтвердил, что о роспуске нет и речи. Бодиско пишет из СПб. Грингмуту, что Столыпин хотел распустить Думу, но встретил упорное нежелание государя императора.

22 мая.

Киреев пишет (от 19 мая): «Роспуск Думы – решен». А во всех газетах (левых) описываются весьма миролюбивые беседы государя с Головиным на последнем докладе... Ничего не сообразишь.

Введенский сообщал, что на аудиенции о[тцу] Восторгову государь сказал: «Пусть Дума сгниет на корню». Положим, что это было давно (дней 10 назад), да и слова эти принадлежат собственно Столыпину[788]. Но, во всяком случае, не было намерения распускать Думу.

Сегодня в Миусском парке перед всеми рабочими убит несчастный инженер Крейс кажется единственный честный между городскими инженерами. Понятно, что убийцы неизвестны...

23 мая.

У нас уложили вещи для отправки завтра на дачу.

Приехал Цертелев и рассказывал (я его лично не видел) со слов Мекленбургского[789], что государыня (молодая) очень поправела, так что стала «совсем черносотенной», но что Столыпин имеет более влияния, чем она.

А сейчас (ночью) Воронов рассказывал, что здесь в Москве деятельно готовятся к восстанию. Организация ведется по системе «пятерок». Постоянное обучение стрельбе. Лучшие стрелки переводятся на обучение бомбометанию. Бомбы для обучения употребляются игрушечные, детские; мечут с места и на бегу. Потом перейдут на обучение в городе, будут бросать под вагоны (те же игрушечные бомбы). А теперь ученье производится за городом, иногда очень далеко. Для отвлечения же полиции устраиваются в совершенно других местах пустячные митинги.

Оружия теперь на руки не дают, чтобы не арестовывалось. Дают только во время упражнений и потом назад отбирают и хранят в своих складах...

Что тут точного, не знаю, конечно. Но Думу, говорит он, они ругательски ругают и говорят, что там все негодяи, которых нужно разогнать. Воронов полагает, однако, что восстание готовится не то чтобы на завтра, а только на ближайшие месяцы, не позже октября.

Получил совершенно неожиданно письмо от Восторгова — из Челябинска![*]

20 мая 1907 г.

Дорогой Лев Александрович.

Пишу Вам из-за Волги; еду в Томск. В дорогу взял Вашу «Монархич[ескую] государственность»; читаю ее вторично после 1905 года, после многих опытов и наблюдений, после тяжких ударов... Читаю и наслаждаюсь ясностью мысли, убедительностью суждения... Господи, как мы все глупы и необразованны! Как не поймут, что суждения о государственности того или иного типа должны исходить из глубокого научного знания, а не от похотей и прихотей улицы или газетных писак. Как много для «Верности» можно было бы сделать очерков из Вашей книги — цельных, законченных и глубоко полезных, особенно из 1-й общей части. Отчего бы Вам этим не заняться?

* Далее вклеена открытка, см. с. 10 вклейки настоящего издания *(сост.)*.

Грешный, я сердит на Вас после прочтения Вашей книги, сердит за то, что Вы меня мне самому показали дураком. И завидую я Вам доброю завистью.

Храни Вас Бог! Семье Вашей привет.
Ваш Восторгов.

Что такое напало на него в дороге? Он здесь совсем отдалился от меня, почти раззнакомился. Никогда не бывает уже несколько месяцев, и даже его жена почти не отвечает на визиты моей жены и дочерей. И вдруг – такое письмо! Ну, тем лучше.

Он страшно сдружился с Грингмутом, и – чем более с ним сходился, тем более расходился со мной, хотя я и не говорю, чтобы эти два факта имели какую-нибудь причинную связь. Просто я имею такие глубокие отличия от Влад[имира] Андр[еевича], что друзья у нас обыкновенно – различные, и кто сходится с одним из нас – обыкновенно не очень-то близок к другому.

Но сам я умею ценить Грингмута при всех наших различиях и несмотря на то что многое в нем порицаю. Другие обыкновенно не имеют этой объективности. Это общее явление, вероятно, повторилось и на Восторгове.

Во всяком случае, я рад его письму, если даже оно (как вероятно) выражает минутное настроение.

24 мая.

Интересный разговор с Н.А. Павловым.

В правит[ельственных] сферах за конституцию – окружающие Столыпина – его брат Александр[790], его жена, урожд[енная] Нейдгардт[791], все вообще Нейдгардты, Юрий Милютин[792], гр[аф] Гейден[793] флотский (молодой). При дворе против конституции: кн[язь] Орлов[794], кн[язь] Путятин (влияние исчезло), Мосолов[795], Зинаида Юсупова[796] (большое влияние)... Но вся суть в том, что сам император в высшей степени за конституцию и слышать не хочет о ее уничтожении. Поэтому же он и против роспуска Думы.

28 мая. Понедельник.

В субботу Надя с Верой и горничной Машей перебрались в Сергиев Посад. Мы с Катей приехали в субботу туда же и возвратились сегодня. Там очень хорошо. Но тревожно оставлять одних барышень в такое хулиганское время... Разбилась вся семья... Коля у Саши – и не очень-то хорошо все это... Мы с Катей здесь. Все разбились. Спаси и сохрани нас всех, Господь милосердный!

Вот так и не собрался записать этого разговора... Отчасти и забыл. А жалко. Теперь тоже уж ночь. Вернулся из редакции, глаза слипаются.

Завтра ждем Грингмута. Уж хоть бы он возвратился да отпустил меня в отпуск. Хоть немножко бы отдохнуть...

31 мая. Вознесение.

Грингмут приехал и сейчас же уехал снова в СПб.

Мне тоже нужно туда ехать.

Клуб правых и умеренных[797] членов Гос[ударственного] совета и Гос[ударственной] думы назначил на воскресенье (3 июня) мою лекцию «О недостатках конституции 23 апр[еля] 1906 года»[798]. Думаю ехать туда завтра.

1 июня.

Ну, сообщение написано, билеты взяты, и часа через два-три собираюсь на железную дорогу. Благослови, Господь! Меня вызвали (телеграммой Пуришкевича[799]) так экстренно, что я трое суток должен был писать это сообщение, как каторжный. А что из этого выйдет? Ну, вот истрачу на поездку не менее 50 рублей. Кому все это нужно?

Думаю, что никому и ни на что... А приходится. Долг гражданина. Ну, стало быть, и рассуждать нечего...

6 июня.

Утром в 8 час. прибыл я с Колей из СПб. При мне распущена Дума[800], но это не вполне помешало докладу, который был не 3-го, а 4 числа (Моховая, № 6)[801].

14 июня. Четверг.

6 июня к вечеру переехал в Сергиев Посад, где и пробыл до сегодня. Сегодня приехал с Катериной в Москву, ибо завтра-послезавтра должен прибыть из Новгорода Саша. Сверх того, завтра (15 июня) должны выдать жалованье.

15 июня.

Сижу в Москве. Саша не приехал. Дождь льет. В конторе выдали всего 50 рублей: нет, говорят, денег! На всех пунктах – пиковый интерес.

16 июня. Суббота.

Полночь. Вот Саша снова не приехал. Послал ему телеграмму с оплаченным ответом, и все-таки нет ответа. Что все это означает?

Сижу здесь зря, трачу последние рубли...

Сегодня в Монарх[ическом] собрании Грингмута были несколько членов земского съезда. Пошел и я – видел и слышал гр[афа] Доррера[802] (курский), Володимерова[803] (орловский), гр[афа] Стенбок-Фермора[804] (кажется, одесский), кн[язя] Андрея Алек[сандровича]

Ширинского[805] (брат Алексея) из Твери, каких-то казанцев, которых имена забыл, Шечкова и гр[афа] Дм[итрия] Ад[амовича] Олсуфьева...

Превосходное впечатление производит Ширинский, с которым я, к сожалению, не познакомился. Он походит на брата, но крепче его, здоровее, и полон еще если не веры, то готовности умереть за свои идеалы.

Остальные вообще пессимистичны. Они все находят, что земства поправели, но все-таки ни у кого нет веры в хорошее будущее. Да и откуда ей взяться? Доррер даже говорит (в частном разговоре со мной), что уедет за границу. Его предки эмигрировали в Россию при падении Бурбонов[806]. Он хочет эмигрировать из России при падении Романовых...

Ах, что только наделал у нас государь! Какое превосходное наследство получил от отца и как все укомплектовал в 13 лет!

Сегодня я, наконец, получил из типографии Ефимова 400 экземпл[яров] своей брошюры «Социализм в государственном и общественном отношении»[807] (лекции 19 и 26 февр[аля]). Издано дрянновато и с глупыми опечатками. Ну, и за то спасибо!

Но что же с Сашей? Недоумеваю.

Позднейшая приписка: уехал на дачу 17 июня, а на другой день приехал Саша. С тех пор я в Москву уж не ездил до конца отпуска.

7 июля. Суббота.

Отпуск мой кончился. Приехал сегодня в Москву. Был у О.А. Новиковой (только что приехала). Вечером Саша снова заявил о своем желании принять монашество.

8 июля. Воскресенье.

Полночь. Меня буквально грызет и точит тоска. Душа просит чего-нибудь светлого, отрадного, и, кроме ударов, не получает ничего. Жизнь – какая-то гигантская бессмыслица, и притом тяжелая, гнетущая, беспросветная. Густой, густой туман, в котором холодно и сыро, среди которого идешь неизвестно зачем, неизвестно куда, и во всяком случае, к могиле, но даже и на этом пути все-таки выглядывают чудища уродливых бедствий и угроз...

Я, конечно, работал сегодня. Кончил «Апокалипсическое учение» (новое издание), написал несколько писем. Начал, было, писать епископу Парфению о Саше: хочу посоветоваться... и не кончил. Все какая-то бессмыслица.

А Саша уехал в Быково, в гости к Садковским[808], да так и не вернулся.

Сегодня неожиданно заходила Ольга Матвеевна Гуськова. Привезла сына на экзамен в Технич[еское] училище.

15 июля. Воскресенье.

Сегодня в 8 часов вечера было мое чтение «Недостатки конституции 1906 г.» в Малом зале Епархиального дома перед Монархическим собранием.

В пятницу приехала вся семья. Катя разнемоглась от непрерывной сырости. Думает здесь остаться некоторое время на поправку.

17 июля. Вторник.

Надя, Вера, Коля уехали в Посад. Саша находится в Саввином монастыре. Мы с Катей остались в Москве. Кате доктор (Мамонов) совсем не дозволил уехать на дачу и предписал лечение.

Получил коротенькое письмо от Отто (Маркграфа) – из Благовещенска на Амуре.

Вчера замучил Тиханович[809]: два раза приходил, говорил часа по два! Хороший человек, но глухой – просто мучение говорить с ним.

Сегодня застал в репортерской двух субъектов, из которых один оказался Сопоцько – бывший юродивый, а теперь, кажется, весьма «разумный». Фамилия у него теперь Сырокомля[810]. Очень странный господин. Действует между студентами, и сам поступил в университет (Одесский). Другой с ним – Констант[ин] Констант[инович] Полторацкий[811], уже совсем таинственная личность. Говорит, что он основал Союз русского народа, а не Дубровин. Не шпионы ли оба?

Рязанкин уведомил, что бедная Авдотья Ларионовна скончалась. Это было или в ночь или утром сегодня, 17 июля. Она очень мучилась. Упокой, Господи, душу ее.

N.B. Умерла в ночь [с] 16 на 17 июля (до 12 ч.).

18 июля.

Служили панихиду по новопреставленной рабе Божьей Евдокии...

С деньгами совсем плохо. Экстренные расходы со всех сторон. Болезнь Кати – ест деньги... Несомненно, что не может хватить и на половину срока, остающегося до получки жалованья. Откуда брать недостающее?

Но все это пустое в сравнении с будущим. Писал Кирееву, чтобы присматривал место, но это дело почти невозможное, да он даже и не отвечает...

Я вожусь с проектом кодификации... который никому не нужен, и из которого, без всякого сомнения, ничего не выйдет. Вечная моя участь – делать «ненужные» вещи! В сущности – должно быть, я просто фантазер... Когда-то я воображал, будто бы у меня развито чутье реальности. А между тем все, что мне кажется реаль-

ностью, – не заявляет себя существующим, а кажущиеся призраки – всем владеют... И все-таки не могу же я отказаться от своего ощущения?

19 июля.

Саша уехал в Посад. Не знаю, что там делается с моими детьми? Не пишут. А время такое, что всякая пакость на ум приходит.

Сегодня почти насильно затащил к себе Ольгу Алексеевну[812] (она заходила в контору газеты), и говорил ей о своем отчаянном будущем... Сокрушается, а что толку? Конечно, говорит, что закинет, где может, слово, но в сущности ничего не может. «Я, говорит, и сыну своему ничего не могу достать». Беда в том, что она пробудет в России еще всего 2 недели, и в то же время «весь Петербург» разъехался отдыхать от своих великих трудов и подвигов...

Тоска ужасная грызет. Какая тяжелая, беспомощная жизнь! Совершенно невозможно представить себе, где может быть спасение.

Кончил сегодня первые наброски «Основных законов»... Устал до того, что голова ноет. И для чего все это? Одурманиваешь себя фантазиями, как гашишом. Россия – погибла. Нет людей, никто ничего не хочет, все волочат жизнь, а не живут, и все чувства сколько нибудь высокие – не то пропали, не то спят непробудно... По Апокалипсису теперь идет подлейшая пятая эпоха, эпоха адской «саранчи», когда «люди захотят смерти и смерть убежит от них»...[813] Мучение же от «саранчи» протянется 5 месяцев: по Бейнингену[814] 1 месяц = 30 годам, в «пророческой азбуке»...[815] Прошу покорно! Неужели предстоит 150 лет такой нестерпимой гнусности?

24 июля.

Катя в городе. Саша уехал в Новгород – хлопотать о пострижении... Надя, Вера и Коля одни на даче... С одной Машей, очень ненадежной, и даже дворник Яков постоянно в отсутствии... По нынешним грабительским, сатанинским временам страшно мне за них. Вера простудилась... Вообще все мерзко, но самое ужасное – будущее – мое и особенно этих несчастных детей, которых я не умею устроить...

Это будущее меня давит, мучит... Нет ниоткуда помощи, ни искры надежды. Мысль о нем так ужасна, что я не могу выразить...

Какой-то шарлатан написал на днях в московской «Руси» (есть такая газетка), будто бы я получаю 12 000 р. (двенадцать тысяч!!!) в год... Вот уж мерзавцы! Какая цель этой лжи?

Вообще моя судьба – злая насмешка. Все уверены, что я имею повсюду влияние, что правительство меня необычайно высоко ценит, что я получаю массу заработка... Мерзавцы!.. Значит, они думают, что

так должно бы быть, и ни один из них никогда, ни в чем не поможет, ни в чем не поддержит, и я – прямо погибаю в одиночестве, в страхе за будущее свое и семьи.

Гнуснейшие твари эти люди!

7 августа.

Не записывал давно. Как-то неохота. Я работаю усердно над вопросом о пересмотре законов, но без всякой веры, что из этого что-либо выйдет. Неохота и записывать.

Был за это время А.А. Нейдгардт, условливались в дальнейшем. Написал для него большую Записку о «Способах улучшения нашего государственного строя». Хотя он настаивает на том, чтобы совсем не переносить вопроса в публику, но я, в конце концов, не послушался и изготовил краткую Записку Тихановичу-Савицкому (в Астрахань), которую должен отправить завтра. Они вырабатывают свою «платформу».

Старый, слепой Истомин (Владим[ир] Конст[антинович]) пишет высокие похвалы моему сообщению («О недостатках конституции»). Хочет распространять. И то хлеб!

Брошюра на днях будет готова, обойдется мне свыше 50 руб. Из-за чего я трачусь? Удивляюсь сам, как еще свожу концы с концами.

Сегодня был у Олсуфьева. Он, из «оппортунизма», вносит ряд смягчающих пунктов в мои планы реформы. Ну, я согласился. Буду вести одновременно две работы: одну с нормальными требованиями, другую с минимальными. Первую буду пропагандировать везде, где можно, вторую – внесем в клуб.

Олсуфьев не глупый человек! А главное, по-видимому, совсем честный.

Он сегодня уезжает в СПб., а оттуда за границу до сентября. Из СПб. мне должен написать.

8 августа.

Отправлена заказно Записка «О способах улучшения нашего государственного строя» – в Сергиев Посад, Алексею Александровичу Нейдгардту ([«]Новая гостиница[»]), а также заказное письмо (с краткой запиской) Тихановичу-Савицкому (ему же заказная бандероль – брошюра).

9 августа.

Получил первые 200 экземпляров «Недостатков конституции 1906 г.», уже к вечеру. Успел сдать 50 штук в магазин и заготовить семь бандеролей для завтрашней рассылки. Значит, неделя не вполне потеряна!

10 августа.

Отправил преосвященному Евдокиму телеграмму: «Очень прошу испросить благословения владыки». Но, вероятно, не подействует!

Вышла чепуха. Саша не был у митрополита. Гурий (Новгородский) просит постричь – Евдокима, а митрополиту ни полслова. Евдоким вчера приехал, а уже сегодня назначил постриг. Послал о. Стефана к митрополиту с клочком бумажки, на котором просит разрешить пострижение. Митрополит, очевидно обидевшись, надписал, что не считает нужным вмешиваться в иноепархиальные дела, так как Гурий ему ничего не говорил.

Значит – это отказ. Но от Евдокима станется, что он не посмотрит и пострижет самовольно. В результате – 1) я не могу быть на пострижении, что огорчит Сашу (и меня), 2) рассорит Сашу с митрополитом, 3) сделает невозможным просить Саше место в Москве.

Я просил о. Стефана немедленно ехать в лавру и просить Сашу и Евдокима приехать к митрополиту, отложив постриг на день, на два. Сверх того послал телеграмму. Но – что-то выйдет?

О Господи, уладь как-нибудь искушения нашего неразумения!

И сколько видишь и слышишь, и все пропадает для потомства.

Получил капитального интереса письмо, которое заклеиваю*.

Гр[аф] Дмитрий Адамович Олсуфьев — *СПб., Фонтанка, 14, Телеф. 14–58.*

Многоуважаемый Лев Александрович!

Только-что вернулся с островов от Головина[816], где запросто в семейной обстановке провел от 9 до 11 час. вечера. Все время беседовали. Брошюру Вашу оставил; он слышал о ней по докладу о выдающихся газетн[ых] статьях. Было предубеждение против нее. «Что мне ее читать, терять время, это все славянофильские фантазии – законосовещательная Дума» и т. д. Я даже оставил разговор, но потом он сам вернулся к сюжету, сказав: «Ну что Вы поучайте меня!» Тогда я стал развивать мои мысли или даже позволю себе сказать наши, о работе в две руки Госуд[арственного] совета и Думы и так далее, и так далее, ну словом, что мы с Вами намечали. Хотя он[817] не удерживался и перебивал и много сам говорил, однако я усилил изложение главной проблемы. Любопытнее всего, что главные его возражения были не по адресу. Он меня и вас считает гораздо более черносотен-

* Далее вклеено письмо на бланке *(сост.)*.

ными, чем оно есть. Он развивал мне в возражение свои возражения, которые почти всегда совпадали с моими, как я Вам их излагал. Изложу своими словами, какой я сделал вывод относительно его отношения к вопросу. Прежде всего, я проявил осторожность (хотя и в частной беседе) не дать повода усмотреть с его стороны согласие на изменение Основных законов. Он предпочитал возражать, трактовать вопрос по тону слегка, хотя на самом деле я заметил живой интерес к вопросу. Но это все вместе понятная тактика, как лица, занимающего ответственное положение. А ну как собеседник разболтается? Этой возможности он не выпускал из виду. Далее он смотрит на акт. 3-го июня[818] *как на стоящий в противоречии с основным вопросом считает политическим, смазывает, не подчеркивает противоречия.*

*Царь имеет право и обязанность и впредь так поступать, но это не будет coup d'*état[819]*, на то и самодержавие для исключительных случаев. Но как норма он сам себя ограничивает, предоставляя Думе и Совету решать, а не только советовать.*

Головин против, законосовещательного [нрзб.] как и я. «Законосовещательное» или решающее зависит от реальной силы учреждения. Английский парламент по конституции не имеет никаких прав, однако он всё, и наоборот с парламентом решающим монархическая власть, если она сильна, может совсем не считаться. Значит, не в этом термине дело. Довольно точно передам эти его слова: «Если допустить возможность высших законопроектов как в Думу, так и в Госуд[арственный] Совет, то следует законы устанавливать, какие рассматриваются раньше Советом, какие Думою; а то это будет произвол правительства Кроме того, это может поставить во вражду эти два учреждения». На последнее я ему возражал. В общем он, видимо, находит все это преждевременным, не желает «кодифицировать» (это термин я сейчас его употребил, а не он), он не желает ставить точки над и, напротив предпочитает закрывать глаза на противоречия, скользит по ним и постепенно согласно требованиям времени вводит изменения. Против всяких теоретических построений. Он видимо сильно надеется на третью Думу, свое детище и ожидает от нее работоспособности и [нрзб.] закрепления новых порядков. Я думаю, что в этом он ошибается, и это я ему настойчиво высказывал.

«Основание моей программы — это аграрная политика, укрепление собственности, разрушение общины и создание частного крестьянского владения. Теперь (исключение [нрзб.] губернии) крестьяне стихийно устремились на это». Я было спрятал Вашу брошюру; но он сам меня попросил ее оставить. Прощаясь я ему сказал: «Я все равно Вам буду сообщать о наших дальнейших работах (то есть нашей с вами комиссии)». Он пошутил: «Пожалуйста, пожалуйста, я вообще люблю иногда заняться и словоблудием». Вот Вам этот и главный

смысл разговора. Интересно будет увидеть его по прочтении Вашей брошюры. Я ее прочитал и, кстати сказать, нахожу замечательно-сильной, пожалуй самой сильной [из того], что приходилось за эти два года читать.

Какое произведет на него впечатление?

Мои заключения таковы: он смотрит на положение слишком оптимистично, главн[ым] обр[азом] надеется очень на третью Думу. Если третья Дума не удастся, тогда точно работа нашей комиссии может пригодиться. Отсюда следует, что нам нужно работать. Пока лучше Вам написать только самые общие положения, определяющие власть царя, остальное разрабатывать, но не печатать. Словом повторяю Вам мое мнение, высказанное мною уже в Москве. Брошюру Вашу «Конституция 1906 г.»[820] *необходимо всемерно теперь же распространять. Тогда только с ней будет считаться и правительство. Общие понятия (теоретические) у Головина слабые, смутные [?]. По духу он за самодержавие и прочее, очень близок к славянофильству; но как практик-политик он оппортунистичный и все время нащупывает течение в стране. Брошюра сам по себе его не интересует; но если она заинтересует целые общественные слои, то и он ею заинтересуется. Об Вас он многое слышал. Мой вывод: надо нам, то есть Вам энергично продолжать работу.*

До свидания.
Искренне ув. [подпись].[*]

12 августа.

Сегодня у меня был митрополит Владимир, был крайне любезен и сообщил, что послал телеграммой разрешение на постриг и посвящение... Мы все были в восторге о благополучном умиротворении. Сатана казался побежден. Вдруг от Саши телеграмма, что завтра Евдоким с ним поедет к митрополиту! Боясь недоразумений, я послал Колю в лавру с письмом, извещая подробно о посещении владыки. И что же? Не успел Коля уехать, как приезжает Саша! Оказывается, Евдоким внезапно перерешил и вместо завтра решил ехать к митрополиту сегодня... Не знаю даже, м[ожет] б[ыть], это и умно, но что же мой несчастный Коля? Он должен был ночевать у Саши. Просто наказание. В довершение всего – в Академии всенощная, и Стефан, к которому он должен зайти, не будет к приезду поезда дома. Прямо искушение! Несчастный Коля с одной резинкой[821], без пальто. А в довершение погода, с утра бывшая превосходной, захолодала, и пошел снова дождь.

Не дьявольские ли штуки? Беспокоюсь за Колю ужасно.

---

* В письме сбоку приписка Д.А. Олсуфьева: «...Мож[ет] б[ыть], напишу из-за границы. Пожалуйста, [нрзб.] полный молчок так и я ему сказал».

И такая чепуха: Евдоким привез Сашу на всякий случай, а на деле Саше и не понадобилось идти к митрополиту, так что Коля поставлен в свое крайне неудобное положение совершенно задаром.

О, Господи, помоги, пожалуйста. Прямо спутался со всей этой чепухой, которую стоило бы подробно описать, если Господь положит ей, наконец, предел. Я не написал и десятой доли этой нелепой путаницы...

Получил важное письмо от Нейдгардта. Заклеиваю. Только все это суета и томление духа. Ничего не может быть путного. Сатана обнял нас сетями и веет, как пшеницу на грохоте.*

11 августа.

Многоуважаемый Лев Александрович.

Сейчас получил я Ваши брошюры и письмо от вчерашнего числа и вместе с ними сдаю на почту две брошюры и превосходную Записку Вашу на имя Р., прося его безотлагательно послать брошюру и Записку, Т[ак] к[ак] последняя может появиться в печати, а между тем желательно, чтобы до этого Р. имел уже в руках Записку. О последующем (если последующее последует) я Вам тотчас же сообщу. Вполне разделяю Ваши соображения о целесообразности оглашения содержания [?] Записки в печати, как для самого дела, так и лично для Вас. Вы пишете о близкой ликвидации аренды Грингмута, а он между тем напечатал в «Московских ведомостях» (5 августа, № 180) под заглавием «Справка для “Русского слова”» – что это неправда. Что сие значит?

Сердечно Вас уважающий,
Ал. Нейдгардт[**, 822].

Ужасно беспокоюсь о Коле. Пренелепое путешествие.
Коля возвратился в 12 часов ночи.

14 августа. Вторник.

Возвратился от Троицы с Сашина пострижения.
Пострижение было 13 августа.
Наречен – Тихоном.

15 августа. Успение.

Вот что напечатал я в № 187 [«]Моск[овских] вед[омостей»] сегодня.***

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

** Далее в письме сбоку приписка А.А. Нейдгардта: «Сегодня же посылаю Вашу брошюру при письме Акимову».

*** Далее вклеена вырезка из газеты *(сост.)*.

Внутренние известия.
Пострижение в иноческий чин
(Сергиев Посад).

13 августа в храме Духовной академии совершилось пострижение в иноческий чин бывшего питомца академии, преподавателя Новгородской семинарии, Александра Львовича Тихомирова.

По происхождению потомственный дворянин, постригаемый получил первое образование в Московской седьмой гимназии, по окончании курса которой поступил в Московскую духовную академию. Окончив здесь курс магистрантом в 1906 году, он поступил преподавателем в Новгородскую семинарию, и после годовой службы исполнил свое давнее желание – пострижение в монашество.

По желанию его и с благословения архиепископа Новгородского Гурия и высокопреосвященного Владимира, митрополита Московского, торжественно-трогательный обряд совершился в храме родной ему академии.

Пострижение совершал ректор академии епископ Евдоким, в соучастии целого сонма архимандритов, большею частью близких постригаемому по академии или по дружеским отношениям: это были архимандрит Борис, настоятель Новоспасского монастыря, архимандрит Феофилакт[823]*, настоятель Заиконоспасского монастыря, ректор Московской семинарии архимандрит Феодор*[824]*, ректор Тульской семинарии архимандрит Алексий*[825]*, синодальный ризничий архимандрит Гавриил и настоятель Антиохийского подворья архимандрит Игнатий. В богослужении же участвовали сверх того иеромонах Гефсиманского скита Исидор*[826]*, иеромонах Иринарх, эконом Московской академии, ~~протоиерей Иосиф Фудель~~*[*] *и служивший всенощную о. Герман, преподаватель Псковской семинарии. ~~Диаконами были о. Николай и иеромонах Христофор, оба студенты академии~~*[**]*.*

Обряд пострижения совершился с чрезвычайною задушевностью, полной торжественности.

По чину постригаемый удалился на исповедь к своему духовному отцу иеромонаху Исидору и затем оставался, скрытый от народа, до самого момента пострижения.

Между тем с 6 часов чинно и стройно шла всенощная, с прекрасными лаврскими певчими, при огромном стечении молящихся, наполнивших всю церковь. В числе их была и семья постригаемого...

После двухчасовой службы, к великому славословию, всем присутствующим были розданы свечи, которые через минуту затеплились в руках многосотенной толпы.

---

* Зачеркнуто Л.А. Тихомировым *(сост.)*.

** Зачеркнуто Л.А. Тихомировым и вписано им: «иеродиакон Христофор и диакон Николай – оба студенты Академии».

После великого славословия, при пении «В объятиях отчих» из дверей позади храма показалось шествие архимандритов и иеромонахов, ведущих постригаемого...

У амвона его ждал епископ. Во время всего длинного шествия сквозь толпу, стоящую с зажженными свечами, нельзя было видеть постригаемого, скрываемого мантиями ведущих. Три раза останавливалось шествие, и постригаемый повергался в крестообразном положении на землю. И, наконец, при хватающем за сердце пении молитвы достиг он до епископа. Начался обряд...

Тихим, но твердым голосом отвечал постригаемый на вопросы епископа о добровольности пострижения, о решимости принять и исполнить высокие обеты: «Ей, преосвященнейший владыка — Богу ~~помогающу~~». * *Тогда, преподав наставления, епископ приказал постригающемуся подать ему ножницы, и тут только впервые узнали нарекаемое ему новое имя.*

«Брат наш Тихон постригает власы», — твердым голосом, както особенно торжественно заявил епископ. Дотоле никто не знал, что бывший Александр станет Тихоном (во имя св. Тихона Задонского)...[827]

Затем медленно, по чину, пошло облачение нового инока в одеяния, подаваемые архимандритами каждый раз с возглашением епископа «брат наш Тихон облекается»... и с пояснением духовного смысла одеяния.

Замечательное совпадение представило то, что день 13 августа, когда совершается память св. Тихона Задонского, не только не предполагался для пострижения, но по обстоятельствам оказался единственным днем, когда его возможно было совершить. Между тем св. Тихон Задонский был сам когда-то преподавателем Новгородской духовной семинарии и даже по тому же предмету, как Александр Тихомиров (гомилетика)[828]*...*

По окончании пострижения епископ Евдоким произнес новопостриженному прекрасное слово, видимо, вылившееся из самого сердца. Он вспомнил предшествующую жизнь новонареченного брата Тихона, его стремление к небу, к Богу, раскрыл высокие идеалы иночества и значение креста Христова для жизни нашей, и, указав на пример св. Тихона Задонского, дал новопостриженному ряд наставлений о соблюдении обетов, раскрыв и те утешения, которые дает крест Христов достойно его несущим.

Затем уже в конце всенощной, после 1-го часа, состоялось не менее трогательное вручение нового инока его духовному отцу, иеромонаху Исидору, которому епископ высказал, что он должен внушать врученному его духовным попечениям. Все закончилось проводами но-

* Зачеркнуто Л.А. Тихомировым *(сост.)*.

вого инока в келлию у храма, где он должен был провести ночь в подготовлении к причастию Св[ятых] Тайн.

На утро, с 7 часов, началась литургия, на которой уже все время у образов иконостаса присутствовал новопостриженный. Литургию совершал архимандрит Антиохийский Игнатий, * *и после приобщения Святых Тайн новый брат Тихон был увезен своим духовным отцом в Гефсиманский скит, где он должен пробыть установленное время неотлучного пребывания в храме, под руководством о. иеромонаха Исидора.*

Так написал я – <u>и это все правда</u>. Все было истово и трогательно... И Саша (я его видел у него в келье 13 авг[уста] и видел назавтра 14 авг[уста] за общим чаем у Евдокима) – Саша, уже «брат Тихон», был, кажется, спокоен, и <u>светел</u>, радостен...

И хотя все это <u>правда</u>, но <u>не правда моего чувства</u>. Вот вечер, ночь, я вспоминаю моего бывшего Сашу, брата Тихона, сидящего теперь в церкви Гефсиманского скита, и у меня горло давит, и готовы бы слезы закапать, если бы я их не удерживал. Нет у меня того Саши, которого я спасал от смерти[829], которого так любил и который ушел от меня. Он ушел. Как рушится все, что я любил, чему я верил, чем жил... Все, к чему только прикасается моя любовь, – гибнет, рушится или становится несчастно...

И если бы хоть <u>он</u> сам был счастлив! Если бы он сам не разочаровался, не проклял меня, не умевшего его удержать... Я хотел, я всеми силами старался и <u>не умел</u>, не имел силы разума, чувства, которые бы могли его удержать... И что, если он скажет когда-нибудь: «Не умел спасти меня от пещи огненной»!

Так тяжко, так горько, что не могу выразить этого. Камень давит душу, и как будто оборвалось у меня на душе что-то такое.

Дочери – несчастны... Разве это <u>жизнь</u> – их жизнь? Что будет с Колей?

Несчастная, неумелая и какая-то проклятая тварь я! Все вокруг меня сохнет, гибнет, завядает...

19 августа. Воскресенье.

Ночь. В субботу мы всей семьей поехали в Сергиев Посад для присутствия при <u>посвящении Саши (инока Тихона) в иеромонахи</u>. Это торжество состоялось сегодня, 19 авг[уста] в академической церкви. Посвящал еп[ископ] Евдоким. Все было очень хорошо. Слава Богу, что и Катя была...

Засим должно отметить довольно необыкновенную историю. Перед отъездом, к вечеру 17 авг[уста], я получил письмо от самого

---

* Приписано сбоку Л.А. Тихомировым: «В сослужении с иеромонахом Стефаном (Бехом)».

П.А. Столыпина, очень любезное, в котором председатель Совета министров пишет, что по прочтении моей брошюры «О недостатках конституции» желал бы потолковать со мной, если мне случится быть в СПб.*

Милостивый государь,
Лев Александрович.

Я прочел корректурный оттиск Вашей брошюры «О недостатках конституции 1906 года». Мне было бы очень желательно с Вами побеседовать. Если будете в Петербурге, не откажите ко мне заехать.

Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности,

П. Столыпин,
16 августа 1907 г.

Я послал из Сергиева телеграмму срочную: «С.-Петербург. Председателю Совета министров Столыпину. Письмо получил. Могу приехать. Прошу известить в Москву, можете ли принять вторник среду. Тихомиров».

Заплатил 3 р. 40 к.

Однако вот ночь и никакого ответа и уведомления нет. Остаюсь в недоумении относительно того, что желает Столыпин, и о том, что будет со мной? Ехать ли придется, или не придется?

23 августа.

Возвратился из Петербурга. Дело было так. В понедельник, 20 числа, получил телеграмму: «Будете приняты вторник в два с половиною часа. Правитель канцелярии министра Кнолль[830]».

Это было в начале третьего. Я собрался и уехал с поездом в 7 часов вечера. Утром 21 авг[уста] прибыл в СПб. Остановился у Писаревых. В 1 час поехал в Елагинский дворец[831]. Пробыл у Столыпина свыше $1\,{}^{1}/_{2}$ часов и возвратился домой в пять часов.

Столыпин, Петр Аркадьевич, был очень любезен и дружественен. Он прекрасно изучил брошюру. Говорили обо всем на свете. Оставил ему Записку «О способах улучшения наших законов».

Вечером того же дня был у Восторгова. По чрезвычайной усталости не выехал и решился отдохнуть. Выехал 22 авг[уста] в 6 часов и вот прибыл сегодня. Масса впечатлений, которых некогда записывать.

26 [августа]. Воскресенье.

Был у меня Алексей Александрович Нейдгардт и крайне размечтался по поводу моего свидания со Столыпиным... Но, кажется, моим

---

* Далее вклеено письмо, см. с. 11 вклейки настоящего издания *(сост.)*.

удачам наступает конец. Уже вчера, 25 числа, чувствовал простуду, а сегодня к вечеру стало так нехорошо, что смерил температуру и оказалось в 6 часов 38,3°! К ночи, конечно, пойдет выше. Совсем разбит... Вот мое несчастное здоровье – «нежизнеспособность»...

Помилуй, Господи...

27 [августа]. Понедельник.

Вчера и сегодня с утра совсем валялся. Теперь будто стало полегче. Написал даже письмо Столыпину... Кстати, он мне в беседе прямо заявил: «Манифест 3 июня с первой до последней строчки писал я сам». Важный исторический факт.

Вчера мой иеромонах Тихон служил у нас на дому панихиду по Авдотье Ларионовне (40 день кончины). Кстати сказать, я примирился с фактом его пострига. Он, кажется, доволен и несет свое новое звание совсем просто, как будто с ним всегда был. Со всеми нами обычно дружелюбен... Дай-то Господи, чтобы это было к его благу, а я – коли дети счастливы – то и я счастлив.

28 авг[уста].

Отправлены Столыпину заказно а) «Монархическая государственность» и б) письмо о статьях 11 и 87 основн[ых] законов.

Приезжал Н.Ф. Голубов, прописал разные вещи. Мне сегодня хуже, чем вчера... Разумеется, выходить абсолютно воспретил, «хоть бы редакция начала проваливаться сквозь землю». А в редакции и действительно худо. Грингмут тоже заболел[832]. Какой-то карбункул под мышкой, и в больнице не только делали операцию, но и задержали вчера. Не известно мне, отпустили ли сегодня. А Голубов говорит, что с карбункулами выходят иногда и очень скверные вещи. Но авось, Господь помилует. Грингмут теперь очень нужен России не своими идеями (которые часто скорее вредны), но своей энергией в борьбе против революции и за единство и силу России... Сильнее его в этом отношении нет никого... Это факт.

Ну да и для меня лично без Грингмута – нужно прямо погибать. Только им и живу в материальном отношении.

Я вообще ежедневно молюсь за него. Но должен бы молиться гораздо горячее и искреннее.

Случись ему – храни Господь – умереть, – его партия была бы совершенно дезорганизована и обессилена. У них только и есть два крупных человека – он да протоиерей Восторгов, причем о[тец] Восторгов, м[ожет] б[ыть], умнее и притом – русский по духу, но зато Грингмут гораздо более ловкий организатор. Как организатор он проявляет талант положительно высокой степени. Он делает очень много с самым неблагодарным материалом. Притом о[тец] Восторгов спосо-

бен зарываться и страшно разбрасываться, а Грингмут систематичен, как немец. Вообще он чистокровный politician высочайшей пробы.

29 [августа].

Я все в жару, хотя чуть-чуть поменьше был сегодня, чем вчера. А Владимир Андреевич, слава Богу, поправляется. Он уже дома и что-то строчит. Но всем говорят, что он в больнице (чтобы не беспокоили). Это мне рассказал Терентьев.

31 августа.

Вчера праздновали именины Саши (как Александра). Были исключительно люди его круга: о[тец] Сергий Садковский, архимандр[ит] Гавриил, о[тец] Фудель, из «светских» только молоденький Владимир Орлов, назначенный помощн[иком] инспектора в Новгородскую семинарию. Вечер прошел очень интересно и оживленно.

А сегодня утром читаю известие о приключении императорской яхты «Штандарт»[833]. Очень странно и подозрительно. Посадили на скалу царскую яхту со всей царской семьей! Неужели можно это сделать без какого-то злоумышления? Какое только? Уж, конечно, нельзя было утопить... Не имелось ли в виду пересадить на другое судно, где что-нибудь подготовлялось?

Во всяком случае путешествие, которое предполагалось продолжить до самого октября, прерывается в августе, через неделю по выезде государя. Стало быть, моя брошюра не могла быть прочитанной, и уж тем паче государь не тем теперь занят, чтобы о ней думать. Сатана всегда умеет подставить ножку...

Под вечер получил письмо Столыпина: предлагает место в СПб. По деньгам выгодно (6 т[ысяч])... но где прочность? И потом – полный перелом жизни на 55 году жизни, при полном одряхлении...

Есть над чем задуматься.

Письмо писано 29 авг[уста], то есть, вероятно, тогда, когда еще он не знал об аварии «Штандарта» (случай произошел 29 авг[уста] в 5 час[ов] вечера). Удивительно долго шло: на третий день.*

Многоуважаемый Лев Александрович,

Очень Вам благодарен за Ваше письмо и книгу.

Я как раз собирался Вам писать, предлагая переезд в Петербург.

Я бы не хотел делать это с шумом и желал бы знать, удовлетворит ли Вас причисление для занятий к Главному управлению по де-

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

лам печати с содержанием в 6 т[ысяч] руб. (4 т[ысячи] от Главного управления и 2 т[ысячи] из особых сумм министерства)?[834]

Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности,

П. Столыпин.
29 августа 1907 г.

1 сентября. Суббота.

Саша (Тихон) уехал в Новгород.

Отправил Столыпину заказное письмо, спрашивая, насколько прочно предлагаемое место?

Пожалуй, глупо это с моей стороны. Дождусь того, что он плюнет... Но я и сам не знаю, чего хочу, и в сущности – сам для себя хотел бы одного – покоя.

Пусть Господь, если Его святой воле требуется что-либо от моей работы, устроит то, что его воле угодно.

В сущности столыпинское предложение далеко не привлекательно именно полнейшим отсутствием прочности. Переломаешь все, истратишься, сожжешь московские корабли, а потом вдруг останешься ни с чем! Это была бы недурная петля: оставалось бы лишь повеситься в ней.

Теперь вечер. Сегодня – единственный день, что ни разу термометр не показал повышенной температуры, хотя кашель и насморк сильны. Но несмотря на как бы улучшение здоровья – полная неохота чем-нибудь заниматься. Все мои записки по законодательству, все книги по правам и конституциям – разбросаны вокруг меня, и мне не хочется даже прикасаться к ним...

Действовать могут только богатые и физически крепкие люди. Несчастному нищему инвалиду нет иной деятельности, кроме того, чтобы кому-нибудь служить. А я не хочу никому служить. Я хочу делать только то, что сам считаю справедливым... И выходит, что люди не хотят меня, а я не хочу людей...

Единственно, кому я не только готов, но всеми силами хочу подчиниться – и готов бы подчиниться слепо – это Бог. Но чего же хочет воля Божья? Вот вопрос...

А в отношении жизни по воле Божьей – это действительно трагический вопрос. Люди – пусть живут, как им угодно: не хотят знать Бога – пусть себе живут по-своему. Но я, сам по себе, для себя нахожу, что без Бога вся жизнь и моя, и мира всего не имеет смысла и не стоит медного гроша. Мне, по крайней мере, она без Бога не более интересна, чем жизнь растений или планет... и даже планеты, вообще звезды, гораздо более интересны. Бог нужен, непременно, и он есть... Но вот не пойму, где Его голос? Как жить с Ним, как вести Его дело? Я прежде усматривал его в церкви... но теперь. Церковь окуталась тьмою, не видать ничего ясно, вместо здания – какие-то крутящиеся, рассы-

пающиеся песчаные смерчи... Не могу разобраться в этой пляске аравийского урагана. Вот когда начинаю понимать настроение покойного Владимира Соловьева...[835]

И вот при такой-то неясности Божьего дела – мыслимо ли разбираться в политике, которая самостоятельного смысла не имеет, и получает смысл только по тому или иному отношению к Божьему делу?

2 сент[ября].

Сегодня Нарышкин[836], наконец, прислал обещанную в июне «Меморию»[837] Совета министров, объясняющую подготовку законов в августе 1905 года. Любопытный документ подрыва монархии. Все хороши!

3 сент[ября].

Сегодня впервые выходил в редакцию. Между прочим справлялся там в списке избирателей: я значусь среди избирателей Тверской части.

Лукин говорил, что вчера на выборах фабричных рабочие являлись очень плохо. На фабрике Иокиша (Петровско-Разумовское) не явился на выборы ни один человек! Лукин говорит, что в Москве монархисты не пойдут на выборы...

Очень глупо! Я с Шечковым уговаривался, чтобы он у себя, в Курской губ[ернии], возбуждал идею пересмотра. Если бы в Думе образовалась значительная группа, готовая поддержать идею пересмотра конституции, то нетрудно бы было подвинуть правительство выдвинуть вопрос о пересмотре хоть нескольких статей, а думская партия могла бы расширить дело. Дума не имеет инициативы, но если правительство само возбудит вопрос, то нетрудно доказать, что для изменения одних статей необходимо также изменить и другие.

4 сент[ября].

Выходил сегодня, и температура осталась нормальной. Зато заболели почки. Это проклятая инфлуенца – из огня в полымя...

От моего министра ни слуху, ни духу. Видно, не нравится, что я желаю сохранить независимость. Ну, как угодно! А мне в петлю лезть, да еще для этого в СПб. перебираться – нет расчета. Пропасть и в Москве можно с таким же удобством. Впрочем, все это и к лучшему. Куда **мне*** с моим хилым здоровьем в Петербург лезть. Только горе в том, что семья: чем ее кормить? Ведь в Москве сочтены дни моего заработка у Грингмута.

---

* Так в тексте *(сост.)*.

Ну уж и положение! А тут еще весь рассыпаешься. Господи, Господи, хоть бы мне семью устроил, так сам я, пожалуй, готов и к смерти. Тяжелая жизнь!*

Многоуважаемый Лев Александрович,

Вполне понимаю Ваши сомнения и спешу Вам ответить[838].

Прочность, особенно в теперешнее время, вещь относительная. И я не скрываю, что прочность того положения, которое я для Вас создаю, находится в зависимости от моей прочности: если я буду убит или заменен другим лицом, то Вы окажетесь в зависимости от нового лица, стоящего у руля.

Но ведь положение всякого лица, состоящего на гос[ударственной] службе, однородно!

Конечно, штатное место члена Совета Главного управления по делам печати (о чем я сначала думал) было бы прочнее, но такое назначение сразу наделало бы страшного шума[839]*, да и содержание членов Совета 4 т[ысячи] руб.*

Поэтому я придумал предложить Вам сначала причисление с тем, чтобы через несколько времени назначить Вас членом Совета, оставив Вам полученные 6 т[ысяч].

Что касается Ваших вопросов, то 1) на устройство и ликвидацию дел я мог бы дать Вам от 6 недель до 2 месяцев.

2) Если Ваш патрон[840] *попросит подождать, то я готов и ждать.*

3) Скрывать от него, что место Вам предлагаю[841] *я, нет надобности, лишь бы он об этом не болтал.*

Затем должен Вас предупредить, что я предполагаю воспользоваться Вами для разработки отдельных вопросов, так что служба Вас не заест и у Вас останется время для литературных трудов.

Искренне Вас уважающий
П. Столыпин.

5 сент[ября]. Среда.

Вчера задумался я о своем положении и о петербургских проектах, раскрыл евангелие, и попался текст:

«Ибо сказано: во время благоприятное я услышал тебя, и в день спасения помог тебе» (Исайя 49, 8)[842]. «Вот теперь время благоприятное, вот теперь день спасения» (II Коринф. 6 гл. 2 ст.[843]).

Сегодня получил письмо Столыпина и, благословясь, отправил свое согласие. Alea jacta est![844] Веди, Господи, по твоей воле. Знаю одно: я ничего этого не хотел, не искал и ни о чем подобном даже не помышлял.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Согласно разрешению автора письма, сообщил о неожиданном деле Владимиру Андреевичу. Он ответил, не колеблясь: «Непременно принимайте место. Здесь положение непрочное, так что Вы ничем не рискуете. А для пользы дела лучше Вам быть в СПб.».

Сам он – порядочно истощен. У него был карбункул, пришлось делать операцию, и раны до сих пор не затянулись достаточно.

Положение здесь, действительно, очень непрочное. Конечно, возможно, что ему возобновят аренду... но множество усилий будут энергически мешать этому. Правда, что и в Петербурге мое положение воздушное. И там, и здесь летаешь на мыльном пузыре...

Все это, конечно, должно стираться перед вопросом: поможешь ли чему-нибудь полезному? Правду сказать, не чувствую в себе ни силы, ни разума, но, если это воля Божия, то мой ум тут ни при чем: являешься просто орудием... Божия ли воля? Весь вопрос в этом... Но нечего больше рассуждать! Жребий брошен...[845] Аминь.

Вот скверно, что после инфлуенцы почки побаливают...

7 сент[ября].

Вчера получил письмо от добрейшего Алексея Александровича. Известие не без интереса... Но он, как человек старинного времени (служил уже при Николае Павловиче[846]), придает всему этому гораздо больше значения, нежели оно имеет теперь.

Что такое нынче «надлежащие руки»? Все изменилось – переоценка ценностей![*]

5 сентября.

Лев Александрович.

Вчера я получил письмо от Р. (от 1-го сентября) в ответ на мое второе письмо от 29 августа. Р. сообщает, что Вашу брошюру и Записку он послал по принадлежности.

Таким образом, во всяком случае, Ваша Записка находится в настоящую минуту уже в надлежащих руках.

Очень рад этому доброму известию.

Искренне уважающий Вас,
Ал[ексей] Нейдгардт.[**]

А я все нездоров. Вчера стало хуже, и сегодня то же самое. Сегодня я даже не пошел в редакцию.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

** Приписано на полях А.А. Нейдгардтом: «Письмо Ваше от 30 августа я получил и весьма благодарю за Вашу заботу о доставлении мне Joseph'a Vilbois».

8 сент[ября].

Сегодня не работают в редакции. Рождество Богородицы. Валялся весь день, и как будто стало полегче... Мне бы не валяться нужно было, а множество дел по своей московской ликвидации... Впрочем, положение неопределенное: ответа от Ст[олыпина] нет, и судьбы своей не знаю. А положение – чепуха! Переезжать – обойдется рублей, по-видимому, 500... Шутка сказать! Где я их возьму? Нужно хлопотать о переводе в Москву Саши (Тихона), он весь изныл в Новгороде... А его если переведут, – нас же не будет... Колю надо переводить в гимназию в СПб. Трудно, хлопотно... Что делать со страховкой жизни? Что делать с колиными книжками? Надя ждет места учительницы в Москве, а нужно уезжать... Голова кругом идет. Переворот всей жизни, а что из этого выйдет?

Только, пока ни о чем не думаешь, и можно быть покойным. Стоит подумать – страх и сомнения овладевают. Налетел переворот нежеланно, недуманно, негаданно, и – ничего не поделаешь. Сам по себе я даже не представляю, как из этого может выйти польза для кого-нибудь... Да, в сущности, положение такое, что ни России, ни церкви, ни тем паче царю ничем и <u>нельзя</u> помочь. Во всяком случае, <u>не я же</u> помогу... Ведь все мы, то есть русские, православные и прочие, погибаем от <u>внутреннего</u> падения. Как тут помочь?

Конечно, если <u>Бог</u> что укажет, это иной вопрос... А так, самим совершенно невозможно сообразить. Вопрос, задача состоят, в сущности, в том, чтобы <u>перестать быть дураками, бессовестными негодяями и невеждами</u>... Ну, какими же способами заставить 100 миллионов человек переломить себя и сделаться порядочными людьми?

9 сент[ября].

Я все-таки чувствую себя скверно. Ослабел. К этой физической слабости присоединяется забота о неопределенном, сложном и, во всяком случае, неприятном положении моем. При самых лучших исходах оно будет все-таки неприятно. А лучших исходов что-то и не предвидится. Министр мой молчит, не отвечает, а <u>пора бы</u>. Я ему писал 5-го числа. 6-го он получил его. Сегодня же кончилось 9-ое число. Три дня пропало, я ничего не делал... Выходить не позволяет мерзкое здоровье и мерзкая погода... И становится в этом ожидании скучно и тоскливо.

Оно, конечно, ответ ясен. Отказаться он не откажется: это было бы слишком легкомысленно. Возможно, что согласится оказать протекцию в переводе Коли в СПб. гимназию, возможно, что разрешит взять

вперед из жалованья рублей 500... Ну, – и тогда перелезай из прогоревших литераторов в «причисленные» чиновники без чина и вне штата... А там – все зависит от того, насколько он умен и порядочен. Ходил в постромках и будешь ходить, кормили сеном и будут кормить, пока не выгонят за ненадобностью. Так живет большинство людей, так предстоит и мне. И все бы это не тяжко было, если бы был смысл жизни, если бы эта натуга клячи в постромках была для чего-нибудь нужна и полезна...

А вот этого-то, вероятно, не будет, как не было...

10 сент[ября].

Отправил обратно Нарышкину заказной бандеролью «Меморию Совета министров».

11 сент[ября].

Ну, мой министр ни гу-гу. Даже начинает становиться странно...

Вчера Ю. Бартенев просил прочесть в пятницу лекцию о значении «Отечества» – у них в Союзе русских людей. Согласился... но, конечно, вопрос в погоде и здоровье. А на понедельник Влад[имир] Андр[еевич] просил в Комиссию по рабочему вопросу. Дело в том, что у них в управе (Союза русск[ого] народа) решили поднять антисоциалистическое рабочее движение. Для того, что[бы] уяснить себе пути действия, они хотят ознакомиться с несоциалистическими рабочими партиями, почему и поручили Грингмуту составить комиссию из «сведущих людей». Он приглашает Воронова, который обещал доклад об гирш-дункеровских обществах[847]. Студенты, привезшие сведения о французских «желтых»[848] (Сучков и Кисловский[849]), сообщат об этих «желтых». Меня он просит сообщить об английских рабочих.

Немножко не понимаю смысла этой затеи. Быть может, это просто средство для самого В[ладимира] А[ндреевича] наилегчайше познакомиться с вопросом... Он будет нашей аудиторией. Ну, во всяком случае, явлюсь.

Грингмут ищет, очевидно, возможно разнообразной деятельности для Союза русского народа, чтобы он мог расти посильнее.

12 сент[ября].

Получил письмо от Столыпина. Ну – да будет воля Божия...*

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Многоуважаемый Лев Александрович.

А.В. Бельгард напишет Вам, какие Вам нужно сделать офиц[иальные] ходы и в чем будет состоять Ваша служба.

Ежедневно являться в Гл[авное] упр[авление] не придется, и я полагаю, Вы вполне свободно можете поселиться в Царском [Селе].

Относительно сына Вашего — помогу Вам с удовольствием.

На расходы по переезду я прикажу ассигновать Вам 1000 рублей, дабы не нарушать Вашего бюджета.

Надеюсь, новая работа Вам будет по сердцу.

Искренне Вас уважающий
П. Столыпин.
10 сентября 1907 года.

Сегодня открылась вакансия в синодальной ризнице (помощника). Бегал искать места Саше и — как раз наткнулся. Ф.П. обещает дать Саше. Написал, чтобы он подавал прошение.

Это было бы превосходное место, при котором я был бы спокоен за нашего Сашу-Тихона.

А Надя и Вера уехали на богомолье в Зосимову пустынь[850]. Погода убийственная. Сохрани их Господь. Сам я как будто простудился, но термометр испарился: не могу мерить температуру.

13 сент[ября].

Надя и Вера благополучно возвратились из Зосимовой пустыни.

14 [сентября].

Приехал Саша. Хлопочу о переводе его в Москву.

Читал в зале гос[ударственного] коннозаводства «Значение отечества». Получил телеграмму, что мне переводится 1000 руб. на переезд. А от Бельгарда — ни слова. Как же тут переезжать?

15 сент[ября]. Суббота.

Получил, наконец, письмо от Алексея Валериановича Бельгарда о том, какое место и как подавать прошение. Однако по случаю необходимости копии с документов раньше вторника нельзя послать прошения.

Это — еще полгоря, но с местом Саши удивительные усложнения. Чепуха какая-то, непонятная для меня...

16 сент[ября].

Саша ездил к своему духовнику (о. Исидор, в Гефсиманском скиту) и тот благословил брать место помощника синодального ризничего.

17 сент[ября].

Саша уехал в Новгород. Я получил из банка пособие на переезд.

18 сент[ября].

Отправил прошение о принятии меня на службу. Одновременно с этим – письма министру и Бельгарду. Все три документа заказные. Но, по неопытности Веры, отправлявшей их, не обозначено, какая квитанция относится: 1) к прошению, 2) к письму Столыпину, 3) к письму Бельгарду.

Итак, прошение пошло. Что-то будет? Здесь ужасно много болтают о моем назначении, и я смерть боюсь, чтобы кто-нибудь не подстроил какой-нибудь свиньи мне... Не знаю, может быть, я и сам виноват в этой болтовне, но это такое проклятое место – редакция, что нужно обладать гораздо большей выдержкой, чем я.

Ну что же делать я буду, если мне напоследок кто-нибудь устроит камуфлет[851] у Столыпина или Бельгарда. Ложись да помирай. Уж хоть бы Господь помог, не помянув моей глупости или, точнее, неумелости... Правда, что и вышло все очень необычно и для меня непредвиденно.

20 сент[ября].

Укладываю книги, глотаю по фунту пыли в день. Довольно томительное сидение между двумя стульями. Масса хлопот и забот, и в довершение – премерзкое состояние кишок. Катя собирается ехать в СПб. нанимать квартиру, и – в то же время опасаемся, пока нет назначения, а назначение – кто его знает, когда оно будет. Да и будет ли?

Очень неприятное положение. Конечно, оно неизбежно, но – все-таки неприятно.

22 сент[ября]. Суббота.

Утро. Дела у нас получают скверный оттенок. Грингмут заболел, предполагают, воспалением легкого. Вчера вечером был жар 40°. Лежит, понятно, в постели.

Воронов с большой озабоченностью рассказывал, что в Москве, очевидно, готовится вооруженное восстание, происходит сбор дружин и вооружение... Начальство (то есть Рейнбот) не обращает на это внимания.

Между прочим, вчера же ночью, около 12 часов ночи и позже, мимо нас раза три прошли куда[-то] войсковые части, в полном снаряжении, с барабанами и музыкой, беглым шагом. Шли от Страстного к Петровке. С ними были и лазаретные фуры и котлы.

Что это означает?

Сейчас узнал, что ничего не означает. Войска возвращаются просто-напросто с маневров.

Приехал Саша (Тихон).

Вечер. Катя и Надя уехали в СПб. искать квартиру! Может быть, это выйдет простая потеря времени и денег, если меня не назначат... Но что делать? Если назначат, то нужно ехать поскорее... и по возможности на готовое помещение, чтобы возможно было сразу заняться работой.

Храни их Господь и помоги им в хлопотах, а нам – поскорее выйти из неопределенности.

23 сент[ября].

Очень скучное существование. Здесь, в редакции, я уже почти выбыл и хожу из приличия, хотя никому уже не нужен. Дома читаю разные юридические книги – международное право, полицейское право, государственное право... Все это нужно было бы освежить в голове, если бы я был назначен... Но в неопределенном положении моем представляется чем-то выдуманным, не затягивает, не возбуждает мысли...

А тут еще неприятность. Грингмут (больной) меня не зовет, не говорит со мною сам, но через Лукина и Нольде навязывает мне ни более ни менее как кандидатуру в Государственную думу! Я начисто отказался, но от него можно ожидать достаточно нахальства, чтобы напечатать мою кандидатуру и без моей воли, как он сделал прошлый раз с Васнецовым... Этакая штука может подорвать мое прошение. Столыпин, прочитав, что я, пять дней назад подав прошение о службе, а теперь выставляющий кандидатуру в Думу, – может только пожать плечами и бросить в печку мое прошение. Неужели Грингмут этого бы и хотел?

Я от него всего ожидаю. Если бы он был в отношении меня честен, то даже и мысли этой не родилось бы в его голове... Сегодня я по телефону сказал Восторгову, что если они выставят мою кандидатуру, то я принужден буду опровергнуть это в газетах... Но в результате получится только то, что я и с Грингмутом рассорюсь и у Бельгарда не получу места...

Больной – и то какие неприятности делает!

Между прочим, сегодня Восторгов служил у нас в приходе обедню с молебствием (коленопреклоненно) о выздоровлении болярина Владимира... Был и я, и даже молился: как-то Господь помог изгнать из головы эту пакость болярина Владимира...

У них кандидатов, действительно, нет, потому что никто не хочет идти... Но это весьма недостаточное извинение того, чтобы меня рядить в дурацкий колпак и разрушать все мои планы.

Ночь. Вечером были Кузнецов и Клавдий Степанов. Вижу из их разговоров, что обо мне в связи с СПб. ужасная болтовня, и с какими-то преувеличениями. Смешно! Куска хлеба не могу до-

стать, а между тем знакомые непременно всегда болтают что-то такое великое, какую-то необычайную карьеру... Глупая насмешка положения.

Сегодня ночью в 3 $^{1}/_{2}$ часа должны ждать Св. Пантелеймона.

24 сент[ября].

Ночью были у нас мощи Св. Пантелеймона.

Надя прислала известие: прибыли в СПб. благополучно.

Завтра – Сергия преподобного. Зашел ко всенощной – и был поражен: такое стечение народа, как бывает только на Пасху. Сплошная непроходимая толпа, так что я не в состоянии был оставаться и ушел (а Верочка осталась одна). Но – отрадное явление!

Неужели у нас начинают вспоминать Бога? Я уж потерял на это всякую надежду...

Страшное и беспримерное царствование: никогда и, вероятно, нигде за столь краткое время не было разрушено все: власть, вера, совесть, честь, достоинство, даже простое самолюбие. Я бы не поверил прежде, что в состоянии буду пережить падение и поругание всей святыни, всего дорогого, чем жил. И что же? Помучился, помучился и пережил... И живу – страшно сказать – ни на что не надеясь, зная, что погибла родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы... И живу! Странно самому.

Или это бессознательное действие русского «отсиживаться», «авось», «небось»? Я когда-то сидел в крепости[852], и тогда тоже все как-будто замерло на душе, но тогда у меня жила до конца злоба, ненависть... Теперь же – одно универсальное презрение...

Интересно знать: воскрес ли бы я душой теперь, если бы откуда-нибудь явилась, как тогда, возможность действия?

Теперь для меня самое ужасное то, что Бог не дает способов действия... не то страшно, что их нет: если бы просто не было, их бы можно создать и самому... Но у меня ощущение, что Господь не дает, стало быть, он не хочет... Вот что приводит в главную пассивность. А почему такое ощущение? Это невыразимо: это средний вывод фактов, ощущений, попыток своих и чужих и так далее.

Ночь. Был в редакции. Грингмуту опять хуже, темп[ература] 40°... К нему приезжал Бартенев и просил, чтобы пригласили какого-нибудь знающего врача... Это нечто непостижимое! Любовь Дмитриевна, жена его, пригласила первого встречного, какого-то Ребрика (он лечил раз у Матасовых[853]). Голубова почему-то не хочет. А Голубов знает его организм за 20 лет, как никто. Мое положение крайне неприятное. Я бы посоветовал, конечно, пригласить кого-нибудь порядочного, известного. Но я Любовь Дмитриевну не вижу. Сам Владим[ир] Андр[еевич] зовет к себе Терентьева, Нольде, Лукина, но меня ни разу не звал,

а самому пойти – нельзя... Эта Любовь Дмитриевна известна как сумбуристка[854], крайне нравная и сердитая. К ней навязываться – немыслимо... И вот я ничего не придумаю: смотреть пассивно на это безумное отношение к лечению – совестно, а что сделать – не придумаю.

25 сент[ября].

Наконец-то Грингмуту пригласили Голубова как консультанта... Он был у больного сегодня и сообщил мне по телефону, что у Влад[имира] Андр[еевича] довольно обширное воспаление правого легкого с крупозным характером. Температура до 40°. Положение серьезное, особенно по причине сахарной болезни, при которой всего приходится бояться. Впрочем все-таки положение не критическое.

А у меня день проходит за днем, и нет ответа на прошение. Так тоскливо ожидание. В газетах пишут, что Столыпин был два дня у государя в шхерах.

26 сент[ября].

Отец Тихон уехал в Новгород.

Грингмуту лучше: воспалительный процесс остановился... Слава Богу.

Из СПб. ни слуху, ни духу... Меня начинает серьезно смущать отсутствие назначения моего... Что [это] может значить? Неужели Столыпин «передумал»? Сняв меня с места и по собственному почину предложив переехать, неужели он может быть столь легкомыслен, чтобы передумать? Конечно, могут быть какие-нибудь интриги и тому подобное, но все же это слишком! И однако – почему же нет назначения?

27 сент[ября].

Влад[имиру] Андреевичу стало очень худо. Голубов говорит, что из 10 шансов – 7 за смерть и 3 за выздоровление... Голубов объясняет, что воспаление легкого у него – на септической почве, то есть в связи с его карбункулами, и главная опасность – в заражении крови... В редакцию прибегают узнавать о здоровье... Общее горе его партии и сочувствующих. Действительно, его потеря была бы буквально незаменима. Сверх того, его и просто любят. Он умел заслужить любовь... и действительно прекрасно себя держит со своими партийными единомышленниками.

Ну, авось, Господь помилует. О нем, конечно, многие молятся вполне сердечно и горячо.

28 сент[ября].

Утро. Отправил Столыпину заказн[ое] письмо «в собственные руки», где, в связи* с тяжкой болезнью Грингмута, прошу ускорить мое назначение, для того, чтобы бесповоротно закрепить мою связь со служебными обязанностями.

2 часа дня.** Только что, в 1 час 30 м[инут], умер В.А. Грингмут...

Упокой, Господи, его душу...

Ночь. День в страшной толчее. К вечеру приехал Восторгов и до сих пор, то есть до 12 $^1/_2$ ночи, просидел у меня...

Положение сложное, ужасно путаное. Помоги, Господи!

29 сент[ября].

Только вчера это было, а кажется, будто это случило[сь] давно, давно, и в то же время не веришь сам себе, что это факт... Все кажется, что он жив, что сейчас войдет, что все это фантазия или сон...

Панихиды, панихиды... сегодня уже было три, будет еще, и свои, и по особому заказу и добровольные... Служили свою панихиду лицеисты, служил собственную панихиду архимандрит Борис... Служил митрополит...[855] Масса телеграмм, толпа народа, экипажи загромождают двор. А он лежит в образах, в зелени, пергаментное лицо... и молчит. И что он теперь, где он, то, что было он и оживляло эту пергаментную маску?

По нем многие плачут. Монархисты его любили, он умел быть главой, к которому сердечно привязываются... Стадо без пастыря. Бедные, бедные! Между ними – множество хороших людей...

Меня тоже грызет тоска... Я тоже привык к нему и любил его, несмотря на все свои критики. Упокой, Господи... Он умер честно, он жизнь отдал на свое дело... Мне недостает его... Но самая главная, главная тоска давит потому, что его исчезновение напоминает конец и ставит вопрос: где смысл? Зачем живем? Боже, Боже, какая подавляющая суета сует, какой мрак ничтожности нашей... Боже, укажи жизнь, где она, в чем она?

Видел брата твоего в гробе лежаща: что убо чаеши?[856]

Это ужасно! А между тем жить все-таки приходится, нужно для чего-то...

И нужно существовать внешне... А у меня – и в этом такой тяжкий мрак, который был бы невыносим, если бы не подавлялся еще более тяжким мраком бессмысленности жизни человеческой...

---

* Зачеркнуто слово «виду» *(сост.)*.

** Слева на полях нарисован православный крест (нижняя перекладина изображена неправильно), с правой стороны предложение отчеркнуто двумя чертами. См. с. 9 вклейки настоящего издания *(сост.)*.

Что будет со мной, с теми, кого я кормлю, кто живет мною? Полная неизвестность.

Назначения на должность нет, нет и нет... У кого будет газета? Неизвестность. И если даже она останется у наследников, то дадут ли мне место? Там еще гроб стоит и читается псалтырь, а уже кипит борьба безумных человеков за оставшийся кусок хлеба... Завтра каждый будет лежать такой же безмолвной маской, а сегодня боремся: как бы захватить, как бы побольше... Нет, эта жизнь ужасна, тем более ужасна, что все это естественно и необходимо, и иначе не может быть. Какое-то презрение, и отвращение, и страх чувствуешь перед бессмыслицей этого и в то же время спрашиваешь: да где же мой-то кусок? Где мне его захватить? Как бы не упустить!

Боже, Господи, научи, укажи мне жизнь настоящую... не ту, где смерть и бессмыслица, а где действительная жизнь...

Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы... Приобщи же меня, Господи, к этому евангелию твоему.

30 сент[ября].

Приехала Катя с Надей. Наняли квартиру за 1320 р. с контрактом... А назначения-то нет и нет...

Сегодня был вынос тела В[ладимира] А[ндреевича] в Епархиальный дом. Огромная толпа народа. Замечательно сохранился покойный: ни запаха, никаких признаков тления. Я спрашивал по телефону Голубова, уж нет ли ошибки? Он заверил, что нет, а нетронутость трупа объясняет какими-то химическими (кислотными) процессами.

Относительно газеты юристы (Гольденвейзер[857], Кассо[858]) говорят, что она должна достаться наследникам до окончания срока аренды, и что 9 пункт контракта, который имел целью ограничить продолжительность аренды жизнью Грингмута, не имеет юридической силы. Хороши же сочинявшие его чиновники! Сам Грингмут говорил мне, что действие аренды прекращается с его смертью.

1 окт[ября]. Покров.

Похороны В.А. Грингмута.

Очень торжественно. Масса народа. Я был в Епархиальном доме на литургии, а с отпевания отправился домой, совершенно измученный. Процессия останавливалась перед нами, служилась лития[859], и двинулась дальше. Семья моя проводила их до кладбища, но я не чувствовал себя в силах и остался дома. Над могилой поручил Борису Назаревскому прочесть за меня краткое слово, которое ему и вручил.*

* Внизу страницы приписка Л.А. Тихомирова: «Оно не было читано, и вообще на могиле не говорили».

Вечером, точнее, ночью, приходил Нольде, сообщил, что завтра нужно назначить редактора, предлагал мне. Это, говорит, более прилично, чем его, немца и протестанта... Но это предлагал он, а Соколов (Ник[олай] Викт[орович]) мне ничего не говорил, а барону Нольде сказал, что ему все равно, кто ни будет редактором...

Я отказался... А из проклятого Петербурга – ничего... И останусь я, в конце концов, ни с чем... Ну, уж тогда буду знать, что такое Столыпин! Просто не верится такому легкомыслию человека, держащего в руках судьбы государства.

2 окт[ября].

Первый день нового периода жизни. Он наступает в самой тяжкой мрачности в душе и в положении, а в то же время солнце восходит в каком-то зловеще ясном, красном блеске, в изумительно прекрасном осеннем утре...

На какой ты радости разыгралося? Это производит впечатление чего-то зловещего...

Ночь. Заседание Унив[ерситетского] совета. Могут [?] к отобранию «Моск[овских] вед[омостей]».

Отъезд о[тца] Восторгова в СПб.

N.B. Я у него был утром.

3 окт[ября].

У нас была Иверская Божья матерь.

Газета впервые вышла за подписью редактора А. Нольде.

Ник[олай] Викт[орович] Соколов уехал в СПб.

4 окт[ября].

Любовь Д[митриевна] Грингмут получила от правления университета извещение, что 10 окт[ября] к ней явится комиссия для получения университетского имущества.

Вечером было Монарх[ическое] собрание, посвященное памяти В.А. Грингмута, и я произнес речь «В.А. Грингмут и его обвинители». Почти экспромт. Некогда было изготовить.

А уж эти поганые газетишки – каждый день тревожат мое имя всуе: то сообщат, что я назначаюсь арендатором «Моск[овских] вед[омостей]», то будто я избираюсь в председатели Монархической партии (где я даже и членом не состою). Лгунишки дрянные!

5 окт[ября].

Утро. 7 часов. Ждем иконы Спасителя. Я совсем расстроился кишками, премерзко себя чувствую. Всю ночь бурлило в кишках, и снилась всякая дрянь... Между прочим ужасно явственно снилось, что мне вручен отказ на прошение о назначении на службу.

Вечер. Курьезное совпадение со сном.

Сегодня получил два извещения – от канцелярии министра и из департамента общих дел – о том, что я приказом министра от 29 сент[ября] назначен на службу.

В тот же день вечером получено письмо о[тца] Восторгова о том, что единственный кандидат на аренду [«]Моск[овских] вед[омостей»], допускаемый властью, – я!!!

Вот искушение!

Куда идти?*

Дорогой Лев Александрович.

Сейчас я с Елагина[860]. Дело Ваше поторопим. Приказ об определении в должность уже подписан и прошел все инстанции. Третьего дня подписаны председателем Совета Министров все бумаги, [нрзб.] назначение Вам содержания.

Дело с [«]Моск[овскими] Ведом[остями»] очень скверно, более того – безнадежно. На отсрочку до конца аренды и остальное время [нрзб.] почти нет надежды. О Павлове не хотят слышать, Бартенева не желают.

Искателей нового контракта – сколько угодно. Склонны отдать Герье[861] или вообще правому профессору.

*Мне нечего говорить Вам, что это решение есть смертный нам приговор. Единственный кандидат из наших, на которого соглашаются, это – Вы. Но...** решите сами, где Вы будете более на месте: здесь ли, или в звании преемника Владимира Андреевича.*

Крепко подумайте.

Пятьдесят тысяч рублей мы Вам найдем для залога. А впрочем, думаю, [нрзб.].

Типографию нашу можем дать к Вашим услугам. Думайте и думайте. С неделю есть срок.

[Предложение нрзб.]

Решено [нрзб.] на Всенощной. Вдове[862] оставить пенсии [нрзб.] за него [нрзб.] до конца аренды. Может быть, выгодно. Составьте ей протекцию.

Поспеть надо [нрзб.].
Всегда Ваш, Востор[гов]

6 окт[ября].

Послал заказное письмо Иосифу Грациановичу (Кноллю) относительно моей метрики.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

** Многоточие в тексте *(сост.)*.

Панихида Грингмута (9-й день). В Скорбященском монастыре Литургия, а на могиле панихида[863]. Был и я.

Говорил с Восторговым. Столыпин сказал так (он вообще был сердит): «Я вовсе не намерен поддерживать правых и нисколько не разделяю идей Грингмута. Моя политика такая же, как была: поддержать монархию при развитии народного представительства». Всех правых кандидатов на аренду «Моск[овских] вед[омостей]» он отвергал одного за другим и, наконец, сам сказал: «Вот разве только Тихомирова можно бы... Но он мне самому тоже нужен... Мне нравится его личность и перо»...

Вникнув в дух этого объяснения, а также на основании того, что теперь брать «Моск[овские] вед[омости]» — это значит брать на себя роль Грингмута или ссориться со всеми его организациями, я решил – и заявил Восторгову, что кандидатуру на аренду [«]Моск[овских] вед[омостей»] не принимаю и пойду на службу, вполне сознавая всю шаткость положения моего на службе. Конечно, соблазнительна мысль о прочном и богатом обеспечении на всю жизнь (что давала бы аренда), но остальные ее стороны для меня неприемлемы... Расстались, однако, друзьями, расцеловались, перекрестились. «Идите своим путем», – сказал он.

Кажется мне, что это будет путь совести, а в остальном – да будет воля Божия!

Мы решили хлопотать, чтобы наследнице дали аренду до конца контракта.

7 окт[ября]. Воскресенье.

Был с прощальными визитами у о[тца] Иосифа и Георгиевских. Последнего не застал. У о[тца] Иосифа были всей семьей долго. Это новоселье – Арбат, Никольский пер[еулок], церковь Николая в Плотниках[864], церковный дом. Очень милое, совершенно провинциальное жилище, погост, с закоулками, сараями, садиком и так далее. Он наверху блаженства, избавившись от своей тюрьмы и перешедши на приход.

Днем был у меня Палтов, говорил о делах аренды [«]Моск[овских] вед[омостей»]. Они там в СПб., по словам его, хлопочут о сохранении до 1909 года аренды за Любовью Дмитриевной, что, конечно, самое разумное. О моем поступлении на службу он даже не слыхал и казался удивлен этим.

8 окт[ября].

Заказное письмо П.А. Столыпину (на Елагин).

9 окт[ября].

Не знаю, что такое с нами делается! Весь дом вверх дном, запакованные ящики, укладка вещей... И Катя заболела... Что тут думать, что

делать? Голова идет кругом. О Господи, неужели не дашь мне хоть чуточку успокоения?

10 окт[ября]. Среда.

Вечером неожиданно явился сам мой начальник А.В. Бельгард. Он приезжал собирать разные справки о [«]Моск[овских] вед[омостях»] и университете.

Из разговора явствует для меня несомненно, что моя кандидатура в арендаторы или совсем не существует или, по малой мере, не может быть серьезной, так что даже с практической стороны я хорошо сделал, сразу ее отклонивши. Это я ему подтвердил снова.

Много говорили о моих будущих занятиях в Главном управлении... Что же – будем работать! Был бы хлеб! Но до чего все-таки российски нелепо: я – едва ли не лучший в России редактор и один из лучших публицистов буду заниматься чёрт знает какой библиографической ерундой, где любой библиограф во сто раз выше меня; а в редакторы посадят какого-нибудь Клавдия Степанова, который не годился бы мне и в помощники!

Какая-то роковая глупость всего, творящегося в России.

12 окт[ября].

Вчера и сегодня послал два заказных письма Бельгарду по вопросу: а) о доходности газеты, б) о правах университета.

Вчера я был у Ник[олая] Фед[оровича] Голубова – наставления о жизни в СПб.

Сегодня у меня был Никольский, Борис Владимирович. Сообщил, что вероятнейший кандидат на аренду [«]Моск[овских] в[едомостей»] – это старый Назаревский (Владим[ир] Владим[ирович])[865]. А Бельгард считает возможным Александра Тихомирова (бывшего ректора и тов[арища] министра)[866].

Происходят студенческие волнения.

13 окт[ября].

Приехал Тихон. Люб[овь] Дм[итриевна] Грингмут получила от Столыпина извещение о полной пенсии и о соболезновании государя по случаю смерти Вл[адимира] Андр[еевича] Грингмута.

15 окт[ября].

Принес присягу. Выслал в мин[истерство] вн[утренних] дел, в департам[ент] общих дел: 1) присяжный лист, 2) свидетельство Моск[овского] университета, 3) копию с причисления к дворянству.

Отправлено 18 ящиков на вокзал, но не успели отправить.

16 окт[ября]. Вторник.

Катя и Вера уехали в СПб. Благослови, Господь! Отправлены также вещи, всего около 150 пуд[ов] на сумму 90 рублей.

Осматривал Румянцевскую библиотеку с точки зрения регистрации журналов и имел обстоятельный разговор с Георгиевским об этом предмете.

С.-ПЕТЕРБУРГ.

22 октября. Понедельник. Казанской Божьей матери.

Прибыл с Надей и Колей в Петербург. Все вещи или прибыли, или едут сюда. Московская квартира очищена.

Тотчас по прибытии телеграммой известил об этом министра внутренних дел. Прибыл прямо на квартиру: Тверская, д. 5, кв. 2, где кое-как и водворился.

Последние дни московской жизни были полны хлопот до изнеможения. Нужно было уложить и отправить весь дом, кроме того, что отправится к о[тцу] Иосифу в пользование и на хранение, в числе последнего и вещи Тихона. Книги перевез в склад к Мих[аилу] Нестеровичу Цукеру в Епархиальный дом: небольшое число разных брошюр и 307 полных (все 4 части) «Монархической государственности», да по 80 экземпляров отдельно 3-й и 4-й частей.

Сдал Балашову на комиссию большое число брошюр и сто (100) экземпляров 4[-й] части «Монарх[ической] госуд[арственности]» (из 50 %).

Кое-как виделся с Ольгой Васильевной Ивливой [?] и студ[ентом] Шульгиным («Женский кружок русской учащейся молодежи»), невозможно было совсем их отвергнуть.

«Общество типолитографских рабочих» – сдал фабрич[ному] инспектору Сахарову (он очень симпатичен). Написал не менее 30–40 прощальных писем.

В воскресенье меня «чествовали» в «Русск[ом] мон[архическом] собрании», которое без ведома моего избрало меня почетным членом. Чествование было действительно торжественное, и я сердечно благодарил их, хотя, может быть, эта честь мне и не очень-то полезная. Прочитал им в благодарность сообщение «Самодержавие и народное представительство».

В то же время помогал редакции «Моск[овских] вед[омостей]». Было несколько визитов мне и сам с некоторыми прощался. Наконец, немножко подготовлялся к предстоящей библиографической работе...

В общей сложности сбился с ног, измучился буквально... А Надечка бедная так трудилась и простужалась, что теперь лежит, и боюсь, не захворала бы.

Катя с Верой нам здесь подготовили квартиру настолько, что мы с Надей сразу поселились на Тверской... Сама Катя с Верой пока, до прибытия вещей, остаются у Писаревых, а Коля – у Александрова.

К числу особых счастливых случайностей должно отнести то, что сестра Маша подъехала в Москву как раз к нашему отъезду, так что мы вчетвером могли занять особое купе целиком. Катя же здесь нашла без места знакомых – Горбунова и Наташу, которых и наняла: первого – помочь устройству, а Наташу – в кухарки...

Итак, это первый день полного перелома моей жизни, подобный которому был только в 1887 г., 20 лет назад[867], и – тоже в октябре... Но тогда я был молод, здоров и почти бессемейный... Передо мной была целая жизнь, я мог терпеть и ждать долгие годы...

Теперь, если только Столыпин легкомыслен или нечестен, то этот перелом, на который он меня так настойчиво звал, будет страшной гибелью для меня и для тех, которые мною живут.

Со стороны совести я и тогда и теперь был чист. Тогда я чувствовал, что совершаю поступок геройский, самоотверженный (что и было правдою). Теперь нет ничего подобного: я остаюсь при тех же убеждениях. Проводить их энергично у меня не было средств и способов, как нет и теперь. Возможность действовать на общественное мнение у меня и теперь не исчезла, и прежде была невелика... Но в «Моск[овских] вед[омостях]» мне уже становилось неприятно работать, вследствие крайнего отрицания покойным Грингмутом всякой тени представительства, которое я нахожу необходимым... Когда умер Грингмут, продолжать его политику я никак не могу, это было бы против совести, изменить же ее круто – это значило отнять у его Монархической партии орган, который она считает своим... Тоже и это как будто похищение чужого: совесть моя говорит против. А способствовать перерождению его партии удобнее, не совершая узурпации, которая могла бы вызвать ее негодование...

И выходит, что совесть указывала мне покинуть «Моск[овские] вед[омости]» и не пытаться брать ни редакторства, ни аренды... по крайней мере теперь, пока «Монархическая партия» не отвыкла считать эту газету своей собственностью. Между тем Столыпин, зная мои взгляды, предложил мне службу, чтобы помогать ему. Я же считаю, что теперь помогаю правительству выбраться на более правильную дорогу – это значит едва ли не более, чем просвещать общественное мнение... Сверх того, Столыпин обещал мне помочь в получении независимого материального положения (на службе), что увеличило бы мою способность действия... Таким образом, все соображения разума и совести влекли меня к этому перелому. И вот теперь перед мною стоит грозный и таинственный вопрос: что такое П.А. Столыпин? Обманет или не обманет?

Если обманет, я пропал. Мне предлагали газету – Бартенев одну, Сучков другую. Правда, у Сучкова денег мало (он считал возможным иметь 50 000 р.), а у Бартенева тоже неопределенно. Но все же я мог попытаться действовать этим путем, и – мог иметь успех. Теперь я все это пустил прахом, и – что если и здесь останусь на бобах?

Страшный вопрос.

23 октября. Вторник.

Первый день петербургской жизни. Утром беднягу «Робеспьера»[868], великолепного бельгийского кролика Нади, загрызли собаки хозяина... Горе великое у Нади, и жаль бедного кролика, выращенного на руках. Какая-то петербургская свинья нарочно сломала толстую перекладину клетки, чтобы дать доступ собакам. По-видимому, подросток, очевидно, из тех милых юношей нашего времени, которым убийство доставляет бескорыстное наслаждение... Бедный Робеспьер! Для того ли мучили – везли сюда?

Затем получил от министра приглашение пожаловать к нему завтра в 3 часа в Елагинский дворец, причем я именуюсь Вашим Превосходительством... В официальной бумаге – это несколько преувеличенное злоупотребление титулами, но пакет, принесенный курьером, возбудил, видимо, сенсацию на квартире. Autant du gagne![869]

Затем я отправился к своему начальнику Бельгарду в Главное управление по делам печати и узнал, что его превосходительство приходят в 4 или 4 $^{1}/_{2}$ часа... А я был в 12! Оставил записку и уже больше не поехал: гнусная петербургская погода, а нужно беречь себя для Елагина, где я в прошлый раз схватил инфлюенцу... То было летом, а теперь октябрь!

Сделал вечером визит своему хозяину, Митрофану Констант[иновичу] Сементовскому-Курилло...[870] Очень любезен. Оказалось, что он весь век был на полицейской службе, а теперь в отставке. Неглуп, но с ним должно быть – держи ухо востро! Живет почти роскошно.

Засим в промежутках разбирался со своими книгами... Этим исчерпан был день до сего времени (8 часов вечера).

Спал я мерзко, с самыми тяжелыми снами... Боюсь, не захватил ли простуду.

Деньги совсем на исходе, а как получить жалованье? Не знаю даже способов, и как, и где, и с какими документами?

Вещи, конечно, не прибыли. Живем в полном беспорядке. Впрочем, жить все-таки можно, только трудно работать.

Сверх того, первый же мой выезд (к Бельгарду) показал мне, как страшно отдаленна моя квартира. Это крайнее неудобство, особенно в отношении простуд, которых мне нужно так тщательно беречься.

Вообще – первые петербургские впечатления очень средние, довольно далекие от веселых. Даже зонтик свой, служивший столько лет в Москве, сломал здесь в первый же выход.

И Колю все не принимают в гимназию, сносятся с московской VII гимназией... Катя сегодня выпросила позволение начать с завтрашнего дня ходить на уроки, но все-таки он еще не принят...

Надя киснет ужасно подозрительно. Живем все порознь. Сегодня здесь ночует Катя, Надя и я. Коля у Александрова. Вера у Писаревых...

Один кот Руська повеселел и осмотрелся, всюду ходит храбро. Как бы только и он несчастный не попался на зубы проклятым хозяйским собакам!

Вдобавок у меня ноет зуб! А Фишер считал мои зубы совершенно «ремонтированными».

Ночь. Надо ложиться спать. А я зачитался дневниками своими. Приехал на что-то новое, – кто его знает какое? А московская тетрадка кончается. Я вздумал пересмотреть, перелистать...

Боже, Боже, какой умопомрачительный год! Какой ряд перемен, особенно за лето и осень. Вся жизнь кругом, и моя собственная, перевернута вверх дном, ничто не уцелело на месте, и все свалилось в какую-то новую кучу...

Господи, Господи, поддержи в этом тумане хаоса, выведи на что-нибудь ясное и тебе угодное, и дай душе моей отдохновение*.

---

* Далее начинается новая тетрадь *(сост.)*.

1907 г.

Петербург

24 октября. Среда.

Утро. Ночью разбередились зубы, так, что даже напугали меня. И сейчас ноют. А мне нужно ехать к министру. Заказал закрытую карету, а в кармане – пустота.

Вечер. Был у министра. Туда и обратно проездил 1 $^1/_2$ часа (***на**** Елагин), заплатил *7*** руб., у него ждал часа два, да побыл с $^1/_4$ часа... Нерадужные впечатления. Он был не очень-то любезен, и я боюсь, что он не знает, что ему со мной делать... Может быть, погорячился, заварил кашу, а теперь и сам не знает, что делать. Впрочем, дал мне рассмотреть кипу того, что у них готовится по профессиональной организации рабочих. Этот вопрос у них предполагается двинуть. Быть может, будет междуведомственная комиссия, и, быть может, он меня назначит в нее от министерства внутр[енних] дел. Я не решился спрашивать его о своем жалованье, будет, пожалуй, удобнее поговорить с Бельгардом и Кноллем... Кстати, министр к бельгардовской работе относится с полным равнодушием, даже не интересуется знать, в чем она!

Дело вообще, кажется, плохо, и возможно, что я сделал глупость, поддавшись на предложение Столыпина...

Встретил у него в приемной кой-кого из знакомых: Крупенского[871] (кажется, это был он), Каткова (военного), о[тца] Восторгова...

Вещи наши не прибыли. Вообще день не из блестящих.

25 октября.

Заезжал к Ширинскому – не застал, потом к Писаревым, потом в Главное управление. Ждал Бельгарда целый час, виделся на десять минут, говорили наскоро. Потом познакомился с Тороповым[872], взял «Книжную летопись». Получил также жалованье за 20 октября. Но оказывается, что в Главн[ом] упр[авлении] платят лишь часть, то есть жалованье, а дополнительные (2000) где-то в другом месте... Да и то с

---

* Так в тексте *(сост.)*.

** Так в тексте *(сост.)*.

вычетом $^{1}/_{3}$, то есть вместо 333 р. 33 к. получил 230 р. 30 к. И то хлеб, конечно.

Нормально мне следует 333 р. 33 к., да дополнительных 166 р. 66 к., а всего 499 р. 99 к. в месяц. Но за вычетом из дополн[ительных] 55 р. 55 к. – должно быть 111 р. 11 к., а всего вместе 230 р. + 111 р. = 341 р. с копейками. И так до конца года.

Но в сущности теперь до 20 дек[абря] всего два месяца, а я получаю с сентября, то есть всего получу 1023 р., что за два месяца даст по 511 р., то есть даже выше нормы.

За мое отсутствие заходили о. Восторгов и Фил[ипп] Петр[ович] Степанов... Такая досада!

Филипп Петрович зато сообщил, что наш о[тец] Тихон переводится в Москву: радостная весть. Слава тебе, Боже!

А вещей наших все-таки нет! Это становится крайне неудобным. Мне нужно работать уже серьезно. А как работать, не имея даже стола?

Должно сказать, что оба мои начальники не очень-то гонят в работу, так что мне пока приходится самому «идти вперед»... И это необходимо, потому что, раз я уж впутался в такой переворот всей своей жизни, нужно приложить все старания, чтобы добиться хоть маломальски прочного служебного положения. Только перестав висеть на воздухе, только став чем-нибудь более определенным, чем «причисленный к мин[истерству] внутр[енних] дел, откомандированный для занятий в Главном управлении по делам печати» (название-то какое – вроде Петр Савелий Неуважай-Корыто!), могу я заняться снова каким-нибудь полезным делом.

26 октября.

Сегодня, после многих и даже личных моих хлопот, получены наши вещи. Великое событие. Весь дом вверх дном, но впервые вся семья (кроме Коли) ночует дома.

Ну авось разберемся и начнем жить правильно.

Сегодня был у Кнолля разузнать о своих служебных порядках, а между прочим о дополнительном жаловании... Оказывается, что о последнем он ничего не знает, но обещал завтра узнать у министра и сообщить мне по телефону.

Познакомился с его секретарем, Мих[аилом] Александр[овичем] Марголиным[873].

30 октября.

Хлопоты, суета, устройство, кое-какие служебные знакомства. И в общей сложности все довольно скверно...

Отношение начальств моих самое странное. О деле они и не воображают. Но зато и дополнительного жалованья доселе не получаю... Бельгарду чуть не насильно, через сторожа, всучил свои соображения

о постановке библиографии, и он нимало не думает вызывать для разговора об этом. О Столыпине – ни слуху, ни духу...

Но самое тяжкое для меня – какое-то странное, расслабленное, апатичное состояние Нади... Что с ней? Допрашиваю – не жалуется ни на что, а сама точно неживая: ничего не делает, ничем не интересуется, лежит, сидит печальная, молчаливая, уставя куда-то глаза... Не могу смотреть на нее. Она мне мешает думать, работать... Что такое?

Квартира по местоположению также для меня неудобна. Далеко ужасно от города. Ходить до конки далеко – совсем надорвешься. Ездить – холодно. Вообще весьма неудобств много.

У хозяина собаки – злющие. Несчастный кот наш до сих пор не выходил из квартиры: разорвут, как разорвали великолепного Надиного кролика. Эта невозможность держать животных, которых она так любит, может быть, прибавляет немало грусти и апатии ей...

Черт знает, какой вздор портит жизнь людям!

Но и вообще я что-то думаю, что не к добру мой переезд...

3 ноября.

Вот я две почти недели в СПб. Странное существование: службы абсолютно никакой. Сам я много хлопочу по своему устройству, но ни Столыпин, ни Бельгард не дают никаких дел... Сколько времени это будет продолжаться?

Очень странное существование, и курьезная «служба»!

Был я за это время у Восторгова, митрополита Владимира, Б[ориса] Никольского, кн[язя] Ширинского, в [«]Русском собрании[»], несколько раз шлялся добывать себе телефон, был у Кнолля, был сегодня у Сергея Ефимовича Крыжановского[874]. Промерзаю, простужаюсь...

Еще был у Башмакова[875], у Мих[аила] Романовича Лаппо[876], собирал сведения, нужные для моей библиографии, если она нужна Бельгарду... Ходил в Публ[ичную] библиотеку к Лихачеву[877] за тем же и не застал...

Нелепейшее существование!

Сегодня у нас был о. Петр Зверев из Новгорода. Говорит, что Саша приедет в понедельник.

7 ноября.

Все мое шляние закончилось тем, что я простудился, должно быть, последний толчок дала Государственная дума... Вот сижу дома.

Третьего дня приехал Тихон с Владим[иром] Ив[ановичем] Орловым. Последний уехал вчера, а Тихон думает ехать сегодня – в Новго-

род. В течение же недели он должен уехать уже на новое место службы в Москву.

У меня идет уборка квартиры, бесконечная задача!

Между прочим сегодня окончательно установлен телефон, который, впрочем, оказалось, не действует. Завтра будут (обещают) поправлять.

8 ноября.

Телефон установили, но действует только на одну группу! Завтра обещали исправить.

Заходил Новоселов, который приехал в свою комиссию на два дня. Я и сегодня не выходил.

9 [ноября]. Пятница.

Слава Богу, покончился перевод текущего счета из Москвы в СПб. Новая книжка Моск[овского] куп[еческого] банка (Невский, 46) – № 2817. Всех денег по ней теперь 4087 р. 27 к., и будут еще %, около сотни рублей.

Телефон установлен вполне, и я уже им воспользовался.

Был у Бельгарда (Конногвард[ейский], № 3), потом в Главн[ом] упр[авлении], где обстоятельно говорил с Алексеем Алексеевичем Садовским[878]. Кажется, дело, наконец, пойдет у нас на лад.

10 [ноября]. Суб[бота].

Ужасная погода. Был в Главном управлении. Слава Богу, Бельгард дал распоряжения и инструкции, так что теперь моя работа определилась.

Мы должны издать «Список период[ических] изданий» с **ноября*** 1905 г. по дек[абрь] 1907. А с янв[аря] я должен давать еженедельные известия в «Книжную летопись». Все это совершенно согласно (почти) моей программе, которую я высказывал ему.

Вот горе: Коля заболел, тем[пература] 38,2 и к ночи будет, очевидно, на градус больше... Порекомендовали мне в Главн[ом] управл[ении] какого-то врача.

Ночь. У Коли 39°... Совсем скрутился. Перевели его в мой кабинет. Гнусная квартира, и мороз –10°, ветер, отовсюду сквозит. Помещения мерзкие, того и гляди все сляжем...

Нехорошо встречает нас Петербург... О Господи, где же это «время благоприятно»? Помоги, Господи...

15 ноября.

Не без хлопот проходит время, но довольно бессодержательно. Все «ни к чему»...

* Так в тексте *(сост.)*.

Побывал у Тернавцева. В Главном управлении собственно мое дело оттягивается и оттягивается...

13 числа было знаменитое нелепое заседание Думы по поводу адреса государю. 14-го я был в Клубе умеренных и правых. Завтра должен читать в [«]Русском собрании[»], в воскресенье – в Клубе. И все это ни к чему, суета и томление духа...

А вот действительное горе. Кот Руська пошел гулять на улицу и пропал. Надя выходила несколько раз, и он не возвращался... Это серьезное горе. Для Нади это теперь единственный осколок счастливых московских дачных дней, и для нее пропажа будет глубоким горем. Глупо, но это так...

20 ноября.

Сегодня знаменитое чиновничье число[879], когда вся бюрократия весела. Получил и я жалованье, но – грустно. За вычетами (их всего выходит около 130 р.) получил 208 р., из которых 110 должно отдать хозяину, и 28 за страховку жизни. Остается на прожитье до 20 дек[абря] около 80 р., когда все еще не кончились экстренные расходы!

Не хватает денег!

Служба моя идет отвратительно, и я совершенно не понимаю, на кой прах Столыпин вытащил меня из Москвы! Никаких дел мне не дает, и я его не вижу. У Бельгарда служба хотя и требующая суеты, но безусловно бесплодная до сих пор. Как я, при таких условиях, могу удержаться, в уж что и думать о повышении?

Мое чтение в [«]Русском собрании[»] было отвратительно исполнено и никому не понравилось. Но зато в Клубе умеренных я читал живо и складно и произвел большой эффект, вызвав продолжительные, оживленные беседы. Однако едва ли Столыпин доволен этим чтением, ибо я пошел против его политики и призывал к единению правых, предостерегая против средних союзов, тянущих влево. Это диаметрально противоположно тактике, покровительствуемой Столыпиным.

Очень жаль, но что же мне делать? А все-таки служба моя не сулит доброго конца. Бедняги мои семейные! Нет, пожалуй «неладно у апостолов удумано»[880] было мое переселение.

«Моск[овские] вед[омости]» отданы Будиловичу[881]. Что из этого выйдет? Аллах ведает. Приезжал Николай Викторович, который этого ничего не знал. По-видимому, о[тец] Иоанн с ними перестал быть откровенным.

А вообще ничего в волнах не видно, и живу я между небом и землей, без всякой точки опоры... Конечно, никто, как Бог, и все будет по Его воле... По человечеству же – плохи дела...

21 ноября.

Надю покусали хозяйские собаки, напавшие на ее кота. Эта Надя начинает меня удручать. Она в каком-то подавленном состоянии и рвется в Москву... Что такое? Уж не desiderium же patriae?[882] Или кто такой? Не могу понять. Если лицо, то нет ни души, кроме разве Новоселова, что во всяком случае нелепо... да и не может быть. Но как бы то ни было, Надя – это каторга моего петербургского существования, и без того нелегкого. Она меня подавляет своим ужасным настроением...

Да и вообще бессмысленное существование, и такие острые случаи только пробуждают во мне ту тоску, которой полна моя душа. Зачем я несу крест какой-то службы, какой-то публицистики? Ничего из этого не выходит, и ничего я этого не хочу, именно по бесцельности всего этого. Я бы хотел одного – покоя, тишины, безмолвия... Я бы хотел вдуматься в свою душу, найти Бога не теоретически, а реально... И этого-то нет, не дает мне жизнь!

Я бы еще понял всю эту «деятельность», если бы ее действительно Бог наложил на меня, как что-то ему нужное. Но тогда он бы давал способы действия... а этого нет, нет и нет... Мне иногда говорят, будто бы я что-то делаю и сделал. Но я-то этого не вижу. В этой несосветимой ерунде всего существующего – что же может быть названо сделанным для Бога?

Я не знаю! Вот хоть в этом переселении в Петербург: меня к нему подводили обстоятельства, менее всего бывшие от моей воли. Не было и желания моего. Только покоя я хотел уже давно... Ну можно ли предположить что другое, как волю Божию? Приезжаю – и вот абсолютная бессмыслица, все ни к чему, а тяжесть налегла на всех каменной горой. У меня была дочь – веселая, работящая, друг мой. И вот она впадает в какое-то неизъяснимо больное состояние, и из утешения превращается в мое мучение...

А «дел», смысла, пользы – никаких. Сам я попадаю в глупейшую неволю, никому не нужен. Зачем таинственные силы перенесли меня сюда?

Значит, никаких таинственных сил не было, а просто чепуха и бессмыслица. Я в ней не хочу оставаться, но что же мне делать? Идти некуда.

Я вот не записываю все время своих «дел»... До того скучно, глупо, обидно даже, что и писать-то не хочется. Зачем же меня перенесло сюда?

22 ноября.

Был в Гос[ударственной] думе. Глупейшие партийные ссоры, в результате которых не прошла ни одна формула перехода к очередным делам (всех было 6).

Значит, в Думе нет большинства. Получили письмо от Нейдгардта. Очень философично!.. Ему хорошо рассуждать... А мне на моей горячей сковороде невольно приходится корчиться и пищать*.

20 ноября 1907.

Лев Александрович.

15-го сего ноября я получил Ваше печальное письмо от 11-го. Не удивляйтесь Вашим невзгодам: Петербург всегда принимает своих временных гостей с улыбкой гостеприимства, за которой, однако, скрывается равнодушие. Новых же своих постоянных жильцов встречает обыкновенно климатическими, социальными и иными пинками в виде болотной зыбкости. Но если новый жилец твердо станет на своей позиции, то Петербург сдается, признает новоявившегося своим, и петербургские люди оказываются такими же, как и все прочие люди. Так будет и с Вами, но не унывайте и станьте твердо на своем.

Я всегда стараюсь искать в крупных (а иногда и не в крупных) жизненных событиях своих и чужих таинственные причины их возникновения. Вот и в Вашей доле я убеждаюсь, что совершенно для Вас неожиданная перемена в Вашей жизни совершилась потому, что в настоящее время Вы в Петербурге потребовались.

Я полагаю, что почтенному автору «Недостатков конституции 1906 г.» и «Монархической государственности» (которыми я ныне назидаюсь) сладка паче меда была речь 16-го ноября П.А. Столыпина, в особенности по истолковании самодержавия. Дело (для меня неожиданно) поставлено твердо. Я тотчас же послал оратору по телеграфу свое горячее приветствие.

Спасибо и Меньшикову за его последние статьи. Вспомните наши разговоры.

Да хранит Вас Господь на благо Ваше, Вашей семьи и родины!

Душевно уважающий Вас,
Ал. Нейдгардт.

Остался я опять без телефона: разбил вдребезги слуховую трубку. Угораздило бедного Макара восприять и эту шишку[883]. Но самое главное – Надя! Теперь еще этот укус собаки будет меня мучить и мучить. Хотя этот негодяй Джек, по уверению хозяина, безусловно здоров, но все же... Ах, Господи, не годится для меня жизнь, и не гожусь я для жизни!

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

24 ноября.

Катины именины. Были – сестра, Александровы с Ваней. Приезжала с визитом Людмила Соколова.

Я был у Крижановского. Занес письмо Столыпину (Кноллю) с просьбой о свидании.

25 ноября.

Сегодня у нас служили молебствие с водосвятием – о[тец] протоиерей Алексей с Псковского подворья.

У меня был еп[ископ] Никон Вологодский.

1 декабря. Суббота.

Живется очень нехорошо. То есть нет ничего положительно хорошего, есть много неприятного, и нет надежд... Но все это было бы ничего, если бы не отравляла жизнь Надя. Это – вечная живая картинка полного отчаяния, прострации... Даже лицо исхудало, у ней нет ни желаний, ни искр оживления... Словно приговоренная к казни. Это совершенно невыносимое зрелище, заставляющее проклинать Петербург, так ее убивающий. И нет средств помочь! Это средство было бы одно: возвратиться в Москву и опять зажить там семейным и дружеским кругом, при, конечно, некоторой безбедности! Господи, ну что же я могу сделать? Я бы и сам рад, да где же мне взять все это? Это у ней, конечно, болезненное явление, и приводит меня в тем больший страх, что и тут я ничем не могу помочь.

У ней сегодня явилась мысль уехать в Новороссийск... Я бы и этому был рад, но уверен, что ей и с нами тяжело расстаться, и, м[ожет] б[ыть], даже она сама стыдится своего душевного состояния. Но во всяком случае она меня подавляет.

И без того дела мои скверны. Денег не хватает. Мои надежды на Столыпина распадаются. Он даже не имел вежливости ответить на мою просьбу о свидании. Очевидно, он кается, что со мной связался. Ну, а без него мой переезд в СПб. составляет почти прыжок в пропасть – поступок нелепый и гибельный для всех со мной связанных. Мне бы теперь нужны все силы, все хладнокровие и здоровье, чтобы искать соломинок в море, куда я добровольно упал... Надя же лишает меня и последних сил.

Я молюсь, и – нет толку, нет помощи. Я с ней всячески говорю, и если она встанет духом на минуту, то немедленно падает еще глубже в это безнадежное отчаяние. Я молю Бога о каком-нибудь успехе уже не для себя, а чтобы ее поднять... Но какие там успехи! Жалчайшее положение, а в будущее – страшно и заглядывать.

2 дек[абря]. Воскресенье.

Сегодня был у Столыпина, в Зимнем дворце, довольно долго. Назначено в 12. Ждал порядочно, но все же едва ли долее 12 $^{1}/_{2}$ (не посмотрел), а вышел в 1 $^{1}/_{2}$. Всего непременно около часа. Разговор в высшей степени важный, через несколько времени принявший очень интимный характер. Я обрисовал положение России, ее нравственное состояние, указал, что она ждет вождя, который бы сказал: «Прошлое, с его падением, кончено; начинается новая эра», и повел бы за собой сплоченные национальные силы. Я пришел в СПб., потому что ждал найти нечто подобное. Когда я готовился к речи о «недостатках конституции», то не имел и подозрения, что у него назревает манифест третьего июня. Совпадение поразило меня, заставило ждать новой эры, и я принял его приглашение. Ибо в случае новой эры такой человек, как я, может быть нужен. Затем явилась декларация – образцовая, схватившая самую суть дела. Но если от слов и формул перейти к делу, то ничего не оказывается.

Тот вождь, который нужен России, должен сомкнуть около себя товарищей, проникнутых тем же новым духом, и сразу систематически двинуть работу возрождения России. Но у Столыпина – ничего подобного. Ничего не делается, и не может делаться, п[отому] ч[то] все его министры никуда не годятся. Я их перебрал целую кучу... Итак, что же? Чего ждать? Что он намерен делать? Какое будущее себе рисует? От этого зависит не только участь его самого и России, но и моя. Может быть, он не тот, кто нужен, может быть, придет кто-то другой? Но тогда мне с ним нечего делать, и я уйду к своей кабинетной работе...

В таком роде я изъяснялся долго, ясно до резкости. Он иногда отвечал, слушая все более внимательно. Затем начал речь он. Затем мы обменивались отдельными замечаниями.

Он сказал, что я ему, значит, задаю вопрос: что он такое – «Бисмарк[884] или бездарная посредственность, которая может кое-как вести текущие дела»? Я подтвердил, что вопрос действительно в этом роде... Столыпин сказал, что это «вопрос странный», так как не ему отвечать на него, но вот как он смотрит. Тут он вошел в большие интимности. Он верит в Бога, он имеет уверенность, «мистическую» уверенность, что Россия воскреснет. Он – русский, любит Россию кровно и живет для нее. На себя он смотрит как почти [на] неживущего на свете: каждую минуту его ждет смерть... Я не знаю донесений, которые он получает и не могу взвесить, до какой степени он может каждую минуту погибнуть. Что он такое – он не знает. Но знает и уверен, что сделает то, что угодно допустить Богу.

То движение России, о котором я говорю, та дружина вокруг вождя, которая поведет нацию, требует людей... Он распространялся о

том, как их мало, как их трудно найти, но их он ищет всюду, по первому признаку существования... Так он вытащил и меня... «Вас я только взял и пришпилил здесь, чтобы не пропали, когда понадобитесь... Я вам ищу место»... Так он ищет людей везде... Между прочим, спросил о Кассо (я подтвердил, что человек с выдающимися качествами). То движение вперед, о котором я говорю, еще будет, если это угодно Богу...

О людях мы много говорили. Из своих он защищает Коковцова и Щегловитова[885]. Пробовал сказать, что декларацию обсуждали и подписали все... Я, конечно, отверг значение этого. «Подпишешь, конечно, когда председатель хочет! У вас теперь все телеграфы завалены приказаниями мин[истра] нар[одного] просв[ещения], чтобы везде было чинно и благородно... Но это очень часто значит просто: "Господа, теперь неудобно бунтовать, сидите пока посмирнее"»... На это он ничего не возразил. Но когда я сказал: почему у вас Извольский, а не Ширинский? – он промолчал и лишь заметил: «Хотели взять Федора Самарина, но он не пошел»...

Он, видимо, увлекся разговором, и потом мы говорили тихо, вдумчиво, как товарищи. Очень странный разговор. Раньше он говорил, что у него 20 минут времени, и я видел, когда был в приемной, коекакие приготовления к завтраку. Во время разговора его приходили куда-то звать, он сказал «сейчас», и мы просидели еще чуть не $^1/_2$ часа. Боюсь, что он прогулял свой завтрак, так как в приемной еще были ожидающие аудиенции...

Раза три возвращался я к тому, каков исторический момент, каковы его требования. Нация разделена: согласить добровольно эти фракции нельзя. Нужно, чтобы явился «капрал», вождь, поднял знамя властно, а на знамени должен быть национальный вывод пережитого... «Равнодействующая линия», – вставил он... «Да, именно». И по этой линии должен пойти вождь: без этого не совершаются великие переломы. За ним пойдет большинство, скажет: «Слава Богу, наконец»! А несогласные – одни увлекутся потоком, другие падут духом и подчинятся... Но для всего этого нужно вызвать действием общий подъем духа, чтобы нация поверила...

Общий лозунг, знамя, равнодействующая – им, Столыпиным, угаданы... Но теперь нужно от слов перейти к делу... Явно, заметно, систематично, чтобы все увидели и поверили.

Он был очень задумчив иногда, и долго прощался со мной, сказав, что желал бы еще переговорить, но лучше вечером, когда впереди много свободного времени, так как «я ложусь спать очень поздно»...

Ну, дай Бог, чтобы разговор пошел на добро. Никто как Бог, я тоже в это верю. В нем, во мне, в России, в судьбах мира – никто как Бог!

4 дек[абря].

Мое здоровье нехорошо. Кишки очень беспокоят, систематические запоры... Уж не знаю, чем это все кончится...

В Главн[ом] упр[авлении] у меня началась работа. Куча журналов, читаю, отмечаю... Может быть, и окажется возможною мысль Бельгарда. Но у Садовского идет и другая работа, тоже мною возбужденная, всесторонняя регистрация жизни печати и персонала деятелей. Садовский очень был очарован моими Записками Бельгарду и старается осуществить мои планы возможно полнее.

Но когда все двинется, я буду по уши завален работою!

Познакомился, вследствие большой любезности Башмакова, с Будиловичем, в [«]Славянском обществе[»][886] (Звенигородская, 24). Завтра у меня с ним назначено свидание в Главном управлении. Он, видимо, хочет осведомиться у меня о ходе редакционных дел. Это умно, и я очень охотно желал бы помочь ему, так как этим помог бы бывшим товарищам по редакции. Вот только бы Господь дал немножко здоровья!

Погода нехороша. Очень холодно. Доходило кое-где до 23° мороза! У нас было 18°, а теперь – 10°.

Был сегодня в Думе. Заседание бессодержательное.

6 дек[абря].

Именины Коли. Ничего особенного, тихо, безобидно. Но у меня налег камень на душу: вчера громадное письмо от о[тца] Тихона – полное уныние, почти до отчаяния от новой службы, которою он, по его словам, загубил себя. Служба ужасная, бессмысленная, а между тем к педагогической, говорят, нет уже возврата...

Всего не упишешь, но его душевное состояние самое тяжкое...

И все это сделано им добровольно и при помощи моей!

Меня бьет рука какая-то неустанно, по самым чувствительным местам. Письмо Тихона – это крик утопающего: «Спаси, отец!» А что я сделаю? Если даже можно помочь, то сколько сил и времени требуется для всякой подготовки спасения! А я слаб, болен и сам вишу на волоске. И для того, чтобы я не сошел в безысходное болото, мне бы нужны были все нервы, вся сила, все остатки здоровья <u>на других</u> делах. И вот – беги спасать несчастного, который был так, казалось, прочно поставлен!

Конечно, он и сам виноват: зачем жаловался на Новгород и рвался в Москву? Теперь Новгород представляется ему потерянным раем, а Москва – преисподнею. Место, действительно, повидимому, отвратительное.

Но, Господи, когда ты сжалишься надо мною, когда пошлешь утешение хоть в судьбе детей? Тяжело, черная ночь на душе. Не могу выносить страдания детей... И что тут придумать, как его выручить?

Оно и все мерзко кругом. Если что-нибудь держится, не пало в развалинах, то каждую минуту может пасть... Мне ли, больному и преждевременно старому, выносить такое положение, какое только молодому по силам?

Сегодня у меня был гр[аф] Доррер. Долго беседовали о положении дел у нас. Странно: и он повторяет, что «на словах» премьер идет самым определенным путем, а на «делах» никуда не идет... Что это значит? Что это за человек?

На меня он производил все разы искреннейшее впечатление. Откуда же разница слова и дела? Или он не имеет силы, или он ждет обстановки? Но разве можно только ждать ее, когда ее нужно создавать?

Бесспорно, что когда возникает вопрос о глазомере, то трудно спорить, чей вернее? Может быть, его глазомер более тонок, может быть, не пришло время повести Россию решительным путем...

10 дек[абря].

Сегодня у Роговича неожиданно сошелся с преосвящ[енным] Гермогеном Саратовским[887], который мне до чрезвычайности понравился. Между прочим он заговорил о своей пастырской школе, а я навел речь на о. Тихона, и он возымел мысль пригласить его начальником школы... Хочет видеться с о. Тихоном в Москве... Немедленно написал ему об этом...

Не знаю, что из этого выйдет. Неужели Господь услышал мою ежедневную молитву и даст о[тцу] Тихону и дело, и руководство? О, Господи, пошли ему основы мира душевного и довольство судьбами, от тебя даваемыми!

11 дек[абря].

Сегодня вечером у нас экспромтом вышел чисто московский «вечер»: пришли все приезжие, Н.Н. Сучков, Л.Л. Кисловский, о. Иоанн Восторгов и два архиерея – Серафим (Чичагов)[888] и Гермоген Саратовский. Очень было отрадно.

Гермоген основывает Православное братство русского народа[889] с чисто религиозными целями. Это мне очень симпатично.

Гермоген подтвердил, что повидается в Москве с о[тцом] Тихоном.

12 дек[абря].

От Тихона письмо. Он как будто успокоился духом, но не перестал считать необходимым уйти с этого негодного места. В пастырскую школу, говорит, не стоит уходить, и приводит вполне верные доводы. Я и сам, ознакомившись с делом, нахожу, что эти учреждения теперь пока совершенно плохи, да и безусловно непрочны.

Вот беда! Мне было почудился «выход» для бедного о[тца] Тихона, а оказывается – ничего нет.

Весьма мерзкая вещь и относительно меня. Какие-то негодяи, а м[ожет] б[ыть], и глупцы, распускают слухи, будто бы декларация 16 ноября чуть не сочинена мною и что Столыпин вообще пляшет по моей дудке! Уж, вероятно, это сочиняется нарочно, чтобы довести до его сведения: у иных, вроде Шарапова, может быть прямая цель повредить мне, у других – позлить Столыпина... Но во всяком случае эти глупейшие выдумки страшно и во всех отношениях вредят мне.

В действительности я этой декларации и в глаза не видал до самого 16 ноября, и даже не слыхал о ней, да и с самим Столыпиным не видался ни разу со дня представления (24 окт[ября]) до 16 ноября, когда видел его на минутку в Думе. После того, по моей просьбе, он меня принял 2 декабря, и это был единственный серьезный мой с ним разговор. Никаких влияний я не имел и не мог иметь, и в свою очередь не знал и не знаю ничего о его планах. В отношении меня, я думаю, он просто тяготится и никаких иных от меня впечатлений не имеет...

Действительно, вызвал в сущности совершенно зря.

Вчера еп[ископ] Серафим (Чичагов) говорил мне положительно, как факт, будто бы на мою статью (она ведь была в [«]Моск[овских] вед[омостях»]) обратил внимание сам государь, и она на него будто бы произвела очень сильное впечатление, под влиянием которого он приказал Столыпину переговорить со мной... Вот почему, будто бы, Столыпин меня вызвал.

Если это верно, то я очень разочарован. Во-первых, значит все поведение Столыпина в отношении меня неискренно. Во-вторых, становится вероятно, что сам он никаких особенных впечатлений не имел, а действовал поневоле. В-третьих, если это все так, то и делать он ничего не будет, ибо этой идеи не имеет...

Ну, а впечатление самого государя не может иметь практических последствий. Все равно он без Столыпина ничего не предпримет, да если бы и захотел, то не выдержит характера. Если бы Столыпин захотел и начал действовать, то последствия могли бы быть громадные, исторические (может быть)... А если он не хочет, не имеет этой идеи, то «всуе трудишася зиждущии»[890], то есть аз многогрешный, весь век свой обреченный жить мечтами и иллюзиями.

Очень все это печально.

14 дек[абря].

Жесткие неумолимые морозы, постоянно больше – 20° холода. Выходить без крайней надобности нельзя. Пальцы и прочее начинают обмораживаться. Поездка мамы меня страшит. Вдоба-

вок ее комната здесь – мерзость, и промерзла до того, что внутри в углу – ледяной покров.

Все скверно. Денег не хватает. Постоянно трачу «неприкосновенные» запасы, уже взял 78+50+100+100, итого 375* рублей... До чего же мы дойдем?

Боюсь, что этот переезд, эта служба – не к добру. Все так скверно идет, что уныние нападает. Прямо-таки сказать – ничего хорошего нет все время, а есть разве то очень скверное, то не чересчур скверное...

А в Москве, судя по письму Нольде, может быть, редакция при Будиловиче и окажется возможною, то есть жить им можно будет. И хотя я этому всеми силами способствовал, однако не могу внутренне заглушить чувства зависти: что как окажется, что там можно бы было жить, а я это отверг и приехал сюда на погибель?

Конечно, избави, Господи, от таких подлых ощущений, но они являются именно потому, что здесь очень скверно, и все, на что я надеялся, – оказывается имитацией и пуфом. Столыпин уже почти несомненно бросает меня, отвиливает, ни на что я ему не нужен. В Главном управлении служба скверная и бессмысленная. Общественной деятельности никакой... Личная жизнь – печальна и уныла. Москва кажется золотым сном прошлого, и как я грешен перед покойным Владимиром Андреевичем за неблагодарное непонимание всех благ, которые от него имел. Я теперь молюсь о нем, молюсь и о прощении этого греха. Да все уже прошло, все безвозвратно.

16 декабря. Воскресенье.

Сегодня, наконец, сделал визит Шванебаху[891] (Моховая, 30), у которого просидел чуть не 5 часов! Очень, очень симпатичен, и теоретически умен, но сомневаюсь, чтобы был настоящим практиком. Вообще говоря, не видно кругом ни одного «исторического» человека...

Вчера, 15-го [декабря], начались праздничные каникулы Госуд[арственной] думы, до 8 янв[аря]. Но едва ли к 8 янв[аря] соберется много членов. Множество их должны работать на земских собраниях. Таковы, напр[имер], почти все куряне. Вчера я пробыл в Думе до самого разъезда депутатов, заболтался с Кривцовым и Доррером.

За последние дни я роздал и разослал членам Думы штук по 30 «Недостатков конституции 1906 г.»[892] и «Самодержавие и народное представительство»[893]: больше правым, но также Н. Львову[894], Макла-

* Так в тексте. При подсчете получается 328 руб. *(сост.)*.

кову[895], Плевако[896]. Рассчитываю, что на каникулах легче надеяться на прочтение ими...

У меня что-то Коля жалуется на нездоровье... Не могу выносить этих болезней и огорчений детей. Уж и без того нудно жить на свете...

Петр Христианович очень долго критиковал Столыпина... Он решительно отрицает возможность у Столыпина какой-нибудь крупной роли национального вожака. Грустно мне слышать все это, особенно когда критика подтверждается рассказом о предшествующей деятельности... Шванебах признает его человеком благородным и талантливым, но отрицает в нем крупный ум и характер, называет его человеком компромисса и, сверх того, обвиняет в крайнем самолюбии и тщеславии, приводящих к популярничанью...

Если это правда, то очень грустно, потому что такие качества, конечно, исключают возможность крупной национальной роли. Но дело в том, что в конечном счете Столыпин, несомненно, все-таки крупнее всех остальных... Ему противопоставляют Горемыкина! Ну, уж это совсем плохо... Какой же «исторический деятель» Горемыкин?! Ему противопоставляют П.Н. Дурново... Но при всем уме (очень тонком) и характере (громадном), П[етр] Н[иколаевич] не имеет цели действия, кроме разве порядка и чисто внешнего поддержания государства. Вся наша конституция 1906 г. прошла в его министерство. Да, наконец, и он, и Горемыкин – совсем старого возраста. Ведь Россию нельзя поправить в полгода. Тут нужно со стороны даже гениального человека 5–6 лет систематических усилий.

Нет, по-моему, если Столыпин не тот человек, какого нужно иметь, то такого человека еще совсем нет, он еще не пришел... Ну, а если он не приходит, то, значит, Россия осуждена или на долгие годы гниения или на новую революцию. Гнев Божий, значит, не снят, а м[ожет] б[ыть] – кто ведает – Россия уже кончила свою роль, отпела свою песнь в истории...

Теперь я и спрашиваю: отчего же Господь Бог не отпускает меня на покой? Или я его также не заслужил? Весьма допускаю... Или я должен непременно отстрадать остающуюся частичку своей жизни? Весьма допускаю, но это ужасно неприятно. Совсем, совсем это тоскливо.

Конечно, да будет воля Его, но дети-то, почему же они не получают хоть самого маленького счастья? Ой, тяжело! Как ни покоряйся – ужасно тяжело...

18 дек[абря].

Вчера приехал Николай Ефимович (Терентьев) – искать места, и необычайно счастлив: сегодня уже предлагают 2 места.

Мой Коля что-то вправду разбаливается: насморк, горло болит.

Я начал писать Скворцову «Политические заметки» (третья Дума).

20 дек[абря].

Вечером был у Ширинского, с Роговичем... Любопытная острота о премьере. «Он очень легко обещает, а потом начинает размышлять: не слишком ли много я обещал? Ну, да не беда: можно не исполнить...».

Увы, кажется, похоже на правду...

22 дек[абря]. Суббота.

Приехала мама.

Был Кузнецов, уехавший прямо от меня на вокзал. Николай Ефим[ович] Терентьев также уехал сегодня вечером.

Я возмутительно без денег. Получил 20-го 200 рублей, и моментально все расхватаны (Тихону – 30 р., за шубки – 45 р., жалованье прислуге и так далее, и так далее). Написал Крижановскому, прося выслать добавочное жалованье, но доселе ничего не имею.

24 дек[абря]. Сочельник.

Вот дожили и до Сочельника. Крижановский прислал жалованье (по 20 марта 1908 г.), и хотя очень поздно, так что расходов уже нельзя было делать, но все же приятно встретить праздники с деньгами. Я встречаю их также в самой усиленной работе: нужно к 28 дек[абря] доставить «Движение печати», а там еще и $^{1}/_{3}$ работы не готово, даже последние материалы получил только сегодня в 10 часов ночи. Сверх того, пришлось написать десяток поздравительных писем...

Так, за всем этим и не собрался в церковь, но из наших половина была. Благодарие Богу за все его милости. Если бы мог я еще окончить работу к сроку, было бы очень хорошо.

25 дек[абря]. Вторник. Рождество.

Был в церкви Николаевского госпиталя. Очень недурна, но пешком в зимнем костюме далеко.

Никого не было. Я много работал и почти закончил таблицу движения печати. Из карточек получены только от Георгиевских (московских). Вообще день провели тихо, за что и благодарение Богу.

Между прочим подвел счет передержки, сделанной в СПб. за два месяца из запасов. Сумма солидная: 78+100+50+100, то есть 328 р. Вычетов за это время у меня сделано 372 р. Следовательно, когда прекратятся вычеты (с 20 янв[аря] 1908), то можно надеяться сводить концы с концами. Это первое время было множе-

ство экстраординарных расходов: устройство хозяйства, телефона (75 р.), устройство электричества, о[тцу] Тихону 30 р., на шубки 45 р. и так далее.

26 дек[абря].

Были с визитом (ответным) барыни Скворцова.

От о[тца] Тихона ни слуху, ни духу. Получил ли он мои 30 рубл.? Изумительный человек. От него станется, этот не известит, а я ведь послал 21 дек[абря] по телеграфу.

Коля без моего ведома (с разрешения Кати) отправился на концерт Долиной...[897] 15° морозу, в консерваторию, то есть добрых верст 5–6, и с товарищем, о котором мы не имеем и понятия. Вот скоро 12 часов ночи, и когда он возвратится? Крайне все это нехорошо и безрассудно. Теперь не заснешь всю ночь. Да это еще пустяки, только бы с ним ничего плохого не было. Боюсь я этих товарищей.

Киреев пишет, заклеиваю письмо.*

24 д[екабря] Павловский дворец.

С праздником,
Многоуважаемый Лев Александрович!

Все не удается с Вами видеться, а нужно бы переговорить!

Декларация премьера, несомненно, поставила дело на настоящую дорогу, то есть совещательная Дума. Но это заявление осталось каким-то теоретическим. Школа вся все-таки во власти кадет и их ставленника Кауфмана[898]? Пропаганда в войске – безнаказанна.

Для чего же подбирают таких людей, как Вы, напр[имер]? Не для того же, чтобы все оставалось по-старому?

Я Вам послал мою статью в [«]Нов[ом] времени[»] 10 дек[абря] (№ 11404). Я ее отвез государю. Я там ставлю вопрос круто (кстати, она произвела «сенсацию» среди правых). Октябристы оказались противниками самодержавия. В конце ноября те же октябристы стали на сторону раскольников против православных (по делу комиссии). Тут они стало быть тоже скатились налево, к кадетам?! Меньшиков, котор[ый] вообще «bien-informé»[899], что-то уж очень резко выступает против Столыпина-кадета... Я бы, однако, не желал бы, чтобы Столыпин ушел... Он нужен! Думское большинство, конечно, способно работать над техническими вопросами, напр[имер] о направлении той или другой дороги, канала и тому подобного. Ну, а как, что вероятно, подымется какой-либо вопрос принципиальный.

---

* Далее вклеено письмо *(сост.)*.

*Что тогда? Как тогда быть? Вопрос, напр[имер], об усилении кары за пропаганду в войсках? Вопрос очень серьезный??? ...**

Ваш
А. Киреев.

Только сердце растравляет... А в сущности, хоть он и хороший человек, все это пустые разговоры. И он сам был бы не лучше, и я был бы не лучше... Мы все опустились в маразм, и только особая милость Божия может спасти нас. Да, пожалуй, времена милости уже окончились, и, может быть, Россия уже отдана на произвол «естественного течения дел»...

Пропасть в буквальном смысле слова она, м[ожет] б[ыть], и не пропадет, но уже перестанет быть Божией служительницей... Ну, а тогда весь государственный и церковный строй естественно изменится, и даже странно было бы держать формы, утратившие дух, а стало быть, и смысл.

Было бы еще лучше, если бы мы находились под гневом Божиим: после гнева и наказания могла бы явиться и милость... Но возможно, что мы уже дошли до того, что просто «выпущены на волю» – живите, как знаете...

Страшно, что нет наставника, который бы мог объяснить, как теперь жить, куда идти. Это самое тяжкое...

А Коли нет, и нет... Ужасно все это нехорошо.

Тяжкий 1907 год. Сколько он наделал, не перечесть, а ведь еще не кончился: за 5 дней многое еще можно натворить!

Иной посмеялся бы, прочтя это, но я действительно так ослаб духом, так не чувствую ни в себе силы, ни опоры извне, что трепещу перед всем, даже перед «годом», хотя ведь нет никаких «годов», ни старых, ни новых... А может быть, и есть? Как знать?

Вернулся в 12 $^{1}/_{2}$ часов... Пожурил его, что уходит, не сказавшись...

27 дек[абря].

Ну, вот завтра и на службу. Работа готова, не знаю только, хороша ли окажется.

Разослал карточки, письма... исполнил «обязанности»... Вертишь какое-то дурацкое колесо... Кому все это нужно? А вот не знаю, как мне быть со Столыпиным? Неужели ехать записываться? Письмо послать? Фамильярно, пожалуй... Минуй нас пуще всей печали и бар-

* Так в тексте *(сост.)*.

ский гнев, и барская любовь! Не знаю, как и поступить. Затесался я не в свои сферы, а как это вышло – и сам не понимаю.

Мне бы «на покой» нужно. Все, что ни делается у нас, – не по мне, ничего я не одобряю без оговорок, и ни из чего не предвижу, с моей точки зрения, «толку». Я бы еще, может быть, мог кое-что создать или по крайней мере возиться с чем-нибудь теоретическим, но на это нужны средства к жизни... А работать с ними, нынешними людьми, уже не могу. Я им не верю, а потому не могу подчиниться, а по-моему они не хотят делать. Денег же у меня нет, и я их могу иметь только от этих людей.

Только Нейдгардт, еще более отживший, может думать, будто бы я на что-то «нужен»... Хотя странно вспомнить: ведь я сам способен был поддаться этой иллюзии не дальше как $^{1}/_{2}$ года назад!

Ловко же убил мой дух Петр Аркадьевич! В несколько месяцев превратил меня в совершенно отжившего... «Помудрел» я больше 80-летнего Нейдгардта. Но, в сущности, этим летом у меня, очевидно, была только вспышка погасающего пламени, и уж, конечно, последняя... Да и не жаль мне этих иллюзий. Я бы желал только, чтобы прийти к Богу, да еще – чтобы как-нибудь оставить жену и детей не в черной нищете. О Боже мой, помоги мне!

28 дек[абря].

Сегодня сдал набор первой «Повременной печати». Фактор типографии говорит, что выйдет $^{3}/_{4}$ листа, а мы с Тороповым уговаривались не переходить $^{1}/_{2}$ листа.

Ну, пусть Бельгард решает.

Внес часть передержек в Моск[овский] куп[еческий] банк. Всего дефицит 1907 года пока 128 рублей. Ну, все надежды могут сводиться только к тому, чтобы он не возрастал, п[отому] ч[то] я для получения такого бюджета затратил все добавочное жалованье до 20 марта 1908 г. Сумею ли прожить до такого срока без новых передержек?

От о[тца] Тихона ни слуху, ни духу. Ник[олай] Ефим[ович] прислал письмо, в котором ровно ничего нет. Из сотрудников Будилович пригласил только Нольде и Введенского. Об условиях – не сообщает. Что станется с унив[ерситетской] тип[ографией] – не знает. О[тца] Тихона не видал.

Пишет старик Нейдгардт... Ну, по обыкновению «уповает», что у меня все будет хорошо. Дай Бог, конечно!

Прислал мне в подарок книгу Вильбуа «L'avenir de l'eglise russe»[900], говорит: любопытная.

29 [декабря][*].

Пишет Киреев: мудрые советы! Точно я этого не понимаю! Дело в том, что я не могу или не умею (что равносильно) сделать этого... Я не устраивал своего перевода, я не проявил тут никакого искусства, и не имею его точно так же и теперь. Вышло это само собою, и точно так же я теперь погибну или уцелею не своими усилиями или ловкостью (ничего этого у меня нет, и взять негде), а волею тех сил, которые меня сюда на спасение или на гибель притащили. Все это, может быть, очень нелестно для меня, но факт есть факт.[**]

28 [декабря] Павловск.

Многоуважаемый Лев Александрович,

Ни в каком случае не оставайтесь в настоящем Вашем положении, entre ciel et terre[901]*. Непременно добудьте себе от тех, кто Вас сюда перевели, некоторое штатное положение, место. Мало ли что может случиться: кадеты в министерстве, и Вы — в трубу. Пользуйтесь теми козырями, кот[орые] у Вас в руках, они пока очень ценные — завтра могут быть = 0.*

Напишите, когда Вы бываете у себя дома между часом и 5-ю.

Ваш
А. Киреев.

Цельным, однородным правительством управлять легко (само едет); управлять раком, щукой и лебедем[902] *— очень трудно. Я это объяснял.*

Киреев бы лучше сделал, если бы вместо пустых советов, помог свыше своим влиянием... Но и это легко мне говорить, со стороны, а может быть, столь же недоступно ему.

Откуда он, однако, взял «кадетское министерство»? Неужели и это возможно после декларации 16 ноября? Ну, уж тогда прямо нужно сказать, что мы не живем, а видим сновидения!

На падение Столыпина видится немало смутных намеков в тумане этих сновидений... Но замена его кадетами! Это и для сновидения чересчур. Или Киреев думает, что Столыпин призовет кадетов? После 3 июня, после 16 ноября? Такая чушь, что стыдно было бы подумать, если бы дело не касалось России. Но что невозможно в природном сумасшедшем доме?..

---

* В тексте дневника была допущена явная описка: «января» *(сост.)*.

** Далее вклеено письмо *(сост.)*.

Получил письмо от о[тца] Тихона. Слава Богу, деньги он получил и здоров.

30 дек[абря]. Воскр[есенье].

Séd fugit intereá, fugit irreparábile témpus...[903] Остался еще один день до нового года, и кто проживет – доживет. Пока все спрашивают друг друга: ожидаются ли какие перемены? Это я собственно по телефону беседую, п[отому] ч[то] за все праздники не выходил... Но в круге моего телефона никто не знает или не открывает своих знаний. Да я думаю, скорее, никаких перемен и не будет. Для меня лично они могут быть только невыгодны. Лучшего ничего не видать, и остается желать status quo...[904] Впрочем мое желание – ни при чем...

В Москве Восторгов начнет издавать «Старую Москву»[905] (редакция Бориса Назаревского) – как продолжение грингмутовского органа. Глупое, однако, название, и я ему это пишу.

Об участи дома 78 никак не могу узнать. По-видимому, Будилович сохраняет в нем свою контору. Магазин же продается: это публикуется. Продается и мебель Грингмутов. Но все это тянется давно уже. По-видимому, в январе или и дальше будет продолжаться ликвидационный период... Меня это как-то особенно жгуче интересует, вроде участи могилы близкого человека... Ну а моя участь? Что она такое? О, Господи, как все это тяжело, скучно, придавливающе... Мне все лично мое уже почти безразлично. Но дети, Катя? Вот вечная язва...

31 дек[абря].

Половина одиннадцатого ночи. Осталось 1 $^1/_2$ часа до нового года. Ширинский сообщил сейчас по телефону, что Кауфман уходит, на его место Шварц[906], а Герасимов[907] – в отставку... Дали погубить [«]Моск[овские] вед[омости»], а потом в отставку!

Назначение Шварца мин[истром] народн[ого] просвещения, конечно, важный признак твердой политики. Но так и ждешь теперь обратного: шаг вперед, два назад.

Столыпин получает статс-секретаря.

Один я перехожу в новый год на палочке верхом «причисленный ***и прикомандированный», нечто вроде «бывший сын действительного статского советника»... Говорят, как встретишь новый год, так и проведешь его...***

Впрочем, сегодня мне дали корректуры «Повременной печати», хоть бы с этим занятием не разлучиться – все хлеб!

А Столыпина я решительно начинаю подозревать в неискренности или в болтовне пустой. От московских отвлек, а тут поставил в самое дурацкое положение, где есть хлеб, но не обеспеченный ни на день, и где нельзя ничего делать, не возбуждая подозрений, что действуешь

из-под руки начальства... Не понимать этого он не может. А следовательно?.. Хороших выводов ни одного не придумаешь.

Сегодня получен последний № «Моск[овских] вед[омостей]», с довольно подленькой передовой, в которой редакция барона Нольде, прощаясь с читателями, заманивает их подписываться к Будиловичу уверениями, будто бы газета будет столь же хорошей...

Нехорошо так лгать. Конечно, Нольде нуждается в хлебе Будиловича, но мог бы легко воздержаться от подличания, сославшись Будиловичу хоть на г-жу Грингмут. Эта бедная индюшка не понимает, что в своем лице марает память мужа.

Но зато в [«]Русской земле[»] кто-то анонимно разругал Будиловича (статья «Разгром “Московских ведомостей”»). Не тот ли самый Нольде? Нет, он слишком осторожен. Наверное кто-нибудь другой, из обездоленных.

В сущности, оставляя без хлеба 250 человек, имеющих нравственно во сто раз больше, чем он, прав на [«]Моск[овские] вед[омости»], Будилович характеризует себя очень скверно.

Господь избавил меня от тяжкого положения, в котором Нольде писал свою статью в № 30 декабря. Бесспорно, тяжкое положение. Но мне кажется, можно бы было и не подличать. Не Будилович же этого требовал?

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1 **Романов Сергей Александрович** (1857–1905) – Великий князь, четвертый сын императора Александра II, генерал-адъютант, московский генерал-губернатор. 1 января 1905 было опубликовано сообщение об отставке московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича и учреждении в Москве должности градоначальника. 4 февраля 1905 убит бомбой, брошенной эсером И.П. Каляевым.

2 **Волков Евгений Николаевич** (1864–1933) – выпускник Николаевского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища. Корнет (1884), поручик (1888) лейб-гвардии гусарского полка, штабс-ротмистр (1889), ротмистр (1891), полковник (1896), генерал-майор (январь 1905), генерал-лейтенант (1913). Вице-губернатор (1900–1901), губернатор Черноморской губернии (1901–1905). 16 января 1905 приступил к исполнению обязанностей московского градоначальника. Уволен от должности 18 апреля 1905 после убийства Великого князя Сергея Александровича. Таврический губернатор (1905–1906), помощник (1907), управляющий Кабинетом Его Императорского Величества (1909–1917). Участник Белого движения, генерал-губернатор Черноморской области (1919).

3 **Трепов Дмитрий Федорович** (1855–1906) – военный и государственный деятель. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Бригадный адъютант (1879–1880), полковой казначей (1880–1882), полковой адъютант по строевой части (1895–1896) 1-й гвардейской кавалерийской бригады. Корнет (1874), гвардии поручик (1878), штаб-ротмистр (1881), ротмистр (1892), полковник (1895), генерал-майор (1900), генерал-майор свиты (1903), генерал-лейтенант (1903). Московский обер-полицмейстер (1896–1905). Сдал дела 11 января 1905. Почетный член совета Московских детских приютов (1897). Петербургский генерал-губернатор (с 11 января 1905), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (с апреля 1905). В приказе от 14 октября 1905 Д.Ф. Трепов призывал: «Население столицы встревожено слухами о предстоящих якобы массовых беспорядках. Меры к охранению личности и имущества в столице приняты, поэтому прошу население указанным слухам не верить. Если бы, однако, где-либо возникли попытки к устройству беспорядков, то таковые будут прекращаемы в самом начале и, следовательно, серьезного развития не получат. Войскам и полиции дано мною приказание всякую подобную попытку подавлять немедленно и самым решительным образом, при оказании же к тому со стороны толпы сопротив-

ления – холостых залпов не давать и патронов не жалеть. Считаю долгом предупредить об этом население столицы, дабы каждый обыватель, примкнувший к толпе, производящей беспорядок, знал, чем он рискует; благоразумное же население столицы, во избежание тяжелых последствий, я приглашаю к сборищам, направленным к нарушению порядка, не примыкать», см.: Правительственный вестник. 1905. № 219. С. 3. 18 марта 1902 Е.А. Алларт на него было совершено покушение. Пистолет дал осечку. Через три дня Трепова покушался В.В. Михалевский. 2 января 1905 на Николаевском вокзале студент А.А. Полторацкий стрелял, но промахнулся и был задержан полицией. В 1905–1906 – Петергофский дворцовый комендант. Умер от разрыва сердца. Похоронен в придворном Петропавловском соборе в Новом Петергофе.

Полторацкий А. А. (1886–1908) – воспитанник Торговой школы. 2 января 1905 осуществил покушение на Д.Ф. Трепова. На момент преступления террористу было 18 лет. Первым выстрелом было прострелено пальто Трепова, после чего Полторацкий был схвачен жандармами и во время борьбы безрезультатно произвел несколько выстрелов. Особым присутствием московской судебной палаты приговорен к пяти годам тюремного заключения. Весной 1908 за попытку к бегству с нанесением ранений тюремному надзирателю был казнен по приговору суда.

4 **Руднев Иван Николаевич** (1861–?) – выпускник Михайловского артиллерийского училища, Николаевской академии Генерального штаба. Подпоручик (1874), поручик (1878), штабс-капитан (1882), капитан (1884), подполковник (1888), полковник (1892), генерал-майор (1903). Старший адъютант штаба 36-й пехотной дивизии (1881–1882), адъютант штаба 2-й гренадерской дивизии (1882–1887), командир роты 4-го Несвижского полка (1887–1888), старший адъютант штаба 2-й гренадерской дивизии (1888), заведующий передвижением войск по железным дорогам (1888–1892), управляющий канцелярией (1892–1893). Помощник московского обер-полицмейстера (1893–1905), помощник московского градоначальника (с 1 января 1905), временно исполнял должность московского градоначальника (1–16 января 1905) до приезда Е.Н. Волкова. 7 февраля 1906 уволен от должности. В дни Октябрьской революции 1917 в Москве вместе с командующим войсками Московского округа К.И. Рябцевым возглавил «Комитет общественной безопасности», созданный для сопротивления большевикам.

5 **Павлов Николай Алексеевич** (?–1931) – общественный деятель; один из лидеров Объединенного Дворянства. Крупный землевладелец Саратовской губернии, выборный местного земства. В 1895 корреспондент Главного управления государственного коннозаводства по Саратовской губернии. С 1905 чиновник по особым поручениям по переселенческому делу, при министре внутренних дел. Автор записок по крестьянским делам. В начале 1905 – член салона Б.В. Штюрмера (впоследствии покинул салон). Член салона генерала Е.В. Богдановича. 1 декабря 1905 как член

делегации «Союза землевладельцев» принят Николаем II. В октябре 1906 выступал в Русском собрании, квалифицируя подписание некоторыми дворянами Выборгского воззвания как измену. Активный деятель дворянского движения, член Постоянного совета Объединенного Дворянства. Сотрудничал в «Московских ведомостях», «Гражданине», «Русском знамени» и других консервативных изданиях. Печатался за подписью «Дворянин Павлов» (на это указывает С.Ф. Шарапов). После Октябрьской революции 1917 эмигрировал. Отмечал: «Консерваторы-интеллигенты, как Тихомиров, Никольский, Величко, Булацель, Пуришкевич, Дубровин и иные, были наперечет. С 1906 года они не без успеха помогают организовать улицу и до 1908 года создадут довольно сильные союзы. Но эти вожаки пренебрегают экономическими вопросами. Их тактика – организация толпы», см.: *Павлов Н.А.* Его Величество Государь Николай II. СПб., 2014. С. 58. В отношении Тихомирова, уделявшего внимание социально-экономическим проблемам, приведенное выше утверждение не совсем верно.

6 **«Славянский базар»** – известная гостиница, открытая в 1872 в Москве А.А. Пороховщиковым на Никольской улице, 17. Вскоре во дворе было построено здание ресторана с тем же названием.

7 **Святополк-Мирский Петр Дмитриевич** (1857–1914) – князь, государственный деятель, генерал от кавалерии (1913). В августе 1904 – январе 1905 российский министр внутренних дел (уволен 18 января 1905, 20 января министром внутренних дел стал А.Г. Булыгин). Накануне Революции 1905–1907 пытался привлечь оппозицию на сторону правительства.

8 **Витте Сергей Юльевич** (1849–1915) – государственный деятель. С 1869 служил в канцелярии одесского генерал-губернатора, в 1870 поступил в Управление казенной Одесской железной дороги. С 1878 начальник эксплуатационного отдела правления Общества Юго-Западных железных дорог. В 1889–1892 директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Активно содействовал организации постройки Великой Сибирской магистрали. В феврале – августе 1892 управляющий МПС, с августа 1892 министр финансов. Провел ряд экономических преобразований. Ввел винную монополию (1894), осуществил денежную реформу (1897). С августа 1903 по 1905 председатель Комитета министров. Подписал Портсмутский мирный договор с Японией (1905). Был удостоен графского титула. Один из авторов Манифеста 17 октября 1905. Первый председатель Совета министров (октябрь 1905 – апрель 1906). После 1906 утратил активное политическое влияние. Подробнее см.: *Корелин А.П.* Витте С.Ю. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев, отв. секр. А.В. Репников. М., 2005. С. 87–88.

9 В оппозиционных С.Ю. Витте кругах были распространены слухи, что он болен сифилисом. См.: *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910 / сост., вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьева. М., 2010. С. 60.

10 **Нилус Сергей Александрович** (1862–1929) – религиозный писатель и общественный деятель. Из дворян. Окончил юридический факультет Московского университета (1886). С 1888 жил главным образом в родовом поместье Золотарево Мценского уезда Воронежской губернии, но был вынужден продать имение. В 1907–1912 жил в Оптиной пустыни, общался с ее старцами, выполнял монастырские работы, распространял свои идеи среди ее братии и паломников. На основании изучения архива обители составил жизнеописание игумена Феодосия – «Сила Божия и немощь человеческая» (ч. 1–2, Сергиев Посад, 1908), написал книгу об оптинских монахах – «Святыня под спудом. Тайны православного монашеского духа» (Сергиев Посад, 1911). Впечатления от жизни в пустыни описал в книге «На берегу Божьей реки» (Сергиев Посад, 1911). В эти же годы активно занимался публицистикой, с 1909 сотрудничал в газете «Троицкое слово». В 1912–1917 жил в г. Валдай Новгородской губернии. Первую мировую войну 1914–1918 оценил как бойню, организованную «тайными силами» с целью ослабить Россию и взять ее под свой контроль. В книге «Близ есть при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко» (Сергиев Посад, 1917) предрекал близкую катастрофу. Отрицательно отнесся к событиям февраля 1917. Выступал против созыва Поместного собора в отсутствии императора. После октября 1917 остался в России, в 1924 и 1925 подвергался арестам и тюремному заключению. Полемизировал с Л.А. Тихомировым. См.: Тайна печати антихриста [с предисл.] Л.[А.] Тихомирова. Мировая борьба добра и зла: По поводу письма С.А. Нилуса // Московские ведомости. 1910. № 228; *Тихомиров Л.А.* Борьба с масонством // Московские ведомости. 1911. № 243 (оба материала включены в сборник: Неизвестный Нилус. М., 1995. Т. 1. С. 191–201; 405–410. Там же приводится копия отдельного оттиска очерка «Искатель града невидимого» с дарственной надписью С.А. Нилуса Л.А. Тихомирову (С. 201). Подробнее см.: *Мещерякова А.О.* Нилус С.А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев, отв. секр. А.В. Репников. М., 2010. С. 316–318. В 2003–2005 вышло полное собрание сочинений Нилуса в 6 томах.

11 **Николай II** (1868–1918). Старший сын императора Александра III и императрицы Марии Федоровны. В 1894–1917 император. 2 марта 1917 отрекся от престола в пользу своего брата Великого князя Михаила. В ночь с 16 на 17 июля 1918 расстрелян вместе с семьей и приближенными в Екатеринбурге.

12 **Воронов Леонид Николаевич** – литератор, сотрудник редакции «Московских ведомостей» (1895–1905).

13 Речь идет о Бакинской стачке в декабре 1904 года, которая охватила большинство предприятий города. В Баку проходили массовые сходки, демонстрации, столкновения бастующих с войсками. Стачка закончилась заключением соглашения, и 30 декабря был заключен коллективный до-

говор между рабочими и предпринимателями. Забастовщики добились 9-часового рабочего дня, а для ночных смен и буровых партий – 8-часового, четырехдневного ежемесячного оплаченного отдыха, увеличения зарплаты, улучшения условий труда.

14 Забастовка на Путиловском заводе началась 3 января 1905. К 5 января к ней присоединилось 26 000 человек. 7 января она приобрела общегородской характер, и 8 января в Петербурге бастовало 150 000 человек.

15 **Гапон Георгий Аполлонович** (1870–1906) – священник. С 1902 связан с С.В. Зубатовым. В 1904 организовал и возглавил «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Инициатор петиции петербургских рабочих Николаю II, шествия к Зимнему дворцу 9 января 1905. До октября 1905 в эмиграции. Амнистирован, вернулся в Россию. Вступил в контакт с Петербургским охранным отделением. 28 марта 1906 в Озерках под Петербургом товарищеским судом эсеров приговорен к смертной казни и повешен. «Гапон не был секретным сотрудником Департамента полиции, хотя и вел переговоры с его представителями», см.: «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. ст., подготовка текста и коммент. З.И. Перегудовой. М., 2004. Т. 2. С. 519. Дискуссии о провокаторстве Гапона продолжаются в среде историков до сих пор. См.: *Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 266–267; *Шубинский В.И.* Гапон. М., 2014.

16 **Сермяга** – историческое название грубого толстого сукна из простой шерсти, а также одежды из него. Сермяжник – мужик, крестьянин, представитель простонародья.

17 **Водосвятие** – христианский церковный обряд освящения воды.

18 **Иордань** – крестообразная прорубь на реке или озере для совершения обряда водосвятия в праздник Крещения Господня.

19 6 января 1905 в дневнике Николая II записано: «Вышли к Иордани в пальто. Во время салюта одно из орудий моей I-й конной батареи выстрелило картечью с Васильевск[ого] остр[ова] и обдало ею ближайшую к Иордани местность и часть дворца. Один городовой был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито», см.: Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2013. Т. II. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 15. «В это же время, а именно 6 января, во время обычного Крещенского парада и высочайшего выхода из Зимнего дворца на Иордань для освящения воды, произошел несчастный случай, до сих пор оставшийся загадкой, несмотря на тщательное расследование: при производстве салюта одним из орудий, расположенных близ Биржи, был произведен вместо холостого боевой выстрел. Пули снаряда попали в помост у Иордани, где стоял Государь император, и на набережную, а также и в фасад Зимнего дворца, в 4 окнах коего были

разбиты стекла. По счастливой случайности ранен был только один городовой, стоявший на посту. Одна пуля ударилась в знамя Морского кадетского корпуса, задев древко и погнув гвоздь, пуля, потеряв свою силу, упала к ногам знаменщика. Церемония продолжалась, никто не двинулся с мест, Государь сохранил полное спокойствие, даже не изменившись в лице», см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания / под общей ред. А.Л. Паниной; предисл. и примеч. И.М. Пушкаревой и З.Н. Перегудовой; археографическая подготовка текста А.Л. Паниной. М., 1997. Т. 1. С. 33. См. также: Россия перед Вторым пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии) / сост. С. Фомин и Т. Фомина. [М.; СПб.], 2002. Т. 1. С. 338. Впоследствии в «Правительственном вестнике» сообщалось, что выстрел произошел «по недосмотру» артиллеристов, см.: *Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. С. 92.

[20] **«Ведомости Петербургского градоначальства»** – официозная газета, выходившая в Петербурге – Петрограде в 1899–1917. В 1905 выходили под редакцией А.А. Коробова.

[21] **«Русские ведомости»** – ежедневная общественно-политическая газета, издававшаяся в Москве с 1863 до марта 1918. С 1905 – фактически стала органом кадетов. В период Февральской революции приветствовала падение самодержавия. Поддержала Временное правительство. После Октябрьской революции закрыта «за контрреволюционную агитацию». Подробнее см.: *Исхакова О.А.* «Русские ведомости» // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 467–469.

[22] **Ратник Ксаверий Ксаверьевич** (1852–1924) – генерал-майор, флотский инженер-конструктор. В 1893 переведен на работу в Петербург, где стал сначала управляющим, а затем директором Балтийского судостроительного завода (до 1905). В 1905 произведен в генерал-лейтенанты и назначен главным инспектором кораблестроения. В ходе разбирательства причин неудач в Цусимском сражении был подвергнут критике как главный создатель большинства кораблей, участвовавших в битве. В 1907 ушел в отставку, сославшись на «домашние обстоятельства». Купил дом в курортном поселке Боровая под Киевом, куда переехал с семьей. После Октябрьской революции 1917 раздал свое имущество крестьянам поселка.

[23] **Словолитня** – предприятие, разрабатывающее и выпускающее шрифты и другие типографские материалы, главным образом металлические. Термин происходит от старославянского «слово», означающего «буква».

[24] **«Новое время»** – одна из крупнейших российских газет. Издавалась в Петербурге – Петрограде (1868–1917). Первоначально имела либеральную направленность, впоследствии – охранительно-консервативную. С 1876 по 1912 газетой руководил А.С. Суворин, сделавший издание од-

ной из наиболее влиятельных консервативных газет России. Подробнее см.: *Абрамова Т.А., Иванов А.А.* «Новое время» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 318–321; *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998.

25 **«Слово»** – ежедневная газета, орган мирнообновленцев. Издавалась в Петербурге в 1903–1909. Редактором в 1907–1908 был М.М. Федоров, финансист, кадет.

26 **«Русь»** – ежедневная либеральная газета. Издавалась в Петербурге с декабря 1903 по 1905 редактором-издателем А.А. Сувориным; после перерыва с 1906 по 1908 – М.М. Крамалеем и С.А. Изнаром. Постепенно приобрела кадетское направление. Последний номер вышел 18 июня 1908.

27 **«Биржевые ведомости»** – политико-экономическая и литературная газета умеренно-либерального направления. Основана С.М. Проппером, который являлся издателем и с 1891 редактором газеты. Издавалась в Петербурге – Петрограде с ноября 1880 по октябрь 1917 с перерывами. С 1885 выходила ежедневно. С № 325 (1902) – утром и вечером. Основана в коммерческих целях и выражала интересы деловых кругов, помещала коммерческую и биржевую информацию. После Февральской революции вела агитацию против большевиков. Закрыта Петроградским ВРК 26 октября 1917. Подробнее см.: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 643 [коммент.].

28 **«Наши дни»** – ежедневная либеральная газета, издававшаяся в Петербурге с 18 декабря 1904 по 5 февраля 1905 (2 номера вышли в декабре 1905).

29 **«Наша жизнь»** – ежедневная политическая газета, близкая к левому крылу Конституционно-демократической партии. Выходила с перерывом в Петербурге с 6 ноября 1904 по 11 июля 1906. Издатель – Л.В. Ходский, редактор – В.В. Водовозов.

30 **«Санкт-Петербургские ведомости»** – официозная газета, издававшаяся в Петербурге в 1728–1917. С 1800 – ежедневно. С 1914 – «Петроградские ведомости». Издавалась при Академии наук, с 1875 – при Министерстве народного просвещения. Редакторы (в разное время) – Г.Ф. Миллер, И.И. Тауберт, И.Ф. Богданович, А.Н. Очкин, В.Ф. Корш, Н.С. Усов, Э.Э. Ухтомский и др.

31 **«Правительственный вестник»** – газета, издававшаяся в Петербурге – Петрограде в 1869–1917. Отражала официальную позицию правительства на различные события внешней и внутренней политики. С 1907 издавалась ежедневно; в 1905 выходила под редакцией вначале П.А. Кулаковского, а потом С.С. Татищева. С 1906 при «Правительственном вестнике» выходило приложение «Русское государство» (редактор С.И. Ширяев).

32 **Хитрово Николай Михайлович** (1844–1909) – участник русско-турецкой войны 1877–1878, генерал-лейтенант, начальник артиллерии гвардейского корпуса.

33 **Ивашенцов Сергей Васильевич** (1857–1921) – генерал-майор. С 24 октября 1904 по 21 ноября 1907 командир лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады, генерал-лейтенант в отставке (с 1907). Заведующий заведением общества попечения о воспитании детей артиллерийских офицеров (1905).

34 **Масальский Владимир Николаевич** (1860–1940) – князь, генерал от артиллерии, инспектор артиллерии Румынского фронта. В Гражданскую войну на Северном фронте. Эмигрировал.

35 **Романов Сергей Михайлович** (1869–1919) – сын Великого князя Михаила Николаевича. Расстрелян.

36 **Лопухин Алексей Александрович** (1864–1928) – государственный деятель, действительный статский советник (с 1903). С 1902 и.д. прокурора Харьковской судебной палаты, затем и.д. директора Департамента полиции МВД. Директор Департамента полиции (1903–1905). В марте 1905 смещен с должности за непредотвращение убийства Великого князя Сергея Александровича и назначен Эстляндским губернатором (27 октября 1905 уволен и от этой должности «за попустительство революционному движению»). Причислен к Министерству внутренних дел. В 1908, под давлением революционеров, сообщил В.Л. Бурцеву о сотрудничестве Е.Ф. Азефа с полицией и в связи с этим 18 января 1909 арестован. Приговорен к пяти годам каторги, замененной ссылкой в Сибирь. В 1913 помилован (в тот период праздновалось 300-летие дома Романовых), служил вице-директором Московского отделения Сибирского торгового банка. В 1922 с разрешения советского правительства выехал за границу, где и скончался.

37 **Товарищ прокурора, министра** и др. – должность в Российской империи, равная по полномочиям заместителю.

38 **Трусевич Максимилиан Иванович** (1863 – после 1917) – государственный деятель, директор Департамента полиции (1906–1909), товарищ прокурора петербургской судебной палаты (1904–1906), действительный статский советник. Член Государственного совета. В ходе Февральской революции 1917 арестован и до 10 марта 1917 содержался в Трубецком бастионе. Освобожден и в марте 1917 допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Дальнейшая судьба неизвестна.

39 **Антоний (Вадковский Александр Васильевич)** (1846–1912) – архиепископ Финляндский и Выборгский (1892), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898). С 1906 первоприсутствующий член Святейшего Синода, фактически глава Русской православной церкви.

40 **Романов Петр** – городовой. «Был ранен городовой по фамилии Романов, стоявший рядом с государем Николаем II. Картечь также попала в Адмиралтейство и в окно Зимнего дворца. Битое оконное стекло осыпало платье вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

Проведенное следствие установило, что выстрел картечью произошел по недосмотру артиллеристов. В то же время распространялись слухи о покушении, подготовленном террористами, пробравшимися в артиллерийскую команду» // Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. II. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 79 [коммент.]. В совпадении фамилий городового и императора некоторые из современников увидели зловещий символ.

41 **Симанский Пантелеймон Николаевич** (1866–1938) – полковник Генерального штаба, начальник штаба 1-й гренадерской дивизии.

42 Первое «Общество фабрично-заводских рабочих» было создано в Москве по инициативе С.В. Зубатова и при поддержке Московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича.

43 Народный дом – в дореволюционной России общедоступное культурно-просветительское учреждение. Большинство народных домов до 1914 были государственными.

44 **«Русское слово»** – либеральная ежедневная газета без предварительной цензуры. Выходила в Москве с 1895 до 26 ноября 1917. Издатель И.Д. Сытин (с 1897). При газете выходил еженедельный иллюстрированный журнал «Искры». Закрыта в ноябре 1917. С января по 6 июня 1918 выходила под названием «Новое слово», «Наше слово». Подробнее см.: *Исхакова О.А.* «Русское слово» // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 474–476.

45 **«St. Petersburger Zeitung»** – ежедневная газета, одна из старейших в Петербурге. Основана в 1727 (по другой информации в 1729). До 1874 находилась в ведении Петербургской Академии наук. Информировала немецкоязычных читателей о событиях в России и мире, являлась выразителем интересов немцев, проживавших в России. Редакция располагалась в доме Голландской церкви (набережная Мойки / Невский проспект, 20). Разгромлена в августе 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны и антинемецкими погромами.

46 **Лукин** – сотрудник редакции «Московских ведомостей».

47 **Афанасьев Михаил Афанасьевич** – председатель зубатовского «Совета рабочих механического производства» (Москва). Подробнее см.: *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 82–84, 96, 114, 187–188, 399.

48 Речь идет об эпизоде из Книги пророка Даниила, когда царь Валтасар увидел во время пира кисть руки, написавшую послание, которое никто не мог разгадать. Призванный пророк Даниил, отказавшись от наград, объяснил это явление как свидетельство гнева Божия на беззакония Валтасара, осквернившего на пиру сосуды из Иерусалимского Храма: «За это и послана от Него кисть руки и начертано это писание. И вот, что начертано: МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН. Вот – и значение слов: МЕНЕ – ис-

числил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ – ты взвешен на весах и найден очень легким; ПЕРЕС – разделится царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5, 24–28).

[49] Тихомиров состоял в переписке с православным японцем Какусабуро Сенумой.

[50] Девятое января 1905 («Кровавое воскресенье»), день расстрела войсками массового мирного шествия петербургских рабочих с петицией к царю. Начало Революции 1905–1907. См.: *Воронин В.Е.* Царская власть и события «кровавого воскресенья»: исторические «мифы» и реальность // Ключевские чтения – 2014. Россия и Русский мир перед лицом глобальных угроз: Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2015. С. 186–201.

[51] В дневнике обозначен А.А. Липранди, возможно, описка и имеется в виду **Липранди Александр Петрович** (? – не ранее 1914) – консервативный публицист и общественный деятель. Принадлежал к известному дворянскому роду. Действительный член Русского собрания, участник монархических организаций. Сотрудничал в журнале «Мирный труд».

[52] См. воспоминания Л. Громозовой о тюремной службе Г. Гапона: Ленинградская правда. 1927. 22 января.

[53] «В некоторых местах у офицеров и полицейских народ отбирал оружие. В одном районе на Васильевском острове его взяли в оружейном магазине... Были попытки строить баррикады, в частности на Малом проспекте и 6-й линии. Небольшая группа людей в течение 3-х часов оказывала сопротивление войскам на баррикадах Васильевского острова, устроенных на 4-й линии, напротив дома № 35, у Среднего, а также Малого проспектов. При этом люди везде сохраняли порядок и не допускали никаких бесчинств: сами рабочие, как подчеркивал Гапон, “хватали и прогоняли” хулиганов и громил» // *Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. С. 123–124.

[54] **Кондорсе Марк-Жан-Антуан-Никола**, маркиз, де (1743–1794) – маркиз, французский философ-просветитель, математик, социолог. Критиковал религию с позиций деизма. Боролся против сословного разделения в защиту политического равенства. В то же время считал имущественное неравенство полезным для общества. Член французской Академии наук (1769). С 1782 член Французской академии. В 1785 занял пост непременного секретаря Академии наук (фактически выполняя его обязанности с 1773). В 1791 избран в Законодательное собрание. В Конвенте примыкал к жирондистам. Правительство М. Робеспьера обвинило Кондорсе в заговоре и заочно приговорило его к смертной казни. Некоторое время скрывался, весной 1794 арестован, в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

[55] Находясь в тюрьме, Кондорсе написал работу «Esquisse d'un tableau historique des progrés de l'esprit humain» («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума») (1794), в которой развивал взгляд на историю как на продукт разума, провозглашал буржуазный строй вершиной разумности и «естественности». Делил историю на 10 эпох, обосновывал идею бесконечного прогресса капиталистического строя.

[56] **Тихомиров Николай Львович** – младший сын Л.А. Тихомирова и Е.Д. Тихомировой. Репрессирован в 1920-е (по одной версии, был расстрелян в 1920, по другой – скончался от болезни).

[57] **Тихомирова Екатерина Дмитриевна** (? – 1930-е) – жена Л.А. Тихомирова. Урожденная Сергеева. Проживала в Орле, училась на фельдшерских курсах. До переезда в Петербург принадлежала к орловскому «якобинскому» кружку П.Г. Заичневского. На Воронежском съезде была принята в «Землю и Волю», после раскола вошла в состав Исполнительного Комитета «Народной Воли». В 1880 обвенчалась с Л.А. Тихомировым.

[58] **«Московский листок»** – ежедневная газета. Издавалась Н.И. Пастуховым с 1881. Тираж доходил до 40 000 экземпляров. Часть публикаций носила бульварный характер.

[59] **«Новости дня»** – деловая ежедневная политическая и литературная газета, выходившая в Москве в 1883–1906. В 1905–1906 поддерживала кадетов.

[60] **«Русский листок»** – ежедневная газета. Издавалась с 1890 в Москве. Первым издателем был В. Миллер, в 1896 к нему присоединился сотрудник «Московских ведомостей» К.П. Цветков. В 1897 Цветков, а затем Миллер вышли из числа издателей, и их место занял Н.Л. Казецкий, бывший редактором газеты.

[61] **Казецкий Николай Львович** (1860 – после 1917) – журналист, редактор-издатель газеты «Русский листок». Гласный Московской городской думы, председатель городской ревизионной комиссии. Состоял в «Литературном обществе» (исключен по идеологическим мотивам).

[62] **Новиков** – сотрудник газеты «Московские ведомости».

[63] **Грингмут Дмитрий Андреевич** (1852–?) – младший брат В.А. Грингмута. Управляющий Киевской страховой транспортной компанией. Затем, заведующий редакцией «Московских ведомостей» и университетской типографией, где печаталась газета.

[64] **Метранпаж** (от франц. *metteur en pages* – верстающий в страницы) – старший наборщик или руководитель группы наборщиков в типографии, верстающий полосы (страницы) набора или контролирующий эту операцию.

[65] **Степанов** – руководитель группы наборщиков в типографии, где выпускались «Московские ведомости».

[66] «14 января в “Правительственном Вестнике” публикуется сообщение, в котором говорилось, что беспорядки в Петербурге организованы на деньги англо-японского союза, ассигновавшего на эти цели 18 миллионов рублей» // *Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. С. 140. О японских деньгах и Первой русской революции см. также: *Павлов Д.Б.* Японские деньги и первая русская революция. М., 2011 (на обложке и колонтитулах у книги иное название – «Японские деньги для первой русской революции»).

[67] **Куропаткин Алексей Николаевич** (1848–1925) – военный и государственный деятель. Генерал-адъютант (1902), генерал от инфантерии (1900), военный министр (1898–1904). В русско-японскую войну 1904–1905 командовал войсками в Маньчжурии, потерпел поражение под Ляояном и Мукденом. В Первую мировую войну командующий армией и Северным фронтом (в 1916). В 1916–1917 туркестанский генерал-губернатор, руководил подавлением Среднеазиатского восстания 1916. После октября 1917 на преподавательской работе. Автор военно-исторических и военно-географических работ.

[68] **Коковцов Владимир Николаевич** (1853–1943) – государственный и общественный деятель, граф. Окончил 2-ю Петербургскую гимназию (1866) и Императорский Александровский лицей (1872, с большой золотой медалью). Министр финансов (1904–1914), председатель Совета министров (1911–1914). После Февральской революции арестован, но вскоре отпущен с охранным свидетельством от Государственной думы. В ноябре 1918 вместе с женой перешел финскую границу и 23 декабря того же года прибыл в Лондон, затем переехал в Париж. С 1920 – председатель правления Лицейского объединения во Франции. С 1929 – председатель Комитета русских общественных организаций.

[69] «13 января на улицах Петербурга расклеивалось объявление-воззвание к рабочим, подписанное министром финансов В. Коковцевым и столичным генерал-губернатором свиты его величества генерал-майором Д. Треповым. Они извещали всех по повелению государя о происшедших событиях. В объявлении говорилось, что рабочие были обманом увлечены неблагонамеренными лицами “на ложный путь”, последствием чего “были многочисленные нарушения порядка в столице и неизбежное в таких случаях вмешательство вооруженной силы”. Далее в нем подчеркивалось, что “именем рабочих заявлены требования, ничего общего с их нуждами не имеющие”, что необходимо вернуться к работе и не обрекать “на нищету самих себя, своих жен и детей”, что нужды трудящихся “близки сердцу императора, так же, как и нужды всех его верных подданных”, и они будут рассмотрены. В этой связи говорилось, что царь повелел разработать вопрос о страховании, что Министерство финансов “готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени и таких мерах, которые дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своих нуждах”. “Пусть знают также рабочие фабрик, заводов

и других промышленных заведений, – говорилось в заключении обращения, – что, вернувшись к труду, они могут рассчитывать на защиту правительством неприкосновенности их самих, семейств их и домашнего их очага. Правительство оградит тех, кто желает трудиться, от преступного посягательства на свободу их труда злонамеренных людей, громко взывающих к свободе, но понимающих ее только, как свое право не допускать путем насилия до работы своих же товарищей, готовых вернуться к мирному труду[”]. Трепов распорядился это сообщение распространить на предприятиях во множестве экземпляров. Газеты опубликуют его 15 января» // *Ксенофонтов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. С. 139–140.

70 **Иван IV Васильевич Грозный** (1530–1584) – Великий князь «всея Руси» с 1533, первый русский царь с 1547.

71 **Нольде Александр Эммануилович** – барон, юрист, помощник статс-секретаря Государственного совета. Секретарь редакции «Московских ведомостей». В 1907 и 1912 (несколько месяцев) – редактор «Московских ведомостей».

72 **Грингмут Любовь Дмитриевна** (урожденная **Змиева**) – дворянка Рязанской губернии, жена В.А. Грингмута. Венчание состоялось 2 июля 1875 в церкви святого Георгия Победоносца, что на Всполье в Москве. См. о ней: Владимир Андреевич Грингмут. Очерк его жизни и деятельности. М., 1913. С. 24. «После смерти Грингмута, газету издавала его вдова Л. Грингмут, которую в начале 1908 сменил А.С. Будилович». См.: *Богданов В.П.* «Московские ведомости» // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 456.

73 **Грингмут Владимир Андреевич** (1851–1907) – писатель, публицист, общественный и политический деятель. Родился в семье доктора философии, получил домашнее образование. С 1866 по 1870 слушал лекции в Московском университете. Занимался педагогической деятельностью и литературным трудом. С декабря 1896 по 1907 – редактор-издатель «Московских ведомостей». В апреле 1905 был создателем одной из первых монархических партий – «Русского (Московского) монархического союза». Стал председателем Союза. Был одним из организаторов Всероссийских съездов русских людей. Подробнее см.: *Репников А.В.* Грингмут В.А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 133–137; *Пшегорский А.С.* Политические взгляды Владимира Андреевича Грингмута. Автореферат диссертации ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009.

74 **Тихомиров Александр Львович** (1882–1955) – иеромонах **Тихон** (1907), сын Л.А. Тихомирова и Е.Д. Тихомировой. В детстве перенес тяжелое заболевание (менингит). В 1889 был крещен (крестным отцом стал поручик и инженер Б.Д. Саблин, крестной матерью заочно стала О.А. Новикова). В 1902 поступил в Московскую духовную академию

(закончил в 1906 со степенью кандидата богословия). Назначен преподавателем Новгородской семинарии. В 1907 назначен помощником синодального ризничего. С 1908 до 1913 был преподавателем, а затем инспектором Вифанской духовной семинарии. Пострижен в монашество; архимандрит (впоследствии епископ), ректор Новгородской духовной семинарии (1913), викарий Новгородской епархии, епископ Череповецкий (1920), Кирилловский (1924). Критиковал обновленчество, из-за чего был вынужден покинуть Кириллов и перебраться в Нило-Сорскую пустынь. После закрытия последней жил в местечке Сорове в доме священника. Подвергся репрессиям. Провел три года (1927–1930) в лагерях, работая на лесозаготовках. Вернулся инвалидом и был уволен на покой по состоянию здоровья. После возвращения некоторое время жил у сестер и матери в Сергиевом Посаде, затем уехал в Ярославль. Многие годы провел в затворе в Ярославле, где и скончался 26 марта 1955. Подробнее см.: *Фудель С.И.* Собрание сочинений в 3-х томах. М., 2001. Т. 1. С. 61, 117, 535, 551, 552; *Трофимов А.А.* Епископ Тихон (Тихомиров) // Новая книга России. 2001. № 4; Епископ Тихон (Тихомиров), составитель акафиста святым Косме и Дамиану Асийским // Святые бессребреники и чудотворцы Косма и Дамиан. Жития и акафист. М., 2003.

75 **Голицын Владимир Михайлович** (1847–1932) – Московский городской голова, действительный статский советник, камергер. Подробнее см.: *Нестеров И.А.* Московский городской голова князь Владимир Михайлович Голицын (1897–1905). Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2013.

76 **Глоба-Михаленко (Михайленко) Василий Георгиевич** (?–1924) – профессор математики. Член Русской монархической партии. После революции эмигрировал.

77 Речь идет о В.М. Гессене. **Гессен Владимир Матвеевич** (1868–1920) – общественный деятель либеральной направленности, правовед. Окончил юридический факультет Новороссийского университета и получил звание приват-доцента. Преподавал государственное и административное право в Петербургском университете, Политехническом университете и на Высших женских курсах. Являлся одним из редакторов и издателей наиболее известных правовых журналов – «Право» и «Вестник права». Один из деятелей Конституционно-демократической партии, депутат II Государственной думы. Подробнее см.: *Медушевский А.Н.* Гессен В.М. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 107–109.

78 **Пешехонов Алексей Васильевич** (1867–1933). Родился в семье священника. Учился в Тверской духовной семинарии, но в 1884 исключен из нее как «неблагонадежный». Работал статистиком. С 1899 сотрудничал с редакцией журнала «Русское богатство». Один из основателей партии народных социалистов, автор ее программы и член редакции ее печатного органа «Народно-социалистическое обозрение». После Февральской революции – член Исполкома

Петроградского Совета РСД, Совета Главного земельного комитета. С мая по август министр продовольствия Временного правительства. С июня 1917 после слияния народных социалистов с трудовиками член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, издатель ее газеты «Народное слово». В октябре – товарищ председателя Предпарламента. После Октябрьской революции был представителем «Союза возрождения России» в Добровольческой армии. В 1922 выслан правительством Советской России за границу. Подробнее см.: *Протасова О.Л.* Пешехонов А.В. // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев, отв. секр. А.В. Репников. М., 2013. С. 398–402.

79 **Горький Максим (Пешков Алексей Максимович)** (1868–1936) – писатель. Участник революции 1905–1907. Осенью 1905 вступил в РСДРП (в 1917 формально выбыл из партии). С 1906 жил за границей. Был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП. Приобрел огромную известность как писатель. В конце 1913 вернулся в Россию. Во время Первой мировой войны – интернационалист. Восторженно принял Февральскую революцию. Был председателем Комиссии по вопросам искусства при исполкоме Петроградского Совета рабочих депутатов. Входил в ряд научно-просветительских обществ. Основал газету «Новая жизнь» (выходила в Петрограде с 18 апреля 1917). Вел активную антивоенную пропаганду. После Октябрьской революции встал в оппозицию к большевикам, что вызвало резкую критику со стороны советской власти. В июле 1918 «Новая жизнь» была окончательно закрыта с согласия В.И. Ленина. Впоследствии, пересмотрев свои взгляды, сблизился с большевиками. В декабре 1918 избран в состав Петроградского Совета (вновь избран в 1920), вел общественную работу. В октябре 1921 из-за ухудшения здоровья выехал на лечение за границу. В 1928 посетил родину и с тех пор ежегодно (кроме 1931) приезжал в СССР. В 1933 окончательно переселился в СССР.

80 **Мертваго Александр Петрович** (1856 – после 1905) – публицист, экономист, специалист по сельскому хозяйству. Ученик и почитатель А.Н. Энгельгардта. Изучал практическое земледелие, публикуя свои опыты в периодических изданиях. Предпринял попытку собрать имеющиеся в литературе статистические данные о количестве земли во всей России и ее хозяйственном употреблении.

81 В 1894–1905 А.П. Мертваго редактировал сельскохозяйственный журнал «Хозяин».

82 **Кедрин Евгений Иванович** (1851–1921) – общественный деятель, адвокат. В 1872 окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1877 присяжный поверенный округа Петербургской судебной палаты. Участвовал в процессах «193-х», «Первомартовцев», «20-ти». Был связан с народовольцами. С 1889 член Петербургской городской думы. С 1905 член кадетской партии. В 1906 – депутат I Государственной думы. С 1913 один

из издателей газеты «День». С 1919 в эмиграции. Жил в Финляндии, затем в Париже.

83 **Струве Петр Бернгардович** (1870–1944) – общественный и политический деятель. В 1895 экстерном окончил юридический факультет Петербургского университета, приват-доцент. В 1890-е лидер «легального марксизма». В 1896 участвовал в работе 4 конгресса II Интернационала в Лондоне. В 1898 под его редакцией опубликован 1-й том «Капитала» К. Маркса на русском языке. По предложению члена ЦК РСДРП С.И. Радченко составил «Манифест Российской социал-демократической партии». В 1901 нелегально выехал за границу, в 1902–1905 издавал журнал «Освобождение». Постепенно перешел на либеральные позиции. Член кадетской партии, с 1906 член ее ЦК. Летом 1906 выступил против принятия партией Выборгского воззвания. Депутат II Государственной думы. Возглавлял думскую комиссию по рабочему вопросу. С конца 1906 до 1918 редактор журнала «Русская мысль». В 1909 участвовал в издании сборника «Вехи», после чего отошел от кадетской партии. Вышел из состава ЦК партии в 1915. Февральскую революцию воспринял с воодушевлением. Участвовал в создании патриотической организации «Лига русской культуры». Член Временного совета Российской республики (Предпарламента). В начале 1918 выступил инициатором издания сборника «Из глубины». В годы Гражданской войны член «Особого совещания» при генерале А.И. Деникине; с апреля 1920 начальник Управления внешних сношений правительства генерала П.Н. Врангеля. В 1921 эмигрировал. Продолжал активную издательскую и исследовательскую деятельность. Участвовал в политических и религиозных организациях. В 1930-е отошел от политической деятельности. Занимался преподавательской работой. В 1941 по доносу арестован нацистами и подвергнут тюремному заключению. В последние годы жизни работал над трудами «Система критической философии» и «Социально-экономическая история России». Подробнее см.: *Акульшин П.В., Гребенкин И.Н.* Струве П.Б. // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 528–530.

84 **Щепкин Николай Николаевич** (1854–1919) – домовладелец, активный деятель кадетской партии, член ее ЦК. Гласный Московской городской думы и губернского земского собрания, депутат III и IV Государственной думы. Во время Первой мировой войны член комитета Союза городов. После Октябрьской революции участвовал в борьбе против советской власти. Был расстрелян по приговору ВЧК.

85 **Гучков Николай Иванович** (1860–1935) – общественный и политический деятель, предприниматель. Брат А.И. Гучкова. Входил в правления ряда акционерных обществ, в советы нескольких банков. Член «Союза земцев-конституционалистов», один из создателей и член ЦК Союза 17 октября (1905). В 1905–1913 – московский городской голова, способствовал благоустройству города. Был женат на дочери П.П. Боткина, являясь одним из директоров чаеторговой фирмы «Петр

Боткин и сыновья» и Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных, членом торгового дома «Гучкова Еф. Сыновья». Создатель и глава московского Славянского комитета (1912), Русско-Карпатского общества (1913). После октября 1917 участник Белого движения. С 1920 в эмиграции.

86 **Муромцев Сергей Андреевич** (1850–1910) – юрист, публицист, профессор Московского университета (1877–1884). Редактор журнала «Юридический вестник» (1879–1892). В 1890–1905 товарищ председателя Совета присяжных поверенных Московского округа. Участник земских съездов (1904–1905). Один из создателей Конституционно-демократической партии (1905), член ее ЦК. Председатель I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание, за что был приговорен к 3 месяцам заключения. С 1906 профессор Московского университета по кафедре гражданского права, в 1908–1910 лектор Университета Шанявского. Подробнее см.: *Томсинов В.А., Рыженко Г.Н.* Муромцев С.А. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 480–482.

87 **Пржевальский Владимир Владимирович** (1869–1919) – юрист, присяжный поверенный, статский советник. Юрисконсульт крупнейшего по оборотам Московского купеческого общества взаимного кредита, председатель наблюдательного комитета Московского городского кредитного общества. Гласный Московского губернского земского собрания, гласный Московской городской думы (1901–1917). Один из лидеров прогрессистов.

88 **Челноков Михаил Васильевич** (1863–1935) – политический деятель. Окончил Лазаревский институт восточных языков, с 1889 гласный Московской городской думы и губернского земского собрания. С 1890 председатель Московской уездной управы, в 1894–1906 член Московской губернской земской управы. Депутат II–IV Государственной думы; секретарь II Думы. Член кадетской партии, лидер Всероссийского союза городов.

89 М.В. Челноков был владельцем кирпичных заводов и домовладельцем.

90 **Астров Николай Иванович** (1868–1934) – общественный и политический деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1892). С 1890-х работал в органах московского городского самоуправления. В 1903 избран гласным Городской думы. Член кадетской партии и ее московского городского комитета. В Городской думе в 1913–1916 председатель Комитета прогрессивной группы гласных. В годы Первой мировой войны – член Главного Комитета Всероссийского союза городов. С 1916 член ЦК партии кадетов. После Февральской революции товарищ комиссара Временного правительства в Москве. В конце марта – конце июня московский городской глава. После Октябрьской революции эмигрировал.

91 **Морозов Савва Тимофеевич** (1862–1905) – промышленник и меценат. Из рода текстильных предпринимателей Морозовых. По образованию химик. Финансировал создание Московского Художественного театра. Сочувствовал и помогал революционерам, оказывая финансовую поддержку. По рекомендации врачей-невропатологов уехал за границу. Покончил жизнь самоубийством.

92 **Рябушинский Павел Павлович** (1871–1924) – промышленник, политический деятель. Из старообрядческой семьи. Окончил Московскую Практическую академию коммерческих наук (1890). С 1902 совладелец банкирского дома «Братья Рябушинские» и председатель совета организованного на его основе Московского банка (с 1912). С 1906 старшина (с 1915 председатель) Московского биржевого комитета, член Совета съездов представителей промышленности и торговли. С 1905 член ЦК «Союза 17 октября», в октябре 1906 перешел в Партию «мирного обновления». В 1912 один из инициаторов создания партии прогрессистов, член ЦК и председатель ее Московского комитета. Издавал газеты «Утро» (1907) и «Утро России» (1907, 1908–1917). С июня 1915 председатель Московского Военно-промышленного комитета. Был избран в Государственный Совет. В Февральскую революцию один из инициаторов создания московского Комитета общественных организаций. Поддержал идею военной диктатуры, после краха корниловского выступления отошел от политики. Эмигрировал во Францию.

93 **Четвериков Сергей Иванович** (1855–1929) – промышленник. Владелец Городищенской суконно-красильной фабрики в Московской губернии. После смерти своего родственника, городского головы Н.А. Алексеева, занял его место в правлениях товариществ «Владимир Алексеев» и Даниловской камвольной прядильни (председатель правления). Один из лидеров прогрессистов. Эмигрировал.

94 **Булыгин Александр Григорьевич** (1851–1919) – государственный деятель. Чиновник для особых поручений при саратовском губернаторе (1873), гласный петровского уездного и саратовского губернского земства; инспектор Главного тюремного управления Министерства внутренних дел (1879); вице-губернатор в Тамбове (1886), калужский (1888), московский губернатор (1893), помощник (1902–1904) и ближайший сподвижник московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича. 1 января 1905 с оставлением Великим князем Сергеем Александровичем поста генерал-губернатора был отставлен от должности его помощника и назначен членом Государственного Совета (1905–1917); министр внутренних дел (1905); статс-секретарь (1913). После Февральской революции 1917 уехал в свое рязанское имение. В 1919 арестован ГубЧК и расстрелян.

95 **Муравьев Николай Валерианович** (1850–1908) – действительный статский советник (1884), тайный советник (1891), действительный тайный советник (1901). Криминалист. Прокурор Петербургской (1882) и Мо-

сковской (1884) судебных палат, обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената (1891), государственный секретарь (1892), министр юстиции (1 января 1894 – 14 января 1905), посол в Италии (1905).

96 **Зверев Николай Андреевич** (1850–1917) – общественно-политический деятель, юрист, профессор Московского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права. 17 марта 1898 назначен ректором Московского университета, но уже 6 июля того же года переведен на должность товарища министра народного просвещения (до 1901). В 1902–1904 начальник Главного управления по делам печати. За консервативную политику в этой области подвергался критике и был уволен от этой должности по собственному прошению. С осени 1908 профессор Императорского училища правоведения. Один из членов-учредителей Русского окраинного общества (1908). С 1909 – член Государственного совета по назначению. В 1910–1912 – член Совета Русского собрания. Подробнее см.: *Ремарчук В.В.* Зверев Н.А. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 248–250.

97 **Тернавцев Валентин Александрович** (1866–1940) – религиозный деятель, публицист. Учился в Харьковском университете (1884–1890), где был оставлен при юридическом факультете для подготовки к профессуре. Обратившись к религии, переехал в столицу, где поступил вольнослушателем в Петербургскую духовную академию. Некоторое время исполнял обязанности секретаря при митрополите Антонии (Вадковском). Стал одним из организаторов Религиозно-философских собраний (1901–1903). Пользовался уважением в кругах столичной интеллигенции и в религиозной среде. П.П. Перцов, сравнивая влияние Д.С. Мережковского и В.А. Тернавцева, отмечал: «Гораздо популярнее, особенно в церковных кругах, был... В.А. Тернавцев, производивший своей искренностью и глубокой верой в свои слова временами огромное впечатление» // *Перцов П.П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 / вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 2002. С. 232. В 1906 Тернавцев был причислен к канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода с обязанностями чиновника по особым поручениям по отделу образования. В 1911 получил должность чиновника особых поручений при обер-прокуроре Синода. В 1913 – чин коллежского советника. В 1915 назначен управляющим Петроградской Синодальной типографии. В 1916 – статский советник. В марте 1917 арестован, но вскоре освобожден. Жил в Крыму, затем в Москве. В ноябре 1923 выслан в административную ссылку в Тобольск, откуда в мае 1925 – в Сургут. В 1926 вернулся из ссылки. Жил в Серпухове, занимаясь преподавательской работой. Как и Л.А. Тихомиров, В.А. Тернавцев долгие годы изучал и пытался толковать Апокалипсис, выступая с чтением отдельных глав своего исследования и написав объемный труд «Толкование на Апокалипсис Иоанна Богослова»,

оставшийся неопубликованным. Оказал влияние на сына И.И. Фуделя – С.И. Фуделя.

98 **Шпор И.К**. – книготорговец, организатор подписных кампаний в «Московских ведомостях».

99 Имеется в виду воздух в типографии.

100 **Тихомирова Надежда Львовна** (1880–?) – дочь Л.А. Тихомирова и Е.Д. Тихомировой. После смерти отца жила в Загорске. Подробнее см.: *Фудель С.И.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 2001. Т. 1. С. 357, 592.

101 **Тихомирова Вера Львовна** (1880–?) – дочь Л.А. Тихомирова и Е.Д. Тихомировой. Работала в Мариинском убежище для бывших сестер милосердия Российского общества Красного Креста в Сергиевом Посаде, созданном при покровительстве Великой княгини Елизаветы Федоровны. Публиковала статьи в московских газетах о православной миссии в Японии и Китае.

102 **Маркграф Мария Александровна** (? – после 1911) – сестра Л.А. Тихомирова. Проживала в Новороссийском округе, где имела земельное владение.

103 **Новоселов Михаил Александрович** (1864–1938) – духовный писатель, издатель и публицист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В юные годы – последователь религиозных взглядов Л.Н. Толстого (до 1901), под влиянием которого начал преподавать в сельской школе. В 1888 создал одну из первых толстовских земледельческих общин. Печатался в «Миссионерском обозрении» и «Церковных ведомостях». Участвовал в религиозно-философских собраниях 1902–1903 в Петербурге. Издатель «Религиозно-философской библиотеки» (1902–1917) и «Листков Религиозно-философской библиотеки». Тесно общался с Л.А. Тихомировым. Подверг критике Г.Е. Распутина (его оценки сходились с позицией Тихомирова и в этом отношении можно говорить об определенном взаимовлиянии). В 1910 напечатал в «Московских ведомостях» несколько статей о Распутине (№ 49 – «Духовный гастролер Григорий Распутин», № 72 – «Еще нечто о Григории Распутине» и др.). Был автором брошюры «Григорий Распутин и мистическое распутство» (М., 1912), которая, несмотря на запрещение и конфискованный тираж, была размножена и широко ходила по рукам (впоследствии В.Д. Бонч-Бруевич отзывался о ней крайне негативно, полагая, что многое из сообщенного в брошюре было ложью). Основатель и руководитель «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви» (организован в 1907), в котором принимали участие о. Иосиф Фудель, о. Павел Флоренский, С.Н. Булгаков, В.А. Кожевников, Ф.Д. Самарин и др. Был арестован 12 августа 1922 и до 19 марта 1923 находился под арестом. С 1923 и до ареста в 1929 жил на нелегальном положении, продолжал свою литературную деятельность. По некоторым данным, в 1920 тайно принял монашеский постриг с именем Марк, а в 1923 в Даниловом монастыре тайно

был хиротонисан во епископа Сергиевского и стал деятельным членом «катакомбной» церкви. Один из духовных руководителей движения «непоминающих», прекративших молитвенное общение с заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) после опубликования последним в 1927 «Декларации» о лояльности Церкви к советской власти. Был арестован в 1929 в Ярославле как один из организаторов и идеологов оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Приговорен к 8 годам заключения, но 7 февраля 1937 был обвинен в «контрреволюционной деятельности», и срок заключения был увеличен. Отбывал заключение в одиночке Ярославского политизолятора. 17 января 1938 приговорен к расстрелу в Вологодской тюрьме. Расстрелян. Канонизирован Юбилейным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000. Подробнее см.: *Новоселов М.А.* Полицейско-врачебный протокол и христианские добродетели. СПб., 1904; *он же.* В тихой пристани. (Посвящается братии Зосимовой пустыни). Сергиев Посад, 1911; *он же.* Письма к друзьям. М., 1994; Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998; Переписка священника П.А. Флоренского со священником С.Н. Булгаковым: Архив священника П.А. Флоренского. Вып. 4. Томск, 2001; *Панов А.В., Половинкин С.М.* Новоселов М.А. // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 353–354.

104 **Шарапов Сергей Федорович** (1855–1911) – писатель, публицист, правый общественный деятель. Учился в Николаевском инженерном училище в Петербурге (в 1874 вышел, не кончив курса по причине болезни матери). В 1875–1876 во время восстания в Боснии и Герцеговине добровольцем участвовал в боях, затем в качестве корреспондента газеты «Новое время» работал за границей. После возвращения в Россию (1878) вышел в отставку и занялся сельским хозяйством. Получил известность как изобретатель плугов новой системы, которые с успехом экспонировались на многих выставках, и основатель мастерской этих плугов (1878), расположенной в его имении. Основал акционерное общество «Пахарь». Являлся одним из учредителей и руководителей (с 1905) Союза Русских Людей, входил в состав его Исполнительного Совета. Неоднократно выступал с докладами в Русском Собрании, вместе с тем подчеркивая свою обособленность от монархических организаций. С 1881 сотрудничал в газете «Русь» И.С. Аксакова, публиковался в изданиях: «Новое время», «Промышленный мир» и других консервативных органах печати. Издавал и редактировал газету «Русское дело», которая была закрыта за критику правительства; еженедельную газету «Русский труд», сельскохозяйственный журнал «Пахарь», «Русскую беседу». Подробнее см.: *Репников А.В., Соловьев К.А.* Шарапов С.Ф. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 572–577; *Конягин М.Ю.* Шарапов С.Ф.: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX – начало XX века. Дис-

сертация ... канд. ист. наук. М., 1995; *Кирютина Т.М.* Проблемы развития русской литературы и журналистики конца XIX – начала XX в. С.Ф. Шарапов. Диссертация ... канд. ист. наук. Смоленск, 2001.

[105] **Алехин Аркадий Васильевич** (1854–1918) – общественный деятель. Учился в Петровской сельскохозяйственной академии; примыкал к народникам, затем стал последователем учения Л.Н. Толстого. Организатор сельскохозяйственных коммун. Весной 1888 вместе со своими братьями Митрофаном и Алексеем организовал земледельческую общину близ с. Успенского (Шевелево) (Дорогобужский уезд Смоленской губернии), которая просуществовала около двух лет. Отказавшись от толстовства, вернулся в православие. Был городским головой в Курске. В конце жизни присоединился к баптистам.

[106] **Петровский Алексей Сергеевич** (1881–1959) – литературовед, переводчик, библиограф. Сын С.А. Петровского и Е.С. Петровской. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Учился в Московской духовной академии. 1 января 1907 определен сверхштатным чиновником при библиотеке Румянцевского музея (по другим сведениям, с 15 мая 1907). С 1 сентября 1907 – регистратор библиотеки. С марта 1910 до марта 1911 не работал в библиотеке ввиду несогласия с директором И.В. Цветаевым. С 1 марта заведующий читальным залом, младший помощник библиотекаря. Позже – заведующий отделом каталога, отделом естественных наук библиотеки, научным отделом педагогики, психологии, философии, истории религий, отделом комплектования. Изучал постановку библиотечного дела и каталогизации за границей. После Октябрьской революции 1917 неоднократно участвовал в осмотре, отборе и вывозе книжных собраний в Румянцевский музей. В 1920-х разработал каталогическую инструкцию по примеру зарубежных библиотек. В 1924 арестован, но после ходатайства 124 сотрудников библиотеки в ОГПУ, освобожден. Продолжал работать в библиотеке. В 1931 репрессирован, в 1933 вернулся в Москву. Работал в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина в 1943–1955 главным библиотекарем отдела комплектования. Занимался переводами (знал французский, немецкий, английский, итальянский языки). Разрабатывал методическую литературу по библиотечному делу.

[107] **Исидор (Колоколов Петр Александрович)** (1866–1918) – церковный и общественный деятель. С 1900 настоятель Московского Златоустовского монастыря. С 4 ноября 1903 епископ Балахинский, викарий Нижегородской епархии. В Нижнем Новгороде принял активное участие в создании монархических организаций, был одним из организаторов Союза «Белое знамя» (освятил хоругвь союза). 10 ноября 1906 переведен в Рязанскую епархию, епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии. В 1910–1911 подвергнут в печати тяжелым обвинениям и с 1911 на покое. С 1916 назначен управляющим, на правах настоятеля, Тюменским Свято-Троицким монастырем. Благодаря поддержке Г.Е. Распутина познакомился

с императрицей и императором. По желанию императрицы совершил заупокойную литургию и отпевание Г.Е. Распутина в Чесменской богадельне. После февраля 1917 удален на покой. В 1918 арестован Уральской ЧК в Вятке, приговорен к расстрелу и расстрелян. По другим данным, был зверски убит в Самаре.

108 **«Московские ведомости»** – одна из старейших российских газет, до 1909 издание Московского университета (печаталась в Университетской типографии), выходила в Москве с 26 апреля 1756 до 27 октября 1917, до 1842 два раза, до 1859 – три раза в неделю, затем ежедневно. Редакторы: в 1875–1887 М.Н. Катков; в 1887–1896 С.А. Петровский; в 1896–1907 В.А. Грингмут; в 1907 и 1912 (несколько месяцев) барон А.Э. Нольде; в 1908–1909 А.С. Будилович; в 1909–1913 Л.А. Тихомиров; в 1914 Б.В. Назаревский; в 1915–1918 В.В. Назаревский. В 1905 редакция стала центром формирования Русской монархической партии и в последующие годы отражала ее платформу. Направление газеты определяли Грингмут, К.Н. Пасхалов, Н.А. Знаменский, Б.В. Назаревский, Л.А. Тихомиров и др. В годы Первой мировой войны выступали за продолжение войны до победного конца. После ряда поражений армии редакция выступала с жесткой критикой правительства, намекая на существование «прогерманского заговора» в верхах, при этом подчеркивая непричастность монархии к политическому кризису в стране. После Февральской революции газета критиковала действия Временного правительства. Летом 1917 поддержала меры, предложенные генералом Л.Г. Корниловым. 27 октября 1917 закрыта по постановлению Московского ВРК. Подробнее см.: *Исхакова О.А.* «Московские ведомости» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 305–309; *Богданов В.П.* «Московские ведомости» // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 455–457.

109 **Будберг Андрей-Эбергард-Рейнгольд Романович** (1851–1918) – выпускник Николаевского кавалерийского училища (1873). В службе с 1873. Командир эскадрона лейб-гвардии Уланского полка. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Корнет (1873), поручик (1876), штабс-ротмистр (1880), ротмистр (1886), полковник (1893), генерал-майор (1904). Исполняющий должность участкового пристава, полицмейстер московской полиции (со 2 февраля 1895). За «служебные упущения, обнаруженные при несчастном событии на Ходынском поле», получил строгий выговор (1896). Обвинен в бездеятельности во время антинемецких погромов в мае 1915. В 1918 молва прочила его на должность градоначальника немецкого оккупационного правительства.

110 Установить автора письма не удалось.

111 10 февраля 1905 Л.А. Тихомиров писал А.С. Суворину: «Прекрасно вы пишете о забастовках. Превосходно. Я даже пропагандирую Вас. Но беда в том, что ведь всему виной это “начальство”, дошедшее до самой подлой

трусости. Ведь это его обязанность оградить свободу науки и труда. Нужно, чтобы ваши корреспонденты писали не только в газету, а также самим властям и также бы надавливали на них, как надавливают нигилисты. С ними иначе не поправишь дела. Нигилисты им дают в морду, наклоняя налево, – надо бить в ту же морду, но только наклоняя вправо. Тогда начальство выпрямится и будет стоять твердо и прямо», см.: *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. 1928. № 12. С. 5.

112 **Романов Константин Константинович** (1858–1915) – великий князь, внук императора Николая I. Генерал-майор (1894), назначен в Свиту императора (1898). Генерал от инфантерии по гвардейской пехоте (1907), генерал-адъютант свиты императора (1901). Президент Российской академии наук (1889–1915). В 1900–1910 – главный начальник военно-учебных заведений; с 1910 – генерал-инспектор военно-учебных заведений. Поэт, драматург, переводчик. Литературный псевдоним «К.Р.».

113 **Романов Павел Александрович** (1860–1919) – великий князь, младший сын императора Александра II, генерал от кавалерии. С 4 июня 1889 состоял в первом браке с греческой принцессой Александрой Георгиевной. Дети: Мария и Дмитрий. В морганатическом браке с О.В. Пистолькорс (позднее получившей титул кн. Палей). Жил за границей. Летом 1918 арестован и в конце 1919 расстрелян. Его сын В.К. Палей (унаследовавший фамилию и титул матери) убит вместе с другими князьями Романовыми в ночь с 17 на 18 июля под Алапаевском.

114 **Киреев Александр Алексеевич** (1833–1910) – генерал-майор (1878), с 1907 – генерал от кавалерии; адъютант Великого князя Константина Николаевича, историк славянофильства, консервативный публицист. Сотрудничал в «Известиях славянского благотворительного общества», газете «Русь», журнале «Богословский вестник». Вел многолетнюю переписку с Тихомировым, на которого пытался оказать влияние в славянофильском духе. После смерти Киреева Тихомиров посвятил ему воспоминания, см.: *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. М., 2000. С. 654–671. Подробнее см.: *Соловьев К.А.* Киреев А.А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 237–239; *Медоваров М.В.* А.А. Киреев в общественно-политической жизни России второй половины XIX – начала XX в. Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2013.

115 Господин и мой дорогой друг (*франц.*).

116 **Романов Михаил Александрович** (1878–1918) – великий князь, брат Николая II. Генерал-адъютант, генерал-лейтенант, член Государственного совета. Во время Первой мировой войны командир Кавказской туземной конной дивизии, 2-го кавалерийского корпуса, позднее генерал-инспектор кавалерии. В марте 1917, после отречения Николая II в его пользу также отказался от прав на престол, оставив вопрос о власти на рассмотрение Учредительного собрания. В дни корниловского выступления был подвергнут аресту

Временным правительством. Арестован Петроградским Военно-революционным комитетом в октябре 1917. По постановлению Совнаркома в марте 1918 был выслан из Гатчины в Пермь. Убит вместе с личным секретарем Н.Н. Джонсоном в ночь с 12 на 13 июня 1918 в окрестностях Перми. См.: Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания / сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996.

117 Высший свет (*франц.*).

118 **Монк Джордж, герцог Альбемарль** (1608–1670) – английский полководец и адмирал. Первоначально был роялистом, потом перешел на сторону Кромвеля. Впоследствии способствовал реставрации короля Карла II Стюарта.

119 Нам нужен Монк. Давайте искать генерала Монка (*франц.*).

120 Конец России (*лат.*).

121 Можно полагать, что А.А. Киреев увидел в некоторых главах работы Тихомирова результат именно *своей* агитации и воплощение своих идей. Киреева более всего привлекла в тихомировской «Монархической государственности» мысль о народном представительстве, которую он интерпретировал в духе своей идеи о Земском соборе. Впрочем, претендующего на оригинальность Тихомирова именно это и раздражало. Ведь он полагал, что создал нечто новое, доселе невиданное (отчасти, так и было), а «наставники» и «соратники» видели в «Монархической государственности» или результат своего влияния, или же некий катехизис.

122 **Толстой Лев Николаевич** (1828–1910) – граф, русский писатель, член-корреспондент (1873), почетный академик (1900) Петербургской АН.

123 Дневниковые тексты Тихомирова содержат большое количество прямых и скрытых евангельских цитат, фрагментов молитв и проч. Их комментирование не входило в задачу настоящего издания.

124 **Маркграф Отто Васильевич** – вице-инспектор корпуса лесничих; муж сестры Л.А. Тихомирова – М.А. Тихомировой (Маркграф). Подробнее см.: *Троицкая Н.* Повесть о хорошем человеке // Дальневосточный ученый. Владивосток, 2011. 29 июня, № 13/14. С. 13.

125 **Стессель Анатолий Михайлович** (1848–1915) – российский генерал-лейтенант (1901). Участник подавления Ихэтуаньского восстания в Китае. В русско-японскую войну 1904–1905 начальник Квантунского укрепленного района, проявил трусость, сдал Порт-Артур противнику. Приговорен военным судом к смертной казни, но помилован императором Николаем II.

126 Вероятно, **Трубецкой Петр Николаевич** (1858–1911) – общественный и политический деятель, камергер. В 1887–1890 – московский уездный предводитель дворянства. В 1890–1906 – предводитель московского гу-

бернского дворянства. В 1906–1911 член Государственного совета; председатель бюро Группы центра. Убит на дуэли. Сочувствовал либеральным преобразованиям.

[127] **Флоренский Павел Александрович** (1882–1937) – религиозный философ, математик, искусствовед, православный священник (с 1911). В 1900 поступил на физико-математический факультет Московского университета, который окончил в 1904, одновременно слушал лекции на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1904 поступил в Московскую духовную академию. Вспоминал впоследствии, что когда был на первом курсе Академии, весною 1905 вместе с ним в комнате жил «Александр Львович Тихомиров, впоследствии архимандрит Тихон, сын редактора "Московских Ведомостей"», см.: *Флоренский П.А.*, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 300. Окончил академию в 1908; там же преподавал; был профессором (1912–1917). В 1912–1917 возглавлял журнал «Богословский вестник»; в 1914 издал свой главный труд «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи» (М., 1914). В 1918 опубликовал другой фундаментальный труд «У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики)». С середины 1920-х работал большей частью в области электротехники. Арестован в мае 1928 (позднее в том же году освобожден). Вторично арестован в 1933 и осужден на 10 лет. Расстрелян и похоронен в общей могиле («Левашовская пустошь»). Реабилитирован посмертно. «Будучи еще студентом Академии, в 1906 году Флоренский издал под названием "Вопль крови" отдельную брошюру, обличающую бесчеловечный террор реакции. В ней напечатан текст проповеди, сказанной им в академическом храме 12-го марта 1906 года. Вот что он писал: "Волны крови затопляют родину. Тысячами гибнут сыны ее – их вешают, расстреливают, тысячами переполняют тюрьмы. Вернулись времена безбожного царя Иоанна. Под видом "умирения" избиваются мирные крестьяне и рабочие. Людей, не имущих куска хлеба, расстреливает живущий за счет их трудов. Женщин и детей и то не щадят – насилуют, оскорбляют на каждом шагу. Издеваются в безумном озверении... И мы молчим, все молчим, все умываем руки... не водой уже, как Пилат, а кровью, ибо нет теперь воды, не смешанной с кровью, нет воды, которая смыла бы кровь с Руси... Смотри, Русь святая, не оказаться бы тебе позорищем истории!"» // *Волков С.А.* Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма / публ., вступ. ст. и примеч. *А.Л. Никитина.* М., 2000. С. 165. Подробнее см.: Там же. С. 558–559.

[128] **Каптерев Николай Федорович** (1847–1918) – историк, заслуженный (1898) ординарный (1896) профессор (1883) Московской духовной академии по кафедре Древней Гражданской истории, которую читал с 1874 до 1906. В 1896–1905 член Правления Академии, доктор церковной истории (1891). Почетный член МДА с 1905, член-корреспондент Академии наук с

1910. Член IV Государственной думы. Городской староста Сергиева Посада. Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. По материалам архивов, публикаций и официальных изданий. М., 1999. С. 50–52.

129 **Тихомиров Павел Васильевич** (1868 – после 1917) – исполнял должность доцента (1895–1898) в Московской духовной академии по кафедре еврейского языка и библейской археологии. В 1898–1906 – в должности доцента и экстраординарного профессора по кафедре истории философии. Магистр богословия (с 1903). Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. С. 95–96.

130 **Елизавета Федоровна** (1864–1918) – великая княгиня, супруга великого князя Сергея Александровича, убитого террористами. Канонизирована Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 апреля 1992.

131 **Каляев Иван Платонович** (1877–1905) – член Боевой организации эсеров. В 1897–1899 студент Московского и Петербургского университетов. С 1898 член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С 1903 член партии социалистов-революционеров. В 1904 принял участие в подготовке покушения на В.К. Плеве. В 1905 убил великого князя Сергея Александровича. Казнен. Подробнее см.: *Аляева Л.А.* Каляев И.П. // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 190–193.

132 **Суворин Алексей Сергеевич** (1834–1912) – писатель, драматург, журналист, издатель. Окончил Воронежский Михайловский кадетский корпус (1851), Воронежское саперное Константиновское военное училище (1853), по окончании которого уволен в статскую службу в чине коллежского регистратора. В 1856–1859 преподаватель Бобровского уездного, а в 1859–1861 Воронежского уездного училища. С 1858 публикует корреспонденции, рассказы и переводы в столичных и местных изданиях. В 1861 переезжает в Москву и увольняется в отставку в чине губернского секретаря. В 1861–1862 секретарь редакции журнала Е.В. Салиас де Турнемир «Русская речь». В 1863–1874 сотрудник и секретарь редакции «Санкт-Петербургских ведомостей», сотрудничал в «Вестнике Европы», «Отечественных записках», «Русском инвалиде», «Молве», «Биржевых ведомостях». В 1876 вместе с В.И. Лихачевым приобрел газету «Новое время», издателем и фактическим редактором которой Суворин оставался до своей кончины. Подробнее см.: Телохранитель России. А.С. Суворин в воспоминаниях современников. Воронеж, 2001; *Минаков А.Ю.* Суворин А.С. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 499–500; *Санькова С.М.* Два лица «Нового времени». А.С. Суворин и М.О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел, 2011.

[133] **Толстой Лев Львович** (1869–1945) – писатель, публицист и скульптор, сын Л.Н. Толстого. Начинал как последователь своего отца, затем перешел на консервативно-монархические позиции. Эмигрировал.

[134] Возможно, один из учащихся Московской духовной академии Королев Аркадий Дмитриевич или Королев Михаил Ефимович.

[135] Возможно, Веретенников Михаил Григорьевич – один из учащихся Московской духовной академии.

[136] **Стефан (Бех Валерий Степанович)** (1872–1933) – епископ Ижевский. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1897). С 1901 законоучитель церковно-приходской школы. Пострижен в монашество (1903), рукоположен во иеромонаха (1906). Окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1907). Помощник смотрителя Соликамского духовного училища (с 1908), помощник смотрителя Мингрельского духовного училища (с июля 1911), смотритель Бежецкого духовного училища (с 1913), смотритель Каргопольского духовного училища (1915–1918). Иеромонах, затем игумен, архимандрит Александро-Невской лавры (1918–1920). Выступал против обновленчества. С середины 1920-х принадлежал к Катакомбной Церкви, был близок к иосифлянам. Неоднократно репрессировался. Скончался 26 марта 1933 в тюрьме во время следствия, до вынесения приговора.

[137] **Смирнов Сергей Иванович** (1870–?) – писатель, магистр богословия, профессор Московской духовной академии по кафедре истории русской церкви.

[138] **Попов Иван Васильевич** (1867–1938) – богослов. Профессор (1898) кафедры патрологии Московской духовной академии. Приват-доцент Московского университета (1907–1918). Редактор журнала «Богословский вестник». Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918. В 1919–1925 помощник патриарха Тихона. В 1925–1928 находился в Соловецком концлагере. В 1928–1931 в ссылке. Вскоре вновь арестован. В 1931–1938 в тюрьмах и ссылках. Расстрелян в Енисейске 8 февраля 1938.

[139] **Глаголев Сергей Сергеевич** (1865–1937) – сын протоиерея, окончил Московскую духовную академию, магистр богословия (1896). Заслуженный (1917) ординарный (1902) профессор (1896) Московской духовной академии. Член правления академии с 1910. Доктор богословия (1901), вице-президент Всемирного Конгресса религий в Париже (1900). С 1901 профессор Высших женских курсов. В 1920-е преподавал в сергиево-посадских светских учебных заведениях и на богословских академических курсах в Москве. В мае 1928 арестован и в июле выслан в Пензу. В декабре 1928 выслан в Саранск и после освобождения переехал в Вологду. Арестован 5 июня 1937 и 19 сентября того же года приговорен к высшей мере наказания, 10 октября расстрелян.

[140] **Заозерский Николай Александрович** (1851, по другим данным, 1856 – 1919) – церковный историк, богослов, заслуженный (1903), ординарный (1895) профессор Московской духовной академии по кафедре церковного права, которое он преподавал в Московской духовной академии с 1878 по 1911. Доктор церковного права (1895). Член правления Московской духовной академии с 1905. Почетный член Московской духовной академии с 1911. Член Предсоборного присутствия с 1906. Председатель Совета Братства преподобного Сергия (1905–1907). Редактор журнала «Богословский вестник» (1909–1912). Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. С. 42–43.

[141] **Муретов Митрофан Дмитриевич** (1851–?) – богослов, профессор Московской духовной академии. Автор религиозно-философских работ: Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о Логосе. М., 1885; и др. Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. С. 62–64.

[142] **Голубцов Александр Петрович** (1860–1911) – церковный историк, профессор Московской духовной академии по кафедре литургики и церковной археологии. Член правления академии (с 1910), доктор церковной истории (1907). Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. С. 33–34.

[143] **Тареев Михаил Михайлович** (1867–1934) – экстраординарный (1902), ординарный (1905) профессор Московской духовной академии по кафедре Нравственного богословия (1902–1919). Доктор богословия (1904). Член правления МДА (с 1915). С 1 (по другим данным, с 4) мая 1917 – редактор «Богословского вестника» до его закрытия в марте 1918. Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения... С. 92–93. О волнениях в Московской духовной академии и полемику с С.А. Голубцовым см.: Митрополит *Вениамин* (*Федченков*) Записки архиерея / коммент. С.В. Фомина. М., 2002. С. 907–912 [коммент.].

[144] **Спасский Анатолий Алексеевич** (1866–1916) – церковный историк, профессор Московской духовной академии по кафедре общей церковной истории. Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. С. 89–90.

[145] **Громогласов Илья Михайлович** (1869–1937) – экстраординарный (1909) профессор Московской духовной академии, преподававший с 1894 до мая 1911 историю и обличение русского раскола старообрядчества. Лектор английского языка (1900 –1910), там же. Магистр богословия (1909). Уволен из Московской духовной академии за взгляды, выраженные в газетных публикациях. В советское время неоднократно репрессировался. Расстрелян. Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия

в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. С. 35–38.

[146] **Евдоким** (**Мещерский Василий Иванович**) (1869–1935) – иерарх православной церкви. Епископ Волоколамский (с 1904), с 1898 – экстраординарный профессор по гомилетике и истории проповедничества. Инспектор Московской духовной академии (с 1898); с 1903 по 1909 ректор Московской духовной академии. С 1909 епископ Каширский. С 1914 архиепископ Алеутский и Североамериканский. Участник Поместного собора 1917–1918. С 1919 архиепископ Новгородский. Подробнее см.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. С. 40–42.

[147] О протестном движении в церковной среде см.: *Павленко Т.А.* Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции 1905–1907 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

[148] Имеется в виду первая часть «Монархической государственности».

[149] **Кунигунда** (ок. 975–1040) – потомок Карла Великого, вышла замуж за Генриха, герцога Баварского. После смерти мужа приняла постриг в бенедиктинском монастыре. В 1200 была канонизирована.

[150] Т. е. бабушка.

[151] Епархиальный дом находился в Лиховом переулке и был «детищем» митрополита Владимира (Богоявленского). При доме была церковь во имя святого равноапостольного князя Владимира, музей и библиотека (12 000 томов). См: Митрополит *Вениамин* (*Федченков*). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 417 [коммент.].

[152] **Мануйлов** (**Мануилов**) **Александр Аполлонович** (1861–1929) – общественный и политический деятель. В 1883 окончил юридический факультет Новороссийского университета. В 1895 защитил магистерскую диссертацию. Читал лекции по политэкономии в Московском университете. В 1901 получил степень доктора. В 1905 избран ректором Московского университета, в 1908 – переизбран. В феврале 1907 вошел в Государственный совет от Академии наук и университетов. В январе 1911 подал в отставку, протестуя против запрещения студенческих сходок в стенах высших учебных заведений. Был лишен членства в Государственном совете, уволен от должности ректора и профессора. С 1914 – председатель экономического совета Всероссийского союза городов. Вел преподавательскую деятельность, одновременно сотрудничая в либеральной прессе. Член ЦК кадетской партии. С марта по июль 1917 – министр просвещения во Временном правительстве. После Октябрьской революции преподавал в Московском университете. В 1919–1920 – консультант наркома финансов, участвовал в подготовке и проведении денежной реформы 1922–1924.

С 1924 – член правления Госбанка. Подробнее см.: *Цыганков Д.А.* Мануилов А.А. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 419–422.

153 **Назаревский Борис Владимирович** (? – после 1917) – общественный деятель, публицист, литератор и редактор правого толка. Брат московского историка В.В. Назаревского. Служил в московском цензурном комитете. Участвовал в религиозных чтениях для московских рабочих. В 1907–1908 – товарищ председателя Русского монархического собрания в Москве, возглавлявшегося в это время (после кончины В.А. Грингмута) о. И.И. Восторговым. Был одним из главных докладчиков на заседаниях Собрания. В 1908 был избран членом Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела. Неоднократно участвовал во Всероссийских съездах русских людей. В 1914, после ухода Л.А. Тихомирова с поста редактора, возглавил «Московские ведомости», являясь «выдвиженцем» И.И. Восторгова и его единомышленников. Был в числе организаторов Отечественного патриотического союза.

154 **Парфений (Левицкий Памфил Андреевич)** (1858–1922) – церковный деятель. Инспектор, затем – ректор Вифанской духовной семинарии. С 1897 – ректор Московской духовной семинарии. В 1899–1904 епископ Можайский, викарий Московской епархии. Фактически являлся председателем «Комиссии по организации чтений для рабочих», созданной в 1902 под председательством московского генерал-губернатора (активным участником комиссии был Л.А. Тихомиров). С 1 декабря 1904 – епископ Подольский и Брацлавский. С 15 февраля 1908 – епископ Тульский и Белевский. 6 мая 1911 возведен в сан архиепископа. С 1917 на покое. В марте 1920 патриархом Тихоном назначен управляющим Полтавской епархией (управлял до 1921).

155 М.А. Новоселов приобрел землю в селе Дугино Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, в 12 верстах от имения в Поддубье, где жили его мать и дед, см.: Письма М.А. Новоселова к Л.Н. Толстому / публ. Е.С. Полищука // Минувшее. М.; СПб., 1994. Вып. 15. С. 406.

156 Речь идет о съезде народовольцев в 1879. В период назревавшего раскола в «Земле и воле» центральным кружком было принято решение о подготовке съезда, который должен был состояться в июне 1879. Первоначально местом съезда выбрали Тамбов, впоследствии по конспиративным соображениям замененный на Воронеж. Сторонники «террористического» направления, действуя тайно, решили съехаться еще до общего съезда, чтобы согласовать план совместных действий. Местом встречи был избран Липецк, находящийся недалеко от Воронежа. 15 июня в Липецке собралось 11 человек, среди них был и Л.А. Тихомиров. После Липецка большинство участников отправились на общий сбор в Воронеж, где 21 июня 1879 начался съезд. Подробнее см.:

Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 94–97.

[157] См.: *Бухбиндер Н.А.* Зубатовщина в Москве (Неизданные материалы) // Каторга и ссылка. 1925. № 14. С. 96–133; *Милевский О.А.* Л. Тихомиров и «зубатовщина» в Москве. 1901–1903 гг. // Актуальные проблемы региональных исследований: сборник научных и научно-методических трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии Алтайского государственного технического университета. Барнаул, 2003. Вып. 3. С. 101–112; *Ашмарина С.В.* Зубатов С.В. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 190–192; *Кононова О.А.* Опыт «полицейского социализма»: к истории сотрудничества С.В. Зубатова и Л.А. Тихомирова // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2011». М., 2011. С. 58–60; *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. С. 319–327. Наиболее значимыми работами Л.А. Тихомирова по данной теме были: Земля и фабрика. К вопросу об экономической политике. М., 1899; Вопросы экономической политики. М., 1900; Рабочий вопрос и русские идеалы. М., 1902; Социально-политические очерки. [Гражданин и пролетарий, Заслуги и ошибки социализма, Плоды пролетарской идеи]. М., 1906; Рабочие и государство. СПб., 1908; Рабочий вопрос. Практические способы его решения. М., 1909. Эти брошюры получили значительное распространение и должны были способствовать отходу рабочих от социал-демократов в ряды зубатовского движения. Идеи Тихомирова оказались близки Зубатову.

[158] **Перцов Петр Петрович** (1868–1947) – публицист и литератор.

[159] Мукденское сражение продолжалось с 19 февраля по 10 марта 1905 и привело к отступлению русских войск, понесших значительные потери. Вслед за этим последовала отставка А.Н. Куропаткина с поста главнокомандующего русской армией.

[160] **Говеть** – готовиться к таинству святого причащения.

[161] **Гессе Петр Павлович** (1846–1905) – военный деятель, генерал-лейтенант (с 1896), генерал-адъютант (с 1896). С 1888 командир Императорской главной квартиры; дворцовый комендант.

[162] **Путятин Михаил Сергеевич** (1861–1938) – генерал-майор по гвардейской пехоте (апрель 1911); штаб-офицер для поручений при управлении Гофмаршальской части Министерства императорского двора (1900–1910). Начальник Царскосельского дворцового управления (1911–1917). После революции эмигрировал.

[163] **Фредерикс Владимир Борисович** (1838–1927) – барон, граф (с 1913), министр двора и уделов, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета.

[164] **Мария Федоровна** (1847–1928) – российская императрица, супруга императора Александра III, мать императора Николая II. Шеф лейб-гвардии Кавалергардского полка (1881–1917). В эмиграции с апреля 1919, проживала в Дании.

[165] Речь идет о Николае Алексеевиче Павлове.

[166] **Палтов Александр Александрович** – государственный деятель. Камергер (лишен мундира), директор канцелярии министра путей сообщения. В период Первой мировой войны юрисконсульт управления Галицко-Буковинских железных дорог. Деятель Украинской народной громады. Государственный советник в правительстве П.П. Скоропадского и руководитель его канцелярии. Автор программного документа гетмана «Грамоты ко всему украинскому народу» и «Законов о временном государственном устройстве Украины». Товарищ министра иностранных дел Украинской державы (с 3 мая по начало ноября 1918).

[167] **Богданович Евгений Васильевич** (1829–1914) – генерал от инфантерии, член совета министра внутренних дел, староста Исаакиевского собора и почетный член правления «Исаакиевского братства». Муж А.В. Богданович. Подробнее см.: *Стогов Д.И.* Богданович Е.В. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 72–74; *он же.* Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007.

[168] **Никольский Борис Владимирович** (1870–1919) – политический деятель, юрист, поэт, литератор. Преподавал право и русскую словесность в Петербургском университете, Училище правоведения и на Высших женских курсах. Занимался адвокатской деятельностью, был частным поверенным и присяжным стряпчим. Один из руководителей Главного совета «Русского собрания». В 1905 стал личным секретарем генерала Е.В. Богдановича. Был одним из создателей Союза русского народа, входил в состав его Главного совета. В 1912 назначен профессором римского права в Училище правоведения, где также (с 1913) читал курс новейшей русской словесности. В 1912–1913 работал в Училищной комиссии (Комиссии по народному образованию), занимавшейся обустройством городских училищ Петербурга. В декабре 1913 назначен и. д. ординарного профессора юридического факультета Юрьевского университета, где с 1914, будучи приват-доцентом кафедры латинской словесности, читал лекции. После Февральской революции, вследствие своего участия в работе монархических организаций, подал в отставку. Находился на положении заштатного профессора до октября 1917, когда был избран сначала приват-доцентом, а затем доцентом классической филологии историко-филологического факультета Юрьевского университета. С января 1918 – приват-доцент римского права юридического факультета Юрьевского университета. В июне 1919 расстрелян по приговору Петроградского ЧК с формулировкой «за принадлежность к контрреволюционной деятельности». 12 июня 1919 вышло постановление по делу

Никольского Петроградской Губернской ЧК, гласившее: «Гражданина Никольского, как убежденного организатора Союза Русского Народа, проникшего в военную организацию с целью шпионажа, – расстрелять; дело следствием прекратить и сдать в архив». См.: *Стогов Д.И.* Никольский Б.В. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 313–316.

[169] **Ермолов Алексей Сергеевич** (1847–1917) – государственный и общественный деятель, ученый-агроном, почетный член Петербургской АН (1899). В 1892–1893 товарищ министра финансов, в 1893 управляющий Министерством государственных имуществ, в 1894–1905 министр земледелия и государственных имуществ, член Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905). Твердый сторонник С.Ю. Витте и его варианта аграрной политики. Член Государственного совета с 1905 (лидер группы центра), сторонник столыпинской аграрной реформы. С 1912 – председатель Всероссийской сельскохозяйственной палаты. Автор трудов по агрономии, агрохимии, полеводству, аграрному вопросу и др. Подробнее см.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М., 2006. С. 194 [коммент.].

[170] **Микадо** – титул японского императора (*букв.* – высокие врата). Обычно использовался иностранцами для обозначения японского императора. Сами японцы употребляют его только в поэтических текстах и в особо торжественных случаях.

[171] **Сёгун** – титул верховных военных правителей Японии (с конца XII в.), фактически управлявших страной при номинальной власти императоров. В 1868 институт сёгунатства прекратил свое существование.

[172] Речь идет о рескрипте А.Г. Булыгину, объявляющем о намерении созвать законосовещательное представительство.

[173] **Сольский Дмитрий Мартынович** (1833–1910) – граф, председатель Государственного совета с августа 1905 по май 1906. Был председателем Особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил («Комиссия Сольского»).

[174] **Романов Николай Николаевич** (1856–1929) – великий князь, дядя Николая II. Окончил с отличием Академию Генерального штаба. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии. С 20 июля 1914 до 23 августа 1915 – Верховный главнокомандующий русской армией, затем в 1915–1917 – главнокомандующий Кавказским фронтом. В первые дни Февральской революции объявил, что «сочувствует делу революции». Был вновь назначен главковерхом при отречении Николая II, но затем отстранен от этой должности Временным правительством. После Октябрьской революции эмигрировал. Был выдвинут монархическими кругами на императорский престол.

Линевич (Леневич) Николай Петрович (1838, по другим данным, 1839–1908) – русский военный деятель, генерал от инфанте-

рии (1903), генерал-адъютант (1905). В 1855 поступил юнкером на военную службу. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878. С 1895 командующий войсками Южно-Уссурийского отдела. С 1900 командир корпуса. Во время подавления Ихэтуаньского восстания 1899–1901 возглавлял (1900–1901) союзные войска империалистических государств и штурмом взял Пекин. С 1903 командующий войсками Приамурского военного округа и генерал-губернатор Приамурья. В начале русско-японской войны 1904–1905 (до середины марта) временно командовал Маньчжурской армией, а с октября 1904 по март 1905 – 1-й Маньчжурской армией; с 3 марта 1905 – главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. В февраля 1906 за недостаточно активную борьбу с революционным движением снят с должности.

175 **Драгомиров Михаил Иванович** (1830–1905) – военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1891). В 1863–1869 профессор кафедры тактики Николаевской академии Генштаба. В 1869–1873 начальник штаба Киевского Военного округа. Участник русско-турецкой войны 1877–1878, командир 14-й пехотной дивизии. С 1878 начальник Николаевской академии Генерального штаба. С 1889 командующий войсками Киевского военного округа. В 1897–1903 – киевский, волынский и подольский генерал-губернатор (с 1898). С 1903 член Государственного совета.

176 **Сухомлинов Владимир Александрович** (1848–1926) – военный деятель. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1867), Николаевскую академию Генерального штаба (1874). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. С декабря 1908 – начальник Генерального штаба. С марта 1909 по июнь 1915 – военный министр. Обвинен в неподготовленности армии к войне. Снят с должности под давлением общественности. В марте 1916 арестован. В сентябре 1917 приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением, хотя обвинения против него и не подтвердились. Освобожден советской властью в мае 1918 в связи с преклонным возрастом. Эмигрировал за границу. Является автором ряда статей и брошюр, посвященных административным, учебным и бытовым вопросам армейской жизни, см.: *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Мемуары / ред., предисл., коммент. А.М. Лукашевича. Минск, 2005.

177 То есть в Московском Обществе сельского хозяйства.

178 **Савицкая Варвара Николаевна** (в девичестве **Каратаева**) (?–1905) – сестра матери Л.А. Тихомирова, Х.Н. Тихомировой (Каратаевой). Жена Андрея Павловича Савицкого. Тихомиров вспоминал: «Тетя Варвара Николаевна была добрейшее и кротчайшее существо...». См.: *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 35.

179 **Щербатов Александр Григорьевич** (1850–1915) – князь, государственный и общественный деятель, экономист, публицист, действительный статский советник. Из старинного дворянского рода. Окончил Петербургский университет (1872). Добровольцем участвовал в русско-турецкой

войне (1877–1878). Состоял на государственной службе, затем вышел в отставку. С 1880 большую часть времени проводил, занимаясь сельским хозяйством, в собственном имении. Предводитель дворянства Рузского уезда Московской губернии (1883–1891). Гласный Рузского уездного земства. Камер-юнкер Высочайшего Двора (1883); камергер (1899). В 1891 назначен уполномоченным по общественным работам Самарской губернии в помощь голодающим. Президент Императорского Московского общества сельского хозяйства (1892–1905). Вместе с братом жены С.А. Строгановым завел кровно-арабский рассадник лошадей, арабо-кабардинский завод и арабо-донской завод. Во время русско-японской войны 1904–1905 – назначен главноуполномоченным Российского общества Красного Креста и отбыл в Маньчжурию. Один из организаторов и председатель (с 11 ноября 1905 до 1909) Союза русских людей в Москве. 1 декабря 1905 во главе депутации от СРЛ представлялся Николаю II. Зачитал адрес от Союза, призывавший к созыву в Москве Земского собора, проведению в жизнь начал твердой государственности, борьбе с революцией. В начале 1906 (февраль–март) составил «Основные положения Союза Русских Людей для выборов в Государственную Думу», в котором были выражены основные требования СРЛ. Член Русского собрания. Выступал с докладами на Чтениях для фабрично-заводских рабочих в Москве. В декабре 1907 написал и опубликовал от имени СРЛ обращение к заводским и фабричным рабочим по поводу предстоящих выборов в Государственную думу. В 1909 в связи с возвращением на государственную службу сложил полномочия председателя СРЛ. В 1910 назначен членом Комитета по коннозаводству. Во время Первой мировой войны вернулся к активной общественной деятельности. Стал председателем организационного комитета Российского союза торговли и промышленности, призванного содействовать мобилизации экономических ресурсов для нужд войны; также организовал в своем имении госпиталь. Подробнее см.: *Репников А.В.* Щербатов А.Г. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 599–602.

[180] Тихомиров писал о Кирееве: «Жил он в Павловске во дворцовом помещении. Мебель и вся обстановка были тоже дворцовые, то есть очень приличные, хотя и не очень богатые», см.: *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 655.

[181] Станция Телин находилась в 175 км от Мукдена. Ср. со схожими размышлениями в дневниковой записи А.А. Киреева от 9 марта 1905. См.: Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. С. 35–36.

[182] Городу [Риму] и миру (*лат.*) Одна из формул благословения папы римского, предназначенная подчеркнуть его мировое влияние. В данном контексте – заявить на весь мир, широковещательно.

[183] Смешное убьет нас (*франц.*).

[184] Речь идет о событиях русско-японской войны, когда в августе (сентябре) 1904 русская армия потерпела поражение в сражении при Ляояне, в сентябре (октябре) – на реке Шахэ.

[185] **Индискретное** (*лат.* отрицательная приставка in- + discretus раздельный, прерывистый), то есть происходящее непрерывно на протяжении какого-то отрезка времени.

[186] Глупость – слишком большая роскошь (*франц.*).

[187] **Рожественский Зиновий Петрович** (1848–1909) – вице-адмирал, начальник Главного морского штаба с 1903. В русско-японскую войну 1904–1905 – командующий 2-й тихоокеанской эскадрой, отправленной 2 октября 1904 из Либавы. 14 мая 1905 близ острова Цусима в Корейском проливе произошел бой между эскадрой Рожественского и японской эскадрой адмирала Того, в ходе которого русская эскадра была большей частью потоплена, частью сдалась японцам (отряд Небогатова). Рожественский был ранен и сдался японцам на миноносце «Бедовый». За сдачу миноносца был предан суду, но оправдан.

[188] **Корнилов Александр Александрович** (1855–1926) – известный в Москве врач-невропатолог, профессор Московского университета, ученик профессора А.Я. Кожевникова. Член-учредитель «Кружка ищущих христианского просвещения»; член-учредитель «Братства Святителей Московских» (с 1909), член Совета этого Братства. В доме Корнилова на Нижней Кисловке, д. 6. примерно раз в две недели собирался «Кружок ищущих христианского просвещения»: «Помню атмосферу этих собраний в светлые зимние вечера в особняке Корнилова. Вдоль стен сидят на стульях гости – больше дамы, молодежь, иногда кое-кто из духовенства. [...] По середине зала, вокруг стола, сидели сами члены кружка – человек 12–15. Вместе с гостями собиралось человек 60–80», см.: *Арсеньев Н.С.* Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 61. Подробнее см.: [Автор не указан] Корнилов А.А. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 349.

[189] **Истомин Владимир Константинович** (1848–1914) – гофмейстер, управляющий канцелярией московского генерал-губернатора (1887–1890; 1891–1904). В 1876–1878 – сотрудник «Московских ведомостей». В 1891 занимал пост редактора «Правительственного вестника». Член Комитета по постройке памятника императору Александру III в Москве, отставной действительный статский советник, причисленный к Московскому комитету по делам печати.

[190] **Георгиевский Лев Александрович** (1860–?) – государственный деятель, филолог. В 1887–1896 директор Царскосельской императорской николаевской гимназии. С 1896 директор Императорского лицея в память цесаревича Николая. С 1908 товарищ министра народного просвещения. С 1911 сенатор, тайный советник. В 1914–1916 участвовал в создании Всероссийского Филаретовского общества народного образования. С января

1917 член Государственного совета. Не путать с Григорием Петровичем Георгиевским.

191 **Введенский Алексей Иванович** (1861–1912) – богослов, философ, публицист, доктор богословия. Профессор философии Московской духовной академии по кафедре систематической философии и логики. С 1897 сотрудник «Московских ведомостей». Л.А. Тихомиров посвятил его памяти статью «На гроб Алексея Ивановича Введенского». См.: *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / сост., вступ. статьи и коммент. М.Б. Смолина. М., 2003. С. 500–502.

192 **Постромки** (*уст.*) – ремень (веревка), соединяющая валек с хомутом при дышловой запряжке лошади или у пристяжной. В иносказательном смысле идти в постромках означает – идти на поводу.

193 То есть письмом.

194 Персонаж поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила».

195 **Победоносцев Константин Петрович** (1827–1907) – государственный и политический деятель, правовед и историк права, публицист. Коллежский асессор (1849), надворный советник (1852), коллежский советник (1854), статский советник (1858), действительный статский советник (1863), обер-прокурор 8-ого департамента Сената (1863). В 1859 защитил магистерскую диссертацию. В 1860 избран профессором Московского университета. Преподавал законоведение членам царской семьи, в том числе будущим императорам Александру III и Николаю II. Переехал в Петербург, стал тайным советником и сенатором, назначен членом Государственного совета, с 1880 по 1905 занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода Русской православной церкви. О противоречивых взаимоотношениях Л.А. Тихомирова и К.П. Победоносцева см.: *Полунов А.Ю.* Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. С. 250–252, 255–266, 275–277 и далее.

196 **Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич** (1848–1913) – поэт, прозаик. Принадлежал к знатному дворянскому роду. После смерти отца (1859) семья жила в Москве. Учился на юридическом факультете Московского университета, затем перевелся в Петербургский университет (окончил в 1871). Был управляющим Дворянским и Крестьянским земельными банками, а с 1895 – «канцелярией» секретарем императрицы Марии Федоровны, оставаясь в этой должности до конца жизни. С 1888 по 1894 печатал свои стихотворения в «Русском вестнике» и «Русском обозрении». В 1891 стал членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Подробнее см.: *Тахо-Годи Е.А.* Голенищев-Кутузов А.А. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 168–169.

[197] **Хомяков Дмитрий Алексеевич** (1841–1919) – общественный и церковный деятель, философ и публицист славянофильского направления. Старший сын основателя славянофильства А.С. Хомякова. Из старомосковского дворянского рода. Сотрудничал в журналах «Русский архив», «Мирный труд», в газете «Московские ведомости». Подготовил к публикации собрание сочинений А.С. Хомякова. В 1890-х директор Строгановского центрального училища технического рисования. С 1905 член «Кружка москвичей» и Союза русских людей. С 1906 участвовал в работе Предсоборного присутствия. В 1917–1918 участник Поместного собора Русской православной церкви. Пользовался авторитетом в церковных кругах. Его труды оказали влияние на развитие русской консервативной мысли (см.: *Хомяков Д.А.* Самодержавие. Опыт схематического построения этого понятия. М., 1903; О классицизме. Харьков, 1904; К истории отечественной бюрократии. Тула, 1904; Соборное завершение и приходская основа церковного строя. М., 1906; О непротивлении злу. Харьков, 1907; Православие как начало просветительно-бытовое, личное и общественное. М. 1907; Народность. М., 1908; Собор, соборность, приход и пастырь. М., 1917). Полемизировал со взглядами М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева. Получил поддержку в лице Л.А. Тихомирова, творчески развившего ряд выработанных Хомяковым положений: противопоставление самодержавия и абсолютизма, теорию средостений, представление о необходимости политического «общения» власти и народа, идею русского национализма. Подробнее см.: *Попов Э.А.* Хомяков Д.А. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 588–589.

[198] **Горемыкин Иван Логгинович** (1839–1917) – государственный деятель. Окончив Императорское училище правоведения (1860), начал службу в канцелярии 1-го департамента Сената, затем был чиновником особых поручений в комитете по делам Царства Польского. В 1866 назначен плоцким вице-губернатором, в 1869 перемещен на ту же должность в Келецкую губернию. В 1882 назначен и. д. товарища обер-прокурора 1-го департамента Сената, в 1884 – обер-прокурором 2-го департамента Сената. В 1891–1894 – товарищ министра юстиции, с 1894 – сенатор и управляющий Межевой частью Министерства юстиции на правах товарища министра. В 1895 стал товарищем министра внутренних дел и с октября занял пост министра (занимал до 1900). С конца 1899 – член Государственного совета. В апреле 1906 назначен председателем Совета министров. Пробыл на этом посту до июля 1906. Уволен. В январе 1914 вновь назначен на пост председателя Совета министров. Выступал противником IV Государственной думы и «Прогрессивного блока». Был связан с кружком Г.Е. Распутина. В январе 1916 был заменен Б.В. Штюрмером. После Февральской революции арестован. Давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После освобождения летом 1917 получил разрешение выехать с семьей на Кавказ. Уехал в имение рядом с Сочи, при разгроме которого был убит бандитами.

[199] **Дашков Дмитрий Яковлевич** (1853–1924) – генерал-майор по гвардейской кавалерии (1904), зачислен в Свиту императора (1909). Состоял при великом князе Михаиле Александровиче (1897–1909). Председатель Комитета Исторического музея.

[200] Возможно, речь идет о работе А.С. Хомякова «О старом и новом» или о работе Н.П. Аксакова «О старом и новом славянофильстве».

[201] То есть на Страстной неделе.

[202] Из богослужения пасхальной утрени.

[203] **Серафим** (**Голубятников Сергей Георгиевич**) (1856–1921) – епископ. В 1899 окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В том же году пострижен в монашество с именем Серафим и назначен казначеем Чудова монастыря. С 11 мая 1900 был настоятелем московского Высоко-Петровского монастыря и наблюдателем за школами в сане архимандрита. 13 декабря 1904 назначен и 2 января 1905 хиротонисан во епископа Можайского, четвертого викария Московской епархии. Активный участник монархического движения в Москве. 2 марта 1917 в Богоявленском кафедральном соборе произнес проповедь, в которой призвал защитить Николая II и не признавать никакого другого правительства; осудил Февральскую революцию. За монархические убеждения был изгнан из епархии, посажен под домашний арест и в итоге уволен на покой с назначением местопребывания в Московском Новоспасском монастыре. Репрессирован.

[204] Указ от 17 апреля 1905 об укреплении веротерпимости.

[205] См. далее текст газетной заметки, начиная от слов: «Русские ведомости» (№ 92) пишут».

[206] **Серафим** (**Остроумов Михаил Митрофанович**) (1880–1937) – епископ, с 1927 – архиепископ Смоленский и Дорогобужский. Окончил Московское Заиконоспасское духовное училище, Московскую духовную семинарию, Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1904). Оставлен при академии профессорским стипендиатом. 14 сентября 1904 пострижен в монашество, с 13 сентября 1904 – иеродиакон, с 19 сентября 1904 – иеромонах. С 28 октября 1904 – и. д. доцента Московской духовной академии по кафедре теории и истории проповедничества. Назначен на должность митрополитом Владимиром (Богоявленским), полагавшим таким образом укрепить в академии консервативные силы. Совет академии отказался одобрить это назначение, и Серафиму не удалось приступить к чтению лекций. В 1906 был вынужден вместе с архимандритом Иосифом (Петровых) покинуть академию под давлением либерально настроенной части преподавателей и студентов. Архимандрит (1908). Ректор Холмской духовной семинарии (с 28 января 1914). После Октябрьской революции 1917 неоднократно репрессировался. Последний раз арестован 11 ноября 1936, обвинен в антисоветской пропаганде и участии в де-

ятельности контрреволюционной группы. Приговорен к ссылке. После возобновления следствия этапирован в Смоленск. Расстрелян 8 декабря 1937 в Катынском лесу под Смоленском. Прославлен в лике святых в 2001.

207 **Самарин Федор Дмитриевич** (1858–1916) – общественный, политический и религиозный деятель. В 1880 окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1884–1891 предводитель дворянства Богородского уезда Московской губернии. С 1888 гласный московского губернского земства. В 1904–1905 основал Кружок москвичей. В июле 1906 получил предложение занять должность обер-прокурора Святейшего Синода, но отказался. Член Государственного совета (1906–1908); в 1907–1908 заместитель председателя комиссии законодательных предположений, принадлежал к группе правых. Политический режим, учрежденный после Манифеста 17 октября 1905, считал юридической фикцией, лишенной какого-либо социально-политического содержания. Друг М.А. Новоселова и один из основателей Новоселовского кружка. Поддерживал отношения с Л.А. Тихомировым, переписывался с А.А. Киреевым (см.: Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина / публ., вступ. ст. и коммент. И.В. Лукоянова // Нестор. Между двух революций. СПб., 2005. С. 11–103). Вместе с братьями П.Д. и С.Д. Самариными продолжал после отца издание сочинений Ю.Ф. Самарина. Скончался в Москве. Похоронен на Донском кладбище. Подробнее см.: *Флоренский П.А.* Памяти Ф.Д. Самарина. Сергиев Посад. 1917; *Шаховская-Шик Н.Д.* Мои встречи с С.П. Мансуровым // Надежда. Франкфурт-на-Майне. 1979. Вып 3; *Соловьев К.А.* Самарин Ф.Д. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 448–451.

Самарин Александр Дмитриевич (1868, по другим данным, 1869–1932) – государственный, общественный и церковный деятель, брат Ф.Д. Самарина, дядя М.Ф. Мансуровой. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1891). Выступал в качестве церковного публициста. В 1891–1908 – земский начальник в Бронницах (Московская губерния). В 1908–1912 уездный предводитель дворянства Московской губернии. В 1912–1917 – член Государственного Совета, входил в группу правых. Был близок к Новоселовскому кружку. С 5 июля по 26 сентября 1915 – исполнял обязанности обер-прокурора Святейшего Синода. Выступал против усиления влияния Г.Е. Распутина, за что и был смещен с должности. Член исполкома Главного управления Российского общества Красного Креста (1914), главноуполномоченный Общества по эвакуации во внутренние районы (1914–1917). Участник съездов Объединенного дворянства (с 1912); с декабря 1916 – председатель Постоянного совета объединенного дворянства. Член Кружка москвичей. В июне 1917 – кандидат в митрополиты московские [на выборах Московского митрополита оказался вторым по количеству поданных за него голосов после архиепископа Литовского Тихона (Бел(л)авина), будущего патриарха].

В сентябре 1917 возглавил Совет объединенных приходов Москвы. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918, единственный из мирян кандидат в патриархи. После Октябрьской революции – председатель правления Совета объединенных приходов Москвы. Неоднократно арестовывался. Был в числе обвиняемых на процессе Московского совета объединенных приходов 11–16 января 1920, см.: *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛаг. М., 1989. Т. 1. С. 316–319. В 1920 приговорен Московским ревтрибуналом к смертной казни, замененной тюремным заключением «до окончания победы рабоче-крестьянской власти над мировым империализмом». Вскоре амнистирован. С 1922 жил в Абрамцево, экскурсовод в музее-усадьбе, руководил пением в храме. В 1925 вновь арестован и сослан в Якутию. В 1929 был регентом церковного хора в Костроме, где и скончался. Подробнее см.: Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных // *Мансурова М.Ф.* Детские годы. *Мансурова М.Ф., Чернышева-Самарина Е.М., Комаровская А.В.* Мансуровы; *Чернышева-Самарина Е.А.* Александр Дмитриевич Самарин. М., 2001.

208 **Орнатский Философ Николаевич** (1860–1918) – протоиерей, известный проповедник. С 1892 возглавлял «Общество религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви». Стоял у истоков православно-монархической рабочей (зубатовской) организации в Москве. В период революции 1905 призывал рабочих Нарвского района к сохранению верности Николаю II. С 1913 настоятель Казанского собора в Петербурге. Во время Первой мировой войны неоднократно выезжал в районы боевых действий, сопровождая транспорты с вещами и продовольствием для армии. Был арестован в августе 1918 вместе с сыновьями. Расстрелян. Канонизирован Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000.

209 **Катков Михаил Никифорович** (1818–1887) – русский публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1856) и газеты «Московские ведомости» (1851–1855, 1863–1887). В 1830-х – примыкал к кружку Н.В. Станкевича. В 1850-х – умеренный либерал, сторонник английского политического строя. С 1860-х – один из вдохновителей так называемых контрреформ. Подробнее см.: *Ширинянц А.А.* Катков М.Н. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 197–198.

210 **Мережковский Дмитрий Сергеевич** (1865–1941) – писатель, философ, критик и поэт, один из лидеров раннего декадентства и символизма. В 1920 эмигрировал; занимал по отношению к советской России резко враждебную позицию. В 1941 публично одобрил нападение Германии на СССР.

211 **Гиппиус Зинаида Николаевна** (1869–1945) – писательница, поэт, критик, мемуарист. Сотрудничала в «Северном вестнике», журнале «Мир искусства», «Русской мысли». В 1901–1903 вместе с Д.С. Мережков-

ским и В.В. Розановым организовала Религиозно-философские собрания в Петербурге, была одним из редакторов журнала «Новый путь». Октябрьскую революцию восприняла резко отрицательно. Эмигрировала.

212 **Гофштеттер Ипполит Андреевич** (1860, по другим данным, 1869 – 1951) – публицист, правовед. Сотрудничал в «Русском богатстве», «Наблюдателе», «Санкт-Петербургских ведомостях», затем в «Новом времени». В 1886–1887 проживал в Екатеринославе. В 1887 обвинялся полицией в укрывательстве бежавшего революционера. Более месяца находился под арестом. В 1888 жил в Петербурге; вел знакомство с политически неблагонадежными лицами; принимал участие в демонстрации 4 марта 1897 в Петербурге по поводу самоубийства М. Ветровой. Сотрудничал с журналом «Русское богатство», газетами «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время». Редактор-издатель «Крестьянской газеты». После 1917 – в эмиграции. Жил в Салониках. Печатался в журнале «Путь».

213 **Сыромятников Сергей Николаевич** (литературный псевдоним **Сигма**) (1864–1933) – консервативный публицист, писатель, путешественник. Служил в Министерстве юстиции. Печатался в «Неделе» (1888–1893), «Новом времени» (с 1893), «Санкт-Петербургских ведомостях», «Историческом вестнике», «Варшавском дневнике» и др. Принимал активное участие в организации «Русского собрания», был товарищем его председателя. Подробнее см.: *Сыромятников Б.Д.* «Странные» путешествия и командировки «СИГМЫ» (1897...1916 годы): Историко-документальная повесть-расследование. СПб., 2004; *Репников А.В.* С.Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук. 2010. № 3. С. 93–110; *Репников А.В., Соловьев К.А.* Сыромятников С.Н. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 502–506.

214 **Панаев Владимир Павлович** (1872 – не ранее 1933) – действительный член Императорского русского географического общества. Окончил Московский университет, востоковед, лингвист, архивариус, художник. Служил в Удельном ведомстве, позднее – в Мариинском ведомстве. Автор первого русско-японского толмача (словаря): Самоучитель японского языка, составленный Иосибуми Куроно, преподавателем японского языка при Императорском С.-Петербургском университете и В.П. Панаевым, действительным членом Императорского Русского географического общества. СПб., 1913. В 1920 проживал в Москве, был на пенсии. 14 августа 1930 арестован как «участник к.-р. белогвардейской организации» и заключен в Бутырскую тюрьму, где следователь требовал подписать «признание», что он «родственник кардинала, который получал от Папы Римского огромные денежные средства для снабжения ими разных князей, графов, бывших заводчиков и офицеров». 23 ноября приговорен к 5 годам ИТЛ, в январе 1931 отправлен в Вишерлаг. 10 мая 1931 освобожден из лагеря досрочно с ограничением проживания на оставшийся срок (–12).

Поселился в Борисоглебске Центрально-Черноземной области, в феврале 1933 находился там же, см.: URL: http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Pa.html (дата обращения: 20.07.2015).

[215] То есть переводчика.

[216] **Розанов Василий Васильевич** (1856–1919) – религиозный мыслитель, писатель, публицист, философ. Критически оценивал личность и работы Тихомирова, следя за его публикациями и откликаясь на них в своих работах. Так, рассмотрев статью Тихомирова «Борьба века», Розанов делал вывод, что эта «борьба» понимается автором излишне научно. Стремление к революционному насильственному переустройству мира вытекает, по Розанову, из потери чувства реальности и конструирования отвлеченного мира «своих созерцаний». Человек создает свой особый внутренний мир. Противоречие между сконструированным в мечтах идеалом и реальностью приводит к стремлению перестроить мир по своим идеальным образцам. Человек хочет изменить реальность во имя лучшей жизни или даже одной только «неверной надежды на ее осуществление» (*Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 120). Тихомиров резко отрицательно относился к розановским работам о христианстве и «религии пола». В письме к Розанову от 15 апреля 1910 Тихомиров иронизировал над увлечением Розанова революцией 1905–1907 и его же интересом к проблемам пола: «Земля, господине, такая: не вмещает здорового таланта, тянет ее к революции да клубничке, да смеси революции с клубничкой», см.: Письмо Л.А. Тихомирова к В.В. Розанову // *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика / сост., предисл., коммент., прилож. С.М. Сергеева; подготовка текста: С.М. Сергеева, А.В. Ефремова. М., 1999. С. 602. После 1917 жизнь Розанова и его семьи была крайне тяжелой Подробнее см.: *Розанова Т.В.* «Будьте светлы духом». М., 1999; *Репников А.В., Сукач В.Г.* Розанов В.В. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 460–462.

[217] С.Н. Сыромятников в качестве корреспондента «Нового времени» путешествовал по Дальнему Востоку (1897), Японии, Китаю, Корее, США. Командирован в Корею (1898), на берега Персидского залива (1900).

[218] **Русская монархическая партия** (РМП) – консервативно-монархическая организация, действовавшая в 1905–1908. Центром ее формирования стала газета «Московские ведомости». Днем создания РМП считается 24 апреля 1905, «когда впервые выразили свое желание образовать боевую монархическую партию князь Дмитрий Николаевич Долгоруков, барон Григорий Григорьевич Розен и дворянин Леонид Владимирович Геника», см.: Московские ведомости. 1905. 8 октября № 267. Председателем РМП (с 17 декабря 1906 – пожизненным) стал редактор-издатель «Московских ведомостей» В.А. Грингмут. Первое «частное» собрание РМП состоялось 1 сентября 1905.

[219] **Шувалов Павел Павлович** (1859–1905) – военный и государственный деятель. Выпускник Пажеского корпуса. На службе с 1877. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Адъютант гвардейской конно-артиллерийской бригады (1882–1885), адъютант (с 1891), исполняющий должность заведующего Двора (1894–1897) великого князя Сергея Александровича, офицер для особых поручений при Министерстве внутренних дел (1898), одесский градоначальник (1902–1903), генерал для особых поручений при Министерстве внутренних дел (1903). Прапорщик (1877), подпоручик (1884), поручик (1885), штабс-капитан (1891), капитан (1895), полковник (1896), генерал-майор. Назначен московским градоначальником 18 апреля 1905, сменив на этом посту Е.Н. Волкова, уволенного после убийства великого князя Сергея Александровича. Прибыл в Москву и приступил к обязанностям 30 апреля. Во время приема посетителей 28 июня 1905 в доме градоначальника на Тверском бульваре убит несколькими выстрелами из револьвера в упор бывшим членом Боевой организации эсеров П.А. Куликовским (убийца приговорен к повешенью, но после подачи прошения отделался бессрочными каторжными работами, и в 1911 был отправлен на поселение).

[220] **Козлов Александр Александрович** (1837–1924) – генерал-майор (1878), генерал-лейтенант (1883), генерал от кавалерии (1896), генерал-адъютант (1905). Московский обер-полицмейстер (1882), почетный опекун (1887), петербургский обер-полицмейстер (1881), и. д. начальника Штаба Отдельного корпуса жандармов (март–июль 1882), московский генерал-губернатор (14 апреля – 15 июля 1905).

[221] **«Гражданин»** – «политический и литературный журнал-газета» (с № 4 1872 – «газета-журнал политики и литературы»). Издавался в 1872–1879 и 1882–1914 в Петербурге. После возобновления в 1882 издатель – В.П. Мещерский; редактор – В.П. Мещерский (1882–1894, с 1893 второй редактор – К.Ф. Филиппеус), в 1895 № 1–31 – К.Ф. Филиппеус, с № 32 (1895) по № 55 (1906) – В.П. Мещерский, с № 56 (1906) – М.Н. Назаров (исключение: № 28–35 (1913) – В.П. Мещерский). В 1906 заглавие «Гражданин – Дневники». Последний номер – № 27 (6 июля) 1914. Фактическим руководителем журнала почти на всем протяжении его существования (за исключением 1877–1879) и его основным автором был В.П. Мещерский. Подробнее см.: *Черникова Н.В.* «Гражданин» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 126–128.

[222] **Мещерский Владимир Петрович** (1839–1914) – князь, писатель, публицист, издатель консервативного журнала «Гражданин» (1872–1877, 1882–1914), автор популярных романов. Друг молодости Александра III и один из наиболее активных респондентов императора. Писал также наследнику престола, а затем императору Николаю II. Не занимая официальных

должностей, имел вес в правительственных кругах как человек, близкий двум последним императорам. Подробнее см.: *Черникова Н.В.* Мещерский В.П. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 296–299.

[223] **«Вечерняя почта»** – ежедневная газета. Выходила в Москве с 19 декабря 1904 (1 января 1905) по 25 декабря 1905 (7 января 1906). Редактор-издатель И.Н. Холчев. Тираж отдельных номеров достигал 150 000 экземпляров. Давала информацию о событиях общественно-политической жизни, рабочем, крестьянском и студенческом движении. Придерживалась либерального, кадетского направления, что и обусловило критику консервативных «Московских ведомостей».

[224] **Николай Японский (Касаткин Иван Дмитриевич)** (1836–1912) – архиепископ. Окончил семинарию, в 1860 принял монашеский постриг и был рукоположен в сан иеромонаха. 1 августа 1860 по собственному выбору отправился в Японию, получив должность настоятеля консульской церкви. Приехав в Японию, в течение полувека занимался миссионерской деятельностью. Основал семинарию, школы богословия, иконописную мастерскую. Овладев в совершенстве японским языком, перевел Священное Писание для своих прихожан-японцев. Ведя миссионерскую деятельность, «обошел всю Японию». Был назначен начальником Российской духовной миссии в Японии. В 1906 был возведен в сан архиепископа. Канонизирован русской Православной церковью (1970). Поддерживал переписку с Л.А. Тихомировым, упоминал о нем в своих обширных дневниках, которые вел с 1870 по 1912 (опубликованы полностью, см.: Дневники святого Николая Японского: В 5 т. / сост. К. Накамура. Т. 1–5. СПб., 2004).

[225] **Того Хэйхатиро** (1847–1934) – японский адмирал, разгромивший 2-ю Тихоокеанскую эскадру адмирала З.П. Рожественского в сражении при Цусиме 14–15 мая 1905. После Цусимского боя стал начальником Генерального морского штаба, затем – членом Высшего военного совета.

[226] См.: *Тихомиров Л.А.* На помощь пленным. М., 1905.

[227] **Александр III** (1845–1894) – российский император с 1881. Второй сын Александра II. Выражал интересы консервативно настроенных политических сил. В первой половине 1880-х отменил подушную подать, понизил выкупные платежи. Впоследствии осуществлял политику так называемых контрреформ. В царствование Александра III в основном завершено присоединение к России Средней Азии (1885), заключен русско-французский союз (1891–1893).

[228] **Фёлькерзам Дмитрий Густавович**, фон (1846–1905) – контр-адмирал. Окончил Морское училище (1867), служил на флоте. В 1904 назначен младшим флагманом Второй тихоокеанской эскадры. Командовал 20-м броненосным отрядом в путешествии через Суэцкий канал к Корейскому проливу. 3 апреля 1905 перенес инсульт во время стоянки кораблей в бухте Камрань. Скончался 11 мая 1905 на борту броненосца «Ослябя» до Цусим-

ского сражения. Поскольку флаг Фёлькерзама не был спущен, командиры кораблей эскадры до начала боя не узнали о его смерти. Тело адмирала хранилось в холодильнике броненосца «Ослябя» и вместе с кораблем ушло на дно Цусимского пролива.

229 **Небогатов Николай Иванович** (1849–?) – контр-адмирал, участник Цусимского сражения, которому после ранения З.П. Рожественского было передано командование русской эскадрой. С отрядом из четырех броненосцев он был окружен японским флотом, сдал корабли противнику и сам попал в плен, за что по возвращении в Россию вместе с 77 своими офицерами был предан военно-морскому суду (декабрь 1906). Суд приговорил его к смертной казни с ходатайством о замене ее 10-летней каторгой; к тому же наказанию были приговорены три командира судов; еще 4 офицера приговорены к нескольким месяцам крепости, остальные оправданы. Пробыв 25 месяцев в крепости, Небогатов был помилован в 1909. В целях самооправдания и обвинения адмирала З.П. Рожественского Небогатов (еще до суда) напечатал в газете «Наша жизнь» статью «Цусимский бой».

230 Слухи о пленении Д.Г. Фёлькерзама были ложными.

231 О полемике вокруг идеи Земского собора см.: *Лукоянов И.В.* [Вступ. ст.] Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина // Нестор. Между двух революций. С. 11–27.

232 Сражение при Цусиме, состоявшееся 14–15 мая 1905, закончилось полным разгромом 2-й Тихоокеанской эскадры.

233 Речь идет о басне И.А. Крылова «Квартет». **Крылов Иван Андреевич** (1769–1844) – русский писатель, баснописец; академик Петербургской АН (1841). Создал более 200 басен, высмеивающих общественные и человеческие пороки.

234 Имеется в виду Вифанский монастырь и семинария при нем, которые были расположены в окрестностях Сергиева Посада. См.: *Смирнов С.К.* Спасо-Вифанский монастырь. М., 1889.

235 **Новикова Ольга Алексеевна** (1840–1925) – писательница, публицистка, переводчица. Автор ряда работ о русско-английских отношениях и статей на богословские темы. Родилась в известной дворянской славянофильской семье, крестница императора Николая I, сестра генерала А.А. Киреева. С середины 1870-х проживала преимущественно в Великобритании, занимаясь общественно-публицистической деятельностью, направленной на защиту России от нападок английской прессы, и знакомством англичан с российской государственностью и культурой. Хозяйка великосветского салона в Лондоне, имевшего европейскую известность. В числе ее знакомых и корреспондентов были: У. Гладстон, Т. Карлейль, О. Уайльд, М. Нордау, В. Рольстон, Н.А. Милютин, И.С. Аксаков, К.Ф. Головин, Д.А. Валуев, К.П. Победоносцев, М.Н. Катков, Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Вл.С. Соловьев, К.Н. Леон-

тьев, Ф.М. Достоевский и др. Сотрудничала в «Московских ведомостях», «Новом времени» и «Русском обозрении». Тайно переписывалась с Александром III. Была одной из трех женщин (включая С.Л. Перовскую и Е.Д. Сергееву), сыгравших особую роль в судьбе Тихомирова, с которым вела многолетнюю активную переписку. «Состояла в Союзе русского народа и Русской монархической партии», см.: *Дмитриев В.Д., Майорова О.Е.* Новикова О.А. // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4. С. 344. См. также: *Третьякова С.Н.* О.А. Новикова – «неофициальный посол» России в Англии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2010. № 4. С. 103–118.

[236] Вещь и деяния (*лат.*).

[237] **Бородин Авив Иванович** – старообрядческий священник. Служил в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Москве.

[238] **Георгиевский Григорий Петрович** (1866–1948) – историк, археограф, книговед. Окончил Смоленскую духовную семинарию, а затем Санкт-Петербургскую духовную академию по славянскому отделению. В 1890 поступил в библиотеку Московского публичного и Румянцевского музеев на должность дежурного по читальному залу, затем некоторое время служил в Московском реальном училище (с августа 1891); в начале 1892 снова вернулся в музеи, будучи назначен помощником хранителя отделения рукописей и славянских старопечатных книг. Проработал в главном московском книгохранилище до конца жизни. С 1903 назначен хранителем рукописного отделения; дважды, в 1904 и 1910, временно замещал директора музеев. Был одним из ближайших друзей Л.А. Тихомирова и адресатом ряда его писем. После революции продолжал заведовать отделением, работал в должности главного библиотекаря. Сблизился с Н.Ф. Федоровым с первых же дней службы в библиотеке. См.: Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. / сост., А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновой. СПб., 2004. С. 982–983 [коммент.]; *Довгалло Г.И.* Из истории отдела рукописей по материалам архива Г.П. Георгиевского // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1986. Вып. 45. С. 61–87.

[239] Тихомиров пытался изучать японский и китайский языки. 30 апреля 1916 он вспоминал в дневниковой записи: «...Роясь в бумагах, нашел эту тетрадь. Это была когда-то книга моих упражнений в китайском языке. Рой воспоминаний охватил меня. Далекое, невозвратное время!.. Я нашел две тетради: одна – упражнения по японскому языку, другая – вот эта самая – по китайскому. Уничтожить первую – не поднялась рука. Но теперь нет бумаги. Такой тетради, как эта, не найдешь ни в одном магазине... И вот я соблазнился: выдрал из тетради все упражнения, кое-как заклеил эту огромную рану в книге, перевернул книгу задней стороной к переду – и готова. Имею тетрадь, какой не найдешь, может быть, у иного министра. Сколько ей лет? Не упомню. Я занимался китайским языком

еще до боксерского восстания. А эту тетрадь пустил для занятий примерно скоро по взятии Пекина, когда архимандрит Иннокентий был только что рукоположен во епископы и отправился в Китай с радужными мечтами возродить или, точнее, создать Православную китайскую церковь. Я тогда мечтал, коли Бог поможет, съездить к нему, чтобы посмотреть лично на этот новый росток Православия и помогать потом Иннокентию отсюда с той смелостью, которую дает личное знакомство с описываемыми местами и деятельностью. Увы! С тех пор прошло, стало быть, около 14 лет. Китай, Китай! Где тут думать о Китае! Спрашиваешь себя: в какой степени уцелеет Православие в России? Пожалуй, и у самого Иннокентия опустились руки. А я – даже уже и не годен никуда, и мне не до Китая. Вырвал свои "упражнения", бросил в печку...», см.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / руководитель проекта, сост., предисл., коммент. и примеч. А.В. Репников. М., 2008. С. 272–273. Подробнее см. републикацию его статей в приложении к книге *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова: *Тихомиров Л.А.* Китай, Россия и Европа С. 514–526; *он же*. Вести о китайском православии // Там же. С. 527–528; *он же*. Япония и Китай в Корее // Там же. С. 529–530.

240 **Елишев А.И.** – сотрудник и автор «Московских ведомостей».

241 **Союз русских людей** (СРЛ) – монархическая организация, действовавшая в 1905–1917. Инициаторы создания – братья графы Петр Сергеевич и Павел Сергеевич Шереметевы, вокруг которых в Москве сложился «Кружок московских дворян». В апреле 1905 его участники объявили о создании СРЛ с целью отстоять исконные начала, «согласить» их с объявленным властью обновлением государственного строя и найти выход из переживаемой Россией смуты. Подробнее см.: *Омельянчук И.В., Репников А.В.* Союз русских людей // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 477–480.

242 **Фудель Иосиф (Осип) Иванович** (1863–1918) – церковный и общественный деятель, публицист, церковный писатель. Окончил юридический факультет Московского университета, затем служил в Московском окружном суде. Печатался с 1886 после знакомства с И.С. Аксаковым. Публиковал статьи в «Русском деле», «Благовесте», «Русском слове», «Московских ведомостях», «Русском вестнике», «Миссионерском обозрении», «Русском обозрении» и др. В последнем журнале вел отдел «Вопросы церковной жизни». Общался с К.Н. Леонтьевым, переписывался с ним. В 1888 впервые попал в Оптину пустынь. После двух лет окормления у старца Оптиной пустыни Амвросия по его благословению и по рекомендации К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова оставил службу в суде, полгода изучал церковные науки в Вильно и в 1889 принял сан священника. В 1892 переведен в Москву, получил назначение в храм Покрова Пресвятой Богородицы при Бутырской тюрьме. В конце сентября 1907 переехал с семьей на Арбат и начал службу настоятелем приходского храма св. Николы Явленного в Плотниках. Был так-

же законоучителем в школе при Московской Синодальной Типографии. В 1908–1914 издавал при Никольской церкви «Приходский вестник». Участвовал в работе Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, Братства четырех Святителей Московских. Активно собирал материалы о жизни и деятельности К.Н. Леонтьева, начал издавать его собрание сочинений (не закончено). Общался с кругом лиц, входивших в «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви»: М.А. Новоселовым, С.Н. Булгаковым, В.А. Кожевниковым, П.Б. Мансуровым, Ф.Д. Самариным. Среди его знакомых были Л.А. Тихомиров, С.Н. Дурылин, В.В. Розанов, П.А. Флоренский. Скончался от «испанки» (испанский грипп), похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря. Панихиду служил о. Павел Флоренский, участвовавший и в отпевании. Подробнее см.: *Хатунцев С.В.* Фудель И.И. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 549–551.

243 Имеется в виду восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» 14–25 июня 1905.

244 **Кузнецов Николай Дмитриевич** (1863 – 1930, по другим данным, 1931) – богослов, магистр церковного права. В 1886 окончил физико-математический факультет Московского университета, в 1892 – Петербургскую духовную академию, в 1896 – Демидовский юридический лицей. С 1901 присяжный поверенный Московской судебной палаты. С 1908 приват-доцент Демидовского юридического лицея. В 1908–1911 доцент церковного права в Московской духовной академии. Член Предсоборного Присутствия, член Святейшего Собора Православной Российской Церкви, профессор Московской духовной академии. Член Кружка ищущих христианского просвещения. После октября 1917 выступал в защиту патриарха Тихона и Церкви, хотя вел себя неоднозначно, см.: *Ореханов Г.*, иерей На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002. С. 156–157. Входил в совет Союза объединенных приходов Москвы. Арестован по «делу» Союза объединенных приходов в 1919. В 1920 был приговорен к расстрелу, замененному «концентрационным лагерем». В 1921 освобожден и вновь арестован около 1928. Умер в ссылке в Алма-Ате (точная дата смерти неизвестна). См.: *Голубцов С.А.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. С. 56–57.

245 **Степанов Филипп Петрович** (1857 – после 1927) – прокурор Московской Синодальной конторы, камергер, действительный статский советник, помещик Тульской губернии. Организатор «Общества активной борьбы с революцией», член Союза русского народа. Друг С.А. Нилуса и один из первых публикаторов «Протоколов сионских мудрецов». Эмигрировал. 17 апреля 1927 сделал в городке Старый Фугот (Югославия) заявление относительно публикации «протоколов». Подробнее см.: *Стрижев А.Н.* Сергей Нилус: тайные маршруты. М., 2007. С. 100–101.

[246] **Грингмут Ольга Владимировна** – дочь В.А. Грингмута.

[247] **Голубов Николай Федорович** (1856–1943) – терапевт, профессор Московского университета по кафедре частной патологии и терапии. Окончил Московский университет; с 1882 по 1886 служил ординатором, с 1887 ассистентом пропедевтической клиники профессора М.П. Черинова. В 1890 получил степень доктора медицины за диссертацию в которой открыл зооглейную форму кумысного бродила; в том же году назначен приват-доцентом, а в 1893 профессором Московского университета. Заслуженный деятель науки РСФСР. Автор ряда работ на медицинскую тему. Подробнее см.: [Автор не указан] Голубов Н.Ф. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 176–177.

[248] **Кронштадтский Иоанн (Сергиев Иван Ильич)** (1829–1909) – проповедник, духовный писатель, общественный деятель. Канонизирован. Подробнее см.: *Сурский И.* Отец Иоанн Кронштадтский: Т. 1–2 в одной книге, М., 1994; Святой праведный Иоанн Кронштадтский: жизнеописание, чудеса и наставления. Минск, 2000; *Киценко Н.Б.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006; *Репников А.В.* Иоанн Кронштадтский // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 211–215. Об отношении о. Иоанна к революционным событиям см.: Новые грозные слова отца Иоанна (Кронштадтского) «О Страшном поистине Суде Божием, грядущем и приближающемся» 1906–1907 года [М., 1993].

[249] Дата неверна. Запись в дневнике Николая II от 14 июля 1905: «Отец Иоанн приехал к нам и пил у нас чай» // Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. II. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 46.

[250] В 1905 Д.Н. Ломан генералом не был. **Ломан Дмитрий Николаевич** (1868–1918) – штаб-офицер для поручений при дворцовом коменданте, доверенное лицо императрицы Александры Федоровны, член Русского собрания. Уполномоченный императрицы по Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 им. ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны. Начальник Царскосельского лазарета № 17 Великих княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. Почитатель о. Иоанна Кронштадтского, член Общества его последователей. Друг Г.Е. Распутина. Ктитор Федоровского Государева собора в Царском Селе. Полковник. При поддержке Ломана С.А. Есенин вместе с Н.А. Клюевым выступил с чтением стихов в патронируемом Великой княгиней Елизаветой Федоровной лазарете для раненых при Марфо-Мариинской общине, в доме Великой княгини перед хозяйкой и гостями. По ходатайству Ломана призванный на военную службу Есенин был зачислен санитаром в Царскосельский полевой военно-санитарный поезд № 143. После Февральской революции 1917 Ломан был отстранен от начальство-

вания над лазаретом и арестован. Освобожден в начале мая и отправлен на фронт. Расстрелян после объявления «красного террора». Подробнее см. воспоминания его сына: *Ломан Ю.Д.* Воспоминания крестника императрицы. СПб., 1994.

251 **Никон (Рождественский Николай Иванович)** (1851–1919) – архиепископ, духовный писатель и издатель. В 1874 окончил Московскую духовную семинарию. Поступил послушником в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. В 1880 пострижен в монашество, в 1885 рукоположен во иеромонаха, возведен в звание соборного монаха Московского Донского монастыря. В 1892 утвержден действительным членом собора Свято-Троицкой Сергиевой Лавры с возведением в сан архимандрита. С 1893 – казначей Лавры. В 1901 – председатель епархиального училища иконописания при Троице-Сергиевой Лавре, издатель «Троицких листков», «Троицкой библиотеки», «Божией Нивы». В 1904 хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии. С 1904 – епископ Серпуховской, четвертый викарий Московской епархии. С 1906 – епископ Вологодский и Тотемский. С 1907 – член Государственного Совета. С 1908 – член Святейшего Синода. В мае 1912 уволен по болезни от управления епархией и назначен членом Святейшего Синода. В 1913 возведен в сан архиепископа. С 1913 по 1916 председатель издательского совета при Святейшем Синоде. В мае 1913 был командирован Синодом на Афон. С июля 1916 на покое. Проживал в Троице-Сергиевой Лавре, продолжая издательскую деятельность. См.: *Никон (Рождественский)*, архиепископ. «Козни врагов наших сокруши...»: Дневники, 1910–1917. Минск, 2004.

252 **Сазонов Георгий Петрович** (? – после 1924) – журналист, издатель газеты «Россия», покровитель Г.Е. Распутина.

253 **Всенощная** (всенощное бдение) – богослужение, совершаемое вечером накануне особо чтимых праздничных дней.

254 В чаянии, в надежде, в проекте (*лат.*).

255 «Манифест об учреждении Государственной Думы», «Учреждение Государственной Думы», «Положение о выборах в Государственную Думу» (были разработаны Особой комиссией под руководством министра внутренних дел А.Г. Булыгина). В соответствии с этими Актами Государственная дума создавалась как законосовещательный орган при царе.

256 **Рузвельт Теодор** (1858–1919) – президент США в 1901–1909.

257 **Анна Иоанновна** (1693–1740) – русская императрица, герцогиня Курляндская.

258 **Бирон Эрнст Иоганн** (1690–1772) – курляндский дворянин, фаворит императрицы Анны Иоанновны, фактический правитель России.

259 Все позволено (*франц.*).

260 Имеют свою судьбу короли (*лат.*) В том смысле, что судьба их непредсказуема.

[261] Образ жизни, условия существования (*лат.*).

[262] Речь идет о массовой гибели людей 18 мая 1896 на Ходынском поле в Москве во время празднования коронационных торжеств Николая II. По официальным данным, в ходе давки во время раздачи подарков пострадало 2690 человек, из которых 1389 умерли. См.: История Москвы. М., 1955. Т. 5. С. 666. Дневник Алексея Сергеевича Суворина / текстол. расшифровка Н.А. Роскиной; подготовка текста Д. Рейфилда, О.Е. Макаровой. London; М., 1999. С. 242–247.

[263] **Комура Ютаро** (1855–1911) – барон, японский дипломат, посланник в Корее, Китае и США (1895–1898), министр иностранных дел (1901–1906 и 1908–1911), глава японской делегации в Портсмуте.

[264] **Портсмутский мир** завершил русско-японскую войну 1904–1905. Заключен 23 августа (5 сентября) 1905 в Портсмуте, США, штат Нью-Хэмпшир. Россия признала Корею сферой влияния Японии, уступила ей Южный Сахалин и права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним. Стороны обязались одновременно вывести войска из Маньчжурии. Потерял силу после капитуляции Японии во Второй мировой войне.

[265] Русско-японская война рассматривалась Тихомировым не только как столкновение государств. 29 января 1904 он писал в дневнике: «Начинается борьба монгольской расы с арийскою и борьба атеизма с христианством. Я говорю “атеизма”, но не то что атеизма, а “Антихристовщины” – земного бога. Тут происходит борьба не одних земных армий, а сил небесных и преисподних. У меня какой-то мистический страх и мистические надежды. Если бы суждено было победить нам, то несомненно это бы означало быстрое торжество христианства в Китае и Японии. Если победят они – значит совершается последняя глава Истории человечества...», см.: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 142–142 об. Поражение в войне казалось Тихомирову в этом свете концом «Истории человечества». Подробнее см.: *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. С. 344–349; *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 247. 250–251.

[266] **Епифанов А.Н.** – купец, меценат. Почетный член Русского монархического собрания.

[267] **Введенский Дмитрий Иванович** (1873–1954) – сын священника. Окончил Московскую духовную академию (1898). Преподаватель Вифанской (1899–1905) и Московской (1906–1909) духовных семинарий. Ординарный профессор Московской духовной академии. Доктор богословия (1914). Автор более 400 работ. Использовал труд оплачиваемых им сотрудниц для написания работ под своим именем. В 1919 и 1928 кратковременно арестовывался. В 1928–1931 был консультантом на Постоянной Нижегородской ярмарке. С 1931 в кустарно-промышленной кооперации. С 1933 – на-

учный сотрудник Горьковского краевого НИИ промышленности. С 1935 – заместитель директора по учебной части Ветлужского педагогического техникума.

[268] **«Троицкий листок»** – православный журнал, выходивший под редакцией архиепископа Вологодского Никона (Рождественского).

[269] **Трубецкой Сергей Николаевич** (1862–1905) – религиозный философ, публицист, общественный деятель. Последователь и друг Вл.С. Соловьева. В 1900–1905 редактор журнала «Вопросы философии и психологии». В 1905 стал первым выборным ректором Московского университета. Подробнее см.: *Наместникова И.А.* Трубецкой С.Н. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 727–728.

[270] **Голенищев-Кутузов Петр Аркадьевич** (1845–?) – граф, бывший цензор, публицист. Редактор «Санкт-Петербургских ведомостей».

[271] **Шабельская Елизавета Александровна** (1855–1917) – писательница, публицистка, актриса, театральная деятельница, авантюристка. Корреспондент газеты «Новое время» в Берлине. Вела многолетнюю переписку с А.С. Сувориным, см.: РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 4669. Письма Шабельской Е.А. к Суворину А.С. 4.01. 1890 – 6.04.1909; Ед. хр. 4670. Письма Шабельской Е.А. к Суворину А.С. 1890-е. В 1896 открыла свой театр в Петербурге. Член Союза русского народа, сотрудничала в монархических газетах «Русское знамя» и «Колокол». Издательница газеты «Свобода и порядок». Автор романов «Сатанисты XX века» (1911), «Красные и черные» (1913). Подробнее о ней и о процессе: *Лурье Л.Я.* Хищницы. СПб., 2012. С. 125–197.

[272] **Ковалевский Владимир Иванович** (1848–1934) – государственный деятель, ученый и предприниматель.
Действительный статский советник (1891), тайный советник (1899). Специалист по аграрной науке и статистике. Член Ученого комитета Министерства государственных имуществ (1883–1902), вице-директор Департамента окладных сборов Министерства финансов (1884), член Тарифного комитета Департамента железнодорожных дел Министерства финансов (1889), директор Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов (1892–1900), товарищ министра финансов (1900–1902). Один из авторов концепции русского протекционизма. Товарищ председателя (1903) и председатель Русского технического общества (1906–1916). В годы Первой мировой войны – член Бюро Центрального военно-промышленного комитета и председатель Торфяного комитета при Министерстве земледелия. При советской власти занимался научной работой в области сельского хозяйства. Заслуженный деятель науки РСФСР. Был любовником Е.А. Шабельской.

[273] **«Панама»** – жульническая афера правления акционерной компании, созданной во Франции в 1879 для сооружения Панамского канала. Для

сокрытия хищений, злоупотреблений и тяжелого финансового положения правление компании подкупило французских министров, сенаторов, депутатов, редакторов газет. Бумаги акционерного общества «Всеобщая компания межокеанского канала» приобрели более 800 тысяч человек. Крах компании в 1888 разорил десятки тысяч мелких держателей акций. Название стало нарицательным, в переносном смысле – крупное политическое и финансовое мошенничество, афера.

[274] Позицию С.Ю. Витте по данному вопросу см.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки / публ. и примеч. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 184–187.

[275] «Человеку, замешанному в такие истории, оставаться товарищем министра финансов было невозможно», считал Витте, отмечая: «Я признаю Ковалевского крайне талантливым, экспансивным, увлекающимся человеком, таким человеком, которому нельзя особенно доверяться именно вследствие его непостижимой слабости к дамам, притом именно к таким дамам, от которых надлежит удаляться». См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. Т. 1. Кн. 1. С. 185, 187.

[276] **Плеве Вячеслав Константинович** (1846–1904) – государственный деятель. С 1881 директор департамента полиции, с 1884 сенатор и товарищ министра внутренних дел России, с 1894 государственный секретарь, с 1899 министр, статс-секретарь Финляндии. С 1902 министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов. Проводил жесткую политику в отношении революционного движения. Убит эсером-террористом Е.С. Созоновым. Об отношении Тихомирова к Плеве см.: *Малахов-Камартан К.* Лев Тихомиров и Плеве // Красная летопись. М.; Л., 1923. № 7. С. 199–207.

[277] **Ламздорф Владимир Николаевич** (1844–1907) – граф, министр иностранных дел (1900–1906). Сподвижник С.Ю. Витте. Сторонник франко-русского сближения, которое способствовало созданию Антанты. С 1906 член Государственного совета.

[278] После Портсмутского мира С.Ю. Витте получил в России обидное прозвище «граф полу-Сахалинский», т. к. по условиям Портсмутского мира Россия утрачивала южную часть острова Сахалин.

[279] Учитывая славянофильские симпатии А.А. Киреева, можно полагать, что в данном случае речь идет об известном славянофиле А.С. Хомякова.

[280] Отель «Мирабо».

[281] **«День»** – ежедневная газета (издатель Ф.Н. Берг). Выходила в Петербурге с 1903 по 1909.

[282] **Стессель В.А.** – жена генерала А.М. Стесселя.

[283] **Петрункевич Иван Ильич** (1843–1928) – общественный и политический деятель. Один из создателей и лидеров кадетской партии. Окончил в 1866 году юридический факультет Петербургского университета. С 1869 года мировой судья, а с 1879 года председатель мирового съезда в Черниговской губернии. В 1879 выслан в Галич за участие в составление адреса черниговского земства, затем жил в Смоленске под надзором полиции. В 1886 вернулся на родину в Чернигов, но был выслан и поселился в Твери. С 1901 был одним из организаторов издания за границей нелегального журнала «Освобождение». Принимал активное участие в организации «Союза освобождения». На первом съезде «Союза освобождения» в 1903 избран его председателем. Один из организаторов Конституционно-демократической партии, с 1909 по 1915 председатель ЦК партии. С 1919 в эмиграции.

[284] **Шипов Дмитрий Николаевич** (1851–1920) – общественный и политический деятель. В 1891–1893 председатель Волоколамской уездной земской управы, в 1893–1904 – председатель Московской губернской земской управы. Активный участник земского движения. Член кружка «Беседа». С конца 1905 был одним из лидеров партии «Союз 17 октября». В 1905–1906 председатель ее ЦК. После заявления А.И. Гучкова о необходимости введения военно-полевых судов в знак протеста вышел из «Союза 17 октября» в сентябре 1905. С 1906 вступил в Партию мирного обновления. С 1907 – председатель ее ЦК. В 1906–1909 был избран от Московского губернского земства членом Государственного совета и вошел в его левое крыло. Отрицательно отнесся к столыпинской аграрной реформе и разрушению общинного хозяйства. В 1909–1911 состоял гласным Московской городской думы. С 1911 отошел от общественно-политической деятельности. В 1919 был арестован ВЧК по делу «Национального центра». Умер в Бутырской тюрьме. Подробнее см.: *Шелохаев С.В.* Шипов Д.Н. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 622–624.

[285] **Стахович Михаил Александрович** (1861–1923) – политический и общественный деятель. Окончил Императорское училище правоведения. С 1882 служил по Министерству юстиции. С 1891 уездный предводитель дворянства. В 1895–1907 – орловский губернский предводитель дворянства, землевладелец, действительный статский советник. В 1904–1905 уполномоченный Российского общества Красного Креста. С 1907 – член Государственного совета. Депутат I и II Государственной дум от Орловской губернии, один из организаторов и член ЦК «Союза 17 октября», затем один из основателей Партии мирного обновления. Играл видную роль в земском движении. После Февральской революции – финляндский генерал-губернатор, затем представитель Временного правительства за границей.

[286] **Васнецов Виктор Михайлович** (1848–1926) – художник. Оказал материальную поддержку Л.А. Тихомирову при издании «Монархической государственности» и подбирал шрифты к книге. Был близок к «Кружку ищущих христианского просвещения». Критикуя нестерпимую «околодовщину» в «Московских ведомостях», что, по его мнению, только отталкивало читателей, Васнецов отмечал, что в газете заслуживают внимание лишь статьи Тихомирова, выделяющиеся истинно русским тоном, см.: Виктор Михайлович Васнецов: Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987. С. 181. Подробнее см.: *Чесноков С.В.* «Да разгорается эта искра в пламя» (Роль В.М. Васнецова в истории первого издания «Монархической государственности» Л.А. Тихомирова) // Проблемы взаимодействия духовного и светского образования. История и современность: XII Рождественские православно-философские чтения. Нижний Новгород, 2004. С. 52–62.

[287] Суд над Шабельской начался только 23 ноября 1905. Прокурор полагал вину доказанной, но благодаря присяжным заседателям Шабельская была оправдана См.: *Лурье Л.Я.* Хищницы. С. 174–183.

[288] Дистанцированность Тихомирова от политических партий можно объяснить и желанием сохранить свою независимость, и боязнью подпасть под «пресс» партийности. Что такое партийная дисциплина Тихомиров знал еще по своему революционному прошлому. Наконец, он понимал (и часто отмечал это в дневнике), что если и способен что-то сделать как «идеолог», то как организатор он не имеет необходимых для этого качеств. Следовательно, в любом случае он не сможет быть в монархических организациях на первых ролях, и в этом случае разумно оставаться независимым публицистом. В письме от 26 января 1909 к Николаю Вячеславовичу Плеве (сыну В.К. Плеве) Тихомиров так пояснит свое нежелание вступать в какую-либо монархическую партию: «Покорнейше благодарю! Ни одно из них не имеет и $^{1}/_{1000}$ того, чему бы я согласился покориться. А все вместе – они своей грызней еще больше уменьшают сумму общей силы. Нет, для того чтобы “*Моск*[овские] *вед*[омости]” имели хоть малейшие шансы сплотить силы, – я должен был *сразу* и *резко* стать *вне партий*. И, кажется, я не ошибся... Мой руководящий принцип – *люди*, а не партии. Важны *вожаки*, важны сильные личности. Остальное пойдет само собой, поскольку это возможно по обстоятельствам. Заметьте, что организация *без действия*, это – канцелярщина, организация нужна только на краткое время действия и в *живом* состоянии только при этом возможна. Ну, однако, это сложный предмет не исчерпать в кратком письме... *Успех* нужен прочный, а не *фейерверк*». См.: Лев Тихомиров и Плеве / вступ. ст. и публ. К. Малахова-Камартана // Красная летопись. 1923. № 7. С. 207.

[289] **Вильгельм II Гогенцоллерн** (1859–1941) – последний германский император (1888–1918) и прусский король, двоюродный брат императрицы Александры Федоровны. Свергнут ноябрьской революцией в Германии в 1918.

[290] **Пясковский Николай Яковлевич** (1855–?) – писатель, публицист, доктор медицины. Получил образование в Военно-медицинской академии.

[291] **Дурново Николай Николаевич** (1842–1919) – титулярный советник, консервативный публицист, автор «Московских ведомостей». В 1879–1886 редактор-издатель московской газеты «Восток». После смерти В.А. Грингмута начал в 1908 критическую кампанию в прессе против о. Иоанна Восторгова. См.: *Дурново Н.Н.* Протоиерей И.И. Восторгов и его политическая деятельность. М., 1908; *он же.* Несколько слов «восторговцам». По поводу брошюры «Протоиерей И.И. Восторгов и его политическая деятельность». М., 1908; *он же.* Новые подвиги протоиерея И.И. Восторгова и его оправдание. М., 1909. Ответ на критику см.: Клевета Н.Н. Дурново. Ответ прот. И.И. Восторгова. М., 1909. Анализ полемики см.: *Струков А.В.* Общественная деятельность протоиерея Иоанна Восторгова. Диссертация ... канд. ист. наук. М., 2010. Наиболее подробную на сегодняшний день биографию Н.Н. Дурново и библиографию работ о нем см.: *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб., 2012. С. 378–396.

[292] Свидетельство о бедности; в переносном смысле – признание слабости, несостоятельности в чем-либо (*лат.*)

[293] **Лаффер (Лафер) Луи** (1861–1929) – деятель французского масонства, гроссмейстер «Великого Востока» Франции, лидер партии радикалов в парламенте. Упоминание о нем встречается в правых изданиях. См., например: «Колокол». 1908. 9 ноября. В феврале 1908 в Париже контактировал с масонами из России. См.: *Старцев В.И.* Тайны русских масонов. СПб., 2004. С. 168; *Брачев В.С.* Масоны и власть в России. М., 2003. С. 308. Ходили неподтвержденные слухи о намечаемой им поездке в Россию. См.: *Соловьев О.Ф.* Русские масоны. М., 2006. 212–213.

[294] **Меньшиков Михаил Осипович** (1859–1918) – публицист, литературный критик, общественный деятель, один из идеологов Всероссийского национального союза. Ведущий сотрудник газеты «Новое время». Расстрелян чекистами. Реабилитирован в 1993. Подробнее см.: *Репников А.В., Санькова С.М.* Меньшиков М.О. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 289–295; *Крижановский Н.И.* Публицистика М.О. Меньшикова в контексте критико-философской мысли рубежа XIX–XX веков. Армавир, 2012.

[295] **Кортес Эрнан (Фернандо)** (1485–1547) – испанский конкистадор, завоеватель Мексики (1519–1521).

[296] **Монтесума (Монтецума)** (ок. 1466–1520) – наследственный верховный вождь ацтеков и глава союза индейских племен на территории Мексики. В период завоевания Мексики испанцами (1519–1521) был взят в плен завоевателями. Убит.

[297] **Нольде Борис Александрович** (1885–1936) – полярный исследователь. Сын писателя и переводчика Александра Нольде. В 1902–1905 учился в Морском кадетском корпусе; по окончании произведен в чин мичмана. Офицер императорской яхты «Полярная звезда» (1912–1914). Во время службы познакомился с царской семьей и ее ближайшим окружением. Командир крейсера «Аскольд» (1919). В 1919 эмигрировал.

[298] **Бирилев Алексей Алексеевич** (1844 – 1915, по другим данным, 1916) – командующий российской эскадрой в Средиземном море (1900); контр-адмирал, командир 3-го флотского экипажа Балтийского флота. Флагман (1903) и командующий (1904) Балтийским, а затем Тихоокеанским (май 1905) флотом. Морской министр (1905–1907). Адмирал (1907).

[299] **Сытин Иван Дмитриевич** (1851–1934) – известный русский издатель-просветитель. Начал издательскую деятельность в 1876 в Москве, открыв свою типографию. После Октябрьской революции состоял консультантом в Госиздате. С 1928 – персональный пенсионер.

[300] **Мамонтов Савва Иванович** (1841–1918) – промышленник и меценат. Акционер железнодорожного и промышленного обществ. В 1870–1890 подмосковное имение С.И. Мамонтова Абрамцево стало одним из центров художественной жизни. При содействии Мамонтова были созданы художественные мастерские, развивавшие традиции русского народного творчества. В 1885 основал на свои средства Московскую частную русскую оперу (действовала до 1904). В 1899 разорился.

[301] **Прохоровы** – предприниматели. Иван Яковлевич создал в 1874 «Товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры».

[302] **Медем Георгий Петрович**, фон (1850–?) – барон, генерал-майор. Помощник начальника Штаба Отдельного корпуса жандармов (1903), московский градоначальник (1905–1906).

[303] В целом Л.А. Тихомиров скептически относился к версии «масонского заговора». См.: *Тихомиров Л.А.* К вопросу о масонах; Борьба с масонством; *он же*. Христианство и политика. С. 328–331, 334–337. Сравнивая антимасонские работы иностранных авторов с книгами своих соотечественников, он отмечал: «Старые [книги] Бутми и других антисемитов слишком грубы, и их развитой человек, особенно несколько либеральный, может только отшвырнуть», см.: Дневник Л.А. Тихомирова 1915–1917 гг. С. 308.

[304] **Радонежский Сергий** (1321–1391) – церковный деятель, основатель Троице-Сергиевой лавры, православный святой.

[305] **«Moscauer Deutsche Zeitung»** – «Московская немецкая газета». Основана в 1870. Прекратила свое существование в 1914 с началом Первой мировой войны.

[306] Речь идет о булочных магазинах знаменитой династии Филипповых – московской купеческой семьи. В.А. Гиляровский так описывает события 25 сентября 1905: «То, что случилось здесь в этот день, поразило Москву. Это было первое революционное выступление рабочих и первая ружейная перестрелка в центре столицы, да еще рядом с генерал-губернаторским домом! С половины сентября пятого года Москва уже была очень неспокойна, шли забастовки. Требования рабочих становились все решительнее. В субботу 24 сентября к Д.И. Филиппову явилась депутация от рабочих и заявила, что с воскресенья они порешили забастовать. Часов около девяти утра, как всегда в праздник, рабочие стояли кучками около ворот. Все было тихо. Вдруг около одиннадцати часов совершенно неожиданно вошел через парадную лестницу с Глинищевского переулка взвод городовых с обнаженными шашками. Они быстро пробежали через бухгалтерию на черный ход и появились на дворе. Рабочие закричали: – Вон полицию! Произошла свалка. Из фабричного корпуса бросали бутылками и кирпичами. Полицейских прогнали. Все успокоилось. Вдруг у дома появился полицмейстер в сопровождении жандармов и казаков, которые спешились в Глинищевском переулке и совершенно неожиданно дали два залпа в верхние этажи пятиэтажного дома, выходящего в переулок и заселенного частными квартирами. Фабричный же корпус, из окон которого кидали кирпичами, а по сообщению городовых, даже стреляли (что и заставило их перед этим бежать), находился внутри двора. Летели стекла... Сыпалась штукатурка... Мирные обыватели – квартиранты метались в ужасе. Полицмейстер ввел роту солдат в кофейную, потребовал топоры и ломы – разбивать баррикады, которых не было, затем повел солдат во двор и приказал созвать к нему всех рабочих, предупредив, что, если они не явятся, он будет стрелять. По мастерским были посланы полиция и солдаты, из столовой забрали обедавших, из спален – отдыхавших. На двор согнали рабочих, мальчиков, дворников и метельщиков, но полиция не верила удостоверениям старших служащих, что все вышли, и приказала стрелять в окна седьмого этажа фабричного корпуса... Около двухсот рабочих вывели окруженными конвоем и повели в Гнездниковский переулок, где находилось охранное отделение и ворота в огромный двор дома градоначальника. Около четырех часов дня в сопровождении полицейского в контору Филиппова явились три подростка-рабочие, израненные, с забинтованными головами, а за ними стали приходить еще и еще рабочие и рассказывали, что во время пути под конвоем и во дворе дома градоначальника их били. Некоторых избитых даже увезли в каретах скорой помощи в больницы. Испуганные небывалым происшествием, москвичи толпились на углу

Леонтьевского переулка, отгороженные от Тверской цепью полицейских. На углу против булочной Филиппова, на ступеньках крыльца у запертой двери бывшей парикмахерской Леона Эмбо, стояла кучка любопытных, которым податься было некуда: в переулке давка, а на Тверской – полиция и войска» // *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. Очерки старомосковского быта. М., 1959. С. 152–153.

307 **Иоанн Богослов** – один из двенадцати апостолов, автор четвертого Евангелия, трех посланий и Откровения.

308 **Обедня** – простонародное название литургии.

309 Отправившись в Петербург по делам университета, С.Н. Трубецкой скоропостижно скончался в приемной министра от кровоизлияния в мозг.

310 **Попов Николай Петрович** – библиотекарь патриаршей ризницы.

311 **Добронравов Николай Павлович** (1861–1937) – архиепископ. Окончил Московскую духовную семинарию (1881) и Московскую духовную академию (1885). Преподавал в Вифанской духовной семинарии. В 1905 был активным членом Московского общества любителей духовного просвещения. Один из активных участников Поместного собора 1917–1918. Начиная с 1918 неоднократно репрессировался. 7 декабря 1937 приговорен к расстрелу. Расстрелян 10 декабря того же года на полигоне Бутово под Москвой. Подробнее см.: Игумен *Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2001. Кн. 5. С. 427–435.

312 То есть в город Вышний Волочёк.

313 Возможно, **Лагов Петр Ильич** – студент Московской духовной академии с правом на получение степени кандидата по представлении удовлетворительных кандидатских сочинений. Был утвержден в степени кандидата 6 сентября 1906.

314 **Геника Леонид Владимирович** – журналист, дворянин, один из основателей Русской монархической партии. См.: Правые партии. 1905–1917 годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1905–1910 годы / сост., авт. пред., введен. и коммент. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. С. 136, 148.

315 **Розен Григорий Григорьевич** – барон, один из создателей Русской монархической партии.

316 **Преображенский Ф.А.** – один из основателей Русской монархической партии. См.: Правые партии. 1905–1917 годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1905–1910 годы. С. 148.

317 **Шванебах** (урожденная **Беренс**) **Мария Андреевна** (? – не ранее 1908) – жена П.Х. Шванебаха.

[318] **Шмаков Алексей Семенович** (1852–1916) – присяжный поверенный, публицист, активный участник правых организаций: член-учредитель Русской монархической партии, член Русского монархического собрания, Союза русского народа, Русского собрания в Петербурге. В 1905 был выдвинут правыми в I Государственную думу, но не прошел. Автор многочисленных статей по еврейскому вопросу, в которых пропагандировал теорию существования международного тайного правительства: *Шмаков А.С.* Свобода и евреи. М., 1897; *он же.* Еврейский вопрос на сцене всемирной истории. М., 1912; *он же.* Международное тайное правительство. Дополненное и переработанное исследование по схеме речи, произнесенной на VII съезде Объединенных дворянских обществ А.С. Шмаковым, как уполномоченным Московского дворянства. М., 1912. Републикация: *он же.* Международное тайное правительство. Таллин, 1999.

[319] **Анастасий** (**Грибановский Александр Алексеевич**) (1873–1965) – иерарх православной церкви. Окончил Тамбовское духовное училище, затем Тамбовскую духовную семинарию. В 1897 окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 20 апреля 1898 пострижен в монашество. 23 апреля посвящен во иеродиакона, а затем в иеромонаха. В августе 1898 занял должность помощника инспектора Московской духовной академии. В 1900 назначен инспектором Вифанской духовной семинарии, близ Троице-Сергиевой лавры, в июле 1901 ректором Московской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. С июня 1906 епископ Серпуховской, викарий Московской епархии, с местопребыванием в Даниловом монастыре. Принял участие в деятельности Союза русских людей, монархического Братства Воскресения Христова (занимал пост председателя). В мае 1914 назначен на самостоятельную кафедру, стал епископом Холмским и Люблинским. В 1916 возведен в сан архиепископа. Сторонник возрождения патриаршества. Подробнее см.: *Степанов А.Д.* Анастасий (Грибановский А.А.) // Черная сотня. Историческая энциклопедия / сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 29–30.

[320] Возможно, родственник **Берга Федора Николаевича** (1839–1909) – литератора, романиста, издателя и редактора журнала «Русский вестник». Ф.Н. Берг был активным участником монархических организаций: почетным членом Русского монархического собрания и Русской монархической партии; редактором газеты «День» (1903–1909). См.: *Белодубровский Е.Б.* Берг Ф.Н. // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 244–245. В 1912–1917 в Петербурге – Петрограде выходила ежедневная либеральная газета «День», издававшаяся Николаем Федоровичем Бергом.

[321] Фасада империи (*франц.*), т. е. во имя сохранения «лица» империи.

[322] Речь идет о забастовке железнодорожников, проходившей в центральных регионах России с 7 по 10 октября 1905, нанесшей удар по экономике страны.

[323] «21 июля 1905 произошел Балашовский инцидент, который получил благодаря публикациям в периодике всероссийскую известность. В городской гостинице проходило собрание земских врачей, принявших участие в забастовке. Собравшаяся толпа горожан числом около двух тысяч, услышав доносившееся из гостиницы пение революционных песен, стала угрожать врачам самосудом. В объявлении, расклеенном на улицах на следующий день, Столыпин оперативно информировал горожан: “Хотя при появлении моем толпа, в передних рядах которой держали портрет Государя Императора, пропев народный гимн, обещала мне не прибегать к насилию, но, когда я лично выводил из гостиницы врачей, укрывшихся в номерах, в подвале и на чердаке, для препровождения их под конвоем казаков на вокзал железной дороги, некоторые лица из толпы начали бросать в них каменьями, причем я лично получил повреждение пальца...” Поводом для толпы, считал губернатор, послужило поведение накануне инцидента земских служащих на заседании экстренного земского собрания, которые “позволили себе петь революционные песни и надрезали портрет Государя Императора”. Горожане также были раздражены листовками и объявлениями врачей, в которых излагались причины их забастовки. Столыпин осудил поведение толпы, мотивируя тем, что, какие бы “поводы ни выставлялись для такого самосуда, он является беззаконием и диким произволом, которого я не потерплю. Против виновных будет возбуждено преследование. В случае повторения подобного насилия оно будет прекращено военной силой”. Столыпин в связи с этими событиями издал циркуляр. “Будучи облечен властью, я имею в своем распоряжении достаточную силу для подавления каких бы то ни было попыток к беспорядкам. Как в сельских местностях в зародыше пресекаются аграрные беспорядки и попытки к революционной пропаганде, так и в городах я не допущу ни проявления противоправного разгула, ни захвата власти толпою”. По поводу событий в Балашове в печати высказался с тенденциозных позиций уездный предводитель дворянства князь Н.Н. Львов... который также пострадал от одного из казаков ударами нагайкой. Николай II по поводу событий в Балашове начертал следующую резолюцию: “Революционные проявления дальше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоправные действия толпы”. Тем самым император поддержал действия Столыпина», см.: *Кабытов П.С.* П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006. С. 146–147. Столыпин сообщал жене О.Б. Столыпиной в телеграмме от 22 июля 1905: «Несколько врачей избито, два дома разгромлены, защищая врачей и я получил незначительный ушиб пальца», цит. по: *Сидоровнин Г.П.* П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). Саратов, 2002. См. также: П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 101–103.

[324] **Столыпин Петр Аркадьевич** (1862–1911) – происходил из старинного дворянского рода. Окончил Виленскую гимназию и физико-математический факультет Петербургского университета (1885). В 1887–1889 служил

в Департаменте земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ. С 1889 предводитель дворянства в Ковенском уезде, с 1897 ковенский губернский предводитель дворянства. В 1902 назначен гродненским, в 1903 саратовским губернатором. С апреля 1906 министр внутренних дел, с июня 1906 одновременно председатель Совета министров. Гофмейстер (1906), член Государственного совета (1907), статс-секретарь (1908). 1 сентября 1911 смертельно ранен Д.Г. Богровым в Киевском оперном театре.

[325] **Романов Алексей Николаевич** (1904–1918) – сын Николая II, наследник престола. Расстрелян с остальными членами императорской семьи в Екатеринбурге.

[326] Имеется в виду Трубецкой Петр Николаевич.

[327] **Семенов Петр Николаевич** (1858–1909) – консервативный публицист.

[328] **Бутми де Кацман Георгий Васильевич** (1856 – после 1917) – отставной подпоручик, писатель-экономист, литератор. Землевладелец Подольской и Бессарабской губерний. Директор-распорядитель общества каменноугольных копей. Во 2-й половине 1890-х – начале XX в. опубликовал ряд работ, посвященных значимости золотой валюты и финансовым вопросам. В 1906 сотрудничал в газете Союза русского народа «Русское знамя» по вопросам «валютному и еврейскому». Автор ряда брошюр антисемитского характера. В 1912–1913 действительный член Главной палаты народного Союза им. Михаила Архангела. В 1906 в Петербурге, Казани и Кишиневе вместе с П.А. Крушеваном выпустил «русское издание» «Протоколов сионских мудрецов». В связи со смертью В.А. Грингмута опубликовал 30 сентября 1907 в «Петербургских ведомостях» некролог, в котором подробно воспроизвел историю создания и деятельности Русской монархической партии. 1 июня 1917 давал показания ЧСК Временного правительства об участии в правых организациях и правом движении. Репрессирован. Обстоятельства гибели неизвестны.

[329] То есть обитатели Хитрова рынка в Москве – бродяги и криминальные элементы.

[330] Возможно, **Бухарин М.Н.** – глава водной и шоссейной инспекции Министерства путей сообщения, член совета министра путей сообщения, автор театральных пьес.

[331] **Красников С.С.** – представитель Корпорации городских рабочих и служащих в Московской городской думе.

[332] От intransigeant (*франц.*)– бескомпромиссный, непреклонный, непримиримый.

[333] **Мальцев Алексей Петрович** (1854–1915) – протоиерей. С 1886 настоятель посольской церкви в Берлине. Перевел на немецкий язык ряд богослужебных текстов. Член Предсоборного присутствия.

[334] Отношения о. Иоанна Кронштадтского с церковными властями были неоднозначны. О различных оценках русскими консерваторами его личности и деятельности см.: Иоанн Кронштадтский и К.П. Победоносцев

(1883 г.) // Река Времен (Книга истории и культуры) / публ. А.Ю. Полунова. М., 1995. Кн. 2. С. 86–92; *Киценко Н.Б.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006; *Одинцов М.И.* Иоанн Кронштадтский. М., 2014.

[335] **Черносотенцы** – члены правых организаций, появившихся в 1905 и в последующий дореволюционный период (Союз русского народа, Союз русских людей, Русский народный союз имени Михаила Архангела и др.) и объединявших консервативно настроенную часть общества. Организации черносотенцев были ликвидированы во время Февральской революции. Подробнее см.: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России: 1911–1917 годы. М., 2001; *Степанов С.А.* Черная сотня. М., 2005; *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

[336] **Аваддон** (**Аввадон**) (в пер. с *др.-евр.* – губитель) – имя ангела, получившего ключ от кладезя бездны. По-гречески именуется Аполлион (см.: Откровение святого Иоанна Богослова. Гл. IX, ст. 11). Ср. с размышлениями Л.А. Тихомирова в его работе «Апокалиптическое учение о судьбах и конце мира»: «Сам Царь бездны Аполлион, или Авадон-губитель, направляет эту саранчу, и мучение от нее будет продолжаться таинственный срок “пять месяцев”, что конечно, нельзя понимать буквально», см.: *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 386. Подробнее об эсхатологических взглядах Тихомирова см.: *Трифонов А.Г.* Апокалиптические элементы в мировоззрении Л.А. Тихомирова: эсхатологическая история России // Россия в новое время: Историческая традиция и проблемы самоидентификации: Материалы межвузовской научной конференции 25–27 апреля 1996 г. М., 1996. С. 141–143; *Репников А.В.* Лев Тихомиров – от революции к апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. № 3. С. 189–198; *он же.* Неизвестная мистическая повесть Л.А. Тихомирова // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 1999. Вып. 1. С. 8–12; *Карпец В.И.* Эсхатологический выбор Льва Тихомирова. О повести «В последние дни» // *он же.* Русь, которая правила миром, или Русь Міровеева. М., 2005. С. 330–346; *Чесноков С.В.* Ключ к пониманию (Анонимность «Эсхатологической фантазии» Л.А. Тихомирова «В последние дни» и двуединство апокалипсического сюжета первомартовского цареубийства 1881 г.) // Эсхатологический сборник. СПб., 2006. С. 185–202.

[337] Имеется в виду Старопименовский (до революции – Пименовский переулок), где находилась церковь Пимена Великого (Троицы Живоначальной), которая была снесена в 1932. Там же находился и дом, принадлежавший семье историка Д.И. Иловайского. См.: *Цветаева М.И.* Дом у Старого Пимена // *она же.* Проза / сост., автор предисл. и коммент. А.А. Саакянц. М., 1989. С. 122–163.

[338] То есть сына Николая II.

[339] Из текста Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу: «Безумне, окаянне человече, в лености время губиши; помысли житие твое, и обратися ко Господу Богу, и плачися о делех твоих горько» (глас 6, песнь 1).

[340] Молитва из покаянного Канона: «Тя, не остави мене; изыди на взыскание мое».

[341] Манифест 17 октября 1905 («Об усовершенствовании государственного порядка») – законодательный акт, подписан российским императором Николаем II в момент наивысшего подъема Октябрьской всероссийской политической стачки. Провозглашал гражданские свободы, создание Народного представительства Государственной думы.

[342] Возможно, домовладелец.

[343] Под русской марсельезой имеется в виду песня, автором слов которой был П.Л. Лавров.

[344] **Бауман Николай Эрнестович** (1873–1905) – революционер, возглавлял московский комитет РСДРП. 18 октября 1905 убит во время манифестации в Москве комендантом фабричного общежития Н.Ф. Михалиным. Убийца был приговорен к двум годам арестантских рот, но помилован Николаем II. См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 61; *Косачевский В.* Убийцы Баумана. Документальный розыск // Москва. 1970. № 3. С. 166–181.

[345] На 20 октября революционерами были назначены «всенародные похороны жертв, погибших в борьбе с правительством за свободу».

[346] Имеется в виду Кафедральный Чудов (Алексеевский Архангело-Михайловский) мужской монастырь, располагавшийся на территории Московского Кремля. Был разрушен в 1929–1930.

[347] То есть извозчик-ломовик.

[348] Похороны Баумана 20 октября 1905 превратились в массовую антиправительственную демонстрацию, которой власти не пытались воспрепятствовать. После окончания похорон у Манежа на группу возвращавшихся с кладбища демонстрантов напали черносотенцы, был открыт огонь.

[349] То есть черносотенцев.

[350] Подробнее об убийстве Н.Э. Баумана см.: *Ежов Н.М.* Русские метаморфозы. Глава IV. Манифест 17 октября 1905 г. // Исторический вестник. 1910. Т. 120. № 5. С. 560; *К.В.* К убийству Н.Э. Баумана // Красный архив. 1925, № 4/5. С. 442–443.

[351] **Владимир** (**Богоявленский Василий Никифорович**) (1848–1918) – родился в семье священника. Окончил Тамбовскую духовную семинарию. В 1874 по окончании Киевской духовной академии со степенью кандидата богословия был назначен преподавателем Тамбовской духовной семинарии. В 1882 рукоположен во иерея. Овдовел и в 1886 принял монашеский постриг. Возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Троицкого монастыря Козловского уезда Тамбов-

ской губернии. В 1891–1892 – епископ Самарский и Ставропольский. В 1892 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии. С февраля 1898 – митрополит Московский и Коломенский. Митрополит Санкт-Петербургский (Петроградский) и Ладожский (1912–1915), первенствующий член Святейшего Синода (1912–1917). Как член Синода, принимал участие в канонизации святых. Доктор богословия (1915). Поддерживал монархическое движение, приветствовал совещание правых в Петрограде и Нижнем Новгороде (1915). Митрополит Киевский и Галицкий (1915–1917), с оставлением первенствующим членом Святейшего Синода. Член Предсоборного Совета, член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918, почетный председатель Собора до 21 ноября (4 декабря) 1917 (дня настолования патриарха Тихона). 25 января 1918 зверски убит в Киеве около Киево-Печерской лавры, где и погребен. Канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 апреля 1992.

[352] **Гучков Александр Иванович** (1862–1936) – политический деятель; октябрист. Из купеческой семьи. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1885). С 1893 – член Московской городской управы. В 1899 – волонтер в армии буров в Англо-бурской войне в Южной Африке, был ранен. В 1901 назначен директором, затем управляющим Московским учетным банком. В 1904 воевал в Македонии с турками. Во время русско-японской войны 1904–1905 был уполномоченным отряда Российского общества Красного Креста. В 1902–1908 – директор Московского учетного банка. Сторонник конституционной монархии. Один из основателей и лидер «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы. С марта 1910 по март 1911 ее председатель. В 1915 избран в Государственный совет. Во время Первой мировой войны председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Особого совещания по обороне. Участник «Прогрессивного блока». 2(15) марта 1917 в качестве представителя Временного комитета Государственной думы вместе с В.В. Шульгиным принял документ об отречении Николая II от власти. После Февральской революции – начальник Петроградского военного гарнизона, затем военный и морской министр в первом составе Временного правительства. Выступал за войну «до победного конца». После Октябрьской революции участвовал в организации борьбы против большевиков. С 1918 в эмиграции.

[353] Человек человеку волк (*лат.*).

[354] Из молитвы к Пресвятой Богородице: «Яко не имам иные помощи разве Тебе, не иныя предстательницы, ни благия утешительницы, токмо Тебе, о Богомати...».

[355] **Бородкин Михаил Михайлович** (1852–1919) – генерал-лейтенант (1907), историк, публицист, литературный критик. Автор многочисленных публикаций по финляндскому вопросу в «Новом времени», «Свете», «Русском

вестнике», «Московских ведомостях». Член Совета Русского собрания и один из основателей Русского окраинного общества. Подробнее см.: *Степанов А.Д.* Бородкин М.М. // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 69–70; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 389 [коммент.].

356 **Зограф Николай Юрьевич** (1851–1919) – доктор зоологии, профессор Московского университета, командор ордена Почетного легиона.

357 **Бодиско Дмитрий Михайлович** (1851–1920) – чиновник по особым поручениям Главного управления землеустройства и земледелия Министерства государственных имуществ, действительный статский советник. Член Русского народного союза им. Михаила Архангела (до 1912), сотрудник журнала «Прямой путь», член редакционной комиссии «Книги русской скорби». В 1920 был арестован, принял яд в тюрьме.

358 **Панихида** – богослужение, на котором совершается поминовение умерших.

359 Намек на восстание на броненосце «Потемкин-Таврический».

360 **Союз Союзов** – объединенный профессионально-политический союз России. Создан на съезде 8–9 мая 1905 в Москве. Прекратил свою деятельность в 1906 в связи с запрещением политической деятельности профсоюзов и оформлением политических партий. Включал 20 всероссийских союзов (инженеров и техников, академический, адвокатов и др.). В него входило около 135 000 человек, большей частью интеллигенция и служащие.

361 **Игнатьев Алексей Павлович** (1842–1906) – граф, генерал от кавалерии (1898). Сын П.Н. Игнатьева. В 1885–1889 – иркутский, в 1889–1896 киевский генерал-губернатор. С 1896 член Государственного совета. Убит террористом.

362 Просеивать, т. е. играть людьми, как зернами на веялке. Слова Иисуса в Евангелии от Луки. Гл. 22, ст. 31–32: «И сказал Господь: Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих». Ср.: «Потерять независимость это участь всех нечестивых народов: земля их стряхивает с себя, по живописному выражению Библии. Баба, встряхивая начовку [неглубокое корытце, лоток; на ночвах сеют муку, катают хлеба. – *А.Р.*], отвевает сор: природа встряхивает русское племя, чтобы немножко его почистить» // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX века). Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии / публ. М.Б. Поспелова. М., 1993. С. 12.

363 «Итак бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих *бедствий* и предстать пред Сына Человеческого», см.: Евангелие от Луки. Гл. 21, ст. 36.

364 **Митя Козельский (Попов Дмитрий)** – мещанин Козельска, по прозвищу Коляба, подарованной императором фамилии – Ознобышин. 14 января 1906 был принят императором, записавшим в дневнике: «В 4 часа к нам пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, кот[орое] он недавно имел. Разговаривал с ним около часа» // Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. II. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 109. После Октябрьской революции, по одной из версий, был арестован. Дальнейшая судьба неизвестна. По одной из версий, «послан в Соловецкий лагерь, где был расстрелян», см.: Неизвестный Нилус. М., 1995. Т. 2. С. 520. О возможных авторах, сюжете картины, написанной «согласно видению» и участии в этих событиях С.А. Нилуса см.: Россия перед Вторым пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Т. 1. С. 396.

365 **Новоселова Капитолина Михайловна** (урожденная **Зашигранская**), (?–1918) – мать М.А. Новоселова. Дочь священника Тверской губернии о. Михаила Васильевича Зашигранского. Была серьезно больна. В октябре 1915 Тихомиров записывает в дневнике: «Окончательно узнал, что мать Новоселова больна нервным расстройством, и посему переезжает в Посад, на ферму... Сегодня созвонился, наконец, с Новоселовым. Его мать сама захотела в Москву "домой". Она как-то нервно больна, то спокойна, то места себе не находит», см.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 152–153. 18 октября следует запись: «А у Новоселова совсем горе. Оказывается, что его мать (Капитолину Михайловну) советуют поместить в психиатрическую лечебницу. Она расстроилась, оказывается, из-за Григория Распутина! Мерещится ей, что он может или должен чем-то повредить ее сыну (Михаилу Александровичу)... Говорят, впрочем, что у нее уже было раз аналогичное расстройство, из-за которого она лечилась в психиатрической лечебнице», см.: Там же. С. 154. 1 декабря того же года запись в дневнике: «У бедняги Новоселова – худо. Мать все ухудшается. Все ей шпионы мерещатся. Говорят, бегала с ножом за котом, в котором должно быть заподозрила шпионство. Новоселов, по мне, неосторожно поступил, не поместив ее в больницу. Он, говорят, боится, что это на нее тяжело подействует. Но, во-первых это еще вопрос, она, может быть, и сейчас подозревает себя вроде как в больнице, а во-вторых, худо будет, если руки на себя наложит или кого-нибудь пырнет ножом. Страшное испытание для несчастного Михаила Александровича. Уж хуже ничего и не может быть», см.: Там же. С. 164.

366 **Стефан (Расторгуев Сергей Яковлевич)** (1861–1937) – единоверческий общественный деятель, архиепископ Московский и всея Руси Русской древлеправославной церкви (1935–1937). Родился в семье золотопромышленника, купца первой гильдии, принадлежавшего к единоверию (направление в Русской православной церкви, следующее старым обрядам).

Окончил реальное училище. В январе 1912 участвовал в Первом Всероссийском съезде единоверцев. В 1922 пострижен в монашество и возведен в сан иеромонаха. Подвергался репрессиям, 31 августа 1937 приговорен к расстрелу и 2 сентября того же года расстрелян в Оренбурге. В 2007 на Освященном соборе Русской древлеправославной церкви причислен к лику святых.

[367] **Лукьянов Иван Михайлович** – секретарь Союза старообрядцев.

[368] Имеется в виду о. Иосиф Фудель и его жена **Фудель (Емельянова) Евгения Сергеевна** (1865–1927). **Фудель Мария Иосифовна** (1892–1949) – дочь протоиерея И. Фуделя. Окончила гимназию С.Н. Фишер со званием «домашняя наставница». Во время Первой мировой войны была сестрой милосердия. После революции единожды была арестована. До самой смерти жила в квартире отца (Арбат, д. 47, кв. 2). Дружила с семьями друзей отца, в т. ч. с Нестеровыми, Флоренскими и др. **Фудель Лидия Иосифовна** (?–1934) – дочь протоиерея И. Фуделя.

[369] **Степанов Клавдий Петрович** (1854–1910) – живописец, публицист консервативного направления. Общее образование получил в Московском лицее цесаревича Николая, учился на историко-филологическом отделении С.-Петербургского университета, одновременно посещал академию художеств в качестве вольнослушателя, Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878. Состоял на государственной службе в Министерстве финансов в качестве чиновника по особым поручениям. В 1880 вышел в отставку и уехал за границу, чтобы посвятить себя живописи. В 1888 получил от Академии художеств звание классного художника первой степени. В начале 1905 вернулся в Россию. Жил в Москве, В 1905 опубликовал ряд статей в «Московских ведомостях». Основатель, редактор-издатель газеты «Московский голос». Учредитель и вице-президент Аксаковского литературно-политического общества, открытого по инициативе С.Ф. Шарапова 30 ноября 1907 в Москве. В 1906–1908 участвовал в работе «Кружка москвичей» («самаринский кружок»). Расписал храм-усыпальницу Великого князя Сергея Александровича при Чудовом монастыре; учредил иконописную школу при Донском монастыре для учеников из народа. Вынашивал идею художественного иллюстрированного журнала. Подробнее см.: *Суслов М.Д.* Степанов К.П. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 487–489.

[370] **Павлов Николай Михайлович** (?–1906) – профессор, историк, один из участников московского монархического движения. В 1905 и 1906 принимал участие в деятельности Союза русских людей, «Кружка москвичей» (в январе 1906 подписал «Отзыв» на «Обращение» Русского собрания). 1 декабря 1905 был в составе делегации Союза русских людей принят Николаем II, см.: Правые партии. 1905–1917 годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1905–1910 годы. С. 638–639.

[371] **Зайончковский Николай Чеславович** (1859–1918) – педагог, бывший попечитель Оренбургского учебного округа. Чиновник министерства народного просвещения, с 1906 член Совета министра внутренних дел. Участвовал в ряде ревизий. С октября 1915 товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, с октября 1916 сенатор I департамента.

[372] **Родзевич Николай Николаевич** (?–1919) – один из руководителей монархического движения в Одессе, председатель Одесского Союза русских людей (1906–1917), учредитель Одесского губернского отдела Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (1913), гласный Одесской городской думы. Секретарь Саратовского совещания уполномоченных монархических организаций (1915), товарищ председателя Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде (1915), член Президиума монархического движения (1915) и Совета монархических съездов (1916). Убит в 1919.

[373] «Опыт первых же месяцев практического воплощения этой модели государственного устройства обнаружил нереализуемость как раз тех ее компонентов, освященных именем К. Маркса, которые должны были убедить в ее превосходстве с точки зрения демократизма. Одновременно в большевистском руководстве возобладал курс на ликвидацию политического плюрализма и установление однопартийной диктатуры, о чем не говорили ни Маркс, ни сами большевики до захвата власти. Если вначале подчеркивалось, что пролетариат не разделяет государственной власти ни с кем, то в дальнейшем диктатура пролетариата трактовалась как классовый союз с непролетарскими слоями трудящихся против капитала при руководящей роли пролетариата. Однако признав, что невозможно организовать "поголовно" даже пролетариат, лидеры большевиков стали ссылаться на опыт прежних революций, когда носителями диктатуры революционных классов были отдельные лица». См.: *Розенталь И.С.* Диктатура пролетариата // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 140.

[374] Возможно, имеется в виду М.А. Новоселов.

[375] **Дубровин Александр Иванович** (1855–1921) – врач, политический и общественный деятель, статский советник, организатор и руководитель Союза русского народа, председатель «Всероссийского дубровинского союза русского народа». Из дворян. Сын полицейского чиновника в Кунгуре. По окончании Медико-хирургической академии (1879) – военный врач. С 1889 работал в детских приютах Петербурга, в 1890-е был врачом ремесленного училища цесаревича Николая, которым руководил Н.А. Майков. Занимался также частной практикой, благодаря которой составил состояние, приобрел акции и пятиэтажный доходный дом. С 1905 один из организаторов и председатель главного совета Союза русского народа, издатель и редактор партийной газеты «Русское знамя». После взрыва террористами дачи

П.А. Столыпина на Аптекарском острове, оказавшись случайно поблизости, принял деятельное участие в помощи пострадавшим. К аграрной реформе П.А. Столыпина отнесся крайне отрицательно, что привело к обострению политических отношений между ними. В 1909 скрывался от судебного преследования в связи с обвинением в убийстве М.Я. Герценштейна. Смог избежать преследования благодаря поддержке Николая II. С 1912 организатор и пожизненный председатель «Всероссийского дубровинского союза русского народа» («старый» Союз русского народа стал именоваться «Марковским»; «обновленческим»). После Февральской революции арестован и 28 февраля 1917 помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости по обвинению в убийстве в Териоках в 1906 М.Я. Герценштейна и подозрению в причастности к убийствам членов Государственной думы Г.Б. Иоллоса (1907) и А.Л. Караваева (1908), а также двум покушениям на жизнь С.Ю. Витте. Допрашивался ЧСК Временного правительства (март, апрель, май 1917), признавшей в итоге Дубровина «не совершившим ничего уголовного». 14 октября 1917 освобожден из-под стражи в связи с состоянием здоровья. Вновь арестован сотрудниками ВЧК 21 октября 1920. Последний адрес, по которому проживал в Москве: Денисовский переулок, д. 9, кв. 1. Обвинялся в том, что «с 1905 по 1917 г. являлся председателем “Союза русского народа”, который боролся с освободительным движением в России». Расстрелян. Имеются два постановления по «делу Дубровина» с аналогичным приговором: 1) Коллегии ВЧК от 29 декабря 1920 и 2) заседания Президиума ВЧК от 14 апреля 1921. Точных сведений о дате приведения приговора в исполнение и месте захоронения не имеется. Реабилитирован по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 сентября 1998. См.: *Макаров В.Г., Репников А.В.* Александр Дубровин и Лев Тихомиров: судьба после крушения самодержавия // Историк и время. Пенза, 2004. С. 131–144; *Богоявленский Д.Д., Иванов А.А., Репников А.В.* Дубровин А.И. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 158–164.

[376] **Арсений** (**Алексеев Степан Федотович**) (ок. 1845–1913) – игумен. Настоятель Воскресенского монастыря в Новгородской губернии. Один из инициаторов создания Союза русского народа, наряду с А.И. Дубровиным, А.А. Майковым, И.И. Барановым. В 1907 занимался организацией паломничества правых монархистов в Палестину. В 1909 Синодом ему было предписано отбыть в Драндский Успенский монастырь Сухумской епархии, но он отказался. После повторного указания и нового отказа в конце ноября 1909 на него было наложено запрещение в служении. В 1912 принес покаяние Синоду, после чего запрет был снят. В сентябре ему было разрешено выехать на Афон, где он и скончался.

[377] **«Русское дело»** – еженедельная газета славянофильского направления, издававшаяся С.Ф. Шараповым в Москве в 1886–1891, 1905–1907, 1909–1910.

[378] **Иловайский Дмитрий Иванович** (1832–1920) – историк, публицист, тайный советник. В 1854 окончил историко-филологический факультет Московского университета. До выхода в отставку в 1862 работал учителем в рязанской и 3-ей Московской гимназии, адъютантом при кафедре всеобщей истории юридического факультета Московского университета. Защищенная им в 1858 в Московском университете магистерская диссертация «История Рязанского княжества» явилась одним из первых комплексных исследований региональной истории в отечественной историографии. В 1870 получил степень доктора за монографию «Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой». Приобрел наибольшую известность как автор учебников. Пользовался покровительством министра народного просвещения графа Д.А. Толстого. С 1876 публикуются тома обобщающего труда «История России», охватывающие период российского прошлого с древнейших времен до царствования Алексея Михайловича. Сотрудничал в журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Русский вестник», газетах «Московские ведомости», «Новое время» и др. В 1897–1916 издавал газету монархического толка «Кремль». С 1902 находился в рядах «Русского собрания», с 1905 – «Союза русских людей». После революции подвергся аресту ВЧК, но был освобожден. См.: *Репников А.В.* Иловайский Д.И. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 195–200; Иловайские и Цветаевы / сост., подгот. текста и коммент. Е.Ф. Жупиковой. М., 2015.

«**Кремль**» – консервативная «политическая и литературная газета», издававшаяся Д.И. Иловайским в 1897–1916 (с конца 1907 – «Кремль Иловайского»). Газета преимущественно состояла из собственных публикаций Иловайского, он же был редактором и распространителем издания, выходила нерегулярно. См.: *Егоров А.А.* Из истории русского национального консерватизма. Газета Д.И. Иловайского «Кремль» (1897–1916 гг.) // Российская цивилизация XX века: исторический и музееведческий аспекты: материалы научных чтений 22–23 декабря 1999 г. М., 2000. С. 38–47.

[379] **Тихомирова Христина Николаевна**; урожденная **Каратаева** (1829 – не ранее 1917) – мать Л.А. Тихомирова.

[380] Тихомиров оговаривается, поскольку приводит информацию из революционных изданий.

«Начало» – легальная ежедневная социал-демократическая газета, выходившая в Петербурге 31 октября – 20 ноября 1905. Всего вышло 16 номеров. В качестве приложения к № 1, 3 и 4 опубликована программа РСДРП; к № 5 – Манифест первого Всероссийского почтово-телеграфного съезда. Издатель С.Н. Салтыков, редактор-издатель Д.М. Герценштейн. Создана по постановлению меньшевистской Оргкомиссии (ОК) РСДРП вместо заграничных газет «Искра» и «Социал-демократ». Политическую линию газеты определяли Парвус и Л.Д. Троцкий. В редакцию входили также

А.Н. Потресов, Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан, А.С. Мартынов и Н.И. Иорданский. В газете сотрудничали в основном меньшевики М.С. Балабанов, Э.Л. Гуревич, Л.Г. Дейч, О.А. Ерманский, Л.Н. Клейнборт, М.С. Макадзюб, П.П. Маслов, С.Г. Струмилин, П.Л. Тучапский, Ф.А. Череванин и лишь некоторые большевики. Подробнее см.: *Савельев П.Ю.* «Начало» // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 342–343.

«Новая жизнь» – первая легальная большевистская газета, выходившая в Петербурге с 27 октября по 3 декабря 1905. Вышло 28 номеров. Создана по решению III съезда РСДРП о желательности издания легального органа. Подготовкой издания занималось Русское бюро ЦК. Официальный редактор-издатель поэт Н.М. Минский, издатель – актриса М.Ф. Андреева. Газета создана Л.Б. Красиным и М.М. Литвиновым, воспользовавшимися разрешением на издание, имевшимся у Минского. С № 9 редколлегия: В.А. Базаров, А.А. Богданов, В.В. Воровский, В.И. Ленин, А.В. Луначарский, М.С. Ольминский, П.П. Румянцев. Секретарь редактор – И.Э. Гуковский. Сотрудники: Н.А. Алексеев, В.Д. Бонч-Бруевич, И.П. Гольденберг, Красин, Н.К. Крупская, Б.М. Кнунянц, М.Н. Лядов, М.Н. Покровский, И.И. Скворцов-Степанов, В.Л. Шанцер и др. Активно участвовал в газете А.М. Горький, внесший первоначальный капитал в 15 000 рублей и помогавший получить деньги у фабриканта Н.П. Шмита, связавший большевиков с Минским и являвшийся соредактором последнего в литературно-художественном отделе. Материальную помощь газете оказывали также Н.Г. Гарин-Михайловский, Е.Н. Чириков, В.Ф. Комиссаржевская, Л.Б. Яворская, М.И. Мухина. Газета претендовала на роль центрального органа РСДРП. В качестве приложения к № 1 опубликована программа РСДРП в редакции III съезда. С № 21 (25 ноября) газета выходила с подзаголовком «Российская социал-демократическая рабочая партия» и под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Тираж достигал 60 000–80 000 экземпляров. Газета подвергалась полицейским репрессиям: из 27 номеров 15 было конфисковано. Закрыта 2 декабря 1905 на № 27 за публикацию «Финансового манифеста» Петербургского Совета. № 28 вышел нелегально. Редакция и контора газеты были разгромлены полицией. Против издания было возбуждено судебное дело. В 1913 Петербургская судебная палата дважды принимала решения об уничтожении сохранившихся номеров. Подробнее см.: *Савельев П.Ю.* «Новая жизнь» // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 360–361.

[381] **Трифон (Туркестанов Борис Петрович)** (1861–1934) – епископ Дмитровский, первый викарий Московской епархии, настоятель Московского Богоявленского монастыря (1901–1914), впоследствии митрополит.

[382] **Дубасов Федор Васильевич** (1845–1912) – флигель-адъютант свиты императора (1878). Командующий Тихоокеанской эскадрой (1897–1899), вице-адмирал (1899), адмирал (1906). Генерал-адъютант (1905) свиты императора Николая II. В 1905 руководил подавлением крестьянского движения в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях. С 25 ноября 1905 по июль 1906 – московский генерал-губернатор. Активно участвовал в организации подавления Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Член Государственного совета (1906) и Совета государственной обороны (1907).

[383] **Дурново Петр Николаевич** (1842–1915) – государственный деятель. Окончил Морской кадетский корпус (1860), Александровскую Военно-юридическую академию (1870). Служил в судебных учреждениях Кронштадта, Владимира, Москвы, Рыбинска, Киева. С 1880 в Министерстве внутренних дел: управляющий судебным отделом департамента государственной полиции, вице-директор, директор Департамента полиции, товарищ министра, в октябре 1905 – апреле 1906 – министр внутренних дел в кабинете С.Ю. Витте. Член Государственного совета, статс-секретарь (1906), сенатор (1893), действительный статский советник. Один из организаторов подавления революционных выступлений в 1905–1906. Пообщавшись с Дурново лично после своего антиреволюционного покаяния и возвращения в Россию, Тихомиров относился к нему с нескрываемым уважением, откликнувшись в 1915 году на его кончину пространной записью в дневнике. См.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 124–136. Подробнее см.: *Бородин А.П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013.

[384] 1 декабря 1905 года Николай II принял в Царском Селе в Александровском дворце депутацию Союза русских людей, в которую входили князь А.Г. Щербатов, Ю.П. Бартенев, Л.Н. Бобров, Н.Н. Ознобишин, Н.М. Павлов, В.Г. Орлов и крестьяне Ларионов, Богачев, Буроличев, Можаев, Скворцов. А.Г. Щербатов зачитал адрес от СРЛ, в котором говорилось: «Государь!.. Мы все за Тебя. Созови великий земский собор в Москве. Собери коренной по вере и происхождению русский народ... Нужно восстановление народной государственной власти. Единственный к тому способ: немедленный созыв Земского собора путем существующих сословных выборных учреждений». См.: Правые партии. 1905– 1917 годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1905–1910 годы. С. 82–83. В ответ император приветствовал депутации речью, в которой, в частности, были следующие слова: «Принимаю вас в уверенности, что вижу пред собою истинных сынов России, искони преданных Мне и Отечеству. Не сомневаюсь, что вы пойдете не по иному, как только по предначертанному Мною пути; поэтому и призываю вас передать всем любящим дорогую нашу родину, что Манифест, данный Мною 17-го октября, есть полное и убежденное выражение моей непреклонной и непреложной воли и акт, не подлежащий изменению. Для скорейшего осуществления дарованных Мною реформ необходимо при справедливой, строгой и твердой

власти водворить спокойствие и порядок в потрясенной смутами Земле Русской. В этой задаче вы должны дружным содействием на местах помочь поставленным Мною властям и Мне», цит. по: *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / вступ. ст. Н.П. Соколова и А.Д. Степанского, публ. и коммент. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 739 [коммент.].

385 **Мочалкин Федор Семенович** (1841–?) – известный пчеловод.

386 **Богачев Николай Павлович** – крестьянин Московской губернии, входил в делегацию от Союза русских людей, принятую Николаем II в Царском Селе 1 декабря 1905. Был знаком с Г.Е. Распутиным.

387 **Чемодуров Александр Александрович** (1850–1914) – общественный деятель. В 1882–1891 гласный Бугурусланского уездного и Самарского губернского земских собраний. В 1885–1889 председатель Бугурусланской уездной земской управы. В 1890–1896 предводитель бугурусланского уездного дворянства. В 1896–1905 самарский губернский предводитель дворянства. В 1905 участвовал в создании Всероссийского союза землевладельцев. 1 декабря 1905 как член делегации «Союза землевладельцев» принят Николаем II. Активный деятель дворянского движения, член Постоянного совета Объединенного Дворянства. Член Государственного совета от дворянских обществ (1906–1909).

388 **Трепов Александр Федорович** (1862–1928) – государственный деятель. Окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии Егерском полку, затем старшим адъютантом штаба 18-го армейского корпуса. В 28 лет ушел в отставку. С 1889 чиновник особых поручений в Министерстве внутренних дел. С 1895 служил в Государственной канцелярии. Егермейстер (1905), тайный советник (1905). В 1906 участвовал в разработке новой редакции «Основных государственных законов». С 1907 сенатор 1-го департамента Правительствующего Сената. С 1914 член Государственного совета. С октября 1915 по декабрь 1916 управляющий Министерством путей сообщения, затем министр путей сообщения. Одновременно с ноября по декабрь 1916 председатель Совета министров. С 1918 в эмиграции.

389 То есть представителей «Союза русских людей».

390 В своем подмосковном имении Ф.С. Мочалкин устроил пасеку, насадил шелководственные растения и в 1882 экспонировал на московской выставке разведенных им пчел кавказской породы. По его инициативе и частью на его средства были построены Школа для учащихся пчеловодству при опытной Измайловской станции, выставочный павильон и т. д. Он также устроил отдел пчеловодства в Московском зоологическом саду. Участвовал в популяризации пчеловодства – издал «Дневник пчеловодственной выставки и ее беседы», печатал ежегодные отчеты о пасеке в «Трудах комитета пчеловодства и общества акклиматизации».

391 **«Русское крестьянство»** – ежемесячный журнал консервативного направления. Выходил в Москве с октября по декабрь 1905. Редактор-издатель князь А.Г. Щербатов.

392 **Афронт** (*устар.*) – публичное оскорбление.

393 «По возвращении из Петербурга, Владимир Андреевич [Грингмут. – *А.Р.*] задумал и, при содействии духовной власти, с полного согласия московской администрации, осуществил "всенародное моление за Царя и Родину". "Совершенно естественно, – писал он, – возникла мысль у преданных царю москвичей собраться 6-го декабря всем вместе и сотворить всенародную молитву на славной нашей Красной площади, под стенами Кремлевскими... Торжественное молебствие прошло не только в полном порядке и благочинии, но носило с начала и до конца возвышенно-благоговейный, церковно-патриотический характер... Вся исполинская площадь была залита народом... Нам дорог этот великий народ с его цельной, искренней верой, с его беззаветной преданностью самодержавному царю, с его неустрашимой решимостью всюду открыто и честно исповедовать свои думы и свои чувства. Поучимся, господа, у этого народа!". На призыв Владимира Андреевича сочувственно откликнулось большинство благоразумных людей из разных кругов общества...», см.: Владимир Андреевич Грингмут. Очерк его жизни и деятельности. С. 82.

394 По четвергам у Тихомирова устраивали салон и принимали гостей.

395 **Царский день** – считавшийся праздничным день коронования, а также именины царя.

396 7 декабря 1905 началась всеобщая политическая забастовка.

397 **«Известия Московского совета рабочих депутатов»** – ежедневная газета, орган Московского совета рабочих депутатов, выходившая во время Декабрьского вооруженного восстания 1905. Издавалась с 7(20) по 12(25) декабря. Всего вышло 6 номеров. Тираж 5–10 тысяч экземпляров.

398 **Скворцов Василий Михайлович** (1859–1932) – миссионер, церковный публицист, издатель, редактор и общественный деятель. Сын священника. Окончил Киевскую духовную академию, преподавал в Казанской духовной семинарии. Чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода (с 1895). «Вечный кандидат» в товарищи обер-прокурора Святейшего Синода. Миссионер Киевской и Полтавской епархий. Член Русского собрания. В 1909 – первой половине 1915 являлся членом Главной палаты Русского народного Союза имени Михаила Архангела (РНСМА), был членом редакционной комиссии «Книги русской скорби», издававшейся РНС. В июне 1915 вышел из РНСМА и стал одним из основателей «Отечественно-патриотического союза». Издатель (в 1905 редактор) ежемесячного журнала «Миссионерское обозрение» (СПб., 1901–1916). Основатель, из-

датель и редактор ежедневной церковно-политической газеты «Колокол» (СПб., 1906–1917). Был редактором (с 1910) ежедневного приложения к «Колоколу», выходившего под названием «На каждый день православному христианину». В 1915 уволен в отставку в чине тайного советника. С 1915 стал поддерживать Прогрессивный блок и идею еврейского равноправия. В годы Гражданской войны возглавлял «Союз русских национальных общин» (1919). После 1917 в эмиграции. Жил в Югославии. В 1921 – член Карловацкого Всезаграничного церковного собора. Преподавал в Сараевской духовной семинарии.

[399] Утром 8 декабря в саду театра «Аквариум» полицией были арестованы десятки человек. С 9 по 19 декабря 1905 в Москве происходило вооруженное восстание.

[400] То есть В.А. Грингмут.

[401] Утром 10 числа происходил обстрел из пушек со Страстной площади по бульварам и в направлении к Триумфальным воротам, были убитые и раненые. По Страстному бульвару число убитых определено цифрой 11, а по Тверскому – 18. На Тверской улице, у церкви Василия Кессарийского, гранатами были убиты в толпе несколько человек. Пушки были применены 11 декабря на Сухаревской площади, в Каретном ряду, на Страстной площади, Неглинном проезде, у Николаевского вокзала и в других местах. На Пименовской улице подобрано 18 раненых. В тот же день при обстреле Сухаревской площади у Садовой улицы было много раненых и убитых, в том числе и детей. При обстреле дома Шугаевой близ Петровских линий было ранено до 30 человек. С 12 декабря происходили бои на Пресне и обстрел Прохоровской мануфактуры. Тогда же велся огонь из пушек на вокзальной площади. Подробнее см.: *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. Гл. 4. § 13 «Карательные экспедиции царских палачей в 1905 году и дело об убийстве полковника Мина, рассмотренное военно-окружным судом в Трубецком бастионе».

[402] **Малахов Николай Николаевич** (1827–1908) – генерал от инфантерии, помощник командующего войсками Московского военного округа (1903–1905), впоследствии командующий войсками Московского военного округа (1905–1906). Активно участвовал в подавлении революционных выступлений.

[403] **Глазов Владимир Гаврилович** (1848–1920) – генерал от инфантерии (с 1907). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. В 1901–1904 начальник Николаевской академии Генерального штаба. С апреля 1904 до 17 октября 1905 министр народного просвещения. С 1905 помощник командующего войсками Московского военного округа. С 1909 член Военного совета. С 1918 в отставке.

[404] Осада войсками училища Фидлера началась вечером 9 декабря; по зданию была открыта стрельба. 9 человек было убито, 16 ранено; произведены аресты.

[405] **Людовик XVI** (1754–1793) – французский король (1774–1792) из династии Бурбонов. После свержения монархии (10 августа 1792) гильотинирован по приговору Революционного трибунала. Историки отмечают, что образ французского короля Людовика XVI «стал образом-предостережением правителю Российской империи от совершения ошибок, стоивших французскому королю головы. Дж. Кепплер изобразил Дух Людовика XVI, напоминающего сидящему во тьме Николаю II о своей казни восставшим французским народом (изображение гильотины) и о той судьбе, которая ждет правителя Российской империи, если он не поторопится ответить на просьбу своего народа о реформах (руки, со свитком "Петиция")», см.: *Журавлева В.И.* Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М., 2012. С. 648–649. См. карикатуру на обложке февральского номера американского журнала «Puck», приведенную на с. 1 вклейки настоящего издания. См. также: *Голиков А.И., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX – XX веков в политической карикатуре. М., 2010. С. 258–261.

[406] Описывая впечатления от московских событий в письме к А.С. Суворину, Тихомиров 12 декабря 1905 заключал: «Вообще наше правительство показало себя во всем бессилии гнилости. Нечто невообразимое и невозможное. С таким государством невозможно жить. Хоть бы поскорей собиралась Дума», см.: *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 66.

[407] Имеется в виду артиллерийский обстрел тех домов, из которых производились выстрелы в правительственные войска.

[408] **Соколов Николай Викторович** – служащий московской университетской типографии, в которой печатались «Московские ведомости».

[409] **Дельвиг Андрей Александрович** (1872–1930-е) – барон. Окончил физико-математический факультет Императорского Московского университета, служил в Тульском Крестьянском банке, с 1918 – работал в советских учреждениях. В 1930-х был репрессирован.

[410] То есть как письмо, представляющее интерес, по мнению Тихомирова.

[411] **Мамай** (?–1380) – татарский темник, фактический правитель Золотой Орды, организатор походов в русские земли. Потерпел поражение от Великого князя Дмитрия Донского.

[412] **Малама Яков Дмитриевич** (1841–1912) – военный деятель, генерал-лейтенант (1896). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска (1892–1904). Помощник по военной части наместника Е. И. В. на Кавказе (1905–1906). Генерал от кавалерии (1906).

[413] **Хрусталев (Носарь) Георгий Степанович** (1877–1919) – политический и общественный деятель. Из семьи волостного писаря, помощник присяжного поверенного. С октября по ноябрь 1905 – первый (беспартийный) председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. В ноябре 1905 арестован. Заключен в Петропавловскую крепость, впоследствии сослан в Сибирь. Бежал и перебрался за границу (1907). Участник V съезда РСДРП. Поселился в Париже. Меньшевик. В 1909 вышел из РСДРП, увлекался богоискательством. В 1915 вернулся в Россию, был арестован и за совершенный ранее побег приговорен к 3 годам каторжных работ. В период Февральской революции освобожден. Уехал на Украину, где поддерживал гетмана П. Скоропадского. Выступал с антибольшевистских позиций и, по свидетельству В.В. Шульгина, «совершенно разочаровался в своих бывших товарищах», высказывался о конституционной монархии и «был подлинным русским националистом». После Октябрьской революции начальник гайдамацкой полиции в Переяславле. В 1918 возглавил самопровозглашенную Переяславскую республику. После того, как местная ЧК за антисоветскую деятельность арестовала его брата, пытался спасти родственника, но сам был задержан и расстрелян. Оставил воспоминания («Из недавнего прошлого», Переяславль, 1918). Подробнее о нем см.: *Сверчков Д.* Три метеора: Г. Гапон, Г. Носарь, А. Керенский. Л., 1926. С. 104–150; *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится...». СПб., 1992; С. 235–238.

[414] **Короленко Владимир Галактионович** (1853–1921) – писатель и публицист. Учился в Петербургском технологическом институте (1871–1874), затем в Петровской сельскохозяйственной академии (1874–1876). В 1877 поступил в Петербургский горный институт. Участвовал в студенческом движении, сотрудничал в либеральных периодических изданиях. Неоднократно арестовывался и ссылался. В 1895–1917 один из официальных издателей журнала «Русское богатство». В период Первой мировой войны занимал патриотическую позицию. После Февральской революции отказался выдвигаться депутатом в Учредительное собрание. Занимался публицистической работой. В ноябре 1917 избран почетным представителем Полтавского комитета политического Красного Креста. В период занятия Полтавы войсками Центральной Рады и А.И. Деникина выступал против «белого» террора. В 1919–1921 обратился к А.В. Луначарскому с серией писем, осуждающих «красный» террор.

[415] Для Тихомирова, который сам был в молодости осужден за революционно-пропагандистскую деятельность, вопрос об ограничении «права на ответственное редакторство» имел еще и личную подоплеку. Подпись Т.Л. к статье расшифровывалась легко и можно предположить, что Липранди, возмущенный наличием в заметке «крамолы», в данном случае метил не в неких абстрактных «революционеров», окопавшихся в консервативных «Московских ведомостях», а конкретно в Тихомирова.

[416] **Аргус** – персонаж греческих мифов. Стоокий Аргус стерег белоснежную корову Ио, которую похитила Гера. В данном случае сравнение с Аргусом употребляется как иронический намек на бдительность.

[417] **Шмит Николай Павлович** (1883–1907) – фабрикант. Внук Викулы Елисеевича Морозова. Учился в Московском университете. После вступления во владение мебельной фабрикой на Нижней Прудовой улице в районе Пресни ввел с 1 мая 1905 9-часовой рабочий день, повысил зарплату, открыл амбулаторию и общеобразовательные курсы. Активно участвовал в подготовке Декабрьского вооруженного восстания 1905 в Москве. «Дал Горькому заем в 15 000 рублей для издания газеты "Новая жизнь" в 1905 году. Кроме того на собственные средства он вооружил рабочих своей фабрики, участвовавших в баррикадных боях, Шмит через Горького передал 5000 рублей Московскому комитету для приобретения оружия боевым дружинам. 17 декабря 1905 г. Шмит был арестован», см.: *Горький М.* Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 380. В ходе боев в Москве фабрика Шмита была разрушена артиллерией правительственных войск по приказу генерала Г.А. Мина, а сам он был арестован, подвергнут допросам и давлению. Провел более года в одиночном заключении. Погиб 13 февраля 1907 в тюрьме (по одной версии был убит администрацией, по другой – покончил с собой). Родственники обратились к властям с просьбой расследовать причины смерти (см. газету «Современная речь» от 14 февраля 1907). Н.К. Крупская утверждала, что Шмит передал из тюрьмы на волю, что завещает свое состояние большевистской партии. Его состояние перешло к большевикам, а похороны превратились в политическую демонстрацию. См.: *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 129, 328, *Сикорский Е.А.* Деньги на революцию: 1903–1920 гг. Факты. Версии. Размышления. Смоленск, 2004. С. 113–118; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост., автор предисл., введения и коммент. *Н.И. Канищева*. М., 2012. С. 1035–1037. См. также: *Шестернин С.П.* Реализация наследства после Н.П. Шмита и мои встречи с Лениным // Старый большевик. Сб. 5. М., 1933. С. 146–159.

[418] Размышления Тихомирова в дневниковых записях этого периода совпадают с размышлениями в его письме к А.С. Суворину от 21 декабря 1905. Ср.: «Что касается нашей "революции", то в сущности Москва была скорее простой территорией сражения двух армий, прибывших извне. Наподобие Бородина. Обидно только, что все это неизмеримо глупо. А крови, разорения, всеобщих бедствий – без числа. Во всем более всего виновато правительство. Конечно, и идеи и политическое развитие интеллигенции тоже срам один. Слушать тошно: "диктатура пролетариата", "демократическая республика". Фантазии самые фантастические. А режутся как безумные... Впрочем, по всем сведениям и по взгляду – тут не было больше тысяч пяти (если были и 5 тысяч) сражавшихся революционеров, стянутых со всех концов России. Дрались они вообще очень

умно, строго партизански. Местами – очень храбро, впрочем далеко не везде. Бой на Пресне (несчастная Пресня разорена вдребезги) – конечно, был глупостью, которая и подорвала их окончательно. Какое там зарево стояло два дня – страсть! А пальба с утра до ночи больше недели стояла словно в Порт-Артуре. Картечь падала под нашими окнами. Мы скоро притерпелись к этому, а мне-то и некогда было предаваться размышлениям, потому что спешно работал. Впрочем, кое-что видел, а еще больше слыхал от жителей. Пошла однажды дочь зарисовать баррикады – ну, дрянь баррикады. Хорошие были только на Лесной да на Пресне. А из войск – вот кто дерется как черти – ваши семеновцы. Я думал, что у нас уже нет таких полков, и доселе недоумеваю, как начальство не истребило воинского духа в этом полку, хотя он у него постоянно на глазах? Неужто не досмотрели? Прямо – настоящие военные, такие, как читаешь в "Русской Старине". А я думал, что их уже совершенно упразднили... У нас сначала не было войск. Во всех полках действительный состав не превышал *пяти тысяч* человек. Ну уж о полиции излишне говорить. Она была приведена в обломки еще Волковым, а в генерал-губернаторство Дурново окончательно деморализована. Их незнание – поразительно. Ничего не знают. Только полным незнанием, бездействием и трусостью властей объяснимо самое возникновение "революции". Публика еще летом говорила почти все подробности того, что совершилось. Тем же не существованием властей только и объяснимо, что восстание было подавлено лишь тогда, когда количество войск стало вдвое превышать силы инсургентов. Вообще наше правительство показало себя во всем бессилии гнилости. Нечто невообразимое и невозможное. С таким государством невозможно жить. Хоть бы поскорее собиралась Дума. События последних месяцев, мне кажется, не остались без полезного влияния на умы русских, и я намереваюсь – если бог даст укрепиться моему сотрудничеству в "Колоколе" – вести публицистику примирения и синтеза взглядов, но это – публицистика. И как бы ни были успешны просветвления умов – во всяком случае невозможно и жить с таким правительством. Самый мудрый народ оно будет держать в состоянии анархии, а следовательно – кровопролитий и междоусобиц. Конечно, истинно мудрый народ начал бы с того, что прогнал бы его и посадил другое. Но на это нужна народная организация, которую уничтожило правительство. Следовательно, одна практическая надежда – это Дума. Около нее может образоваться правительство», см.: *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 66–67.

419 **Войлошников Александр Иванович** (1868–1905) – прапорщик запаса артиллерии. Определен на службу в штат московской городской полиции с откомандированием в Московское охранное отделение (1891). Чиновник канцелярии московского обер-полицмейстера (1893), исполняющий должность помощника делопроизводителя (1894), исполняющий

должность журналиста (1896), исполняющий должность чиновника для поручений младшего оклада (1896), чиновник для поручений (1900), чиновник для поручений старшего оклада (1902) при Московском охранном отделении, чиновник управления Московской сыскной полиции (март 1905). Коллежский регистратор (1894), губернский секретарь (1896), коллежский, титулярный (1902) советник. Участвовал в ликвидации революционных кружков в Варшаве (1901), Туле (1902). Убит 14 (по другим данным, 15) декабря 1905 группой революционеров под предводительством В.В. Мазурина по постановлению пресненской боевой дружины. Газета «Новое время» уточнила, что, когда группа вооруженных дружинников начала ломиться в квартиру, Войлошников приказал сам открыть им дверь. Пришедшие прочли приговор революционного комитета, согласно которому Войлошников должен был быть расстрелян и потом вывели его в переулок, где тут же у дома приговор был приведен в исполнение. Оставив труп в переулке, убийцы скрылись, а тело убитого было подобрано родными. В воспоминаниях В.Ф. Джунковского приводится похожий рассказ: «В 6 часов вечера в квартиру Войлошникова в Волковом переулке на Пресне явилось 6 вооруженных маузерами дружинников и под угрозой выломать дверь потребовали, чтобы ее открыли. Направив револьверы на Войлошникова и окружавших его жену и трех малолетних детей, дружинники запретили им двигаться. Был прочитан смертный приговор о расстрелянии, и ему предложено было проститься с родными. Напрасны были мольбы и слезы семьи, Войлошникова вывели на улицу и расстреляли. А.И. Войлошников был очень честный и, можно сказать, гуманный, благородный человек», см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 123–124.

420 **Петровский Сергей Александрович** (1846–1917) – журналист, публицист, юрист. Окончил юридический факультет Московского университета. Служил в архиве Министерства юстиции, где готовил к печати протоколы Сената. С 1873 по 1878 читал в Московском университете лекции по истории русского законодательства. Защитил магистерскую диссертацию «О Сенате в царствование Петра Великого» (1875). Был приглашен М.Н. Катковым в «Московские ведомости», где сотрудничал с 1880. С 1882 – второй редактор, в 1887–1896 – редактор-издатель «Московских ведомостей». Был заменен на посту редактора газеты В.А. Грингмутом.

421 От *англ.* intransigent – непримиримый, не идущий на компромисс.

422 Имеется в виду сторож Осип.

423 21 декабря 1905, по сообщениям московских газет, в селе Перово, находящемся рядом с одноименной станцией Московско-Казанской железной дороги начальником военного отряда, охранявшим эту станцию, был арестован в своей квартире священник церкви села Перово о. Казанский. Его обвиняли в том, что он заведовал кассой забастовочного комитета железнодорожных служащих. 1 июня 1906 в московской прессе появилось

сообщение о том, что о. Казанский был заключен в Даниловский монастырь, а его дело в военном суде прекращено и передано духовному начальству.

[424] **Баранов Асаф Иванович** (1834–1906) – предприниматель. В 1874 на личные средства начал строительство фабрики близ деревни Соколово рядом с железной дорогой Москва – Ярославль (работа на фабрике началась в мае 1875). В 1880 было образовано Товарищество Соколовской мануфактуры Асафа Баранова. По данным за 1896 год, на фабрике Баранова в Струнино работали 2527 мужчин и 1548 женщин. В 1883 на Бостонской выставке за высокое качество товаров струнинской фабрике был пожалован орден Персидского шаха. Для проживания рабочих, рядом с производственными корпусами, в Струнино возводятся жилые строения. При фабрике была бесплатная больница; существовала богадельня для увечных пансионеров и т. д. Железнодорожная платформа, близ которой образовалась Соколовская мануфактура, до конца XIX века называлась «Бараново» (ныне Струнино).

[425] **«Колокол»** – ежедневная монархическая общественно-политическая газета. Выходила в Петербурге с 24 декабря 1905 по март 1917. Издатели: Н.Д. Облеухов, В.М. Скворцов, редакторы: Ю.А. Скворцова, Е.М. Братин.

[426] «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» – рождественский гимн, в котором ангелы приветствуют новорожденного Спасителя.

[427] **Глубоковский Николай Никанорович** (1863–1937) – историк церкви, доктор богословия (1897). Профессор Петербургской духовной академии, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1909). Окончил Московскую духовную академию (1889), с 1891 преподавал в Петербургской духовной академии (с 1894 экстраординарный профессор, занимал кафедру Св. Писания и Нового Завета). В 1893–1894 помощник редактора «Церковного вестника» и «Христианского чтения». После кончины А.П. Лопухина – редактор «Православной богословской энциклопедии» (1905–1911. Т. 6–12). С 1921 в эмиграции, профессор богословия в Софийском университете (с 1923).

[428] То есть матери Л.А. Тихомирова.

[429] Возможно, **Барсов Елпидифор Васильевич** (1836–1917) – этнограф, археолог, публицист.

[430] **Александров Анатолий Александрович** (1861–1930) – филолог, поэт, публицист. В 1883 окончил Ломоносовскую семинарию при Катковском лицее, учился на историко-филологическом факультете Московского университета и посещал «астафьевские пятницы» в доме П.Е. Астафьева, где в 1884 познакомился и подружился с К.Н. Леонтьевым, почитателем которого оставался всю жизнь. Состоял с Леонтьевым в переписке, благодаря ему познакомился с И.Д. Деляновым и К.П. Победоносцевым. В 1887 окончил

университетский курс кандидатом и был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской литературы. В 1888 по рекомендации К.Н. Леонтьева принял предложение стать репетитором сына Л.Н. Толстого Андрея. В 1891–1898 являлся приват-доцентом Московского университета, но преподавал в это время в основном в средних учебных заведениях Москвы. С начала 1890-х печатался в «Русском обозрении», «Русском вестнике», «Историческом вестнике», «Московских ведомостях» и др. 1892–1898 издавал и редактировал журнал «Русское обозрение». Параллельно в 1895 основал газету «Русское слово» и был ее редактором-издателем по 1898 включительно. Привлек к участию в «Русском обозрении» Л.А. Тихомирова (для него был заведен специальный отдел «Летопись печати», который Тихомиров вел с незначительными перерывами с конца 1892 до начала 1898), В.А. Грингмута, В.В. Розанова, Ю.Н. Говоруху-Отрока, И.И. Фуделя, С.Ф. Шарапова. Опубликовал в журнале ряд материалов, посвященных К.Н. Леонтьеву. Издание поддерживали К.П. Победоносцев и И.Д. Делянов, по ходатайству Победоносцева значительные средства на издание жертвовал Николай II. Непродуманная издательская политика привела к финансовому краху, и по Москве стали распространяться беспочвенные слухи, что Александров присвоил деньги, выделенные членами царской семьи. В августе 1898 вышел последний номер «Русского обозрения» под редакцией Александрова, который уехал из Москвы в Петербург, затем в Ригу и жил там в 1903–1905, преподавая в Ломоносовской женской гимназии. Стал членом Русского собрания, во время русско-японской войны 1904–1905 написал ряд патриотических стихотворений. С 1910 жил в Сергиевом Посаде, сотрудничая в журнале «Богословский вестник» и других изданиях религиозного характера. Подробнее см.: *Хатунцев С.В.* Александров А.А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 30–31; *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). С. 533–561; *Белодубровский Е.Б.* Александров А.А. // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. С. 43–44.

431 **Оболенский Алексей Дмитриевич** (1855–1933) – общественный и государственный деятель. В 1884–1894 – козельский уездный предводитель дворянства; в 1894–1901 (и в 1905) – управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками; в 1897–1901 – товарищ министра внутренних дел; в 1902–1905 – товарищ министра финансов. С 1905 – член Государственного совета. В 1905–1906 – обер-прокурор Святейшего Синода. После Октябрьской революции 1917 переехал с семьей в Москву. В 1920 с помощью А.С. Енукидзе эмигрировали в Германию.

432 Из тропаря новолетия: «Благослови венец лета благости Твоея Господи...»

[433] Предсказание (*лат.*).

[434] «Процесс 193-х» («Большой процесс») – крупнейший политический процесс 1870-х над революционерами-народниками – участниками «хождения в народ» (арестовано и привлечено к дознанию свыше 4000 человек). Проходил 18 октября 1877 – 23 января 1878 в Петербурге в Особом присутствии правительствующего Сената. 28 человек были приговорены к различным срокам каторги, 90 оправданы, но с санкции императора Александра II 80 из них были сосланы в административном порядке. 11 ноября 1873 Тихомиров был арестован и свыше 4 лет провел в одиночном заключении в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения. На «процессе 193-х» ему в качестве наказания было зачтено предварительное заключение. Выйдя на свободу, он был отдан под административный надзор с определением обязательного места проживания.

[435] Тихомиров всегда считал приговор ему излишне строгим. Вспоминая этот период жизни он писал в октябре 1888 О.А. Новиковой: «В кружке “чайковцев” я был из молодых, но видных членов, но вскоре (11 ноября 1873) был арестован. В тюрьме меня обозлили. Подумайте – мальчик, полный жажды жизни, и, в сущности, за вздор, за дурацкую брошюру – 4 года заключения. Я не знал жизни. Следователи фактически мне сказали: “Вот какова жизнь в России, вот какова гуманность”. В это время у меня было самое решительное настроение (1878 г.), и я искал людей действия», см.: РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 10.

[436] Речь идет о **Носковой Марии Дмитриевне** (урожденная **Сергеева**) – сестре жены Л.А. Тихомирова – Е.Д. Тихомировой. В молодости участвовала в «хождении в народ». Проживала в Петербурге.

[437] Так в тексте, то есть Тихомирова Х.Н. – бабушка А.Л. Тихомирова, сына Л.А. Тихомирова.

[438] Речь идет о Сергии Страгородском, в тот период архиепископе Финляндском и Выборгском.

[439] Иронический намек на толстовство – религиозно-утопическое направление в общественной мысли и общественном движении России конца XIX – начала XX в., сложившееся на основе учения Л.Н. Толстого. Последователи толстовства проповедовали всеобщую любовь, непротивление злу насилием, религиозно-нравственное совершенствование как средство преобразования общества, организовывали производственные земледельческие общины, призывали к отказу от платежа податей и несения воинской службы.

[440] **Шечков Георгий Алексеевич** (1856–1920) – юрист, публицист, политический и общественный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета (1880). Почетный мировой судья и земский гласный Путивльского уезда Курской губернии, уездный предводитель дворянства. Помещик, депутат III и IV Государственной думы. Входил в монархический

«Кружок москвичей», был близок с А.Д. и Ф.Д. Самариными, Д.А. Хомяковым, К.П. Степановым и др. продолжателями славянофильских традиций. Член Русского собрания (с 1902), в заседаниях которого регулярно делал доклады. Член Союза русского народа. Член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела (с 1909). Публиковался в «Московских ведомостях», «Мирном труде», «Вестнике Русского собрания» и др. В годы Первой мировой войны состоял уполномоченным Курской организации помощи армии, часто бывал на фронте. В начале 1917 намечался кандидатом в члены Совета съездов монархических организаций. После февраля 1917 перебрался в Москву, где перенес сердечный приступ. Поправившись, уехал в родовое имение Волынцево, а оттуда после разгрома усадьбы – в Киев. После падения власти гетмана П.П. Скоропадского был арестован петлюровцами и 2 месяца пробыл в Лукьяновской тюрьме. С момента второго занятия Киева большевиками (январь 1919) находился на нелегальном положении, скрывался под чужим именем до занятия города белыми. После отступления А.И. Деникина из Киева (ноябрь 1919) бежал из города и после трехнедельного странствования добрался до Одессы, где скончался от сердечного приступа. Подробнее см.: *Иванов А.А.* Шечков Г.А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 584–586.

441 **Фудель (Емельянова) Евгения Сергеевна** (1865–1927) – жена И.И. Фуделя, мать С.И. Фуделя.

442 **Бриллиантов Александр Иванович** – богослов, доктор церковной истории. Профессор кафедры всеобщей церковной истории Петербургской духовной академии.

443 **Кронид (Любимов Константин Петрович)** (1858, по другим данным, 1859 – 1937) – родился в религиозной семье. Обучался в Волоколамском духовном училище, но курса не окончил, решив принять иноческий сан. После поступления в Лавру в течение испытательного срока исполнял различные послушания и 2 февраля 1883 принят в число послушников Троице-Сергиевой лавры, назначен келейником наместника Лавры архимандрита Леонида (Кавелина). После рукоположения в иеромонаха был назначен смотрителем лаврской мастерской по производству литографий и фотографий. С 1896 состоял смотрителем епархиального училища иконописания при Лавре. С января 1902 утвержден в должности помощника казначея Лавры и члена Духовного собора Лавры. В 1904 назначен инспектором Епархиального училища иконописи и членом его совета. По прибытии в Петербург развернул активную деятельность по восстановлению Троицкого подворья. 9 января 1915 назначен наместником Троице-Сергиевой лавры. Учредил в Лавре лазарет для раненых. Вел активную проповедническую деятельность. Среди его духовных детей были профессор философии Московской духовной академии А.И. Введенский, А.А. Яблонский с супругой. Великая княгиня Елизавета Феодоровна обращалась к

нему с просьбой взять ее под свое руководство. После начала работы Собора в 1917 жил в Москве. После избрания митрополитом Московским, а потом и патриархом патриарх Тихон становится священноархимандритом Троице-Сергиевой лавры, а архимандрит Кронид становится его помощником и по должности входит в Патриаршее Управление. После закрытия Лавры продолжал оказывать поддержку инокам, заботиться о духовном окормлении своих духовных чад из мирян. 11 ноября 1937 органами НКВД на архимандрита Кронида было возбуждено дело. 21 ноября того же года арестован и заключен в Таганскую тюрьму. На вопрос об отношении к советской власти ответил: «Я по своим убеждениям являюсь монархистом... существующую советскую власть признаю как верующий: она послана народу как испытание его веры в Промысел Божий», см.: Жития новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии. Ноябрь. Тверь, 2004. С. 286. Расстрелян на полигоне в Бутово под Москвой 10 декабря 1937 и погребен в общей могиле. Реабилитирован в 1958.

[444] **Ширинский-Шихматов Алексей Александрович** (1862–1930) – князь, государственный, общественно-политический и церковный деятель, публицист. Служил по ведомству Министерства внутренних дел. В 1890 назначен помощником юрисконсульта при обер-прокуроре Святейшего Синода, которым состоял до 1894. В этом году был назначен прокурором Московской Синодальной конторы и управляющим всеми недвижимыми имуществами, принадлежавшими Синоду в Москве и ее окрестностях. Руководил подготовкой торжеств, связанных с прославлением преподобного Серафима Саровского. С 1903 – тверской губернатор. В октябре 1903 – гофмейстер. В мае 1905 – товарищ обер-прокурора Синода, в апреле–июле 1906 – обер-прокурор. С 1906 член Государственного совета. Один из активных деятелей Русского собрания. Вице-председатель императорского православного Палестинского общества. В 1915 основал Общество Возрождения художественной Руси. С осени 1916 председатель Особого комитета для борьбы с злоупотреблениями, порожденными тыловой обстановкой (уклонение от воинской повинности и проч.). В 1915 – феврале 1917 входил в кружок члена Государственного совета А.А. Римского-Корсакова, подготовившего несколько записок на имя Николая II. После Октябрьской революции переехал в Москву, где участвовал в деятельности подпольных монархических организаций. Эмигрировал. На съезде правых монархистов (1921, Рейхенгаль, Германия) был избран одним из трех членов Высшего монархического совета. В 1924 переехал в Париж. В 1928 был председателем президиума монархического съезда в Париже.

[445] **Бельгард Алексей Валерьянович** (1861–1942) – статский советник в звании камергера. Вице-губернатор Лифляндской губернии (с 22 декабря 1902 по 13 июля 1902), Эстляндский губернатор (с 6 июля 1902 по 4 марта 1905). Начальник Главного управления по делам печати (1905–1912). Сенатор (1912).

446 **Шаховской Николай Владимирович** (1856–1906) – цензор Московского цензурного комитета (с 1 августа 1894). С 21 декабря 1898 – председатель Петербургского цензурного комитета. С 13 декабря 1899 – член Совета Главного управления по делам печати. С 15 июня 1900 и. д. начальника Главного управления по делам печати. 1 февраля 1901 утвержден в должности начальника Главного управления по делам печати. 25 апреля 1902 назначен членом Совета министра внутренних дел. Скончался 12 августа 1906.

447 **Феофан** (**Быстров Василий Дмитриевич**) (1872, по другим данным 1873 – 1940) – иерарх православной церкви. В 1896 окончил Петербургскую духовную академию. В 1898 принял монашеский постриг. С 1901 архимандрит. Ректор Петербургской духовной академии (1909–1910), епископ Ямбургский (с 1909). Архиепископ Полтавский и Переяславский (с 1913). Викарий Петербургской епархии. Духовник Царской Семьи. В 1905, будучи инспектором Петербургской духовной академии, познакомил Г.Е. Распутина с Великой княгиней Анастасией Николаевной (женой Николая Николаевича) и ее сестрой Милицей Николаевной, которых окормлял духовно. Содействовал знакомству царской семьи с Г.Е. Распутиным, позже резко выступил против него. Епископ Симферопольский и Таврический (с 1910). Из-за критики Распутина осенью 1912 переведен из Крыма в Астрахань; епископ астраханский. В 1913–1919 епископ Полтавский и Переяславский. В 1919 эмигрировал в Константинополь, затем в Сербию и Болгарию (1925). Член Заграничного Синода (до 1926). См.: Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. С. 74 [коммент.].

448 **Восторгов Иоанн Иоаннович** (**Иван Иванович**) (1867–1918) – родился в семье священника. В 1887 окончил Ставропольскую духовную семинарию. В 1887–1889 – надзиратель и учитель русского и церковнославянского языков в Ставропольском духовном училище. С августа 1889 в священном сане, служил в Ставропольской епархии. С 1894 служил в Закавказье. С 1900 – епархиальный наблюдатель церковноприходских школ и школ грамоты. С января 1901 – протоиерей. Был редактором журнала «Духовный вестник Грузинского экзархата». С августа по октябрь 1901 был командирован в Урмию (Персия) для обозрения дел Русской православной духовной миссии и ревизии состоящих при миссии школ. С июня 1906 служил в Московской епархии в должности проповедника-миссионера с правами противосектантского епархиального миссионера. Член Совета Братства св. Петра митрополита в Москве. Член Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде. В августе 1907 – участник миссионерского съезда в Нижнем Новгороде. С октября 1907 синодальный миссионер-проповедник при Святейшем Синоде. В 1908 – участник IV Всероссийского миссионерского съезда в Киеве. С 1909 – заведующий московскими пастырскими курсами. Настоятель Князе-Владимирской церкви при Московском епархиальном доме. Основатель Московских

Высших богословских женских курсов. Подготовил краткое изложение «Монархической государственности» в форме вопросов и ответов, отметив: «В русской литературе имеется прекрасная и обстоятельная работа, выясняющая начала монархического строя, а именно: «Монархическая государственность» Л.А. Тихомирова, в четырех частях. Большой объем книги и высокая ее цена делают ее доступной лишь для немногих. Кроме того, язык книги не приспособлен к пониманию широких народных масс. Вследствие этого мы даем краткое изложение главных мыслей указанного сочинения в катехизической форме, что значительно облегчает понимание и усвоение предлагаемого материала», см.: *Восторгов И.И.* Полное собрание сочинений. СПб., 1995. Т. 4. С. 508. С мая 1913 – настоятель Покровского собора (храма Василия Блаженного) в Москве. 30 мая 1918 арестован ВЧК в Москве. Расстрелян. Канонизирован. Подробнее см.: *Репников А.В.* Иоанн Восторгов // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 206–211.

449 **Бурцев Владимир Львович** (1862–1942) – общественный деятель, публицист, историк, издатель. Участник народовольческого движения (1880-е). В 1888 бежал из ссылки в эмиграцию в Швейцарию. Редактировал газету «Свободная Россия» (1889). В 1898 арестован английской полицией за призывы к убийству Николая II. С 1900 издавал историко-революционные сборники «Былое». В 1905 вернулся по амнистии в Россию. В 1906–1907 редактировал вместе с В.Я. Богучарским и П.Е. Щеголевым легальный журнал «Былое». С 1907 во второй эмиграции в Париже, где возобновил издание «Былого» (1908–1912). В 1914 вернулся в Россию, но был арестован и приговорен к ссылке в Восточную Сибирь. Резко отрицательно отнесся к Октябрьской революции и 25 октября (7 ноября) 1917 опубликовал в издаваемой им газете «Наше общее дело» призыв: «Граждане! Спасайте Россию!» Был арестован, но в феврале 1918 освобожден. С 1918 в эмиграции. Возобновил издание газеты под названием «Общее дело». В 1919 и 1920 приезжал в Россию, где встречался с А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем. В 1920–1930-е продолжает издание газеты «Общее дело» и журнала «Былое». Отрицательно отнесся к приходу нацистов к власти в Германии. Выступал свидетелем на Бернском процессе, обсуждавшем проблему подложности «Протоколов сионских мудрецов». В годы войны оказался на оккупированной территории Франции. Преследовался гестапо. Жил в крайней нищете. Автор книг и брошюр: Проклятье вам, большевики! Стокгольм, 1918; В борьбе с большевиками и немцами: В 2 ч. Париж, 1919; Юбилей предателей и убийц: 1917–1927. Париж, 1927; В погоне за провокаторами. М., 1928; Боритесь с ГПУ! Париж, 1932, Преступление и наказание большевиков (По поводу 20-летнего юбилея предателей и убийц). Париж, 1938, «Протоколы сионских мудрецов» – доказанный подлог. Париж, 1938; и др. Подробнее см.: *Федоренко А.А.*

Бурцев В.Л. // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 66–68.

450 **«Былое»** – журнал, публиковавший документы, воспоминания и исследования по истории русского антимонархического и революционного движения. Первые 6 номеров были изданы В.Л. Бурцевым в Лондоне и Париже в 1900–1904. С 1906 выходил в России с подзаголовком «Журнал, посвященный истории освободительного движения» под редакцией В.Я. Богучарского, П.Е. Щеголева, В.Л. Бурцева тиражом до 30 000 экземпляров. В 1908–1913 вновь издавался в Париже, с июля 1917 до начала 1926 – в Петрограде под редакцией П.Е. Щеголева, В.Л. Бурцева, В.В. Водовозова и Е.В. Тарле. Всего вышло 35 номеров.

451 **Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич** (1860–1915) – историк российского освободительного движения, публицист. Был связан с народовольческими кружками, репрессировался. Вместе с В.Л. Бурцевым и П.Е. Щеголевым был редактором журнала «Былое» (1906–1907), а после его закрытия в 1908 – «Минувшие годы». В 1909 по делу о журнале «Былое» приговорен к 3 годам ссылки в Вологодскую губернию (по его просьбе наказание было заменено высылкой за границу). В 1913 вернулся в Россию. Издавал работы по истории народничества.

452 **Щеголев Павел Елисеевич** (1877–1931) – литературовед, историк, революционер. За участие в студенческом движении исключен из Петербургского университета (1899). Неоднократно был сослан, отбывал тюремное заключение. В 1917 член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, председатель Особой комиссии для обследования деятельности бывшего Департамента полиции. Один из организаторов Петроградского историко-революционного архива (1918) и Музея революции в Петербурге. Редактор возобновленного журнала «Былое» (1917–1926).

453 **Антонович Максим Алексеевич** (1835–1918) – литературовед, критик, публицист и философ. В начале 1860-х был близок к организации «Земля и воля».

454 **Аргутинский-Долгоруков Александр Михайлович** (1860–1918) – князь, один из видных участников земского движения, левый кадет, позднее левый эсер.

455 **Ашенбреннер Михаил Юльевич** (1842–1926) – подполковник. Один из руководителей военной организации «Народной воли». Петербургским военно-окружным судом в сентябре 1884 приговорен к бессрочной каторге. В 1896 бессрочная каторга была заменена срочной (20 лет). Осенью 1904 освобожден. После 1917 вел просветительскую работу, читал лекции по истории революционного движения в России.

456 **Венгеров Семен Афанасьевич** (1855–1920) – историк литературы, библиограф. Автор трудов о К.С. Аксакове, В.Г. Белинском, Н.В. Гоголе и других. Составитель многочисленных био- и библиографических словарей по русской литературе. Организатор (1917) и первый директор Российской книжной палаты.

457 **Гершензон Михаил Осипович** (1869–1925) – либеральный публицист, историк русской литературы и общественной мысли. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1894). Сотрудничал в изданиях «Русская мысль», «Научное слово», «Вестник Европы», «Мир Божий», «Былое», «Курьер», «Русская молва», «Биржевые ведомости» и др. На страницах журнала «Освобождение» полемизировал с П.Б. Струве, солидаризируясь с борьбой за свержение самодержавия и установление политических свобод и в то же время критикуя зацикленность либералов на политической борьбе. В годы Первой мировой войны занимал оборонческую позицию. Приветствовал Февральскую и Октябрьскую революции 1917. В 1920–1921 – член бюро литературного отдела Наркомпроса. Подробнее см.: *Бутаков Я.А.* Гершензон М.О. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 103–106.

458 **Елпатьевский Сергей Яковлевич** (1854–1933) – писатель, врач, участник народнического движения. Сотрудничал в «Северном вестнике», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Русском богатстве» и других изданиях.

459 **Иванчин-Писарев Александр Иванович** (1849–1916) – революционер-народоволец. Во второй половине 1870-х член кружка «сепаратистов», согласных с тактикой «Земли и воли», но разошедшихся с ней в организационных вопросах. Участвовал в народнических деревенских поселениях. В начале 1880-х был близок к «Народной воле». Арестован в марте 1881, сослан в Сибирь.

460 **Клеменц Дмитрий Александрович** (1848–1914) – революционер, этнограф. Участвовал в пропаганде «чайковцев». В 1874–1878 за границей. В конце 1879 арестован и после заключения в Петропавловской крепости выслан в Сибирь.

461 **Корнилов Александр Александрович** (1862–1925) – историк, публицист; общественный и политический деятель. Вошел в «Союз освобождения», сотрудничал в журнале «Освобождение». Участвовал в создании кадетской партии, на I съезде (октябрь 1905) избран в состав ЦК, на II съезде (январь 1906) – секретарем ЦК. В 1908 ушел с поста секретаря ЦК партии, в 1908–1910 преподавал в Петербургском политехническом институте.

462 **Кускова Екатерина Дмитриевна** (1869–1958) – публицист, общественный деятель. Участвовала в народническом движении. В 1896 эмигрировала. В 1897 вступила в «Союз русских социал-демократов за границей». Порвав с социал-демократами, вошла в «Союз освобождения». В 1906 вместе с С.Н. Прокоповичем и В.Я. Богучарским издавала журнал «Без заглавия». После Февральской революции 1917 участвовала в кооперативном движении, с апреля издавала в Москве газету «Власть Народа». Участвовала в Демократическом совещании. Во время Октябрьского вооруженного

восстания пыталась организовать поддержку Временному правительству. После революции работала во Всероссийском комитете помощи голодающим (1921). В 1922 выслана из страны. Проживала в Праге, Женеве, сотрудничала в эмигрантских изданиях.

463 **Лемке Михаил Константинович** (1872–1923) – публицист, общественный деятель. Историк русской журналистики, цензуры и революционного движения. В период революции 1905–1907 сблизился с социал-демократами. В 1906 редактор библиографического журнала «Книга». Подробнее см.: *Бурцев В.Л.* Борьба за свободную Россию / сост., коммент., вступ. ст. Т.Л. Пантелеевой. СПб., 2012. С. 424 [коммент.].

464 **Лопатин Герман Александрович** (1845–1918) – политический деятель, революционер, литератор, член Генерального совета I Интернационала. С 1873 в первой эмиграции. В 1887 приговорен к вечной каторге. До 1905 содержался в Шлиссельбургской крепости. Первый переводчик «Капитала» К. Маркса на русский язык. Л.А. Тихомиров так характеризовал его: «Лопатин был действительно очень симпатичная личность. Чрезвычайно талантливый, красавец, храбрец и авантюрист в душе, способный на миллион вещей, балагур и рассказчик, который умел и статью написать, и устроить побег из тюрьмы, много читал и бегал за бабами, – человек на все руки, и притом с сердцем весьма нежным и с чисто дворянским чувством благородства. Его недостаток составляло только вообще легкомыслие, преобладание фантазии и вкуса к блестящему, фейерверочному. В глазах серьезного политического деятеля это был огромный недостаток, не допускавший никакого серьезного, прочного построения. И Г. Лопатин действительно за свою долгую радикальную жизнь ни в одном серьезном деле не имел участия. Он сам сознавал эту свою слабую сторону и отчасти мучился ею, но природа остается природой», см.: *Тихомиров Л.А.* Воспоминания. М., 2003. С. 363.

465 **Акимов** (настоящая фамилия **Махновец**) **Владимир Петрович** (1872–1921) – социал-демократ, затем кооператор. Учился на юридическом факультете Петербургского университета, но не окончил в связи с арестом. Член социал-демократического кружка «генералов» (или «петухов») И.В. Чернышева в Петербурге, имел связь с «Группой народовольцев». В 1897 арестован, после года предварительного заключения в Петропавловской крепости выслан на 4 года в Восточную Сибирь, бежал за границу. Одинаково дистанцировался от позиции и меньшевиков, и большевиков. В феврале 1905 нелегально вернулся в Россию с целью ознакомления с положением на местах и распространения своих взглядов в партийной и рабочей среде. Убедившись в отсутствии единомышленников в РСДРП, отказался от участия в партийной деятельности, сосредоточившись на работе в кооперации. 11 января 1911 осужден Петербургской судебной палатой к 1 году крепости за книгу «Строители будущего», не желая отбы-

вать наказание, он снова бежал за границу. Жил в Швейцарии, работал в местной кооперации. Знакомился с работой кооперативов в Бельгии, Голландии, Франции. Подготовил книгу «Мясное дело в кооперации». В 1913 по амнистии вернулся в Россию. Служил в Московском союзе потребительных обществ. Читал лекции на кооперативных курсах. По утверждениям В.А. Поссе, последние годы жизни мечтал о низвержении советской власти, которой предпочитал монархию. Подробнее см.: *Савельев П.Ю.* Акимов В.П. // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 17–20.

466 **Милюков Павел Николаевич** (1859–1943) – историк, политический деятель, лидер конституционно-демократической партии. Родился в семье преподавателя Московского училища живописи и ваяния. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1882). С 1886 приват-доцент этого университета. В 1892 получил степень магистра русской истории. За пропаганду либеральных идей в 1895 уволен из университета и выслан в Рязань. С 1897 преподавал в Софии. Читал лекции в Лондоне, Чикаго и др. В октябре 1905 один из учредителей партии конституционных демократов, председатель ее ЦК и редактор ее главного органа газеты «Речь». Депутат III и IV Государственной думы. Летом 1915 сыграл значительную роль в создании «Прогрессивного блока». Член Временного комитета Государственной думы. С марта по май 1917 – министр иностранных дел Временного правительства. В годы Гражданской войны участвовал в создании Добровольческой армии на Дону. В 1920 – эмигрировал. С марта 1921 по 1941 – главный редактор эмигрантской газеты «Последние новости». Подробнее см.: *Макушин А.В.* Милюков П.Н. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 290–293.

467 **Морозов Николай Александрович** (1854–1946) – революционер-народник, ученый в области естественных и общественных наук, литератор. Активный участник «хождения в народ». В ноябре 1874 нелегально отправлен в Женеву; входил в редакцию журнала «Работник». В марте 1875 при возвращении в Россию арестован на границе; после «процесса 193-х» и освобождения (1878) вступил в Основной кружок общества «Земля и воля», вместе с С.М. Кравчинским и Д.А. Клеменцем вошел в редакцию одноименного журнала. После размежевания в «Земле и воле» (1879) стал одним из организаторов «Народной воли», в августе 1879 вошел в ее Исполнительный комитет (ИК). Вместе с тем проявились его разногласия с Л.А.Тихомировым, другими членами ИК. Выступал виднейшим идеологом террора – «неопартизанской борьбы по способу Вильгельма Телля» – как средства политической борьбы против самодержавия. Уехал за границу. Решил вернуться в Россию, чтобы «действовать заодно» с «Народной волей»; 23 января 1881 арестован при переходе границы. По «процессу 20-ти» (9–15 февраля 1882) приговорен к бессрочной каторге

(заменена пожизненным заключением). Находился в тюрьмах (в т. ч. в «одиночке» Шлиссельбургской крепости с 1884) до освобождения 28 октября 1905. В заточении занимался научным и литературным трудом. Приветствовал Февральскую революцию 1917. Принял Октябрьскую революцию 1917. Активного участия в политической деятельности не принимал. Проявил себя организатором и популяризатором науки, инициатором оригинальных научных проектов, особенно в различных областях естествознания. С 1918 по 1946 – директор Ленинградского естественнонаучного института им. П.Ф. Лесгафта. В 1932 избран почетным членом АН СССР. Подробнее см.: *Свалов А.Н.* Морозов Н.А. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 297–299.

468 **Павлов-Сильванский Николай Павлович** (1869–1908) – историк, архивист, государственный и политический деятель. Автор работ по истории общественных движений, крестьянства и др.

469 **Пантелеев Лонгин Федорович** (1840–1919) – издатель, общественный деятель. Член «Земли и воли».

470 **Корба Анна Павловна** (урожденная **Мейнгард**, по второму мужу **Прибылева**) (1849–1939) – член Исполнительного комитета «Народной воли». Осуждена по «процессу 17-ти» к каторжным работам. В 1892–1905 на поселении в Чите, после чего вернулась в Европейскую Россию. Жила в Москве. В 1909 вновь арестована и выслана в Минусинск. После Октябрьской революции 1917 член Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

471 **Сватиков Сергей Григорьевич** (1880–1942) – историк, публицист, общественный деятель. Социал-демократ, правый меньшевик. Подробнее см.: *Розенталь И.С.* Сватиков С.Г. // Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия. С. 510–511.

472 **Семевский Василий Иванович** (1848, по другим сведениям 1849 – 1916) – историк, общественный деятель. Был отстранен от преподавания в Петербургском университете за «вредное направление» (1886). В 1870–1880-е был близок к народникам. В январе 1905 арестовывался. Председатель Комитета помощи освобожденным узникам Шлиссельбурга (1905), член Комитета по оказанию помощи политссыльным. Член партии народных социалистов. Один из создателей и редакторов журнала «Голос минувшего» (1913).

473 **Тырков Аркадий Владимирович** (1859–1924) – будучи студентом, вступил в «Народную волю»; член группы наблюдателей за выездами Александра II. Участвовал в подготовке покушения на императора. Был сослан в Сибирь. В начале 1900-х вернулся в Европейскую Россию, вел научную и литературную деятельность. Подробнее см.: *Тырков А.В.* К событию 1 марта 1881 года // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879 –1882 гг. / сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. Л., 1989. С. 267–285. Биографию см. там же. С. 390–391 [коммент.].

474 **Фроленко Михаил Федорович** (1848–1938) – участник революционного движения 1870–1880-х. В начале 1870-х член народнического кружка «чайковцев», участник «хождения в народ». Член Исполнительного комитета «Народной воли», участник покушений на Александра II. В 1882 приговорен к вечной каторге; до 1905 в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях; в 1905–1917 под надзором полиции. В 1920–1930-е работал в Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, входил в состав редколлегии журнала «Каторга и ссылка».

475 **Шаховской Дмитрий Иванович** (1861–1939) – общественный деятель. Первоначально примыкал к толстовцам, затем участник либерального движения. Один из создателей кадетской партии. В 1938 был арестован и 15 апреля 1939 расстрелян.

476 **Хижняков Владимир Васильевич** (1871–1949) – общественный деятель. Участник земского движения 1890–1900-х, с 1894 член революционно-демократической организации «Народное право». Член Совета «Союза освобождения» (1904–1905). В 1904–1906 один из редакторов еженедельника «Наша жизнь», в 1906 – еженедельника «Без заглавия». В период русско-японской войны 1904–1905 служил военным врачом. В 1903–1910 секретарь Вольного экономического общества, один из организаторов кооперативного движения в России.

477 **Якушкин Вячеслав Евгеньевич** (1856–1912) – политический деятель, историк. Участник земского движения 1890–1900-х, нелегальных земских съездов 1904–1905. Один из создателей «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов» (1903–1904) и кадетской партии (1905, член ЦК).

478 **Парамонов Николай Елпидифорович** (1876–1951) – сын известного ростовского купца-миллионера Е.Т. Парамонова. Участник студенческого движения 1890-х. В 1903 основал в Ростове-на-Дону книгоиздательство «Донская речь» (закрыто в 1907). В 1905–1907 оказывал материальную помощь стачечникам. После закрытия издательства за выпуск революционной литературы находился под следствием. Приговорен к 3 годам заключения в крепости (1911), но исполнение наказания было отложено. Получил полное освобождение по амнистии. Впоследствии перешел на консервативные позиции. Успешно занимался предпринимательством (к 1918 году его капитал составил около 22 млн рублей). В период Гражданской войны финансировал и поддерживал Белое движение. Эмигрировал.

479 **Гурко Владимир Иосифович** (1862–1927) – государственный и политический деятель. Сын фельдмаршала И.В. Ромейко-Гурко. В 1885 окончил юридический факультет Московского университета. Начал службу в должности комиссара по крестьянским делам Гроецкого и Радиминского уездов Варшавской губернии. С 1895 служил в Государственной канцелярии, в 1902 занял пост начальника Земского отдела Министерства внутренних дел, ведавшего обществен-

ным управлением и поземельным устройством всех разрядов крестьян. В 1905 – член Отечественного союза, с июня 1905 его секретарь. В 1906–1907 товарищ министра внутренних дел. Участвовал в подготовке аграрных преобразований правительства П.А. Столыпина. В 1907 отстранен от службы. С 1909 гласный тверского губернского земского собрания и член Русского собрания. С 1912 член Государственного совета. С 1915 член Президиума Прогрессивного блока. Весной 1917 участвовал в создании «Союза земельных собственников». В марте 1918 участник антибольшевистского Правого центра. В поисках союзников для борьбы с большевиками отправился в Добровольческую армию. С 1918 в эмиграции. Подробнее см.: *Соловьев К.А.* Гурко В.И. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 137–139.

480 **Бартенев Юрий Петрович** (1866–1908) – сын издателя «Русского архива» П.И. Бартенева, публицист славянофильского направления, историк, общественный деятель. Обучался на историко-филологическом факультете Московского университета. Работал преподавателем гимназии. С 1891 помогал отцу редактировать «Русский архив». В 1893–1896 по несколько месяцев жил за границей, готовясь к сдаче магистерского экзамена и надеясь занять университетскую кафедру. Неудачно сдал экзамен и вернулся к работе в «Русском архиве». С 1900 из-за материальных трудностей стал цензором Московского комитета по делам печати. Одновременно продолжал работу в «Русском архиве», где в 1890–1900-х поместил ряд статей и подготовил к печати большое количество архивных материалов. Один из организаторов и руководителей Союза русских людей и Всенародного русского союза. В 1907 – кандидат в Государственную думу от Соединенного Совета московских монархических союзов. В 1908 выступал на заседаниях Русского монархического собрания. Внезапно скончался в Германии, куда поехал на лечение. Последователь учения Н.Ф. Федорова; считал себя его учеником, общался с ним в 1892–1903. Содействовал публикации статей Н.Ф. Федорова и его ученика В.А. Кожевникова в «Русском архиве». См.: *Бартенев Ю.П.* Памяти Н.Ф. Федорова // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Кн. 2. С. 130–131; 988–989 [коммент.].

481 **Мансуров Павел Борисович** (1860–1932) – дипломат, духовный писатель; Служил в Константинополе секретарем Русского посольства. Служил директором Московского главного архива иностранных дел, один из учредителей и участников «Кружка ищущих христианского просвещения» М.А. Новоселова; член Поместного Собора 1917–1918; секретарь общины Троице-Сергиевой лавры, член Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В 1919 в Сергиевом Посаде публично выступал против закрытия Лавры, после чего был вынужден скрываться от ареста. В конце 1922 вернулся в Сергиев Посад, где вскоре умерла его жена, и жил с семьей сына Сергея Павловича. После отъезда последнего из Посада в 1925 жил с семьей

В.А. и В.Ф. Комаровских. В 1926 арестован и по приговору «минус шесть» отбывал срок, живя в Новгороде. По возвращении в Москву скитался по квартирам, проживая у знакомых. Погиб в столице сбитый трамваем летом 1932.

Мансуров Сергей Павлович (1890–1929) – сын П.Б. Мансурова, церковный историк, член «Кружка ищущих христианского просвещения» М.А. Новоселова, священник (1926), автор незавершенных «Очерков по истории Церкви», опубликованных посмертно (Богословские труды. М., 1971–1972. Сб. 6–7).

482 **Самоквасов Дмитрий Яковлевич** (1843–1911) – русский археолог и историк русского права. С 1877 – профессор истории русского права в Варшавском, а с 1894 – в Московском университете. Читал курс истории русского права на юридическом факультете. Производил археологические раскопки во многих районах России. Наиболее известны раскопанные им погребения воинов-дружинников вокруг Чернигова и курган Черная Могила. В 1891 передал свою археологическую коллекцию Историческому музею в Москве.

483 **Кожевников Владимир Александрович** (1852–1917) – историк культуры, философ, публицист, поэт. Получил домашнее воспитание, овладел главными европейскими и основными древними языками. В 1868–1873 учился в Московском университете, в качестве вольнослушателя, к выпускным экзаменам допущен не был и аттестации об окончании университета не имел. Много путешествовал, совершил паломничество в Святую Землю, жил в Западной Европе. В 1874 дебютировал книгой «Нравственное и умственное развитие римского общества во II веке», вызвавшей положительные рецензии в прессе. В 1875 познакомился с Н.Ф. Федоровым и стал одним из наиболее близких к нему людей, впоследствии посвятив ему монографию «Н.Ф. Федоров. Опыт изложения его учения...». Способствовал опубликованию Федоровской «Философии общего дела». Был одним из активных членов «Кружка ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви». Автор трудов: «О добросовестности в вере и неверии» (1909), «Буддизм в сравнении с христианством» (1916) и др. В 1912 был избран в почетные члены Московской духовной академии. Скончался от рака. См.: *Никитина И.В.* Кожевников В.А. // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 586–588.

484 **Языков Дмитрий Дмитриевич** (1850–1918) – библиограф, историк литературы. Сын протоиерея Д.И. Языкова. Окончив Московский университет (1874), работал преподавателем русского языка в VI московской гимназии. В 1879 получил степень магистра русской словесности. Работал старшим учителем в московских Александровском и Екатерининском институтах. Состоял библиотекарем Московского университета и секретарем Обще-

ства любителей российской словесности. Публиковался в «Историческом вестнике», «Московских ведомостях» и других изданиях.

485 Все попытки В.Л. Бурцева привлечь Л.А. Тихомирова к публикациям мемуарного характера и подготовке материалов для «Былого» окончились неудачно. Тихомиров ответил ему 6 августа 1907:
«Уважаемый Владимир Львович!
Я в высшей степени советую Вам оставить мысль о сводке Ваших материалов. Они дадут очень плохую историю. Они очень безжизненны, протокольны. И иными не могли быть. Я Вам говорил с первого раза, что истории живых людей нельзя *иметь*.
Я сам сочувствую *только* сбору материалов, но никак не их публикации. Нельзя касаться интимнейших сторон жизни, а если их нет, то не напишете и истории.
Притом собственно в настоящую минуту я даже нахожу, что Вы можете очень многим серьезно повредить. Вы как-то не следите за ходом политических дел.
Я очень настойчиво обращаю Ваше внимание на то, что я *против* предложенной Вами работы.
Что касается моих записок, то они все еще ведутся в общих штрихах. Теперь же одна работа, безусловно неотложная по политическим обстоятельствам, отнимает у меня буквально все время.
Впрочем, мои записки будут в полной сохранности в Публичной библиотеке, обеспеченные приличным сроком публикации. <...>
Еще раз прошу Вас оставить мысль о преждевременных (а вероятно – и несвоевременных) сводках и итогах. Не понимаю – на что они нужны? <...> Имен будьте добры – не спрашивайте. Пусть их говорит, кто хочет», см.: На чужой стороне. 1925. № 10. С. 214–215.

486 **«Русское собрание»** – общественная организация культурно-просветительного (1901–1904, 1914–1917) и политического (1905–1913) характера. Учредительное собрание состоялось 16 января 1901 в Петербурге, устав утвержден 26 января 1901. В состав «Русского собрания» входили монархически настроенные государственные деятели и чиновники, генералы и офицеры (до запрета им состоять в политических организациях в конце 1905), ученые, творческая интеллигенция, представители аристократии. В Москве с 1906 действовало Русское монархическое собрание (Монархический клуб), созданное по образцу «Русского собрания» его членами. Занималось организацией музыкальных и исторических вечеров, чтений, выставок и так далее, позднее открыло гимназию в Петербурге (1907). В революцию 1905–1907 развернуло издательско-пропагандистскую деятельность. Содействовало становлению Союза русского народа (СРН), предоставляло ему своё помещение для заседаний, участвовало в ряде совместных акций. Члены «Русского собрания» (А.И. Дубровин, В.М. Пуришкевич, Н.Н. Родзевич и др.) впоследствии вошли в руководство правых партий. Участвовало в кампаниях по выборам в Государственную думу всех четырех созывов, поддерживая правые

партии. В 1906 по инициативе «Русского собрания» состоялся 1-й Всероссийский съезд русских людей (Петербург), члены «Русского собрания» участвовали во 2-м и 3-м съездах монархистов (Петербург, Киев). В 1910–1912 в «Русском собрании» шла борьба между сторонниками А.И. Дубровина и Н.Е. Маркова, которая способствовала расколу организации. Политические противоречия привели к кризису, в связи с чем 26 января 1914 организация отказалась от политической деятельности. «Русское собрание» прекратило существование после Февральской революции 1917. Подробнее см.: *Кирьянов Ю.И.* Русское собрание: 1900–1917. М., 2003; *Репников А.В.* Русское собрание // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 437–441.

487 **Скобелев Михаил Дмитриевич** (1843–1882) – русский военачальник, генерал от инфантерии (1881), генерал-адъютант (1878). Участвовал в завоевании Средней Азии.

488 «Блаженная кончина старца последовала в пятницу на первой седмице Великого поста 1906 г. в святом алтаре перед святым престолом» // Митрополит *Вениамин* (*Федченков*). Записки архиерея. С. 855 [коммент.].

489 **Варнава Гефсиманский** (**Меркулов Василий Иванович**), (1831–1906) – иеромонах Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры. Надворный духовник Пещер Гефсиманского скита. Пользовался большим уважением среди верующих. Канонизирован. См.: Архимандрит *Георгий* (*Тертышников*). Житие преподобного иеромонаха Варнавы, старца Гефсиманского скита при Свято-Троице-Сергиевой Лавре. Фессалоники, 1995.

490 **Гефсиманский** (**Черниговский**) скит при Свято-Троицкой Сергиевой лавре основан в 1844 святителем Филаретом (Дроздовым). В 1852 в скит была передана чудотворная икона Черниговской-Ильинской Божией Матери. На территории скита, возле церкви были в разное время похоронены К.Н. Леонтьев и В.В. Розанов. Подробнее см.: *Филимонов К.А.* Новая Гефсимания. М., 2000.

491 От Magna charta libertatum (*лат.*) – Великая хартия вольностей.

492 Ср. с мнением К.П. Победоносцева: «Массы народные издавна коснели в бедности, нищете, невежестве и терпели от насилия сверху. Но они терпели, жили и умирали бессознательно», однако «в последнее время бессознательность миновала, умножились средства сообщения, и вопиющая разница между нищетою одних в большинстве и богатством и роскошью других в меньшинстве стала еще разительнее». В результате «все это легло на массу страшною тягостью, в иных местах невыносимою. Душа народная стала возмущаться. Стали подниматься всюду вопросы: для чего мы страдаем? а другие обогащаются нашим трудом, кровью и потом? И к чему служат власти, которые в течение тысячелетий

ничего не могли устроить для нашего облегчения? И к чему правительство, которое только гнетет нас податями, правителями, судами? И к чему, наконец, государство и всякая власть государственная?», цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 27–28.

493 **Карманьола** – популярная революционная песня времен Французской революции (1792), сопровождающаяся особого рода пляской.

494 **Илия** (*библейск.*) – ветхозаветный пророк в Израильском царстве в IX в. до н. э.

495 «Оставих Тя, не остави мене; изыди на взыскание мое...» // Молитва из Канона покаянного ко Господу нашему Иисусу Христу.

496 **Романов Георгий Александрович** (1871–1899) – Великий князь, средний сын императора Александра III. Длительное время (по состоянию здоровья) проживал в горном имении на Кавказе. После вступления на престол Николая II был наследником-цесаревичем. Умер на Кавказе от туберкулеза.

497 Реальный исторический факт (*франц*).

498 **Муцухито** (1852–1912) – император Японии с 1867 по 1912, правил под девизом Мэйдзи.

499 «Рука Всевышнего Отечество спасла» – название драмы Н.В. Кукольника, поставленной на сцене Александринского театра в 1834. Пьеса была одобрена императором Николаем I и получила широкую известность. Одни оценивали ее как патриотическую, другие отзывались с иронией. Ср. с записью в дневнике Л.А. Тихомирова от 11 апреля 1916: «Когда-то говорили “Рука Всевышнего Отечество спасла”. Теперь придется сказать “Рука Всевышнего на нас отяготела”», см.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 221.

500 **Александр I** (1777–1825) – российский император с 1801. В начале правления провел либеральные реформы. Внешнеполитический курс колебался между союзом с Англией и Францией. В 1805–1807 участвовал в антифранцузских коалициях. В 1807–1812 временно сблизился с Францией. Вел успешные войны с Турцией (1806–1812) и Швецией (1808–1809). При Александре I к России были присоединены Грузия (1801), Финляндия (1809), Бессарабия (1812), Азербайджан (1813), бывшее герцогство Варшавское (1815). После Отечественной войны 1812 в 1813–1814 возглавил антифранцузскую коалицию европейских держав, был одним из руководителей Венского конгресса (1814–1815) и организаторов Священного союза.

501 **Ювачев Иван Павлович** (1850–1936) – революционер-народоволец, мичманом вступил в военную организацию «Народной воли». Арестован в 1883 в результате предательства С.П. Дегаева. Проходил по «процессу 14-ти». Приговорен к смертной казни, замененной на 15 лет каторги. Отбывал срок сначала в Шлиссельбургской крепости, затем до 1895 на Сахалине. В ссылке на Сахалине несколько лет работал в ножных кандалах, был на тяжелых физических работах. Стал капитаном единствен-

ного на Сахалине парохода; составил лоции Охотского и Японского морей. В 1897 вернулся в Европейскую Россию. В 1903 избран за научные труды членом-корреспондентом Главной физической обсерватории Академии наук. Вернулся в православие и стал заниматься православной педагогикой, сотрудничал в «Историческом вестнике». Был ревизором Управления государственными сберегательными кассами. См.: Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. С. 62–63 [коммент.]. Отец Даниила Ивановича Ювачева, писавшего под псевдонимом Даниил Хармс.

502 То есть на Трубной в Москве.

503 Речь идет об известном книжном магазине.

504 То есть Новикова Ольга Алексеевна. Слух о ее смерти был ложным.

505 **Акафист** – церковное хвалебное произведение, при чтении и пении которого положено стоять.

506 **Шмидт Петр Петрович** (1867–1906) – революционный деятель. Один из руководителей Севастопольского восстания 1905 года. Вместе с соратниками был приговорен к смертной казни и расстрелян. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский): «Защитил бывшего ректора академии и студентов ее, отслуживших панихиду по Шмидте, вступив в пререкания со всесильным тогда Победоносцевым и членами Синода, относившимися враждебно к тогдашнему революционному движению», цит. по: Россия перед Вторым пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Т. 1. С. 391.

507 **«Московский голос»** – еженедельная консервативная газета, славянофильского направления. Основана К.П. Степановым в апреле 1906 (Москва). Всего было выпущено 59 номеров этой газеты, и в мае 1907 она прекратила существование. В издании участвовали Л.А. Тихомиров, К.Н. Пасхалов, Ф.Д. Самарин, А.А. Башмаков, С.А. Петровский, Г.А. Шечков, Д.А. Хомяков, Ю.П. Бартенев.

508 *Тихомиров Л.А.* Государство и этическое начало // Московский голос. 1906. № 1, 6 апреля. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Христианское государство и внешняя политика / сост. М.Б. Смолин. М., 2012. С. 523–533.

509 Речь идет о статье «О созыве поместного Собора», которая в итоге была опубликована в «Московском голосе».

510 *Тихомиров Л.А.* О созыве поместного Собора // Московский голос. 1906. № 1, 6 апреля, № 2, 13 апреля. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Христианское государство и внешняя политика. С. 534–543.

511 **Кадеты** – члены конституционно-демократической партии (Партия народной свободы). Основана в октябре 1905. Являлась самой крупной либерально-демократической партией России. Кадеты входили в состав

Временного правительства России. СНК РСФСР в декрете и воззвании от 28 ноября (11 декабря) 1917 объявил кадетов «партией врагов народа». Кадеты ушли в подполье. Большая часть руководителей партии эмигрировала за границу.

512 **Попов Михаил Родионович** (1851–1909) – член «Земли и воли», затем «Черного передела». Киевским военно-окружным судом в июле 1880 был приговорен к бессрочной каторге.

513 **Вынос плащаницы** – церковный обряд, совершаемый во время богослужения Великой пятницы на Страстной неделе, которая посвящена воспоминанию о крестной смерти Иисуса Христа. Плащаница – плат большого размера с вышитым или живописным изображением лежащего во гробе Иисуса Христа, выносится священнослужителями из алтаря на середину храма, где ее помещают на приготовленной символической «гробнице».

514 **Разговляться** – в православной традиции – впервые есть скоромную пищу после поста.

515 Николаевский Перервинский монастырь находился под Москвой, неподалеку от платформы Перерва Московско-Курской железной дороги.

516 Несмотря на стремление Тихомирова дистанцироваться от политики, его втягивание в водоворот общественно-политической жизни началось с участия во Всероссийском съезде русских людей, который состоялся 6–12 апреля 1906 в Москве.

517 **Фомина неделя** – первое воскресение после Пасхи («Антипасха»).

518 Впоследствии, после роспуска Думы, именно в Выборге было составлено обращение группы оппозиционных депутатов I Государственной думы к российским поданным (10 июля 1906) с призывом отказаться от уплаты налогов и службы в армии в знак протеста против роспуска Думы. Подписанты обращения были преданы суду, приговорены к 3-месячному заключению и лишены избирательных прав.

519 Всеобщая ликвидация (*франц.*).

520 **Коновницын Сергей Николаевич** (1886–1906) – граф. Во время русско-японской войны 1904–1905 отправился добровольцем в действующую армию, был ранен. В марте 1905 возвратился в Москву на лечение. Участвовал в организации монархических союзов. Во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве явился к Ф.В. Дубасову с просьбой прикомандировать его к какому-нибудь из полков, расположенных в Москве. Назначен заведующим охраной Дубасова. 23 апреля в 12 часов дня, по окончании праздничного богослужения в Большом Успенском соборе, в коляску Дубасова была брошена бомба. В ходе покушения сам Дубасов легко ранен (раздроблена ступня левой ноги), был убит С.Н. Коновницын, находившийся рядом.

[521] Попытку убийства Дубасова осуществил социалист-революционер Борис Вноровский, одетый в форму лейтенанта флота. Во время покушения террорист погиб.

[522] **Екатерина II Алексеевна** (1729–1796) – российская императрица с 1762. Немецкая принцесса София Фредерика Августа. Оформила сословные привилегии дворян. В ее правление значительно окрепло русское абсолютистское государство.

[523] **Родичев Федор Измаилович** (1854–1933) – политический деятель. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1876). Участвовал в сербо-черногорско-турецкой войне 1876–1878. Уездный предводитель дворянства. В 1891 избран председателем тверской земской управы, но не утвержден. С 1898 присяжный поверенный. Депутат I–IV Государственной думы. Один из основателей и лидеров партии кадетов, член ее ЦК. После Февральской революции министр Временного правительства по делам Финляндии (март–май 1917). После Октябрьской революции был арестован, но вскоре освобожден. В начале 1918 покинул Петроград. Жил в Киеве, затем в Ростове-на-Дону. Участвовал в деятельности антибольшевистских организаций. В декабре 1918 выехал в Екатеринодар. Член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. В составе делегации от «Национального центра» и выполняя поручение А.И. Деникина, посетил ряд городов Сербии, агитируя за создание сербских легионов для борьбы с большевизмом, а также Грецию, Чехию и Польшу. В 1922 переехал в Лозанну и от политической деятельности отошел.

[524] Ср. с размышлениями о Николае II как «искупительной жертве за грехи поколений» в дневниковой записи от 20 мая 1905.

[525] *Тихомиров Л.А.* Министерский проект Основных законов // Колокол. 1906. № 84, 19 апреля. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Христианское государство и внешняя политика. С. 544–548.

[526] **Жолтановский** (?–1906) – екатеринославский генерал-губернатор (пробыл на этом посту не более двух месяцев). По сообщению газет, в 9 часов вечера, когда генерал-губернатор направлялся в экипаже к вокзалу, были произведены несколько выстрелов, одним из которых он был убит.

[527] Подробнее о торжествах см.: Владимир Андреевич Грингмут. Очерк его жизни и деятельности. С. 99–100.

[528] Первое заседание I Государственной думы состоялось 27 апреля 1906, но говорить о спокойном открытии нельзя, поскольку И.И. Петрункевич вместо благодарности за приветственную речь Николая II поставил в нарушение думского регламента вопрос о проведении в России всеобщей политической амнистии.

529 **Французская революция** (1789–1799). Король Людовик XVI созвал в мае 1789 Генеральные штаты. Депутаты от 3-го сословия (купцы, ремесленники, буржуа, рабочие) объявили себя 17 июня Национальным, а 9 июля – Учредительным собранием. Попытка разгона собрания вызвала народное восстание: штурм Бастилии 14 июля 1789 явился началом Французской революции. В августе 1789 принята Декларация прав человека и гражданина. После низвержения монархии в результате восстания 10 августа 1792, возглавленного Парижской коммуной, политическое руководство перешло к жирондистам, которым противостояли якобинцы, стремившиеся к углублению революции. 22 сентября 1792 учреждена республиканская форма правления. В январе 1793 по приговору Конвента (высший законодательный и исполнительный орган) был казнен король Людовик XVI, обвиненный в государственной измене. Восстание 31 мая – 2 июня 1793 привело к установлению якобинской диктатуры. Правительство якобинцев, опираясь на поддержку народа, обеспечило победу над вторгшимися во Францию войсками европейских монархических государств (Пруссия, Австрия и др.), радикально разрешило аграрный вопрос. Однако ограничительный режим и террор якобинцев подорвали их социальную базу. Термидорианский (по названию 11-го месяца французского республиканского календаря) переворот 1794 низверг якобинскую диктатуру. Власть сосредоточилась в руках крупной буржуазии. В 1795 установлен режим Директории. Государственный переворот восемнадцатого брюмера (1799) знаменовал окончание революции. Образы Французской революции неоднократно использовались в полемике и публицистике как русскими радикалами, так и консерваторами. См.: *Мягкова Е.М., Репников А.В.* Образы Французской революции в общественной мысли России XIX в. // Россия XXI. 2012. № 5. С. 102–123. В дневниковых записях Тихомирова обращение к событиям и деятелям Французской революции также встречается неоднократно.

530 **Караулов Василий Андреевич** (1854–1910) – революционер-народоволец. В 1880 примкнул к «Народной воле», вел пропаганду в студенческой среде. В 1883 пытался восстановить петербургскую народовольческую организацию. Находясь за границей в феврале 1884, был избран в состав народовольческого центра, прибыл в Киев для руководства местным кружками. В марте 1884 арестован. В ноябре 1884 Киевским военно-окружным судом приговорен к 4 годам каторги.

531 **Аладьин Алексей Федорович** (1873–1927) – политический деятель. Родился в зажиточной крестьянской семье. Был студентом медицинского и естественного факультетов Казанского университета; исключен за участие в нелегальных кружках. После отбытия тюремного заключения приговорен к ссылке; бежал, выехал за границу; «изготавливал поддельный “антиквариат” в Париже, работал электриком на фабрике в Шарлеруа (Бельгия)». См. [Без автора] Аладьин А.Ф. // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 51. Вер-

нулся в Россию после Манифеста 17 октября, участвовал в организации всеобщей забастовки в декабре 1905; член Боевой дружины. Избран в I Государственную думу, один из лидеров Трудовой группы. После поражения революции 1905–1907 вновь выехал за границу. Вернулся летом 1917. После Октябрьской революции в архиве Министерства иностранных дел были найдены документы о его связях с английской разведкой. В 1918–1920 в Добровольческой армии. Эмигрировал.

532 Имеется в виду ответный адрес императору, утвержденный Государственной думой 5 мая 1906.

533 От одного из информаторов полиции стало известно, что вечером 12 мая в роще недалеко от Лосиного острова должна будет состояться сходка. Предполагалось и присутствие разыскиваемого В.В. Мазурина («Володи»). «На сходку решили отправить двух агентов охранного отделения – Федотова и Рауба. От них требовалось опознать Мазурина и взять его под осторожное наблюдение. Однако на сходке Рауба узнал студент, у которого он зимой, во время подавления мятежа, производил обыск. Агент попытался отовраться, но у неопытного Федотова сдали нервы, и он побежал. Его поймали, и по приказу молодого человека, очень похожего на “Володю”, обоих разоблаченных агентов привязали к деревьям и расстреляли. Федотова убили наповал, а Рауба тяжело ранили. Он потерял сознание, а когда очнулся, вокруг никого уже не было. Его стоны услыхали молодой человек с девушкой, которые вызвали полицию. Двух участников расстрела по горячим следам взяли у остановки трамвая, когда они возвращались в город. Задержанных привезли в больницу, показали раненому агенту, и Рауб опознал их как участников расстрела. На первом же допросе дружинники выдали всех остальных, но никто из арестованных не имел связи с Мазуриным – он сам на них выходил и назначал свидания» См.: *Ярхо В.* Дело на 875 тысяч // Совершенно секретно. 2005. № 7. URL: http://www.sovsekretno.ru/articles/id/1390 (дата обращения: 07.07.2015).

534 **«Московские епархиальные ведомости»** – издание Общества любителей духовного просвещения с 1869.

535 Подробнее см.: *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилья. 2-е изд., доп. М., 2010.

536 26 апреля 1906 А.А. Ширинский-Шихматов был назначен обер-прокурором Святейшего Синода в правительстве И.Л. Горемыкина.

537 Постепенно идея сильной монархической власти в определенной степени уступает у консерваторов место идее диктатуры «сильной личности» (не обязательно монарха). А.А. фон Лампе писал: «Мне кажется, что монархистам придется перейти к идеям прямого бонапартизма, то есть признать царем того, кто будет иметь силу и дерзость им сделаться, в этом случае наше эмигрантское положение плохо, так как конечно это возможно только внутри самой России!! Ну да все равно, пусть хоть Буденный

или Тухачевский!», цит. по: Алексей фон Лампе – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов / вступ. ст., сост. и коммент. А. Колонтари. М., 2012. С. 160–161. Со временем монархизм был дополнен и даже сильно потеснен «бонапартизмом» и цезаризмом. Подробнее см.: *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. С. 461, 495.

538 Речь идет об имении и усадьбе В.К. и К.В. Шлиппе (в настоящее время находится в деревне Любаново Наро-Фоминского района Московской области). **Шлиппе Владимир Карлович** (1834–1923) – государственный деятель, с 1905 член Государственного совета.

539 **Юзефович Борис Михайлович** (1843–1911) – консервативный публицист. Киевский цензор. Благодаря поддержке дворцового коменданта П.П. Гессе причислен к Собственной канцелярии Его Императорского Величества. С 1905 агент Департамента полиции в Париже. В 1906–1908 председатель Киевского отделения Русского собрания. С 1906 председатель Киевской монархической партии.

540 Еврейский погром в Белостоке начался 1 июня и продолжался до 3 июня 1906. Сопровождался убийствами и разграблением имущества. Погром стал предметом особого рассмотрения в I Государственной думе. См.: *Г-ский В.* Белостокский погром. М., 1906.

541 **Союз русского народа** (СРН) – организация русских националистов в России (1905–1917). Основана в ноябре 1905 по инициативе членов Русского собрания. Лидеры – А.И. Дубровин, с 1910 – Н.Е. Марков. Центральный орган – главный совет. Центр СРН находился в Петербурге. В городах и поселках России имелось около 900 отделений, из которых особо крупные были в Москве, Одессе, Киеве, Почаевской лавре (Волынская губ.), Новгороде, Саратове, Астрахани. Основные программные положения: сохранение самодержавия, его единство с народом в совещательном органе (Земский собор), единство и нераздельность России, поддержка православия. Объединял в своих рядах широкие массы населения всех сословий: городскую мелкую буржуазию, помещиков, часть интеллигенции и рабочих, духовенство и зажиточное крестьянство. В 1908 из СРН выделилась организация «Русский народный союз имени Михаила Архангела». С декабря 1905 официальным печатным органом главного совета была газета «Русское знамя»; с 1909 начала издаваться газета «Земщина», выражавшая позицию правых фракций Государственной думы. В 1910 в связи с расколом СРН и в противовес «Русскому знамени» стала выходить газета «Вестник Союза русского народа». Распущен после Февральской революции. Подробнее см.: *Богоявленский Д.Д., Репников А.В.* Союз русского народа // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 480–485.

542 Сокращенно от: Quem deus [Jupiter] perdere vult, dementat prius (*лат.*) – Кого бог (Юпитер) хочет погубить, того он делает безумным.

[543] **Чухнин Григорий Павлович** (1848–1906) – военный деятель, вице-адмирал. В 1902–1904 начальник Морской академии и кадетского корпуса. С 1904 – главный командир Черноморского флота. Участвовал в подавлении революционных выступлений. Убит эсером Я.С. Акимовым.

[544] **Грингмут Екатерина Владимировна** – дочь В.А. Грингмута.

[545] **Абен Виктор Богданович** – художник, муж Е.В. Грингмут, дочери В.А. Грингмута.

[546] **Шейлок** – еврей, одно из главных действующих лиц комедии В. Шекспира «Венецианский купец».

[547] Псалтырь. Псалом 65, ст. 11–12.

[548] «Ты ввел нас в сеть, положил оковы на чресла наши, посадил человека на главу нашу. Мы вошли в огонь и в воду, и Ты вывел нас на свободу».

[549] Псалтырь. Псалом 84, ст. 6–7.

[550] «Неужели вечно будешь гневаться на нас, прострешь гнев Твой от рода в род? Неужели снова не оживишь нас, чтобы народ Твой возрадовался о Тебе?».

[551] В период психологического кризиса Тихомиров-революционер, находясь в эмиграции во Франции, все чаще стал заглядывать в Библию, которая открывалась на фразе «И избавил его от всех скорбей его и даровал мудрость ему и благоволение царя египетского фараона...» (Деян., 7, 10). Пытавшегося вникнуть в смысл написанного Тихомирова озарило: «Да не государь ли это? Не на Россию ли мне Бог указывает?», см.: Воспоминания Льва Тихомирова / пред. В.И. Невский, вступит. ст. В.Н.Фигнер. М.; Л., 1927. С. 290–291. Отметим, что с точки зрения православной церкви «гадание» на тексте Библии считается предосудительным.

[552] **Джордж Генри** (1839–1897) – американский публицист, экономист и общественный деятель. В своей работе «Прогресс и бедность» (1879) пропагандировал идею введения единого прогрессивного государственного налога на землю как средство для достижения всеобщего достатка и социального мира. Его идеи получили распространение в США, Англии, Ирландии, Австралии и легли в основу так называемого джорджизма – экономико-философского учения, согласно которому каждый владеет созданным им продуктом, однако все природные блага, и прежде всего земля, принадлежат в равной степени всему человечеству. В России взгляды Г. Джорджа высоко оценивал Л.Н. Толстой.

[553] **Олсуфьев Дмитрий Адамович** (1862–1937) – граф, камергер, действительный статский советник; земский и общественно-политический деятель. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1885). Отбыл воинскую повинность в гвардейской конной артиллерии. По окончании службы

причислен к Министерству государственных имуществ. С 1891 земский начальник Саратовской губернии. С 1893 камышинский уездный предводитель дворянства. Одновременно в 1894–1895 – председатель камышинской уездной земской управы. В 1899 участвовал в создании либерального кружка «Беседа». В 1902–1904 – председатель саратовской губернской земской управы, лидер правого крыла саратовского земства. Во время русско-японской войны 1904–1905 работал на Дальнем Востоке в Российском обществе Красного Креста. Был взят в плен в Мукдене. В 1905 – один из организаторов саратовского отдела «Союза 17 октября» и его органа газеты «Волга». С 1906 член ЦК «Союза 17 октября». В том же году избран членом Государственного совета от саратовского земства, под влиянием Ф.Д. Самарина вошел в группу правых. В мае 1906 участвовал в работе Совета по организации съезда уполномоченных дворянских собраний. В 1912 перешел в группу центра Государственного совета. С 1915 член Прогрессивного блока. В 1917 один из создателей Союза земельных собственников. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918. В 1918 переехал в Киев, в 1919 – в Одессу. В марте 1919 эмигрировал в Турцию, спустя три месяца вернулся в Россию, в Новороссийск. С 1920 вновь в эмиграции. Подробнее см.: *Соловьев К.А.* Олсуфьев Д.А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 328–330; П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 490 [коммент.].

[554] **Стишинский Александр Семенович** (1851–1922) – государственный деятель. В 1872 окончил юридический факультет Московского университета. Служил в Министерстве внутренних дел, затем с 1873 – в Государственной канцелярии. В 1889 познакомился с А.Д. Пазухиным. С 1889 помощник управляющего, с 1893 – управляющий Земского отдела Министерства внутренних дел. Из-за разногласий с новым министром И.Л. Горемыкиным в 1896 стал товарищем государственного секретаря. С 1899 товарищ министра внутренних дел. С 1896 товарищ государственного секретаря. С 1899 товарищ министра внутренних дел. С 1904 член Государственного совета. В 1906 главноуправляющий землеустройством и земледелием. Член группы правых Государственного совета. С 1916 сенатор. Эмигрировал. Подробнее см.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 505 [коммент.].

[555] Когда И.Л. Горемыкин был сменен П.А. Столыпиным, А.А. Ширинский-Шихматов отказался войти в его кабинет и был 9 июля 1906 уволен от должности обер-прокурора и назначен членом Государственного совета.

[556] То есть Троице-Сергиевой лавры.

[557] **Герценштейн Михаил Яковлевич** (1859–1906) – политический деятель, экономист. Окончил гимназию в Одессе и поступил на юридический факультет Новороссийского университета. В 1881 выехал за границу, слушал лекции в Берлине и Гейдельберге, работал в библиотеках Лондо-

на и Парижа. По возвращении в Россию сдал магистерский экзамен по политической экономии и статистике в Московском университете. Затем работал секретарем Земского банка (1886–1901). С 1884 сотрудничал в журналах «Русская мысль», «Юридический вестник» и особенно в газете «Русские ведомости», с 1886 стал ее постоянным сотрудником. Член конституционно-демократической партии с момента основания, один из авторов кадетской аграрной программы. Избран депутатом в I Государственную думу от Москвы. После роспуска I Думы подписал Выборгское воззвание. Жил с семьей на даче в Териоках (Финляндия). Убит 18 июля 1906. В убийстве подозревали членов Союза русского народа. См.: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. С. 1032–1035. Из последних работ на эту тему см. публикации петербургского историка В.В. Ведерникова и монографию: *Витухновская-Кауппала М.* Финский суд vs «Черная сотня». Расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб., 2015.

558 Восстание в Свеаборге продолжалось с 18 по 20 июля 1906. Под его влиянием 19–20 июля произошло восстание части Кронштадтского гарнизона. Подробнее см.: Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. II. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 180–182 [коммент.].

559 **«Вече»** – монархическая ежедневная газета. Выходила в Москве с 11 декабря 1905. Основатель и фактический редактор-издатель В.В. Оловеников (числился секретарем редакции, а издателем была обозначена его жена). Первоначально издание выходило в виде сборников, так как издатель не имел права на выпуск газеты. Первый номер имел подзаголовок «Новая московская ежедневная политическая газета»; 9 и 19 января 1905 газета выходила под названием «Назад», 22 января – «Московское вече», 8 февраля – «Наше вече». С 13 февраля 1905 издание стало выходить под названием «Вече. Общественная, политическая и литературная газета, с портретами, рисунками и карикатурами». В 1908 в дополнение к газете печатался еженедельный журнал «Вече». Издание неоднократно подвергалось значительным штрафам за диффамацию. После смены издателей и владельцев газета пришла в упадок и прекратила свое существование. Последний номер вышел 15 февраля 1910. «Антиеврейская тема была преобладающей в публикациях газеты». См.: *Степанов А.Д.* «Вече» // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 95.

560 **Милица Николаевна** (1866–1951) – великая княгиня, дочь черногорского князя Негоша (в 1910–1918 короля Николая I Петровича Негоша), супруга (с 1889) великого князя Петра Николаевича. Урожденная черногорская княжна из династии Петрович-Негош. С детского возраста проживала в России вместе со своими четырьмя сестрами. Отличалась интересом к мистике, оккультизму и спиритизму. Познакомившись во Франции со спиритом Филиппом, пригласила его в Петербург и ввела в окружение царской семьи. Известен диплом доктора герметизма, выданный на ее имя Папюсом. См.: *Боханов А.Н.* Николай II. М., 2000. С. 124; *Фомин С.В.*

Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия». М., 2008 [вклейка].

561 **Филипп, Низьер Вашоль Филипп** (1849–1905) – уроженец Лиона. Спирит, предсказатель и врачеватель, услугами которого в начале века пользовалась семья Николая II. В 1901 царская семья, находясь во Франции, в Компьене, познакомилась с ним, и Филипп произвел благоприятное впечатление. Он обещал императрице Александре Федоровне, что поможет рождению долгожданного наследника. В 1902 был приглашен в Петербург к императрице и императору. По высочайшему повелению получил звание доктора медицины (диплом военного врача). Был близок к Папюсу. Информация о нем и о Папюсе противоречива. См.: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки / публ. и примеч. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К.Лебедева, И.В.Лукоянова. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 1020–1025 [коммент.]. Иное мнение см.: *Фомин С.В.* Григорий Распутин: расследование. «А кругом широкая Россия». С. 545–725. Автор отмечает, что биография Филиппа «с самого раннего детства и до кончины – опутана необыкновенно плотным слоем лжи, сотканным из недомолвок, полуправды, разного рода выдумок и прямой фальсификации» // Там же. С. 616.

562 **Папюс** (настоящее имя **Жерар Анаклет Венсан Анкосс**) (1865–1916) – французский оккультист и масон. Основатель Ордена мартинистов, автор многочисленных работ по магии, каббале и т. д. Бывал в Российской империи в 1901, 1905 и 1906.

563 **Бирилев Алексей Алексеевич** (1844–1915) – контр-адмирал, в 1905–1907 морской министр, член Государственного совета.

564 **Суворов Александр Васильевич** (1729, по другой информации, 1730–1800) – граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), русский полководец и военный теоретик, генералиссимус (1799).

565 В июле 1906 на крейсере «Память Азова» произошло революционное восстание, подавленное силами команды. Это привело к переименованию корабля. 12 февраля 1909 «Память Азова» стал учебным судном «Двина» и лишился Георгиевского флага.

566 См.: Откровение святого Иоанна Богослова. Гл. 3.

567 То есть прибыль, навар.

568 **Гурий** (**Охотин Николай Васильевич**) (1828–1912) – архиепископ Новгородский и Старорусский С 31 октября 1853 преподаватель истории в Нижегородской духовной семинарии. Магистр богословия (1855). 11 октября того же года переведен преподавателем словесности в Симбирскую духовную семинарию, назначен ее инспектором (1856), 26 марта 1874 утвержден ректором. В 1874 рукоположен и в том же году возведен в сан протоиерея. 15 января 1886 совершил литию при гробе И.Н. Ульянова и участвовал в его отпевании. В 1884 назначен председателем епархиального училищного совета, возглавив организацию сети церковноприходских

школ в епархии. Возведен в сан архимандрита. 13 октября 1900 назначен архиепископом Новгородским и Старорусским. Содействовал удалению в 1906 из епархии игумена Арсения (Алексеева), одного из организаторов Союза русского народа. С 6 мая 1904 был постоянным членом Синода. Уволен на покой по собственному прошению 17 октября 1910 с оставлением в звании члена Синода. 23 октября 1910 ему было назначено местопребывание в Екатерининском корпусе Новгородского архиерейского дома.

[569] То есть у дома Тихомировых, на Страстном бульваре, где они жили при редакции и типографии «Московских ведомостей».

[570] Речь идет об эмигрантском периоде жизни семьи Тихомировых. «Мы наняли в Ле-Ренси отдельный флигель в доме месье Депреля...» // *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 538.

[571] «И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни» Евангелие от Матфея. Гл. 24, ст. 22.

[572] **Герасимов Александр Миронович** – знакомый семьи Тихомировых, воинский начальник в Тирасполе Херсонской губернии. См.: *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 167.

[573] О Серафимове Фотии Ивановиче и его семье см.: *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 165–173.

[574] Имеется в виду взрыв террористами-революционерами бомбы на даче П.А. Столыпина 12 августа 1906, в результате которого на месте погибли 27 человек (среди них террористы) и 33 были ранены. В том числе получила ранение и дочь премьера Н.П. Столыпина, раненная в ноги, и трехлетний сын премьера А.П. Столыпин, раненный в голову. Дочери Столыпина угрожала ампутация ног, но этого удалось избежать См.: *Бок М.П.* П.А. Столыпин. Воспоминания о моем отце. М., 1992. С. 185. В память о погибших на месте разрушенной дачи Столыпина был разбит цветник. 12 июля 1907 Столыпин заложил первый камень будущего памятника и через год на месте трагедии был установлен обелиск, на задней стороне которого находилась доска с именами и фамилиями погибших (30 человек).

[575] **Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич)** (1862–1936) – митрополит. Окончил Кишиневскую духовную семинарию (1880) и Киевскую духовную академию (1885). Епископ (1899), доктор церковной истории (1904), архиепископ (1907). С 1910 архиепископ Новгородский и Старорусский. Митрополит (1917). Член Святейшего Синода. Второй из трех кандидатов на Патриарший Престол. Привлечен к суду вместе со святителем Тихоном (1922). Сослан в Среднюю Азию. С 1927 член Временного Патриаршего Святейшего Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском). С 1933 по 1936 митрополит Таш-

кентский и Туркестанский. Скончался в Ташкенте и был погребен там на городском кладбище.

576 **Мин Георгий Александрович** (1855–1906) – полковник, генерал-майор свиты Его императорского величества (1906). Всю службу провел в рядах лейб-гвардии Семеновского полка, с 1904 командир Семеновского полка. Участвовал в подавлении восстания в декабре 1905 в Москве. Жестокими мерами, находясь во главе семеновцев, подавил революционные волнения на Московско-Казанской железной дороге. Убит эсеркой З.В. Коноплянниковой на станции Новый Петергоф Петергофской железнодорожной станции 13 августа 1906, в момент, когда генерал вместе с женой и дочерью собирался уехать в Петербург. Коноплянникова произвела четыре (по другой информации – пять) выстрела из браунинга. Задержана. По задержании у нее была отобрана бомба. Повешена 29 августа в Шлиссельбургской крепости. В эсеровских кругах Коноплянникова стала одной из культовых фигур и, по свидетельству современника, «шла на смерть, как на праздник». Об участии Г.А. Мина и Семеновского полка в подавлении революции см.: *Владимиров В.* Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге. М., 1906; *Сторожев В.* Ф.В. Дубасов и Г.А. Мин на Пресне в 1905 г. (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора) // Голос минувшего. 1918. № 4/6. О реакции правых кругов на убийство см.: *Шмаков А.С.* Свобода и евреи. Таллин, 2000. С. 440–441.

577 **Георгиевская Александра Павловна** – жена Г.П. Георгиевского.

578 **Комаров Виссарион Виссарионович** (1838–1907) – публицист, издатель, деятель панславизма. В 1860-е занимал ряд должностей в Генеральном штабе, в штабе Виленского военного округа, в штабе Московского военного округа, был начальником штаба дивизии, служил в канцелярии Военного министерства. В 1871 вышел в отставку. Публиковался в «Русском инвалиде», «Военном сборнике», «Голосе», «Московских ведомостях». В 1871 вместе с М.Г. Черняевым и Р.А. Фадеевым основал в Петербурге газету «Русский мир». В 1878 по предложению Д.А. Толстого взял в аренду и издавал два года «Санкт-Петербургские ведомости». В 1881 приобрел собственную типографию и основал ежедневную газету «Свет», став ее редактором. В 1889–1891 издавал газету «Славянские известия». В 1901 стал одним из учредителей Русского собрания.

579 **«Свет»** – ежедневная консервативная газета, основанная в 1881 В.В. Комаровым, который был ее редактором до конца жизни (1907). Выходила в Петербурге. Рассчитанная на массового читателя, доступная по цене, эта газета уже с первых номеров расходилась тиражом в 26 тысяч экземпляров, достигнув в годы русско-японской войны 1904–1905 тиража в 100 тысяч. К «Свету» прилагались различные литературные

иллюстрированные издания. В 1917 издание было прекращено. Подробнее см.: *Суслов М.Д.* Комаров В.В. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 247–248.

580 **Волконский Михаил Николаевич** (1860–1917) – князь, писатель и драматург. Автор многочисленных исторических романов и повестей («Князь Никита Феодорович», «Мальтийская цепь», «Воля судьбы», «Кольцо императрицы» и др.); драматических произведений (пародийная опера «Вампука, принцесса Африканская», «Гастроль Рычалова» и др.). В 1892–1894 редактор журнала «Нива». Сотрудничал в «Новом времени». В 1905–1906 принимал участие в черносотенных сатирических изданиях: «Виттова пляска», «Плювиум», «Продолжение Виттовой пляски». Член Совета Русского собрания (1904–1906), председатель Петербургского губернского отдела Союза русского народа. В марте–апреле 1906 выдвигался кандидатом в выборщики в Государственную думу от Русского собрания, Союза русского народа и Партии народного центра по Петербургу. Отошел от политической деятельности после раскола в Союзе русского народа.

581 Критика Тихомировым в дневниковых записях А.С. Суворина за невнимание к нему не вполне объективна, так как последний должен был учитывать в том числе и настроения в своем окружении. В дневнике А.С. Суворина от 31 июля 1907 запись: «Вчера у О.А. Новиковой. Говорили о Л.А. Тихомирове, чтобы взять его в “Новое время”. Мне бы хотелось, но в редакции многие против него», см.: Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 530.

582 Речь идет об Алексее, сыне Николая II.

583 Неустановленное лицо.

584 **Рейнбот** [с 1914 **Резвы(о)й Анатолий Анатольевич**] (1868–1918) – выпускник Михайловского артиллеристского училища, Николаевской академии Генерального штаба. Младший офицер 37-й артиллеристской бригады (1885), генерал-майор по гвардейской артиллерии (1906). Исполняющий должность казанского губернатора (1905). Московский градоначальник (с 14 января 1906 по ноябрь 1907). Был непримирим по отношению к революционерам (за покушение на него 30 октября 1906 казнили эсерку Ф.М. Фрумкину). В 1907 ему было предъявлено обвинение в превышении власти и незаконном взимании налогов (вымогательстве). Сенатская ревизия продолжалась более трех лет. После того как ревизия сенатора Н.П. Гарина вскрыла множество финансовых и административных злоупотреблений, отстранен от должности, исключен из свиты и предан суду. В 1911 суд приговорил Рейнбота к лишению прав состояния и одному году отбывания в исправительном арестантском отделении. В июне 1913 помилован Николаем II и освобожден «от всяких последствий» приговора. С 1914 года – в распоряжении военного министра, начальник санитарной части одного из подразделений действующей армии (декабрь 1914). В 1915 служил в Варша-

ве по санитарной части. См.: *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. С. 343.

585 Отель «Победа».

586 Военно-полевые суды были образованы 19 августа 1906 и рассматривали дела в ускоренном порядке. Упразднены в апреле 1907. «За восемь месяцев их существования было казнено 683 человека» // П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 333 [коммент.].

587 Выступавшие в 1905–1907 против революционных выступлений, за «академический порядок», правые студенты вскоре получили общее название «партии академического порядка». Кредо академистов провозглашалось в одном из писем правого студента: «Надоели эти глупейшие забастовки и бессмысленные уличные демонстрации. Не в них спасение и процветание Православной Руси...» Цит. по: *Омельянчук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 128–129.

588 Имеются в виду издания, выпускавшиеся о. Иоанном Восторговым.

589 **Мазурин Владимир Владимирович** (1882–1906) – революционер, один из создателей и лидеров Союза эсеров-максималистов. В 1903–1904 учился в Московском университете. В начале 1900-х примкнул к эсерам, некоторое время был членом Московского комитета партии. В мае 1904 арестован за агитацию и осужден, но освобожден в октябре 1905 по амнистии. В дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве возглавил боевую дружину на Казанской железной дороге, участвовал в боях на Чистых прудах и обороне Пресни. Выполняя решения Пресненского военно-революционного трибунала, застрелил несколько московских полицейских; руководил экспроприацией кассы Московского общества взаимного кредита. Во время ареста 26 августа 1906 оказал вооруженное сопротивление и был тяжело ранен. Повешен во дворе Таганской тюрьмы по приговору военно-полевого суда.

590 «7 марта 1906 года в пятом часу вечера, перед самым закрытием операций, в здание московского банка Общества взаимного кредита, располагавшегося на Ильинке, вошли двое молодых людей... Разойдясь по разным залам, они выхватили из-за пазух маузеры, закричали: “Руки вверх!” – и в это же время с черной лестницы и с главного входа в банк ворвались их товарищи. Разоружив четверых дежурных жандармов, налетчики обрезали провод телефона и в считаные минуты полностью взяли банк под свой контроль... был установлен рекорд экспроприаций – грабители взяли 875 тысяч рублей!» См.: *Ярхо В.* Дело на 875 тысяч // Совершенно секретно. 2005. № 7. URL: http://www.sovsekretno.ru/articles/id/1390 (дата обращения: 07.07.2015).

591 «Летом 1906-го Мазурин со своим другом Стерлиговым белым днем выехал в город на автомобиле, принадлежавшем одному из “акционерных обществ”, и на ходу расстреливал городовых, стоявших на по-

стах. За время автомобильной прогулки они отправили на тот свет более десятка полицейских и примерно столько же тяжело ранили». См.: *Ярхо В.* Дело на 875 тысяч // Совершенно секретно. 2005. № 7 URL: http://www.sovsekretno.ru/articles/id/1390 (дата обращения: 07.07. 2015).

592 **Желябов Андрей Иванович** (1851–1881) – революционер-народник. С 1873 член кружка «чайковцев» в Одессе. Один из создателей и руководителей «Народной воли». Организатор покушений на Александра II; казнен по делу «первомартовцев». Тихомиров посвятил Желябову работу: Андрей Иванович Желябов. (Материалы для биографии.) [Женева, на обложке указано вымышленное место издания – Лондон] 1882. Автор установлен по книге: Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке. Пб., 1920. С. 141, № 1464; Андрей Иванович Желябов. 1(13) марта 1881 г. Carouge-Geneve. M. Elpidine, Libraire-Editeur, 1899. Подробнее см.: *Милевский О.А.* Желябов А.И. // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 149–154. Об отношениях Тихомирова и Желябова см.: *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. С. 94–96, 106–125 и далее.

593 Д.Ф. Трепов скоропостижно скончался 2 сентября 1906 из-за болезни сердца, слухи о насильственной смерти не имели никакого основания.

594 То есть остаться на службе в семье Тихомировых.

595 **«Россия»** – консервативное, простолыпинское издание, выходившее в Петербурге. Одним из редакторов был в 1906–1914 А.Н. Гурьев. Подробнее см.: *Лихоманов А.В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997. С. 65–72, 86–126.

596 **Балашев (Балашов) Владимир Андреевич** (? – после 1920) – присяжный поверенный, поэт, публицист, редактор-издатель газет «Вестник русского патриота» и «Голос России». В 1906 – один из руководителей Всенародного русского союза (член-распорядитель Совета). В 1906 принимал участие во Всероссийском съезде Русского собрания и в III Всероссийском съезде русских людей в Киеве. После кончины В.А. Грингмута неоднократно выступал с критикой его преемника И.И. Восторгова в печати. В годы войны находился в действующей армии. После падения самодержавия эмигрировал. Подробнее см.: Правые партии. 1905–1917 годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1905–1910 годы. С. 666; *Степанов А.Д.* Балашев В.А. Черная сотня: историческая энциклопедия. С. 50–51.

597 В.А. Балашев был редактором московской консервативной газеты «Голос русского».

598 **Глинка-Янчевский Станислав (Святослав) Казимирович** (1844–1921) – политический деятель. Начинал в 1866–1875 с коммерческой деятельно-

сти в Туркестане, затем стал публицистом. В конце 1890-х перебрался в Петербург. Был приглашен в газету «Россия», затем сотрудничал в «Новом времени». Позднее – редактор основанной А.С. Сувориным в Москве газеты «Русская земля». В 1902 – действительный член Русского собрания. С 1910 состоял членом Союза русского народа (обновленческого, Марковского). Принимал участие в деятельности Русского народного Союза имени Михаила Архангела. С 1909 – редактор газеты «Земщина», неофициального органа Союза русского народа и правой фракции Государственной думы. Специализировался по внешнеполитическим вопросам, был противником сближения с Великобританией. За некоторые выступления привлекался к судебной ответственности. В марте 1917 арестован вместе с сыном. В начале августа освобожден, затем выслан из столицы. Был задержан на территории Финляндии и находился под стражей до конца сентября. После Октябрьской революции вновь арестован и заключен в тюрьму. По одним данным скончался в тюрьме, по другим данным, был расстрелян.

599 **Облеухов Николай Дмитриевич** (? – не ранее 1917) – консервативный публицист (псевдоним П. Ухтубужский), участник монархического движения. Редактор изданий «Колокол» (1906), «На каждый день православному христианину» (1907–1910) и др. Член Русского собрания и Русского народного союза им. Михаила Архангела (член Главной палаты с 1912, товарищ председателя с 1914). Сотрудник журнала «Прямой путь», автор брошюр. С началом Первой мировой войны фактический руководитель Союза в связи с отъездом В.М. Пуришкевича в действующую армию. В годы войны публиковался в газете «Русское знамя».

600 **Домашнев Николай Федорович** (1883–?) – сын отставного ротмистра, мошенник. Согласно информации начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Петербурге полковника Попова от 21 марта 1914, в 1906 Домашнев начал именовать себя председателем Санкт-Петербургского организационного комитета «Великой Всемирной Лиги Святого Креста», ввиду чего был заподозрен в принадлежности к масонству и по распоряжению Особого отдела Департамента полиции от 29 сентября 1906 был 30 сентября того же года арестован. В ходе расследования выяснилось, что Домашнев не связан с масонством и, будучи материально стесненным, выдумал несуществующую организацию с целью выманить деньги под видом членских взносов, но осуществить это не успел. С него взяли подписку о прекращении деятельности по учреждению лиги. Барон С.С. Таубе оказался несуществующим лицом, которое было выдумано Домашневым с целью придать лиге значительность. В 1909, по информации сыскной полиции Петербурга, Домашнев обвинялся в мошенническом присвоении залогов, взятых им с лиц, которых он вербовал в качестве служащих в контору несуществующего журнала «Ком-

мерческий листок», редактором которого Домашнев представлялся. Дальнейшая судьба мошенника неизвестна.

601 В статье «Постройка без фундамента» Тихомиров объяснял революционную смуту тем, что в России нет единой власти, способной при всяких разногласиях оставить за собой последнее слово. «Скажу прямо, если у нас уже нет прежней Верховной власти или она по каким-либо причинам невозможна к реальному существованию, то есть только один путь быстро и сравнительно безопасно создать новую. Это – обращение к народу, предоставление ему права учредить новую власть. То, что всенародно учреждено, во всяком случае может дать *авторитет* новой власти. И нет других способов дать ей авторитет». См.: *Тихомиров Л.А.* Христианское государство и внешняя политика. С. 623. Статья вызвала отповедь М.О. Меньшикова, писавшего, что Тихомиров пугает правительство «жупелом учредилки», грядущим обострением революционной борьбы и тем самым якобы подталкивает Николая II к восстановлению абсолютизма // *Меньшиков М.О.* Вершина власти // Новое время. 1906. 23 сентября (6 октября), № 10966.

602 См.: *Тихомиров Л.А.* По поводу полемики г. Меньшикова // Новое время. 1906. № 10974. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Христианское государство и внешняя политика. С. 625–626. 24 сентября 1906 Тихомиров писал А.С. Суворину по поводу полемики: «Многоуважаемый Алексей Сергеевич, приношу вам мою благодарность за помещение статьи. Это мне в высшей степени приятно, и, конечно, не возражение Меньшикова парализует ее действие. Но я принужден снова просить вашего гостеприимства. Дело в том, что Меньшиков говорит лично обо мне ужасно много вредного для меня вздора. Мне – как вам угодно – обязательно сказать вашим читателям, что это неверно. Ну, а уж раз говорю, то как же не возразить и по существу вопроса? Посему я вам присылаю статью, здесь прилагаемую. Положим, он у вас в газете первая персона (нисколько не по заслугам), но все же вы, вероятно, допускаете против него возражения. Притом – говорю уже совсем отвлекаясь от личностей – ведь Столыпин ни за что не проведет своей конституции. Вам лучше знать, но и мне приходилось слышать о чрезвычайных колебаниях – там же "на кровле", как выражается Меньшиков. Мне-то это все равно. Я, вы знаете, *практической* политикой не занимаюсь. Но думаю, что для "Нового Времени" далеко не помешает моя статья, которая лишь восстанавливает ваше беспристрастие в возникшем споре... Так, уважаемый Алексей Сергеевич, продолжите вы свою любезность и дайте мне место. На случай вашего жестокосердия и в виду ограниченности верховной власти силой обстоятельств даже у редактора и издателя – прошу *возвратите*, не поленитесь. Я так занят, писать одно по два раза уж очень тяжко. А все-таки нужно будет где-нибудь поместить ответ. Я собственно с Меньшиковым не жажду спорить. Я бы желал иметь кого-нибудь посерьезнее, вроде господ из "Права". Но как Меньшиков

вступается, то нельзя же смолчать? Мне ужасно досадно, что он навязывает мне колпак какой-то партийности. Это фактически неправда. А самое главное – страшно невыгодно для такого публициста, как я. Я по совести вне партий. А между тем такие ложные слухи и “обвинения” отбивают у меня самую нужную мне публику. Разбойник этот Меньшиков. Это уж не полемика, а подвохи» // *Бухбиндер Н.А.* Из жизни Л. Тихомирова (по неизданным материалам). С. 69–70.

603 В. Бурцев, тюрьма Сент-Антуан (*франц.*).

604 **Николадзе Николай Яковлевич** (1843–1928) – публицист, революционер, литературный критик.

605 **Михайловский Николай Константинович** (1842–1904) – теоретик народничества, социолог, публицист, литературный критик. Подробнее см.: *Зверев В.В.* Михайловский Н.К. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 293–297.

606 Намек на «Биографию-исповедь» одного из идеологов революционного народничества Петра Лавровича Лаврова (1823–1900). Подробнее см.: *Свалов А.Н.* Лавров П.Л. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 245–248.

607 Одной из проблем, стоявшей перед Тихомировым после его отхода от революционного движения, накануне возвращения в Россию, был архив, хранившийся у него. Архив содержал в себе огромное количество информации революционного характера. Он писал О.А. Новиковой, что хочет поговорить с ней относительно «всяких моих бумаг» и собирался передать ей «книги недозволенные» и сетовал: «Было бы жаль, если бы пропала моя коллекция, хотя и неполная, революционных изданий. Ведь приходится не щадя сил с ними же бороться, а тогда где их найдешь», см.: РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 750. Л. 131 об. Тихомиров сообщает Новиковой 19 января 1889 о высылке ей двух чемоданов. Один с революционной литературой, которая может понадобиться ему в полемике с бывшими соратниками, второй – дневники, бумаги, книги Тихомирова, его статьи и статьи о нем. Он сообщает и об уничтожении части бумаг, которые сжег и порвал. Есть еще один очень важный момент, на который обратил внимание историк В.Н. Костылев. В бумагах Тихомирова находилась часть народовольческих документов, интересовавших российские спецслужбы. Народовольцы требовали возвращения документов, с чем соглашался и Тихомиров. Решено было архив передать. Благодаря вмешательству А.М. Гартинга (Ландезена, Геккельмана) – агента П.И. Рачковского, пользующегося доверием и Тихомирова, и парижских народовольцев, при перевозке архива из квартиры Тихомировых к В.К. Дебогорию-Мокриевичу документы на 24 часа попали в руки Рачковского. Таким образом, хотя и невольно, но Тихомиров оказал помощь российским спецслужбам, хотя вряд ли догадывался об этом. А вот Рачковский в донесении от 10 июля 1888 в Департамент полиции указывает на факт знакомства с архивом. Часть архива Тихомирова, переданная Дебогорию-Мокриевичу, до сих пор не найдена. Остальную часть доку-

ментов, бывшую у него, Тихомиров при выезде в Россию решил на всякий случай уничтожить, хотя поначалу хотел послать Новиковой свои воспоминания (письмо, содержащее такое намерение, написано в ночь с 27 на 28 января 1889), но, начав их перечитывать, чтобы зачеркнуть имена революционеров, увидел, что все исправить нельзя и сжег эти бумаги, см.: РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 747. Л. 15. Новиковой свой поступок он объяснил так: «А то еще не дай Бог – не успею исправить, и будут когда-нибудь на меня ссылаться в защиту черт знает чего. Сжечь – жаль было, но сжег», см.: Там же.

608 Имеется в виду и напоминание о революционном былом прошлом Тихомирова, и отсылка к названию журнала «Былое», где Бурцев предлагал ему сотрудничать.

609 **Шишко Леонид Эммануилович** (1852–1910) – участник народнического движения, впоследствии один из теоретиков партии социалистов-революционеров. Подробнее см.: *Сафонов И.А.* Шишко Л.Э. // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: энциклопедия. С. 588–592.

610 **Бах Алексей Николаевич** (1857–1946) – революционер-народоволец. Член «Народной воли». Эмигрировал в 1885. Состоял в партии социалистов-революционеров. В 1917 вернулся в Россию. Основал Физико-химический институт им. Карпова и Институт биохимии.

611 В. Бурцев. Флаттер, № 3, Париж (*франц.*).

612 Женева, тюрьма Сент-Антуан (*франц.*).

613 **Ходский Леонид Владимирович** (1854–1919) – либеральный публицист, профессор финансового права Петербургского университета (с 1895). В 1905 из-за оппозиционной направленности лекций срок его профессорской службы продлен не был, а чтение лекций в качестве приват-доцента было разрешено только в 1910. Издатель газет «Наша жизнь» и «Народное хозяйство»; основал также газеты «Товарищ» и «Столичная почта». После Октябрьской революции продолжал работу в Лесном институте, был восстановлен в правах ординарного профессора Петроградского университета, а в апреле 1919 утвержден его заслуженным профессором.

614 То есть А.Э. Нольде.

615 См.: Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. К., 1906; Правые партии. 1905–1917 годы: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1905–1910 годы. С. 203–244.

616 В ночь с 28 на 29 июня 1904 при ограблении Благовещенского собора в Казани был похищен Казанский образ Божией Матери. См.: Россия перед Вторым пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Т. 1.

С. 373–375. Дело было раскрыто и преступников осудили, однако икона была уничтожена. Выступавший в качестве обвинителя товарищ прокурора Казанской судебной палаты Покровский сказал в обвинительной речи: «Как ни тяжело, как ни безотрадно, но надо признать, что иконы сожжены». В деле о похищении остались неясности. Не удалось узнать, кто из преступников прятался в соборе и открыл внутреннюю дверь, куда преступники спрятали бриллианты с похищенных икон. В 1905 году патриарх Константинопольский Иоаким III прислал в утешение и благословение граду Казани икону Божией матери «Памакариста» («Всеблаженная»). См.: *Колыванов Г.Е.* История похищения в 1904 году из Богородичного монастыря города Казани чудотворной Казанской иконы Божией Матери. URL: http://history-mda.ru/publ/istoriya_pohischeniya_v_190_35.html (дата обращения: 07.07.2015).

617 Тема ожидания скорой смерти появляется в дневниковых записях и письмах Тихомирова еще в 1880-х. В связи с ней часто возникает и тема неизбежности грядущих лишений для семьи.

618 Из стихотворения А.С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный» (1828). В дневнике эти строки цитируются неоднократно: см.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 117, 220.

619 **«Плювиум»** – еженедельный сатирико-юмористический иллюстрированный журнал, выходивший в Петербурге в 1906–1908 (издавался в типографии А.С. Суворина). Имел подзаголовок «Законное дитя “Виттовой пляски”», так как был продолжением данного издания. Журнал продолжал развивать темы и сюжеты «Виттовой пляски». Сатире подвергались и умеренно-правые деятели – по аналогии с «Новым временем», публиковавшим «Письма к ближним» М.О. Меньшикова, журнал размещал «Письма к недалеким» за подписью «М. Меньтикова». Единственным серьезным материалом, публикуемым журналом, были рекламные объявления других правых изданий. Издание журнала было приостановлено в административном порядке. Вышло более 70 номеров. Подробнее см.: *Иванов А.А.* Правые сатирические издания // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 380–382.

620 Подлинные имена авторов материалов и карикатур «Плювиума» не указывались. Ответственными за издание были названы: арап-редактор В. Лебель и редактор-издатель В.М. Бреверн – лица, безусловно, вымышленные. По одной из версий, фактическим редактором и издателем газеты был князь М.Н. Волконский, а автором карикатур в антисемитском духе – Л.Т. Злотников.

621 Смелый удар, решительное действие (*франц.*).

[622] Сокращенное от: Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit (О, продажный город, он вскоре погибнет, как только найдет покупщика; приписывается царю Югурте).

[623] Сокращенное от: Quem deus [Jupiter] perdere vult, dementat prius (*лат.*) [Кого бог (Юпитер) хочет погубить, того он делает безумным].

[624] **Антоний (Храповицкий Алексей Павлович)** (1863–1936) – церковный и государственный деятель. Учился в Петербургской духовной академии. По окончании академии был оставлен в ней в качестве профессорского стипендиата и в то же время и. д. помощника инспектора Академии с 1885 по 1886. В 1887 избран и. д. доцента Петербургской духовной академии. В 1888 получил степень магистра богословия. В том же году утвержден в звании доцента Академии. В 1889 назначен и. д. инспектора Петербургской духовной академии. В 1890 получил назначение на должность ректора Петербургской духовной семинарии, с возведением в сан архимандрита, а через несколько месяцев перемещен на должность ректора в Московскую духовную академию, которую возглавлял в течение пяти лет. В 1895 назначен ректором Казанской духовной академии. В 1900 стал епископом Уфимским, а в 1902 – Волынским и Житомирским. В 1906 возведен в сан архиепископа. В 1906–1907 был членом Государственного Совета, с 1907 – член Государственной думы, где входил во фракцию правых. С 1909 заседал в Святейшем Синоде. В 1912 возводится в сан архиепископа и назначается членом Святейшего Синода. 14 мая 1914 назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским. 1 мая 1917 уволен на покой, согласно прошению, с назначением ему местожительства в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре Финляндской епархии. 16 августа 1917 вновь назначен архиепископом Харьковским и Ахтырским. В июне 1917 на Всероссийском Поместном Соборе был первым по числу голосов из трех кандидатов на Патриарший престол, избранных Собором. Принимал активное участие в работе Поместного Собора Российской Церкви (1917–1918). 28 ноября 1917 возведен в сан митрополита Харьковского. Эмигрировал. Основатель и Первоиерарх Русской Православной Церкви заграницей.

[625] **Буткевич Тимофей Иванович** (1854–1925) – протоиерей, профессор богословия Харьковского университета, член правой группы Государственного совета. Подробнее см.: *Степанов А.Д.* Буткевич Т.И. // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 77–79.

[626] **Кальнев Михаил Александрович** (1864 – после 1920) – миссионер. Родился в семье священника. Окончил Одесскую духовную семинарию (1886) и Киевскую духовную академию (1890). В 1902 произведен в титулярные советники, в 1910 – в коллежские. Магистр богословия (1915). Автор многочисленных работ по миссионерским вопросам. Много общался с сектантами, был хорошо знаком с их жизнью и способствовал обращению

в православие. В 1917–1918 участник Поместного собора Русской православной церкви. Эмигрировал.

627 **Варнава (Накропин Василий)**, (1859–1924) – архиепископ. Окончил Петрозаводское городское училище (1897), затем поступил послушником в Клименецкий монастырь Олонецкой епархии, где был пострижен в мантию, и в 1898 там же рукоположен во иеродиакона и в иеромонаха, в 1899 назначен его настоятелем. В 1904 возведен в сан игумена. В 1905 перемещен на должность настоятеля Палеостровского монастыря Олонецкой епархии в сане архимандрита. Член Русского собрания. В 1908 перемещен на должность настоятеля Коломенского Троицкого Новоголутвина монастыря Московской епархии, с 1910 – настоятель Коломенского Богоявленского Староголутвина монастыря Московской епархии. В августе 1911 хиротонисан во епископа Каргопольского, викария Олонецкой епархии. С ноября 1913 – епископ Тобольский и Сибирский. В октябре 1916 возведен в сан архиепископа. В марте 1917 по распоряжению Временного правительства удален с Тобольской кафедры, назначен управляющим на правах настоятеля Высокогорским Воскресенским монастырем в Нижегородской епархии. В 1918 арестован. Уволен от управления Воскресенским монастырем. С июня 1919 настоятель Калязинского Троицкого монастыря Тверской епархии. Впоследствии был назначен архиепископом Архангельским, но назначения не принял. Скончался в Москве. Отпевание совершил патриарх Тихон.

628 **Извольский Петр Петрович** (1863–1928) – государственный деятель, гофмейстер (с 1912). Брат А.П. Извольского. В 1899–1902 помощник попечителя Киевского учебного округа. С 1902 попечитель Рижского, а с 1904 – Петербургского учебных округов. В 1905–1906 товарищ министра народного просвещения. В 1906–1909 обер-прокурор Святейшего Синода, член Государственного совета (с 1909). В 1920 эмигрировал. В 1922 принял сан священника.

629 **Рогович Алексей Петрович** (1858–1935) – государственный деятель. Гофмейстер, тайный советник. Ковенский (1899–1902) и Ярославский (1902–1905) губернатор. Был женат на М.М. Катковой – дочери М.Н. Каткова, редактора «Московских ведомостей». Сенатор (1906). Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода (1906–1912). Член правой группы Государственного совета (1912–1917) и Совета Русского собрания. Эмигрировал.

630 **Красножен Михаил Егорович** (1860 – после 1919) – юрист. Окончил Московский университет и там же был утвержден приват-доцентом. В 1893 защитил магистерскую диссертацию «Толкователи канонического кодекса восточной Церкви – Аристин, Зонара и Вальсамон» и назначен профессором канонического права в Юрьевском университете. В 1889–1892 работал в европейских архивах и библиотеках. С 1893 – экстраординарный профессор кафедры церковного права Юрьевского университета, с 1895 – ординарный профессор. В 1901 защитил в Казанском университете

диссертацию. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918. Дальнейшая судьба неизвестна.

631 **Бердников Илья Степанович** (1839–1915, по другим данным, 1841–1914) – богослов. С 1881 доктор богословия. С 1885 заслуженный ординарный профессор Казанской духовной академии и Казанского университета. Консультант Святейшего Синода, духовник Николая II, основатель академической школы церковного права. С 1906 член Предсоборного присутствия. Автор многочисленных монографий и статей по церковному праву.

632 **Певницкий Василий Федорович** (?–1911) – богослов, доктор богословия. Профессор Киевской духовной академии.

633 **Аксаков Николай Петрович** (1848–1909) – философ, богослов, историк, писатель и литературный критик славянофильского направления. Публиковался в изданиях: «Благовест», «Русская беседа», «Русский труд». В статьях и брошюрах полемизировал с Л.А. Тихомировым по религиозно-церковным вопросам. Подробнее о полемике см.: *Репников А.В.* Аксаков Н.П. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 28–30; *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. С. 263–264; *Сучков С.В.* Аксаков Н.П. // Русские писатели: 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. С. 34–35.

634 **Голубев Степан Тимофеевич** (1849–1920) – богослов, доктор церковной истории. Профессор Киевской духовной академии и Императорского Киевского университета Св. Владимира.

635 **Стефан** (**Архангельский Николай Павлович**) (1861–1914) – епископ Русской православной церкви, доктор богословия. С 29 апреля 1904 епископ Могилевский и Мстиславский. В период революции 1905–1907 занимал монархическую позицию, призывал к усилению проповеднической деятельности. В 1909 принимал участие в съезде Союза русских людей в Москве, председательствовал при открытии съезда и был председателем отдела по школьным вопросам.

636 **Папков Александр Александрович** (1868–1920) – церковный писатель. Окончил училище правоведения и Петербургский археологический институт. С 1900-х губернатор Тавастгусской губернии в Финляндии. Автор работ о церковных братствах и приходах. Член Предсоборного Совета. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918. Автор ряда работ по истории церкви: Церковные братства. СПб., 1893; Упадок православного прихода (XVIII–XIX вв.). Историческая справка. М., 1899; Православные приходы в Финляндии. 1901; Церковно-общественные вопросы в эпоху царя Освободителя (1855–1870). СПб., 1902; Необходимость обновления православного церковно-приходского строя. СПб., 1903; О благоустройстве православного прихода. СПб., 1906; Начало возрождения церковно-приходской

жизни в России // Русский вестник. 1900. Т. 265. Февраль. Т. 266. Март; и т. д.

[637] **Казанский М.Н.** – протоиерей, настоятель кафедрального Выборгского собора Финляндской епархии. Член Предсоборного присутствия.

[638] См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 3: Продолжение журналов заседаний Второго, Третьего, Четвертого и Пятого отделов. М., 2014. С. 561–567.

[639] **Фаддей (Успенский)** – протоиерей, настоятель Предтечинской церкви в Ярославле. Член Предсоборного присутствия.

[640] **Флавиан** (**Городецкий Николай Николаевич**) (1840–1915) – митрополит Киевский и Галицкий. Учился на юридическом факультете Московского университета, но не закончив его, отправился в Николо-Угрешский монастырь, где был принят в число послушников. В 1866 пострижен в монашество. В 1867 рукоположен во иеромонаха. С 1873 член Пекинской православной миссии. В 1879 назначен начальником миссии с возведением в сан архимандрита. В 1884 вернулся в Россию. В 1892 возведен в сан архиепископа С 1 февраля 1903 – митрополит Киевский и Галицкий. Член Святейшего Синода.

[641] **Козловский Т.В.** – священник Могилевской епархии. Член Предсоборного присутствия.

[642] **Нейдгардт (Нейгард) Алексей Александрович** (1832–1915) – государственный деятель. В 1855 на короткий срок стал прокурором Московской Синодальной конторы, управляющим ее Канцелярией и вскоре получил назначение в Петербург, где занял пост начальника Канцелярии прошений на Высочайшее имя приносимых при Императорской главной квартире.

[643] **Никандр** (**Молчанов Николай Дмитриевич**) (1852–1910) – епископ Русской православной церкви, с 23 апреля 1904 – архиепископ Литовский и Виленский. Духовный писатель, магистр богословия. Член Предсоборного присутствия.

[644] **Шемякин Всеволод Иванович** – делопроизводитель.

[645] **Анузол** – комплексное средство против геморроя.

[646] См. выступление Л.А. Тихомирова 9 ноября 1906: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2: Журналы заседаний Пятого и Шестого отделов и общего собрания Присутствия. М., 2014. С. 656–657, 661.

[647] См. выступление Л.А. Тихомирова 10 ноября 1906: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2: Журналы заседаний Пятого и Шестого отделов и общего собрания Присутствия. С. 688.

[648] Позиция Тихомирова была выражена в выступлении 16 ноября 1906 в Предсоборном Присутствии. См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2: Журналы заседаний Пятого и Шестого отделов и общего собрания Присутствия. С. 718–721. Ответ Н.П. Аксакова см. там же. С. 221–223.

[649] Тихомиров давно интересовался вопросами, связанными с реформой церковного прихода. Полемизировал с С.Ф. Шараповым, критикуя идеи последнего и считая, что попытки «создать из церковного прихода какую-то первичную единицу социальной и политической организации» были бы полным извращением прихода как церковной единицы, поскольку «приход должен быть первоячейкой коллективной религиозной жизни, а не жизни административной или экономической», см.: *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М., 2010. С. 514–515.

[650] Заседание 15 ноября 1906 см.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 3: Продолжение журналов заседаний Второго, Третьего, Четвертого и Пятого отделов. С. 596–611.

[651] Так в тексте. **Кривцов Яков Васильевич** (1854 – после 1917) – политический деятель, инженер, депутат III Государственной думы, член Русского собрания. Подробнее см.: *Николаев А.Б.* Кривцов В.Я. // Государственная дума Российской империи: энциклопедия: В 2 т. Т. 1. 1906–1917. С. 312–313. Далее в дневнике Тихомирова упоминается о встрече в это же время у А.С. Суворина с В.С. Кривенко.

[652] **Булгаков Федор Ильич** (1852–1908) – писатель, с 1900 редактор газеты «Новое время», издатель и редактор «Нового журнала литературы, искусства и науки» и «Альбомов русской живописи».

[653] **Суворин Михаил Алексеевич** (1860–1936) – журналист, драматург. Сын А.С. Суворина, брат Б.А. Суворина. С ранних лет занимался журналистикой, публиковался в «Новом времени», «Стрекозе» и «Осколках». Помогал отцу в издании «Нового времени» (в 1903–1915 фактически редактор, в 1915–1917 редактировал газету вместе с братом Борисом), но не смог сохранить престиж издания, сделав в итоге газету убыточной. Редактировал и издавал журналы «Лукоморье» (1914–1917), «Русская будущность» (1915–1917). В 1901 стал членом Русского собрания, но вскоре покинул его. В 1909 вместе с отцом и братом Б.А.Сувориным был среди членов-учредителей Всероссийского национального клуба, затем был избран членом Совета старшин клуба. Неоднократно встречался с П.А. Столыпиным. В 1920 эмигрировал в Болгарию, затем перебрался в Королевство сербов, хорватов и словенцев в Белград, где возобновил издание газеты «Новое время» (1921–1930). Подробнее см.: *Иванов А.А.* Суворин М.А. //

Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 501–502.

654 Работа Л.А. Тихомирова «Личность, общество и Церковь» первоначально напечатана в «Богословском вестнике» (1903. № 10). Затем выходила отдельной брошюрой (М., 1903). Второе издание вышло в «Религиозно-философской библиотеке» М.А. Новоселова (вып. 5. М., 1904). Впоследствии было еще одно издание совместно с текстами К.П. Победоносцева (Сергиев Посад, 1913).

655 Работа «Государственность и религия» вышла отдельной брошюрой (М., 1903). Следующие издания: М., 1906; М., 1911 (издательство «Верность»).

656 То есть «Монархическое собрание».

657 Парафраз «страха ради иудейска» из Библии (церк.-славянский текст). «Иосиф из Аримафеи, ученик Иисуса, но тайный – из страха от Иудеев, просил Пилата, чтобы снять Тело Иисуса; и Пилат позволил» Евангелие от Иоанна. Гл. 19, ст. 38.

658 См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 3: Продолжение журналов заседаний Второго, Третьего, Четвертого и Пятого отделов. С. 650–656.

659 «Оставьте их, они – слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму», см.: Евангелие от Матфея. Гл. 15, ст. 14.

660 «...Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертву», см.: Откровение святого Иоанна Богослова. Гл. 3, ст. 1.

661 **Мотоно Итиро** (1862–1918) – барон, японский дипломат, посланник во Франции (1901–1905), посол в России (1906–1916), министр иностранных дел (1916–1918).

662 1793 год олицетворяет собой пик Французской революции 1789–1799 – якобинскую диктатуру, послужившую основанием к определению революции как великой в лево-демократической традиции.

663 См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 2: Журналы заседаний Пятого и Шестого отделов и общего собрания Присутствия. С. 1039–1040. Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия (1906 г.). Т. 3: Продолжение журналов заседаний Второго, Третьего, Четвертого и Пятого отделов. С. 667, 676, 679, 680, 687, 692.

664 **Савицкий Николай Андреевич** (?–1906) – сын А.П. Савицкого и В.Н. Савицкой (Каратаевой). «Коля был какой-то урод. Это проявлялось и в наружности: низкий лоб, несколько обезьянье лицо. Очень неспособный, он

не мог нигде кончить курса. Когда он пришел в зрелый возраст, лицо его напоминало какую-то гориллу. Но назвать его идиотом было нельзя. Он все-таки кое-чем интересовался, любил археологию и имел в ней некоторые познания, был ловким коллекционером. Весь век он нигде не служил, а в качестве вечного недоросля жил на счет отца, потом – матери и сестер. Отец отдал им его долю наследства, завещав содержать его. Такой сын составлял язву жизни Андрея Павловича, но был тих и кроток. Конец его был трагический. Во время первой революции его кто-то убил и утопил в море», см.: *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. С. 157–158.

665 Обстоятельства гибели Н.А. Савицкого остались нераскрытыми.

666 «И со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения». Из Второго послания св. Апостола Павла к Фессалоникийцам. Гл. 2, ст. 10.

667 **Кирион** (**Садзагелов / Садзаглишвили Георгий Иеронимович**) (1855–1918) – архиепископ Мцхетский и Тбилисский, каталикос-патриарх всея Грузии, духовный и общественный деятель. Сторонник восстановления автокефалии Грузинской православной церкви; полемизировал по этому вопросу с о. Иоанном Восторговым. С 3 февраля 1906 епископ Сухумский, переведен на эту кафедру по собственному желанию. Член Предсоборного присутствия. 15 февраля 1908 уволен на покой. Епископ Полоцкий и Витебский (с января 1915). После Февральской революции 1917 вернулся в Грузию. Избран каталикосом-патриархом всея Грузии. Погиб (был убит) при загадочных обстоятельствах 10 июля 1918. Канонизирован в 2002.

668 **Леонид** (**Окропиридзе Лонгизон Соломонович**) (1860–1921) – епископ Имеретинский (с 12 августа 1900). Член Предсоборного присутствия. Сторонник восстановления автокефалии Грузинской православной церкви. В 1918–1921 – каталикос-патриарх Грузии (после убийства Кириона II избран его преемником).

669 **Алмазов Александр Иванович** (1859–1920) – юрист, богослов, духовный писатель. В 1884 окончил Казанскую духовную академию. С 1887 преподавал на юридическом факультете Новороссийского университета. С 1906 член Предсоборного присутствия. Член Русского собрания (одесский отдел). Заведовал научно-литературными заседаниями в Одесском отделе Русского собрания. С 1912 преподавал в Московском университете. С 1914 профессор Московской духовной академии.

670 Наедине, в частном порядке (*франц.*).

671 Имеется в виду круг, сформировавшийся вокруг Ф.Д. и А.Д. Самариных.

672 **Лауниц Владимир Федерович**, фон дер (1855–1906) – потомок старинного прибалтийского дворянского рода. Действительный статский советник

в должности шталмейстера (1903), генерал-майор свиты (1905). Харьковский уездный предводитель дворянства (1895), архангельский вице-губернатор (1901), тамбовский губернатор (1903), петербургский градоначальник (1905). Участвовал в подавлении крестьянских беспорядков в тамбовской губернии, отличался непримиримостью. Был приговорен эсеровским комитетом к смерти. Убит членом Центрального боевого отряда при ЦК партии социалистов-революционеров Е.Ф. Кудрявцевым.

673 **Ольденбургский Александр Петрович** (1844–1932) – принц, член императорского дома, генерал от инфантерии (1895), генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета. Сыграл значительную роль в развитии медицинской науки, здравоохранения и курортов России. С началом Первой мировой войны занимал должность верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Организатор санитарного дела в действующей армии. Уволен от службы Временным правительством. Осенью 1917 эмигрировал во Францию, где и скончался.

674 «20 декабря 1906 г. полиция получила сведения о том, что террористическая группа Зильберберга, скрывавшаяся в Финляндии, планирует в ближайшие дни проведение двух террористических актов: против П.А. Столыпина и против фон дер Лауница. Столыпина в тот день удалось уговорить не появляться в общественных местах в течение какого-то времени. Но Лауниц категорически отказался "скрываться" и 21 декабря отправился на давно планируемое торжественное освящение нового медицинского института. Когда, уже в здании института, он спускался по лестнице, молодой человек во фраке подошел к нему сзади и выстрелил три раза в затылок, после чего застрелился. Позднее было установлено, что стрелявшим был Евгений Кудрявцев. Следствие также подтвердило, что с Кудрявцевым в институте находился его единомышленник, террорист из группы Зильберберга, уполномоченный эсерами убить П.А. Столыпина. Но Столыпин в институт не приехал, террорист удалился ни с чем, еще до убийства Лауница», см.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / предисловие К.Ф. Шацилло; сост., коммент. Ю.Г. Фельштинского. М., 1991. С. 387 [коммент.].

675 **Андроник** (**Никольский Владимир Александрович**) (1870–1918) – архиепископ Пермский и Кунгурский. В 1895 окончил Московскую духовную академию, кандидат богословия. С 1899 ректор Александровской миссионерской школы с возведением в сан архимандрита. С 5 ноября 1906 – епископ Киотский, помощник начальника Российской духовной миссии в Японии. 7 июля 1907 по болезни ушел на покой, но в ноябре отправлен в Холм заменить епископа Евлогия (Георгиевского) во время сессии Государственной думы. Член Предсоборного совещания. Арестован в 1918. 20 июня 1918 «закопан живым в землю и расстрелян» Подробнее см.: *Рожков В.* Церковные вопросы в Государственной Думе. М., 2004.

С. 412–413 [коммент.]. «Ходили слухи, что зарыт живым в землю в 1918 г., но другие видели его на этапе в 1919 г.», см.: *Зеленогорский М.Л.* Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 1991. С. 275 [коммент.]. Канонизирован.

676 **Сергий** (**Митрофан Васильевич Сребрянский**) (1870–1948) – деятель Русской православной церкви. Закончив Духовную семинарию, назначен священником 47-го драгунского Татарского полка. В сентябре 1897 переведен в Орел и назначен настоятелем Покровского храма 51-го драгунского Черниговского полка. Участвовал с полком в русско-японской войне 1904–1905. За выдающиеся пастырские заслуги, проявленные во время войны, 12 октября 1906 был возведен в сан протоиерея и награжден наперсным крестом. Автор книги, посвященной его пастырскому служению во время русско-японской войны, см.: о. *Митрофан Сребрянский*. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М., 1996. Был знаком с великой княгиней Елизаветой Феодоровной. В 1908 она пригласила о. Митрофана на место духовника и настоятеля храма в Марфо-Мариинской обители. Поначалу о. Митрофан хотел отказаться, поскольку не хотел оставлять свою паству. Но, когда он подумал об отказе, у него отнялась правая рука. Во время молитвы пообещал, если исцелится, принять предложение. Понемногу рука обрела чувствительность, и в 1909 он переехал в Москву. После Октябрьской революции 1917 поддерживал Патриарха Тихона. Неоднократно репрессировался. После освобождения из ссылки накануне и во время Великой Отечественной войны жил в селе Владычня под Тверью. На Архиерейском соборе Русской Православной Церкви, в августе 2000 года прославлен в лике святых как преподобноисповедник. Подробнее см.: Игумен *Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 1999. Кн. 3. С. 59–102.

677 М.В. Сребрянский действительно был родственником доктора Н.Я. Пясковского. В биографии о. Сергия приводится случай, когда он обратился к Пясковскому по поводу болезни правой руки, и дается чудесное истолкование последующего выздоровления благодаря молитве у чудотворной иконы Иверской Божией Матери. См.: Игумен *Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 3. С. 76.

678 Жена о. Иоанна Восторгова – **Елена Евпловна** (урожденная **Маковкина**). Скончалась в начале 1915. Смерть супруги тяжело переживалась о. Иоанном, о чем свидетельствуют строки из письма к митрополиту Макарию: «Возлюбленный и незабвенный Владыко, отец мой и архипастырь! От всей души благодарю Вас за слово участия и соболезнование моему горю. Тяжело оно, несказанно тяжело, но да будет и совершится воля Божия. Теперь уже нет у меня ничего на земле, в смысле земных плотских привя-

занностей: пусть безраздельная любовь к Святой церкви и служение ей совершенно заполнят мою жизнь», см.: Жития новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии. Июнь–август. Тверь, 2003. С. 169.

[679] После отказа митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) в ноябре 1906 освятить знамена Союза русского народа и его заявления о том, что он не сочувствует правым партиям, Дубровин в Открытом письме обвинил его в либерализме, бюрократизме, сговоре с «преступным провокатором» С.Ю. Витте и измене монархическим принципам, см.: Открытое письмо председателя Главного Совета Союза русского народа А.И. Дубровина митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию, Первенствующему члену Св. Синода с приложением письма в редакцию «Русского знамени» Н. Дурново. [СПб., 1907]. После этого последовала критика митрополита в продубровинских изданиях. Конфликт был преодолен к началу 1908, когда Антоний отслужил молебен перед открытием Всероссийского съезда Союза русского народа. См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). С. 117. Републикация письма с реакцией на него митрополита Антония: История Русской Православной Церкви. От восстановления Патриаршества до наших дней. СПб., 1997. Т. 1. С. 771–783.

[680] Евангелие от Матфея. Гл. 17, 15–18. «Сказал: Господи! Помилуй сына моего; он в новолуния *беснуется* и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду; Я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его. Иисус же отвечая сказал: о, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас? Приведите его ко мне сюда. И запретил ему Иисус; и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот час».

[681] **Эфесский Марк** (**Мануил Евгеник**) (1392–1444) – епископ Константинопольской православной церкви, митрополит Эфесский, православный богослов, единственный участник Ферраро-Флорентийского собора, не принявший унию.

[682] Речь идет об императоре Николае II, которого Тихомиров неоднократно критиковал на страницах дневника, противопоставляя его правление правлению Александра III.

[683] А.П. Игнатьев был убит 9 декабря 1906 в Твери эсером С.Н. Ильинским по окончании занятий в губернском земском собрании.

[684] **Игнатьева Софья** (**София**) **Сергеевна** (1850–1944) – урожденная княжна **Мещерская.** Графиня, вдова убитого эсерами генерала от кавалерии А.П. Игнатьева. Играла видную роль в «Русском собрании» и правых кругах, продолжая поддерживать салон, располагавшийся в принадлежавшем ей доме (Санкт-Петербург, Французская набережная, 26), в котором еще при жизни супруга принимали гостей правых убеждений.

[685] **Дмитрий (Ковальницкий Михаил Георгиевич)** (1839–1913) – духовный писатель и церковно-общественный деятель, архиепископ Херсонский и Одесский. Профессор Киевской духовной академии (с 1867). В 1898 хиротонисан во епископа Черниговского, викария Киевской епархии. С 27 апреля 1902 – епископ Тамбовский и Шацкий. Вел подготовку к прославлению Серафима Саровского. С февраля 1903 – архиепископ Казанский и Свияжский. 26 марта 1905 перемещен на Херсонскую и Одесскую кафедру. В период революционных волнений в Одессе поддерживал монархическое движение. Председатель I отдела Предсоборного присутствия. В 1906–1907 – член Государственного Совета.

[686] См.: Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917.

[687] **Петров Григорий Спиридонович** (1866–1925) – писатель, священник (рукоположен в 1891) и проповедник; редактор журнала «Друг трезвости» (1900–1901) и газеты «Правда Божия» (1906). Профессор богословия Петербургского Политехнического института. Участник религиозно-философских собраний в Петербурге. Получил громкую популярность своими красноречивыми проповедями и книгами, в которых выдвигал нравственные евангелические идеалы в противовес обрядовому христианству. Главные сочинения: «Евангелие как основа жизни», «По стопам Христа». В 1906 решением Святейшего Синода был сослан за политические взгляды в Черминецкий монастырь. Депутат I Государственной думы. Покинул монастырь и был лишен за это сана (1906). Проповедовал «христианский социализм». В 1920 эмигрировал.

[688] **Анастасия Николаевна (Стана)** (1868–1935) – Великая княгиня, жена герцога Г.М. Лейхтенбергского, а затем Великого князя Николая Николаевича, дочь короля Черногории Николая I.

[689] **Лейхтенбергский Георгий (Юрий) Максимилианович** (1852–1912) – герцог, сын герцога Максимилиана-Евгения Лейхтенбергского (1817–1852) и великой княгини Марии Николаевны (1819–1876). Первым браком женат на герцогине Терезии Ольденбургской (1852–1883). Вторым браком 16 (28) августа 1889 был женат на Анастасии Николаевне, урожденной княжне Черногорской. Брак был заключен без любви, и большую часть времени муж проводил в Париже, фактически оставив жену. Развелся 15 (28) ноября 1906. Вскоре Анастасия Николаевна стала супругой его троюродного брата – великого князя Николая Николаевича.

[690] См.: *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910. С. 418–419 [коммент.].

[691] Ср. с записью в дневнике А.А. Киреева от 6 ноября 1906, см.: *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910. С. 178.

[692] **Зонара Иоанн** (? – после 1159) – византийский историк, монах-богослов, толкователь Канонов Православной Церкви.

[693] **Вальсамон Феодор** (ок. 1140 – после 1199) – византийский канонист, патриарх Антиохийский (1193–1199).

[694] **Трибониан** (500–542) – византийский юрист, способствовал процессу систематизации и кодификации римского права. Был назначен почетным консулом.

[695] **Сергий** (**Страгородский Иван Николаевич**) (1867–1944) – патриарх Московский и Всея Руси с 1943. В начале 1900-х глава Петербургской духовной академии, председатель религиозно-философских встреч в Петербурге. С 6 октября 1905 по 10 августа 1917 – архиепископ Финляндский и Выборгский. С 1917 митрополит Владимирский, затем Нижегородский. С 1925 заместитель, с 1937 патриарший местоблюститель. С 1934 митрополит Московский и Коломенский. См.: *Одинцов М.И.* Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. М., 1999; *он же.* Патриарх Сергий. М., 2013.

[696] Так нравится королю (*франц.*).

[697] То есть Исаакиевского собора в Петербурге.

[698] «Тихомиров голосовал за учреждение митрополичьих округов только для пастырских целей, считая, что судебно-административное значение их само собою произрастает из пастырских задач. По вопросу о правах митрополичьих округов он высказал мнение, что сначала надо определить "отношения митрополии к высшему управлению" и что "права митрополита могут быть правильно определены только тогда, когда будет ясно определено его отношение к центру"», см.: *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. С. 576 [коммент.]. По вопросу избрания епископов он поддержал формулу, согласно которой «избрание епископов принадлежит собору епископов с митрополитом во главе при участии клира и мирян в указании кандидатов на вдовствующие епархии» и предложил: «За 2–3 месяца до митрополичьего Собора, имеющего избрать епископа, митрополит должен оповестить об этом данную епархию, приглашая православных всех чинов обдумать, не имеют ли они предложить каких-либо кандидатов. Для исполнения этого митрополит благославляет всех этого желающих собираться по приходам, монастырям, в пастырских совещаниях с тем, что если эти собрания или даже отдельные частные лица найдут, по мысли своей, какого-либо кандидата, удовлетворяющего установленным условиям, то приглашаются сообщить о нем митрополиту письменно, не позже указанного им срока», см.: Там же. С. 576–577.

[699] **Кривенко Василий Силович** (1854–1931) – государственный и общественный деятель. С 1881 служил в Министерстве императорского двора; с 1889 управляющий его канцелярией. Сотрудничал с А.С. Сувориным в газете «Новое время». Член партии «Союз 17 октября».

[700] Речь идет о Н.П. Аксакове.

701 **Носкова Мария Дмитриевна** – сестра жены Л.А. Тихомирова, Е.Д. Тихомировой (Сергеевой).

702 Конец России (*лат.*).

703 Конец России (*лат.*).

704 В 1907 увлечение Л.А. Тихомирова пророчествами Апокалипсиса нашло свое выражение в исследовании «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира» (Миссионерское обозрение. 1907. № 1) и «О семи апокалипсических церквах» (Христианин. 1907. № 9). В 1907 в Сергиевом Посаде вышла брошюра «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира». В этих религиозно-мистических произведениях легко узнаваемы эсхатологические идеи, которые впоследствии развивались Тихомировым в труде «Борьба за царство Божие», получившем в итоге название «Религиозно-философские основы истории».

705 **Тьма египетская** – выражение, берущее свое начало из Библии. Одна из «казней египетских» – тьма, многодневное затмение, ниспосланное египтянам как кара за непослушание фараона богам.

706 См.: *Тихомиров Л.А.* Современное положение приходского вопроса. М., 1907. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 105–124. Работа имеет подзаголовок: «Сообщение, сделанное 12 января 1907 г. перед Приходской Комиссией Русского монархического собрания в Москве» // Там же. С. 105.

707 Рождается новый порядок (*лат.*).

708 **Саровский Серафим** (в миру **Мошнин Прохор Исидорович**) (1754, по другим данным, 1759–1833) – один из наиболее почитаемых святых в Русской православной церкви. Приняв в юношеском возрасте постриг, провел жизнь в Саровской пустыни. Отличался благочестием и даром прорицания.

709 См.: Россия перед Вторым пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии). Т. 1. С. 363–367.

710 **Певчие** – участники церковного хора.

711 «Се Жених грядет в полунощи» – особый тропарь первых трех дней Страстной седмицы.

712 **«Волга»** – ежедневная общественно-политическая и культурная правомонархическая газета, орган Саратовского отдела Союза русского народа. Выходила в 1906–1916. Редакторы А.М. Мартынов (1906–1907), Н.А. Дурново (1907), С.М. Сапарин (1907–1910), И.Н. Петров (1910–1913). Издатель А.М. Мартынов, с № 49 (1908) – Н.А. Дурново, с № 203 – С.М. Сапарин, с № 275 (1910) – И.Н. Петров. В 1909–1910 и в 1915 выходило бесплатное литературно-художественное приложение «Волга».

713 В 1907 Тихомиров неоднократно выступал с лекциями, которые впоследствии легли в основу его брошюры «Социализм в государственном и общественном отношении» (М., 1907).

[714] **Жанна д'Арк** – Орлеанская дева (ок. 1412–1431), народная героиня Франции. Из крестьянской семьи. В ходе Столетней войны 1337–1453 возглавила борьбу французского народа против англичан, в 1429 освободила Орлеан от осады. Благодаря победе французских войск при Пате (июнь 1429) стала возможной коронация французского короля Карла VII в Реймсе (июль 1429). В 1430 попала в плен к бургундцам, выдавшим ее англичанам, которые объявили Жанну д'Арк колдуньей и предали церковному суду. Обвиненная в ереси, в Руане сожжена на костре.

[7156] То есть буржуазно-либерального развития.

[716] **Герцен Александр Иванович** (1812–1870) – революционер, писатель, философ. Внебрачный сын И.А. Яковлева. Окончил Московский университет (1833). С 1836 печатался под псевдонимом Искандер. С 1847 в эмиграции. После революций 1848–1849 разочаровался в революционных возможностях Запада и разработал теорию «русского социализма». В 1853 основал в Лондоне Вольную русскую типографию. В газете «Колокол» обличал современные ему порядки в России. Подробнее см.: *Бутаков Я.А.* Герцен А.И. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 100–103.

[717] **Хомяков Алексей Степанович** (1804–1860) – русский религиозный философ, поэт, публицист; основатель славянофильства. Сотрудничал в журнале «Европеец», «Москвитянин», «Русская беседа», был председателем общества любителей русской словесности при Московском университете (1858–1860). Сторонник отмены крепостного права путем реформы. В самодержавии видел единственно возможную для России политическую власть, но предлагал созыв Земского собора и ряд др. либеральных реформ (свободное выражение общественного мнения, отмена смертной казни и т. п.). Статьей Хомякова «О старом и новом» (1839) датируется возникновение славянофильства. Подробнее см.: *Воронин И.А.* Хомяков А.С. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 554–557.

[718] **Достоевский Федор Михайлович** (1821–1881) – русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1877). Участник кружка М.В. Петрашевского, Достоевский в 1849 был арестован и приговорен к смертной казни, замененной каторгой (1850–1854) с последующей службой рядовым. В 1859 возвратился в Петербург. Вместе с братом М.М. Достоевским издавал «почвеннические» журналы «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865). В романах «Униженные и оскорбленные» (1861), «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Братья Карамазовы» (1879–1880) – изображение социальных контрастов, столкновения ярких самобытных характеров, поиски общественной и человеческой гармонии, тончайший психологизм.

[719] **Соловьев Владимир Сергеевич** (1853–1900) – философ, публицист. Сын историка С.М. Соловьева. Учился на естественном отделении физико-математического, затем историко-филологического факультета Московско-

го университета. В 1874 защитил в Петербурге магистерскую диссертацию «Критика западной философии. Против позитивистов», а в 1880 – докторскую «Критика отвлеченных начал». В марте 1881 в связи с приговором, вынесенном народовольцам, произнес речь, в которой осудил смертную казнь. Был вынужден оставить преподавательскую работу. Сотрудничал в журнале либерального направления – «Вестник Европы». Занимался литературной и философской работой; переводил Платона, вел философский отдел в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. В 1889 избран почетным членом Российской академии наук по разряду изящной словесности.

720 **Де Роберти** (полное имя **Де Роберти де Кастро де ла Серда**) (1843–1915) – общественный деятель, социолог и публицист. Эмигрировал в 1890-х. В 1905 вернулся в Россию.

721 **Маркс Карл** (1818–1883) – немецкий философ, социолог, экономист, публицист, общественный деятель, основоположник марксизма.

722 **Энгельс Фридрих** (1820–1895) – немецкий философ, один из основоположников марксизма.

723 То есть Дон Кихот Ламанчский.

724 **Дульцинея** – центральный персонаж романа Мигеля Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

725 См. у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «Стишков чувствительных тетрадь / Она забыла: стала звать / Акулькой прежнюю Селину...».

726 Покушение на жизнь С.Ю. Витте было организовано 29 января 1907. См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). С. 155–159.

727 Старого порядка (*франц.*).

728 То есть брошюры Тихомирова «Современное положение приходского вопроса».

729 **Трудовики** – члены Трудовой группы, возникшей 28 апреля 1906 в I Государственной думе. Объявляли себя представителями трудящихся классов. Требовали проведения аграрной реформы (полной ликвидации помещичьего землевладения и национализации всей земли) самими крестьянами. Выступали за всеобщее избирательное право и демократические свободы.

730 Имеется в виду **«Союз 17 октября»** – организация представителей помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии. Создана после опубликования царского манифеста 17 октября 1905. Члены союза называли себя октябристами. Октябристы выступали за сохранение сильной монархической власти, но с сохранением тех конституционных атрибутов, которые провозглашались Манифестом 17 октября. Во II Государственной думе октябристы часто блокировались с правыми, требуя борьбы с революционными выступлениями.

[731] **«Кружок москвичей»** («Самаринский кружок», «Самаринская партия») – политическое объединение консервативного толка, собиравшееся в Москве в 1904–1916. Возникло по инициативе братьев Самариных с целью подготовки к московскому дворянскому собранию января 1905, которое должно было обсудить требование конституционалистов, заявленное на земском съезде 6–9 ноября 1904. Благодаря «Кружку москвичей» удалось консолидировать консервативное большинство московского дворянства и отвергнуть радикальные предложения левого крыла собрания. В 1905 в кружок входили Ю.П. Бартенев, Э.Н. фон Берендтс, А. Варшавский, Н. фон Вендрих, А.Д. Голицын, князь В.А. Голицын, Н.Н. Кисель-Загоренский, В.И. Кожевников, А.А. Корнилов, В.С. Кочубей, П.Б. Мансуров, Н.К. фон Мекк, В.Н. Ознобишин, Н.М. Павлов, К.Н. Пасхалов, К. Рукавишников, А.Д. Самарин, С.Д. Самарин, И.Ф. Тютчев, Д.А. Хомяков, граф Б.С. Шереметев, граф С.Д. Шереметев, Г.А. Шечков, князь А.Г. Щербатов. Лидером кружка был Ф.Д. Самарин. Собрания проходили преимущественно на его квартире в Москве. См.: *Соловьев К.А.* «Кружок москвичей» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 256.

[732] **Гужон Юлий Петрович** (1854, по другим данным, 1858 – 1918) – крупный промышленник. Построил тянульно-гвоздильный завод в 1872, для управления которым в 1883 было учреждено Товарищество Московского металлического завода (впоследствии завод «Серп и Молот»). Пайщик товарищества шелковой мануфактуры и других предприятий. Бессменный (1907–1917) председатель Московского общества заводчиков и фабрикантов.

[733] Кот, живший в семье Тихомировых, любимец его дочери Надежды. 11 мая 1916 Тихомиров писал в дневнике: «Руська издох. Закопал его. И у самого крайне неприятное чувство. Но особенно тяжело смотреть на Надю. Она этого кота любила, как друга, как дитя. Десять лет назад взяла его котенком, возила его в Петербург и никогда доселе не расставалась. Кот был замечательно умный, кроткий, ни разу в жизни ничего не своровал и любил Надю – прямо трогательно. Это для нее ужасная потеря. Жалко смотреть на нее. И то сказать, в сфере личных привязанностей, ей – исключая семью – только и был дан на свете один друг – этот кот. Бедная, бедная моя Надя. И это в такое время, когда вокруг повсюду ни одной радости, ни одного светлого впечатления, ничего кроме тяготы и мрака и без всякой надежды в будущем. Не в чем даже забыться. Горе, одно горе кругом у всех. Оставляя в стороне Руську, – время какое-то апокалипсическое, что-то сходное тяжким мраком "последних времен". И самое подавляющее – то, что никакой надежды на будущее. Как будто попали под какое-то проклятье», см.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. С. 279.

[734] **Нестеров Михаил Васильевич** (1862–1942) – живописец.

[735] Якобинское завоевание (*франц.*).

[736] **Мензбир Михаил Александрович** (1855–1935) – зоолог, орнитолог, зоогеограф. Подробнее см.: [Автор не указан] Мензбир М.А. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 437–438.

[737] **«Исторический вестник: историко-литературный журнал»** – выходил в Петербурге – Петрограде в 1880–1917. Издатель-редактор С.Н. Шубинский, с 1912 – Б.Б. Глинский.

[738] **Шубинский Сергей Николаевич** (1834–1913) – генерал-майор в отставке, историк, писатель и журналист.

[739] **Дантон Жорж Жак** (1759–1794) – деятель Французской революции, один из вождей якобинцев. Участвовал в подготовке восстания 10 августа 1792, свергнувшего монархию, в развертывании в августе–сентябре 1792 обороны революционной Франции от интервентов. С 1793 занял умеренную позицию по отношению к жирондистам. Осужден революционным трибуналом, казнен.

[740] Прогнозируя свой крах, Дантон мог покинуть Францию, но отказался, заявив: «Нельзя унести с собой свою родину на подошвах своих сапог!», см.: *Карлейль Т.* Французская революция. История. М., 1991. С. 510. Фраза встречается в работе Л.А. Тихомирова «Что такое Отечество» (М., 1907). См.: *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. С. 143.

[741] **Навуходоносор II** – царь Вавилонии (605–562 до н. э.). В 605 захватил территорию Сирии и Палестины, в 598 совершил поход в Северную Аравию. В 597, затем в 587 разрушил восставший Иерусалим, ликвидировал Иудейское царство и увел в плен большое число жителей Иудеи. При нем сооружены так называемые Вавилонская башня и висячие сады.

[742] **Матросов Иван Савельевич** – председатель правления Общества Типо-Литографских работников в Москве.

[743] «Просите, и дано будет вам: ищите, и найдете; стучите и отворят вам», см.: Евангелие от Матфея. Гл. 7, ст. 7.

[744] **Крейс** (?–1907) – московский инженер, убит 22 мая 1907 в результате террористического акта.

[745] См.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия..: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. С. 50–64.

[746] Согласно завещанию, К.П. Победоносцев был похоронен у восточной алтарной стены церкви во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, находившейся в основанной им Свято-Владимирской церковно-учительской женской школе. В.О. Ключевский зафиксировал в дневнике: «┼ К.П. Победоносцев. Презирал все, и что любил, и что ненавидел, и добро, и зло, и народ, и себя самого», см.: *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 391. В.Ф. Джунковский отозвался иначе: «10 марта умер К.П. По-

бедоносцев – честнейший государственный деятель светлой памяти царствования Александра III. С его воззрениями, не соответствовавшими переживаемой эпохе, можно было не соглашаться, но относиться к нему иначе, как с уважением, нельзя было», см.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. С. 209. Подробнее см.: *Ведерников В.В.* Кончина Победоносцева и оценка его личности в отзывах консервативной прессы // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2002. Вып. 7. С. 70–80; *Репников А.В.* Победоносцев К.П. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 362–368. Отклик Л.А. Тихомирова на смерть см.: *Тихомиров Л.А.* Памяти К.П. Победоносцева // Колокол. 1907. № 342, 18 марта. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Христианское государство и внешняя политика. С. 635–639.

747 **Победоносцева** (урожденная **Энгельгардт**) **Екатерина Александровна** (1848–1932) – жена К.П. Победоносцева с 1866.

748 Согласно преданию, в правление римского императора Тиберия раздался однажды громкий горестный крик: «Великий Пан умер, умер великий Пан» и с тех пор никто не слыхал больше о боге Пане. Сам этот возглас («Умер великий Пан!») считается символом конца античного язычества. В переносном смысле означает конец эпохи вместе со смертью человека, бывшего ее олицетворением.

749 Рождается новый порядок (*лат.*); saeculorum novus nascitur ordo (*лат.*) – рождается новый ряд веков.

750 Из произведения А.С. Пушкина «Сказка о царе Салтане».

751 **Иоллос Григорий Борисович** (1859–1907) – политический деятель. Из состоятельной еврейской купеческой семьи. Окончил гимназию в Одессе, где сдружился с М.Я. Герценштейном. Поступил на медицинский факультет Киевского университета, через год после студенческих беспорядков уехал за границу, где продолжил свое образование. Слушал лекции по общественным наукам в Париже, затем переехал в Германию, окончил Гейдельбергский университет со степенью доктора права. В 1886 вернулся в Россию, получил предложение занять должность в Московском университете, но не был утвержден Министерством народного просвещения. Посвятил себя публицистике; с 1886 начал публиковать статьи в «Русских ведомостях». В конце 1880-х в связи с болезнью матери переехал в Германию. Стал корреспондентом «Русских ведомостей», кроме того, сотрудничал с рядом немецких изданий. В 1905 снова вернулся в Россию; с 1906 вступил в издательское товарищество «Русских ведомостей», вместе с В.М. Соболевским возглавил газету. Одновременно включился в общественное движение, стал членом конституционно-демократической партии. Избран депутатом I Государственной думы, автор кадетского законопроекта о свободе печати. После роспуска Думы подписал Выборгское воззвание, за что был привлечен к судебной ответственности. Вернувшись из Выборга в Москву, стал фактически единолично редактировать газету «Русские

ведомости». 14 марта 1907 по дороге из редакции домой был смертельно ранен рабочим Федоровым (полагают, что убийство было спровоцировано руководителями Союза русского народа). Следствие было прекращено.

752 **Розенберг Владимир Александрович** (1860–1932) – публицист, историк издательского дела и журналистики. С января 1886 сотрудник «Русских ведомостей». В 1896–1902 – уполномоченный редакции «Русских ведомостей» в Петербурге. В 1912 официальный редактор этой газеты. В 1922 выслан за границу.

753 **Анучин Дмитрий Николаевич** (1843–1923) – ученый, географ, антрополог, археолог. С 1870-х примыкал к газете «Русские ведомости». Один из учредителей паевого товарищества «Русских ведомостей».

754 **Торопов Иван Васильевич** (1875, по другим данным, 1876 – не ранее 1919) – окончил юридический факультет Московского университета, служил присяжным поверенным. Московский домовладелец. Член Союза русского народа, председатель московского Союза активной борьбы с революцией и анархией, издатель правой газеты «Вече». Подозревался в участии в убийстве Г.Б. Иоллоса. В либеральных изданиях писали, что Иоллос был убит возле дома Торопова, и именно из этого дома выбежал убийца. С.П. Белецкий показал на допросе ЧСК Временного правительства в 1917: «Торопова я знаю еще со времени моего директорства в департаменте полиции, он и в ту пору уже стремился поступить в департамент полиции, причем намечал свою роль, как активного борца с революционными организациями, и, в разговорах со мной о своем прошлом, указывал мне на свое близкое соприкосновение и участие в активной борьбе с московским революционным движением во время московского восстания, давал мне понять, что ему многое хорошо и близко известно о деятельности союза московской активной патриотической обороны в связи с убийством Иоллоса. Та таинственность, которую он старался придать своим намекам... и некоторая проявляемая им неуравновешенность заставила меня настойчиво, несмотря на многие просьбы со стороны влиятельных представителей монархических партий за Торопова, отказаться от его услуг... Торопов хорошо осведомлен о боевой организации правых партий, хорошо знаком с делом убийства Иоллоса», см.: Союз русского народа по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.; Л., 1929. С. 82. Арестован 4 августа 1917 в Балаклаве, вскоре освобожден. Вернулся в Москву, работал юрисконсультом в конторе. Вновь арестован 24 мая 1918 и заключен в Бутырскую тюрьму. Освобожден в декабре 1918 (дело прекращено). 24 апреля 1919 опять арестован и приговорен к заключению в концлагерь до конца Гражданской войны. В октябре 1919 находился в тюремной больнице, дальнейшая судьба неизвестна.

755 **Бобров Леонид Николаевич** (1858–1918) – присяжный поверенный, деятель монархического движения. Один из организаторов и председатель Общества русских патриотов. Член Союза русских людей (1905). 14 декабря 1905 в составе делегации Союза русских людей был

представлен Николаю II. Товарищ председателя Московского губернского Совета Союза русского народа (1909). Вступил в конфликт с И.И. Восторговым и был исключен из Русского монархического союза. Переехал из Москвы в Петербург. С 1910 активный член СРН (марковского), член Русского собрания, член Совета монархических съездов (1915). Во время Первой мировой войны организовывал работу госпиталей и их снабжение. После падения самодержавия бедствовал. Работал заведующим статистическим отделом Казанской районной продовольственной управы в Петрограде, делопроизводителем в Акционерном обществе дачных недвижимостей. 21 мая 1918 арестован по делу «Каморры народной расправы» и содержался в тюрьме Кресты. На допросах показал: «До отречения Государя от престола я был монархистом... После отречения... партия монархистов потеряла свое значение, я остался беспартийным и за последнее время перестал совершенно работать на политическом поприще, так как проводить в жизнь свои взгляды при теперешних обстоятельствах считал бесполезным», см.: *Коняев Н.М.* Гибель красных Моисеев (начало террора. 1918 год). М., 2004. С. 159. Полагал, что «все политические партии, старающиеся свергнуть Советскую власть, бессильны порознь что-либо сделать без внешней помощи и все их попытки напрасны», см.: Там же. С. 160. Расстрелян в ночь на 2 сентября 1918, хотя постановление о расстреле будет составлено только 23 декабря 1918.

756 **Пещное действо** – обряд представления в лицах чудесного спасения трех отроков в вавилонской печи (пещи). Заключается в том, что трое малолетних певчих с диаконом всходят на особое возвышение и поют песнь трех отроков.

757 Речь идет об Анастасии (Грибановском). 29 июня 1906 в московском Успенском соборе он был хиротонисан во епископа Серпуховского, 4-го викария Московской епархии.

758 Вероятно, **Медведский Константин Петрович** (1866 – не ранее 1919) – поэт, литературный критик, публицист (псевдоним Quidam).

759 **Остроумов Михаил Андреевич** (1847–1920) – богослов. Окончил Петербургскую духовную академию. Профессор Казанской духовной академии. С 1895 доктор богословия.

760 См.: *Тихомиров Л.А.* Что такое отечество. М., 1907.

761 «Самим фактом» (*лат.*). То есть в силу самого факта, по этой причине.

762 **Нобель Эммануил Людвигович** (1859–1932) – предприниматель. Происходил из семьи шведских предпринимателей, владевших нефтепромыслами в Баку. Главный владелец и руководитель машиностроительного завода «Людвиг Нобель» в Петербурге и товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» (Бранобель). С 1913 возглавлял Петербургское общество заводчиков и фабрикантов.

763 **Ротшильд Альфонс Джеймс** (1827–1905) – французский финансист еврейского происхождения, основал «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое общество», принадлежащее французскому банкирскому дому «Братья Ротшильд».

764 То есть в случаях чрезвычайных обстоятельств, которые не могут быть предусмотрены и предотвращены.

765 **Головин Федор Александрович** (1867–1937) – политический деятель. Потомственный дворянин. Окончил курс университетского отделения Московского лицея цесаревича Николая. Землевладелец, земский гласный, секретарь губернского земского собрания. В 1904–1907 председатель Московской губернской земской управы. Почетный мировой судья. Активный участник земского движения. Член «Союза Освобождения». Один из основателей кадетской партии и член ее ЦК. Депутат II и III Государственных дум. Был председателем II Государственной думы. Член Московской городской думы. Активный деятель Земгора. После Февральской революции назначен Временным правительством комиссаром всех учреждений бывшего Министерства императорского двора. Принимал участие в Государственном совещании. Делегат IX съезда кадетской партии (октябрь), кандидат в члены Учредительного собрания. Октябрьскую революцию встретил негативно. Впоследствии работал в советских учреждениях. Расстрелян по обвинению в принадлежности к антисоветской организации. Реабилитирован посмертно.

766 **«Русская земля»** – ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Издавалась в Москве с 1906 по 1915. Некоторое время являлась печатным органом Русского монархического союза. А.С. Суворин писал: «“Русская земля” – плохая и вздорная газета, но я не могу ничего сделать. Мишка [сын А.С. Суворина. – *А. Р.*] – плохой редактор. А стоит газета больших денег», см.: Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 507.

767 **Камера** – здесь в значении: собрание или заседание.

768 **Иннокентий** (**Беляев Иван Васильевич**) (1862–1913) – епископ тамбовский, потом экзарх Грузии.

769 **Илиодор** (**Труфанов Сергей Михайлович**) (1880, по другим данным, 1881 – 1952, по другим данным, 1958) – иеромонах. По происхождению из донских казаков. В 1905 окончил Петербургскую Духовную академию и поступил в Почаевскую лавру (Волынская губерния). Получил известность благодаря выступлениям против революционного движения. Поддерживал Союз русского народа, стал его членом (1905). Публиковался в «Почаевском вестнике», «Вече», «Русском знамени» и других правых изданиях. В 1908 был переведен в Царицын (Саратовская губерния) и стал заведовать Святодуховным Троицким подворьем, где активно продолжал свою пропагандистскую деятельность. Постепенно его обвинения стали об-

рушиваться не только на революционеров, но и на купцов, чиновничество, полицию и бюрократию. 20 января 1911 последовало постановление Святейшего Синода о переводе Илиодора в малоизвестный Новосильский монастырь в Тульской епархии, но он не подчинился. Запершись со своими почитателями в храме, объявил голодовку. Все попытки властей справиться с самоуправством Илиодора ни к чему не привели, и он был оставлен в Царицыне. Активно боролся с Г.Е. Распутиным (с которым некоторое время был в дружеских отношениях). В январе 1912 было приведено в исполнение Постановление Святейшего Синода о заточении Илиодора во Флорищевой пустыни (Владимирская епархия). В октябре 1912 обратился в Святейший Синод и к своим единомышленникам с заявлением, в котором отрекся от прежних убеждений. Объявил об отречении от христианства и просил снять с него сан. Был расстрижен и освобожден из монастыря. Уехал на Дон, где проповедовал новую религию «разума и солнца». В одной из своих речей непочтительно отозвался о Николае II и его супруге, за что был привлечен к дознанию. Бежал за границу, где выпустил книгу о Г.Е. Распутине «Святой чорт». Перед революцией жил в Норвегии. Встречался с В.Л. Бурцевым. В советское время вернулся в Россию и вел проповеди в Царицыне (в 1921). Подробнее см.: *Степанов С.А.* Илиодор (С.М. Труфанов) // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 341–364; *Михайлова Е.М.* Илиодор (Труфанов С.М.) // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 194–195.

770 **Заутреня**, или утреня (заутреня – народное название) – одно из богослужений суточного круга в православной церкви. По уставу совершается утром, перед восходом солнца.

771 **Игнатий** (**Илия Абурус**) – архимандрит, настоятель Антиохийского подворья в Москве. Переписывался с о. Иоанном Кронштадтским (1906–1908). Впоследствии хиротонисан во епископа Пальмирского. Жил в Бейруте. Скончался в госпитале, прожив более 100 лет. См.: Архимандрит *Спиридон* (*Ефимов*). Воспоминания // Русский пастырь. Сан-Франциско. 1997. № 28/29. С 130–132.

772 Enfant terrible (*франц.*) – сорванец.

773 Требование консерваторами диктатуры как системы мер, перестраивавших государственный аппарат в «наиболее рациональную для пореформенной России форму монархии» не было единичным, но «такая диктатура уже была отступлением от status quo, так же как и наделенный неограниченными полномочиями диктатор был нарушением ведущего принципа абсолютизма – единовластия...», см.: *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 211.

774 От *франц.* escamoter – незаметно и ловко скрыть что-нибудь с целью обмана.

[775] **Макарий (Гневушев Михаил Васильевич)** (1858–1918) – архимандрит с 1909 и епископ с 1914. Руководитель Киевского союза русских рабочих с 24 сентября 1906 по 3 августа 1907. В 1906–1908 – член Совета Киевской русской монархической партии в Киеве. В 1909 пострижен в монашество, рукоположен в иеромонахи и назначен настоятелем Московского Высокопетровского монастыря с возведением в сан архимандрита. С этого времени до середины 1914 начинается московский период его деятельности. В 1909 назначается настоятелем Московского Новоспасского монастыря. Накануне Первой мировой был председателем Московского Союза русского народа, а также одним из учредителей Русского монархического союза в Москве, которым руководил И.И. Восторгов. В 1912 являлся председателем предвыборного Комитета правых партий в Москве (в связи с выборами в IV Государственную думу). После отказа Восторгова от поста председателя РМС вместе с ним поддержал на выборах кандидатуру полковника В.В. Томилина (осень 1913). С 11 июля 1914 епископ Балахнинского викария Нижегородской епархии. С 28 января 1917 епископ Орловский и Севский. С 26 мая 1917 уволен на покой и проживал в Смоленском Спасо-Авраамиевом монастыре. 22 августа 1918 арестован и отправлен в тюрьму Смоленска. По ложному обвинению в «организации белогвардейского восстания» расстрелян под Смоленском. Реабилитирован в 1993. Канонизирован в 2000.

[776] **Киевский союз русских рабочих** – монархическая организация, действовавшая в Киеве в 1906–1917. Предтечей организации было Патриотическое содружество рабочих, созданное в 1904 К.И. Цитовичем. В 1906 оно было зарегистрировано и получило название «Киевский союз русских рабочих». С момента основания до 24 сентября 1906 организацию возглавлял К.И. Цитович, затем – М.В. Гневушев.

[777] Выражение, которое связывают со стихотворением в 25-й главе «Дворянского гнезда» И.С. Тургенева. Восходит к легенде о короле Хлодвиге I (ок. 466–511), который принял христианство, после чего крестивший его архиепископ Реймский сказал: «Поклонись тому, что сжигал, и сожги то, чему поклонялся».

[778] См.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. С. 83–85. «Тридцать четвертое заседание Государственной думы было открыто 7 мая в 2 часа 20 минут. Еще до начала заседания 33 члена Государственной думы сделали запрос по поводу слухов о раскрытии заговора с целью покушения на жизнь императора. Поскольку ожидалось, что Дума вынесет порицание заговорщикам, все левые фракции Думы – социал-демократы, социалисты-революционеры, народные социалисты и трудовики не явились на заседание, так как осуждать революционер[ов]-заговорщиков не желали. В заявлении 33 членов Думы, принадлежавших к правым партиям, в частности, говорилось: "Ввиду чрезвычайной важности нижеследующего обращения за разъяснением

(статья 40 Учр. Госуд. Думы), мы просим Государственную думу немедленно обсудить его вне очереди. Мы предлагаем Государственной думе принять нижеследующее обращение за разъяснением к господину министру внутренних дел: 1) Имеют ли фактическое основание слухи, которые проникли в печать, о том, что раскрыт заговор против жизни нашего Государя Императора? 2) Если да, то позволяют ли обстоятельства дела ныне же сообщить Государственной думе подробности этого гнусного заговора?"... С мотивировкой этого запроса выступил граф Бобринский... После речи П.А. Столыпина Государственная дума единогласно приняла резолюцию, осуждающую заговорщиков. Сразу же после голосования в зал заседаний вошли отсутствовавшие левые фракции» // Там же. С. 379 [коммент.].

779 **Озол Иван Петрович** (1878 – не ранее 1907) – социал-демократ, меньшевик, по профессии – коммерсант. Депутат II Государственной думы от Риги. В связи с расследованием дела о покушении в его квартире был произведен обыск. В 1907 эмигрировал в США. Дальнейшая судьба неизвестна. Подробнее см: [Автор не указан] Озол И.П. // Государственная дума Российской империи: энциклопедия: В 2 т. Т. 1. 1906–1917. М., 2006. С. 443.

780 В 1906–1907 гг. политическая активность В.А. Грингмута была очень высокой, включала в себя публичные выступления, открытие новых отделов Русской монархической партии, лекции и т. д. В последний период жизни он посетил: 14 марта – Зарайск; 18 марта – Нижний Новгород; 1 апреля – Тверь; 6 мая – Тверь; 17 июня – Рязань, 24 июня – Тверь, 29 июня – Павловский Посад; 1 июля – Смоленск; 22 июля – Калугу, 1 августа – Рославль; 15 августа – Рязань, 16 сентября – Коломну; 20 сентября – Рязань. См.: Владимир Андреевич Грингмут. Очерк его жизни и деятельности. С. 114–115.

781 **Миролюбов Иван Иванович** – один из членов-учредителей Русского монархического собрания, сотрудник газеты «Московские ведомости».

782 **Талейран, Талейран-Перигор Шарль Морис** (1754–1838) – французский политический деятель, дипломат, министр иностранных дел во времена Директории, Консульства, империи Наполеона, а затем и Бурбонов. В 1808 вступил в тайные сношения с русским императором Александром I, а затем с австрийским министром иностранных дел Меттернихом, информируя их о положении дел в наполеоновской Франции. После поражения Наполеона I и вступления войск антифранцузской коалиции в Париж (1814) сформировал и возглавил временное правительство (в котором он был также министром иностранных дел). Активно способствовал реставрации Бурбонов. Мастер политической интриги. Имя «Талейран» стало нарицательным для обозначения хитрости и беспринципности.

[783] Латинское constellatio от *лат.* con «вместе» + stella «звезда»; дословно – созвездие. В данном случае – сочетание (совокупность) и взаиморасположение различных факторов; стечение обстоятельств.

[784] **Эвентуальный**, то есть возможный при определенных обстоятельствах.

[785] **Новгородцев Павел Иванович** (1866–1924) – российский юрист и философ. Закончил юридический факультет Московского университета (1888), где остался при кафедре философии и права для подготовки к профессорскому званию. В 1897 защитил магистерскую диссертацию. В 1902 участвует в сборнике «Проблемы идеализма». В том же году получил степень доктора государственного права. В 1896 приват-доцент, в 1903 экстраординарный, а с 1904 ординарный профессор Московского университета по кафедрам энциклопедии права и истории философии права. Был одним из основателей партии кадетов и ее депутатом в I Государственной думе (1905–1906). Во время работы Думы выступал в качестве докладчика по законопроекту о свободе личности. За подписание Выборгского воззвания был лишен избирательных прав, отбывал трехмесячное заключение в Таганской тюрьме. В 1906–1918 занимал пост директора Московских высших коммерческих курсов (с 1907 Московского коммерческого института). Отошел от активной политической деятельности. В 1911 вместе с группой профессоров в знак протеста против политики министра просвещения покинул Московский университет. Преподавал в университете им. А.Л. Шанявского. В годы Первой мировой войны работал во Всероссийском Союзе городов, был московским уполномоченным особого совещания по топливу. Подробнее см.: *Аронов Д.В.* Новгородцев П.И. // Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев, отв. секретарь А.В. Репников. М., 2009. С. 454–457.

[786] **Трюизм** (труизм) – общеизвестная, избитая истина, банальность.

[787] **Задать лататы** (*прост.*) – убежать без оглядки, опрометью, не помня себя.

[788] Весной 1907 правые встретились с премьером. В.В. Шульгин вспоминал: «Перед Столыпиным мы поставили вопрос о необходимости немедленного роспуска II Государственной думы. Доказывая необходимость этого мероприятия, мы говорили Столыпину, что Дума является трибуной для революционной пропаганды, которую проводили социал-демократические элементы. На наше предложение Столыпин реагировал короткой фразой: "Необходимо, чтобы прошло некоторое время, пока Дума догниет на корню, тогда наступит удобный момент для ее роспуска"», см.: Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М., 2010. С. 154.

[789] Вероятно, **Мекленбургский Павел – Поуль (Пауль) Фридрих (Аби Павлович)**, (1852–1923) – принц Мекленбург-Шверинский, брат Великой княгини Марии Павловны (старшей).

790 **Столыпин Александр Аркадьевич** (1863–1925) – младший брат П.А. Столыпина. Журналист, литератор, общественный деятель. Сотрудничал в журналах «Вестник Европы» и «Русские вестник». С 1902 публиковался в «Петербургских ведомостях», позднее редактор газеты. С 1904 сотрудник «Нового времени». Гласный Петербургской городской думы. Член ЦК «Союза 17 октября».

791 **Столыпина** (урожденная **Нейдгардт**) **Ольга Борисовна** (1859–1944) – жена П.А. Столыпина, праправнучка А.В. Суворова, фрейлина Ее Императорского Величества императрицы Марии Федоровны (супруги императора Александра III).

792 **Милютин Юрий Николаевич** (1856–1912) – сын Н.А. Милютина. Журналист, общественный деятель, член, секретарь, товарищ председателя ЦК Союза 17 октября. Председатель городского совета октябристов в Петербурге.

793 **Гейден (Хейден) Александр Федорович** (1859–1920) – граф. Лейтенант (1895), капитан I ранга (1903), флигель-адъютант (1904), помощник начальника Походной канцелярии (1906–1908). Контр-адмирал свиты императора (1908), начальник военно-морской походной канцелярии Императорской Главной квартиры, помощник начальника Главного морского штаба (1914–1916).

794 **Орлов Владимир Николаевич** (1868–1927) – военный деятель, генерал-лейтенант, князь. В 1889 окончил Пажеский корпус. С 1901 помощник начальника, с 1906 начальник военно-походной канцелярии Николая II. С 1915 помощник по гражданской части наместника на Кавказе. После 1917 в эмиграции.

795 **Мосолов Алексей Иванович** (1863–1943) – отставной гвардии штаб-ротмистр (1895). Член Русского собрания, Постоянного совета Объединенного дворянства (1906–1917) и Государственного совета (правая группа, с 1915 член ее совета). Во время Первой мировой войны уполномоченный Главного управления Российского общества Красного Креста при Тульском окружном эвакуационном пункте (1914–1915). Член Совета монархического совещания в Петрограде (1915), по итогам которого был избран членом Совета монархических съездов. В годы Гражданской войны вошел в Главный совет Всероссийской народно-государственной партии, созданной В.М. Пуришкевичем (1919). Скончался в эмиграции в Белграде.

796 **Юсупова-Сумарокова-Эльстон Зинаида Николаевна** (1861–1939) – княгиня, жена Ф.Ф. Юсупова-Сумарокова-Эльстон.

797 **«Клуб умеренных и правых партий»** – политический клуб, действовавший в Петербурге в 1907 году, в период начала работы I Государственной думы.

798 См.: *Тихомиров Л.А.* О недостатках конституции 1906 года. М., 1907. В издание вошли сообщения, сделанные Тихомировым 4 июня 1907 в Петербургском Клубе умеренных и правых и 15 июля в Русском монархическом

собрании в Москве. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Апология Веры и Монархии. М., 1999. С. 143–167.

799 **Пуришкевич Владимир Митрофанович** (1870–1920) – политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (1895). Один из основателей и лидеров монархистских организаций: Союза русского народа, затем «Русского народного союза имени Михаила Архангела». Один из основателей и товарищ председателя главного совета Союза русского народа (1905). Председатель комиссии по изданию «Книги русской скорби». В декабре 1916 вместе с князем Ф.Ф. Юсуповым-младшим, Великим князем Дмитрием Павловичем принял участие в убийстве Г.Е. Распутина. После Февральской революции поддержал Временное правительство. В октябре 1917 создал подпольную монархическую организацию, пытавшуюся выйти на связь с генералом А.М. Калединым. 18 ноября 1917 арестован Петроградской ЧК. 3 января 1918 приговорен Ревтрибуналом к 4 годам принудительных общественных работ при тюрьме. 17 апреля освобожден в связи с заболеванием сына, 1 мая 1918 попал под амнистию, объявленную декретом Петроградского совета. Вскоре уехал в Киев. С июня по декабрь 1918 жил в Киеве, где основал Общество активной борьбы с большевизмом. С декабря 1918 активно действовал в армии генерала А.И. Деникина. В период Гражданской войны Пуришкевич опять «правеет» в противовес «непредрешенчеству» руководителей Белого движения. В 1919 вместе с братом М.М. Пуришкевичем основал Всероссийскую народно-государственную партию, которая должна была отстаивать монархический принцип правления (партия осталась небольшой и влияния не имела). В том же году стал сотрудничать с издававшейся в Ростове-на-Дону газетой «В Москву!». Издавал журнал «Благовест». Умер в Новороссийске от сыпного тифа. Подробнее см.: *Иванов А.А., Репников А.В.* Пуришкевич В.М. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. 388–392; *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011.

800 **«Третьеиюньский переворот»** – решение императора распустить Государственную думу и издать новый избирательный закон, проведенное П.А. Столыпиным. В этот день был издан манифест о роспуске II Государственной думы, и одновременно опубликовано Положение о выборах в Думу, представлявшее собой новый избирательный закон. Этот акт являлся нарушением Основного закона Российской империи, поскольку ни один новый закон не мог быть принят без санкции Государственной думы.

801 4 июня 1907 А.А. Киреев записал в дневнике: «Вчера в клубе правых мы радостно толковали о роспуске Думы. Говорили, что будущая Дума будет гораздо лучше первых двух. Поздравляли друг друга. Пили шампанское, пропели от души гимн, послали поздравительную телеграмму (Царю) и даже Столыпину... 4-е вечернее заседание в клубе. Тихомиров делает интересный доклад

о нашем политическом положении» // *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910. С. 208.

802 **Доррер Владимир Филиппович** (1862–1909) – граф, курский губернский предводитель дворянства. С отличием окончил Катковский лицей (1881) и Московский университет по историко-филологическому факультету (1885). Служил в Министерстве внутренних дел. В 1890 назначен земским начальником в Белгородском уезде, в 1895 – почетным мировым судьей, в 1896 – старшим помощником редактора «Сельского вестника». С 1890-х сотрудничал в «Московских ведомостях». В 1905 избран Курским губернским предводителем дворянства. Депутат III Государственной думы. Входил во фракцию правых, был председателем бюро фракции. Летом 1908 избран членом Главного совета Союза русского народа. Подробней см.: *Ромов Р.Б.* Доррер В.Ф. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 221.

803 **Володимеров Святослав Александрович** (1868–1917) – политический деятель. Орловский уездный предводитель дворянства. Почетный мировой судья. Учредитель и председатель «Союза законности и порядка» в Орловской губернии (октябрь 1905). Член правой фракции III Государственной думы, издатель и постоянный автор газеты «Земщина». Подробнее см.: *Ромов Р.Б.* Володимеров С.А. // Государственная дума Российской империи: энциклопедия: В 2 т. Т. 1. 1906–1917. С. 106–107.

804 **Стенбок-Фермор Владимир Васильевич** (1866 – не ранее 1922) – землевладелец, общественный и политический деятель. Окончил Императорский Александровский лицей, Петровскую сельскохозяйственную академию со званием агронома первого разряда. С 1895 непрерывно избирался в уездные земские гласные и почетные мировые судьи, с 1898 – в губернские гласные. В 1902 избран председателем губернской земской управы. С 1903 – товарищ председателя Херсонского местного управления Российского общества Красного креста. В 1904 – член Особого комитета по усилению военного флота. В 1905 причислен к Министерству внутренних дел. В 1906 был командирован Главным Управлением Общества Красного Креста в Орловскую и Тульскую губернии. С 1907 – чиновник по особым поручениям при Главном управлении по земледелию и землеустройству. В том же году стал депутатом дворянства Херсонской губернии. Один из основателей Херсонской партии правового порядка. Депутат II–IV Государственных дум. Участник I Всероссийского съезда земских деятелей (Москва, июнь 1907). В 1912–1915 член Постоянного совета Объединённых дворянских обществ. После революции – в эмиграции.

805 **Ширинский-Шихматов Андрей Александрович** (1868–1927) – государственный деятель, статский советник, кинолог и охотовед.

806 **Бурбоны** – королевская династия во Франции в 1589–1792, 1814–1815, 1815–1830 (главные представители: Генрих IV, Людовик XIV, Людовик XV,

Людовик XVI, Людовик XVIII); в Испании в 1700–1800, 1814–1868, 1874–1931, с 1975 по настоящее время; в королевстве обеих Сицилий в 1735–1805, 1814–1860.

807 См.: *Тихомиров Л.А.* Социализм в государственном и общественном отношении. М., 1907. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Критика демократии / вступ. ст., коммент. М.Б. Смолина. М., 1997. С. 307–348. Работа имеет подзаголовок: «Читано Л.А. Тихомировым 19 и 26 февраля в Епархиальном доме» // Там же. С. 307.

808 **Игнатий** (**Садковский Сергей Сергеевич**) (1887–1938) – родился в семье священника. Закончил духовное училище (1901), Московскую духовную семинарию (1907), Московскую духовную академию (1911). В конце 1917 поступил насельником в Смоленскую Зосимову пустынь под руководство иеросхимонаха Алексия (Соловьева Ф.А.). Иеромонах (1918). С 1918 духовник московского Данилова монастыря. С 1920 епископ Белевский, викарий Тульской епархии. Арестован в 1923 и приговорен к 3 годам заключения в Соловецкий концлагерь. Впоследствии неоднократно арестовывался. Скончался в заключении в Кулойлаге Архангельской области. Епископ. Постриженик о. Алексия из Зосимовой пустыни. Канонизирован. См.: Игумен *Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Тверь, 2002. Кн. 7. С. 9–36.

809 **Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич** (1866 – после июля 1917) – общественный и политический деятель. Из астраханских купцов, владелец музыкального магазина в Астрахани. Председатель астраханского отдела Союза русского народа. Затем организатор и председатель Астраханской народной монархической партии. Был ее руководителем до запрещения партии после февраля 1917. Учредитель и редактор-издатель газеты «Русская правда», издававшейся с 26 октября 1906 до 2 июня 1911 (ряд номеров за противоправительственные критические статьи был конфискован). Активно публиковался в печати. Участвовал в разработке ряда программных документов движения. Перед выборами в I и II Государственную думу обращался к избирателям с разъяснениями о необходимости обязательного участия народа в выборах в Государственную думу. Предлагал изменить избирательную систему, чтобы в нее попадали представители разных слоев и классов населения и ликвидировать имущественный ценз при выборах гласных в городскую думу. Во время выборов в IV Государственную думу призвал бойкотировать выборы. В 1915–1917 многократно направлял телеграммы министрам, требуя «обуздать» Государственную думу и Прогрессивный блок. В марте–мае 1916 направил несколько аналогичных посланий Николаю II. 10 марта 1917 без предъявления обвинения арестован по распоряжению Астраханского губернского

исполнительного комитета. В прошениях об освобождении писал, что все общественные силы должны объединиться и сосредоточиться во имя общей победы над Германией, и поэтому нет основания «опасаться пропаганды контрреволюции с моей стороны». В июне 1917 решением Саратовской судебной палаты был освобожден из-под ареста. Выехал для лечения на Кавказские Минеральные Воды. Дальнейшая судьба неизвестна. Подробнее см.: *Михайлова Е.М.* Тиханович-Савицкий Н.Н. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 512–515.

[810] **Сопоцько (Сырокомля) Михаил Аркадьевич** (1869–1938) – доктор медицины, публицист, издатель. Учился в Московском университете. За участие в студенческом движении в 1894 арестован и посажен в Тульскую тюрьму. Писал письма Л.Н. Толстому, встречался с ним. Впоследствии перешел на консервативно-монархические позиции, стал миссионером и яростным критиком толстовства. В 1907–1911 редактор-издатель ряда журналов. В 1917 эмигрировал. Жил в Белграде.

[811] **Полторацкий Константин Константинович** – московский мещанин, организатор монархического общества «Добровольная народная охрана». Один из инициаторов создания Союза русского народа. Участвовал в предварительном совещании 22 октября 1905, проходившем на квартире И.И. Баранова в Петербурге, на котором было принято решение об организации союза, готового встать на защиту православия, неограниченного самодержавия и народности.

[812] То есть О.А. Новикову.

[813] «В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них», см.: Откровение святого Иоанна Богослова. Гл. 9, ст. 6.

[814] **Бейнинген Федор Кондратьевич** – полковник, автор работ: «Wachet!» «Ich komme bald!»: Geschichte der Menschheit in Verbindung mit der chronologischen Weissagung: [Lfg. 1–2] / Th. van Beuningen. St. Petersburg, 1905. «Бодрствуйте! “Се гряду скоро”»; Второе пришествие Спасителя в 1932–33 году (Пророчество и история). Вып. 1–2. СПб., 1906.

[815] «Полковник Бейнинген посредством расшифровки “пророческой азбуки” определил кончину мира в 1932 году», см.: *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории / вступ. ст. М.Б. Смолина. М., 1998. С. 538.

[816] Речь идет о Ф.А. Головине.

[817] То есть Ф.А. Головин.

[818] Имеется в виду государственный переворот 3 июня 1907 («третьеиюньский переворот»).

[819] Государственный переворот (*франц.*).

[820] То есть «О недостатках конституции 1906 г.».

[821] Имеется в виду одежда.

[822] **Акимов Михаил Григорьевич** (1847–1914) – государственный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1894 по 1899 председатель Одесской судебной палаты, с 1899 сенатор уголовного кассационного департамента Сената, с 16 декабря 1905 по 24 апреля 1906 министр юстиции, с апреля 1906 член Государственного совета, с 6 апреля 1907 по 1914 его председатель. Подробнее см.: *Пятнов А.П.* Акимов М.Г. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 16–17.

[823] **Феофилакт** (**Клеменьев Федор Клементьевич**) (1870–1923) – архимандрит, с ноября 1903 – настоятель Ставропигального Заиконоспасского монастыря в Москве. С 1907 – настоятель Жировицкого Свято-Успенского монастыря Гродненской епархии. До 1922 – епископ Русской православной церкви, епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии. Деятель обновленчества; был назначен епископом Ростовским и Таганрогским. От обновленчества не отошел. После кончины погребен в Ростовском кафедральном соборе с алтарной стороны в специальном склепе.

[824] **Феодор** (**Поздеевский Александр Васильевич**) (1876–1937) – окончил Костромскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию. В 1900 пострижен в монахи. В 1901–1902 преподаватель Калужской духовной семинарии. Магистр богословия (1902). Ректор Тамбовской (1904) и Московской (1906) духовных семинарий. Епископ Волоколамский (с 1909), викарий Московской епархии (1909). С 19 августа 1909 до 1 мая 1917 ректор Московской духовной академии. По словам А.Ф. Лосева, о. Феодор вспоминал: «1905–1911 годы вообще наказание Божие. Когда я стал ректором академии и познакомился с тем, как ведется преподавание, со мной дурно было. Такой невероятный протестантский идеализм... Тареев, например, пишет “Самосознание Христа”. Самосознание! А личность Его была? Ничего об этом не говорит», цит. по: Митрополит *Вениамин* (*Федченков*). Записки архиерея. С. 910 [коммент.]. С мая 1917 настоятель Московского Даниловского монастыря. С 1920 неоднократно арестовывался. Архиепископ (1923). В 1923 назначен управляющим Петроградской епархии с возведением в сан архиепископа, но от назначения отказался. Был во главе оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). Арестовывался. В 1925–1927 в ссылке в Казахстане; в 1929–1932 в заключении в Свирлаге. С 1933 в ссылке; в июле 1937 арестован. Расстрелян в Ивановской тюрьме.

[825] **Алексий I** (**Симанский Сергей Владимирович**) (1877–1970) – патриарх Московский и всея Руси. 18 сентября 1906 возведен в сан архимандрита. Одновременно назначен ректором в Тульскую духовную семинарию. Последующие 5 лет служил под началом тульских епископов. Стал председателем местного отдела Союза русского народа и в данном качестве вместе с епископом Парфением (Левицким) в августе 1909 встречал Николая II

во время его остановки в Туле. Подробнее см.: *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России: XX век. М., 1994.

826 **Исидор** (**Иоанн Андреевич Козин** или **Грузинский**) (1833–1908) – иеромонах, старец Гефсиманского скита. Поступил в Гефсиманский скит (1852). Был келейником у архимандрита Антония (Медведева). Перешел в пустынь Святого Духа Параклита, где рукоположен во иеродиакона (1863) и иеромонаха (1865). Год прожил на Старом Афоне, затем вернулся в Россию и вновь поселился в Параклите. Духовный отец Варнавы Гефсиманского. С 1906 братский духовник Гефсиманского скита.

827 Святитель **Тихон**, епископ Воронежский и Задонский чудотворец (**Тимофей Савельевич Соколов**) (1724–1783) – проповедник, автор многих духовных сочинений. На покое (1767) поселился сначала в Толшевском монастыре, а потом в Задонском, где и скончался. Предсказал многие события царствования Александра I. 13 августа 1861 причислен к лику святых.

828 **Гомилетика** – церковно-богословская наука, излагающая правила церковного красноречия или проповедничества. Тесно связана с пастырским служением.

829 В период нахождения Тихомирова с семьей в эмиграции его сын тяжело заболел. 29 апреля 1886 Тихомиров записывает в дневник: «Вот уже две недели как возимся с Сашей. Болен, по-видимому, менингит. Мушки, компрессы, бессонные ночи, крики, раздирающие душу. Я дошел до последней степени измученности. Я было совсем отчаялся и был уже уверен, что мой бедняжка помрет... Мочи нет. Всю душу вымотало», см.: Воспоминания Льва Тихомирова. С. 191–192. Тихомировы в связи с болезнью ребенка влезли в большие долги, приходилось тратиться на покупку дорогих лекарств, приглашать врачей, которые особых надежд не питали. Тихомиров обратился с молитвами к Богу. Чудесное выздоровление сына еще сильнее обострило у Тихомирова религиозные чувства.

830 **Кнолль Иосиф Грацианович** (? – после 1917) – коллежский советник. С 20 сентября 1890 на службе в Министерстве внутренних дел. Управляющий канцелярией саратовского губернатора П.А. Столыпина. Член губернского Статистического комитета. С 2 декабря 1905 до 10 февраля 1907 бессарабский губернатор, действительный статский советник (с 1907). В звании камергера, действительный статский советник (1907). С 1 июля 1908 до 1911 – директор канцелярии министра внутренних дел П.А. Столыпина.

831 В восточной части Елагина острова (Петербург) был возведен дворец, известный как Елагин или Елагинский. До 1917 остров находился во владении императорского дома и являлся одной из царских резиденций. А.П. Столыпин (сын П.А. Столыпина) вспоминал: «После взрыва на Аптекарском острове государь предложил нам жить летом на Елагине. Мы

пользовались этим царским гостеприимством весной и осенью... Из царских резиденций Елагин был самый небольшой», см.: П.А. Столыпин глазами современников. С. 14–15.

832 «Его здоровье было серьезно надорвано еще задолго до последнего заболевания. Много лет он уже страдал резко выраженной формой диабета (сахарной болезни) и хроническим воспалением почек... Ко всему этому, недели за три до последнего тяжкого заболевания, у него появились грозные признаки карбункула на почве того же диабета. Первое время Владимир Андреевич лечился "своими средствами" и только, когда уже опасность была налицо, ему был сделан широкий разрез карбункула... Повторные нарывы от карбункула не заставили Владимира Андреевича серьезнее взглянуть на свое здоровье. "Больной, он собрался ехать 20-го сентября на патриотическое чтение в Рязань... Поехал и, вернувшись, слег в постель. чтобы уже не вставать...". После такой предсмертной поездки болезнь началась в ночь на 21-е сентября со страшного озноба; к этому присоединилась сильная тяжесть в голове, общая слабость и колющая боль в боку. Приглашенный на другой день доктор констатировал сухой плеврит... 22 сентября резко обнаружилось воспаление легких... 26 сентября явилась надежда на скорое выздоровление... Как вдруг с того же вечера совершенно неожиданно наступило резкое ухудшение... Ночь с 27-го на 28-е сентября очень тяжелая. Наконец, настал последний день, 28-е сентября», см.: Владимир Андреевич Грингмут. Очерк его жизни и деятельности. С. 116–118.

833 О событиях 29 августа 1907, связанных с яхтой «Штандарт», см.: Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. Т. II. 1905–1918. Ч. 1. 1905–1913. С. 230–231; «В 1907 году яхта в шхерах наскочила на подводную скалу-пик. От сильного удара в правом борту образовалась пробоина. Это случилось днем, в 16 часов, перед дневным чаем. От двух сильных толчков в зале-столовой чайный сервиз полетел на пол. В котельном отделении появилась вода. Один из котлов и задняя дымовая труба приподнялись на 30,5 см вверх... Когда Николай II без стука в дверь вошел в кабинет флаг-капитана Нилова и увидел, что он, рассматривая морскую карту района, держал в руке револьвер, готовый, очевидно, покончить с собой, то поспешил отобрать у него оружие и успокоить адмирала. Затем его предупредил: за такой случай со "Штандартом" флаг-капитан может предстать перед судом. Но ни лоцман, ни Нилов не были виноваты в инциденте. Как выяснилось, на морской карте не был отмечен злополучный подводный пик. Их величеств и свиту взяло на борт вызванное по радио посыльное судно "Азия", потом – яхта "Александрия". А "Штандарт" был отбуксирован в Кронштадт, введен в Константиновский док, часть офицеров была списана в Гвардейский экипаж. Корабельные мастера Балтийского судостроительного завода под руководством инженера А.И. Моисеева устранили повреждения яхты», см.: *Нечаев Г.А.* Судьба императорской яхты «Штандарт». М., 2000. С. 38–39.

[834] В публикации 2006 г. часть предложения расшифрована ошибочно: «от иных сумм министерства» и пропущен вопросительный знак. См.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 371.

[835] О полемике Тихомирова с Вл.С. Соловьевым см.: *Оболенский Л.Е.* Умственные шатания: по поводу полемики между Вл. Соловьевым и Львом Тихомировым // Книжки недели. 1893. № 9. С. 197–207; *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. С. 262–266. Характерно, что в дневниковых записях Тихомиров часто признавал правоту оппонента. См., например: ГА РФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 13.

[836] **Нарышкин Александр Алексеевич** (1839–1916) – государственный деятель. Тайный советник (1898), действительный тайный советник (1915). Подольский губернатор (1892), товарищ министра земледелия и государственных имуществ (1894), сенатор (1898), член Государственного Совета по выборам (1906–1916), товарищ председателя Постоянного совета Объединенного дворянства (1906).

[837] **Мемория** – памятная записка.

[838] В публикации 2006 г. часть предложения расшифрована ошибочно: «Вполне принимаю Ваши сомнения...» См.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 372.

[839] В публикации 2006 г. ошибочно расшифровано как «страшный шум». См.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 372.

[840] Речь идет о В.А. Грингмуте.

[841] В публикации 2006 г. ошибочно расшифровано как «предложил». См.: П.А. Столыпин. Грани таланта политика. С. 372.

[842] Книга Пророка Исаии. Гл. 49, ст. 8. «Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе...».

[843] Второе послание к Коринфянам. Гл. 6, ст. 2. «Ибо сказано: “во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе”. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения».

[844] «Жребий брошен» (*лат.*) – о бесповоротном решении, шаге не допускающем отступления, и возврата к прошлому.

[845] Крылатое латинское выражение.

[846] **Николай I** (1796–1855) – император всероссийский (1825–1855).

[847] Профсоюзы, созданные в конце 1860-х в Германии Гиршем и Дункером.

[848] «Желтые» французские профсоюзные организации получили свое название из-за истории в одном французском городке, где предприниматель создал свой профсоюз в пику независимому. Недовольные рабочие выбили окна в помещении созданного профсоюза, после чего пострадавшие

заклеили окна желтой бумагой. В России попытки создания «желтых», т. е. подконтрольных профсоюзов, были тесно связаны с зубатовским движением.

[849] **Кисловский Л.Л.** (1860–?) – московский монархист.

[850] **Зосимова пустынь** (Смоленская) – мужской монастырь в 25 км от Троице-Сергиевой лавры. Основана в XVII в., восстановлена после временного запустения в середине XIX в. Духовного руководства Зосимовских старцев искали в т. ч. и члены Кружка ищущих христианского просвещения: о. Павел Флоренский, С.Н. Булгаков, М.А. Новоселов и др. См.: *Митрополит Серафим (Чичагов)* Да будет воля Твоя. М.; СПб., 1993. Ч. II; Свято-Смоленско-Зосимова пустынь. История и возрождение. М., 1994.

[851] **Камуфлет** (*устар., шутлив.*) – неожиданная неприятность, неудача.

[852] Речь идет о Петропавловской крепости, где сидел Тихомиров. Подробнее см.: *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. С. 64–67. Впоследствии его перевели в Дом предварительного заключения. Подробнее см.: Там же. С. 67–73.

[853] **Матасов П.Я.** – зять В.А. Грингмута, начальник газетной конторы «Московских ведомостей».

[854] То есть сумбурный, нервный человек.

[855] В.А. Грингмута отпевали митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) соборно с 3 епископами, 4 архимандритами, протопресвитером Успенского собора Кремля, 33 протоиереями и священниками.

[856] «Видех бо во гробе лежаща брата моего безславна и безобразна? Что убо чаю, и на что надеюся? Токмо даждь ми, Господи, прежде конца покаяние» // Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу. Песнь 8.

[857] Вероятно, **Гольденвейзер Борис Соломонович** (1839–1916) – известный юрист.

[858] **Кассо Лев Аристидович** (1865–1914) – ученый-юрист, тайный советник. С 1898 заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Московского университета. С сентября 1910 управляющий Министерством народного просвещения, в 1911–1914 министр народного просвещения. Подробнее см.: [Автор не указан] Кассо Л.А. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 310–311.

[859] **Лития** – религиозный обряд, краткая молитва об упокоении души умершего, совершаемая при выносе его из дома.

[860] То есть с Елагина острова.

[861] **Герье Владимир Иванович** (1837–1919) – историк, заслуженный профессор Московского университета, член-корреспондент Петербургской АН (1902), член Государственного совета (1907), гласный Московской Городской думы (с 1876). В 1904 подвергся обструкции студентов в Московском университете, после чего фактически прекратил преподавание в университете. Рассматривал монархию как источник единства России. С этой точки зрения Дума должна была лишь органически вписаться в российскую действительность. В 1912 отходит от политической деятельности. Октябрьскую революцию оценивал как трагический, но закономерный результат нежелания русского общества учиться истории. Подробнее см.: *Цыганков Д.А.* Герье В.И. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 106–107.

[862] То есть вдове В.А. Грингмута.

[863] В.А. Грингмут был похоронен на кладбище московского Скорбященского монастыря. 25 апреля 1910 на его могиле был освящен крест-памятник, созданный по проекту В.М. Васнецова (после Октябьской революции 1917 могила и крест были уничтожены).

[864] И.И. Фудель был настоятелем храма свт. Николая в Плотниках.

[865] **Назаревский Владимир Владимирович** – председатель Московского цензурного комитета, историк, с 1915 до закрытия газеты – редактор «Московских ведомостей» (сменил на этом посту своего брата Б.В. Назаревского).

[866] **Тихомиров Александр Андреевич** (1850–1917) – доктор зоологии, ректор Московского университета, известный антидарвинист. Учился в смоленской губернской гимназии. В 1868 поступил на юридический факультет Московского университета, после перешел в Петербургский университет, где по окончании курса получил степень кандидата прав. Затем снова поступил в Московский университет на физико-математический факультет, где кончил курс. Будучи студентом, был командирован обществом любителей естествознания за границу. Изучал в Лейпцигском университете зоологию и сравнительную анатомию; занимался практически в лаборатории профессора Лейкарта. По окончании курса, в 1876, был командирован за границу для изучения западноевропейских зоологических садов. В 1877 был определен сверхштатным ассистентом при зоологическом музее. В 1881 читал курс сравнительной анатомии в Земледельческой лесной академии. В 1887 командирован на Кавказ для изучения состояния шелководства. Защитил диссертацию на степень магистра зоологии в Петербургском университете (1883). В 1884 был командирован на два года за границу с научной целью. По возвращении назначен приват-доцентом зоологии в Московском университете. Защитил диссертацию на степень доктора зоологии в Петербургском университете (1887). В 1888 назначен экстраординарным профессором в Московский университет; в 1899–1904 занимал должность ректора. В связи с ростом студенческого движения в мае 1904 подписал приказ об отмене празднования 150-летия университета. В августе 1904 перешел на должность директора

департамента Министерства народного просвещения и оставил Московский университет. В 1911–1917 попечитель Московского учебного округа. Подробнее см.: *Гутнов Д.А.* Тихомиров А.А. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 716–717.

[867] Речь идет о разрыве Тихомирова с его революционном прошлым.

[868] В имени кролика есть определенная ирония, учитывая революционное прошлое Тихомирова. **Робеспьер Максимильен** (1758–1794) – деятель французской революции конца XVIII в., один из лидеров якобинцев.

[869] Какое повышение! (*франц.*). В смысле повышение статуса.

[870] **Сементовский-Курилло Митрофан Константинович** (1857 – не ранее 1917) – подполковник в отставке, петербургский домовладелец, в том числе владелец «Северной гостиницы» на Невском проспекте и ресторана «Донон».

[871] **Крупенский Павел Николаевич** (1863–1939) – депутат II–IV Государственной думы, один из организаторов Всероссийского национального клуба, член Главного совета Всероссийского национального союза (1910–1911). Один из организаторов Прогрессивного блока (1915). В 1917 разоблачен как осведомитель правительства. Подробнее см.: *Иванов А.А.* Крупенский П.Н. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 258–259.

[872] **Торопов Андрей Дмитриевич** (1851–1927) – библиограф, книговед. Создатель первой в Москве общедоступной детской библиотеки (1876). В 1905–1906 редактор газет «Кубань», «Кубанская жизнь». В 1907–1920 редактировал журнал «Книжная летопись» – роспись издаваемой в России книжной продукции. В 1910–1915 выпускал также ежегодники «Статистика произведений печати, вышедших в России». В 1920–1925 заведовал Музеем книги при Научно-исследовательском институте книговедения в Петрограде.

[873] **Марголин Михаил Александрович** (правильно – **Морголи**) – секретарь И.Г. Кнолля.

[874] **Крыжановский Сергей Ефимович** (1862–1935) – государственный деятель, юрист. Сенатор (1906), товарищ министра внутренних дел (1906–1911), тайный советник (1907). Ближайший помощник П.А. Столыпина. Государственный секретарь (1911–1917), член Государственного совета (1917). С 1918 – в эмиграции; в Париже редактировал сборник «Русская летопись» (1921–1925). Подробнее см.: Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / подготовка текста, вступ. ст. и коммент. А.В. Лихоманова, СПб., 2009.

[875] **Башмаков Александр Александрович** (1858–1943) – правовед, этнограф, антрополог, общественный деятель, издатель и публицист кон-

сервативного направления. Подробнее см.: *Иванов А.А., Репников А.В.* Башмаков А.А. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 49–52.

876 **Лаппо Михаил Романович** – цензор Центрального комитета цензуры иностранной.

877 **Лихачев Николай Петрович** (1862–1936) – историк, архивист, искусствовед, библиограф, коллекционер. В 1902–1914 помощник директора Императорской Публичной библиотеки в Петербурге. Подробнее см.: *Кононов А.А.* Лихачев Н.П. // Санкт-Петербург: энциклопедия. СПб.; М., 2004. С. 470.

878 **Садовский Алексей Алексеевич** (1863–1910) – государственный деятель. С 1890 – и. д. помощника секретаря Московского цензурного комитета. Утвержден в должности в 1893. С 1899 помощник секретаря Петербургского цензурного комитета. С 1900 чиновник особых поручений при Главном управлении по делам печати. С 1906 правитель дел канцелярии Главного управления по делам печати.

879 Имеется в виду день выдачи чиновникам жалования. М.О. Меньшиков, С.Ф. Шарапов, К.Н. Пасхалов и другие публицисты, критикуя бюрократию, часто писали про «людей 20-го числа». См., например: *Шарапов С.Ф.* Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М., 2010. С. 455–456.

880 Из славянского эпоса: «Говорит Илья таково слово: / "Неладно у Апостолов удумано: / Написано было у Святых Отцов, / Удумано было у Апостолов..."» // *Алферов А., Грузинский А.* Допетровская литература и народная поэзия. М., 1914. С. 222.

881 **Будилович Антон Семенович** (1846–1908) – профессор, филолог-славист, публицист. В 1864 окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1869 приват-доцент Петербургской духовной академии. С 1881 профессор Варшавского университета. С 1901 член Совета министра народного просвещения. С 1907 редактор «Московских ведомостей».

882 Тоска по родине (*лат.*).

883 На бедного Макара все шишки валятся (*пословица*).

884 **Бисмарк Отто фон Шенхаузен** (1815–1898) – князь, первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890. Осуществил объединение Германии по «прусскому сценарию» («железом и кровью»). Одновременно ввел исключительный закон против социалистов и вместе с тем провозгласил некоторые социальные реформы. Один из главных организаторов Тройственного союза 1882, направленного против Франции и России.

[885] **Щегловитов Иван Григорьевич** (1861–1918) – государственный деятель, черниговский помещик. Окончил Училище правоведения (1881), юрист (профессор). Служил в Министерстве юстиции. С 1903 читал лекции в Училище правоведения по теории и практике уголовного судопроизводства. С января 1906 – товарищ министра юстиции. С апреля 1906 по июнь 1915 – министр юстиции. С января 1907 член Государственного совета. Постепенно перешел от умеренно-либеральных взглядов к правомонархическим. Покровительствовал деятельности Союза русского народа. Был освобожден от должности министра юстиции под влиянием крайне негативного мнения общественности. С ноября 1915 по ноябрь 1916 – председатель Совета монархических объединений. Председатель Государственного совета. После Февральской революции арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После Октябрьской революции расстрелян ВЧК.

[886] Речь идет о Славянском благотворительном обществе, возникшем на основе отделения Славянского комитета, учрежденного в 1858 в Москве по инициативе М.П. Погодина. Подробнее см.: *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. С. 716 [коммент.].

[887] **Гермоген Жировицкий (Долганов Георгий Ефремович)** (1858–1918) – епископ Тобольский и Сибирский, духовный писатель. Окончил юридический факультет Новороссийского университета, прошел курс математического факультета. В 1889 поступил в Петербургскую духовную академию. В 1890 пострижен в мантию, затем рукоположен во иеродиакона; в 1892 – во иеромонаха. В 1893 окончил академию со степенью кандидата богословия и был назначен инспектором, а в 1898 – ректором Тифлисской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита. В 1901 – епископ Вольский, викарий Саратовской епархии; в 1903 – епископ Саратовский. Способствовал приближению Г.Е. Распутина к царскому двору, но затем открыто выступил против него, за что был лишен кафедры. В 1912 уволен от управления Саратовской епархией с назначением пребывания в Жировицком Успенском монастыре Гродненской епархии. С августа 1915 назначено пребывание в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии. С марта 1917 – епископ Тобольский и Сибирский. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918. Был арестован в 1918 и утоплен большевиками в реке Тоболе при приближении белых к Тобольску. Канонизирован Юбилейным Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000. Подробнее см.: *Михайлова Е.М.* Гермоген (Долганов Г.Е.) // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 110–111; *Мраморнов А.И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов, 2006; Игумен *Дамаскин (Орловский)* Епископ Гермоген (Долганов). М., 2010.

[888] **Серафим (Чичагов Леонид Михайлович)** (1856–1937) – митрополит, богослов, писатель, историк. В 1898 принял монашеский постриг. Архимандрит. Один из инициаторов канонизации Серафима Саровского. С 1907 член Святейшего Синода. С 1908 епископ Кишеневский и Хотинский. С 1914 архиепископ Тверской и Кашинский. Осенью 1917 удален на покой. Член Священного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918. Митрополит (1918). Был арестован (1921). Сослан в Архангельскую область (1922–1923). Арестован (1924). В 1928–1933 митрополит Ленинградский. С 1933 жил в Подмосковье. Арестован осенью 1937 и расстрелян. В 1997 причислен к лику святых.

[889] В 1907 по инициативе Гермогена прошло преобразование Саратовского отдела Союза русского народа. Гермоген выступил организатором на его основе Православного всероссийского братского союза русского народа (ПВБСРН). Устав ПВБСРН был утвержден 8 июля 1907. Было заявлено, что членами новой организации могут быть лица, «ведущие жизнь согласно с учением Православной церкви». См.: *Михайлова Е.М., Степанов А.Д.* Гермоген (Долганов Г.Е.) // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 139–142.

[890] «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии» // Псалтырь. Псалом 126.

[891] **Шванебах Петр Христианович (Петер Антон Густав)** (1848–1908) – действительный статский советник (1882), в должности гофмейстера Двора Великой княгини Екатерины Михайловны (1888), тайный советник (1896). Экономист. Товарищ министра земледелия (1903–1905), член Комитета финансов (1904), исполняющий должность главноуправляющего землеустройством и земледелием (31 мая 1905 – 26 октября 1905), государственный контролер (24 апреля 1906 – 13 июня 1907).

[892] См.: *Тихомиров Л.А.* О недостатках конституции 1906 г. М., 1907.

[893] См.: *Тихомиров Л.А.* Самодержавие и народное представительство. М., 1907. Републикация: *Тихомиров Л.А.* Апология Веры и Монархии. С. 135–142. См. полемику: *Пасхалов К.Н.* По поводу статьи Л.А. Тихомирова «Самодержавие и народное представительство» // Он же. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Т. II. 1906 –1909. М., 1909. С. 158–173.

[894] **Львов Николай Николаевич** (1867–1944) – политический и земский деятель. Член I, III, IV Государственной думы (фракция прогрессистов).

[895] **Маклаков Василий Алексеевич** (1869–1957) – адвокат, политический деятель. Из потомственных дворян. Учился на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, за неблагонадежность был исключен (1890). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1894), экстерном окончил юридический факультет (1896). В 1897 вступил в московскую адвокатуру. Участник крупных процессов (в том числе и «дела Бейлиса»). Член ЦК кадетской партии с 1906. Депутат II–IV Государственных дум. С 1914 ак-

тивно работал во Всероссийском земском союзе. Во время Февральской революции назначен комиссаром в Министерство юстиции. Возглавлял юридическое совещание при Временном правительстве в качестве его председателя. Участник Совещания общественных деятелей в августе 1917 в Москве. Избран членом постоянного Совета общественных деятелей. Посол Российской Республики в Париже. В ноябре по приказу Л.Д. Троцкого был лишен звания посла во Франции. В период немецкой оккупации провел пять месяцев в тюрьме. В феврале 1945 вместе с группой русских эмигрантов посетил посольство СССР в Париже, передав поздравления советскому правительству, в чем позднее раскаивался. До конца жизни оставался защитником русской эмиграции во Франции, используя обширные связи в правящих кругах. Подробнее см.: [Автор не указан] Маклаков В.А. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 413–414.

896 **Плевако Федор Никифорович** (1842–1908) – юрист, московский присяжный поверенный, выдающийся оратор, член III Государственной думы, октябрист.

897 **Долина** (урожденная **Саюшкина**, по мужу **Горленко**) **Мария Ивановна** (1868, по другим данным, 1869 – 1919) – известная певица. Была почетным членом монархического Союза русских женщин. Подробнее см.: *Уварова Е.Д.* Долина М.И. // Эстрада России. XX век. Лексикон. М., 2000. С. 174–175.

898 **Кауфман, Кауфман-Туркестанский** (1914) **Петр Михайлович** (1857–1926) – государственный деятель, обер-гофмейстер (1914). С 1886 помощник статс-секретаря. С 1892 управляющий делами собственной Ее Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, в 1896–1903 товарищ главноуправляющего ведомством учреждений императрицы Марии, одновременно член Главного управления Российского общества Красного Креста. С 1898 сенатор, с 1903 – присутствовал в 1-м департаменте Сената. С 1906 член Государственного совета. Министр народного просвещения (24 апреля 1906 – 1 января 1908). После 1908 работал в Государственном совете.

899 Хорошо информирован (*франц.*).

900 «Будущее русской церкви» (*франц.*).

901 Между небом и землей (*франц.*).

902 Намек на басню И.А. Крылова.

903 Но бежит между тем, бежит безвозвратное время (*лат.*)

904 Прежнее положение; положение, которое было прежде (*лат.*)

905 **«Старая Москва»** – монархическая газета. Издавалась в Москве с 1908; всего вышло 142 номера.

906 **Шварц Александр Николаевич** (1848–1915) – государственный деятель, педагог. Окончил Московский университет и преподавал в нем в 1875–

1900 древние языки. Попечитель Рижского (1900–1902), Варшавского (1902–1905) и Московского (1905) учебных округов. В 1908–1910 – министр народного просвещения. Сторонник «классического» школьного образования. С 1910 член Государственного совета. Подробнее см.: *Любжин А.И.* Шварц А.Н. // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. С. 832–834; *Шварц А.Н.* Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.

907 **Герасимов Осип Петрович** (1863, по другим данным, 1867 – 1920) – личный секретарь предводителя московского дворянства князя П.Н. Трубецкого. Действительный статский советник (1905). В ноябре 1905 назначен С.Ю. Витте товарищем министра народного просвещения (оставался на этом посту до 1908).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

ДНЕВНИК Л. А. ТИХОМИРОВА

1905–1907 гг.

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *Е. А. Кочанова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Верстка *М. М. Ветрова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.98. Подписано в печать 25.08.2015.
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 37,5.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499)709-72-95 (отдел реализации)